АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

Аслан Авидзба

Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.)

Книга I

Сухум
2013

ББК 63, 3(5Абх)64
А 20

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Редактор – **А. Э. Куправа, доктор исторических наук, академик АНА**
Рецензент – **В. М. Пачулия, кандидат исторических наук, полковник**

А. Ф. АВИДЗБА. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.) Книга I.
Сухум, 2013. –640 с.

Работа посвящена вопросам военно-политической истории Отечественной войны (1992–1993 гг.). В первых двух разделах книги рассматриваются события, предшествовавшие началу войны в Абхазии. В ней предпринимается попытка периодизации истории войны. События 1992–1993 гг. в Абхазии рассматриваются в контексте региональных и глобальных геополитических процессов, которые, безусловно, не могли не оказывать влияния на те или иные процессы, происходившие в ходе войны. Особо подчеркивается роль и значение Конфедерации горских народов Кавказа и всего добровольческого движения в поддержку Абхазии в деле отражения грузинской агрессии. В работе также рассматривается динамика и трансформация позиций России и ведущих акторов международного сообщества в ходе Отечественной войны Абхазии.

Наряду с этим глобальные вызовы современности, которые выдвигают перед Абхазией все новые и новые трудноразрешимые задачи, заставляют устанавливать и изучать причины и следствия военно-политических действий, приведших к абхазо-грузинской войне. Значение этого возрастает в связи с тем, что те причины глобального характера, которые нередко становились движущими силами и генераторами тех или иных заявлений или действий, приведшие к войне, до сих пор занимают определяющее место в региональном и геополитическом раскладе сил и оказывают существенное воздействие на современное положение дел в Абхазии. Поэтому изучение причин и следствий войны, их систематизация и анализ становятся необходимым условием для формулирования задач на перспективу, определения магистрального пути отстаивания права на независимость и дальнейшее развитие Республики Абхазия.

Книга рассчитана на историков, политологов, специалистов различных областей, занимающихся изучением проблем регионоведения и глобализма, а также преподавателей истории, студентов, школьников и всех тех, кто интересуется новейшей историей Абхазии.

© А. Ф. Авидзба, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Войны – это относительно новое явление в истории человечества. Люди существуют на Земле по крайне мере 300 тыс. лет, и на протяжении последних 200 тыс. лет они используют орудие для охоты. Между тем, войнами, по-видимому, отмечены лишь последние 9 тыс. лет»[1]. Но и этого времени достаточно, чтобы констатировать: войны происходили всегда. Война стара как мир. Об этом свидетельствует роль и место ее покровителей и героизированных персонажей в древней мифологии племен и народов, которая рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. Великий русский и советский философ А. Лосев, размышляя о взаимоотношении мифологии и истории, писал: «Миф не есть догмат, но – история. Энергийное, смысловое или феноменальное проявление и становление бытия личностного в мифе есть становление историческое. Короче: миф есть личностное бытие, данное исторически»[2].

Первоначально человек очеловечивал какие-то жизненные аспекты, элементы окружающего мира, с которыми он сталкивался в ходе своей повседневной жизнедеятельности. Так была персонифицирована и война. На стадии перехода от доклассового общественного строя к классовому возникают племенные боги. Чаще всего это были боги-воители. Такие боги известны, прежде всего, у воинствующих племен. Постепенно, когда вокруг самого сильного племени-завоевателя скла-

[1] Брок-Утне Б. Роль образования в формировании морально-этических норм, связанных с войной и окружающей средой // Морально-этические нормы, война, окружающая среда. М., 1989. С. 137.

[2] Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 129.

дывается союз племен, в дальнейшем перерастающий в государство, племенной бог становится верховным богом, вбирая в себя черты племенных богов покорённых племен. Таким образом, зачастую верховный бог несёт в себе черты бога-воителя, совмещая функции бога войны. По мере разрастания политеистического пантеона боги приобретают более узкую сферу покровительства. Так возникают специализированные боги войны. Нередко культы богов войны у различных народов сливаются или идентифицируются. Иногда боги войны имели женскую ипостась[1]. В частности, богами или покровителями войны, победы и воинов в мифологии различных народов древности являлись: у индейцев центральной Америки – Тескатлипока («дымящееся зеркало»); у ацтеков – Уицилопочтли («колибри левой стороны»), Сиуакоатль; у индийцев – Картикея, Мангала; у западных семитов – Анат; у древних греков – Аре́с (Аре́й), Афи́на, Энио; у ирландцев – Морриган, Бадб («Ворона»), Немаин; у римлян – Белло́на, Квирин, Марс; у армян – Ваагн, Нанэ; у иранцев – Веретрагна (Варахрам, Бахрам); у шумеро-аккадцев – Ашшур (Ассур), Иштар, Нинурта, Эрра; у галльского племени реми – Камул; у египтян – Сет, Нейт; у германо-скандинавов – О́дин (Вотан); у балтийских славян и вендов – Ярови́т (Геровит), Ругевит; в индуизме – Ска́нда, в урартской мифологии – Тейшеба́; у венгров – Хадур (Ходер).

О значимости войны и ее покровителей свидетельствуют и гимны и оды в их честь, сочинявшиеся лучшими поэтами своих времен. Гимническая песнь является одним из древнейших жанров античной поэзии, ее истоки исходят от архаической ритуальной практики. По мнению А. Тахо-Годи, «гимн так же древен, как и молитва и мольба, зов человека, который обращается за помощью к божеству и заранее, желая задобрить своего покровителя, возносит ему благодарственную хвалу, прославляет его мощь и милостивую щедрость»[2]. Ярким примером, подтверждающим сказанное, является гимн великого древнегреческого поэта Гомера в честь богини Афины:

«Славить Палладу Афину, оплот городов, начинаю,
Страшную. Любит она, как и Арес, военное дело,

[1] http://ru.wikipedia.org/wiki

[2] Тахо-Годи А. А. Античная гимнография: жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988. С. 5.

Яростный воинов крик, городов разрушенье и войны.
Ею хранится народ, на сраженье ль идет, из сраженья ль.
Славься, богиня! Пошли благоденствия нам и удачу!»[1].

Древние абхазы не были исключением, и в их мифологии большое место занимает культ войны, воинов, победы, и даже смерть на войне является в понимании древних и отчасти современных абхазов высшим смыслом существования и предназначением человека на Земле. По сообщению абхазского ученого Е. Аджинджал, почитаемым божеством в языческом пантеоне абхазов в прошлом был покровитель войны и военного дела Ареиааи. Появление его было обусловлено, видимо, тем, что, как считает названный автор, населению Абхазии часто приходилось вести кровопролитную борьбу за защиту родных мест и своих сородичей от иноземных захватчиков. В представлении абхазов в прошлом божество Ареиааи, постоянно находясь на месте боя, помогал своим воинам и делал противников кровобоязливыми. Местом восседания божества считались перевалы и высокие холмы (Дзына, Джирхуа и др.), на которых абхазы в виде жертв оставляли стрелы, мечи и другие атрибуты военного снаряжения[2]. Известный абхазский фольклорист С. Зухба, анализируя работу Е. Аджинджал, замечает, что имя Ареиааи похоже на имя бога войны в древнегреческой мифологии Ареса, и допускает возможность созвучия и взаимосвязи между древнеабхазским Ариеааи и древнегреческим Арес[3]. Интересно заметить, что в общих сведениях об абхазской мифологии у абхазского ученого, проживавшего в Турции, О. Бегуаа богом войны у абхазов фигурирует Арыс[4], находящий разительное сходство с наименованием древнегреческого бога войны – Аресом. В абхазской мифологии также божеством, защищающим людей от опасностей, подстерегающих их на войне, на охоте, в пути, является Аергь. Иногда Аергь отождествляется с божествами охоты (Авейпш), грома и молнии (Афы)[5]. О роли и месте войны

[1] Гомеровские гимны. К Афине // Античные гимны. М., 1988. С. 116.

[2] Аджинджал Е. К. О божестве-покровителе войны и военной традиции абхазов в прошлом // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979. Тезисы. Уфа., 1980. С. 149.

[3] Зыхәба С. Л. Аԥсуа мифологиа. Аҟәа, 2012. Ад. 652.

[4] Buyuka B. Omer. Abhaz Mifologisi Anagmi? Istambul., 1971. С. 89.

[5] Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 49.

и ее героях в жизни абхазов в древности также свидетельствует народный эпос. В историческом песенном и прозаическом фольклоре абхазов произведения, отражающие борьбу с иноземными завоевателями, занимают ведущее место. По мнению известного абхазского ученого Ш. Салакая, названное народное творчество можно разделить на два цикла: 1) сказания, повествующие о продолжительных военных действиях и 2) эпические песни и рассказы о внезапных опустошительных набегах соседних племен на Абхазию[1].

О значимости роли войны в становлении и жизни общества свидетельствует и то, что «все основные религии развивались и проявляли себя в вопросах войны, лишь в редких случаях критикуя войну с моральной точки зрения или ставя под вопрос ее цели и методы»[2]. Пожалуй, наиболее известным примером протеста против войны в древности являются «наскальные эдикты» императора Индии Ашока. После великой битвы при Калинге, в которой, как считается, погибло 100.000 воинов, он выдвинул ряд принципов, осуждающих войну. Царь Ашока известен еще и тем, что издал законы, обязывающие прекращение охоты, открытие больниц для животных, подкормку их на дорогах[3].

Н. Баранов отмечает: «Элементы войны вызревают в недрах древности и отчетливо обнаруживают себя на цивилизационной ступени так называемой «военной демократии» периода разложения первобытнообщинного строя… Примерно 6000-летний период истории человечества (народов, перешедших к государственности), как констатирует наука, сопряжен с явлением войны (и все они входят в содержание политики), которых произошло более 14,5 тыс. – больших и малых, в том числе две мировые войны XX в.; в их ходе и по их причине погибло, умерло от голода и эпидемий свыше 3,6 млрд. человек, уничтожены неисчислимые и невосполнимые материальные и духовные ценности многих цивилизаций»[4]. Действительно, в течение веков сформировалась философия насилия, оправдывающая войны и при-

[1] Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос // Избранные труды. Т. 1. Сухум, 2008. С. 141.

[2] Капица С. Долг и ответственность в вопросах войны и мира – проблема культуры мира // Культура Мира и Демократии. М., 1997. С. 81.

[3] Царенко П. П. Душа животных // Материалы Международной конференции «Человек познающий, человек созидающий, человек верующий». СПб., 2009. С. 45.

[4] Баранов Н. П. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 175.

менение оружия. Нетерпимость и враждебность стали постоянными спутниками человеческого существования. При этом «война по определению является не анархической вспышкой насилия, а в известной степени регулируемой нормативной формой деятельности»[1]. Война как социальное явление столь же древнее, как и само общество в современном его понимании. При этом «генезис войны как социального феномена объективно рассматривается во взаимосвязи со становлением государственности народов и появлением политики как специфического вида государственной (общественной) деятельности»[2]. На протяжении всей истории войны сопутствовали формированию племен и государств, созданию и разрушению империй. Сегодня уже трудно себе представить мир без войны. Война и утверждение себя через силу, что, в конце концов, неизбежно приводит к войне, стали неотъемлемой частью современного исторического процесса, более того, в немалой степени его движущей силой. В. Слипченко справедливо отмечает, что «за длительный исторический период происходила эволюция не только общественного строя, но и поколений войн»[3]. Император Вильгельм II не верил в возможность вечного мира. Он говорил: «Мир ничем лучше не может быть обеспечен, как готовой к бою армией» и, обращаясь к своим офицерам, говорил: «Кто хочет на свете чего-нибудь достигнуть, он должен этого добиться не пером, а мечом»[4]. Действительно, история человеческих взаимоотношений – это предыстория или сама история создания предпосылок, подготовки и ведения войн. «Вся человеческая история, – пишет философ истории Э. Поздняков, – впечатляющая картина следующих одна за другой войн»[5]. За всю историю своего существования люди жили в условиях мира всего 292 года. Это означает, что на каждый минувший век не приходится даже одной мирной недели на планете[6]. При этом главной

[1] Бест Дж. Историческая эволюция морально-этических норм, касающихся войны и окружающей среды // Морально-этические нормы, война, окружающая среда. М., 1989. С. 39.

[2] Баранов Н. П. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 175.

[3] Слипченко В. Война будущего (прогностический анализ) // http://www.klex.ru/mt

[4] Заболотный В. Роль войны в истории развития культуры. Белград, 1941 г. // http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/geopolitika/zakon_borbi.htm

[5] Поздняков Э. А. Философия политики. М., 1994. Т. 2. С. 136.

[6] Журн. Духовное наследие», № 5-8, 1994 г. // http://www.rau.su/observer/N5-8_94/5-8_22.htm

мотивацией начала войны можно считать стремление агрессора к захвату чужих ресурсов.

В силу того, что война является неизбежным спутником человеческого бытия, возрастает ценность знаний о ней. Многим хочется верить в то, что чем больше этих знаний, тем больше шансов избавиться от войны. Обычно осмысление войны начинается с того, что человек задумывается о ее причинах. И поскольку история человечества наводнена войнами, у исследователя появляется много примеров, и он начинает рассматривать их в совокупности, выявляя общие черты сходства и различия. Так постепенно обнаруживаются некоторые причины, повторяющиеся неоднократно, становясь тем самым движущими силами для возникновения, казалось бы, совсем разных войн, которые могли происходить далеко друг от друга, и географически и исторически, в том числе в разные эпохи. Причем их участники могли совсем не знать о существовании друг друга, не говоря уже об истории предшествовавших войн, но с завидным упорством повторяли те же шаги, которые приводили в действие адский маховик войны.

Поисками причин войны люди занимаются с древности, общественная мысль стремится раскрыть ее природу. Первые шаги в этом направлении были предприняты древнекитайским полководцем и мыслителем Сунь-цзы (6-5 вв. до. н.э.)[1], древнеиндийским брахманам Чанакья (4 в. до н. э.), древнегреческим историком Фукидидом (5-4 вв. до н. э.), а также философами Демокритом, Платоном, Аристотелем[2]. Более двух тысяч лет человечество существовало на идее Гераклита о том, что война – творец, начало всех вещей, а Аристотель считал войну нормальным средством для приобретения собственности[3]. Кстати, именно названый древнегреческий философ ввел в оборот понятие «справедливая война», которое он употреблял по отношению к войнам греков с их врагами. При этом ставя на первое место войну оборонительную, направленную на защиту граждан полиса, Аристотель определял «справедливость» захватнических войн исходя из достоинства народов, против которых они велись[4].

---

[1] Сунь-цзы. Искусство войны. М., 2011.

[2] Баранов Н. П. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 175-176.

[3] Слипченко В. Война будущего (прогностический анализ) // http://www.klex.ru/mt

[4] Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 19.

Однако как самостоятельная научная дисциплина проблема войны активно изучается только с середины XX в. отраслью современной политологии – военной политологией (фигурирующей в западной науке под названием «полемология» (наука о войне)[1]. Ни в одном столетии, вероятно, не было столько войн, сколько их произошло в XX в. – и по количеству, и по масштабности, и по жестокости. Крупнейшими войнами XX в. стали Первая и Вторая мировые войны. В современных условиях продолжаются т. н. локальные войны, связанные с религиозными, территориальными и национальными спорами, племенной рознью и т. д.[2]. Более того, в XX в. наблюдается рост «милитаризированности» и «воинственности» в массовой психологии[3].

В то же время ни в одном столетии не было написано столько книг и статей, не было сказано столько слов, осуждающих войну, призывающих покончить с ней и показывающих преимущества мира перед войной, сколько их было произнесено в том же XX веке. По мнению Е. Сенявской, этому способствовала эволюция самой войны: «расширение её масштабов, негативное воздействие на всю жизнь людей, угроза подрыва основ существования человечества и всеобщей гибели»[4]. Несмотря на это, «если взглянуть на современное общество, то не может не создаться впечатления, что оно только тем и занято, что готовится к войне: материально, психологически, нравственно, будто в этом и состоит весь смысл его существования»[5]. При этом если войны до XX в. непосредственно затрагивали незначительную часть территории и мирного населения, то в последнее столетие картина резко изменилась. Первая и Вторая мировые войны стали причинами соответственно 10 и 55 миллионов смертей[6]. Потери в результате этих войн и всех конфликтов с 1914 по 1945 гг. составили 150 миллионов человек. А непосредственные боевые потери в ходе этих войн дости-

---

[1] Баранов Н. П. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 175.

[2] Большой Российский Энциклопедический Словарь. М., 2007. С. 279.

[3] Серебренников В. В., Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России // Журн. «Вопросы истории». № 2. М., 2002. С. 154.

[4] Там же.

[5] Поздняков Э. А. Философия политики. М., 1994. Т. 2. С. 131.

[6] Коппитерс Б., Фоушин Н. Предисловие // Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры. М., 2002. С. 5.

гали лишь 15–20 % от общего количества жертв[1]. Во Вторую мировую войну было втянуто 80 % населения Земного шара, боевые действия велись на территории 40 государств. Среди погибших мирное население составило 50 %[2].

Великий исследователь и теоретик войны К. фон Клаузевиц рассматривал ее как продолжение политики другими средствами[3]. Однако, по верному замечанию политолога Т. Плотниковой, «в войне столкновения политических позиций перерастают во взаимоуничтожение людей и ресурсов, что выводит войну на определенном ее этапе за пределы политического поведения»[4]. Эксперт В. Потехин полагает, что «высказывание К. Клаузевица не есть определение войны, а лишь указывает на возможный, наиболее вероятный путь ее начинания»[5]. Размышляя о движущих силах войны, Э. Поздняков отмечает: «Война имеет свою органическую, внутреннюю причину, обусловленную болезненным перенапряжением жизненных сил, не находящих себе выхода в нормальном, здоровом развитии. Не осуществляя положительного развития, война есть все же всегда показатель и симптом накопления исторических сил развития, которые благодаря соответствующим условиям превращаются в разрушительные силы»[6]. В одних случаях современные войны ведутся за национальную независимость, в других – за контроль над территорией или природными ресурсами, в третьих – для захвата государственной власти, в четвертых – во имя справедливости и свободы или же ради того, чтобы воспрепятствовать всему этому. Б. Коппитерс и Б. Кашников дают следующую классификацию намерений, для осуществления которых человечество в течение тысячелетий придумало и вело войны:

- убивать и грабить (варварские войны);
- прославиться на войне (рыцарские войны);

---

[1] Капица С. Долг и ответственность в вопросах войны и мира – проблема культуры мира // Культура Мира и Демократии. М., 1997. С. 81–83.

[2] Смит Д. Образ войны в 1990-е годы // Культура Мира и Демократии. М., 1997. С. 150.

[3] Клаузевиц К. фон. О войне. М-СПб., 2003.

[4] Поздняков Э. А. Философия политики. Т. 2. М., 1994. С. 140.

[5] Потехин В. Современные войны и национальная безопасность России // Конциентальные войны. М., 1997. С. 69.

[6] Серебренников В. В. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России // Журн. «Вопросы истории». № 2. М., 2002. С. 154.

- реализовать коммерческие интересы (торговые войны);
- осуществить колониальную экспансию (колониальные войны);
- захватить территории и ресурсы других государств (захватнические войны);
- реализовать цели той или иной религии (крестовые походы и религиозные войны);
- осуществить перемены в своей стране путем применения силы (гражданские войны);
- выйти из состава государства или препятствовать отделению (войны за отделение);
- экспортировать революцию в другие страны (революционные войны);
- отвоевать несправедливо захваченные территории (войны за восстановление справедливости);
- отомстить за причиненную несправедливость (войны возмездия);
- защитить свою страну от агрессии (оборонительные войны);
- предотвратить возможную агрессию в будущем (превентивные войны);
- нанести упреждающий удар – до нанесения неизбежного удара со стороны другой державы (упреждающие войны);
- помочь другому государству, ставшему жертвой агрессии (войны в защиту других государств);
- защитить народ, которому угрожает геноцид или в отношении которого грубо нарушаются права человека (гуманитарные интервенции)[1].

Исследователь Д. Смит, размышляя о характерных чертах современных войн, пишет: «Группы людей воюют, чтобы сохранить себя в качестве народа или этнической группы, чтобы противостоять иностранной державе или чтобы сокрушить другую группу. Однако цели, за которые воюют люди и государства, и причины, заставляющие их воевать, – это не одно и то же. То, что стоит за каждой войной и формирует ее, состоит из многих факторов – экономических, исторических, политических

[1] Коппитерс Б., Кашников Б. Добрые намерения // Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры. М., 2002. С. 87-88.

и культурных»[1]. Наряду с этими факторами не менее существенными являются мироощущение и мировосприятие людей и этносов, задействованных в войнах, от которых в конечном итоге зависит степень самопожертвования или неспособности к ней. А от этого уже, в свою очередь, зависит само существование государства и наличие родины и данного народа, т. е. на передний план истории и процессов выходит национальный характер, который вступает в борьбу за выживание. По справедливому замечанию Т. Плотниковой, «категория национального характера является носителем ментально-психологического фатализма, так как народ, обладающий определенным набором ментальных характеристик, предрасположен к определенным формам поведения»[2]. Согласно философскому словарю, национальным характером называют «совокупность наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития». Ведущим методом его анализа является культурно-исторический, отстаивающий принцип культурного или социального детерминизма, согласно которому различия в национальных характерах разных народов обусловлены влиянием культурной среды[3]. Британский военный историк Дж. Бест также полагает, что «масштаб военного конфликта изменяется, с одной стороны, пропорционально интересам воюющих сторон, а с другой – в зависимости от различий в их общественных структурах и культурных традициях»[4]. Важно знать или хотя бы стремиться к этому, «какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами (Г. Гачев)»[5]. В последнее время проблемы психологического своеобразия различных народов исследуются через выявление базовых ценностей, этнических стереотипов, установок, представлений

[1] Смит Д. Образ войны в 1990-е годы // Культура Мира и Демократии. М., 1997. С. 152.

[2] Плотникова Т. В. Политическое поведение в России. Ростов-на-Дону, 2004. С. 35.

[3] Науменко Л. И. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 677.

[4] Бест Дж. Историческая эволюция морально-этических норм, касающихся войны и окружающей среды // Морально-этические нормы, война, окружающая среда. М., 1989. С. 42.

[5] Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 77.

и т. д., которые изучаются этнической психологией[1]. Здесь, как очевидно, актуализируется проблема самоидентификации и ценностных ориентиров стран и народов. С этой точки зрения грузино-абхазский конфликт, одной из фаз которого является война 1992–1993 гг., следует рассматривать и как конфликт ценностей. О том, что «грузино-абхазский конфликт носит открыто моральный характер», пишет и Б. Коппитерс[2].

Исследователь Н. Баранов полагает, что «мир уже давно перешел ту грань, за которой война стала неприемлемым орудием политики»[3]. Тем не менее, война и военные институты тесно связаны с человеческой природой, и вопрос результативности борьбы с ними как в ближайшем будущем, так и, скорее всего, на все времена существования современного человечества, наверняка, останется открытым. Ход исторического процесса подтверждает верность вывода Э. Позднякова о «встроенности войны в систему человеческих отношений», и что «война есть неизбежный спутник человеческой жизни»[4]. Все сказанное можно подытожить словами Б. Шоу: «Мир не только лучше, но и бесконечно труднее войны». Об этом говорит и динамика войны в «мирное время». Так, за 19 лет с 1918-го по 1939 гг. произошло 19 войн и военных конфликтов, а за 20 лет с 1948-го по 1968 гг. – 72[5]. А с начала 1990-го по конец 1995 гг. имело место 93 войны, в которых участвовали 70 государств, и еще две войны без участия государств. Число погибших в этих 95 войнах составили примерно пять с половиной миллионов человек[6]. В 1989 г. войн произошло 47, в 1990 – 54, в 1991 – 65, в 1992 – 66, в 1993 – 57, в 1994 – 60, в 1995 – 55[7]. Как видно, самым «урожайным» на войны, т. е. временем апогея вооруженных конфликтов во всем мире, был именно 1992 г. – год начала абхазо-грузинской войны.

---

[1] Науменко Л. И. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 678.

[2] Коппитерс Б. Оттенки серого. Намерения, мотивы и моральная ответственность в грузино-абхазском конфликте // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 169.

[3] Баранов Н. П. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск, 2001. С. 178.

[4] Поздняков Э. А. Философия политики. Т. 2. М., 1994. С. 135.

[5] Журн. Духовное наследие», № 5-8, 1994 г. // http://www.rau.su/observer/N5-8_94/5-8_22.htm

[6] Плотникова Т. В. Политическое поведение в России. Ростов-на-Дону, 2004. С. 64.

[7] Смит Д. Образ войны в 1990-е годы // Культура Мира и Демократии. М., 1997. С. 155.

* * *

Японский исследователь Т. Уяма назвал Отечественную войну в Абхазии одной из «забытых войн в современном мире»[1]. Действительно, может, кое-кто «в современном мире» и был бы не прочь забыть и о войнах, и о самих народах, ведущих борьбу за свободу, но самим народам и странам, через судьбы которых пролегли войны, о них забывать нельзя. Г. Киссинджер писал: «Уроки истории не являются автоматически применимым руководством к действию; история учит по антологии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми»[2]. История – это память и знания о прошлом, без которых не может быть ни настоящего, ни будущего. Поэтому нужно, чтобы о войне помнили и не забывали, а память о ней и ее героях необходимо сохранить для будущих поколений. Естественно, это относится не ко всяким войнам. Например, бесславные захватнические войны, имевшие целью унизить и поработить, лишить чести и достоинства, аннексировать территорию других народов – остаются позорной страницей в истории стремившихся к этому государств и наций. И желающий своим потомкам добра не будет возносить память о таких войнах в ранг «героики», в качестве которой часто представляется сама война. Напротив, память же об освободительных войнах, одной из которых и была Отечественная война в Абхазии 1992–1993 гг., являющихся примерами самопожертвования ради возвышенных идей, необходимо чтить и хранить в качестве бесценной реликвии и национального достояния. По справедливому замечанию А. Бройдо, «драматический опыт, пережитый народом (абхазским. – **А. А.**), убедительно продемонстрировал, что национальное самосознание и в наши дни остаётся показателем его этнической жизнеспособности, стержнем его культурного и этнического развития»[3]. «Мы обязаны хранить эту память не как жалобу и обвинение, но как поучительный опыт…»[4]. Более того, на мой взгляд, можно утверждать, что для таких государств, как

[1] Уяма Т. Предисловие // Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001.

[2] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. с. 19.

[3] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов. М., 2008. С. 6.

[4] Белая книга Абхазии. 1992 - 1993. М., 1993. С. 226.

Абхазия, вопрос сохранения памяти об освободительных войнах своих народов становится вопросом национальной безопасности, а следовательно, вопросом первостепенной актуальности.

Наряду с этим глобальные вызовы современности, которые выдвигают перед Абхазией все новые и новые трудноразрешимые задачи, заставляют устанавливать и изучать причины и следствия военно-политических действий, приведших к абхазо-грузинской войне. Значение этого возрастает в связи с тем, что те причины глобального характера, которые нередко становились движущими силами и генераторами тех или иных заявлений или действий, приведшие к войне, до сих пор занимают определяющее место в региональном и геополитическом раскладе сил и оказывают существенное воздействие на современное положение дел в Абхазии. Поэтому изучение причин и следствий войны, их систематизация и анализ становятся необходимым условием для формулирования задач на перспективу, определения магистрального пути отстаивания права на независимость и дальнейшее развитие Республики Абхазия.

Осознанием всего этого было продиктовано создание в Гудауте временного научно-исследовательского Центра по изучению войны в Абхазии ещё в ходе самой войны[1]. Автор этой идеи абхазский историк Е. Аджинджал считал, что писать историю войны нужно было уже тогда, т. к., по его справедливому мнению, «правда об этой войне должна стать достоянием человечества». Весной 1993 г., т. е. в разгар боевых действий на фронтах Отечественной войны в Абхазии, в Гудауте состоялись первые два заседания названного Центра. По мнению Е. Аджинджал, в деятельности Центра приоритетными темами должны были стать: «Военная история Абхазии с древнейших времен и до наших дней», «Борьба народов Абхазии с шеварднадзевскими агрессорами», «Героизм защитников Родины», «История боевых действий», «Формирование родов и видов войск», «Военное искусство и военная мысль», «Тыл – фронту» и т. д. Также особого внимания требовала тема участия в освободительной войне Абхазии добровольцев из братских республик Северного Кавказа, России, представителей абхазской диаспоры Турции и ряда других стран. Следующей важной темой в работе Центра должно было стать исследование вандализма агрессоров в отношении

[1] Аджинджал Е. К. Газ. «Республика Абхазия», 20 мая 1993 г.

научных и культурных ценностей Абхазии[1]. Однако по различным причинам Центр прекратил свое существование, так и не приступив к своей деятельности.

Отечественной войне в Абхазии (1992-1993) посвящено немало исследований по различным ее аспектам и множество разноплановых публикаций. В частности, бесценными источниками для изучения истории и попытки реконструкции событий являются дневники и свидетельства очевидцев. Этот вид источников наиболее ценен, ибо его авторы в тот момент не были склонны к приукрашиванию действительности (им тогда, как правило, не до этого), а правдиво фиксировали окружающую их реальность. По справедливому замечанию О. Медушевской, «объектом источниковедения служит фиксированная речь – время, связанное с пространством»[2]. М. Блок, хорошо разбиравшийся в методах исследования истории, писал: «Когда изучаемые феномены принадлежат настоящему или совсем недавнему прошлому, наблюдатель, хоть он и неспособен заставить их повториться или повлиять на их развитие, не так безоружен по отношению к их следам. Он может буквально вызвать к жизни некоторые из них. А именно – сообщения очевидцев»[3]. Л. Тарнава 21 июля 1993 г., во время ожесточенных боев за Сухум, находясь в оккупированной абхазской столице, записала в своем дневнике: «Не для печатания. Но если Абхазия и абхазцы выживут в этой войне, пройдут годы, появятся новые молодые историки Абхазии и будут писать о нашем времени, пусть мой дневник и будет документом этого времени»[4]. Из работ мемуарного характера по интересующей нас теме следует отметить О. Этлухова[5] и В. Басариа[6]. Также необходимо особо выделить воспоминания и дневники авторов, находившихся во время войны на оккупированной грузинскими войсками территории – Т. Аджба[7],

---

[1] Аджинджал Е. К. Газ. «Республика Абхазия», 20 мая 1993 г.

[2] Медушевская О. М. Источниковедение: Теория. История. Метод // http://avorhist.narod.ru/publish/istved1-1-1.html

[3] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 // http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml

[4] Тарнава Л. Абхазский дневник. Сухум, 2008. С. 7.

[5] Этлухов О. Зов крови. М., 2003.

[6] Басариа В. К. Время тяжких испытаний. Сухум, 1994.

[7] Аджба Т. Ш. Дожить до рассвета. Сухум, 1994.

А. Аргун[1], А. Тария[2], А. Кубрава[3], и уже названную работу Л. Тарнава[4]. Наряду с этим, при работе с подобного рода источниками необходимо применять метод, который М. Блок называл критическим. Особо стоить выделить из этого ряда записи очевидца и участника событий на Гумистинском фронте Т. Джапуа[5].

Внимания заслуживают воспоминания бывших руководителей Грузии и России. В своих мемуарах Э. Шеварднадзе поддерживает и развивает тезис о «необъявленной войне России против Грузии» и рассказывает о своей значительной роли в новейшей истории как Грузии, так и советского государства[6]. В воспоминаниях Б. Ельцина рассказывается о событиях, происходивших в России в 1991 - 1993 гг., от которых нередко зависели военно-политические зигзаги вокруг Абхазии[7]. В названной работе Б. Ельцин конкретно ничего не упоминает о войне в Абхазии, ограничившись похвалой в адрес Шеварднадзе за его решение присоединиться к СНГ, за политический шаг, на который он вынужден был пойти в результате поражения в войне с Абхазией и угрозы потери власти в самой Грузии в соперничестве с вооруженными сторонниками свергнутого им президента З. Гамсахурдиа.

Книги «Эпоха Ардзинба»[8], «Наш Владислав»[9], «Слово о Первом Президенте»[10] посвящены основателю современного Абхазского государства Владиславу Ардзинба. В этих изданиях приводятся эпизоды из его многогранной жизни, отдельные его высказывания и выступления; а также размышления и воспоминания о Первом Президенте Абхазии.

Одной из самых первых попыток анализа событий вокруг Абхазии означенного периода является работа О. Васильевой[11]. Значительным

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994.

[2] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 2001.

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму. Сухум, 2010.

[4] Тарнава Л. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008.

[5] Џьапуа Т. Шь. Еибашьран… Пышәараамҭан // Журн. Абаза, № 2. 30.09.2010 ш. Ад. 14-27.

[6] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009.

[7] Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994 // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792

[8] Эпоха Ардзинба. (Автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009.

[9] Наш Владислав. (Автор проекта К. Хагба, сост. В. Зантариа). Сухум, 2010.

[10] Зантариа В. К. Слово о Первом Президенте. Сухум, 2008.

[11] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993.

вкладом в дело изучения озвученной темы является работа военного историка В. Пачулия «Грузино-абхазская война. 1992-1993», в которой автор, опираясь на документы Генерального штаба Министерства обороны РА и собранный им полевой материал, описывает ход боевых действий и основные оборонительные и наступательные операции Абхазской армии[1]. Также весьма ценными источниками для исследования Отечественной войны в Абхазии являются книга памяти, составленная названным автором[2], и его публикации в прессе.

Работа А. Бройдо посвящена проявлениям этнопсихологических особенностей абхазов в Отечественной войне[3]. О боевых действиях на Восточном фронте повествуется в трудах историка Д. Бутба[4] и начальника штаба этого фронта Б. Джапуа[5]. Проблемы внешнеполитической деятельности Абхазии в предвоенное и военное время рассматриваются в кандидатской диссертации А. Студиникина[6]. Проблемам взаимоотношений и соответствия международного права с агрессией Грузии против Абхазии посвящены труды В. Хагба[7], Е. Аджинджал[8], И. Цушба[9], Т. Шамба и А. Непрошина[10].

Особо нужно отметить документ, составленный группой под руководством А. Джергения, свидетельствующий о многочисленных преступлениях грузинских агрессоров на оккупированной ими территории Абхазии[11]. Важным источником для понимания движущих сил вой-

---

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010.

[2] Книга вечной памяти (Сост. В. Пачулия). Сухум, 1997.

[3] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов. М., 2008.

[4] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. I–II. Аҟәа, 2005.

[5] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008.

[6] Студиникин А. Внешняя политика Республики Абхазия в период строительства независимого государства. На правах рукописи.

[7] Хагба В. Международное право и агрессия Грузии. Гагра, 1995.

[8] Аджинджал Е. К. Абхазская реконкиста и международное право. Сухум, 2002.

[9] Цушба И. Ш. О праве наций или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. Сухум, 2003.

[10] Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.

[11] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992–1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

ны в Абхазии и поствоенных процессов является сборник документов и материалов «Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы» в 2 томах (сост. Ачугба Т. А.).

Среди авторов научных, аналитических и обзорных работ по интересующей нас теме нужно отметить труды В. Митяева[1], А. Зверева[2], Г. Нодия[3], О. Пье и Э. Ремакля[4], В. Чирикба[5], А. Бройдо[6], Б. Коппитерса[7], Л. Дробежевой[8], Т. Ачугба[9] и др. Важными источниками для изучения рассматриваемой темы являются научно-публицистические и публицистические работы С. Жидкова[10], Т. Шутовой[11], О. Шамба[12], В. Шария[13], Л. Черкезия[14], И. Марыхуба[15], А. Бройдо[16], Ю. Лакербай[17].

---

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // «Грузия: проблемы и перспективы развития». Т. 2. М., 2002.

[2] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988–1994 // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

[3] Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.; Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.

[4] Пье О. и Ремакль Э. Политика ООН и СБСЕ в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

[5] Чирикба В. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода //Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.

[6] Бройдо А. И. Великая Отечественная война и этнопсихология абхазов: влияния и взаимодействия // Россия и Абхазия: современные проблемы сотрудничества и взаимодействия. М., 2006; Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов. М., 2008.

[7] См. в сборниках: Спорные границы на Кавказе. М., 1996.; Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.; Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М., 1999 и др.

[8] Дробижева Л. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полэтничных государствах. М., 1994.

[9] Ачугба Т. А. Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2007.

[10] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996.

[11] Шутова Т. В шесть часов вечера у Акопа. М., 2002.

[12] Шамба О. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004.

[13] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994.

[14] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003.

[15] Марыхәба И. Р. Қыртәыла Аҧсынтәыла ишабашьыз. Аҟәа, 2006.

[16] Бройдо А. И.Дорога, ведущая к храму, обстреливается ежедневно. М., 1994.

[17] Лакербай Ю. Дорогой Леона. Сухум, 2003.

Весьма ценными источниками в изучении рассматриваемой проблемы являются книги и брошюры, в которых собраны воспоминания и дневники участников Отечественной войны Абхазии. Среди авторов такого рода работ следует выделить Р. Ходжаа[1]. Книги посвящены генералам Г. Агрба[2], С. Сосналиеву[3], С. Дбар[4]. Воспоминания о войне детей, родившихся во время войны, собраны в книге «Войной раненное детство»[5].

Анализу грузинской прессы времен Отечественной войны в Абхазии посвящены работы Д. Кварандзия[6], М. Розореновой и К. Дзиндзибадзе[7], а статья Н. Медвенского посвящена анализу польской прессы означенного периода[8].

Нужно также отметить работы, освещающие другие проблемы или охватывающие более широкий круг задач, но в которых также представлены весьма ценные и важные сведения, мысли, интерпретации и точки зрения по вопросам, имеющим непосредственное отношение к интересующей нас теме. Среди таковых можно выделить труды Ф. Бобкова[9], К. Мяло[10], С. Червонной[11] (примечательно, что у данного автора,

---

[1] Ходжаа Р. Война в Абхазии. «Скорпион». Сухум, 2003; его же. Армянский батальон в Отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг. Сухум, 2005, его же. Абхазия. Отечественная война. Батальоны идут на штурм. 1992–1993 гг. Ч. I. Сухум, 2006; его же. Абхазия. Путь к победе. Отечественная война. II часть. Сухум, 2009; его же. Казаки - добровольцы в Отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг. Сухум, 2009.

[2] Бебиа П. Хә. Иаҳа иахьшәарҭаз – Камыгә-иԥа рҳәон. Аҟәа, 2003.

[3] Честь дороже жизни. (Составитель Аламиа Г. Ш.). Сухум, 2012.

[4] Ҳаит абаақәа, ҳаԥсуаами!.. (Автор-составитель Джикирба Г. Ш.). Сухум, 2001.

[5] Аибашьра иахәыз ахәыҷра. Аҟәа, 2003.

[6] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_ godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[7] Разоренова М., Дзиндзибадзе К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии // http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html

[8] Медвенский Н. И. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. % 5-6. Сухум, 2011.

[9] Бобков Ф. КГБ и власть // www.abkhaziya.org.

[10] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

[11] Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www. Abkhazia. Dot. Qe.

наверно, неспроста ситуация в Абхазии конца XX в. ассоциируется с событиями в Вандее[1] XVIII в.), А. Широкорада[2] и других.

А. Б. Широкорад в своей работе несколько упрощает происходившее в Абхазии, говоря о том, что после изгнания Гамсахурдиа из Грузии «в междусобойчики кланов Шеварднадзе и Гамсахурдиа оказались втянуты Абхазия и Вооруженные силы Российской Федерации»[3]. Такой поверхностный взгляд на события в Абхазии не допустим и не способствует созданию условий для правильного понимания происходивших тогда событий, которые стали основой для закладывания фундамента новых региональных и даже глобальных обстоятельств, ставших сегодня реальностью, и к таким судьбоносным вопросам для народов и государств, на мой взгляд, нужно относиться серьезнее.

Среди грузинских авторов по интересующей нас теме можно назвать работы Г. Жоржолиани[4], З. Папаскири[5], Д. Джоджуа[6], Э. Астемировой, Ю. Мечитова и Г. Мнацаканяна[7]. К этому ряду нужно отнести и четырехчасовое интервью бывшего министра обороны Грузии Т. Китовани, данное им в феврале 2002 года[8]. Сюда же надо причислить и воспоминания главного абхазского коллаборциониста Л. Маршания[9] и многих других грузинских и сочувствующих им авторов. Эти работы несут на себе отпечаток ярко выраженного субъективизма, их авторы пишут свои труды, опираясь не на источники и факты, а подводят, подгоняют эти источники и факты под заранее намеченные цели и задачи.

[1] Вандея – департамент во Франции, появился на карте этой страны в 1789 году. Его собственная история началась фактически в марте 1793 года. С тех пор стало принятым именовать Вандеей районы гражданской войны, охватившей территорию департаментов Вандея, Мэн-и-Лаура, Атлантическая Лаура и Дё-Севр. Вандейские войны – война правительства Франции против мятежа в западных провинциях страны в XVIII в. и Директории. Получила своё название от названия департамента Вандея – главного очага мятежа в 1793 году.

[2] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М.- Владимир, 2009.

[3] Там же. С. 263.

[4] Жоржолиани Г. Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/ Грузия // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб.,1999.

[5] Папаскири З. В. История Абхазии без фальсификаций. Тб., 2009.

[6] Джоджуа Д. Война в Абхазии. 1992-1993 годы // Очерки истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009.

[7] Абхазия: мифы на крови // http://abkhazeti.narod.ru/pages/2/169.html#up

[8] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[9] Маршания Л. В. Правда о трагедии Абхазии. 2006 // http://abkhazeti.info/war/20060126155343341242 25.php

В частности, такого рода изданиями, которых в Грузии, в особенности в последнее время, появляется очень много, ставится и решается одна глобальная задача: доказать, что в 1992 г. не Грузия совершила агрессию на Абхазию, а Россия напала на Грузию. Следовательно, по логике грузинских авторов, война 1992 – 1993 годов была войной маленькой «миролюбивой», «демократичной», «цивилизованной», «передовой» и т. д. и т. п. Грузии против большой «злой», «коммунистической», «отсталой», «красно-коричневой», «недемократичной», «алчной», «реакционной», «милитаристской», «имперской» и т. д. и т. п. России. В частности, в этих работах Конфедерация горских народов Кавказа безапелляционно объявляется «новым игроком» русской имперской политики»[1], а абхазы изображаются исключительно как «сепаратисты», выступавшие слепым орудием той же пресловутой «русской имперской политики». Работы грузинских историков об Отечественной войне (1992-1993 гг.) в Абхазии являются не попыткой непредвзятой реконструкции событий рассматриваемого времени, а конструированием прошлого в соответствии с сегодняшней идеологемой грузинских властей относительно войны с Абхазией. Это бессмысленно и безрезультативно для исторической науки, хотя бы уже потому, что история не имеет сослагательного наклонения. К сожалению, сегодня трудно говорить о такой же безрезультатности в идеологической и пропагандистской областях. Измышления грузинских авторов, какими бы неправдоподобными они не были, нередко находят благодатную почву на Западе, даже в России, не говоря уже о самой Грузии.

Из этого ряда выделяется работа бывшего депутата Верховного Совета Абхазии, одного из видных деятелей грузинской депутации Н. Месхия[2], в которой он обвиняет в случившемся не только абхазов и Россию, но и грузинские власти в Тбилиси и грузин, живших в Абхазии. Во избежание необходимости пересказа содержания его книги приведу одну характерную цитату из нее: «Война в Абхазии и разыгравшаяся там трагедия является следствием безумной и преступной, граничащей с прямым предательством, внутренней и внешней политики группы политических преступников, пришедших к власти в Грузии путем военно-

[1] Джоджуа Д. Война в Абхазии. 1992-1993 годы // Очерки истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009. С. 549.

[2] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011.

го переворота»[1]. Такая его позиция, безусловно, отчасти продиктована политическими симпатиями: Н. Месхия, в отличие от многих других лидеров грузинской общественности, так и не признал государственный переворот в Грузии и ее новые власти в лице сначала Военного Совета, а затем Госсовета во главе с Шеварднадзе, оставшись тем самым сторонником З. Гамсахурдиа.

Существуют также работы, содержащие биографические очерки, посвященные погибшим бойцам; повествующие об участии в войне представителей отдельных сел и населенных пунктов; о боевом пути различных подразделений абхазской армии, которые также являются весьма ценными источниками для изучения истории Отечественной войны в Абхазии. Среди них особо можно отметить многочисленные книги и публикации Е. Бебиа[2], сборники и книги очерков Н. Киут[3], В. Чалориа[4], В. Апхазоу[5], Б. Сагария[6], Л. Саманба[7], В. Капба[8], Ш. Царгуш[9], С.Чукбар[10],Г.Цвинария[11],Б.Барцыц[12],И.Агрба[13],З.Папцава[14],М.Квициния-Кацба[15], В. Кецба[16], З. Джапуа[17], М. Барганджия[18] и другие.

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011.

[2] Бебиа-ԥҳа Е. Г. Ҟуланырхуаа рҵеицәа хьзырҳәагақәа. Аҟәа, 1995, Ее же. Уҵеицәа хьзырҳәагақуа, Кутол. Аҟәа, 1996, Ее же. Силой не возьмешь крылатых… СПб., 1996, Ее же. Аибашьра иԥнашәаз афырхацәа. Аҟәа, 1997, Ее же. Крик малышей… Киев, 1997, Ее же. Дорогами героев. М., 1997, Ее же. Люди из брони. Сухум – М., 1998, Ее же. Аԥышәара. Аҟәа, 2000, Ее же. Хьзы ргарцоуп ахацәа зиуа. Аҟәа, 2002, Ее же. К штыку приравняв перо… Сухум, 2002, Ее же. Строки из огня. Сухум, 2003, Ее же. Аҩонду аазамҭацәа – аԥсадгьыл ахьчаҩцәа. Аҟәа, 2005, Ее же. Стойкость. Сухум, 2009 и другие.

[3] Киут-ԥҳа Н. Ашьоуцәа ҽарацәа. Аҟәа, 2007.

[4] Чолариа В. Сменив черкеску на камуфляж… Сухум, 1997.

[5] Аԥҳазоу В. В. Имҩьац ахурақуа. Аҟәа, 2002.

[6] Сагариа Б. Е. Село родное Ачандара. Сухум, 2000.

[7] Ҳдаракәыц (Еиқә. Л. Х. Саманба). Аҟәа, 2000.

[8] Қапба Р. Џьырхәаа рҵеицәа. Аҟәа, 2003.

[9] Царгәыш Шь. К. Агәымшәа. Бесстрашный. Аҟәа, 2003.

[10] Чукбар С. Астамур Назырбеевич Халваш. Сухум, 2006.

[11] Цвинария Г. И. Кутол. Краткий очерк. Сухум, 2009.

[12] Барцыц-ԥҳа Б. Ԥсоутәи аҵых. Аҟәа, 2007.

[13] Агрба И. Ш. Хотелось бы всех поименно назвать. Сухум, 2000.

[14] Папцава З. С. Герои Пицунды. Сухум, 2004.

[15] Кәыҵниа-Қацәба М. Уара уҽоуп сахьыҟоу, Ҷлоу. Аҟәа, 2004.

[16] Кецба В. И. Бессмертие. Сухум, 1997.

[17] Џьапуа З. Џь. Уатаԥ-хәыҷы инаркны Гумсҭанза. Аҟәа, 1994.

[18] Барганджия М. Тамыш и тамышцы. Сухум, 2011.

Существует также немало работ, имеющих к войне в Абхазии опосредованное отношение, и вопросы войны в них освещаются постольку, поскольку они имеют соприкосновение с основными темами названных работ. Они носят многоплановый характер, и в них нередко затрагиваются различные аспекты Отечественной войны в Абхазии. Такие работы нередко страдают поверхностным подходом. Порой создается впечатление, что их авторы вставили в свои работы повествование об абхазской войне ради того, чтобы не было временного и тематического пробела. В некоторых изданиях Отечественной войне в Абхазии уделяется достаточно большое внимание, и иногда ее освещение вполне подробно, но нередко одно произведение повторяет предыдущее, причем почти слово в слово. Конечно, этому обстоятельству, может быть, не придадут большого значения в странах, не имеющих конкретного отношения к рассматриваемым вопросам, но в нашей стране это не может остаться незамеченным.

Характерной особенностью некоторых абхазских и российских и почти всех европейских и американских исследователей является стремление рассмотреть абхазо-грузинский конфликт в период с момента ее возникновения и до современного им времени. Иногда такой всеобъемлющий подход, т. е. попытка объять необъятное, порождает поверхностное отношение к предмету исследования. Хотелось бы, чтобы о войне в Абхазии, которая была и остается судьбоносной для абхазского народа, писали не только для видимости или для увеличения объемов некоторых изданий, но чтобы их авторы стремились к осмыслению событий, которые они берутся не только описывать, но и анализировать. При этом им не мешало бы помнить о том, что их выводы и оценки нередко служат экспертным мнением и оказывают влияние на формирование оценочных критериев относительно тех или иных аспектов Отечественной войны в Абхазии в частности, и грузино-абхазских отношений в целом.

В данной работе также использованы:

– официальные документы, Заявления и Обращения Верховного Совета Абхазии и его Председателя В. Ардзинба к Генеральному секретарю ООН, Президенту России, руководителям других стран и прави-

тельств, отчеты и стенограммы о переговорах, протоколы и итоговые документы встреч на различных уровнях[1];

– материалы, отражающие предвоенную общественно-политическую ситуацию в Абхазии, Законы и Постановления Верховного Совета, обращения, интервью, выступления и речи представителей национально-освободительного движения, программные документы и заявления формальных и неформальных политических, общественных и национальных организаций и движений. Ознакомиться с этими документами можно в прессе предвоенного времени[2], а также в сборниках и книгах, изданных после войны[3];

– материалы, отражающие позиции воевавших между собой сторон, публиковавшиеся в газетных изданиях военного времени[4];

– материалы российской прессы, в которой Отечественная война в Абхазии, в особенности после прорыва информационной блокады, получила довольно широкое освещение. В них выражалась не только точка зрения авторов самих публикаций, но в то же время они также являлись и ареной идеологического фронта, в которой обе стороны

---

[1] Сб.: «Абхазия: хроника необъявленной войны» (сост. Г. Амкуаб, Т. Илларионова). Ч 1. М., 1992; «Абхазия: хроника необъявленной войны». Ч. 2. М., 1993; «Абхазия: хроника необъявленной войны». Ч. 3. М., 1993; «Абхазия: хроника необъявленной войны». Ч. 4. М., 1993; «Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии». Сухум, 2004; «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989-2006 гг. (Сост. Волхонский М. А., Захаров В. А., Силаев Н. Ю.). М., 2008.

[2] Газ. «Советская Абхазия» – орган Компартии Абхазии, «Аидгылара» – орган Народного форума Абхазии. «Заря Востока» – орган Компартии Грузии, а также грузинские издания, распространявшиеся в Абхазии: «Народное образование», «Молодежь Грузии», «Вечерний Тбилиси», «Вестник Грузии» и др.

[3] Абхазские письма. Т. 1. 1947-1989. (Сост. Марыхуба И. Р.). Сухум, 1994; Важная история в истории Абхазии (Сост. Сагария Б. Е.). Сухум, 2002, а также В. Басариа. Время тяжких испытаний. Сухум, 1994; Грузино-абхазский конфликт 1917-1992. (Сост. Казенин К. И.). М., 2007.

[4] В частности, в работе нашли свое отражение материалы, публиковавшиеся в газетах, издававшихся в Гудауте законными властями Абхазии, – «Республика Абхазия», «Бзыбь», «Свободная Абхазия», «Боевой листок», также орган КНК – газета «Конфедерация», и оккупационными властями Сухума – «Демократическая Абхазия». Также см. сборник «Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы» (Сост. Ачугба Т. А.). Т. 1. Сухум, 2003.

старались донести свою правду до мнения российской и мировой общественности[1];

– аналитические обзоры и статьи по различным аспектам грузино-абхазского противостояния;

– аналитические статьи, обзоры и публикации по вопросам международных отношений и вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве;

– материалы западных средств массовой информации, отражающих позиции США, Европы и Азии по грузино-абхазскому противостоянию и их трансформацию[2];

– материалы о ходе боевых действий на фронтах Отечественной войны в Абхазии[3].

– теоретические разработки по проблемам вооруженных конфликтов и войн[4].

– материалы из различных Интернет-сайтов[5], аналитических центров и информационных агентств, электронных библиотек и энциклопедических порталов[6];

– материалы документальных фильмов и аналитических передач, созданных как во время войны, так и после нее.

---

[1] В частности российские периодические издания: «Независимая газета», «Известия», а также названные издания и «Российская газета», «Московские новости», размещенные в Интернете по адресу http://www.yeltsincenter.ru/day-by-day. См. также: Белая книга Абхазии. 1992-1993 (Сост. Воронов Ю. Н., Флоренский П. Ф., Шутова Т. А.). М., 1993., «Геноцид абхазов» (Сост. Р. Апсынба). М., 1997., а также книга Ю. Воронова «Боль моя Абхазия». Гагра, 1995. См. также сборник «Абхазия. Хроника необъявленной войны». чч. 1-4., Абхазия: события 1992-1993 годов в газете «Северный Кавказ». Нальчик, 2008.

[2] Эти материалы в работе используются опосредованно и в основном они оказались в распоряжении автора в виде выдержек, цитат, ссылок, пресс–релизов, обзоров, публицистических и научных статей.

[3] Оперативная сводка штаба народного ополчения РА, а затем Оперативная сводка штаба Министерства обороны РА («Республика Абхазия», «Боевой листок»).

[4] Поздняков Э. А. Философия политики. Т. 2. М., 1994; Клаузевиц К. фон. О войне М-СПб., 2003. См. также сб. статей: Морально-этические нормы. Война. Окружающая среда. Пер. с англ. М., 1989; Культура Мира и Демократии. М., 1997. и др.

[5] См.: 1990 год в Абхазии. Подготовка к геноциду грузин, русских и др. //www.abkhazeti.ru; Россия сама попросила ввести войска на территорию Абхазии // www.abkhazeti.ru., Пятьдесят дней чего? // www.abkhazeti.ru.

[6] http://ru.wikipedia.org/wiki; http://dic.academic.ru/

При современном разнообразии источников и способов их формирования и распространения данная работа, безусловно, не может претендовать на исчерпывающее освещение означенной проблемы. По названной причине много работ и публикаций здесь упомянуты вскользь или вовсе опущены как не представляющие особой научной ценности. Сложности добавляет отсутствие научных связей с Грузией, в силу чего довольно солидная масса источников и литературы по Отечественной войне в Абхазии, опубликованной в Грузии, остается недоступной для абхазских исследователей. Данные источники и литература, безусловно, было бы желательно использовать в подобных работах, как бы к ним ни относиться с точки зрения объективности подбора и комментариев документов. Еще одной проблемой, обуславливающей трудность освещения данного вопроса, является его политизированность. Зачастую Отечественная война в Абхазии, за редким исключением, рассматривается не только как научная проблема, но в большинстве случаев как политико-пропагандистская, что, конечно же, не способствует повышению уровня доверия добросовестности комментаторов и аналитиков. Поиск материалов, выходивших на подконтрольной законным властям Абхазии территории, также затруднен тем, что часть из них не уцелела, а уцелевшая их часть полностью не собрана и не систематизирована. В жесточайших условиях послевоенного времени много бесценных свидетельств о нашей новейшей истории погибло. И хотя после войны прошло всего двадцать лет и многие ее активные участники еще живы, чьи воспминания могут служить источником для ее изучения, немало страниц истории Отечественной войны в Абхазии утрачено безвозвратно. Материалы о ней необходимо собирать по крупицам уже сегодня.

Наряду с этим, остается очень актуальной задачей написание мемуаров и воспоминаний командным составом, особенно командирами крупных воинских подразделений, руководством Министерства обороны, генералитетом и военно-политическим руководством Абхазии времен войны. Воспоминания о войне желательно написать рядовым бойцам и всем ее свидетелям, находившимся на оккупированной территории и в тылу, при этом не ограничиваясь конкретными фактами, датами и событиями, которые, безусловно, очень ценны для изучения истории войны, но также обращая внимание и на описание психологических и душевных переживаний – своих и близких, свидетелями которых мог

быть автор. На мой взгляд, для сегодняшней абхазской исторической науки важно не только установить перечень событий, пусть даже хронологически безупречный, но и определить степень воздействия военных действий на психику людей и уровень ее нарушения. Ведь сегодня, как «показывает опыт так называемых локальных конфликтов, потери гражданского населения как минимум в десять раз превышают потери в боях»[1]. При этом, по мнению Ю. Громыко, сама «локальная война» возникает «в ситуации формирования локальной химеры в соответствии со стратегией действия глобальной антисистемы». Далее названный автор пишет: «Эта локальная война сопровождается развязыванием консциентальной войны против народа – органической системы – для разрушения сознания в соответствии с искусственными принципами тотальной антисистемы»[2].

Французский историк и философ истории М. Блок совершенно справедливо и резонно писал: «Всякая книга по истории, достойная этого названия, должна была бы содержать главу или, если угодно, ряд параграфов, включенных в самые важные места и озаглавленных примерно так: «Каким образом я смог узнать то, о чем буду говорить?»[3]. С этим мнением, безусловно, нельзя не согласиться, однако с учетом того, что рассматриваемый труд посвящен не сугубо историографическим вопросам, считаю возможным ограничиться изложенным. При этом нужно отметить: историография Отечественной войны в Абхазии заслуживает отдельного монографического, а скорее не одного, исследования. А это требует не только довольно обширного обзора существующей и доступной литературы, но и ее более детальной систематизации, классификации и анализа, осуществление которых, в свою очередь, в силу множества причин в данной работе не представляется возможным.

***

В 1985 г. в Советском Союзе была провозглашена «перестройка», которая стала началом нового этапа в развитии исторического процесса.

---

[1] Капица С. Долг и ответственность в вопросах войны и мира – проблема культуры мира // Культура Мира и Демократии. М., 1997. С. 83.

[2] Громыко Ю. Оружие, поражающее сознание, – что это такое? // Консцеиентальное оружие. М., 1997. С. 20.

[3] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.,1986 // http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml.

Последовавшие за этим события привели к глобальным изменениям общемирового масштаба. Настало время ломки утверждавшихся десятилетиями и поэтому ставших привычными принципов, стереотипов и образов; исчезновения последних официальных колоний и образования множества новых независимых государств с различными декларированными правами де-юре и возможностями их осуществления де-факто; превращения общепланетарного биполярного мира в гиперглобализированную многополярную систему и складывания многополюсного взаимозависимого мира…

Противостояние биполярных систем завершилось исчезновением одной из них, впоследствии приведшей к развалу СССР. Эти процессы не были одноактными действиями и, как правило, сопровождались политическими, экономическими, культурными, конфессиональными, психологическими и иными осложнениями во взаимоотношениях стран и народов, населявших эти территории. Начавшийся развал Советского Союза привел к обострению национального вопроса. Этносы обновляли старые и выдвигали новые требования, которые ими рассматривались как вполне обоснованные и законные. Для их воплощения в жизнь они стремились привлечь внимание мирового сообщества к своим проблемам. В рассматриваемую эпоху, по мере уточнения задач и четкого оформления требований, обозначались магистральные пути развития этносов в новых исторических реалиях, т. е. шло формирование новой этнополитики или национальных проектов. Важное место в этом процессе занимает мироощущение и мировосприятие этноса, его способность или неспособность к осознанию себя гармоничной частью остального человечества. Формирование этнополитики обусловлено комплексом взаимосвязанных и взаимозависимых факторов, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности этноса. К главным среди них могут быть отнесены: активность и направленность деятельности этнических элит и интеллектуалов; специфические черты этноса экономического характера; политическая, экономическая и иная деятельность этнических диаспор, проживающих за пределами основного ареала обитания этноса; наличие диаспоральной политики и степень скоординированности действий руководства национальных государств с этническими диаспорами, проживающими за пределами исторической родины; историческая память народа; этнические стере-

отипы и предрассудки; время формирования этнополитики; этнопсихология; этнофилософия; этносоциология; степень втянутости этноса в общепланетарную гиперглобализацию; уровень самоидентификации; гиперактивность или патологическое отсутствие активности со стороны масс, идентифицируемых с данным этносом; межэтнические, внутриэтнические и геополитические процессы и т. д.

«Новое политическое мышление» и ядерное разоружение, которые стали следствием перестройки, привели к изменению всей политической основы привычного миропорядка, установившегося к тому времени. Однако известно, что пока существует мироздание, во всяком случае, в таком виде, в каком мы его знаем, мир не способен избавиться от противостояний и столкновений интересов. В лучшем случае можно говорить только о более или менее длительных периодах спада противостояния. Поэтому установилась определенная цикличность, при которой мировой исторический процесс время от времени меняет свою форму, а его содержание остается неизменным на протяжении веков.

Поэтому и тогда, наверное, многим было ясно, что противостояние, утверждение себя и своих привилегий через демонстрацию и применение силы, составной частью которой является гонка вооружений, неспособны быть отмененными ни перестройкой, ни «новым политическим мышлением». Да и потом, в мире, где «нет ничего нового под луной», не может быть действительно «нового политического мышления», а может быть только пародия на него, а пародия, как известно, способна лишь на некоторое время подменить оригинал. Так случилось и с перестройкой М. Горбачева. Она изменила оболочку, форму, но не смогла и не могла изменить содержание, созданный во времена торжества «законов джунглей» и продолжающий оставаться таковым миропорядок. Принцип «где-то убывает, где-то прибывает» является основополагающим в нынешнем мировом общежитии, и это наглядно показали перестроечный и постперестроечный периоды. Если бы мы жили в мире, где возможно было бы появление и внедрение действительно «нового политического мышления», то не развалился бы Варшавский договор, а его члены не оказались бы в составе НАТО – военно-политического блока, для военного сдерживания которого и был когда-то создан Варшавский договор; не разрушился бы Советский Союз, и не было бы на его бывших частях столько войн и страданий, в которых почти везде

были засвидетельствованы интересы, почему-то всегда, конечно же, «жизненные», глобальных или хотя бы региональных держав. Так «завершилась» «холодная война», которая остается холодной только для «заинтересованных» держав, но для стран и народов, которые, к их несчастью, оказались ареной геополитических столкновений, зачастую превращается в самые настоящие горячие войны, одной из которых была Отечественная война в Абхазии.

Таким образом, при рассмотрении вопросов, связанных с военно-политической историей Абхазии означенного периода, необходимо учитывать более широкий контекст – региональную и глобальную геополитику. Поскольку процессы, приведшие к войне и последовавшим за ней событиям, не свалились как снег на голову, необходимо знать предысторию войны. Отсутствие осведомленности об этом периоде абхазо-грузинских взаимоотношений, вкупе с грузинской пропагандой, привело к тому, что война в Абхазии, которая для нее являлась Отечественной или войной за выживание, до сих пор нередко воспринимается как продукт противостояния цивилизованной грузинской христианизированной нации с абхазскими мусульманскими фундаменталистами, которые являлись марионетками в руках пресловутой «третьей силы». Конфликт между Абхазией и Грузией в этих кругах отказываются классифицировать как межгосударственный, рассматривая его в лучшем случае как этнополитический.

Бывший депутат Верховного Совета Абхазии Н. Месхия справедливо замечает: «При обсуждении проблем, связанных с Абхазией, нельзя ограничиться только лишь периодом 1989-1993 гг. Необходимо обозреть и проанализировать события и более раннего периода. Это необходимо для полного понимания и осмысления тех политических реалий, которые вызревали долго, но реально существовали перед войной в Абхазии»[1]. Действительно, абхазо-грузинские отношения имеют свою историю, без представления о которой сложно разобраться в сути современного противостояния. Узел нынешних абхазо-грузинских противоречий стал завязываться во второй половине XIX столетия, после окончания Кавказской войны и вынужденного переселения абхазов в Турцию. До опустошительной русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Абхазия состояла почти исключительно из коренного абхазского на-

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 17.

селения. После войны значительная территория страны от р. Псырцха до р. Кодор обезлюдела. Тогда же начался процесс бурного переселения крестьян из Западной Грузии (в основном мегрелов) в центральную часть Абхазии, в опустевшие села Мерхеул (1879), Беслетка (1881), Акапа (1882), Келасур, Пшап (1883) и др. В 1877 г. появилась пространная статья видного грузинского публициста Я. Гогебашвили, известная под весьма определенным и красноречивым названием «Кем заселить Абхазию?». Он считал, что колонизация Абхазии может быть успешной лишь в случае переселения туда десятков тысяч мегрелов, но не русских, армян, греков... Гогебашвили писал прямо: «Представляя со всех... сторон наилучших колонизаторов Абхазии, мингрельцы должны явиться первыми заместителями выселившихся абхазцев». В считанные годы Абхазия превратилась в пестрый в этническом отношении край. Здесь возник целый ряд поселений – армянских, греческих, русских, эстонских, немецких, болгарских и др. В послевоенный период этнодемографическая ситуация в Абхазии резко изменилась. По статистическим данным 1886 г. в Сухумском округе насчитывалось около 69 тыс. человек. Из них абхазы составляли 58.963 чел. (85,7%), грузины (мегрелы и лазы – 3.558) – 4.166 чел. (6,0%), греки – 2.149, армяне – 1.049, русские –971 чел. и т. д. Недоверие и напряжение в абхазо-грузинских отношениях проявилось в 1905-1907 гг., когда масса грузинских переселенцев приняла активное участие в революционном движении в Абхазии. События первой русской революции в Абхазии абхазы воспринимали как «грузинскую» революцию и с недоверием отнеслись к тем, кто недавно занял земли их собратьев-махаджиров, а теперь выступал перед ними в роли революционных агитаторов[1].

Проблемы грузино-абхазских взаимоотношений уже советского периода в сконцентрированной форме были изложены в речи В. Ардзинба на первом съезде народных депутатов СССР. Он тогда говорил: «Советская власть в Абхазии была установлена 4 марта 1921 года, была провозглашена Социалистическая Советская Республика Абхазия. Под нажимом Сталина в декабре 1921 года Социалистическая Советская Республика Абхазия заключила союзный договор с Советской Социалистической Республикой Грузия, который сохранялся до 1931 года.

[1] Шамба С. М., Лакоба С. З. Народный форум Абхазии и его цели // Сб. «Абхазский узел» / http://abkhazia.narod.ru/ShamLak.htm.

В правовом отношении этот союз означал создание федерации, основанной на равноправии и суверенности обеих республик… Однако в действительности этот договор стал началом ликвидации суверенитета Абхазии. В 1931 году договорная Абхазия была преобразована теперь уже в автономную республику в составе Грузинской ССР. Таким образом, Абхазия чуть ли не единственная республика, политический статус которой изменялся по воле Сталина не по восходящей, а по нисходящей линии. Сегодня мы многое знаем о массовых репрессиях против советских людей, целых народов в годы культа личности. В истории абхазского народа 1937-1953 годы стали периодом, когда стоял вопрос о ликвидации народа как такового. О том, что ставилась и решалась именно эта задача, свидетельствует вся совокупность репрессивных акций в отношении абхазцев. Была обезглавлена нация: уничтожены все виднейшие государственные и партийные лидеры Абхазии и практически вся интеллигенция. Массовым репрессиям подверглось крестьянство. С 1940 года абхазский народ перестали называть «абхазским народом». С 1941 года прекратились радиопередачи на абхазском языке. В 1945-1946 годах были закрыты абхазские школы, и преподаватели остались вне школ. Абхазцев практически не стало в руководящих партийных и советских органах. Было начато массовое насильственное переселение в Абхазию. На переселение тратились огромные средства, оно не прекращалось даже в тяжелые 1941-1942 годы. Из Абхазии были выселены греки, турки и другие народы, а их дома переданы переселенцам из районов Грузии. За счет такого искусственного прироста абхазцы оказались в меньшинстве на своей древней родине. Подверглись изменениям исконные названия населенных пунктов в Абхазии. Только с 1948-го по 1951 год на соответствующий лад были переименованы 147 названий… Вместе с тем официальное осуждение культа личности на XX съезде партии не повлекло за собой ликвидации «наследия сталинизма». Это «наследие» до сих пор дает о себе знать. О серьезных нарушениях в области национальной политики по отношению к абхазскому народу говорилось в коллективных и личных письмах, с которыми обращались в центральные партийные и советские органы представители различных слоев абхазского народа – интеллигенции, рабочего класса и крестьянства в 1947, 1957, 1967, 1978, 1988 годах»[1].

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=85.

* * *

Безусловно, боевые действия во время войны занимают одно из определяющих мест, уже только потому, что в них гибнут люди. Но вместе с тем общеизвестно, что война – это продолжение политики другими средствами. Сегодня нередко войны выигрываются с помощью хорошо спланированной информационной диверсии. Степень значимости информации за последние десятилетия многократно возросла. Эта связано, прежде всего, с появлением и распространением новейших информационных и коммуникационных средств связи. Американский исследователь вопросов войны, мира и СМИ Д. Рубин пишет, что в современном мире «психология и мировоззрение являются неотъемлемыми составляющими военной стратегии и ставят журналиста по значимости в один ряд с генералом, ученым или политическим лидером»[1]. Ученый С. Силков в своей энциклопедической статье пишет: «Информационная война – комплексная стратегия достижения информационного превосходства при противоборстве в конфликте путем воздействия на информационную среду противника при одновременном обеспечении безопасности собственной информационной среды. По соотношению «эффективность – себестоимость» информационная война является в настоящее время самым перспективным способом ведения военных действий»[2]. Черчилль говорил, что проигравший информационную войну рискует проиграть мир.

В связи с этим считаю небесполезным привести следующий пример из истории: 26 марта 1796 г. Наполеон Бонапарт лишь только принял командование армией Италии – пожалуй, самой слабой из всех, которые имелись в то время у Франции, – издал прокламацию следующего содержания: «Солдаты! У вас нет ни сапог, ни мундиров, ни рубах. Вам почти не хватает хлеба, а наши склады пусты. Тем временем у врага всё имеется в изобилии. От вас лишь зависит, чтобы всё добыть. Вы хотите и можете это сделать. Итак, вперед!». Эту и последующие прокламации широко распространяли среди солдат. Но, кроме того, Бонапарт быстро понял, насколько важна поддержка всего французского народа.

[1] Рубин Д. И. Роль средств массовой информации в формировании морально-этических норм, связанных с войной и окружающей средой // Морально-этические нормы, война, окружающая среда. М., 1989. С. 143.

[2] Силков С. В. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск., 2001. С. 427.

Поэтому он предпринял все усилия для того, чтобы прокламации распространялись не только среди солдат, но и среди гражданского населения. Он добился этого посредством публикации газет, плакатов и листовок, передаваемых из рук в руки. Под конец Итальянского похода, 20 июля 1797 г., он основал газету Le Courrier de l'Arme d'Italie, а 10 августа – La France vue de l'Arme d'Italie. Вскоре вышел в свет и журнал под названием Journal de Bonaparte et des hommes vertueux. С тех пор в армиях под командованием Наполеона, а затем и во всей французской армии, действовали полевые типографии, печатавшие императорские прокламации и бюллетени, а также военную прессу[1].

«Кто из историков не мечтал о возможности, подобно Улиссу[2], накормить тени кровью, чтобы они заговорили? Но чудеса «неквии» теперь уже не в моде, и у нас нет другой машины времени, чем та, что работает в нашем мозгу на сырье, доставляемом прошлыми поколениями»[3]. Так говорил М. Блок. Действительно, как было бы хорошо заполучить некоторые секретные материалы переговоров или хотя бы их итоговые документы, о которых, как правило, политики и военные не признаются ни в мемуарах, ни на смертном одре. А между тем эти документы помогли бы нам разобраться в сути происходивших процессов намного легче, а главное – точнее. Но наш удел – искать вслепую. Историк, в том числе историк современности или недавней истории, пишущий об истории периода, свидетелем которого он был, походит на слепого, обязанного или осудившего себя на прозрение. Ведь иногда чем ближе к тебе событие, тем труднее его увидеть, тем более осмыслить. Думаю, в немалой степени это относится и к истории войны в Абхазии.

Наряду с этим существует проблема объективированного субъекта или субъективированного объекта войны. Известный историк и философ истории М. Блок свидетельствует: «Я много раз читал, часто сам рассказывал истории о войне и сражениях. Знал ли я действительно – в полном смысле слова «знать», – знал ли я нутром это жгучее отвращение, прежде чем сам его испытал, прежде чем узнал, что означает для армии окружение, а для народа – поражение?.. По правде сказать, мы

[1] Военная пропаганда // http://vlastitel.com.ru/napoleon/propaganda.html

[2] Улисс – латинизированное имя Одиссея.

[3] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 // http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml

сознательно или бессознательно, в конечном счете, всегда заимствуем из нашего повседневного опыта, придавая ему, где должно, известные новые нюансы, те элементы, которые помогают нам воскресить прошлое»[1]. В связи с изложенным считаю нелишним привести мнение великого русского философа Н. Бердяева о взаимосвязи истории, войны и творчества, который писал следующее: «История не может не быть войной, и война есть прикосновение к концу как имманентному результату зла. Все готовы признать, что сама по себе есть зло, хотя, может быть, и наименьшим злом. В войне есть демоническое начало. И вместе с тем, когда разразилась война, люди и народы не могут не ставить вопроса о смысле войны, они пытаются ее осмыслить, как и все значительные события жизни. Но терминологически ошибочно ставить вопрос о смысле войны. Война не имеет смысла, не может быть явлением смысла, война бессмысленна, есть надругательство над смыслом, в ней действуют иррациональные и фатальные силы. Единственная цель войны есть победа над врагом. Но можно иначе ставить вопрос. Можно ставить вопрос о причинах войны и о задачах, которые она ставит перед людьми и народами. Война сама по себе не творит новой жизни, она есть разрушение. Но люди, пережившие ужасы войны, люди, раскрывшие в себе творческую свободу, могут направить свои силы на творчество новой, лучшей, более человечной жизни»[2].

Нет и не может быть события или явления вне времени, и всякое событие и явление является историческим, следовательно, звеном в цепи целого исторического процесса. Названный процесс состоит из совокупностей случайностей и закономерностей, при этом случайности, часто повторяясь, становятся закономерностями. Людям, изучающим современное им время, намного труднее отличить случайность от закономерности в рассматриваемых ими процессах. Известная фраза о том, что «большое видится на расстоянии», может быть отнесена и к процессу познания смыслов исторических событий и явлений. Только в нашем случае названная фраза будет звучать: «Правда открывается на расстоянии». Поиск, нахождение и анализ причинно-следственных свя-

[1] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 // http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml

[2] Бердяев Н. Война и эсхатология // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_VoiEsh.php

зей являются необходимым условием для «объективной» оценки рассматриваемых событий их взаимоотношений, которые, в свою очередь, всегда «субъективны», ибо все сотворенное человеком не в состоянии избежать печати субъективизма.

Возникает вопрос: если это так сложно и со временем может стать легче – тогда не лучше ли сейчас предаться праздности и не напрягать свой разум в стремлении описать и изучить события времен Отечественной войны в Абхазии? Нет, это не так: мы живем в такое время, когда основным орудием войны становится пропаганда – и она сделает свое дело. История иногда подвергается такой агрессии, что она не в состоянии устоять, что приводит к ее переписыванию. Враг, совершающий агрессию, стремится отнять у народа все, что свидетельствует о его свободе. То же самое действие совершает труженик умственного труда, стремящийся переписать историю другого народа. История переписывается или в пользу переписывающего ее, или по заказу противной стороны. И те, и другие, по сути, выполняют одну задачу – лишают народ истории и исторической памяти – самого мощного мобилизующего фактора против агрессии, а следовательно, отнимающий историю – отнимает родину. При этом часто забывают или, что хуже и чаще, не считаются с тем, что «ничто так не оскорбляет сознание народа, как конъюнктурное искажение его истории»[1]. Поэтому сейчас история, в частности история Отечественной войны в Абхазии, становится некой линией фронта. Вокруг войны в Абхазии уже много небылиц, и многое из этих небылиц появилось под воздействием пропагандистской войны, развернутой против Абхазии. Мы живем во времена, когда история перестала быть наукой о прошлом. История – наука о современности и о будущем. Собственно, она была таковой всегда.

Теперь информационная война приобретает не меньшее значение, нежели битвы на полях сражений. Победа на поле боя может не принести долгожданного успеха в продвижении к заветной цели, если она не будет подкреплена информационно. Любая война нуждается в идеологической обоснованности и подготовке общественного мнения к ней и к каждому военно-политическому шагу впоследствии, при отсутствии которой она, как правило, обречена на поражение. Поэтому современ-

[1] Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказа? Иллюзии и реальность. С-Пб., 2008. С. 118.

ные войны ведутся одновременно на идеологическом и информационном фронтах. В силу всего этого пресса становится не только средством оповещения населения о происходящих событиях, но и орудием идеологической войны. Поэтому страны, начиная войну, стараются блокировать нежелательную для себя информацию о ней, устраивая информационную блокаду. Ю. Громыко, размышляя о названных процессах, пишет: «Информационная война – это война без фиксированных границ, без четко установленной принадлежности информационных систем той или другой воюющей стороне – когда собственные средства массовой информации могут осуществлять передачу стратегической информации противнику и разрушать сознание населения собственной страны. Современная война становится во всей большей мере войной на поражение и разрушение сознания противника и консолидацию сознания собственного народа»[1].

«Когда начинается война, первой жертвой становится правда», – гласит распространенная поговорка[2]. «Нигде не врут так, как на охоте и на войне», – сказал князь Бисмарк, ходивший на медведя вместе с Александром II и кое-что понимавший в «делах Марсовых». Вранье на войне – это тоже оружие»[3]. Одним из примеров, подтверждавших справедливость этих выражений в Отечественной войне в Абхазии, является то, что после взятия Гагры в грузинских газетах появляется слово «наемник» и в дальнейшем тема иностранных наемников постоянно присутствовала на страницах грузинской прессы[4]. Тем временем, с момента принятия Гаагской Конвенции «О законах и обычаях войны» 18 октября 1907 г. международное право четко различает добровольцев от наемников. Статья 1 главы I названной Конвенции, которая называется «О том, кто признается воюющим», гласит: «Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих

[1] Громыко Ю. Оружие, поражающее сознание, – что это такое? // Консцеиентальное оружие. М., 1997. С. 21.

[2] Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне. Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. СПб.-М., 1998 // http://www.klex.ru/n0

[3] Широкорад. А. Б. // «Союз. Беларусь-Россия», №267.

[4] Разоренова М., Дзиндзибадзе К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии // http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html

подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии»[1].

Однако в пропагандистской войне, как говорил признанный мастер идеологии Й. Геббельс: «Мы добиваемся не правды, а эффекта». Приведу еще одну цитату главного идеолога фашизма, который хорошо знал толк в обмане и вранье: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее толпа в нее верит». То же самое относится и к заявлениям грузинских деятелей, в том числе Э. Шеварднадзе, что абхазы на гагрском стадионе играли в футбол отрубленными грузинскими головами; абхазы сами сожгли свои очаги культуры или абхазы сами сбили вертолет с абхазскими женщинами и детьми. М. Разоренова и К. Дзиндзибадзе, проведшие избирательный анализ грузинской прессы времен Отечественной войны в Абхазии, пишут: «По степени устойчивости на страницах грузинской прессы во время войны главной темой-индикатором была: поддержка правительства В. Ардзинбы извне. Эта тема чаще других встречается на страницах грузинских газет. Поддержкой абхазского руководства извне, как правило, объясняются неудачи грузинских вооруженных сил. На первое место вышла подтема поддержка со стороны России»[2]. Однако это опровергают слова известного российского журналиста А. Караулова, который уже в начале июня 1993 г. в беседе с В. Ардзинба сказал: «Я не помню случая, чтобы Вы появлялись на экранах и Останкино, и российского телевидения больше, чем на две минуты»[3].

* * *

В данной работе предпринята попытка периодизации истории Отечественной войны в Абхазии. Периодизация войны также дается и в работах Д. Бутба и В. Пачулия.

Д. Бутба, проанализировав военные действия на Восточном фронте, разделил их на 4 периода: первый – 14 августа 1992 г. – начало войны;

---

[1] http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml

[2] Разоренова М., Дзиндзибадзе К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии // http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html

[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

второй – 26 декабря 1992 г. – широкомасштабное наступление грузинских войск и отражение агрессии; третий – с 26 декабря 1992 г. по 4 марта 1993 г. – этап перехода абхазской армии к победе; четвертый – 2 июля – 30 сентября 1993 г. – путь к свободе[1]. Еще раз напомню, что данная периодизация относится только к Восточному фронту.

В. Пачулия, напомнив, что «периодизация войны – это деление войны на основные, качественно отличающиеся друг от друга временные отрезки», и что при этом «надо исходить из объективных факторов, определяющих ход и итоги войны», разделил ее на четыре периода:

первый – крах плана молниеносного завоевания Абхазии – освобождение Гагры, начало коренного перелома в ходе грузино-абхазской войны (14.08 – 6.10.1992); второй – позиционная война (7.10.1992 – 1.7.1993)[2]; третий – Июльская (1993) наступательная операция, коренной перелом в ходе грузино-абхазской войны (2.07 – 27.07.1993); четвертый – Сентябрьская (1993) наступательная операция и окончательная победа над грузинскими оккупационными войсками (28.07 – 30.09.1993)[3].

Опуская анализ приведенной периодизации, приведу свою точку зрения по названной проблеме. Абхазо-грузинскую войну, на мой взгляд, было бы более верным делить на три периода:

первый – 14 августа – 2 октября 1992 г. – с начала войны до начала Гагрского наступления – провал блицкрига Госсовета Грузии. Абхазия сумела пробить информационную блокаду. Грузия, начиная войну, демонстрировала шапкозакидательские настроения, но к исходу первого периода Абхазия доказала, что с ней не только надо, но и необходимо считаться, что было подтверждено как на полях сражений, так и за столом переговоров;

второй – 2 октября 1992 г. – 2 июля 1993 г. – с начала Гагрской операции до начала Июльского наступления. Здесь считаю нужным отметить следующее: при рассмотрении Гагрской операции в контексте периодизации Отечественной войны в Абхазии нужно анализировать

[1] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 183.

[2] В качестве характерной черты этого периода В. Пачулия считает четко определившуюся в начале 1993 г. тенденцию «к полному затуханию стратегического наступления грузинских войск и возрастание возможностей Абхазской армии для перехода к более активным и решительным действиям».

[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 355.

не только саму операцию и ее значимость, но и ситуацию, сложившуюся после нее. Она была началом освобождения Абхазии, психологического, а не военного перелома в ходе войны. Гагрская операция имела, безусловно, важнейшее военное значение, но она не привела и не могла привести к коренному перелому в ходе всей войны. После Гагры за противником оставался большой перевес в вооружении и боевой технике, и под его контролем также оставалась значительная территория Абхазии. Говорить о начале коренного перелома применительно к военной операции, после которой за противником оставался военный перевес, и он же продолжал контролировать значительную часть Абхазии, на мой взгляд, было бы не совсем верно. После Гагрской операции, вплоть до начала июля 1993 г., наступила относительная стабилизация фронтов. Все это время на фронтах происходили напряженные позиционные бои и предпринимались наступательные операции, как со стороны грузин, так и со стороны абхазов. Следует отметить военные операции абхазов на Гумистинском фронте – первая Шромская (ноябрь 1992 г.), Январская и Мартовская (1993 г.), на Восточном фронте – Очамчырская (октябрь 1992 г.), Кочарская (ноябрь 1992 г.). Военные операции грузин на Восточном фронте – декабрьская (1992 г.) и февральская (1993 г.), а также многочисленные наступательные операции, предпринимавшиеся ими на различных участках Восточного фронта. Однако все эти операции в смысле их исходов носили локальный характер и не привели к стратегическому изменению положения на фронтах Отечественной войны. В силу названных обстоятельств полагаю правильным рассматривать Гагрскую операцию началом второго периода войны, продлившегося до Июльского наступления, в результате которого произошли существенные изменения, приведшие к глобальным последствиям, определившим исход Отечественной войны в Абхазии;

третий – 2 июля – 30 сентября 1993 г. – Июльское и Сентябрьское наступления Абхазской армии, победа в войне. Июльская и Сентябрьская операции, в отличие от предшествовавших январского и мартовского масштабных наступлений, оказались успешными; в отличие же от Гагрской операции, перед которой ставилась и в ходе которой была решена задача освобождения северо-западной части Абхазии, Июльская и Сентябрьская операции призваны были решить задачу освобождения территории всей Абхазии. Как видно, Июльская и Сентябрьская опе-

рации решали одну и ту же задачу, и то, что по разным причинам не удалось достигнуть в ходе июльского наступления, было достигнуто в сентябрьском – изгнание грузинских войск с территории Абхазии. Более того, Сентябрьская операция являлась продолжением Июльской. Изложенное, на мой взгляд, позволяет объединить две наступательные операции Абхазской армии – Июльскую и Сентябрьскую – в один период Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.). Насколько такая периодизация соответствует действительному состоянию дел на полях сражений и на дипломатических фронтах войны, покажут время и будущие исследования.

~ РАЗДЕЛ 1. ~

АБХАЗО-ГРУЗИНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАМКАХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ЧАСТЬ 1.
АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ: ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ ДО РЕФЕРЕНДУМА

1. Перестройка и очередной виток конфронтации между Грузией и Абхазией

1. 1. «Новое политическое мышление»

Перед началом перестройки мир подошел к очередной черте, когда стало необходимостью некое корректирование хода исторического процесса, ибо это было время наивысшей угрозы ядерной войны. Именно тогда, 23 марта 1983 г., президент США Р. Рейган заявил о начале разработки программы стратегической оборонной инициативы (СОИ), направленной, прежде всего, против Советского Союза. Известный дипломат и историк дипломатии Г. Киссинджер о причинах появления американской программы «звездных войн» СОИ пишет: «Появление термина «взаимно гарантированное уничтожение» означало преднамеренный прыжок от рациональности в стратегической теории к обороне, базирующейся на угрозе самоубийства. На практике она давала огромное преимущество, в первую очередь психологическое, той из сторон, которая способна была выдвигать угрозы, заведомо зная, что ее оппонент может отделаться от них, лишь прибегнув к всеобщей ядерной войне. В 60-е и 70-е годы такой страной безоговорочно являлся Советский Союз, чьи Вооруженные силы обычного типа, как в основном полагали, в значительной степени превосходили западные.

В то же время подобная стратегия гарантировала, что ядерная война уничтожит цивилизацию как таковую. Таким образом, СОИ нашла себе приверженцев, в особенности среди тех, кто стремился избежать невыносимого выбора между капитуляцией и Армагеддоном. Большинство средств массовой информации и ученых, тем не менее, придерживались привычных суждений и выступали против СОИ»[1]. Известный дипломат продолжает: «Рейган был глух к большинству замечаний технического характера, поскольку он предлагал СОИ в первую очередь вовсе не из стратегических соображений. Напротив, он предложил ее как «либеральное» начинание, имеющее целью ликвидацию ядерной войны как таковой»[2]. Здесь Г. Киссинджер допускает излишнюю романтизацию личности Рейгана, но он же в обществе историков говорил: «Когда вы разговариваете с Рейганом, то иногда удивляетесь, почему кому-то могло прийти в голову, что он может быть президентом или даже губернатором. Но тогда именно вам, историкам, следует объяснить, как столь неинтеллектуальный человек мог управлять Калифорнией восемь лет, а Вашингтоном уже почти семь лет»[3].

Познания Г. Киссинджера в области истории развития искусства управления государством и его только что процитированная работа «Дипломатия» удостоились высокой оценки со стороны бывшего премьер-министра Великобритании, «железной леди» М. Тэтчер[4]. Она подчеркивала, что не обладает достаточными знаниями в этой области, но все же излагает совершенно противоположное мнение о Р. Рейгане. В 1999 г. в Праге во время церемонии чешского ордена Белого Льва М. Тэтчер сказала: «Принимая эту награду, мне хотелось бы назвать имя человека, который имеет большее, чем кто-либо другой (и большее, чем я), право претендовать на победу в «холодной войне» без единого выстрела: это, конечно, президент Р. Рейган»[5]. И в другом месте «железная леди» продолжает утверждать, что «уже сейчас вполне можно доказать, что президент Рейган заслуживает звания главного архитектора победы Запада в «холодной войне[6].

---

[1] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 710.
[2] Там же. С. 771.
[3] Там же. С. 697.
[4] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 15.
[5] Там же. С. 33.
[6] Там же. С. 34.

Тогда в момент провозглашения программы СОИ[1], можно сказать, в двух противостоящих тогда центрах понимание нависшей над миром опасности взяло вверх над другими обстоятельствами, и у их элит хватило воли и ума не приводить в действие маховик самоуничтожения. Показателем этого может являться то, что «советская реакция оказалась прямо противоположной той, какую предсказывали сторонники контроля над вооружениями». Бывший Госсекретарь США Г. Киссинджер сообщает, что после названного заявления Р. Рейгана «Советы вернулись на переговоры по контролю над вооружениями, которые прервали в связи с проблемой ракет средней дальности»[2]. Уже в конце ноября 1984 г. СССР и США согласились вступить в переговоры для достижения взаимоприемлемых договоренностей по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. Для того чтобы выработать совместную точку зрения на предмет и цели таких переговоров, 7–8 января 1985 г. в Женеве состоялась встреча министра иностранных дел СССР А. Громыко с государственным секретарем США Дж. Шульцем[3]. По итогам этой встречи было опубликовано совместное заявление, в котором наряду с уточнением характера новых переговоров говорилось, что «в конечном итоге, по мнению сторон, предстоящие переговоры, как и вообще усилия в области ограничения и сокращения вооружений, должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду»[4].

---

[1] Администрация США официально отказалась от планов создания и вывода в космос систем противоракетной обороны, основанных на новом поколении лазерного оружия и оружия направленной энергии, т. е. от праграммы СОИ, в мае 1993 г. (Газ. «Известия», № 90… С. 1. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-15-maya-1993-goda).

[2] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 712.

[3] Небезынтересно отметить, что у Дж. Шульца сложились хорошие отношения с преемником А. Громыко на посту министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, дружбу с которым он сохранил и после завершения своей политической карьеры. В частности, 24 марта 1995 г. грузинское информационное агентство «Би-джи-ай» сообщило, что бывший госсекретарь США передал Тбилисскому государственному университету в дар 10 тысяч долларов. Данный поступок Дж. Шульца не мог быть продиктован ничем иным, как стремлением продемонстрировать свою поддержку Э. Шеварднадзе, который уже к тому времени был президентом Республики Грузия.

[4] Корниенко Г. М. Взгляд в прошлое // Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992 // http://militera.lib.ru/research/ahromeev_kornienko/index.html.

10 марта 1985 г. скончался генеральный секретарь ЦК КПСС К. Черненко, и на его место уже 11 марта, при поддержке старейшего члена Политбюро А. Громыко, был избран М. Горбачев – самый молодой из членов Политбюро. Они условились «взаимодействовать». Так у руля одной из супердержав того мира становится человек, которому было суждено изменить ставший привычным миропорядок. Другим предзнаменованием грядущих перемен стало назначение руководителя советской Грузии Э. Шеварднадзе на пост министра иностранных дел СССР. Э. Шеварднадзе был назначен в июле 1985 г. вместо ушедшего в отставку А. Громыко. Судя по всему, и Горбачев, и Шеварднадзе давно готовились к изменению мира и провозглашению «нового политического мышления». По свидетельству бывшего премьер-министра РФ Е. Гайдара, они еще в декабре 1984 г. в Пицунде обсуждали вопрос о том, что так больше жить нельзя. Правда, что они конкретно имели в виду, так и осталось тайной. Тот же источник далее свидетельствует: «Но все, что известно из доступных архивных материалов, показывает, что четкого плана действий, подготовленного к моменту, когда высшая власть окажется в их руках, у них не было. Через 22 месяца после прихода к власти, выступая на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г., М. Горбачев признал, что масштаб проблем, стоящих перед страной и ее руководством, оказался больше, чем он предполагал»[1].

Кадровые перестановки в советском руководстве совпали по времени с началом относительного сближения позиций СССР и США по вопросам разоружения. Уже в первом письме Р. Рейгана, которое передал вице-президент Дж. Буш, прибывший на похороны К. Черненко, содержалось приглашение М. Горбачеву посетить Вашингтон. В том же 1985г. впервые было заявлено о готовности СССР пойти на 50-процентное взаимное сокращение ядерных вооружений, достигающих соответственно территории США и СССР, при условии запрета космического оружия. Одним из первых шагов в области разоружения, предпринятых по инициативе М. Горбачева, стало также объявление Советским Союзом одностороннего моратория на подземные испытания ядерного оружия с 6 августа 1985 г.[2] сроком до 31 декабря 1985 г. и его готов-

[1] Гайдар. Е. Т. Гибель империи. М., 2006. С. 59. // http://www.litru.ru/?book=9333&description=1.

[2] Дата 40-й годовщины бомбардировки Хиросимы.

ности соблюдать мораторий и дальше в случае присоединения к нему США[1]. В октябре 1985 г., в ходе визита М. Горбачева во Францию, было объявлено о снятии с боевого дежурства ракет СС-20, установленных в июне 1984 года. Тогда же советское руководство заявило о готовности заключить отдельное соглашение по ракетам средней дальности вне зависимости от того, когда будет достигнута договоренность по вопросам стратегических наступательных и космических вооружений. Таким образом, был создан благоприятный фон для встречи М. Горбачева и Р. Рейгана, которая состоялась 19–21 ноября 1985 г. в Женеве. Хотя на ней договориться по конкретным вопросам, касающимся ядерных и космических вооружений, не удалось, но в заявлении по итогам встречи констатировалось, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана.

Еще одним предвестником наступления новой эпохи стало подписание единого европейского акта, ставшего первым серьезным шагом к объединению социально-экономического, а главное – военно-политического потенциала государств Старого Света. 17-28 февраля 1986 г. в Люксембурге и Гааге свою подпись под ним поставили первые лица Бельгии, Дании, ФРГ, Греции, Испании, Франции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Португалии и Великобритании. В документе целью Европейского политического сотрудничества было объявлено «способствовать сообща реальному продвижению к европейскому единству». Однако также особо оговаривалось, что этот Акт «не затрагивает права государств-членов предпринимать такие меры, которые они сочтут необходимыми для контроля за иммиграцией из третьих стран, а также для борьбы против терроризма, преступности, распространения наркотиков и нелегальной торговли произведениями искусства и предметами старины». При этом также в документе отмечалось, что страны, подписавшие Акт о Европейском политическом сотрудничестве, «подтверждают свою открытость по отношению к другим европейским странам, разделяющим те же идеалы и цели». В частности, выражалась готовность «усилить свои связи с государствами-членами Совета Европы и другими европейскими демократическими странами, с которыми они поддерживают дружественные отношения и тесно со-

[1] Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата… // http://militera.lib.ru/research/ahromeev_kornienko/index.html.

трудничают». При этом и не все страны, подписавшие Акт, были готовы к безоговорочному присоединению к Европейскому политическому единству – между европейскими странами еще оставались существенные противоречия. Тем не менее, заключение единого европейского акта следует рассматривать как шаг к созданию еще одного центра притяжения геополитических сил и интересов, еще одного центра мировой политики. Это был по существу первый самостоятельный выход объединенной Европы на геополитическую арену.

Начавшиеся процессы стали свидетельством того, что привычная форма сосуществования стран и народов в мире стала меняться, что, в конце концов, привело бы к складыванию многополюсного мира и, следовательно, к большей взаимозависимости, чем при биполярном мире. В силу названного обстоятельства для советского государства стало необходимостью вовлечение в общепланетарные договоры, неучастие в которых отпугивало многих от него. Да и в самой Москве к тому времени, судя по всему, уже стали понимать, что такую полномасштабную гонку вооружений экономика страны долго не выдержит. Однако остановить раскрученный маховик гонки вооружений, особенно в условиях взаимного недоверия супердержав и военно-политических блоков, было делом очень не простым. Но это стало велением времени…

Для прекращения гонки вооружений со стороны СССР требовалось уничтожить или хотя бы приподнять «железный занавес», без чего было бы невозможно вызвать к себе доверие. Приподнятие «железного занавеса», в свою очередь, привело бы к тому, что мир стал бы более открытым, что предусматривает не только влияние на остальную часть человечества, но и влияние обратное, т. е. влияние было бы двусторонним. В этом случае необходимо, чтобы этот взаимовлияющий и взаимозависящий мир жил по одним или хотя бы похожим законам и принципам. И неучастие отдельной страны или группы стран в договорах, в которых принимает участие большинство государств мира, может привести к тому, что первые могут оказаться на обочине истории. В качестве программы, которая была призвана защитить Советский Союз от возможного скатывания к обочине истории, была выдвинута «политика «нового мышления» для СССР и для всего человечества», провозглашенная в начале весны 1986 г. М. Горбачевым в ходе поездок по стране и миру. В рамках новой политики 4 апреля 1986 г. Президиум ВС СССР принял по-

становление о присоединении СССР, правда, с оговорками, к Венской конвенции о праве международных договоров[1].

16 января 1987 г. в Лондоне была подписана хартия свободы. Любая цензура запрещалась; независимые органы печати, теле - и радиовещания должны были иметь возможность свободно возникать и функционировать во всех странах; осуждались все юридические, технические и тарифные правила органов контроля средств связи, затруднявшие распространение сведений и ограничивавшие поток информации; иностранным журналистам должна была быть предоставлена свобода передвижения по стране, доступ к официальным и неофициальным источникам сведений, а также право свободного ввоза и вывоза всех необходимых профессиональных материалов и аппаратуры[2]. Это было очень существенно с учетом того, что именно информация сыграла решающую роль в изменении существовавшего тогда миропорядка.

Тем временем, продолжался советско-американский диалог по разоружению и прекращению гонки вооружений. Вторая встреча Р. Рейгана и М. Горбачева состоялась 11-12 октября 1986 г. в Рейкьявике. Г. Киссинджер, говоря об этой встрече, сообщает: «Во время 48-часовых переговоров Рейган и Горбачев в принципе договорились сократить в течение пяти лет все стратегические силы на 50%, а в течение десяти лет ликвидировать все баллистические ракеты. В этом смысле Рейкьявик приблизил создание советско-американского кондаминимума, чего уже так долго боялись союзные и нейтральные страны». Однако «рейкьявикская сделка» сорвалась в последний момент по двум причинам. Горбачев попытался объединить уничтожение стратегических ракет с запретом на испытания СОИ в течение десяти лет. Когда настойчивость Горбачева возросла, Рейган встал и покинул переговоры»[3].

М. Тэтчер называет саммит в Рейкьявике «поворотным пунктом «холодной войны». Далее о ходе и результатах названных переговоров «железная леди» повествует следующим образом: «Г-н Горбачев уже знал из прошлых дискуссий с президентом Рейганом, как горячо тот поддерживает СОИ, в которой видит не только практическую необходимость, но и моральную цель: программа направлена на защиту людей и опи-

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt13949.shtm.
[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt13748.shtm.
[3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 713-714.

рается не только на ядерное устрашение. Советскому лидеру, располагающему всей полнотой информации, также было хорошо известно, что Советский Союз с его находящейся в застое экономикой и технологической отсталостью не мог ничего противопоставить СОИ. Ему необходимо было любой ценой остановить реализацию программы. Именно поэтому он и пытался предложить президенту Рейгану серьезное сокращение ядерных вооружений в обмен на одно условие: программа СОИ не должна выходить за «рамки лабораторий». Михаилу Горбачеву удалось взять верх, а Рональд Рейган проиграл PR-битву в результате срыва переговоров»[1].

Однако уже в сентябре 1987 г. в Вашингтоне Э. Шеварднадзе и Р. Рейгану удалось договориться о принципах ликвидации двух классов ядерных ракет – РСД и ОТР, а 8 декабря 1987 г. президенты СССР и США подписали договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности[2]. Этот договор между двумя супердержавами имел большое значение и с точки зрения его последствий в психологическом раскрепощении мира от тисков гонки вооружений. Через год после его заключения, 7 декабря 1988 г., на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята «Конвенция о запрещении применения ядерного оружия», в ст. 1 которой провозглашалось: «Государства-участники Конвенции торжественно обязуются не прибегать к применению ядерного оружия или угрозе его применения ни при каких обстоятельствах»[3].

Тогда, во время встречи в декабре 1987 г., М. Горбачев и Р. Рейган достигли договоренности о прекращении американской военной помощи моджахедам в Афганистане и о выводе оттуда советских войск. 8 февраля 1988 г. Горбачев выступил с заявлением, в котором говорилось, что правительства СССР и Республики Афганистан договорились установить конкретную дату начала вывода советских войск – 15 мая 1988 г. В Женеве 14 апреля 1988 г. были подписаны документы по вопросам политического урегулирования вокруг Афганистана. Вступив

[1] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 35.

[2] Вашингтонский советско-американский договор, ратифицированный в обеих странах в мае 1988 г., привел к ликвидации к маю 1990 г. более 2,5 тыс. ракет (в том числе 2/3 советских), что составило примерно 4% мирового запаса ядерного оружия.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt13098.shtm.

в силу 15 мая 1988 г., эти соглашения регламентировали процесс вывода советских войск и декларировали международные гарантии о невмешательстве, обязательства по которым приняли на себя СССР и США. 15 февраля 1989 г., как предусматривалось женевскими соглашениями, из Афганистана были выведены последние советские войска[1].

В отличие от Р. Рейгана, Д. Буш-старший, сменивший его на посту президента США, был настроен поначалу не очень оптимистично к вопросу прекращения гонки вооружений, что могло быть связано с его недоверием лично к М. Горбачеву. Это проявилось уже в том, что Буш уклонился от отдельной встречи с советским руководителем в качестве вновь избранного, но еще не вступившего в должность президента, когда М. Горбачев посетил Нью-Йорк в декабре 1988 г. для выступления в ООН. Не проявлял склонности Буш поначалу и к проведению в скором времени советско-американской встречи на высшем уровне. Его позиция по этому вопросу стала, однако, меняться после поездки госсекретаря Дж. Бейкера в Москву в мае и посещения самим Бушем Польши и Венгрии в июне 1989 года[2]. Уже к тому времени стало очевидно, что сокращение оружия массового поражения производилось с ущемлением военно-политических интересов Советского Союза. В частности, выступая в ООН в декабре 1988 г., М. Горбачев обещал, что численность Вооруженных сил СССР будет сокращена на 500 тыс. человек, число танков – на 10 тыс., число самолетов – на 820. С учетом дополнительных мероприятий по переводу частей и соединений количество танков предполагалось сократить на 15 тыс. штук, самолетов – на 860 штук. Стремясь умиротворить Китай, М. Горбачев также объявил о выводе «значительной части» советских Вооруженных сил из Монголии. Г. Киссинджер об этом факте пишет: «Эти сокращения были четко названы «односторонними», хотя Горбачев и добавил довольно жалобно: «Мы действительно надеемся, что Соединенные Штаты и европейцы также предпримут какие-либо шаги»[3]. Причина этого заключалась в состоянии экономики Советского государства.

[1] Филиппов А. Новейшая история России. 1945-2000 гг. // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[2] Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата… // http://militera.lib.ru/research/ahromeev_kornienko/index.html

[3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 721.

Бывший премьер-министр РФ Е. Гайдар пишет: «Уже в 1988 г. у западных банков начинает возникать сомнение в том, насколько устойчиво финансовое положение СССР. Возможности привлекать кредитные ресурсы на коммерческой основе становятся все более ограниченными, условия предоставления кредитов – жесткими. Это относится и к процентной ставке, и к срокам погашения. Между тем потребности СССР в дополнительных кредитах для финансирования дефицита текущего счета платежного баланса с развитыми капиталистическими странами увеличиваются. Это обусловлено диспропорциями, созданными падением цен на нефть и сохранением потребностей в оплате импортного продовольствия, невозможностью ни сократить закупки, ни увеличить экспорт товаров, не связанных с топливом»[1]. С учетом всего этого, Е. Гайдар заключает: «Лишь зная остроту экономических проблем, с которыми столкнулся Советский Союз к 1988 г., можно понять инициативу Президента Горбачева о сокращении вооружений, сформулированную им в декабре 1988 г. на выступлении в Организации Объединенных Наций, согласие советского руководства на несимметричное сокращение войск в Европе, на заключение соглашения по ракетам промежуточной дальности на условиях, практически идентичных тем, которые предлагало НАТО»[2]. Фактически эта была плата за возможность удержать на плаву экономику с помощью западных кредитов, условия предоставления которых становились все тяжелее. Это позволило Г. Киссинджеру сделать вывод о том, что «бывший Советский Союз являлся в военном отношении сверхдержавой, а в экономическом смысле – карликом»[3].

И, как следствие, Советскому Союзу приходилось расплачиваться своим влиянием в мире. Это выражалось в односторонних уступках противостоявшему военно-политическому блоку – вывод войск из Восточной Европы, непропорциональная схема сокращений и уничтожения вооружений и соглашения об уступках островных и шельфовых территорий союзникам США. Например, один из наиболее часто называемых договоров в этом ряду – соглашение, подписанное между Бейкером и Шеварднадзе об отказе СССР от континентального шель-

[1] Гайдар Е. Т. Гибель империи. М., 2006. С. 73 // http://www.litru.ru/?book=9333&description=1.

[2] Там же.

[3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 15.

фа в Беринговом море, территория которого достигала 68 тыс. кв. км, в результате чего Россия потеряла 30% рыбного промысла. Позже даже напрямую обвиняли Шеварднадзе и Горбачева, в том, что за подпись СССР под этим соглашением были размещены огромные деньги на их зарубежные банковские счета. Бывший министр обороны Грузии Т. Китовани даже писал о том, что Шеварднадзе договорился с Ельциным и поменял этот шельф на Абхазию. В противном случае, по его мнению, видимо, уже задним числом Россия обязательно выставила бы счет Шеварднадзе на предмет того, что по какому праву он согласился поменять демаркационную линию РФ на Беринговом море[1].

Тем временем, перестройка и «новое политическое мышление», целью которых были улучшение отношений на международной арене и прекращение «холодной войны», стали детонатором противостояния внутри самого Советского Союза. Противоречия, которые до этого загонялись вглубь, встали во весь рост и заявили о себе в качестве главных вопросов повестки дня в политической жизни страны. При этом следует отметить, что сама политическая система, заложенная при образовании Советского государства, была миной замедленного действия, которая должна была сработать при относительном ослаблении давления со стороны Центра, что и произошло после провозглашения политики гласности в СССР. Это привело к тому, что многие рычаги управления ситуацией стали уходить из рук Москвы, что, не исключено, поначалу в некоторой степени М. Горбачеву, увлеченному идеями западной демократии, могло нравиться. По мере ослабления влияния центрального руководства на политические процессы в субъектах Федерации, во многих из них начались конфликты на национальной почве. Первый из них произошел в результате драки на катке между якутской и русской молодежью в Якутске в феврале 1986 г. 16-18 декабря 1986 г. в Алма-Ате студенты протестовали против назначения первым секретарем ЦК компартии Казахстана вместо казаха Д. Кунаева русского Г. Колбина. С лета 1987 г. национальные движения приняли организованный характер. Прежде всего, началось движение крымских татар за восстановление их автономии в Крыму.

С конца февраля 1988 г. началось движение за воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией. Армения настаивала на включении Ка-

[1] И нтервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

рабаха в свой состав. Ведя борьбу одновременно за независимость и за объединение с Нагорным Карабахом, Армянское общенациональное движение фактически пошло на разрыв отношений с Москвой и искало ей альтернативу. Поводом для крайне антисоветских настроений стала позиция Центра в карабахском конфликте. Л. Тер-Петросян и его соратники видели вину Кремля и лично Горбачева в развернувшихся в Азербайджане антиармянских погромах, начавшихся в Сумгаите 27-29 февраля 1988 г.[1].

В авангарде движения за независимость и отделение от СССР шли три прибалтийские республики, которые были ориентированы на союз с Западом и географически были к нему близки. Они получали поддержку со стороны заокеанских политиков. К примеру, на одной из встреч с М. Горбачевым президент США Дж. Буш-старший напомнил ему, что США никогда не признавали вхождения прибалтийских республик в состав Советского Союза. Он заявил, что если Москва прибегнет там к насилию, то антисоветские чувства захлестнут США и заблокируют улучшение двусторонних отношений[2]. Следовательно, движение прибалтийских республик к независимости было санкционировано западными странами, прежде всего США. А «народные фронты» Эстонии, Латвии и Литвы оформились весной – осенью 1988 г.

Известный историк А. Широкорад, анализируя рассматриваемые процессы, писал: «Творческая интеллигенция начала действовать по образцу и подобию чикагских гангстеров, прямо как в фильме «В джазе только девушки» гангстеры и мафиози устраивают «Общество любителей итальянской оперы». А у нас в конце 1980-х годов заговорщики, стремившиеся развалить Союз и ввергнуть народы в межнациональную войну, организовали себе «крышу» под именем литературных объединений. В Москве это «Апрель», на Украине – «Товариства украинско мови Т. Г. Шевченко», в Грузии объединились любители Шоты Руставели»[3]. Именно «Общество Ш. Руставели» чуть позже становится одним из наи-

[1] Кардумян В. Армяно-российские отношения после распада СССР: эволюция и характеристика основных этапов // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 1. М., 2011. С. 122.

[2] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[3] Широкорад А. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М.- Владимир, 2009. С. 225.

более настойчивых проводников политики грузинского радикального шовинизма в Абхазии. Во второй половине 1987 г. в Грузии обостряется экономическая и внутриполитическая обстановка. В 1987-1988 гг. легализуются неформальные объединения: «Общество Ильи Чавчавадзе», «Общество Ильи Праведного», «Хельсинкская группа», «Партия национальной независимости Грузии», «Национально-христианская партия Грузии», «Партия национальной справедливости Грузии»[1]. При этом в Грузии стали четко вырисовываться проявления нетерпимости ко всему негрузинскому. По мнению Г. Нодия, особенность грузинского национального движения состояла в том, что эта «была единственная республика, где «непримиримый» менталитет доминировал над оппозиционной политической программой и действиями»[2]. Средства массовой информации страны начали ругать не только Центр, т. е. Москву, но и «сепаратистов» – абхазов, осетин и т. д.

При этом автономная государственность Абхазии носила формальный характер, что позволяет определить ее статус как полуколониальное государство. И та борьба, которую вел абхазский народ во все времена своего пребывания в составе Грузии, является, прежде всего, антиколониальным национально-освободительным движением против господства Тбилиси и засилья грузинского шовинизма. И это движение, сопровождавшееся требованиями выхода из состава Грузии и повышения статуса Абхазии в рамках Советского государства, являлось борьбой за самосохранение и самоопределение в рамках советской государственности. А «стремление колоний к политической независимости, апеллирующее к исторически достоверным свидетельствам колонизации и колониального гнета, по справедливому замечанию В. Шнирельмана, вполне справедливо и не требует искажения исторической истины»[3]. Однако грузинский шовинизм проповедовал и претворял в жизнь неприкрытую ассимиляционную политику, направленную на полное поглощение абхазского этноса и растворение его в грузинской

[1] Лежава Г. Политическая ситуация в Грузинской ССР и абхазский вопрос (1987-1992 гг.) // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[2] Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 81.

[3] Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 14. // http://apsnyteka.narod2.ru/sh/voini_pamyati_mifi_identichnost_i_politika_v_zakavkaze/vvedenie_mifi_simvoli_i_politika/index.html

этнокультурной среде, что, естественно, не могло не вызывать ответной реакции со стороны абхазов.

9 декабря 1987 г. на собрании Союза писателей Абхазии с участием широкого круга участников творческой интеллигенции был поставлен вопрос о безотлагательном решении вопроса об упорядочения топонимических наименований Абхазии. Также были рассмотрены проблемы истории Абхазии и введения ее в школах; развития культуры, образования, работа творческих союзов; абхазского театра, вопросы воспитания, подбора и расстановки кадров; экологии, охраны окружающей среды; охраны памятников истории и культуры; демографии и рождаемости, идеологии. В конце встречи были высказаны предложения создать общество по связям с соотечественниками «Родина»; абхазский фонд культуры, комиссию Абхазского обкома по изучению состояния памятников истории и культуры[1].

17 мая 1988 г. сотрудники Абхазского государственного музея Т. Гицба и Е. Аджинджал обратились в президиум ВС Абхазии со следующим посланием: «Никто из жителей Абхазии не сомневается в том, что каждый день пребывания Абхазии в составе Грузии будет означать движение в сторону регресса, попрания ее прав, торможения науки, просвещения, культуры и хозяйства. Все научные и политические силы Грузии, как в прошлом, так и в настоящем направлены на то, чтобы не дать Абхазии самостоятельности… Противниками возвращения суверенных прав Абхазии, отнятых в начале 1930-х годов, являются скрытые сталинисты и бериевцы, до сих пор проводящие политику ассимиляции абхазского народа, грузинизации Абхазии и ликвидации автономии... Просим создать правительственную комиссию для рассмотрения поставленных вопросов и принятия решения по изменению статуса Абхазской республики»[2].

В связи с тем, что коллективные письма занимают важное место в национально-освободительном движении абхазского народа, думается, небезосновательным будет провести следующую аналогию: именно крупные подписные акции, правда, чуть позже, стали важнейшим проявлением роста гражданской активности в Чехословакии. Первая

[1] Протокол собрания в Союзе писателей Абхазии 9 декабря 1987 г., лл. 1-13.

[2] Гицба Т. Ш., Аджинджал Е. К. В Президиум Верховного Совета Абхазской АССР. 17 мая 1988 г., лл. 20, 23.

из них подписная – инициатива деятелей культуры в январе-феврале 1989г. – явилась реакцией на разгул полиции во время попыток проведения мероприятий памяти Я. Палаха, а затем в поддержку освобождения В. Гавела. Вторая главная подписная акция 1989 г. началась в конце июня и продолжалась все лето вплоть до осени: обращение «Несколько фраз» подписали 37 тыс. граждан[1].

Тем временем в советском руководстве, безусловно, осознавали необходимость изменения существовавшей политической системы. В июне 1987 г. принимается решение о созыве XIX Всесоюзной партконференции, которая была посвящена национальному вопросу. Многие народы, входившие в состав СССР, восприняли это как хороший знак – ведь за всё время существования этого государства на столь высоком уровне не проводилось обсуждение проблем народов. Многие действительно тогда верили, что эта конференция может способствовать решению насущных проблем народов. В частности, именно к ней было адресовано письмо «шестидесяти» представителей абхазской интеллигенции. XIX Всесоюзная партийная конференция состоялась 28 июня – 1 июля 1988 г., но проблем не решила и не могла решить, а те, кто надеялся на это, были сильно разочарованы. Следующим шагом в этом направлении являлись законы «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР», принятые 29 ноября 1988 г. Согласно этим документам кардинально перестраивались высшие органы власти Советского Союза. Уже 28 декабря 1988 г. Президиум ВС СССР принял постановление «Об образовании рабочей группы из депутатов Верховного Совета СССР по подготовке предложений о разграничении компетенции Союза СССР и республик»[2].

1. 2. Новый этап абхазо-грузинского противостояния

Отправной точкой очередного этапа борьбы абхазского народа за свое самосохранение и самоопределение является названное «Абхаз-

[1] Пречан В. Чехословакия на пути к демократической революции // http://history.machaon.ru/all/number_07/anonsvak/revolution/prechan/index.html.

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 1. Ст. 5. // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

ское письмо», или письмо «шестидесяти», датированное 17 июня 1988 года. В рассматриваемое время, как и в предыдущие годы, национально-освободительная борьба проходила в форме личных и коллективных писем, собраний и народных сходов. На них принимались многочисленные обращения и исторические справки, подтверждавшие наличие у Абхазии права на самостоятельное существование. Массовые выступления абхазов против игнорирования своих прав проходили на фоне пропаганды «извечной и нерушимой дружбы» грузинского и абхазского народов и являлись свидетельством надуманности и лживости этого тезиса.

Названный документ абхазской интеллигенции являлся приложением к письму Президиуму XIX Всесоюзной партийной конференции. В завершающей части документа констатировалось: «Вся история взаимоотношений Абхазии и Грузии со всей очевидностью показала, что грузинский национализм, зародившийся во второй половине XIX века, в течение всего этого времени, включая 80-е годы текущего столетия, проводил и проводит политику поглощения и растворения абхазского народа в грузинской этнокультурной среде. Сегодняшнее положение абхазского народа свидетельствует о том, что угроза его национальному существованию, исходящая от Грузии, не исчезла, она приняла более скрытый характер, и нет никаких гарантий, что эта угроза исчезнет в результате какой-либо идейно-воспитательной работы. Вся борьба за свои права и национальную самобытность, как это было в 1957, 1967, 1978 годах, наносит громадный ущерб абхазскому народу, отвлекая на эту борьбу за выживание интеллигенцию и трудящиеся массы, вместо того, чтобы направить эти силы на созидание и творческое развитие. Эта борьба, навязанная абхазскому народу грузинским шовинизмом, довела до абсурда национальные взаимоотношения и сделала невозможным дальнейшее пребывание Абхазской АССР в составе Грузинской ССР, тем более что такое положение не обеспечивает равноправия между абхазским и грузинским народами». Далее в письме подчеркивалось, что право наций на самоопределение является неотъемлемым правом также и абхазского народа. В силу этого авторы документа заявляли, что «акт включения ССР Абхазия в ССР Грузия с последующим его преобразованием (в 1931 г.) в Абхазскую АССР был актом попрания национальных прав абхазского народа», и поэтому ставили вопрос «о

выводе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР и о возвращении Абхазии статуса Союзной Социалистической Республики, каковой она являлась в первые годы Советской власти (1921-1931 гг.)»[1].

Реакцией на абхазское письмо «шестидесяти» был приезд 13 августа 1988 г. в Абхазию инструктора подотдела межнациональных отношений при орготделе ЦК КПСС В. Рябова, который имел беседу с абхазской общественностью в г. Сухуме, встречался с представителями Гудаутского и Очамчирского районов. Затем он уехал в Тбилиси с Д. Путкаридзе – зам. зав. отделом межнациональных отношений при отделе агитации и пропаганды ЦК КП Грузии[2]. Абхазы в письме выражали недовольство действиями и взаимоотношениями с Тбилиси, а В. Рябов, присланный для разбирательства в причинах этого недовольства, уехал именно в Тбилиси, что красноречиво свидетельствовало о целях и задачах его приезда в Абхазию. Таким образом, никаких последствий это обращение с точки зрения решения или хотя бы рассмотрения поставленных в ней вопросов со стороны советского руководства не имело.

Зато реакция со стороны грузин не заставила себя долго ждать. В ответ на «Абхазское письмо» в Грузии была начата кампания по дискредитации абхазского национального движения и вообще абхазского народа. Атмосфера полного неприятия элементарных прав абхазского народа настолько охватила умы интеллигенции и всего грузинского общества, что даже, в общем, очень благожелательно настроенный к грузинам автор – С. Червонная – признавала: «Нет недостатка в грузинской прессе и литературе и в примерах пренебрежительного отношения к абхазам… Обычным делом становится публикация невежественных, научно необоснованных, совершенно фантастических версий, согласно которым, к примеру, абхазы (или часть абхазов) «пришли» в Грузию откуда-то, чуть ли не из Центральной Азии или с Северного Кавказа»[3].

С довольно обширным ответом авторам «Абхазского письма» выступили и грузинские ученые, который был опубликован в трех номерах газеты «Заря Востока» под названием «По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений»[4]. В отличие от тех, кто выдвигал

[1] Абхазские письма (1947–1989). Т. 1. (сост. Марыхуба И. Р.). Сухум, 1994. С. 344-345.

[2] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[3] Червонная С. Абхазия… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[4] Газ. «Заря Востока». 28, 29 и 30 июля 1989 г.

версии о том, что «абхазы «пришли» в Грузию чуть ли не из Центральной Азии», авторы ответа писали: «Абхазская АССР является тем историческим регионом, где издревле протекала жизнь двух народов – грузин и абхазов». Свои довольно обширные «разыскания» позволили грузинским ученым сделать следующий вывод: «У авторов «Абхазского письма» нет ни малейших оснований для изменения государственно-территориальной целостности Грузинской ССР». При этом они заявляли, что «многовековые исторические взаимоотношения грузинского и абхазского народов выдержали испытание временем». Не вдаваясь в историю грузино-абхазских взаимоотношений, отмечу только то, что если бы они выдержали «испытание временем», не было бы самого «Абхазского письма», к которому апеллирует грузинская ученая общественность. Позже, 4 апреля 1989 г., Президиум правления СП Грузии создал специальную комиссию для организации ответа на «Абхазское письмо», которая, в свою очередь, поручила Г. Панджикидзе и Р. Миминошвили «написать статью, содержащую объективную оценку явлений, представленных в «Абхазском письме» искаженно, лженаучно и крайне тенденциозно»[1]. Названные грузинские писатели, в очередной раз заявив, что Абхазия – «исторически такая же Грузия, как и все остальные уголки Грузинской ССР», «провозгласили ее «нашей общей, абхазской и грузинской землей»[2]. При этом само утверждение, что Абхазия является родиной одновременно и абхазов, и грузин – так называемая «научная» теория «двуаборегенности» – является не менее фантастической, так как сами законы этногенеза не допускают формирования более одного этноса на одной территории. Поверить в то, что об этих азах исторической науки грузинские доктора истории и академики действительно могли не знать, трудно. Как бы там ни было, грузинская ученая общественность, подписавшись под этим, поставила себя в один ряд с авторами «невежественных, научно необоснованных, совершенно фантастических версий», о которых сообщала С. Червонная.

Она же назвала «Абхазское письмо» «детонатором» трагических событий 1989 года»[3], что не соответствует действительности, потому что

[1] Миминошвили Р., Панджикидзе Г. Правда об Абхазии. Тб., 1990. С. 4.

[2] Там же. С. 8, 9.

[3] Червонная С. М. Абхазия -1992... //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

«детонатором событий 1989 года послужили совсем другие причины. А поскольку С. Червонная писала тогда о событиях трехлетней давности и была хорошо о них информирована, она не могла не знать, что главной причиной «событий 1989 года» являлась именно великодержавная шовинистическая политика грузинских властей и неформалов по отношению к абхазам и их интересам. С этим не согласуются и выводы грузинских авторов Г. Лежава и З. Папасакири, последний из которых, назвав «Абхазское письмо» «очередным доносом», подчеркивает безрезультатность документа. По его мнению, причиной этому было то, что «Михаилу Горбачеву и команде тогда было не до абхазов»[1]. С. Шамба и С. Лакоба, говоря о судьбе этого письма, пишут: «Цепь кровавых событий, вызванных межнациональными противоречиями в годы «перестройки», совершенно очевидно указала на то, что для действительного отказа от сталинского наследия, прежде всего, следует пересмотреть основу национально-государственного устройства страны. Однако руководство СССР пыталось вновь загнать проблему вглубь. Именно поэтому письмо, направленное в 1988 г. представителями абхазской общественности в адрес XIX партконференции, и на этот раз осталось без должного реагирования[2]. В Абхазии также это письмо долгое время в полной версии не публиковалось. Оно увидело свет только 7 февраля 1989 г. в гудаутской районной газете «Бзыбь», но в центральной абхазской прессе оно так и не было опубликовано.

Как уже было отмечено, одной из первых организаций националистического толка в Грузии было «Общество И. Чавчавадзе», создание которого стало возможным после реабилитации в глазах грузинских диссидентов З. Гамсахурдиа. Последнему обстоятельству способствовали образование и происхождение нового грузинского лидера, пропаганда его международного авторитета, а также популизм З. Гамсахурдиа и его радикальный национализм, и точное использование фактора «внешнего врага» для консолидации грузинской нации. Причем немаловажную, если не первостепенную, роль играло его диссидентство и неприятие коммунистического строя, к которому в Грузии к тому времени успели охладеть. (Правда, некоторые оппозиционно настро-

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 309.

[2] Шамба С., Лакоба С. Народный форум Абхазии и его цели… // http://abkhazia.narod.ru/ShamLak.htm.

енные грузинские политики тогда утверждали, что коммунисты умышленно помогали З. Гамсахурдиа[1] «завоевать свою харизму»)[2]. Как бы там ни было, в рассматриваемое время в силу высокого и стабильного политического рейтинга З. Гамсахурдиа среди грузинского населения, который «нередко походил на обыкновенный психоз»[3], он рассматривался как непримиримый поборник борьбы против империи. Но, однако, после того, как академик А. Сахаров назвал Грузию «малой империей», он «дал резкую отповедь бывшему соратнику»[4] по диссидентству. Так случилось и с всемирно известным грузинским философом М. Мамардашвили. Стоило ему выступить против З. Гамсахурдиа, как тут же он превратился во «врага нации» и изгоя грузинского общества. М. Мамардашвили подвергся столь мощному шквалу оскорблений и обвинений в измене родине, что его сердце не выдержало, и он скончался, как затравленный зверь. Свидетельством названного массового психоза является и следующее сообщение грузинского писателя Ч. Америеджиби об обстоятельствах смерти философа: «… запаздывал самолет, к нему (М. Мамардашвили. – **А. А**.) в аэропорту подошли какие-то подонки и начали упрекать в том, что не поддерживает Гамсахурдиа, с ним случился сердечный приступ, и он умер, я считаю, что его убили, – как отреагировал Союз писателей Грузии! Ни слова. Даже соболезнование опубликовали через две недели, когда разрешили»[5]. Правда, справедливости ради надо отметить и то, что «абхазский сепаратизм», завладевший тог-

[1] Последнее утверждение не лишено оснований, о чем свидетельствуют некоторые факты из биографии З. Гамсахурдиа: в 1956 г. он участвовал в демонстрации в защиту Сталина, за что был арестован, но вскоре был отпущен на свободу и более того, поступил в университет. В 1958 г. его вновь арестовали уже за распространение антикоммунистической литературы, после чего он на шесть месяцев был помещен в психиатрическую больницу, а через три года оканчивает университет. Весной 1977 г., после разгрома «Хельсинкской группы», Гамсахурдиа был опять арестован, на этот раз вместе со своим соратником Мерабом Костава. Летом 1978 г. Гамсахурдиа публично раскаялся и получил мягкий приговор: был сослан в Дагестан. КГБ засняло его покаяние на кинопленку, которая затем транслировалась по республиканскому телевидению. В то же время Костава был осужден на 10 лет. (Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 244-245). В 1979 г. З. Гамсахурдиа защитил степень доктора филологии, а в 1988 г. становится лидером оппозиционного блока «Круглый стол – Свободная Грузия».

[2] Нодия Г. Политическая смута… С. 82.

[3] Авидзба А. Ф. Абхазия и Грузия. О некоторых проблемах этнополитики //Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 126.

[4] Шутова Т. В шесть часов вечера у Акопа. М., 2002. С. 20.

[5] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.

да в Грузии всеми умами, не миновал и самого М. Мамардашвили. И тот факт, что даже признанный философ-гуманист не смог дистанцироваться от данного тезиса, свидетельствует о тотальном господстве в Грузии теорий, представлявших абхазов врагами, угрожающими выживанию и развитию грузинской нации.

Массовое движение за отделение от СССР в Грузии началось в ноябре 1988 г., что сопровождалось бесконечными митингами и забастовками с лозунгами типа «СССР – тюрьма народов», «Грузия – для грузин» и т. д. То, что «массовые демонстрации в Тбилиси продолжались с ноября 1988 года», свидетельствует и Э. Шеварднадзе[1]. О том, что «уже в ноябре 1988 г. у Дома Правительства Грузинской ССР прошли первые массовые акции», пишет Г. Лежава[2]. З. Папаскири с гордостью сообщает, что эта акция взбудоражила весь Союз[3]. Тогда же при АГУ была образована первичная организация Всегрузинского «Общества Руставели» под председательством О. Чургулия и абхазское отделение Всегрузинского «Общества Ильи Чавчавадзе»[4]. Именно в ноябре 1988 г., по словам тогдашнего Первого секретаря ЦК КП Грузии Д. Патиашвили, в его стране происходит «проба сил и прощупывание прочности власти». Далее он констатировал: «На митингах все чаще и чаще стали звучать речи, попирающие национальное равноправие, разжигающие национальную рознь. Появляются первые лозунги и плакаты антисоветского содержания… Экстремисты все активнее и настойчивее стараются навязать тактику неповиновения властям. Ими оглашаются всякого рода меморандумы, программы, резолюции. Органам правопорядка предъявляются оскорбительные ультиматумы»[5]. На названных митингах в Тбилиси, по свидетельству Первого секретаря Абхазского обкома В. Хишба и Председателя Президиума ВС Абхазии В. Кобахия, звучали также призывы упразднить автономию Абхазии и «наказать абхазский народ»[6].

Призывы к выходу из СССР и уничтожению автономий, а также «научный» тезис о том, что абхазы – это те же грузины, стали повседневно-

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 178.
[2] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 306.
[4] Справка по абхазскому госуниверситету // Архив НФА.
[5] Журн. «Коммунист Грузии», №1, январь 1989 г.
[6] Важная веха в истории Абхазии. (Сост. Сагария Б. Е.). Сухум, 2002. С. 24.

стью и в жизни Абхазии. Среди грузинского населения Абхазии проводилась массированная пропаганда о пришлости абхазов и необходимости их изгнания и даже физического уничтожения. К примеру, доцент Тбилисского политехнического института З. Чкванава предлагал: «а) для сбалансированного размножения отдельных наций, проживающих в Грузии, придерживаться предельного уровня их воспроизводства (предельный уровень – 2 детей). Желающим расширенного воспроизводства предоставить права выехать на место жительства за пределы республики; б) по регионам периодически проверять уровень знания грузинского языка и истории Грузии. Учитывая это, устроить церемонию благословения на жительство в Грузии»[1]. Приведенные фразы настолько циничны, что даже такой ангажированный автор, как С. Червонная, назвала это выступление «откровением фашиствующего автора»[2]. О заявлениях о необходимости принятия мер «по сбалансированному деторождению у отдельных национальностей, проживающих в Грузии», с недоумением сообщает и Т. Шутова[3]. А вот каким образом грузинские деятели желали «возвеличить» свою нацию: «Абхазы не имеют родины, те, кого они называют абхазами, в прошлом были грузинами (мегрельцами, сванами), название «Абхазия» надо снять, потому как это – грузинская земля, и кто из абхазов против, тех надо выгнать, сопротивляющихся уничтожить, а проживающие в Абхазии грузиноязычные несут за это большую ответственность, не жалея жизней, должны помочь в корне как народ стереть (абхазов. – **А. А**.) с лица земли»[4]. Для достижения озвученной «праведной» цели грузинские неформальные общества разрабатывали специальные программы борьбы против абхазского народа и их культурных институтов. В частности, в одной из таких программ утверждалось, что «в 1936-1954 годах было прекращено господство сепаратистов и насилия апсуйцев (так они называют абхазов) в отношении других наций», т. е. другими словами, лучшими годами провозглашалось время, когда шло уничтожение абхазского народа[5]. О серьезности складывав-

[1] Газ. «Комунисти», 21 ноября 1988 г. // Архив НФА.

[2] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[3] Шутова Т. В шесть часов вечера… С. 20.

[4] Басариа В. К. Время тяжких испытаний. Сухум, 1995. С. 13.

[5] Ардзинба В. Г. Выступление на Первом съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 г.

шейся тогда ситуации свидетельствует и тот факт, что 31 октября 1988г. Верховный Совет Абхазии создал постоянную комиссию по вопросам межнациональных отношений и интернационального воспитания населения под председательством В. Ардзинба. Правда, эта комиссия в тех реалиях мало чем могла содействовать оздоровлению ситуации.

Российский ученый С. Кара-Мурза в работе «Демонтаж народа» пишет: «В межнациональных отношениях языковые конфликты являются нередко самой острой и наглядной частью столкновений, вызванных другими, более основательными причинами. Притеснение родного языка, который воспринимается как воплощение культуры народа, накаляет страсти»[1]. Справедливость этих слов подтверждается и развитием событий в Абхазии, где очередному витку абхазо-грузинского противостояния способствовало принятие совместного постановления ЦК компартии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Грузинской ССР «О государственной программе грузинского языка». Перед всеми организациями и ведомствами была поставлена задача до конца 1989 г. «представить в Совет Министров Грузинской ССР конкретные планы выполнения мероприятий с указанием сроков». В соответствии с названным документом при ВС Грузии создавалась специальная комиссия для осуществления контроля над функционированием грузинского языка в качестве государственного. При Совете Министров создавалась «Постоянная государственная комиссия по грузинскому литературному языку», наделенная полномочиями по осуществлению контроля над функционированием грузинского литературного языка. При исполкомах Советов народных депутатов во всех городах и районных центрах создавались комиссии «по консультации и надзору за функционированием и защите чистоты грузинского языка»[2].

В этой программе был поставлен вопрос использования грузинского языка как единственного официального языка во всех учреждениях, что вызвало беспокойство «не только абхазцев, но и других жителей республики»[3]. Тогда же из Тбилиси в адрес министерств, ведомств, организаций и учреждений Абхазии любое постановление или письмо стали приходить на грузинском языке, и требовалось отвечать на нем

[1] Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа // http://www.koob.ru/karamurza/.
[2] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[3] Ардзинба В. Выступление на Первом съезде…

же. Во все учреждения Абхазии были направлены указания приобрести пишущие машинки с грузинским шрифтом. Министерству просвещения Абхазии было предписано ввести во всех школах Абхазии преподавание грузинского языка. Справедливости ради, конечно же, от которого никому не станет легче, отметим, что грузины не являлись первооткрывателями использования методов насильственной языковой ассимиляции. К примеру, в Англии еще в 1366 г. законодательно было закреплено, что: «Все англичане и ирландцы, живущие среди них, должны иметь английские имена, говорить по-английски и следовать английским обычаям. Если какой-либо англичанин или ирландец, живущий среди англичан, будет употреблять ирландский язык, он должен быть задержан, а его земля перейдет к его господину до тех пор, пока он начнет осваивать и употреблять английский. Английские подданные не должны также поддерживать или одаривать ирландских менестрелей, стихоплетов и рассказчиков»[1].

Но и гонения на абхазский язык, являющийся «самоидентификационным стержнем»[2] любого народа, и в Абхазии к тому времени уже успели стать традиционными. Еще в 1938 г. абхазский язык был переведен на грузинскую графическую основу[3], а в 1945 г. были закрыты абхазские школы[4] и запрещено преподавание на абхазском языке. Это проводилось наряду с переселением грузин в Абхазию, изменением на грузинский лад абхазской топонимики и антропонимики, репрессивной политики в области культуры, науки и литературы и являлось составной частью политики насильственной ассимиляции абхазов, проводившейся грузинскими и советскими властями. Абхазы отчетливо чувствовали угрозу исчезновения своей идентичности, и поэтому их представители еще при жизни Сталина дважды – в 1947 г[5]. и в 1952 г[6]. – открыто вы-

[1] Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа // http://www.koob.ru/karamurza/

[2] Ачба З. К. Перешагнув этнические рамки // «Нужная газета». № 2, 18 февраля 2000 г.

[3] Шакрыл К. С. Об абхазской графике и орфографии // Труды. Сухум, 1985. С. 127 – 130.

[4] История Абхазии. Сухум, 1991. С. 261.

[5] Дзидзария Г. А., Шинкуба Б. В., Шакрыл К. С. В Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Кузнецову // Дзидзария Г. А. Труды. Сухум, 2006. С. 464 – 471.

[6] Шакрыл Е. П., Шакрыл Т. П. Товарищу Сталину И. В. // Абхазские письма. Т. 1. Сухум, 1994. С. 90 – 92.

ступали против грузинского произвола. И вот опять авторы программы развития грузинского языка, в этом вопросе их поддерживало все грузинское общество, объявив грузинский язык единственным официальным, тем самым «развенчали» абхазский и русский языки, которые к тому времени также являлись в Абхазии официальными, оставив за ними статус «домашних», второстепенных, чем выразили свое отношение ко всем тем, кто говорил на этих языках.

Между тем язык не только служит средством коммуникации внутри этнической общности, он формирует её «языковое сознание», задает общий набор понятий, общий арсенал мышления. А. Хомяков в 1857 г. писал: «Бесконечно воздействие слова на мысль. Это одно из проявлений умственной опеки народа над человеком. Когда сионисты решили возродить государство Израиль и собрать государственную еврейскую нацию, им пришлось даже заново создать современный язык на основе древнего иврита»[1]. Значение языка так велико, что сведения о нем приходится мифологизировать. Э. Кисс пишет: «Важным аспектом национального пробуждения явилось переписывание истории с целью перенесения национального самосознания в далекую древность. Точно так же, как каждый английский школьник убежден, что Вильгельм Завоеватель (король Англии с 1066 г.) говорил по-английски, хотя этого языка тогда не существовало, так и каждый венгерский школьник уверен, что Янош Хуньяди – это великий венгерский герой и такой же венгр, как и они сами; в действительности же он был хорватом»[2].

Как тут не вспомнить очень точное замечание абхазского ученого и воина, Героя Абхазии В. Бганба о том, что «самая результативная война – это война, выигранная на языковом сражении»[3]. Это, безусловно, верно, так как «язык есть один из важнейших факторов как формирования этноса, так и его развития». В. Бганба резонно предупреждал потомков: «Если носители языка вследствие каких-либо причин переходят на другой язык, язык прекращает свое естественное существование. Народ же, перешедший на другой язык, по сути дела перестает существовать как народ (нация), становясь частью иного, ассимилировавшего его в

[1] Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа // http://www.koob.ru/karamurza/
[2] Там же.
[3] Бганба В. М. Проблема сохранения языка и культуры абхазов и процессы глобализации // Бганба В. М. Как живется тебе, речь абхазская? Сухум, 2001. С. 140.

языковом плане народа. Участь: народ, вернее, часть народа, в течение ряда поколений говорящий на плохом диалекте, с затухающей памятью исторической, место которого постепенно заполняет иная историческая (генетическая) память»[1]. Обо всем этом хорошо знали те, кто хотел лишить абхазов своего языка, а следовательно, собственной идентичности.

Программа развития грузинского языка стала первым шагом на пути к воплощению лозунга И. Чавчавадзе: «Язык, Отечество, Вера», который стал основной идеей первой неформальной оппозиционной организации в Грузии – «Общества Ильи Чавчавадзе», в которое первоначально входили А. Бакрадзе, М. Костава, З. Гамсахурдиа, Г. Чантурия и другие. При этом, что интересно, названная программа была опубликована 3 ноября 1988 г. в газете «Коммунисти», в органе ЦК КП Грузии. Это свидетельствовало о том, что лидеры грузинских неформалов-«радикалов» уже оказывали серьезное влияние на органы власти и население. Причем все эти организации силой захватывали помещения и использовали их под свои штаб-квартиры. Правительство же не могло противостоять незаконным действиям. Власти даже не пытались противодействовать созданию вооруженных групп, которые поддерживали различные партии. Стандартное определение этой политики в устах официальных властей гласило: «Лучше не раздражать радикалов»[2]. Тем временем «радикалы» заявляли о том, что Грузия, выходя из состава СССР, т. е. разрушая целостность Советского государства, будет стремиться к созданию унитарного государства и к ликвидации всех автономных образований, входивших в ее состав. С. Червонная считает, что «выступления более или менее последовательных грузинских радикалов», «предлагающих упразднить все автономии, выдвигающих категорические требования всеобщего и немедленного перехода на грузинский язык, предлагающих народам-пришельцам покинуть древнюю грузинскую землю, заявляющих об особой миссии христианской Грузии в качестве форпоста европейской цивилизации на якобы враждебном этой цивилизации мусульманском Востоке и т. п., действительно имели место, действительно настораживали забвением и игнорированием важнейших гуманистических принципов толерантности, действительно пугали и

[1] Там же. С. 133-134.
[2] Нодия Г. Политическая смута… С. 82.

возмущали не грузинское и не христианское население республики»[1]. Г. Лежава также свидетельствует о небезосновательности опасений абхазов за свою судьбу: «Надо отметить, что появление с 1988 г. в Тбилиси радикальных неформалов вольно или невольно способствовало развитию нежелательных тенденций в Абхазской республике. Имеются в виду непродуманные статьи некоторых ученых и публицистов, их безответственные выступления, лишенные необходимого такта, элементарного уважения к братскому абхазскому народу, его культуре, глубокого знания вопросов, требующих вдумчивого, солидного обсуждения и решения»[2]. Позже Л. Маршания также с намеками осуждения в адрес грузинских неформальных радикалов, говорил: «Еще в ноябре 1988 г. они выдвинули лозунг: «О ликвидации автономных образований в Грузии». Такова истина, если говорить правду, а не полуправду»[3].

Таким образом, начавшийся подъем национального движения в Грузии, ко всему прочему, был самым мощным движением против всего абхазского: государственности, языка, культуры. Необходимость сохранения абхазского этноса и его государственности привела к тому, что вновь, как уже говорилось, был поставлен вопрос о восстановлении статуса Абхазской Советской Социалистической Республики. Пока был союзный центр, абхазы апеллировали к нему. Тем временем ультранационалистические силы, по существу управлявшие официальными властями Грузии, не скрывали, что они не намерены больше считаться с мнением Москвы. В Абхазии, вслед за Грузией, начиная с декабря 1988г. стали регулярно проводиться антисоветские и антиабхазские митинги и шествия. И с каждым днем ситуация осложнялась и вызывала все больше опасений за судьбу абхазского народа. Становилось ясно, что грузинские неформалы не собираются не то что договариваться с абхазами, но и не намерены считаться с их существованием.

Происходившие тогда процессы грузинский историк Г. Лежава описывает следующим образом: «Поставив перед собой задачу выхода из СССР, лидеры экстремистов не могли не учитывать слабость своих позиций в Абхазии и, в частности, среди грузинского населения автоном-

[1] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[2] Лежава Г. П. Политическая ситуация…. // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[3] Маршания Л. В. Выступление на пленуме ЦК КП Грузии 14 апреля 1989 г.

ной республики. Поэтому дальнейшие их действия были направлены на развертывание широкой пропаганды своих идей среди грузинского населения автономной республики. Вот почему с 3 декабря 1988 г. здесь не прекращались их манифестации вплоть до 9 апреля 1989 г. и позднее»[1]. Другой грузинский историк З. Папаскири, в основном повторяя данные Г. Лежава относительно рассматриваемого периода, по поводу названного митинга 3 декабря в Сухуме пишет: «На митинге из уст таких видных деятелей, какими были М. Костава, З. Чавчавадзе и др., было высказано единодушное желание вместе с абхазским народом строить новое единое грузинское государство»[2]. О том, какая судьба готовилась грузинскими неформалами абхазам в «едином грузинском государстве», говорилось выше. В. Ардзинба во время выступления на Первом съезде народных депутатов СССР констатировал: «Особенно осложнилась ситуация в конце 1988 года. На митингах в Тбилиси звучали призывы к ликвидации и без того урезанной абхазской автономии… В Абхазию следовали представители «демократов», которые разжигали антиабхазские настроения среди местного грузинского населения»[3].

Таким образом, опасения абхазов по поводу сохранения родного языка, национальной самобытности и культуры приобрели весьма реальные очертания. Нагнеталась атмосфера неприкрытого насилия со стороны Грузии. В связи с этим возникла необходимость противодействия такому давлению на качественно новом уровне. Движение абхазского народа за свое самосохранение возглавляла национальная интеллигенция, которая, в силу специфики своей деятельности, раньше других слоев общества должна чувствовать опасность, угрожающую ее народу. Одно из ведущих мест в этом процессе занимали сотрудники Абхазского института языка, литературы и истории, который, как считает С. Червонная, «(особенно после избрания его директором в 1988 г. Владислава Ардзинбы) стал… идеологическим штабом абхазского сепаратизма»[4]. З. Папаскири также пишет: «Антигрузинская деятельность все более вызывающей стала с 1988 г., с назначением на пост директора института В. Г. Ардзинба – будущего вождя абхазских

[1] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[2] Папаскири З. В. Абхазия: история… С. 310.
[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=85.
[4] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

сепаратистов, который фактически вывел институт из юрисдикции АН Грузии»[1]. Но при этом названные авторы никак не комментируют тот факт, что в это же время в «идеологический штаб абхазского сепаратизма» «прибыли ученые из Академии наук Грузии, чтобы помешать началу изучения в школах истории Абхазии»[2]. Позже, 24 февраля 1989 г., уже в газете «Абхазский университет» было опубликовано письмо некоторых представителей «Общества Чавчавадзе», в котором авторы выражали возмущение по поводу введения в школах Абхазии курса «Истории Абхазии». Действительно, еще одним фронтом противостояния абхазов и грузин стал, если можно так выразиться, образовательный фронт. Грузинская общественность выступила с требованием открытия филиала ТГУ в Сухуме, что было необходимо не только для бесконтрольной пропаганды своих идей в новом образовательном учреждении, а, прежде всего, для получения возможности легальной, причем бесконтрольной перекачки грузин, под видом студентов и преподавателей вуза, из Грузии в Абхазию. Такого рода политика была не новой, и примером того, как Грузия при помощи подобных «научно-образовательных» мероприятий собиралась решать откровенно антиабхазские задачи, является история с ГИСХом. 15 января 1950 г. Совет Министров СССР принял решение об открытии сельскохозяйственного института в Кутаиси. В этом же постановлении было предусмотрено создание научной базы этого института в Нижней Эшере Абхазии. 19 мая 1959 г. решением ЦК КП Грузии институт, под видом его приближения к своей научной базе, был переведен в Сухум, что сопровождалось пропагандой о пользе института для Абхазии. А на самом деле этим решалась другая задача: институт, где обучалось около 4 тысяч студентов, не говоря уже о преподавателях, был чисто грузинским. Он способствовал расширению притока грузин в Абхазию и, соответственно, усилению ассимиляции абхазов. Институт был переименован в Грузинский институт субтропического хозяйства (ГИСХ) и стал важной опорой грузинского нацизма. (Во время Отечественной войны (1992-1993 гг.) подавляющее большинство сотрудников и студентов ГИСХа выступило против Абхазии). С переводом этого института в Абхазию партийное и советское руководство Грузии начало зондировать почву для упразднения Сухумского пе-

[1] Папаскири З. В. Абхазия: история… С. 319.
[2] Басариа В. К. Время тяжких испытаний… С. 13.

дагогического института, проводились опросы населения, говорилось, что педагогический институт подготовил уже достаточно учительских кадров, следовательно, дальнейшее его функционирование не имеет смысла. В 1966 г. ЦК КП Грузии создал комиссию по упразднению Сухумского педагогического института. Эта комиссия 10 июня т. г. прибыла в Абхазию для ликвидации института, решения вопроса преподавательских кадров, студентов и распределения материальной базы института соответствующим организациям[1]. Но тогда из-за сопротивления абхазов этот вопрос не был решен, и он был отложен. Более того, абхазская общественность смогла добиться того, что в 1978 г. Сухумский педагогический институт был преобразован в Абхазский государственный университет, что было одним из важнейших завоеваний того поколения борцов за права абхазского народа. Однако, уже в ноябре-декабре 1988 г. стали появляться высказывания о том, что для грузинского сектора Абхазского государственного университета необходим отдельный учебный корпус, в котором грузинские студенты могли бы вести делопроизводство и общение только на грузинском языке. Студенты тбилисских вузов и грузинская общественность всячески поддерживали эту кампанию: были организованы массовые антиабхазские выступления. 16 декабря группа абхазских студентов опубликовала открытое письмо к студенчеству Грузии, в котором говорилось о безосновательности постановки вопроса об открытии филиала ТГУ в Сухуме. Вопрос открытия филиала вышел впоследствии на первый план абхазо-грузинского противостояния. Своего апогея противостояние вокруг Сухумского филиала ТГУ достигло в 1989 г. и привело к кровопролитию.

Даже для нежелающих верить в это было очевидно, что абхазов лишали права говорить на своем языке и изучать свою историю, что везде и всегда делается только с одной целью – ассимилировать народ. На повестку дня была поставлена задача формирования единой, общенациональной организации, способной возглавить национальное движение абхазского народа за самосохранение. Такой организацией стал Народный форум «Аидгылара», оргкомитет которого был создан 8 декабря, а 13 декабря 1988 г. в Государственной филармонии Абхазии состоялся его учредительный съезд. Председателем был избран известный абхазский писатель А. Гогуа. Однако фактически первым годом функционирования

[1] Хварцкия М. Ш. От лжи к правде об Абхазии. Сухум, 2008. С. 126-127.

НФА стал 1989 г.[1]. В том же году, 9 июня, после неоднократных отказов Совет Министров Абхазии зарегистрировал устав-программу Народного Форума Абхазии «Аидгылара»[2]. С. Шамба и С. Лакоба также подтверждают, что «долгое время НФА не регистрировался правительством, а его устав-программа неоднократно редактировался, пока, наконец, в него не были включены отдельные положения о «содействии политике КПСС, XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции и социалистическом обновлении на основе ленинских принципов...»[3].

НФА возник как «отклик на наиболее острые противоречия социально-экономического и культурного развития республики»[4], однако С. Червонная[5] и З. Гамсахурдиа[6] назвали его «Итерфронтом», созданным «третьей силой» для противодействия достижению независимости Грузии. Названные авторы были бы не прочь представить дело таким образом, что НФА был создан спецслужбами «империи», а не самими абхазами, стремившимися противостоять грузинскому этническому и государственному шовинизму. Тем временем «организация формировалась в тяжелейших условиях под пристальным оком тбилисского руководства, которое радо было бы узреть в программе хоть намек на антисоветские и антипартийные настроения, а затем, с одобрения Кремля, использовать их для преследования абхазской интеллигенции. Абхазы не могли себе позволить то, что запросто делалось в Тбилиси. Они находились в крайне тяжелом положении, испытывая на себе двойное давление и опасаясь потерять к себе расположение Москвы»[7].

За сопротивление своей насильственной ассимиляции абхазов объявляют «сепаратистами» и «прислужниками коммунистической империи», а тех, кто осуществлял эту политику, называют «жертвами сговора абхазских сепаратистов и коммунистических имперских сил». При этом

[1] Газ. «Аидгылара», № 1, январь 1990 г.

[2] Газ. «Аидгылара», спецвыпуск, 2 июля 1989 г.

[3] Шамба С., Лакоба С. Народный форум Абхазии и его цели… // http://abkhazia.narod.ru/ShamLak.htm.

[4] Факт. Информационный бюллетень. 1991. № 1// Архив НФА.

[5] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[6] Газ. «Вестник Грузии», № 30. 12 марта 1991 г.

[7] Шамба С., Лакоба С. Народный форум Абхазии и его цели… // http://abkhazia.narod.ru/ShamLak.htm

В. Ардзинба в Грузии стали называть «идеологом абхазского сепаратизма» задолго до появления С. Червонной в зоне грузино-абхазского противостояния. Примером может служить открытое письмо некоего П. Топурия, озаглавленного им «В. Ардзинба и кое-что о национальном интересе», в котором он силился «доказать» «безосновательность» требования Абхазии о повышении своего государственного статуса. В нем автор задавался вопросом: «Если входящие в СССР нации, народы, этнические группы будут равноправны, скажем, получат статус союзной республики, что выйдет из этого?». И отвечал самому себе: «… когда народу, этнической группе, находящемуся на низком уровне развития, совершенно не подготовленному к государственности, искусственно сверху даришь государственность, пусть из благородных целей, и когда он на первых же шагах своей новой жизни сталкивается со сложнейшими проблемами, не в силах преодолеть их – волей-неволей он встанет на неприемлемый для собственного национального развития путь»[1]. Такая «забота» о судьбе «целого ряда народностей с примитивной культурой», к каковым он относил, конечно же, и абхазов, проявлялась еще И. Сталиным. В 1913 г. он утверждал, что «национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры»[2], а впоследствии, став «отцом народов», он настойчиво воплощал эту идею в жизнь. Кто есть кто, по мнению Сталина и его позднейших последователей, и так ясно, но чтобы соблюсти законы жанра, уточним: носители «примитивной культуры» – это абхазы, а «высшей» – грузины. Дальнейшие комментарии здесь кажутся излишними.

2. «Абхазский вопрос» и события 9 апреля 1989 г. в Тбилиси

Первой крупной общественно-политической акцией Народного Форума Абхазии стал сход в с. Лыхны 18 марта 1989 г. Его участники приняли Обращение, в котором говорилось: «Под прикрытием различных хозяйственных нужд и сейчас продолжается процесс пересе-

[1] Газ. «Литературная Грузия», № 28, 14 июля 1989 г.
[2] Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. С. 351.

ления людей из Грузии в Абхазию. И это несмотря на то, что плотность населения Абхазии многократно превышает республиканский и общесоюзный уровень. Как и прежде, продолжается ставшая традиционной фальсификация истории Абхазии… За время существования Абхазской автономии она была практически лишена возможности самостоятельно управлять экономикой, решать хоть какие-нибудь значительные хозяйственные вопросы региона. Подведомственные Совету Министров Абхазии предприятия составляют 7,7 %». В Обращении сказанное было подытожено констатацией того, что «дальнейшее социально-экономическое и культурное развитие Абхазской АССР находится в прямой зависимости от расширения ее политических прав»[1]. Необходимой мерой для выживания Абхазии в сложившихся и надвигавшихся условиях в документе было обозначено восстановление статуса Советской Социалистической Республики Абхазия. Обращение подписали 32 тысяч человек, в том числе более 5 тысяч русских, армян, греков, грузин, а также представителей других народов.

Обращение было подписано и партийным, и советским руководством Абхазии, присутствовавшим на сходе, за исключением лиц грузинской национальности – Цуладзе, Зухбая, Эрквания[2]. По утверждению З. Папаскири, «именно это обстоятельство сыграло роковую роль в дальнейшем развитии событий в Абхазии»[3]. Данное обстоятельство также было использовано С. Червонной для того, чтобы объявить сход абхазского народа «заказной акцией», устроенной по требованию «хозяев, заказывавших музыку». Она же называет Лыхненское обращение «точно рассчитанной провокацией», ставшей «детонатором взрыва, охватившего всю Грузию»[4]. Среди подписавших Лыхненское обращение был и Первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии Б. Адлейба, что, конечно, не могло не вызвать возмущения в среде грузинской общественности. К массе несогласных с «сепаратистским» шагом Б. Адлейба присоединился и голос Л. Маршания, который позже, 14 апреля, выступая на пленуме ЦК КП Грузии, говорил: «Что касается самого акта, свершившегося в Лыхны, его нельзя оправдывать, хотя бы по той про-

[1] Абхазские письма… С. 458-459.

[2] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 10.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 311.

[4] Червонная С. М. Абхазия - 1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

стой причине, что постановка вопроса о выделении Абхазии ни с каких точек зрения неоправданна, незакономерна и нереальна, а раз нереальна, значит, авантюрна со стороны самого Адлейба»[1]. Уже названный З. Папаскири назвал «Лыхненский сход» главной причиной кризиса в Абхазии[2]. Позже, 2 июня 1989 г., В. Ардзинба разъяснял: «Смысл обращения состоял в том, что расширение прав республики – в интересах всего многонационального населения Абхазской АССР и не создает преимуществ какому-либо народу. Обращение ни в коей мере не направлено против грузинского народа» [3].

Позже В. Захаров, А. Арешев и Е. Семерикова отмечали: «Из текста письма видно, что в намерения представителей абхазского народа не входили какие-либо насильственные действия в отношении грузинского населения, его потрясение, а приписывание такого настроя грузинскими авторами, написавшими ответ, явно не выдерживало критики»[4]. Однако грузины готовились к ответным акциям. С 20 марта по 8 апреля 1989 года на всей территории Грузии проходили митинги и демонстрации против «лыхненских требований»[5]. Инициатором массовых протестов по всем городам и районам Абхазии выступили неформальные организации, в первую очередь Абхазская организация «Общества И. Чавчавадзе», ставшая в то время своего рода флагманом грузинского национального движения в Абхазии. Был создан оргкомитет по подготовке и проведению митинга, руководящую роль в котором играли члены неформальных организаций. Из Тбилиси приехали М. Костава, З. Чавчавадзе, Т. Чхеидзе, которые вместе с жителями Сухума[6] Н. Мгалоблишвили, В. Векуа, Б. Какубава и Д. Джаиани приступили к организации ответного митинга[7]. И 25 марта 1989 г., после подготовительных

[1] Маршания Л. В. Выступление на пленуме ЦК КП Грузии 14 апреля 1989 г.

[2] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 306.

[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=85

[4] Захаров В. А., Арешев А. Г., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. М., 2010. С. 101.

[5] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 320.

[6] Столица Абхазии в 1936 г., в рамках политики грузинификации страны, была переименована из «Сухум» в «Сухуми». 4 декабря 1992 г., в ходе Отечественной войны, Верховный Совет Абхазии восстановил название «Сухум». В данной работе используется именно это название абхазской столицы, за исключением приводимых цитат, в которых встречается вариант «Сухуми».

[7] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 10.

мероприятий, в Сухуме состоялся несанкционированный[1] митинг грузинской общественности. Количество его участников, по данным С. Червонной, достигало 12 тыс. человек[2], по другим сведениям – до 20 тыс.[3], по данным организаторов – 15 тыс. МВД посчитало 3 тыс.[4] участников митинга, а З. Папаскири настаивает, что на него «собралось около 10 тысяч человек»[5]. Ввиду того, что пл. Ленина была блокирована силами ОВД, вышеуказанные лица оборудовали трибуну на лестничной площадке дома № 71 по ул. Кирова и призвали собравшихся занять площадь силой. Но, опасаясь конфликта с милицией, митингующие остались на месте. Н. Мглаболишвили открыл собрание[6]. На митинге была принята резолюция, в которой говорилось: «Выражаем решительный протест, требуем восстановления конституционных прав грузинского населения в Абхазии и объявляем, что Абхазия была, есть и будет неотъемлемой органической частью Грузии. Всякая попытка ее отделения от Матери-Родины обязательно вызовет бескомпромиссное сопротивление всего грузинского народа и поставит на повестку дня вопрос о выходе Грузии из состава СССР, если не будут выполнены следующие законные требования грузинского народа: на всей территории Грузии местная власть непосредственно и широко должна подчиняться грузинскому правительству и не должно быть никакой субординации (иерархии), прекратить подстрекательское вмешательство русских шовинистов во внутренние дела Грузии; прекратить использование денационализированных лиц для провоцирования межнациональной вражды; правительству Грузии прекратить проведение политики умалчивания и глухоты в отношении проводимой в Абхазии антигрузинской

[1] По данным З. Папаскири, «власти, взвесив сложившуюся взрывоопасную ситуацию, не стали принимать радикальных мер и сочли более благоразумным «де-факто» разрешить митинг. Он же сообщает о том, что «в последний момент митинговавших не пропустили к Ленинской площади (сейчас – площадь Свободы. – **А. А**.) и они были вынуждены провести его на перекрестке улиц Кирова (сейчас – ул. В. Г. Ардзинба) и Орахелашвили (сейчас – ул. Конфедератов)».

[2] Червонная С. М. Абхазия - 1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[3] Эта цифра была указана в резолюции митинга. (Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 11).

[4] Лежава Г. П. Политическая ситуация … // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[5] Папаскири З. В. Абхазия. История…С. 313.

[6] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 10.

кампании и немедленно дать адекватный ответ сепаратистскому обращению, принятому 18 марта с. г. в с. Лыхны, на котором игнорированы желания большинства ее коренного населения; дать компетентный ответ в русской и грузинской прессе по так называемому «Абхазскому письму», которое ложно представляет историческую действительность и в прямом смысле оскорбляет грузинский народ; прекратить в абхазской прессе и ТВ провокационные антигрузинские публикации материалов; провести в Грузинской ССР референдум о целесообразности сохранения автономных образований в республике; возобновить прием студентов в Сухумский филиал ГПИ; прекратить обучение «Истории Абхазии» в школах Абхазии»[1]. Еще накануне, 24 марта с. г., в вечерней программе грузинского телевидения прозвучали требования, которые были озвучены на названном митинге 25 марта в Сухуме. Митинги прошли и в других населенных пунктах Абхазии.

Одним из главных требований, звучавших в названном и других подобных митингах, было не голосовать на выборах в Верховный Совет СССР, которые должны были состояться 26 марта, за кандидатов, подписавших Лыхненское обращение. Тем не менее, на второй день после названного митинга в Сухуме Б. Адлейба был избран народным депутатом СССР, чему в немалой степени способствовало подписание им Лыхненского обращения. Стоит заметить, что этот его поступок тогда сделал возможным, чтобы абхазы простили ему много нареканий и недовольств руководством Абхазии, которое фактически нередко заключалась в проведении политики, вырабатывавшейся в Грузии, и эта политика никак не могла соответствовать интересам абхазского народа. В силу этого руководство Абхазии оказывалось в оппозиции к интересам своего народа, поэтому нередко абхазский народ, выступая против засилья грузин, одновременно выражал недоверие и руководству Абхазии, т. к. это руководство назначалось Грузией.

26 марта 1989 г., наряду с Б. Адлейба, народными депутатами СССР от Абхазии были избраны: В. Ардзинба, Ф. Искандер, Б. Шинкуба, А. Гогуа, Р. Аршба, Т. Шамба, В. Агрба. Но и после выборов спада напряжения не произошло, напротив, лидеры национал-радикалов Грузии усилили свою деятельность. Национальное движение в Грузии, как уже отмечалось, и без того носило ярко выраженный антиабхазский характер, но

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 10.

после Лыхненского обращения отношение ко всему абхазскому резко ухудшилось. Грузинские неформалы все настойчивее стали требовать выхода из состава СССР и ликвидации автономий, более того, стали звучать призывы к физическому уничтожению инородцев, которые не согласны стать грузинами. Продолжалась агитация против Лыхненского обращения, авторы которого были объявлены врагами грузинского народа. Причем все митинговые заявления получали поддержку со стороны официального руководства Грузии, каковой пока являлась Компартия.

28 марта, выступая на сессии Верховного Совета ГССР, тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии Д. Патиашвили квалифицировал Лыхненское обращение как «антиконституционное». 30 марта, на фоне своего заявления, он приехал в Сухум и встретился с представителями абхазского и грузинского студенчества[1]. В правлении Союза писателей Грузии Лыхненское обращение назвали «клеветой и доносом на грузинский народ»[2]. А 29 марта Верховный Совет Грузии Обращение абхазского народа оценил как «противоречащее духу решений XXVII съезда партии, установкам XIX Всесоюзной партийной конференции». В. Ардзинба в выступлении на Первом съезде назвал эти оценки «абсолютно неправомерными». Далее он тогда отметил: «Получалось, что абхазский народ не имел законного права высказать свое мнение… Оценки руководства союзной республики способствовали еще большему разжиганию кампании, которая не стихает и по сей день, о чем свидетельствуют, в частности, статьи, появляющиеся в печати даже в дни работы съезда»[3].

В. Хишба и В. Кобахия в своей справке констатировали: «Лидеры неформальных объединений при поддержке республиканской прессы, с молчаливого согласия руководящих органов Союзной республики оказывают массированное давление на грузинскую часть населения Абхазии с целью вовлечения ее в решения установок националистического движения»[4]. Такая позиция Тбилиси была направлена, в первую очередь, на противопоставление друг другу грузин и абхазов в самой

[1] Справка по абхазскому госуниверситету // Архив НФА.
[2] Шутова Т. В шесть часов вечера у Акопа. Сухум. … С. 16.
[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=85.
[4] Важная веха в истории Абхазии... С. 24.

Абхазии. Уже в тот же день, 28 марта, в г. Гагре митинг грузин перерос в стычку на межнациональной почве. Само грузинское население Абхазии вовсе и не думало о сопротивлении стремлениям его противопоставления с абхазами. Более того, создавалось такое впечатление, что оно жаждало доказать, что является самым передовым поборником грузинской идеи, заключавшейся в превосходстве грузин над абхазами. Т. е. на деле это означало превращение абхазов в людей второго сорта, а то, что они эту идею хотели воплотить на земле, которая являлась их единственной родиной, в расчет принимать никто не желал. Более того, доказывалось, что абхазы, а не грузины являются пришлым населением в Абхазии, и в силу этого, и того, что грузинам недостаточно жизненного пространства для развития, абхазы должны покинуть Абхазию. Несмотря на то, что это может звучать слишком резко и неправдоподобно, именно эти идеи тогда были господствовавшими в среде грузинского населения Абхазии. А абхазы не могли не сопротивляться данной постановке вопроса по единственной причине: Абхазия была, есть и должна остаться их единственной родиной, где они могут сохраниться как этнокультурная единица. Перестать существовать в конце XX века из-за того, что грузинский народ поддался психозу – желанию отобрать у абхазов их родину в силу того, что им она нужна для «жизненного пространства», абхазы не могли. И как следствие, противостояние с каждым часом набирало обороты. Об обострении общественно-политической ситуации в Абхазии можно судить и по многочисленным выступлениям по телевидению и прессе с призывом соблюдать спокойствие. Так, группа интеллигенции в начале апреля обратилась ко всем гражданам Абхазии с призывом проявить выдержку и мудрость, не поддаваться на провокации[1]. Однако подобного рода обращения уже были не в состоянии оказать какое-либо действенное влияние на развитие ситуации.

Следовательно, нагнетание обстановки продолжалось. 1 апреля на абхазо-российской границе по инициативе «Общества Ильи Чавчавадзе» состоялся митинг грузинских радикалов против Лыхненского обращения. Центральная часть поселка Псоу была перекрыта войсками, и собравшиеся перешли на стадион[2]. Их было около 400-500 человек.

[1] Газ. «Бзыбь», № 42, 6 апреля 1989 г.

[2] Проведение митинга на стадионе стало возможным в результате вмешательства со стороны первого зам. министра ВД Грузии Шадури.

Митинг открыл Б. Какубава. Присутствовавшим было предложено подписаться под резолюцией, принятой на митинге 25 марта в Сухуме[1]. Собравшиеся у Бзыбского сельсовета абхазы в количестве 500-600 человек послали в Леселидзе делегацию в составе Б. Кехир-ипа и А. Гогуа. По ее возвращении А. Гогуа рассказал присутствовавшим: «Там находился зам. министра ВД Грузии Шадури. Разговаривая с ним, мы сказали, что если в течение 10-15 минут не будет прекращен митинг, мы сообщим нашему народу и они все сюда придут, а это приведет к плохим последствиям»[2].

Вслед за призывами подписаться в резолюции против Лыхненского обращения на трибуну поднялись первый зам. министра ВД Грузии Шадури В. И. и министр ВД Абхазии Чулков М. А. с представителями абхазского населения и предложили прекратить митинг[3]. Результатом демонстративно вызывающего поведения участников акции стали столкновения на национальной почве. Г. Лежава излагает события в следующей последовательности: «Один автобус с участниками митинга, прибывшими из Тбилиси, и другой, случайный, с людьми, не имевшими никакого отношения к митингу, подверглись нападению, в результате чего 10 человек получили ранения»[4]. Эти же сведения повторяет З. Папаскири, дополнив их тем, что «абхазскими молодчиками» «руководил» первый секретарь Гудаутского райкома КП К. Озган[5]. При этом никого не интересует вопрос – почему на митинг у р. Псоу должны были приезжать на автобусах из Тбилиси. В. Хишба и В. Кобахия в вышеозначенной справке эти события описывают следующим образом: «Митинг завершился провокационно-триумфальным проездом его участников с развевающимися меньшевистскими флагами в сторону восточных границ Абхазии, в ходе которого в районе с. Бзыбь и г. Н. Афон на трассе Сухумского района возмущенной молодежью абхазской национальности были совершены нападения на два автобуса»[6].

2 апреля в Сухуме состоялся митинг, на котором Д. Джаиани сообщил: «К концу митинга на трибуну поднялся Озган и в грубой форме заявил: «Кто вам разрешил здесь проводить митинг? Эта не ваша земля.

---

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 19-21.
[2] Там же. лл. 21-22.
[3] Там же. л. 21.
[4] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 314.
[6] Важная веха в истории Абхазии... С. 26.

Убирайтесь с нашей земли». После этого он поехал в село Бзыбь к собравшимся абхазам и начал подогревать страсти. Там же находился и подполковник милиции Г. Агрба, начальник Гудаутской милиции Арлан и др.». Выступившие на митинге З. Чавчавадзе и М. Костава тоже потребовали наказать абхазов. Затем было предложено направиться к зданию ГИСХа и продолжать митинг до тех пор, пока к ним не придут первый секретарь обкома и председатель Президиума ВС Абхазии. К 15 часам у ГИСХа собралось от 7 до 10 тысяч грузин[1]. На этом митинге М. Костава сказал следующее: «Мы устроим черный день кучке абхазских сепаратистов! Этим абхазцам на самом деле не хватает угла, пусть они на самом деле скажут спасибо, что живут на нашей земле… Мы научим абхазов уму-разуму»[2]. 3 апреля первый секретарь Абхазского обкома КП Б. Адлейба, которому оставалось проработать на этой должности три дня, констатировал, что «общественно-политическая обстановка в Абхазии значительно осложнилась из-за многотысячных несанкционированных митингов»[3]. Обстановка в столице Абхазии становилась все более взрывоопасной. В самом начале апреля в Сухуме под председательством Дж. Патиашвили было проведено совместное заседание ЦК КП Грузии и Абхазского обкома. На совещание были приглашены представители абхазской и грузинской интеллигенции Абхазии, но примирения между ними не получилось. В ходе встречи возмущенные «сверхнаглым поведением В. Ардзинба и некоторых его сподвижников, большинство грузин, по призыву поэта Д. Джанелидзе, в знак протеста покинуло зал заседания»[4]. Однако они вернулись туда после «уговоров» тбилисских партийных функционеров.

Тем временем к апрелю 1989 г. З. Гамсахурдиа, М. Костава, И. Церетели и Г. Чантурия организовали и провели около 30 несанкционированных митингов, манифестаций и политических забастовок, а также акцию по блокированию транспортных путей. И хотя по аналогичным фактам 9 декабря 1988 г., 20 и 27 февраля 1989 г. органами внутренних дел и прокуратуры г. Тбилиси были возбуждены уголовные дела, организаторы этих беспорядков не были привлечены к уголовной ответственности[5].

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 25.
[2] Важная веха в истории Абхазии... С. 26.
[3] Газ. «Советская Абхазия», 4 апреля 1989 г. // Архив НФА.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История…С. 316.
[5] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

4 апреля в Тбилиси по инициативе «Общества Ильи Чавчавадзе» начались перманентные митинги протеста. Сначала у здания медицинского института состоялся несанкционированный митинг студентов различных вузов столицы. На нем выступил З. Чавчавадзе и предложил всем собраться у Дома Правительства. Его поддержало 5 тыс. человек, а в последующие дни число участников митинга достигло 10-15 тысяч. Главной темой, которая обсуждалась на этих митингах и более других волновала присутствовавших, была Абхазия[1]. В начале митинговавшие требовали наказать организаторов Лыхненского схода. Однако затем под влиянием радикальных группировок во главе с З. Гамсахурдиа, М. Костава, Г. Чантурия и И. Церетели стали выдвигать лозунги о выходе из СССР и восстановлении независимой государственности Грузии[2]. События в Абхазии, как видно, были удобным поводом для того, чтобы начать митинговое движение против советского строя, а следовательно, и против существовавшей в Грузии власти. Тем не менее, грузинские и советские власти полагали, что события в Тбилиси можно успокоить, наказав абхазов, «виновных» в подписании Лыхненского обращения. Надо заметить, что в тот же день, 4 апреля, Президиум правления СП Грузии провел специальное заседание по поводу «экстремистских выступлений»» в Абхазии, Лыхненского схода и «Абхазского письма»[3].

5 апреля Д. Патиашвили на встрече с заместителем заведующего государственно-правовым отделом ЦК КПСС В. Михайловым «настаивал на том, что если мы не проведем кадровую перестановку в Абхазии в самое короткое время, то обстановка в Тбилиси будет еще больше обостряться». Вопрос несколько упростился, когда Б. Адлейба вышел на ЦК Грузии и сделал заявление о том, что подаст в отставку[4]. 6 апреля Б. Адлейба[5] был смещен с занимаемой должности[6], которого, по словам

[1] Там же.

[2] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 316.

[3] Миминошвили Р., Панджикидзе Г. Правда об Абхазии… С. 4.

[4] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[5] Позже его действия во время схода в Лыхны (подписание им Обращения) оценены «как неправильные, неоправданные с точки зрения партийной этики и дисциплины, политической выдержанности и верной ориентации людей». (Газ. «Советская Абхазия», №72, 13 апреля 1989 г.).

[6] По мнению А. Широкорада, руководители партийной организации Грузии «заставили Б. Адлейба подать в отставку», идя на уступки участникам митинга в Тбилиси, который начался 5 апреля 1989 г.

кандидата в члены ЦК КП Грузии Л. Маршания, «надо было освобождать несколько лет назад»[1]. С этой целью 6 апреля в Сухум приехали Д. Патиашвили и В. Михайлов. Первым секретарем Абхазского обкома был назначен В. Хишба, работавший до этого заместителем министра лесного хозяйства Грузии и который в партийном руководстве последней рассматривался в качестве «своего человека» в Абхазии. Д. Патиашвили и члены бюро ЦК КП Грузии считали, что этим назначением будет успокоена общественность и в Абхазии, и в Тбилиси. Однако, как и следовало ожидать, они в этом просчитались. Когда митингующим в Тбилиси стало известно, что решен вопрос с Б. Адлейба, «там было явное оживление, чувствовалась радость». Однако 6 апреля для руководства Грузии оказался днем крушения надежды на прекращение митинга в связи с заменой руководства Абхазского обкома компартии и снижением остроты абхазского вопроса. Митинг у Дома правительства в Тбилиси не закончился, а лозунги резко изменились, страсти стали еще больше накаляться[2]. К 6 апреля антиабхазская направленность митинга отошла на задний план, все активнее стало выдвигаться требование о выходе Грузии из СССР. Несмотря на это, С. Червонная продолжает утверждать, что «абхазской стороной» было сделано все возможное и для того, чтобы язовско-родионовский бронированный кулак обрушился на тбилисских «неформалов»[3]. Как «абхазская сторона» могла бы это сделать?!

Тем временем 6 апреля на митинге М. Костава заявил о том, что «не следует разъединять вопросы Абхазии и независимой Грузии»[4]. Тем самым, становилось отчетливо ясно, что события в Абхазии и, в частности Лыхненское обращение, являются лишь вывеской, под которой лидеры грузинского национального движения собрали народ. А их настоящие цели простирались далеко за пределы «абхазской проблемы». В уже названной речи М. Костава, отметив, что «поражение будет равно победе», сформулировал цели и задачи акции перед Домом правительства следующим образом: «Представители неформальных объединений ставят вопрос о создании национальной армии… Национальная армия нужна для того, чтобы Грузия стала независимой и свободной. Когда

[1] Маршания Л. В. Выступление на пленуме ЦК КП Грузии 14 апреля 1989 г.

[2] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[3] Червонная С. М. Абхазия…. //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[4] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 245.

Грузия будет иметь собственную национальную армию, она потребует вывода с ее территории оккупационных войск. Вот тогда и настанет час национальной независимости»[1].

Накануне, 5 апреля, в связи с резким обострением ситуации Патиашвили обратился за поддержкой к Советской армии. 6 апреля 345-й парашютно-десантный полк[2] получил задачу: совершить 320-километровый марш из Гянджи в Тбилиси. Полк за сутки совершил этот марш и вошел в столицу Грузии и сосредоточился на подступах к Дому правительства[3]. А сам Патиашвили вечером 6 апреля вернулся из Сухума в грузинскую столицу, и тогда же было решено провести 7 апреля встречу с представителями научной и творческой интеллигенции, ректорами и секретарями парткомов вузов, идеологическим активом Тбилиси. Планировалась создать на этой встрече рабочую группу, которая взяла бы на себя посредническую роль в организации диалога между лидерами неформалов и руководством республики. Однако лидеры неформальных объединений отказались от диалога[4]. У них была иная цель, которая к тому времени уже была близка к осуществлению. Поэтому, напротив, З. Гамсахурдиа, М. Костава, И. Церетели, Г. Чантурия и другие в эти дни действовали очень активно (И. Церетели выступил 70 раз, М. Костава – 14 и т. д.). Их действия были направлены на нагнетание обстановки с тем, чтобы дестабилизация достигла наивысшей напряженности к 14 апреля. По материалам, которыми располагала комиссия А. Собчака, на 9 апреля «назначена была «расправа» с абхазами и затем с осетинами, после чего грузинские радикалы смогли бы практически осуществить намеченные в программах их партии идеи – захватить политическую власть в республике и добиться выхода Грузии из состава СССР»[5].

В Абхазии грузинское население продолжало рьяно выступать в поддержку своих тбилисских собратьев в их стремлении «образумить» абхазов. Поэтому неудивительно, что акции грузинских неформалов

---

[1] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 245.

[2] Это подразделение затем было передислоцировано в Абхазии и постоянно подвергалось грузинской стороной обвинениям в поддержке абхазов, хотя оно в грузино-абхазском противостоянии строго придерживалось нейтралитета.

[3] Лебедь А. И. За державу обидно... М., 1995. С. 279 // http://militera.lib.ru/memo/russian/lebed_ai/index.html.

[4] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[5] Там же.

продолжались и в Абхазии, более того, они ужесточались. Многотысячные митинги прошли 8 и 9 апреля в Гале, Гулрипше, Гагре. 8 апреля в 14 часов на площади Конституции в с. Мачара собралось до 5 тыс. человек. В 15 часов митинг открыл член регионального общества им. Руставели Ш. Джгамадзе. Выступавшие требовали наказать тех абхазов, которые подписали Лыхненское обращение, говорили о политической организованности и объединении всех грузин, предлагали назначать на руководящие должности в республике согласно процентному соотношению, осудили деятельность газеты «Бзыбь». Студенты грузинской национальности заявили, что не прекратят забастовки, пока не решится национальный вопрос и не будут удовлетворены их требования. Предлагали лишить премии им. Ш. Руставели народного поэта Абхазии Б. Шинкуба. Требовали также проведения референдума по вопросу целесообразности существования автономных республик в ГССР, в резкой форме осудили деятельность НФА, недоверие к министру внутренних дел Абхазии Чулкову[1].

Вопрос о Лыхненском обращении обсуждался в Бюро Абхазского обкома уже 12 апреля, после трагических событий в Тбилиси. Было заявлено, что документ «не учитывает весь комплекс взаимосвязанных социально-экономических, культурных и межнациональных проблем, существующих в регионе». Абхазский обком также считал, что, «правильно отмечая серьезные ошибки и произвол, допущенные по отношению к абхазскому народу в период культа личности Сталина, а также преступные действия Берия, участники митинга недостатки, упущения и диспропорции, возникшие и возникающие в экономической, социальной и культурной жизни, перенесли и в сферу межнациональных отношений, обошли вниманием ту позитивную работу, которая проводится в автономной республике по выполнению постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, ЦК КП Грузии по Абхазской АССР»[2]. Тем не менее, Первый секретарь Абхазского обкома В. Хишба и Председатель Президиума ВС Абхазии В. Кобахия в своей справке уже от 8 июля 1989 г., касаясь вопроса Лыхненского схода, писали следующее: «Инициатива народа была вызвана бездействием руководства Абхазской республики, которое вопреки ноябрьскому (1988) Постановлению

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 32-33.
[2] Газ. «Советская Абхазия», №72, 13 апреля 1989 г.

ЦК КПСС «О совершенствовании межнациональных отношений в СССР» не приняло конкретных мер и не представило в вышестоящий орган своих предложений». Вышеназванное решение обкома было принято уже тогда, когда Первым секретарем являлся В. Хишба, который был назначен вместо Б. Адлейба. Как видно, при сопоставлении этих двух документов – постановления бюро Абхазского обкома от 12 апреля и справки руководителей Абхазии от 8 июля – общим в них является обвинение в адрес уже бывшего руководства, а действия народа, вынужденного прибегнуть к сходу и принятию Обращения уже названы инициативой, вызванной бездействием руководства Абхазии. Здесь дело может заключаться в следующем: постановление бюро Абхазского обкома, естественно, принималось под диктовку и в угоду Тбилиси, и ясно, что там действия абхазского народа и его Обращение не могли быть признаны иначе как покушением на территориальную целостность Грузии. А второй документ – справка от 8 июля – был составлен для представления уже в Верховный Совет СССР, также он составлялся накануне трагических событий в Абхазии, перед которыми ситуация нагнеталась с каждым часом, и это обстоятельство не могло не довлеть над авторами названной справки.

14 апреля, уже через 5 дней после трагических событий, Л. Маршания, выступая в Тбилиси, отмечал: «До сих пор муссируется версия о том, что первопричиной трагедии, развернувшейся 9 апреля с. г. в Тбилиси, являются сход в Лыхны и обращение, опубликованное в газете «Советская Абхазия». Хочу заявить категорически, что события в Абхазии были поводом, а не первопричиной. Тому свидетельство тот факт, что через два дня радикалы забросили антиабхазские лозунги и активно стали выставлять антисоветские лозунги»[1]. Комиссия Верховного Совета Абхазии, расследовавшая позже трагические события 15-16 июля 1989 г., также пришла к выводу, что «нет основания утверждать, что события в Тбилиси являются следствием публикации «Абхазского письма» и Лыхненского обращения»[2]. И, действительно, вскоре организаторы и участники митинга в Тбилиси забыли тему Абхазии, и все их требования сводились к немедленному достижению независимости Грузии. Обстановка на митинге становилась все более и более взрыво-

[1] Маршания Л. В. Выступление на пленуме ЦК КП Грузии. 14 апреля 1989 г.
[2] Газ. «Аидгылара», №4, июль 1990 г.

опасной, там уже давно звучали призывы обратиться в ООН, и ввести в Грузию войска НАТО[1]. В частности, один из лидеров неформальной Грузии И. Церетели заявил: «В Грузии должна быть незамедлительно отменена марионеточная власть марионеточного грузинского правительства… должны войти армейские подразделения ООН… Далее Грузия должна войти в НАТО как военный союзник. Это позиция всех неформальных организаций Грузии. Независимая Грузия должна быть ориентирована[2] на США»[3]. Однако ни США, ни НАТО никак не отреагировали, но Грузия дождалась подходящего момента, когда через несколько лет НАТО перестало стесняться открыто заявить о своей заинтересованности в сотрудничестве с Грузией. НАТО и Грузия активно сотрудничают в области институциональных реформ, равно как и военной реформы, они также наладили практическое сотрудничество по большому числу других направлений: в 1992 г. Грузия входит в состав недавно созданного Совета Североатлантического сотрудничества, переименованного в 1997 году в Совет евроатлантического партнерства; в 1994 г. Грузия присоединяется к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ), направленной на расширение сотрудничества в области безопасности и обороны между НАТО и отдельными странами-партнерами; в 1995 г. Грузия подписывает Соглашение ПРМ о статусе сил (SOFA), которое НАТО заключает со странами-партнерами; в 1997 г. Парламент Грузии ратифицирует Соглашение о статусе сил; в 1999 г. Грузия присоединяется к процессу планирования и анализа ПРМ. Грузия начинает направлять миротворцев в состав Сил для Косово (СДК); в 2001 г. на территории Грузии организованы многонациональные учения ПРМ «Кооперэйтив Партнер – 2001»; в 2002 г. Грузия подключена к «Виртуальному шелковому пути». На территории Грузии организованы многонациональные учения ПРМ «Кооперэйтив Бест Эффорт – 2002». Грузия заявляет о своем стремлении стать членом НАТО и о намерении разработать с НАТО Индивиду-

[1] Шутова Т. В шесть часов вечера... С. 16.

[2] В связи с изложенным вызывает интерес свидетельство Т. Китовани, бывшего министра обороны Грузии, который позже, в 2002 г., заявил, что события в Тбилиси были звеном в цепочке плана ЦРУ по развалу СССР. В Грузии же это было «подстроено Гамсахурдиа и Шеварднадзе». Причем Китовани утверждает, что Шеварднадзе, зная, что Гамсахурдиа когда-нибудь скажет о своих связях с Шеварднадзе, содействовал его физическому устранению» (Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись).

[3] Мяло К. Россия и последние войны XX века (1989-2000) // www.abkhaziya.org.

альный план действий партнерства (ИПАП); в 2004 г. Грузия участвует в группе ИСАФ по обеспечению безопасности при проведении выборов в Афганистане. Грузия становится первой страной, согласовавшей ИПАП с НАТО; в 2005 г. НАТО и Грузия подписывают соглашение о транзитном следовании, на основании которого страны-союзницы по НАТО и другие государства, выделившие воинские контингенты для ИСАФ, могут использовать территорию Грузии для доставки предметов материального снабжения своим войскам (силам) в Афганистане. Грузия открывает информационный центр по тематике НАТО при поддержке Отдела общественной дипломатии НАТО; в 2006 г. НАТО предлагает Грузии Интенсифицированный диалог; в 2007 г. Грузия проводит у себя учения ВВС под эгидой НАТО/ПРМ «Кооперейтив арчер – 2007»; в 2008г. на Бухарестской встрече в верхах руководители стран НАТО пришли к соглашению о том, что Грузия станет членом НАТО; в сентябре 2008 г. Североатлантический совет посетил Грузию с двухдневным визитом. В Тбилиси состоялось подписание Рамочного документа о создании Комиссии НАТО–Грузия и ее первое заседание.

Но это было потом, а тогда в апреле 1989 г. на митинге в грузинской столице положение ухудшалось и выходило из-под контроля, и поэтому было принято решение о разгоне митинга с помощью военной силы. Первый заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Бобков, говоря о событиях, предшествовавших столкновениям в Тбилиси, пишет: «Мне позвонил Крючков и передал, что Горбачев одобрил ввод войск в Тбилиси для наведения порядка. Шеварднадзе и Разумовский должны были вылететь в Тбилиси для руководства на месте»[1]. Они должны были вылететь утром 8 апреля, но это указание М. Горбачева, по официальным сведениям, Э. Шеварднадзе проигнорировал, сославшись на телефонный звонок «тбилисских товарищей», которые сообщили, что ему «нет особой необходимости лететь в Тбилиси»[2]. Действительно, накануне трагических событий в Тбилиси было озвучено, что «приезд Шеварднадзе и Разумовского отложили по просьбе Первого секретаря ЦК Грузии Патиашвили, который обещал обойтись собственными силами и удержать развитие событий»[3].

---

[1] Бобков Ф. «КГБ и власть» // www.abkhaziya.org.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 154.
[3] Бобков Ф. «КГБ и власть» // www.abkhaziya.org.

Э. Шеварднадзе, уже по истечении многих лет, сокрушался о том, что «хотя в то время я находился в Москве и не был непосредственным очевидцем событий», «трагедия в Тбилиси оставила след и в моей душе»[1]. Однако вопрос: почему он оказался в Тбилиси вечером 9 апреля, а хотя бы не на сутки ранее, несмотря на принятие такого решения на самом верху, остается открытым. О настроениях, царивших на площади, свидетельствуют слова председателя КГБ Грузии Г. Гумбаридзе, сказанные поздно вечером 8 апреля: «Дело плохо. Толпа жаждет действий. Лозунги – антисоветские. Но мы пока держимся, хотя уже звучат призывы идти штурмовать Дом правительства»[2]. Это был рапорт руководителя спецслужб Грузии своему начальству в Москве, о котором не мог не знать Э. Шеварднадзе. Несмотря на это, он решил не лететь в Тбилиси в самую гущу событий, нашел отговорку в виде звонка «тбилисских товарищей» и предпочел спокойно переждать «грозу» на родине в безопасной Москве. Естественно, что политик такой формации в подобной неопределенной и непредсказуемой ситуации не стал бы «лезть в бутылку» и брать на себя ответственность.

Это было бы понятно, но труднее понять другое: Э. Шеварднадзе все же прилетел в Тбилиси накануне 9 апреля, но не пожелал афишировать свой прилет ни тогда, ни после. Бывший министр обороны Грузии Т. Китовани уже в 2002 г. сообщает, что Шеварднадзе 8 апреля был в Тбилиси на аэродроме: «Когда я сам лично проверял, когда мы пришли к власти, пропускную систему, кто к Шеварднадзе ездил. Воицицкий – был такой его заместитель, Лордкипанидзе и Гумбаридзе были у Шеварднадзе в самолете, вели переговоры»[3]. Китовани также ссылается на генерала Лебедя, «который прилетел в Тбилиси, видел Шеварднадзе в самолете». Действительно, в своих воспоминаниях А. Лебедь пишет: «8 апреля вверенная мне дивизия была поднята по тревоге, совершила марш к аэродрому, армада самолетов поднялась в воздух и перенесла три полка в солнечный Тбилиси. Я приземлился в одном из первых самолетов. Один транспортник сел вне плана. Из чрева транспортника важно выплыли два длинных-длинных, очень длинных правительственных ЗИЛа, вышли несколько человек, первым шел член Политбюро ЦК КПСС, ми-

[1] Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес… С. 178.
[2] Бобков Ф. «КГБ и власть» // www.abkhaziya.org.
[3] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

нистр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Их встретила достаточно многочисленная группа людей. После непродолжительного обмена мнениями все резво расселись по машинам и растворились во мраке»[1]. Но спустя время, он же, Э. Шеварднадзе, без тени смущения заявляет: «9 апреля нашу нацию наказали в назидание остальным»[2]. Все вышеизложенное, на мой взгляд, не оставляет сомнений по поводу целей и задач организаторов митинга в Тбилиси. Тем не менее, историк А. Широкорад делает вывод о том, что «демократические СМИ скрывали от русского народа, что 9 апреля 1989 г. беспорядки были связаны с Абхазией и преподносили их нам как «борьбу грузинского народа против партноменклатуры»[3]. Однако странно слышать такое умозаключение от автора, тогда как он всего семью страницами ранее приводит речь одного из организаторов митинга в Тбилиси М. Костава, который заявил: «Национальная армия нужна для того, чтобы Грузия стала независимой и свободной. Когда Грузия будет иметь собственную национальную армию, она потребует вывода с ее территории оккупационных войск»[4].

После решения властей вытеснить митингующих с площади в ночь с 8 на 9 апреля ситуация резко обострилась. По данным С. Червонной, «решение о применении силы было принято в Москве 7 апреля 1989 г. на совещании под председательством Е. Лигачева[5]. Настойчивые просьбы, требования проявить благоразумие и разойтись, в том числе патриарха-каталикоса Ильи II, не возымели действия[6]. Католикос обратился к собравшимся за 45 минут до начала операции и после его выступления, которое было выслушано в глубоком молчании, установилась семиминутная тишина, затем последовала общая молитва «Отче наш»[7]. Потом выступил один из лидеров неформалов З. Церетели с призывом не расходиться[8]. Об атмосфере, царившей на митинге, можно судить по

[1] Лебедь А. И. За державу обидно... С. 281 // http://militera.lib.ru/memo/russian/lebed_ai/index.html.

[2] Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес… С. 178.

[3] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 252

[4] Там же. С. 245. См. сноску № 66.

[5] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[6] Газ. «Литературная газета», 12 апреля 1989 г.

[7] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 248.

[8] Там же.

лозунгам: «Свобода», «Независимость», «Суверенитет», «Оккупанты», «Сволочи», «Ублюдки»[1].

После начала операции по очистке площади[2] часть митинговавших оказала сопротивление, и в результате возникших столкновений погибло около 20 человек, в основном – женщины. Позже комиссия Министерства обороны СССР отметила, что «реально сложившаяся к этому времени обстановка на площади (наличие около 10 тысяч человек), готовность, с которой участники митинга намеревались его продолжить, требовала особо взвешенных, осмотрительных решений по проведению операции»[3]. Уже названный Г. Гумбаридзе, позвонивший в 6 часов утра Ф. Бобкову, сказал: «У нас беда. Войска очищали площадь. Погибло двадцать человек»[4]. По сведениям А. Зверева, «21 человек, главным образом девушки и пожилые женщины, были убиты заточенными саперными лопатками и отравляющими газами»[5]. Дж. Боффа сообщает о том, что «9 апреля 1989 г. в Тбилиси армия открыла огонь по толпе демонстрантов, которые пытались ворваться в правительственные здания»[6]. Э. Шеварднадзе сокрушался по поводу того, что «девятнадцать человек было убито и оплаканы нами, тысячи людей получили отравления газом»[7]. Относительно жертв операции А. Широкорад сообщает следующее: «В ходе разгона митинга 16 человек погибли на месте, а еще трое скончались позже. Замечу, что войска ограниченно применяли обычный газ типа «Черемуха», который позже (без лицензий) продавался гражданам»[8].

Непосредственный участник рассматриваемых событий генерал А. Лебедь о происшедшем и участии в нем армии сообщает следующее: «В солдат полетела отборная щебенка, заточки из арматуры. Полк терпеливо и мужественно отражал этот град, вытаскивал раненых. Поток

---

[1] Лебедь А. И. За державу обидно... С. 280 // http://militera.lib.ru/memo/russian/lebed_ai/index.html.

[2] Подробнее об операции см.: Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 246-249.

[3] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 248-249.

[4] Бобков Ф. «КГБ и власть» // www.abkhaziya.org.

[5] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988–1994 гг. // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 45.

[6] Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. М., 1996 //http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

[7] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес… С. 178.

[8] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 249.

брани, угроз и камней нарастал. Надо было принимать какое-то решение. И оно созрело. Захватить машины и тем самым избавиться от малоприятного камнепада. Полк сжал челюсти, атаковал и захватил грузовики. Ему нужны были только грузовики, но на пылающей страстями площади возникла паника. Огромное, потное, яростное тело митинга несколько раз плеснулось от края до края площади, давя и калеча наиболее слабых. В результате погибли 18 человек, из них 16 женщин в возрасте от 16 до 71 года»[1].

По официальным данным Грузинской ССР, из числа демонстрантов тогда погибло (задавлено толпой) 17 чел., из них 16 женщин, 1 чел. был убит при нападении на пост; травмировано 286 чел., из них 198 госпитализировано. По донесениям войск, среди военнослужащих и сотрудников милиции получили ранения 172 чел., из них тяжелые (с эвакуацией в госпиталь) – 22 чел[2]. Заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Бобков также считает, что «все, кто погиб тогда на площади, стали жертвами давки»[3]. А в заключении комиссии МВД СССР был сделан такой вывод: «Анализ организации и действий группы войск в операции, а также условий и порядка применения личным составом индивидуальных средств защиты и активной обороны, в том числе специальных средств «Черемуха», позволяет сделать вывод, что деятельность командиров по управлению силами и средствами, а также действия личного состава осуществлялись лишь в рамках устава БС ВВ; войска не превысили своих полномочий в ходе выполнения поставленных задач»[4].

14 апреля Э. Шеварднадзе сказал: «Никак не могу отделаться от такого чувства, будто кое-кто из лидеров так называемых неформальных организаций совершенно сознательно вел доверившихся им людей к закланию»[5]. И действительно, во время митинга перед Домом правительства «кто-то перекрыл выходы с площади с целью устроить давку». Это сделали не военные, а сами организаторы митинга, устроившие бес-

[1] Лебедь А. И. За державу обидно... С. 280-281 // http://militera.lib.ru/memo/russian/lebed_ai/index.html.

[2] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001 // http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/

[3] Бобков Ф. «КГБ и власть» // www.abkhaziya.org.

[4] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[5] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

порядки. По оценке комиссии А. Собчака: «Уголовную, политическую, моральную и иную ответственность за свои действия должны нести организаторы несанкционированного митинга у Дома правительства (И. Церетели, З. Гамсахурдиа, Г. Чантурия и другие лидеры неформальных организаций), которые допустили в ходе его проведения различные нарушения общественного порядка, призывали к невыполнению законных требований властей, а когда создалась реальная угроза применения вооруженной силы, не приняли мер к его прекращению, не попытавшись, таким образом, воспрепятствовать трагическому исходу событий. Все последствия тбилисских событий 9 апреля 1989 г., в том числе пролитая кровь невинных жертв, целиком и полностью находятся на совести организаторов незаконной политической акции, чьи действия должны были квалифицироваться как организация массовых беспорядков и разжигание межнациональной вражды и розни»[1]. И действительно, «за организацию и активное участие в совершении указанных выше групповых противоправных действий, грубо нарушивших общественный порядок», Гамсахурдиа, Костава, Церетели и Чантурия были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Однако 5 февраля 1990 г. уголовное дело по обвинению Гамсахурдиа, Церетели и Чантурия было прекращено ввиду изменения обстановки, а в отношении Костава – в связи с его смертью[2].

9 апреля был объявлен днем траура по всей Грузии, а уже утром 10 апреля в случившемся была «обвинена Советская армия, а генерала Родионова сделали козлом отпущения». Уже не было и речи об ответственности Гамсахурдиа и его сподвижников, а во всем были обвинены солдаты, которые пустили в ход саперные лопатки против мирных жителей. В связи с этим будет небезынтересным привести выдержку из воспоминаний заместителя Председателя КГБ СССР Ф. Бобкова: «Я сказал Шеварднадзе, что люди на площади погибли вовсе не от ударов саперных лапаток, да и раненых с характерными следами таких ударов в больницах не оказалось. Фильм, снятый сотрудниками КГБ на площади, также свидетельствует: лопатки здесь не при чем. – А разве есть такой фильм? – спросил Шеварднадзе. – Конечно. Мы обязаны документировать такого рода события, – ответил я. Фильм посмотрели, убедились,

[1] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[2] Там же.

что версия о применении лопаток для разгона демонстрации совершенно несостоятельна, и преспокойно положили документальный материал на полку. Ну а вслед за этим начались явные фальсификации»[1]. В Тбилиси ввели режим комендантского часа, и было объявлено о начале расследования причин трагедии. 10 и 11 апреля проходили встречи Шеварднадзе с представителями различных слоев населения грузинской столицы, а 12 апреля состоялось заседание бюро ЦК КП Грузии. На нем было принято постановление, в котором констатировалось, что «в республике и ее столице обстановка продолжает оставаться напряженной»[2].

Поздно вечером 9 апреля, выступая на заседании бюро грузинской Компартии, Шеварднадзе сказал: «Мы должны поддержать ЦК КП Грузии и не дать в обиду товарища Патиашвили». Чего стоили эти слова, выяснилось очень скоро. Несмотря на то, что решение о разгоне демонстрации 9 апреля принималось не партийным руководством в Тбилиси, а в Москве, Д. Патиашвили был объявлен, наряду с Советской армией, главным виновником трагедии. В заключении комиссии Президиума Верховного Совета СССР «О событиях в городе Тбилиси 9 апреля 1989 года» было сказано: «Бюро ЦК Коммунистической партии Грузии и бывший первый секретарь превысили свои полномочия при принятии решения о проведении операции и определении ее руководителя»[3]. И как следствие, одним из политических итогов событий 9 апреля для КП Грузии стала смена в его руководстве. Д. Патиашвили был снят с должности, и ему не помогло заступничество Л. Маршания, который на пленуме, где решался вопрос об его отстранении от должности, обращаясь к Э. Шеварднадзе, сказал: «Кто, если не Вы, знаете Джумбера Ильича. В принципе, он – Ваш воспитанник, и в 1985 г. Вы, рекомендовали его на пост первого секретаря ЦК КП Грузии… Мое личное мнение и, думаю, не только мое: в этом плане он не подвел ни Вас, ни партийную организации Грузии»[4].

Однако Шеварднадзе, судя по всему, давно было неинтересно, что Д. Патиашвили его выдвиженец, да и потом, кто-то же должен был стать

[1] Бобков Ф. «КГБ и власть» // www.abkhaziya.org....
[2] Газ. «Советская Абхазия». № 72, 13 апреля 1989 г.
[3] http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.
[4] Маршания Л. В. Выступление на пленуме ЦК КП Грузии. 14 апреля 1989 г.

«козлом отпущения». В сложившихся тогда обстоятельствах руководитель партийной организации Грузии был самой подходящей фигурой для этой роли, и он был заменен. На его место был назначен Г. Гумбаридзе, который заявил, что 9 апреля «стало кризисом для партии, противопоставлением ее собственному народу»[1]. Новый лидер грузинских коммунистов провозгласил «политику «диалога» с оппозицией и, по крайней мере, делал вид, что разделяет ее основные ценности»[2]. В условиях, когда развитие политической ситуации в Грузии зависело от неформальных объединений, Г. Гумбаридзе ничего другого и не оставалось, кроме как искать точки соприкосновения с оппозицией. А его предшественник вскоре был лишен и мандата Народного депутата СССР. Решение об его отзыве было принято на заседании ученого совета Института психологии имени Д. Узнадзе АН ГССР[3]. Однако совсем посылать на пенсию Д. Патиашвили не решились, и его, дважды разжалованного, назначили генеральным директором НПО «Тавтави» («Колос»)[4].

В связи со сказанным небезынтересно привести и следующее свидетельство Т. Китовани о том, что Э. Шеварднадзе еще 8 апреля в Тбилиси имел переговоры с некоторыми чиновниками, но «Патиашвили не был предупрежден, он даже не подозревал, что будет такая мясорубка в Тбилиси»[5]. Вот что рассказывал сам Патиашвили через некоторое время: «Тут выяснилось, что так же нарушил схему и все предварительные договоренности и Г. Гумбаридзе. Сначала он действительно расставил своих людей среди митингующих. Но в три часа ночи, за полчаса до начала операции, дал приказ разойтись. И все гэбисты ушли. А через 30 минут началось... Это что – тоже случайно? А теперь скажите: разве не смешно, когда обе комиссии в один голос горячо убеждали, что КГБ вообще ничего не знал и во всей этой истории абсолютно ни при чем? Честно говоря, я Гумбаридзе никогда особо не доверял, в свое время был против того, чтобы он стал председателем КГБ. Но когда решался этот вопрос, позвонил первый зам. Крючкова и сказал, что шеф решительно настаивает на кандидатуре Гумбаридзе»[6].

---

[1] Шутова Т. В шесть часов вечера… С. 16.
[2] Нодия Г. Политическая смута… С. 82.
[3] Газ. «Молодежь Грузии», № 63, 30 мая 1989 г. С. 2.
[4] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 250.
[5] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.
[6] http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-d19449838030c69ea4ea28cd4a56bf2a.html

Е. Лигачев несанкционированные митинги, которые привели к ночной трагедии 9 апреля, непосредственно увязывал с событиями в Абхазии. Он утверждал, что эти события были спровоцированы национальным движением в Абхазии за выход из состава Грузинской ССР, чтобы войти в состав РСФСР[1]. Во-первых, национальное движение в Абхазии не было направлено на вхождение в состав России. В. Ардзинба 2 июня 1989 г. отмечал, что «на встречах с руководством, прибывшим в Тбилиси после трагических событий, представители грузинской интеллигенции пытались представить, что причиной происшедшего явилось «Лыхненское Обращение», хотя тбилисские события имели другие причины и преследовали иные цели»[2]. И эти цели были достигнуты. В психологическом состоянии грузинского общества произошел перелом: события 9 апреля в Тбилиси привели к резкому подъему рейтинга национально ориентированных сил и стали очередным витком резкого скачка национального движения в Грузии, отличительными чертами которого являлись подчеркнутый сепаратизм к СССР и великодержавный шовинизм к «инородцам» и автономным образованиям. Позже, осмысливая путь национального движения Грузии, один из его активистов заявил: «Мы должны быть благодарны судьбе за 9 апреля, поскольку оно разбудило Грузию». С. Червонная почти торжественно заявляет: «После 9 апреля стало ясно главное – Грузия не останется в этой системе. Гордый, свободолюбивый грузинский народ никогда не простит советским палачам крови, пролитой в ночь на 9 апреля в Тбилиси. Грузия «уйдет» из империи, может быть, даже раньше, чем вся мятежная Прибалтика»[3]. Слова М. Костава о том, что «поражение будет равно победе», оказались пророческими. Под воздействием поднявшегося национального движения 27 апреля ЦК КП Грузии на заседании бюро приняло решение о праздновании 26 мая как дня независимости Грузии[4]. Это было крупным политическим поражением коммунистов: они пришли к власти в Грузии в 1921 г., свергнув меньшевистскую Грузинскую Демократическую Республику, днем образования которой являлась дата 26 мая 1918 г., и именно

[1] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[2] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=85.

[3] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[4] 1990 год в Абхазии. Подготовка к геноциду грузин, русских и др. //www.abkhazeti.ru.

эта дата объявлена днем независимости Грузии, что было равнозначно объявлению вне закона существовавшей грузинской власти.

Впрочем, не все и в Грузии были довольны последствиями 9 апреля. В одном из грузинских сайтов под названием «абхазети. ру» можно было встретить следующую оценку рассматриваемых событий: «Девятым апреля удалось кардинально изменить ход новейшей истории Грузии, свернуть национальное движение с пути защиты суверенного права грузин жить на своей земле – на борьбу с ветряными мельницами в виде «руки Москвы» и «русского сапога». 9 апреля открылась новая эпоха в политике центрального руководства Грузии, будь оно «неформальным» или официальной властью независимой Грузии: огульное охаивание всего российского при полной близорукости по отношению к реальной угрозе со стороны национальных меньшинств»[1]. Здесь комментарии излишни. Лишь отметим, что для авторов данного «умозаключения» были не достаточны объявление этих «меньшинств» паразитами на теле Грузии и провозглашение политики их вытеснения с «грузинской земли». По их логике, речь должна была идти о физическом устранении неугодных им «меньшинств», к осуществлению которого Грузия вскоре приступила сначала в Южной Осетии, а затем и в Абхазии.

И на фоне всего этого слишком уж наивным выглядит обращение руководителя Советского государства М. Горбачева «к коммунистам и всем трудящимся Грузии», в котором он увещевал грузинскую общественность: «Перестройка межнациональных отношений – это не перекройка границ, не ломка национально-государственного устройства страны. Мы решительно против этого. Мы за последовательное расширение прав республики, всех национальных образований, наполнение их реальным содержанием»[2]. А. Зверев, анализируя рассматриваемый процесс, пишет: «С политической точки зрения после событий 9 апреля 1989 г. Центр почти полностью предоставил Грузию самой себе», но считает, что «он (Центр) был вполне доволен, видя, как республика погружается в пучину этнических конфликтов». Однако, по его же мнению, «не существует достаточных данных, чтобы утверждать, что Центр организовал эти конфликты». Самое большое, полагает он, «можно ска-

[1] 1990 год в Абхазии. Подготовка к геноциду грузин, русских и др. //www. abkhazeti.ru.

[2] Газ. «Советская Абхазия», № 72, 13 апреля 1989 г.

зать, что, по мере того как они вспыхивали в силу локальных причин и ради достижения локальных интересов, Центр использовал их к выгоде для себя»[1].

Тем временем, в Москве события 9 апреля в Тбилиси привели к долгим препирательствам среди партийной и военной элиты относительно того, кто виноват в том, что произошло. 25 мая Первый съезд народных депутатов СССР начал свою работу с выступления депутата Латвии В. Толпежникова – заведующего кабинетом 1-й Рижской городской клинической больницы скорой медицинской помощи имени Н. Бурденко. После того, как по его предложению депутаты почтили память погибших в Тбилиси, он выступил со следующим заявлением: «Вношу депутатский запрос: по поручению моих избирателей, требую сообщить во всеуслышание и сейчас, на Съезде народных депутатов СССР, кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов в городе Тбилиси 9 апреля 1989 года и применении против них отравляющих веществ, а также сообщить название этих отравляющих веществ». Это предложение было встречено аплодисментами[2]. З. Папаскири назвал это событие «поистине сенсационным», которое «буквально взорвало общественно-политическую ситуацию в стране»[3]. Перед его открытием председатель Комиссии ВС ГССР по расследованию событий 9 апреля в Тбилиси Т. Шавгулидзе обратился к съезду с письмом, в котором было сказано: «В Тбилиси избиение несанкционированного митинга произведено войсками под командованием генерал-полковника Родионова. При разгоне митинга были применены химические отравляющие вещества». Далее в письме были поставлены вопросы, на которые комиссия должна была получить ответ. В конце в ультимативной форме было заявлено: «Вопрос может быть разрешен просто, без излишней волокиты и создания новых комиссий, тем более, что Комиссия ВС Грузинской ССР уже представила съезду свои заключения. Грузинский народ ждет ответа именно от съезда, и искусственное затягивание решения вопроса вызывает сомнение в наличии желания найти истину»[4]. Как показали последовавшие события, авторы письма трудились не зря, их рекомен-

[1] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 45.
[2] http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/sten01.htm.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 349.
[4] Газ. «Молодежь Грузии», № 63, 30 мая 1989 г. С. 2.

дации не были обойдены съездом. М. Горбачев и другие руководители Советского государства сняли с себя всякую ответственность за события 9 апреля в Тбилиси. Однако позже в Грузии стали обвинять именно М. Горбачева в случившемся. Д. Патиашвили в номере газеты «Свободная Грузия» от 28 февраля 1992 г. заявил, что «Горбачев знал все», имея в виду все детали операции 9 апреля 1989 года[1]. Уже спустя много времени в Тбилиси напомнили Горбачеву о событиях апреля 1989 года. В частности, 5 сентября 2010 г. в Тбилиси, перед зданием парламента, состоялась акция протеста в связи с назначенным на 6 сентября приездом в Грузию М. Горбачева. Ее организаторами являлись т. н. Комитет по деоккупации Национального движения и Народный фронт. Как тогда заявил информационному агентству «Медианьюс» председатель Народного фронта Грузии Н. Натадзе, М. Горбачев разоблачен в отдаче приказа о массовом истреблении, которое имело место в Тбилиси 9 апреля 1989 года. Об этом в свое время заявил перед Следственной комиссией Верховного совета член этой комиссии, генерал-полковник И. Джорджадзе. Он проанализировал структуру Вооруженных сил бывшего Советского Союза и отметил, что единственной должностью, находясь на которой можно было одновременно задействовать вооруженную армию и внутренние силы, была должность председателя Президиума Верховного совета Советского Союза. А эту должность занимал именно М. Горбачев. Таким образом, приказ о разгоне мирной акции 9 апреля мог отдать только он. «Арестовать подозреваемого в кровавом преступлении Горбачева грузинские власти могут, как только он пересечет границу Грузии. Если Горбачев собирается приехать в Грузию, это означает, что власти нашей страны состоят из российской агентуры», – отметил Н. Натадзе[2].

В ходе обсуждения вопроса на съезде разгорелись острые дебаты, в частности, выступления грузинских депутатов: академика Т. Гамкрелидзе, бывшего партийного лидера Д. Патиашвили, Э. Шенгелая и возражения им генерала И. Родионова. 31 мая, когда рассматривался список членов предполагаемой комиссии по расследованию тбилисских событий, выступил литовский депутат Е. Клумбис и заявил: «Моя

[1] http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-d19449838030c69ea4ea28cd4a-56bf2a.html

[2] http://www.apsny.ge/2010/pol/1283736043.php.

совесть и убеждения не дают мне права сотрудничать с убийцей. Поэтому я снимаю с себя полномочия депутата на то время, пока среди нас находится генерал Родионов»[1]. С. Червонная также назвала И. Родионова «палачом грузинского народа»[2]. Эти заявления звучали в унисон лозунгам, которыми тогда были обвешаны и расписаны улицы Тбилиси: «Родионов – убийца!», «Смерть убийце Родионову!»[3]. В очередной раз поражаешься единомыслию грузинских антисоветчиков и российского ученого. Впрочем с ними тогда была солидарна и комиссия Президиума Верховного Совета СССР, в Заключении которой говорилось: «Следует оценить как грубейшую ошибку ввод в действие роты парашютно-десантного полка; допущены нарушения действующего порядка применения спецсредств слезоточивого действия «Черемуха»; что касается спецсредства К-51, то его использование – незаконно. О применении спецсредств и саперных лопаток не было доложено руководителю операции и МВД СССР»[4].

А уже на Втором съезде в декабре 1989 г. Верховным Советом СССР была создана Комиссия по расследованию инцидента в Тбилиси под руководством депутата А. Собчака, которая возложила всю ответственность за происшедшее на Советскую армию, после чего ее охватил «тбилисский синдром». Сам «перестроечный депутат» в своих воспоминаниях назвал события в Тбилиси попыткой партноменклатуры отыграться за поражение на выборах[5]. Д. Патиашвили позже в феврале 1992 г. говорил: «Обо всем, ничего не утаивая, я рассказал членам обеих комиссий, занимающихся расследованием той трагедии, – комиссии ВС СССР, которую возглавлял Собчак, и комиссии республиканского ВС – ею руководил Шавгулидзе. В руках этих людей были все документы, радиограммы, протоколы, наши показания. Но они обнародовали лишь то, что устраивало тогдашний Центр»[6]. Таким образом, А. Собчак,

---

[1] Миминошвили Р., Панджикидзе Г. Правда об Абхазии… С. 19.

[2] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[3] Лебедь А. И. За державу обидно... С. 282 // http://militera.lib.ru/memo/russian/lebed_ai/index.html.

[4] Россия, которую мы не знали. Челябинск, 1995. С. 364 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[5] Собчак А. Жила-была КПСС // http://sobchak.org/rus/books/Kpss/4.html.

[6] http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-d19449838030c69ea4ea28cd-4a56bf2a.html

по образному выражению К. Мяло, «тогда оказался большим католиком, чем сам папа римский»[1]. Это обстоятельство сделало его имя в Грузии тождественным демократии и борьбе за свободу. Однако, как говорится, «недолго музыка играла». Уже в марте 1991 г. руководитель пресс-центра ВС Грузии Т. Дихаминджиа, отчитываясь о своей встрече с А. Собчаком, говорил: «Этот человек в представлении нашего народа – ревностный его заступник. Между прочим, и у меня было такое представление о нем, но после беседы с ним я занял совсем другую позицию. По моему мнению, Собчак – человек, олицетворяющий рафинированный, более совершенный вариант Горбачева. Он гораздо совершеннее президента, интеллигентнее, у него дипломатический подход к делу. Поэтому издалека он видится нам большим демократом и борцом за права человека, но можно смело сказать, что за чистенькой, рафинированной маской скрывается такой же императивный настрой, какой витает в основном в Кремле. К нашему удивлению, несмотря на наш статус официальных представителей, он стал поучать и наставлять нас; это нам показалась бестактным с его стороны»[2].

Тогда С. Червонная никак не могла дождаться достойной «кары» для «виновников» тбилисских событий. Она с чувством явного разочарования писала: «Генерал Родионов, признанный решением Второго Съезда народных депутатов СССР виновным за пролитую в Тбилиси кровь, был всего лишь переведен из Закавказского военного округа в Москву и назначен руководителем академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР»[3]. А. Лебедь считал, что назначением И. Родионова начальником Академии Генерального штаба «М. С. Горбачев и иже с ним косвенно признали нелепость навешанных на генерала обвинений»[4]. В предварительном заключении следственной подкомиссии Комиссии ВС Грузии по расследованию событий в Тбилиси 9 апреля под председательством Т. Лилиуашвили говорилось: «9 апреля участниками митинга было выдвинуто требование о выходе Грузинской ССР из состава СССР и о восстановлении утраченной в 1921 году независимости Грузии. Та-

[1] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.
[2] Газ. «Вестник Грузии», № 27, 8 марта 1991 г.
[3] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.
[4] Лебедь А. И. За державу обидно... С. 282 // http://militera.lib.ru/memo/russian/lebed_ai/index.html.

ково было то конкретное требование, к осуществлению которого стремились участники митинга». В целом заключение состоит из 27 пунктов, и нигде не упоминается ни Абхазия, ни «абхазский вопрос»[1].

Однако, как к тому времени уже стало традицией, события в Грузии не могли пройти мимо Абхазии. Уже в 12. 00 9 апреля в Гагре состоялся митинг с участием 6-8 тыс. человек. Проведен был он по инициативе Гагрского отделения грузинского общества Руставели. Вел митинг председатель общества Кешелава. Участники митинга почтили память погибших в Тбилиси. Во время проведения митинга сотрудники Абхазского телевидения, записывавшие ход митинга, были «выдворены» оттуда. Его участники приняли резолюцию: осудить «Абхазское письмо» и Лыхненское обращение как оскорбление грузинского народа, шовинистическую выходку кучки сепаратистов и фальсификацию действительности; возбудить уголовное дело в отношении авторов письма за оскорбление достоинства нации; потребовать от ПВС ГССР провести народный референдум об отмене автономии Абхазии[2]. Утром 10 апреля на площади Конституции в Сухуме собрался стихийный митинг протеста, на котором А. Бакрадзе объявил трехдневной траур[3]. С 9 по 14 апреля в кафедральном соборе была организована гражданская панихида по погибшим, где каждый день собирался народ, а часть из него оставалось в церкви на дежурство. 15 апреля в Сухуме у аллеи, на углу улиц К. Маркса[4] и проспекта Мира[5] состоялся траурный митинг. Участники почтили память погибших и заявили о том, что на этом месте будет разбит парк памяти погибших 9 апреля, где они захоронили символический знак памяти погибших и посадили саженцы деревьев[6]. В. Хишба, выступая на митинге 15 мая, сказал: «Я считаю, что форма аллеи, может быть, и непонятна нам, но было поручено службе архитекторов г. Сухуми представить свои предложения, какой формы она будет… Считаю, если будут посажены деревья штук 10-14, ничего страшного здесь не случится»[7].

---

[1] Газ. «Молодежь Грузии», № 70, 15 июня 1989 г. С. 2-3.
[2] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 33-35.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 318.
[4] Ул. К. Маркса – сейчас ул. Ш. Инал-ипа.
[5] Проспект Мира – сейчас проспект Аиааира
[6] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 36-37.
[7] Там же.

В дни траура главный врач Республиканской больницы А. Тарба не приспустил флаг над больницей, что вызвало возмущение грузинской части медицинской общественности Абхазии, и они потребовали его отставки и примерного наказания. А. Тарба с помощью специально созданного т. н. Совета трудовых коллективов, куда вошли медицинские работники Сухума, был освобожден от должности[1]. Кроме того, чуть позже грузины объявили о том, что они хотят построить в центре города Сухум памятник жертвам 9 апреля в Тбилиси. У абхазов это вызвало неприятное удивление, т. к. подобный памятник не был открыт даже на месте их гибели в Тбилиси. Затем после долгих споров и препирательств этот памятник был построен в апреле 1990 г. в с. Ачадара в пригороде Сухума и простоял он там до освобождения абхазской столицы от грузинских оккупационных войск в сентябре 1993 года.

3. Проблема филиала ТГУ и события 15-16 июля 1989 г. в Сухуме

Как уже говорилось выше, в ноябре-декабре 1988 г. стали появляться высказывания о том, что для грузинского сектора Абхазского государственного университета необходим отдельный учебный корпус, в котором грузинские студенты могли бы вести делопроизводство и общение только на грузинском языке. Грузинская общественность выступила с требованием открытия филиала ТГУ в Сухуме, что было необходимо не только для бесконтрольной пропаганды своих идей в новом образовательном учреждении, а, прежде всего, для получения возможности легальной, причем бесконтрольной перекачки грузин под видом студентов и преподавателей вуза, из Грузии в Абхазию. Студенты тбилисских вузов и грузинская общественность всячески поддерживали эту кампанию: организовывались массовые антиабхазские выступления. 16 декабря группа абхазских студентов опубликовала открытое письмо к студенчеству Грузии, в котором говорилось о безосновательности постановки вопроса об открытии филиала ТГУ в Сухуме. Вопрос открытия филиала вышел впоследствии

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 34, 36.

на первый план абхазо-грузинского противостояния. Л. Смыр справедливо отмечает: «Абхазский университет был избран грузинскими националистами центром для развертывания антиабхазской кампании. Борьба за Абхазский университет стала одной из ярких страниц национально-освободительного движения абхазского народа, деятельности Народного форума Абхазии»[1].

30 марта 1989 г. у стен АГУ по ул. Церетели[2] группа студентов в количестве 8 человек объявила голодовку в знак протеста против Лыхненского обращения и потребовала личной встречи с первым секретарем ЦК КП Грузии Д. Патиашвили (он был в Сухуме. – **А. А**.). Но после обещания ректора АГУ А. Гварамия передать их требования Д. Патиашвили голодовка была прекращена. Однако люди отказались разойтись. Напротив, к середине дня у здания АГУ собралось порядка 1000 человек грузинской национальности, которые требовали довести до сведения Патиашвили «факты притеснения студентов-грузин со стороны профессорско-преподавательского состава АГУ». Кроме того, собравшиеся выдвинули следующие требования: включить в программу абхазского телевидения передачи на грузинском языке; освободить от должности А. Гварамия; освободить З. Маршания от должности секретаря комитета комсомола АГУ. При этом они заявили, что если эти требования не будут удовлетворены, то студенты АГУ грузинской национальности потребуют все грузинские секторы АГУ объявить филиалом ТГУ. В 21. 30 делегация грузинских студентов была принята Д. Патиашвили. После окончания встречи перед студентами выступил студент филфака АГУ А. Микеладзе, который сообщил, что Д. Патиашвили признал их требования противоправными и неприемлемыми. В связи с этим он призвал собравшихся выразить свой протест более крайними мерами. За ним выступил член «Общества Чавчавадзе» Н. Мгалоблишвили и призвал студентов собраться 1 апреля в пос. Леселидзе, где готовился митинг в знак протеста против Лыхненского обращения[3]. О том, к чему привела эта затея грузинских неформалов, уже говорилось выше.

3 апреля на фоне всеобщего волнения грузинского населения Абхазии студенты грузинского сектора АГУ и ГИСХа объявили забастовку.

[1] Смыр Л. Г. Борьба АГУ против создания филиала ТГУ в Сухуме // Аидгылара. 20. Сухум, 2009. С. 70.

[2] Ул. Церетели – сейчас. ул. Званба.

[3] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 18-19.

В ответ 4 апреля в АГУ прошло собрание коллектива[1], на котором присутствовали министры народного образования и внутренних дел Грузии и Председатель Президиума Верховного Совета Абхазии. Было принято решение о том, что профессорско-преподавательский состав грузинского сектора АГУ организует встречу с бастующими студентами с целью обсуждения их требований и прекращения ими забастовки.

Однако 5 апреля у здания АГУ собрались грузинские студенты – 200-250 человек, спустя некоторое время к ним присоединились 60-70 студентов ГИСХа. Они требовали ответа на обращение в Абхазский обком партии по поводу «хулиганских действий лиц абхазской национальности» в отношении грузин в пос. Леселидзе. В 11. 30 к ним обратился первый секретарь Сухумского горкома Эрквания, который призвал студентов прекратить забастовку и вернуться в аудитории. Затем к ним обратился народный депутат СССР, директор СФТИ Салуквадзе и предложил обсудить все вопросы в актовом зале. От имени студентов А. Микеладзе сказал, что никаких бесед с ним вести не будут, т. к. он не компетентен в решении данных вопросов. 6 апреля у здания АГУ вновь собрались студенты АГУ и ГИСХа. Обратившемуся к ним ректору АГУ А. Гварамия они выразили недоверие. В 13. 00 к ним подъехал Н. Мгалоблишвили и сообщил, что в знак солидарности с ними прекратили работу в Тбилиси 8 предприятий и 5 высших учебных заведений. В 15.00 к собравшимся обратился прокурор Грузии Ш. Горгадзе, который сообщил, что по Бзыбскому делу ведется расследование и попросил не мешать следствию, т. к. ежедневные сходы и забастовки отвлекают силы и внимание правоохранительных органов. В 16. 30 А. Микеладзе сообщил собравшимся, что на встрече актива студенчества АГУ и профессорско-преподавательского состава принято решение освободить Гварамия от обязанностей ректора. Он также сказал, что в Тбилиси в знак солидарности объявили голодовку 82 студента[2].

В. Ардзинба 6 апреля ставил «вопрос о том, чтобы было отменено распоряжение Грузии о создании филиала Тбилисского университета в Сухуме», говорил о том, что «это может привести к тяжелым

[1] Смыр Л. Г. Борьба АГУ против создания филиала ТГУ в Сухуме // Аидгылара. 20. Сухум, 2009. С. 70.

[2] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 29-30.

последствиям»[1]. Тем не менее, именно 6 апреля под давлением митинговавших студентов большая часть профессорско-преподавательского состава, всего около 700 человек, прекратили занятия и присоединились к забастовке. Составители сборника документов «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии», комментируя эти события, пишут: «Участники акции сначала требовали отставки ректора АГУ А. Гварамия[2], поводом для чего послужило то, что он подписал Лыхненское обращение»[3]. По свидетельству З. Папаскири, сначала они «требовали от руководителей (абхазов) университета, в первую очередь от ректора А. Гварамия, дезавуировать свои подписи под Лыхненским обращением»[4]. Составители сборника документов «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии» полагают, что «требование о создании филиала ТГУ появилось позже, 6 мая 1989 г.»[5]. Однако требование о создании филиала ТГУ на базе грузинского сектора АГУ впервые был выдвинуто уже 6 апреля на собрании студентов и преподавателей грузинского сектора АГУ в Сухуме в Доме учителя[6]. О возможности такой постановки вопроса, как уже было отмечено, уже говорилось 30 марта 1989 г.

7 апреля в АГУ не проводились занятия в грузинском секторе. Перед студентами выступил Микеладзе и сообщил, что студенты Кутаисского педагогического института солидарны с ними, и пригласил всех 8 апреля на митинг в пос. Гульрипш[7].

На фоне событий 9 апреля в Тбилиси ситуация в Абхазии, и без того сложная, продолжала накаляться. Студенты грузинского сектора и часть преподавателей отказались заходить в здание АГУ. Это привело к срыву учебного процесса в грузинском секторе и дестабилизирующе влияло на обстановку во всем университете. Вместо лекций и семина-

---

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=89.

[2] А. Гварамия был избран ректором АГУ в апреле 1988 года. Грузинская часть профессорско-преподавательского состава университета тогда активно поддерживала его кандидатуру. (Справка по абхазскому госуниверситету). Об этом же свидетельствует и бывший сотрудник АГУ З. Папаскири. (З. Папаскири. Абхазия. История…С. 333).

[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. (Сост. М. А. Волхонский, В. А. Захаров, Н. Ю. Силаев). М., 2008. С. 22.

[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 327.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… М., 2008. С. 22.

[6] Справка по абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

[7] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 29-30.

ров грузинские студенты и преподаватели стали ежедневно собираться у Сухумского православного собора. Вскоре к ним присоединились и учащиеся городских грузинских школ. 10 апреля студенты грузинской национальности около 100-150 человек собрались у здания АГУ. Затем они направились к церкви, где проходила гражданская панихида по погибшим в Тбилиси.

11 апреля в АГУ и школах грузинские секторы не занимались. В ГИСХ студенты пришли, но к занятиям не приступили. 12 апреля возобновили учебу грузинские секторы сухумских школ, 30% учащихся ГИСХа, грузинский сектор АГУ продолжал бойкотировать учебу. О том, что грузинские студенты и преподаватели АГУ оказались «в авангарде» «акции неповиновения в Абхазии», свидетельствует и З. Папаскири[1]. Постепенно главным требованием бастующих стал вопрос создания в Сухуме филиала ТГУ. Усугублению ситуации способствовало и то, что после отмены комендантского часа в Тбилиси 17 апреля СМИ и грузинские неформальные объединения развернули антиабхазскую кампанию. В тот же день грузинский сектор АГУ учебу не возобновил. У здания ГИСХа студенты от 500 до 700 человек отказались от посещения занятий, мотивируя это неудовлетворением их требований. 19 апреля к церкви собралось около 250 студентов грузин, которые заявили о том, что пока ректор Гварамия находится на своем посту, они к занятиям не приступят.

24 апреля в ГИСХе состоялась встреча грузинской части студенчества и профессорско-преподавательского состава с Председателем Совета Министров ГССР Читанава и Предсовмина Абхазии Зухбая. Однако присутствовавшие в зале студенты АГУ демонстративно покинули зал. Вслед за ними удалились и студенты ГИСХа. Осталось около 50 преподавателей и студентов. Срыв встречи был заранее подготовлен, если беседа будет проходить не в интересах студентов. После чего студенты пришли к церкви и стали обсуждать встречу с Читанава, результатами которой они не были удовлетворены. 25 апреля не занимались студенты всех факультетов грузинского сектора[2]. 27 апреля перед зданием ГИСХа собрались около 300 человек с родителями, которых вызвали для того, чтобы они объяснили своим детям о необходимости посещения лекций. Один из родителей, напротив, заявил: «Я полностью

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 318.
[2] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 38-42.

разделяю забастовку, и пока требования не будут удовлетворены, не сдавайтесь». В 13. 30 того же дня в ГИСХе была организована встреча студентов с помощником Генпрокурора СССР Емельяновым. Но студенты отказались в ней участвовать[1].

29 апреля в Тбилиси состоялась встреча первого секретаря ЦК КП Грузии Г. Гумбаридзе с представителями АГУ, на которой руководитель Грузии заявил о недопустимости раскола университета[2]. Между тем 29 апреля в ГИСХе учебный процесс не проходил. В АГУ учились только абхазский и русский секторы. К студентам, которые находились у церкви, приехали работники ЛКСМ Грузии и просили прекратить забастовку, но безрезультатно[3]. Против идеи создания филиала ТГУ выступал также и президент Всегрузинского общества Руставели А. Бакрадзе[4]. Он призывал участников акции не покидать, а вести борьбу внутри АГУ. В начале мая он даже специально приезжал в Сухум и встречался с участниками акции[5].

1 мая грузинская молодежь г. Сухум демонстративно вышла на работу и вместе с рабочими Сухумской железной дороги осуществила ремонтные работы по восстановлению железнодорожной линии[6]. Это, по их замыслу, должно было показать их неуважение к советскому празднику – Дню солидарности трудящихся, который в Советском Союзе был выходным днем. Результат ожидался нужный, поскольку эта акция была проведена на фоне забастовки грузинских студентов и преподавателей.

2 мая студенты собрались у церкви и стали ожидать сообщения из Тбилиси. Студент АГУ Берия сообщил собравшимся, что вести из Тбилиси будут 5 мая, и предложил в этот день собраться.

---

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 44.

[2] Справка по абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

[3] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 45.

[4] А. Бакрадзе в апреле 1989 г. был избран председателем Всегрузинского общества Руставели (Общество Руставели возникло в 1988 году при содействии официального руководства республики в противовес созданному национал-радикалами Обществу Ильи Чавчавадзе. Первым председателем Общества Руставели был поэт Абашидзе). На съезде 4-5 сентября 1989 г. был утвержден устав общества, была выдвинута и обсуждалась концепция экономического суверенитета Грузии. Председателем был вновь избран А. Бакрадзе, сопредседателем – Т. К. Квачантирадзе.

[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 329.

[6] Там же. С. 333.

5 мая студенты АГУ, ГИСХа и учащиеся старших классов грузинских школ не пришли на занятия. К 12 .00. у церкви собрались около 500-600 человек и объявили о намерении начать сидячую забастовку у грузинского театра им. К. Гамсахурдиа и продолжать ее до тех пор, пока их требования не будут выполнены. Они требовали «выделить грузинский и русский секторы из АГУ и сделать их филиалом ТГУ»[1]. В тот же день, 5 мая, был издан приказ министра народного образования Грузии, согласно которому руководство по нормализации учебного процесса и завершению учебного процесса на грузинском секторе возлагалось на проф. Р. Харебава. Также была создана комиссия, которая должна была изучить вопрос об организации филиала ТГУ в Сухуме. Этот приказ ректор АГУ получил только 9 мая, но грузинские студенты и преподаватели не могли не знать о нем раньше[2]. Действительно, 5 мая группа руководителей акции встретилась с Г. Гумбаридзе, который согласился с тем, чтобы на время грузинская часть университета начала функционировать отдельно. Тогда же был назначен куратор и руководитель этой части коллектива, которым стал Р. Харебава[3]. Об этом приказе Енукидзе и других подробностях встречи с Гумбаридзе рассказал Н. Мгалоблишвили 6 мая собравшимся перед зданием грузинского театра им. К. Гамсахурдиа[4]. Однако протесты не закончились, напротив, был создан стачечный комитет, который возглавил художественный руководитель и главный режиссёр Сухумского театра им. К. Гамсахурдиа Г. Кавтарадзе[5]. 6 мая в Сухуме перед парадным подъездом того же театра началась сидячая забастовка студентов грузинского сектора АГУ с требованием создать на базе сектора Сухумский филиал ТГУ. О своей солидарности с бастующими студентами заявили и некоторые предприятия, где было сильно влияние грузинских неформалов.

13 мая в Совет Министров Абхазии были вызваны представители стачечного комитета, где им было сообщено, что в Тбилиси «принято принципиальное решение об открытии Сухумского филиала ТГУ, и нужно всего лишь подготовить проект соответствующего правительственного распоряжения»[6]. Таким образом, Совет Министров Грузии,

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 45-47.
[2] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 329.
[4] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 47.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 330.
[6] Там же.

прикрываясь давлением митинговавших, принял распоряжение о создании в Сухуме филиала ТГУ. В этом документе ректору ТГУ поручалось с 15 мая «приступить к организации филиала и восстановить учебный процесс на всех факультетах»[1]. В нем говорилось, что филиалом ТГУ становится грузинский сектор АГУ. Об этом в присутствии 5 тысяч человек вечером 14 мая было объявлено бастовавшим студентам, после чего они разошлись. В тот же вечер сообщение об открытии филиала ТГУ было передано в специальном выпуске новостей грузинского телевидения[2]. Причем, текст распоряжения Совета Министров Грузии «О создании филиала ТГУ в Сухуми» впервые был зачитан на русском языке только 21 июня на собрании коллектива АГУ с участием руководства Абхазии. Тогда после настоятельных требований преподавателей и общественности Председатель Совета Министров Абхазии О. Зухбая впервые зачитал текст распоряжения Совмина ГССР, которое он лично получил еще 16 мая[3].

Проректор ТГУ по идейно-воспитательной части В. Гогуадзе прокомментировал решение о создании филиала ТГУ в Сухуме следующим образом: «Права и возможности Абхазского университета ни в коей мере после проведенного преобразования не будут ущемлены. По-прежнему АГУ будет оказываться вся необходимая поддержка, чего бы это ни касалось – преподавательских кадров, учебных пособий, материально-технической базы, консультаций». Он же подчеркнул, что по приказу ректора ТГУ Н. Амаглобели, исполняющим обязанности директора филиала назначен заместитель Института высоких энергий при ТГУ Ф. Ткебучава[4]. Следует отметить, что назначение Ф. Ткебучава «сначала вызвало некоторое замешательство». Но затем он получил поддержку после того, как произнес «пламенную речь». Он прибыл в Сухум уже 15 мая[5] и взял на себя руководство учебным процессом. Грузинский сектор, фактически отделившись, начал занятия в помещении Сухумской 1-й грузинской школы[6].

---

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 22.

[2] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

[3] Смыр Л. Г. Борьба АГУ против создания филиала ТГУ в Сухуме // Аидгылара. 20. Сухум, 2009. С. 71.

[4] Газ. «Молодежь Грузии». № 67, 8 июня 1989 г. С. 3.

[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 332.

[6] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

В ответ на такое развитие событий вечером 15 мая на центральной площади Сухума собрались абхазы, протестовавшие против открытия филиала, которое они рассматривали как усиление грузинской экспансии в Абхазию. Но это обстоятельство тогда, кроме них самих, никого не интересовало. Митинг открыл Ю. Аргун. На нем выступили И. Мархолия, Т. Нанба, Г. Ковальчук, А. Гварамия и другие, которые, в частности, заявили о неправомерности открытия филиала ТГУ в Абхазии. Первый секретарь Абхазского обкома В. Хишба на нем заявил: «АГУ есть и будет, никакой опасности для него нет. Надо расширять его материально-техническую базу. В вопросе того, чтобы поднять студентов, инициативу взял на себя ТГУ. Никаких приказов со стороны Министерства высшего образования, как Москвы, так и Тбилиси, нет. ТГУ взял инициативу под свою опеку, приедет ректор ТГУ, который в течение 15-17 дней завершит учебный процесс. Кроме того, есть приказ, распоряжение СМ ГССР. В целях изучения в АГУ накопившихся проблем, нормализации и дальнейшего улучшения учебно-воспитательного процесса создана комиссия»[1].

На митинге первый секретарь Абхазского обкома В. Хишба заявил, что решение Совета Министров Грузии имеет временный характер, и филиал ТГУ в Сухуме «открывается только до завершения учебного года». Подобное заявление не могло принести успокоения: если даже отбросить то обстоятельство, что В. Хишба был ставленником Тбилиси и все делал только с оглядкой на него, возникает вопрос: какой смысл в мае, в конце учебного года, создавать филиал до конца учебного года? Мог ли думать тогда об этом В. Хишба?! Скорее всего, ему было не до этого, судя по всему, он просто был озабочен лишь тем, чтобы что-то сказать и уйти с митинга, так как вынужден был прийти на него под давлением собравшейся общественности. Впрочем, за свое названное выступление В. Хишба повергся критике и со стороны сторонников открытия филиала[2].

В. Хишба в своем выступлении заявил, что «как коммунист, но не как секретарь» он подписал бы Лыхненское обращение. Он также сообщил, что 26 мая и связанные с ним мероприятия на территории Абхазии проводиться не будут»[3]. Однако 19 мая грузинское студенчество выступи-

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 55-57.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 334.
[3] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. лл. 55-57.

ло с призывом о проведении 26 мая в Сухуме факельного шествия и многотысячного митинга[1].

21 мая на площади Конституции собралось около 1300-1500 человек, в основном женщин, и был проведен несанкционированный «митинг матерей», в резолюции которого содержались следующие требования: прекратить уголовные дела по отношению к Костава, Гамсахурдиа и др.; создать в Сухуме мемориал и аллею памяти погибшим в Тбилиси 9 апреля; принять решение о прохождении воинской службы жителей республики на территории Грузии; разрешить проведение митинга грузинской общественности 26 мая на пл. Конституции[2].

23 мая в Сухуме, в Доме творческих союзов, состоялось собрание представителей городов и районов Абхазии, которое было вызвано принятием ЦК КП Грузии решения о праздновании 26 мая как дня восстановления грузинской государственности. В принятом на этом собрании документе подчеркивалось, что указанное решение является «актом оскорбления национальных чувств абхазского народа, глумлением над памятью жертв меньшевизма». Далее говорилось, что это решение «не может не обострить до крайности и без того напряженную политическую обстановку в республике, что повлечет за собой самые непредсказуемые последствия». Исходя из этого, предлагалось отменить празднование 26 мая на территории Абхазии[3]. Вопрос празднования 26 мая рассматривался и в Абхазском обкоме партии, где было принято решение отметить эту дату проведением на предприятиях, в трудовых коллективах диспутов, конференций, культурных мероприятий. То есть было ясно, что и обком опасался массовых акций, но сил противостоять их организации у него не было.

Тем не менее, 26 мая в Сухуме на площади Конституции с портретами И. Чавчавадзе и грузинскими флагами прошел митинг грузинской общественности. Тон этой акции задавали студенты и преподаватели только что приступившего к функционированию Сухумского филиала ТГУ. З. Папаскири, торжествуя, сообщает, что тысячи студентов и сотрудников вуза с трехцветными знаменами Грузинской Демократической Республики начали движение от 1-й средней школы, где размещался

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 33.
[2] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 61.
[3] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

Сухумский филиал ТГУ, «демонстративно» прошли по улице Энгельса[1] мимо зданий Абхазского обкома и АбНИЯЛИ и вышли к площади Конституции, где провели «многотысячный митинг»[2]. В нем принимали участие около 3 тысяч. В резолюции митинга говорилось: «Требуем выхода Грузинской ССР из состава СССР; разработать новую Конституцию ГССР; освобождения политзаключенных; чтобы молодежь Грузии проходила действительную срочную службу в рядах СА на территории ГССР; осужденные лица должны отбывать наказание на территории ГССР; прекратить преследование лидеров, которые активно участвуют в митингах и акциях». Часть митингующих осталась на площади – 300-350 человек и устроили «народное гуляние с песнями и плясками»[3].

Накануне, 25 мая, как уже отмечалось, начал работу Первый съезд народных депутатов СССР. В этот же день группа депутатов от Абхазии подала запрос, где предлагала создать специальную комиссию из депутатов Верховного Совета по изучению положения в Абхазии. Но ответа не последовало, о чем вынужден был констатировать В. Ардзинба во время своего выступления 2 июня на этом же съезде. Впрочем, тогда приходилось решать, казалось бы, внешне чисто процедурные, но политически значимые вопросы. Позже, вспоминая время начала работы съезда, В. Ардзинба писал: «Когда мы приехали на съезд, то оказалось, что депутаты от Абхазии сидят не вместе, отдельной делегацией, как полагалось, поскольку они от одного территориального образования – Абхазской АССР, т. е. государства, как было сказано и в Конституции Абхазии, и в Конституции Грузии, а вперемешку с членами грузинской делегации. Тем самым хотели показать, что Абхазии уже нет. Не было и вывески «Абхазская АССР». Поэтому все дело началось с того, что я как депутат категорически потребовал, чтобы вернули нашу табличку, на которой было написано «Абхазская АССР». Я долго добивался этого и, в конце концов, добился»[4]. После этого наступила очередь борьбы за слово на съезде. На фоне того, что Первый съезд народных депутатов СССР начал свою работу с минуты молчания в память о жертвах 9 апреля в Тбилиси, говорить о предоставлении слова представителю

[1] Ул. Энгельса – сейчас ул. Марра.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 333.
[3] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 63.
[4] Эпоха Ардзинба. (Автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 57.

Абхазии, казалось бы, было делом почти нереальным. В. Ардзинба так вспоминал об этом: «Я постоянно требовал, чтобы мне дали слово…. Партийная иерархия делала все возможное, чтобы этого не произошло. С одной стороны, народ настаивал, чтобы кто-то из нашей делегации выступил, люди слали нам массу телеграмм, с другой стороны, партийное руководство, учитывая интересы Грузии, боялось дать мне слово… Я хорошо помню, как г-н Гумбаридзе тогда говорил мне: «Я понимаю, что грузины, конечно, не правы, я понимаю, что все, что сказано в Вашем выступлении, это правильно, но надо учесть, что они (грузины. – **А. А**.) сейчас в таком состоянии, что лучше, чтобы Вы не выступали и не говорили об этом. Не надо им обо всем этом напоминать». Я с этим категорически не был согласен и готовился публично в знак протеста сложить с себя депутатские полномочия и покинуть съезд, если мне не дадут слова. У меня до сих пор сохранился текст этого заявления о сложении полномочий депутата. Я думал, что для этого мне хватит двух-трех минут, уже планировал, как пробиться к трибуне и сделать заявление… Я помню, что один человек в нашей делегации, когда я зачитывал ему один из первых вариантов своего выступления, пришел в ужас и сказал: «И что, ты все это будешь говорить?». В тот день, когда мне дали слово, текст моего заявления лежал у меня в кармане… Но в последний момент, когда я уже был готов заявить протест и сложить полномочия, вдруг объявили, что мне предоставляется слово»[1]. Это было 2 июня 1989 года.

В этом выступлении В. Ардзинба охарактеризовал ситуацию в Абхазии как «очень напряженную» и поэтому считал, что «если не принять срочные меры, может произойти непоправимое». Далее он говорил: «Мы настоятельно просим всех народных депутатов СССР поддержать наше предложение – создать специальную комиссию из числа народных депутатов по изучению положения дел в области межнациональных отношений в Абхазии. Было бы желательно иметь постоянную комиссию из числа народных депутатов СССР по изучению проблемы автономных образований для снятия напряженности в наиболее сложных регионах, чтобы не доводить дело до конфликта. Наша просьба, связанная с Абхазской АССР, продиктована тем, что экстремистские силы перенесли эпицентр напряженности в Абхазию с тем, чтобы, как мы считаем, спро-

[1] Эпоха Ардзинба. (Автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 57.

воцировать людей на столкновение, обвинив затем в этом наш народ. Сделать нас виновными не составит труда, так как средства массовой пропаганды дают одностороннюю информацию, а представители абхазского народа лишены права высказывать свою точку зрения». В. Ардзинба предлагал депутатам: «1. В палатах и комиссиях Верховного Совета по вопросам межнациональных отношений в СССР учредить систему публичных слушаний и научной экспертизы. 2. В Совете Национальностей Верховного Совета СССР и Верховного Совета союзных республик создать комиссию по национальным группам и национальным меньшинствам». А в конце своего выступления он вернулся к вопросу о депутатской комиссии по изучению ситуации в Абхазии, отметив, что создание таковой «внесет определенное спокойствие в души людей, вернет им веру в торжество справедливости»[1].

Грузинские писатели Р. Миминошвили и Г. Панджикидзе назвали выступление В. Ардзинба ударом «абхазских экстремистов» по Грузии, нанесенным по ней в тяжелые для нее времена[2]. Тем не менее, оно внесло успокоение в души абхазов, многие из которых тогда почувствовали уверенность в конечной победе, ибо впервые с самой высокой трибуны страны прозвучала боль абхазского народа, и его озвучивал их представитель, который болел душой за защищаемое дело. В. Зантариа назвал речь В. Ардзинба «лаконичной, отточенной и убедительной, давшей сильный импульс начавшемуся в тот период политическому и информационному прорыву», в которой «гармонично слились талант историка, его политическое чутье и незаурядное ораторское дарование»[3]. Действительно, это выступление возвело В. Ардзинба в одночасье в ранг лидера абхазского народа, которым он был все последовавшее трагическое, тяжелейшее, но одновременно героическое время, и останется таковым, пока есть Абхазское государство. В. Авидзба отмечает, что «с этого момента стало понятно, что Абхазия в лице В. Ардзинба получила своего покровителя, защитника интересов на-

[1] Эпоха Ардзинба. (Автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 57.

[2] Миминошвили Р., Панджикидзе Г. Правда об Абхазии… С. 20.

[3] Зантариа В. К. О роли народного депутата СССР В. Г. Ардзинба в борьбе за права малочисленных народов // Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 64.

рода, а оппонирующая сторона – злейшего, по их мнению, врага»[1]. А. Вяткин назвал выступление В. Ардзинба «гимном справедливости» и «речью Цицерона в Сенате»[2]. Тогда, 2 июня 1989 г., это выступление в каждом абхазском доме по несколько раз смотрели по телевидению, слушали по радио неоднократно. Абхазский народ воспринял его как свою маленькую, но очень важную победу. Люди увидели в В. Ардзинба человека, который не только, пусть очень хорошо, знает, о чем говорит, но и верит в то, что говорит.

Таким было восприятие абхазов и их доброжелателей, но на немедленную реакцию со стороны Центра рассчитывать не приходилось. Причем не только из-за традиционной лояльности ко всему грузинскому и плюс прибавившемуся к нему «тбилисскому синдрому» после 9 апреля 1989 г., а еще потому, что тогда по Советскому Союзу прокатилась волна межэтнических кровавых столкновений. И, как следствие, у Москвы было очень много головной боли и без Грузии и Абхазии. Это обстоятельство оказывало влияние на чувство безнаказанности у лидеров неформальной Грузии, под властью которой фактически находился официальный Тбилиси, который не мешал им в их стремлении решить по-своему «абхазский вопрос».

Тем временем в средствах массовой информации Грузии было объявлено о приеме документов от абитуриентов в Сухумский филиал ТГУ. В ответ на это 21 июня по требованию негрузинской части АГУ и представителей абхазской общественности состоялось совместное заседание бюро Абхазского обкома, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Абхазии, на котором было заявлено об отрицательном отношении к созданию филиала ТГУ. Однако бюро обкома партии, которое должно было рассмотреть сложившуюся ситуацию 22 июня, так и не приняло официального решения по этому вопросу[3], что усугубило ситуацию. В тот же день, 22 июня, общественность в лице представителей всех районов и городов Абхазии, ожидавшая решения абхазского руководства, собралась в здании филармонии. О том, что ситуация

[1] Авидзба В. Ш. Великая Миссия ученого и политика // http://ardzinba.com/article.php?ELEMENT_ID=115

[2] Вяткин А. Р. Роль личности в истории: феномен В. Г. Ардзинба // Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 16.

[3] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

грозила выйти из-под контроля, свидетельствует и то, что с призывом соблюдать спокойствие, дисциплину и иметь выдержку к собравшимся обратился абхазский поэт Б. Гургулиа[1]. В своей справке В. Хишба и В. Кобахия сообщали: «22 июня в знак протеста против набирающего силу политического и экономического диктата над автономной республикой, провокационной деятельности экстремистских элементов, дестабилизирующих общественно-политическую ситуацию в республике, у здания филармонии собрались представители всех районов и городов Абхазии, которые постановили организовать акцию протеста и дождаться здесь комиссии Верховного Совета СССР»[2]. Про политику Грузии по отношению к Абхазии в справке говорится, конечно, верно, но почему-то ее авторы решили возможным упустить одно очень важное обстоятельство, послужившее поводом к собранию общественности в филармонии, – а именно деятельность руководства Абхазии, которое до сих пор многие решения принимало только с оглядкой на Тбилиси. Участники собрания в филармонии приняли решение не расходиться до приезда Комиссии Верховного Совета СССР, потому что они больше не доверяли Абхазскому руководству. Это подтверждается и тем, что одним из требований протестующих было принятие решения Абхазским обкомом партии о недопустимости создания филиала ТГУ в Сухуме. Хотя такое постановление под давлением общественности и было принято на совместном совещании Абхазского обкома, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Абхазии, состоявшемся 26 июня, но это уже не могло повлиять на развитие событий.

О ситуации, складывавшейся тогда в Абхазии, свидетельствует множество документов того времени. В частности, в обращении Народного форума от 25 июня говорилось: «Ущемление прав абхазского народа и других негрузинских национальностей, грубейшая фальсификация истории абхазов, проповедование антинаучной теории двуаборигенности Абхазии и даже объявление абхазов «пришельцами», якобы обретшими вторую родину в «гостеприимной» Грузии, лишение коренной национальности конституционных прав, приведение к фактической утрате национальной независимости»[3]. В обращении НФА к Предсе-

[1] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 66.
[2] Важная веха в истории Абхазии... С. 37.
[3] Газ. «Аидгылара», спецвыпуск. 2 июля 1989 г.

дателю Совета Национальностей ВС СССР Р. Нишанову от 28 июня констатировалось: «Национал-шовинистические антисоветские неформальные организации при попустительстве и содействии руководящих партийных и советских органов Грузии предприняли широкомасштабное наступление против Абхазской республики и ее негрузинского населения. Предпринимаются акции раскола организаций и учреждений республики по национальному признаку. Любой инцидент в любую минуту может вызвать неуправляемую и кровавую цепь столкновений»[1]. Во время своего выступления депутат Т. Шамба на Первом съезде народных депутатов СССР огласил содержание письма НФА к съезду, под которым стояли подписи Р. Чанба, И. Мархолия, В. Кварчиа и Е. Аджинджал. В документе сообщалось: «Сегодня, в дни работы съезда народных депутатов СССР, в столице Абхазской автономной республики г. Сухуми, в ряде районных центров устанавливается власть грузинских меньшевиков. Меньшевистские флаги водружаются над советскими учреждениями, учебными заведениями. Идут манифестации, митинги грузинских националистов под трехцветными меньшевистскими знаменами. Пассивность руководства республики, не принимающего мер по наведению надлежащего общественного порядка, может привести к непредсказуемым последствиям»[2].

Тем временем страсти вокруг открытия филиала ТГУ в Сухуме продолжали накаляться. Еще 24 июня газета «Ахвлгазарда комунисти» опубликовала объявление о приеме нового контингента в Тбилисский государственный университет им И. Джавахишвили и Сухумский филиал ТГУ на 1989/90 учебный год[3]. 28 июня группа сотрудников и студентов АГУ потребовала от министра образования Грузии Г. Енукидзе: немедленно издать приказ о приостановлении приема документов от абитуриентов в Сухумский филиал ТГУ; немедленно отменить распоряжение о создании филиала ТГУ в Сухуме[4]. 29 июня в актовом зале АГУ состоялась встреча коллектива с первым заместителем Председателя Госкмитета СССР по народному образованию Ф. Перегудовым и Г. Енукидзе с участием руководства Абхазии. Участники выразили негативное отно-

[1] Газ. «Аидгылара», спецвыпуск. 2 июля 1989 г.
[2] Там же.
[3] О событиях в г. Сухуми (июнь – июль 1989 г.). л. 1.
[4] Там же.

шение к решению об открытии филиала ТГУ в Сухуме. В ночь с 29 на 30 июня в присутствии Г. Гумбаридзе и Ф. Перегудова в Сухуме состоялась встреча представителей коллектива АГУ и филиала ТГУ[1]. Эта встреча не привела к каким-то конкретным результатам.

30 июня народные депутаты СССР Б. Шинкуба, Т. Шамба и В. Ардзинба обратились к М. Горбачеву с депутатским запросом, в котором предлагали «реализовать решение съезда и незамедлительно создать и командировать в Абхазию комиссию Верховного Совета СССР»[2]. 1 июля из Москвы в Сухум вернулись депутаты ВС СССР Б. Шинкуба, А. Гогуа, Т. Шамба и секретарь Абхазского обкома компартии С. Таркил. Они сообщили участникам акции протеста в абхазской филармонии о том, что сформирована комиссия Верховного Совета СССР[3]. Эта комиссия, в составе народных депутатов М. Манго, Л. Перелыгиной, В. Иванова, Л. Батинской, 3 июля прибыла в Сухум, и акция протеста в филармонии «была завершена»[4]. 4 июля в актовом зале АГУ состоялась встреча депутатской комиссии с коллективом университета, 5 июля при посредничестве московской комиссии состоялись переговоры между представителями двух частей коллектива. На этих переговорах было принято решение об опубликовании о приеме абитуриентов в АГУ на все три сектора, а также о работе над проектом новой структуры университета[5]. В тот же день, 5 июля, в редакции трех республиканских газет Абхазии поступили материалы для публикации объявления о приеме нового контингента в АГУ на 1989-1990 гг.

Тем не менее, ситуация в Абхазии продолжала ухудшаться с каждым днем. В названной справке первого секретаря Абхазского обкома партии В. Хишба и Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии В. Кобахия было сказано: «По состоянию на 1 июля 1989 года обстановка в автономной республике все более накаляется. Взаимные претензии между грузинским и абхазским населением все чаще реализуются в крайних выражениях и даже правонарушениях, последние акции сторон также принимают крайние формы, ведущие к разрыву. Друг другу

---

[1] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

[2] Лежава Г. П. Политическая ситуация…. // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[3] О событиях в г. Сухуми (июнь – июль 1989 г.). л. 2.

[4] Важная веха в истории Абхазии… С. 37.

[5] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.

уже высказано столько претензий, что трудно стало сохранить объективность и почти невозможно сохранять нейтралитет. Происходит раскол в трудовых коллективах, практически всем решаемым вопросам придается национальная окраска»[1].

6 июля в газетах «Советская Абхазия» и «Апсны Капщ» было опубликовано объявление о приеме абитуриентов в АГУ. Однако 6 июля указанное объявление не было опубликовано в газете «Сабчота Абхазети»[2], выходившей на грузинском языке. Его под давлением Абхазского обкома эта газета опубликовала на второй день, 7 июля. Но и на этот раз, наряду с этим объявлением о приеме документов в АГУ, было самовольно дано объявление о приеме в филиал ТГУ в Сухуме, что ввело в заблуждение население республики и еще более обострило общественно-политическую ситуацию в Абхазии[3]. Днем 7 июля возмущенные абхазы стали собираться у здания Абхазского обкома партии, а вечером того же дня собрались в помещении филармонии. Ночью туда прибыли Первый секретарь абхазского обкома В. Хишба и Председатель Президиума ВС Абхазии В. Кобахия. Собравшиеся потребовали принятия конкретных мер по урегулированию сложившейся ситуации, в противном случае – отставку руководства Абхазии[4]. В своей справке от 8 июля В. Хишба и В. Кобахия оценивали сложившуюся ситуацию «как предкризисную, дальнейшее развитие которой остановить не в силах ни местное, ни республиканское руководство»[5]. Тем самым руководство Абхазии уже признавало, что не может влиять на дальнейшее развитие событий. Это к тому времени становилось очевидным, и в тот же день НФА «Аидгылара» обратился к Председателю Верховного Совета СССР с просьбой о немедленном введении в Абхазии «особого управления»[6]. За несколько дней до трагических событий в Сухуме обстановка в Абхазии еще более обострилась, так как были выпущены из-под стражи Гамсахурдиа, Костава, Церетели и другие экстремистские лидеры, арестованные за их роль в событиях 9 апреля 1989 г. в

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 37, 38.
[2] Газ. «Советская Абхазия», №131, 8 июля 1989 г.
[3] Там же.
[4] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.
[5] Важная веха в истории Абхазии… С. 37, 38.
[6] Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. С. 146.

Тбилиси. В целях дестабилизации обстановки в Абхазии экстремистски настроенные элементы развернули кампанию травли ряда наиболее известных абхазов, подписавших Лыхненское обращение, требуя их смещения с государственных постов[1].

Тем временем, депутатская комиссия ВС СССР и министр Ф. Перегудов, занимавшиеся исследованием вопроса открытия филиала ТГУ в Сухуме, 6 июля уехали на два дня в Тбилиси[2]. 7 июля в газете «Советская Абхазия» было опубликовано мнение Ф. Перегудова, которое заключалось, в частности, в следующем: «Дела в университете зашли так далеко, что нашей комиссии удастся с большим трудом наладить хоть какой-то диалог сторон… Моя линия однозначна: я за соединение, за сохранение целостности университета. Но тут необходимы терпение и выдержка, неприменим административно-волевой подход. Принятое решение о создании филиала ТГУ юридически неправомерно, ибо такие решения – компетенция Совета Министров СССР. Отменить его не составило бы труда. Но мы не должны предпринимать шаги, которые могут повлечь за собой новое обострение ситуации, необходимо соглашение. И тут не исключены какие-то промежуточные временные варианты»[3].

8 июля комиссия направила телеграмму руководству Грузии, в которой настаивала на отмене решения об открытии филиала ТГУ. В ней также было сказано: «Непринятие мер по отмене распоряжения Совмина ГССР от 14 мая 1989 года и объявление о наборе абитуриентов в филиал ТГУ все больше усиливает дестабилизацию обстановки в республике, не создает объективных условий для нахождения компромиссных решений по восстановлению АГУ»[4]. 10 июля комиссия ВС СССР уехала из Абхазии и сделала заключение о нецелесообразности разделения АГУ по национальному признаку, которое 12 июля было опубликовано в прессе. Главным заключением комиссии можно считать фразу о том, что «на сегодня эта мера себя изжила, разрушает учебный процесс, не способствует улучшению межнациональных отношений»[5]. Позже Генеральный прокурор СССР сделал представление в Совет Министров Гру-

[1] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[2] Справка по Абхазскому госуниверситету // Архив НФА.
[3] О событиях в г. Сухуми (июнь – июль 1989 г.). л. 4.
[4] Важная веха в истории Абхазии… С. 39.
[5] Там же. С. 42.

зии об отмене распоряжения о создании филиала ТГУ в Сухуме. Такого же мнения придерживалось и Министерство образования Советского Союза.

Однако 13 июля около 100 грузин в ультимативной форме потребовали от секретаря обкома опубликовать в газете «Сабчота Абхазети» комментарий руководства филиала ТГУ о том, что заключение комиссии Верховного Совета СССР не является окончательным, что филиал ТГУ в Сухуме будет функционировать, и прием документов от абитуриентов будет продолжаться[1]. 14 июля кандидат в члены ЦК КП Грузии Л. Маршания в письме Г. Гумбаридзе назвал ситуацию, сложившуюся в Абхазии, «крайне напряженной (на грани братоубийства)». Чтобы «предотвратить катастрофу», он предложил «восстановить в единое целое Абхазский государственный университет» и «восстановить хотя бы несколько топонимических названий»[2]. Однако в тот же день, 14 июля, ректор ТГУ издал приказ о назначении приемных экзаменов в филиал ТГУ на 20 июля. В этот же день делегация старейшин Абхазии посетила обком партии с требованием не допустить раздела АГУ и прекратить прием документов в филиал[3].

15 июля в Сухум с вооруженным отрядом сотрудников милиции из Тбилиси прибыл министр внутренних дел Грузии Ш. Горгадзе, а в конце того же дня сюда приехали Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР О. Черкезия и второй секретарь ЦК КП Грузии Павшенцев[4]. 15 июля Президиум Верховного Совета Абхазии принял Постановление «О существенном обострении межнациональных отношений в Абхазской АССР по причине незаконных попыток образовать в городе Сухуми филиал ТГУ»[5]. Однако данное решение и другие действия властей были недостаточными и не были в состоянии повлиять на развитие ситуации. Комиссия Верховного Совета Абхазии по расследованию трагических событий 15–16 июля, созданная позже, констатировала: «Несмотря на всю серьезность обстановки, руководство республики не принимало действенных мер»[6]. Было объявлено о том, что

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 205.
[2] Маршания Л. В. Первому секретарю ЦК КП Грузии.
[3] Важная веха в истории Абхазии… С. 206.
[4] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 104.
[6] Газ. «Аидгылара», №4, июль 1990 г.

заключение комиссии Верховного Совета СССР не имеет юридической силы, и прием документов в Сухумский филиал ТГУ продолжится. Позже, 5 октября 1989 г., представители правительства и интеллигенции Абхазии в обращении к Верховному Совету СССР констатировали, что «единственной и бесспорной причиной происшедшего являлось неправомерное создание в Сухуме филиала ТГУ при наличии АГУ»[1]. На 16 июля были назначены экзамены в филиал, проведение которых стремились не допустить абхазы. В итоге противостояние достигло своего апогея и не обошлось без кровопролития. Трагедия произошла в ночь с 15 на 16 июля, когда имели место кровавые столкновения грузин и абхазов. Тогда, по официальным данным, было убито 17 человек – 11 грузин, 5 абхазов и 1 грек, а ранения различной тяжести получили 4448 человек[2].

Тем временем вечером 15 июля все райотделы милиции Абхазии получили команду из МВД республики перекрыть автотрассы и не допустить проезда агрессивно настроенных вооруженных лиц в Сухум. Ночью в Сухум через пост милиции на мосту г. Очамчира попыталась прорваться колонна автобусов и грузовиков из Западной Грузии. Атаку удалось отбить, несколько человек были ранены, один из прибывших с колонной был убит. Нападавшие отступили для того, чтобы перегруппироваться и повторить нападение. Получив информацию о готовящемся нападении, сотрудники очамчирской милиции бросили мост и заперлись в здании райотдела[3]. Утром 16 июля к мосту подъехали вооруженные люди на грузовиках и открыли огонь. Сотрудники милиции отказались выходить из своего укрытия, и тогда абхазы начали штурмовать здание, считая, что именно там хранятся изъятые у населения охотничьи ружья. В это время на площади появился прокурор Очамчирского района В. Гурджуа, который увел людей к зданию банка, где действительно хранились изъятые ружья. С ними «люди держали оборону моста до прихода советских войск»[4]. Сам В. Гурджуа, позже вспоминая о тех событиях, говорил: «Во время критической ситуации, которая создалась в ночь с 15 на 16 июля 1989 года в районе реки Галидзга Очамчирского района, когда на противоположном берегу находилось

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 54.

[2] Чирикба В. Советская Абхазия в 1921 – начале 1991 г. // Абхазы. М., 2007. С. 98.

[3] Впоследствии они объясняли свой поступок стремлением защитить находящееся там табельное оружие.

[4] Газ. «Аидгылара», №5, ноябрь 1990 г.

более 20 тысяч вооруженных лиц грузинской национальности, а сотрудники райотдела милиции, якобы получив на то приказ, отказались выполнять свои обязанности (на подступах сосредоточилось еще около 40 тысяч), у меня не было иного выбора, как защитить жизнь, честь и достоинство граждан»[1]. Все это подтверждается тем, что об этом тогда говорили в Сухуме. В 20 часов 40 минут 16 июля в Сухуме у кинотеатра «Апсны» проходил стихийный митинг грузин. Один из ораторов сообщил: «Абхазы перекрыли мост через р. Галидзга в Очамчирском районе и не попускают наших друзей к нам. По неполным данным, к нам должны прийти на помощь 15 тысяч человек»[2]. О том, что тысячи жителей Гальского района и прилегающих районов Мегрелии[3] хлынули к р. Галидзга, сообщает и З. Папаскири[4]. В обращении делегатов II съезда АГНК говорилось: «Вооружение жителей Очамчирского района охотничьими ружьями в ситуации, сложившейся к утру 16 июля 1989 г. в г. Очамчире, вызывалось необходимостью защитить население Абхазии от нападения многотысячной вооруженной массы разъяренных, отравленных националистической заразой людей из западных районов Грузии»[5]. Тем не менее, 30 августа 1990 г.[6] В. Гурджуа и майор милиции В. Шларба Судебной Коллегией Верховного Суда СССР были приговорены к двум годам лишения свободы[7].

16 июля Постановлением Верховного Совета Абхазии в городах Сухум и Очамчира и Гульрипшском районе было введено особое положение[8].

---

[1] Газ. «Абхазия», № 22, 4 июня 1991 г. С. 3.

[2] Секретная справка 7-го отдела МВД Абхазии от 28 июля 1989 г. л. 82.

[3] Т. Китовани считает, что события в Сухуме были спровоцированы. «Могли армяне спровоцировать, абхазские армяне всегда работали на русских….» – говорит он. Если даже шла толпа из Западной Грузии, то ее можно было разогнать, считает Китовани. (Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись).

[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 338.

[5] Газ. «Аидгылара», № 6, декабрь 1990 г.

[6] Позже, 5 января 1991 г., выездная бригада Верховного суда Грузии по «фактам массовых беспорядков», имевших место 15-16 июля 1989 г., приговорила В. Гвинджия и В. Зухба к пяти годам лишения свободы. Однако в отношении них был применен Указ об амнистии, и они были освобождены из зала суда. (Газ. «Аидгылара», №1, январь 1991 г.).

[7] В. Гурджуа, пробыв в московской тюрьме на Красной Пресне восемь месяцев и 14 дней, 30 апреля 1991 г. был амнистирован. 14 мая он вышел на свободу.

[8] Ачугба Т. А. Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2007. С. 66.

17 июля ВС СССР принял Постановление «О событиях в Абхазской АССР», в котором поручил Советам Министров Грузии и Абхазии, МВД СССР «принимать оперативные и решительные меры по наведению порядка»[1].

17 июля под председательством Г. Гумбаридзе состоялось первое заседание комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии, на котором он раскритиковал Чулкова за «анархию» в результате нарушения «порядка при выдаче оружия сотрудникам милиции при рай-горотделах» и потребовал срочно «возбудить уголовные дела против виновных, выдавших оружие не по правилам»[2]. Министр ВД Грузии сообщил, что из Зугдиди 200 человек направляются в Очамчирский район[3]. Председатель Президиума ВС Грузии О. Черкезия считал: «Должны приехать корреспонденты телевидения Грузии, просьба уделить им внимание. Очевидно, в Абхазию приедут и другие журналисты для освещения событий. Координировать информацией будет т. Авидзба. Информация должна поступать ежедневно к 12 часам дня. Таркилу – прошу держать под жестким контролем все средства массовой информации автономной республики. Давать информацию «сухую», без комментариев. Необходимо вывести людей из шокового состояния, лишь тогда они будут работать»[4].

18 июля Президиум ВС Абхазии принял Постановление «О введении особого режима поведения граждан по всей территории Абхазской АССР». Согласно этому документу, предусматривалось ограничение передвижения граждан с 23 часов ночи до 6 часов утра, и в это же время запрещалось передвижение частных машин и скопление людей на улицах, площадях населенных пунктов, а также проведение митингов и шествий. Выполнение мероприятий по поддержанию и соблюдению особого режима поведения граждан возлагалось на войска МВД СССР[5]. 18 июля на втором заседании комиссии по стабилизации Г. Гумбаридзе объявил, что для координации работы заседания комиссии будут проводиться ежедневно, три раза в день: в 10. 00, 15. 00 и 20. 00 часов. Чулков сообщил, что обстановку в Абхазии контролируют 4815 солдат

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 228.

[2] Протокол № 1 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 17 июля 1989 г. л. 2.

[3] Там же. л. 3.

[4] Там же. л. 7.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 105.

и 1745 сотрудников МВД[1]. Тем временем, для поддержания общественного порядка в Грузинской ССР привлечено 5978 военнослужащих внутренних войск МВД, в том числе в Абхазской АССР – 4373 чел. В этот период внутренними войсками МВД было изъято у населения 1651 ед. огнестрельного оружия[2].

Министр ВД Грузии Ш. Горгадзе на заседании комиссии заявил: «Необходимо наказать распространителей слухов и с помощью телевидения осветить показательные суды. Пора решать и кадровые вопросы»[3]. После названных событий О. Зухбая и В. Кобахия были выведены из состава бюро Абхазского обкома КП. О. Зухбая был отстранен также от должности председателя Совета Министров Абхазии, а на его место был назначен другой ставленник Тбилиси, секретарь ЦК КП Грузии Г. Анчабадзе. В. Кобахия, по причине того, что грузинам не удалось собрать сессию ВС Абхазии, был оставлен в должности председателя Президиума ВС Абхазии.

19 июля на заседании комиссии Таркил доложил: «Ведется разъяснительная работа по поводу особого положения. В 3 часа дня должны выйти областные газеты. Листовки распространяются». В ответ на это Читанава возразил: «Не надо нас дезинформировать. Мне известно, что многое не делается. Идеологическая работа не на высоте. Листовки обращения, о которых вчера шла речь, до сих пор не переданы в города и районы. Об этом, в частности, я узнал в г. Гали»[4]. Тем временем наиболее взрывоопасная обстановка сложилась в Поти, где на митинге (до 10 тыс. чел.) было принято решение вооружиться и двигаться на Сухуми. С целью захвата оружия и боеприпасов группами грузинских экстремистов была организована блокада военно-морского склада боеприпасов, а также совершено вооруженное нападение на военкоматы и отделения милиции. Вооруженными группами 19 июля

[1] Протокол № 2 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 18 июля 1989 г. л. 1.

[2] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001 // http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/

[3] Протокол № 2 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 18 июля 1989 г. л. 2.

[4] Протокол № 5 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 19 июля 1989 г. л. 2.

похищено 1422 ед. огнестрельного оружия. Не менее напряженной оставалась ситуация у моста через реку Галидзга в районе Очамчира, где более 200 боевиков грузинской национальности продолжали опасное противостояние примерно равному числу вооруженных абхазцев. Одновременно до 600 боевиков блокировали учебный центр зенитной артиллерии ЗакВО[1].

20 июля на заседании комиссии Чулков признал, что «обстановка в Абхазии остается сложной»[2]. В. Кобахия заявил о необходимости введения в Абхазии комендантского часа[3], на что Гумбаридзе уже 21 июля ответил: «Обстановка всюду контролируется войсками и силами МВД. Тем не менее кое-кого не устраивает такая обстановка, и они требуют ввода комендантского часа. Говорю в последний раз: комендантского часа не будет»[4]. Однако там же Г. Гумбаридзе заявил: «Нужно перенести экзамены в вузах на более поздний срок, да и не до футбольных матчей сейчас»[5]. По данным МВД СССР, по состоянию на 22 июля в Абхазии погиб 21 чел., в том числе 14 грузин, 5 абхазцев и 2 военнослужащих внутренних войск МВД, захвачено около 9900 единиц огнестрельного оружия, 1,5 тыс. кг взрывчатых веществ[6].

23 июля в газете «Заря Востока» было опубликовано обращение Правления Народного фронта Грузии к абхазскому и грузинскому народам, в котором выражалось «глубокое соболезнование родным и близким погибших в результате трагических событий, разыгравшихся в эти дни в Абхазии». Правление Народного фронта Грузии призывало абхазов и грузин «глубоко осмыслить, что противопоставление их друг другу играет на руку только их общим врагам, что сохранить свою эт-

---

[1] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001 // http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/

[2] Протокол № 6 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 20 июля 1989 г. л. 1.

[3] Протокол № 8 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 20 июля 1989 г. л. 4.

[4] Протокол № 9 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 21 июля 1989 г. л. 1.

[5] Протокол № 10 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 21 июля 1989 г. л. 4.

[6] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001 // http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/

ническую и культурную самобытность, обрести подлинную национальную свободу грузины и абхазы могут только вместе, только в совместной борьбе за свою свободу, самостоятельность, за свои национальные честь и достоинство»[1].

Все это время продолжалась забастовка, только к 24 июля все предприятия и весь транспорт Сухума возобновили работу. 26 июля на заседании комиссии по стабилизации О. Черкезия отметил: «За последнее время я заметил, что судьба филиала больше интересует абхазов, чем грузин. Мы должны предпринять все меры, чтобы от него отказались грузины. Иначе будет очень трудно решить вопрос объединения… Пора принимать крутые меры против допустивших столкновение… Вчера говорил с т. Гумбаридзе. Т. Размадзе будет здесь находиться до получения первых результатов следствий»[2]. Прокурор Грузии Размадзе заявил: «Необходимо разобраться и с Гудаутским районом. Пора иметь списки тех, кто владел в те дни оружием, принимать меры по отношению к тем, кто развязал кровавые столкновения»[3]. Нужно отметить, что, наряду с обвинениями абхазов, в заседаниях комиссии часто упоминалось о дестабилизирующей роли грузинских неформалов и о листовках с призывом принять участие 15 августа в дне неповиновения властям Грузии.

На заседании комиссии 28 июля Председатель Совета Министров Абхазии Анчабадзе обвинил Чулкова в том, что он не владеет ситуацией[4]. Анчабадзе: «Пресса молчит, идеология не работает, идеологические работники «спят», не ходят в трудовые коллективы. Да о чем говорить, если пресса даже не знает, где, на каком предприятии бывает первый секретарь обкома партии. До каких пор это будет продолжаться. Тов. Авидзба забывает, что нужно как следует работать, а не отбывать повинность, за которую у нас, к сожалению, платят зарплату и даже повышают в должности»[5]. Это был камень в огород только что назначенного на должность секретаря обкома В. Авидзба, который на это отреагиро-

[1] Технологии этнической мобилизации. М. 2000. С. 160.

[2] Протокол № 15 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 26 июля 1989 г. л. 5, 6.

[3] Там же. л. 5.

[4] Протокол № 17 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 28 июля 1989 г. л. 1.

[5] Там же. л. 3.

вал следующим образом: «Как понять, что в газетах и по телевидению появляются высказывания типа Марики Лордкипанидзе, дестабилизирующие обстановку? Я знаю, что виноват, и готов извиниться. Кстати, я не напрашивался на должность секретаря»[1].

31 июля Верховный Совет Абхазии создал Комиссию по расследованию обстоятельств и причин трагедии 15-16 июля[2]. А 8 августа на заседании комиссии по стабилизации В. Хишба заявил: «Думаю, аналогичные встречи мало что дают. Давайте активнее будем работать в массах. Делать все для стабилизации обстановки. Встречаться впредь будем по необходимости»[3].

Тем временем в связи с событиями в Абхазии 15-16 июля свою позицию обнародовала и творческая грузинская интеллигенция. В «Заявлении президиума правления СП Грузии» от 19 июля говорилось: «Трагедия по вине части абхазского населения на территории автономной республики является логическим результатом той уступчивой политики, тех неоправданно предоставлявшихся привилегий, которые имели место на протяжении ряда лет со стороны как всесоюзных властей, так и со стороны властей Грузии». Грузинские писатели заявляли: «В результате проведения такой «безобразной кадровой политики» быть абхазом «стало социальной привилегией. Именно это обстоятельство вызвало ассимиляцию-абхазизацию малодушной части грузин»[4]. И такое говорилось в обращении писателей, которых во все времена считали лекарями человеческих душ. Здесь речь может идти только об отсутствии здравого смысла, ибо у всякого, мало-мальски знакомого с историей взаимоотношений абхазов и грузин XIX-XX столетий, фраза об «ассимиляции-абхазизации малодушной части грузин» может вызвать только саркастическую улыбку.

Позже Г. Ломинадзе говорил, что ему присвоили звание генерала за сохранение относительной стабильности, когда 15-16 июля в Сухуме «практически началась война». Далее он рассказал, что его назначение министром внутренних дел Абхазии не связано с тем, что он «уж очень хотел этой должности» и прежде, чем он дал согласие, «два дня

[1] Там же. л. 4.

[2] Важная веха в истории Абхазии… С. 51.

[3] Протокол № 26 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 8 августа 1989 г. л. 3.

[4] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

терзался». По словам Г. Ломинадзе, принять эту должность его вынудил тогдашний министр внутренних дел Грузии Ш. Горгадзе. Далее он раскрывает скобки: «В то время экс-министр Чулков действовал против нас. И замена его на грузина была равноценна революции и героизму»[1].

Народный депутат Верховного Совета СССР В. Иванов главный причиной трагических событий 15-16 июля в Абхазии назвал «коллективный национальный психоз в Грузии»[2]. Грузинские писатели не могли или не желали уйти от этого эмоционального психоза, заключавшегося, главным образом, в отказе абхазам в элементарных правах, при, конечно же, признании грузинской исключительности. Этот психоз существовал и до рассматриваемых событий, но оценки трагедии 15-16 июля, дававшиеся в Грузии, убеждали в том, что грузинское общество находилось в неком аффективном экстазе.

30 августа на общем собрании коллектива АГУ был избран Комитет защиты прав университета в составе 13 человек: П. Адзинба, В. Амичба, Б. Багателия, А. Хашба, Д. Барганджия, Б. Гургулиа, М. Гургулия, Р. Кация, Т. Куправа, М. Пацация, Д. Пилия, Л. Смыр, З. Шалашава[3].

Несмотря на пролитую кровь, деятельность филиала ТГУ в Сухуме была утверждена постановлением Совета Министров Грузии от 20 октября 1989 года[4]. 2 ноября 1989 г. Совет Министров Грузии принял постановление об объединении АГУ и Сухумского филиала ТГУ. Документ предусматривал произвести воссоединение не позднее начала приемных экзаменов 1990/1991 учебного года; с 1 сентября 1990 г. считать утратившими силу все ранее принятые решения по этому вопросу[5]. Однако воссоединение вуза так и не состоялось. В ноябре же были проведены приемные экзамены в Сухумский филиал[6]. Филиал ТГУ в Сухуме периодически становился причиной политической дестабилизации. В частности, 26 марта 1990 г. директор Сухумского филиала ТГУ Ф. Ткебучава в своей квартире в Тбилиси объявил голодовку. Причиной этому

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

[2] Архив НФА.

[3] Смыр Л. Г. Борьба АГУ против создания филиала ТГУ в Сухуме // Аидгылара. 20. Сухум, 2009. С. 73.

[4] Кварчия В. Е. Из истории национально-освободительного движения абхазского народа 1967-1992 годов. Сухум, 2011. С. 229-229.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 22, 23.

[6] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 348.

стало то, что филиалу к тому времени не было передано здание. Данная акция очередной раз накалила обстановку вокруг филиала. Студенты и преподаватели поддержали своего ректора и пригрозили акциями неповиновения, что вызвало замешательство в правящих кругах Абхазии. С их согласия Сухумскому филиалу в аренду было передано здание, принадлежавшее производственному объединению «Оргтехника», после чего кризис бы исчерпан. Однако филиал ТГУ функционировал до вторжения Грузии в Абхазию в августе 1992 г. После поражения Грузии в войне с Абхазией Сухумский филиал ТГУ продолжал действовать в Тбилиси. Сейчас он также функционирует в столице Грузии, и теперь он спекулятивно называется «Сухумский государственный университет» и, надо полагать, считается, что вынужден работать «в изгнании». В связи с этим интересно послушать Н. Месхия, который, говоря об интересующей нас проблеме, пишет: «Университет разделили, но этим не все было завершено. З. Папаскири и его сподвижники здесь в Тбилиси не успокоились до тех пор, пока не покинул пост ректора О. Жордания. Он, видимо, мешал им в «конструктивной» деятельности»[1].

Для осуществления целей грузинского этнонационализма была выработана парадигма борьбы с империей и независимости Грузии. Для ее реализации был начат поиск новых идентичностей. В Грузии были отменены все советские праздники и введены новые, в основном христианские. В силу митингового характера грузинского государства об идентификации грузинского этнонационализма с христианской идеологией можно судить уже по двум распространенным тогда лозунгам: «Грузия для грузин» и «Да здравствует христианская Грузия». Это подтверждает и О. Васильева, которая пишет, что «тезис «христианская Грузия как форпост цивилизации на мусульманском Востоке» подпитывает идею национального мессианства Грузии»[2]. В. Хишба и В. Кобахия также сообщали, что в Грузии проводились «мероприятия по консолидации нации на основе единства веры, возвеличиванию прежней «независимой» Грузии»[3]. Об этом же свидетельствует и Б. Коппитерс, который пишет: «Романтический» национализм» был облачен «в партикулярист-

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 32, 33.

[2] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 9.

[3] Важная веха в истории Абхазии… С. 23.

скую фразеологию в том, что касалось населения Грузии (подчеркивание глубоких исторических различий между составляющими ее национальностями), ее культуры (подчеркивание специфики грузинской культуры в противоположность культуре соседних народов) и ее место в Европе (представление о том, что принятие христианства в Грузии способствовало зарождению европейской цивилизации)»[1]. Причем «отцы» грузинского шовинизма рассматриваемого времени не были основателями подобной идеологии. Она зародилась задолго до них, примерно в середине XIX столетия, в эпоху начала грузинской колонизации Абхазии, которая опустела в результате Кавказской войны и насильственного изгнания абхазов с родной земли. Именно в этот период в Грузии начинает формироваться имперское сознание, а грузинскому народу внушаться мысль о его исключительности и особенной роли на Кавказе[2].

В Грузии, в рамках названной парадигмы, делалось все для того, чтобы доказать незаконность ее включения и нахождения в составе СССР. Так, бюро ЦК КП Грузии 21 июля поддержало постановление ВС Грузинской ССР о создании двух комиссий по вопросам политической и правовой оценки нарушения договора от 7 мая 1921 года между Грузией и Советской Россией, и изучения иммиграционных процессов в республике и выработке соответствующих предложений. Было одобрено также постановление Президиума о передаче на рассмотрение комиссии по разработке Конституции республики вопросов об осуществлении реального суверенитета ГССР, введения статуса гражданина Грузинской ССР, восстановления национальных воинских формирований и прохождения военной службы призывниками республики на территории Грузинской ССР[3]. Позже, 18 ноября 1989 г., сессией Верховного Совета Грузии события 25 февраля 1921 г. – День установления Советской власти в Грузии – были классифицированы как «ввод войск в страну и захват всей территории»[4].

---

[1] Коппитерс Б. Этнофедерализм и политика в области строительства гражданского. Идея общего государства в грузино-абхазском конфликте // Практика федерализма. Альтернативы для Грузии и Абхазии. М., 1999. С. 332.

[2] Лакоба С. З. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993. С. 15.

[3] Газ. «Советская Абхазия». 22 июля 1989 г. // Архив НФА.

[4] Технологии этнической мобилизации. Из истории становления грузинской национальности (1987–1993). (Сост. Г. Лежава). М., 2000. С. 72.

Если в Грузии в противовес Советскому государству шел поиск идентичностей с Западом и христианством, то в Абхазии был возобновлен прерванный процесс сближения с северокавказскими этносами. Официальное начало этому было положено на первом съезде горских народов Кавказа 25-26 августа 1989 г. в Сухуме, в котором приняли участие делегаты из Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Абхазии. Главным решением съезда стало создание Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК), который и стал сдерживающим фактором в абхазо-грузинском противостоянии. Президентом АГНК был избран Ю. Шанибов. Сам Ю. Шанибов, позже рассказывая об истории создания АГНК, писал: «Лидеры абхазского национального движения «Айдгылара» предложили группе чеченских и кабардинских активистов национальных движений, которые в июле 1989 г. во время «университетской войны» поспешили на помощь абхазам, провести встречу представителей национальных движений Кавказа и создать единую организацию для объединения совместных усилий в разрешении надвигающихся проблем, противоречий и конфликтов на Кавказе. Инициативной группе, из которой особые заслуги имели абхазы Г. Аламиа, О. Дамения, чеченец М. Коттоев, удалось за короткий срок подготовить встречу представителей национальных движений – абхазов, чеченцев, кабардинцев, черкесов, абазин, черкесов и ингушей»[1]. Процесс сближения кавказских народов начался раньше, но детонатором создания АГНК стали кровавые события в Сухуме в июле 1989 года. Б. Коппитерс считает, что «целью этого конфедеративного проекта было создание союза горцев, соответствующего досоветской традиции[2] политики региональной интеграции»[3]. В резолюции самого съезда особо подчеркивалось, что «время выдвигает перед братскими народами Кавказа необходимость более тесного единения и сплочения ради самосохранения»[4].

С. Червонная также детонатором создания АГНК считает «июльское кровопролитие», причем, по ее мнению, «организованное абхазами». Далее она развивает свою мысль следующим образом: «Абхазы поня-

[1] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 22.

[2] Имеется в виду Союз Объединенных горцев Кавказа (СОГК) или Горская республика.

[3] Коппитерс Б. Федерализм и конфликт на Кавказе. №2. М., 2002. С. 22.

[4] Агаз. «Аидгылара», № 1, октиабр 6 1989 ш.

ли, что сопротивление будет отчаянным, гражданская война – ожесточенной, а соотношение сил сложится отнюдь не в пользу «абхазской стороны», тогда и стала формироваться новая концепция «общегорской солидарности, была взята установка на «помощь братских народов Северного Кавказа»[1]. Данный пассаж российского исследователя преследовал цель доказать вероломство абхазов, для которого понадобилось переставить все с ног на голову. Действительно, силы были неравными. Следствие по трагическим событиям в Сухуме велось заинтересованной грузинской стороной, на территории Абхазии дислоцировались милицейские подразделения МВД Грузии, которые «полностью сомкнулись с грузинскими националистами и действовали с ними единым фронтом»[2]. Тот факт, что «абхазский народ по-прежнему остается в опасности», который констатировался в обращении съезда в Верховный Совет СССР, никак в расчет не принимался. Это этнографа и специалиста по правам народов – С. Червонную – не заботило.

Б. Коппитерс считает, что наибольшую активность в деле объединения политических сил на Северном Кавказе проявляли «лидеры абхазских националистов», которые «искали поддержку в своем споре с Тбилиси»[3]. Дело в том, что этот «спор с Тбилиси» не был виртуальным, как кому-то могло показаться, а угрожал физическому выживанию абхазов. Поэтому в обращении I съезда горских народов Кавказа 26 августа 1989 г. говорилось: «Мы выражаем свою солидарность с борьбой абхазского народа за свою самостоятельность, за свое существование на карте народов мира» [4]. А позже, 1 ноября 1991 г., Председатель НФА С. Шамба, открывая III съезд горских народов Кавказа, отмечал: «Агрессия, которую Абхазия испытала в 1989 году, дала нам понять, что только объединение поможет нам устоять против любых агрессоров»[5]. Н. Акаба также считает, что после трагических июльских событий 1989 г. «стало очевидно, что дальнейшая эскалация насилия в Абхазии является вполне вероятным сценарием, и это логически подталкивало абхазов к поиску союзников»[6].

[1] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[2] Архив НФА.

[3] Коппитерс Б. Заключение // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 215.

[4] Газ. «Аидгылара», №1, 25 октября 1989 г.

[5] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск, №1, Декабрь 1991 г. С. 1.

[6] http://apsnypress.info/analytic/6359.html.

Л. Дробижева, говоря о процессе сближения народов Кавказа, ошибочно характеризует его как «проявление тенденции к поискам мусульманской общности»[1]. Однако ни в одном документе КГНК, принятой как тогда, так и позже, нет ни слова о религиозной идентификации членов этой организации. Например, в уставе Ассамблеи горских народов Кавказа, принятом 26 августа 1989 г., говорится «об этнической общности, историческом и духовном единстве и многовековом братстве народов»[2]. А в «Декларации о конфедеративном союзе народов Кавказа», принятой на III съезде народов Кавказа в Сухуме 2 ноября 1991 г., говорится: «Учитывая, что свобода совести относится к числу неотчуждаемых прав, недопустимо в какой-либо форме регламентировать религиозную свободу»[3]. В «Договоре о конфедеративном союзе горских народов Кавказа» также признаны «неприемлемыми любые ущемления интересов людей по национальному, религиозному или другому признаку»[4]. Утверждения о приверженности АГНК-КНК к поиску мусульманской или любой другой религиозной идентичности являются заведомо неверными, и от них следует отказаться, поскольку они наносят вред не только в науке, но и в повседневной жизни, что не менее, если не более, важно.

4. Абхазо-грузинские отношения и «парад суверенитетов»

Политической оценки июльским событиям в Сухуме не было дано со стороны центральных органов СССР. Вопреки требованиям абхазской общественности следствие по июльским событиям вела Прокуратура Грузии. Если врагу дадут право судить противника, то в ход пойдут не законы, а любые методы для наказания непокорного. Как следствие этого, начались репрессии с одной стороны, и массовые протесты против них – с другой. В Тбилиси и июльскую трагедию назвали провокацией против Грузии. В распространенном 18 июля заявлении Национал-

[1] Дробижева Л. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 77.

[2] Газ. «Единение», № 6, 1989 г.

[3] Газ. «Единение», № 11, ноябрь 1991 г.

[4] Там же.

демократической партии Грузии в адрес руководства Грузии, в частности, говорилось: «Для стабилизации положения в Абхазии считаем необходимым: 1. Абхазской т. н. автономной республике должен быть придан особенный статус, и ее фактическое управление должно производиться из Тбилиси. 2. Министром ВД Абхазии должен быть назначен по национальности грузин… Должно произойти увеличение числа сотрудников милиции грузин в МВД Абхазии… 3. Должны быть сняты с должностей агенты Москвы – абхазцы или поддерживающие их провокаторы, в отношении некоторых из них надо возбудить уголовные дела по обвинению в разжигании межнациональной розни (Кобахия, Озган, Таркил и др.)… Мы даем вам время до 15 августа, и если до этого срока не будут исполнены наши требования, то объявим национальное неповиновение, и каждый грузинский район, город, село станут «мертвыми», будут остановлены все предприятия, транспорт. Мы призываем грузинскую нацию: 1. Воздержаться от вооруженного конфликта, так как сегодня мы уже сталкиваемся не с абхазскими сепаратистами или азербайджанскими провокаторами, а с русской армией; 2. С 15 августа со дня национального неповиновения должны быть прекращены всякие митинги, демонстрации, сходы и др. До 15 августа пусть все снабдятся продуктами питания, предметами первой необходимости и др.»[1].

Грузинские писатели Р. Миминошвили и Г. Панджикидзе, готовившие ответ «абхазским сепаратистам» «от имени и по поручению» правления СП Грузии, назвали июльскую трагедию в Сухуме «хорошо продуманной и спланированной акцией», которой, «к стыду всего абхазского народа, мастерски и не столь уж завуалированно руководили абхазские партийные работники, писатели, ученые, представители интеллигенции»[2]. С. Червонная, развивая мысль грузинских писателей, утверждает, что июльскими событиями абхазами было положено начало войны против грузин. Она пишет: «После этого, по всей видимости, должен был вступить в силу тщательно разработанный план боевых действий, рассчитанный на длительное изнуряющее противоборство. И он начал осуществляться. Бесстрастные пограничники зафиксировали: «... в течение дня 16 июля и ночи 17 июля 1989 года в г. Гудаута была организована беспрепятственная загрузка на прогулочные катера лиц, вооруженных

[1] Заявление НДПГ. 18 июля 1989 г. лл. 1-2.
[2] Миминошвили Р., Панджикидзе Г. Правда об Абхазии… С. 5.

холодным, огнестрельным, в том числе боевым автоматическим оружием, а также бутылками с зажигательной смесью..., дубинками, металлическими прутьями и т.п. На шести прогулочных катерах из г. Гудаута была осуществлена отправка в г. Очамчира около 900 человек»»[1]. Уважаемый ученый пишет, не зная о чем. Правда, она при этом ссылается на российских пограничников, но это не дает оснований вводить в заблуждение общественность, тиражируя заведомую ложь. В Очамчиру людей отправили на катерах потому, что город Сухум и вся прибрежная полоса, несмотря на особый режим поведения граждан и присутствие частей Советской армии, находились под контролем грузинских неформалов. Вместо того, чтобы продолжать «изобличать» абхазов в милитаризме, нужно хотя бы изучить факты и сопоставить их. Абхазы не могли чувствовать себя в безопасности, а некоторое время и вовсе не могли без сопровождения появляться в своей столице. А разговоры о каком бы то ни было оружии – это выдумки: какое оружие могло быть у людей, которые вынуждены были покинуть Сухум и не могли вернуться домой в Очамчирский район иначе как морским путем, минуя Сухум и прибрежную полосу. Понятно, что С. Червонная почему-то в обиде на абхазов, но нельзя же совсем так огульно обвинять их во всем, что приходит на ум. И если, описывая события августа 1992 г., она ссылается на то, что сама была свидетелем событий (хотя и об этих событиях она пишет очень тенденциозно и предвзято), то в июле 1989 г. С. Червонная не была ни в Гудауте, ни в Очамчире, ни в Сухуме. В силу этого она не владела ситуацией. Если бы это было бы не так, то она знала бы, что тогда абхазский народ был «поставлен на грань катастрофы». Тогда такие обвинения звучали и со стороны грузинских чиновников и неформалов, одним из которых был Генеральный прокурор В. Размадзе. В обращении Народного форума Абхазии к командующему внутренними войсками СССР Ю. Шаталину от 20 июля говорилось, что «идет четкая запланированная акция по уничтожению абхазского народа». Далее, в связи с тем, что «Вы, располагая недостаточными силами, не в состоянии сегодня гарантировать нашему народу право на жизнь», НФА предлагал принять предложение «о временной мобилизации лиц абхазской национальности на добровольных началах, командование которыми

[1] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

возложить на ваших подчиненных»[1]. Еще накануне, 29 июля, секретарь обкома партии В. Авидзба на заседании комиссии по стабилизации в Абхазии говорил: «В Очамчирском районе обстановка накалена из-за интервью прокурора республики т. Размадзе. У руководителей района выбита инициатива. Необходимо выступление по этой теме центральной прессы, чтобы снять напряженность»[2]. 5 августа первый секретарь Очамчирского райкома С. Багапш заявил: «Интервью т. Размадзе провокация… Мне позвонил председатель Гудаутского райисполкома т. Лакоба И. Он попросил встретить в порту катера. Я встретил их... Было их более двух тысяч человек с палками, камнями. А было сказано, что они приехали с оружием»[3].

В день образования Ассамблеи горских народов Кавказа и выражения ею поддержки абхазскому народу, 26 августа, было опубликовано интервью З. Гамсахурдиа, в котором он фактически призывал к крестовому походу против абхазов, усилению подрывных акций против всего абхазского. Тогдашнее руководство Абхазии было не в состоянии хоть как-нибудь защитить свой народ. Официальные грузинские власти, как уже было сказано выше, проводили политику умиротворения своих неформалов и фактически уступили им «решение» «абхазского вопроса». А Москва, в силу многих причин[4], уже тогда была лишена рычагов серьезного воздействия на развитие ситуации и, как следствие, нередко вела себя так, как будто происходившее не имело к ней отношения. Ситуация в Абхазии усугубилась в связи с публикацией государственной программы грузинского языка, которая расценивалась как продолжение и даже как ужесточение политики насильственной ассимиляции абхазского народа.

В ответ на полное игнорирование своих интересов абхазами 1 сентября 1989 г. был создан забастовочный комитет, и 5 сентября была

---

[1] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[2] Протокол № 19 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 29 июля 1989 г. л. 2.

[3] Протокол № 24 заседания комиссии по стабилизации обстановки в Абхазии. 5 августа 1989 г. л. 2-3.

[4] Тогда внимание центральных властей Москвы было занято, наряду с внешнеполитическими проблемами, еще и шахтерскими забастовками, которые тогда происходили по стране: 10-22 июня – в Кузбассе, 20-26 июля – в Печерском угольном бассейне, 20-23 июля – в Карагандинском угольном бассейне.

объявлена республиканская забастовка, в которой приняло участие 40 тыс. человек. Ее участники добивались осуществления следующих требований: передачи расследования по фактам трагических событий, происшедших в Абхазии в июле 1989 г., Прокуратуре и МВД СССР; полного отстранения от этой работы прокуратуры и МВД Грузии и Абхазии; отмены распоряжения Совета Министров Грузии от 14 мая 1989 г. об открытии филиала ТГУ; отмены обязательного введения делопроизводства на грузинском языке на территории Абхазии[1]. В ответ на это Абхазский обком, заявив, что заметное осложнение общественно-политической обстановки «вызвано неправомерными действиями отдельных трудовых коллективов», призвал «к благоразумию» и прекращению забастовки[2].

Такая реакция со стороны абхазского руководства привела к усугублению ситуации. В 13. 00 часов 14 сентября группа жителей Гудаутского района в количестве 20 человек в знак протеста против «произвола, осуществляемого руководством Грузии и Абхазии», объявила голодовку. Главными требованиями участников акции были создание Комиссии Верховного Совета СССР для изучения политической обстановки, сложившейся в Абхазии после трагических событий в июле 1989 года; передача следственных дел по трагическим событиям в Сухуме Прокуратуре СССР[3]. Было заявлено, что голодовка продлится до выполнения выдвинутых требований.

18 сентября состоялось совместное совещание правительства Абхазии и забастовочного комитета. По результатом этой встречи был подписан протокол, который предусматривал следующее: «Для решения вопроса о выделении комиссии Верховного Совета СССР для политической оценки событий в Абхазии правительством Абхазской АССР будет оказана поддержка депутатской группе от Абхазской АССР. Перед Прокуратурой СССР абхазским обкомом партии поставлен вопрос о передаче расследования. В настоящее время получена телеграмма Генерального прокурора тов. Сухарева А. Я., в которой подтверждается, что следствие приостановлено до выяснения всех необходимых обсто-

[1] Архив НФА.

[2] Газ. «Советская Абхазия», № 177, 15 сентября 1989 г.

[3] Агаз. «Аидгылара», № 1,октиабр 6 1989 ш.

ятельств по делу[1]. В настоящее время коллективами АГУ и филиалом ТГУ выделены инициативные группы. Задачи этих групп – выработать мероприятия по объединению АГУ и филиала ТГУ на базе Абхазского государственного университета; вопросы статуса республики, государственного языка, флага, гимна, герба будут рассмотрены в рамках новой Конституции Абхазской АССР… Решением вышеперечисленных и других политических и социально-политических вопросов, поставленных забастовочным комитетом, будут заниматься Президиум Верховного Совета и правительство Абхазии. О работе данной комиссии будет постоянно информироваться забастовочный комитет. С учетом вышеизложенного, забастовочный комитет Абхазии выходит на диалог с бастующими о приостановке акций протеста по всей территории Абхазии»[2]. Под таким решением подписались Председатель Президиума Верховного Совета Абхазии В. Кобахия, председатель забастовочного комитета А. Конджария, секретари Абхазского обкома Хабурзания и В. Авидзба, заместитель Председателя Совмина В. Миканба. Однако совместный документ отказался подписывать глава Абхазского правительства Г. Анчабадзе, после чего забастовочный комитет выразил ему недоверие. Таким образом, договоренности остались невыполненными. Не привели к конкретным результатам также и переговоры по выработке плана по объединению АГУ. В связи с этим забастовка в Абхазии не только продолжилась, но и приняла более острые формы[3].

18 сентября жители поселка Пицунды объявили голодовку. Ее участники заявили, что они пошли на такой шаг в силу того, что «принимаемые меры для нормализации обстановки на территории Абхазии оказались безрезультатными» и «ни один из вопросов, поставленных перед правительством Абхазии для решения межнациональных проблем, не выполнен». Ими были выдвинуты следующие требования: создать совместную комиссию ЦК КПСС и Верховного Совета СССР для из-

[1] Тем не менее, следствия продолжались: По данным на 1 июня 1990 г., было 164 уголовных дел, их них было окончено 66 дел, 7 прекращено, в суд было отправлено 59 дел на 86 лиц. К названному времени 3 человека (Шоуа, Еник, Пачалия) находились под стражей, 7 человек – в розыске.

[2] Протокол совместного совещания правительства Абхазской АССР и забастовочного комитета Абхазии. 18 сентября 1989 г. лл. 1-2.

[3] Архив НФА.

учения и решения абхазо-грузинского конфликта; прекратить ведение дел, связанных с событиями в Абхазии следственными органами МВД и Прокураторы Грузии и Абхазии и передать их ведение Прокуратуре и МВД СССР и Верховному Совету Союза ССР; приостановить освобождение от занимаемых должностей партийных и советских работников Абхазии до полного выяснения причин абхазо-грузинского конфликта; обеспечить конституционный статус абхазского языка, а языком межнационального общения считать русский; отменить распоряжение правительства Грузии об открытии в г. Сухуме филиала ТГУ и привлечь к ответственности лиц, издавших это распоряжение; на сессии Верховного Совета Союза ССР рассмотреть и решить вопрос о возвращении Абхазии статуса союзной республики[1]. 20 сентября шахтеры г. Ткуарчала в количестве 10 человек объявляли внутри шахты подземную забастовку, 21 сентября к ним присоединилось еще 8 человек, а 22 сентября – еще 6 человек[2]. 21 сентября группа жителей г. Гагры объявила голодовку[3]. Акции протеста также проходили и в селах Абхазии[4]. 21 сентября забастовочный комитет Абхазии потребовал отставки Первого секретаря обкома В. Хишба, Председателя Совмина Абхазии Анчабадзе, секретарей обкома Хабурзания и В. Авидзба[5].

Протесты абхазов оставались без реагирования со стороны Москвы. Об этом свидетельствует следующее сообщение В. Зантариа, работавшего в то время парламентским корреспондентом Абхазского телевидения в ВС СССР. В одной из своих статей о В. Ардзинба он пишет: «В тот момент, когда мы приближались к выходу, совсем рядом оказался Генеральный прокурор СССР А. Сухарев. Он, как мне показалось, подчеркнуто официально поприветствовал Владислава Григорьевича. Но взаимности не последовало. Это смутило высокопоставленного чиновника. Завязался нелицеприятный разговор. В. Г. Ардзинба открыто обвинил Генпрокурора в предвзятости в вопросах расследования уголовных дел по событиям 1989 года в Абхазии, в том, что следственная группа Прокуратуры СССР, призванная обеспечить должный правовой надзор, заняла откровенно прогрузинскую позицию. «Я направил Вам

[1] Агаз. «Аидгылара», № 1, октиабр 6 1989 ш.
[2] Иара убра.
[3] Иара убра.
[4] Иара убра.
[5] Решение забастовочного комитета. 25 сентября 1989 г. л. 2.

несколько депутатских запросов. Вы не ответили ни на один из них. Я буду выступать на сессии Верховного Совета и зачитывать все эти документы. Вы вынуждены будите публично ответить мне на все вопросы», – говорил Ардзинба»[1]. Требования абхазов находили отклик в сердцах представителей братских народов. Кабардинское национально-демократическое движение «Адыга Хассе» выступило в поддержку абхазского народа. 21 сентября, обсудив создавшуюся ситуацию в Абхазии, Совет движения «настоятельно и незамедлительно» потребовал: «Предоставить Абхазии статус особого управления; срочно устранить вопиющую несправедливость, заключающуюся в том, что одной из сторон конфликта – Грузии – предоставлена возможность установить истину по фактам правонарушений; передать ведение дел незаинтересованной бригаде из других регионов СССР»[2].

Эти акции оказывали воздействие и на грузин, которые стремились продемонстрировать единство грузинских национальных сил Абхазии и их превосходство над абхазами. 23 сентября в Сухуме состоялась учредительная конференция Абхазской региональной организации Народного фронта Грузии, которой на время удалось взять на себя координацию деятельности всех грузинских организаций в Абхазии[3]. 23 сентября депутаты ВС СССР от Абхазии В. Ардзинба и Р. Аршба встретились с участниками десятидневной голодовки в Гудауте, прибывшими в Москву для освидетельствования и получения медицинской помощи. В ходе встречи депутаты попросили их «выйти из голодовки»[4].

В начале октября 1989 г., видимо, в качестве ответа на акции протестов абхазов и на неоднократные обращения В. Ардзинба, в Абхазию был командирован заместитель Генерального прокурора СССР В. Кравцов. Он сначала полетел в Тбилиси, а оттуда с генпрокурором Грузии В. Размадзе прибыл в Сухум. Здесь в здании МВД Абхазии состоялся брифинг, куда был допущен узкий круг журналистов. Свидетель этой встречи В. Басариа описывает ее следующим образом: «Он (Размадзе) говорил с нами как с преступниками, которых вот-вот должны приговорить к высшей мере наказания. А Кривцов сидел, буд-

[1] Зантариа В. Сквозь призму времени // Эпоха Ардзинба… С. 52.

[2] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 348.

[4] Архив НФА.

то все это его не касалось. До сих пор слышу голос Размадзе: «Пришло время возмездия»[1].

Таковой была реакция Москвы, и тогда, в условиях неравенства противостоящих сил, абхазское национальное движение вынуждено было искать и налаживать контакты и союзнические отношения с другим организациями, трибуны которых также могли быть с пользой использованы для озвучивания и отстаивания интересов Абхазии. 28-29 октября 1989 г. в г. Челябинске проходила Учредительная конференция Межрегиональной Ассоциации демократических организаций (МАДО). В ней приняли участие представители более 80 общественных организаций из 10 союзных республик. Из Абхазии в нее вошли НФА и Союз творческой молодежи. Конференция выразила протест в связи с незаконным распоряжением Совета Министров ГССР от 14 мая 1989 г. и Постановлением Совета Министров Грузии от 20 октября о создании в Сухуме филиала ТГУ. На форуме было заявлено, что вышеназванные распоряжение и постановление «ведут к обострению межнациональных отношений, дестабилизируют общественно-политическое положение в республике»[2].

Ситуация в Абхазии рассматривалась и на 3-й сессии Координационного совета АГНК, состоявшейся 4 ноября в Нальчике. Перед ее началом 1 октября на стадионе в Нальчике состоялся многотысячный митинг представителей горских народов Кавказа. На сессии положение в Абхазии было оценено как «крайне напряженное». В обращении ее участников к ВС СССР и ВС Грузии подчеркивалась необходимость соблюдения конституционных прав абхазского народа; справедливого решения кадровых вопросов; опубликования выводов комиссий ВС СССР, изучавших ситуацию в Абхазии[3]. На сессию была приглашена делегация Народного фронта Грузии во главе с его председателем Н. Нататдзе, которая, по утверждению З. Папаскири, «пыталась перевести разговор «по абхазской тематике» в конструктивное русло»[4]. Однако «конструктивным руслом» тогда явились «однозначная позиция и заявление представителей делегации НФ Грузии на сессии АГНК о

[1] Басариа В. К. Время тяжких испытаний… С. 47.
[2] Газ. «Аидгылара», № 2, 26 ноября 1989 г.
[3] Агаз. «Аидгылара», № 2, ноиабр 22 1989 ш.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 345.

нежелании вести диалог по всем аспектам абхазской проблемы»[1]. Они даже назвали дату вероятного конфликта на межнациональной почве в Сухуме – 10 ноября 1989 года. И тогда до их сведения «было доведено, что абхазский народ в своей борьбе за независимость не одинок и что он, в случае необходимости, получит всестороннюю поддержку»[2]. В ответ на это НФ Грузии заявил «о невозможности в таком ключе вести диалог по абхазской проблеме»[3]. И в знак протеста грузинская делегация покинула сессию[4]. Затем Координационный Совет и Совет старейшин Ассамблеи организовали встречу в г. Нальчике делегаций Абхазского Форума и Народного фронта Грузии во главе с Н. Натадзе. Вот что рассказывает о ней Ю. Шанибов: «Разговор между абхазами и грузинами был исключительно острым. Особенно напряженно вела себя грузинская делегация. Она была крайнее раздражена тем, что в «университетской войне» абхазы дали сокрушительный отпор многократно их по численности превосходящей армии грузинского вторжения. При этом Н. Натадзе позволил недостойный кавказца выпад против абхазских представителей и покинул встречу»[5].

Таким образом, сотрудничества национальных движений кавказских народов с одной стороны, и Грузии – с другой, не получилось. Главной причиной этого являлись различные цели, преследовавшиеся сторонами. А в обращении 3-й сессии АГНК заявлялось: «Если углубляющийся процесс лишения абхазов гарантированных законом прав не будет остановлен, то это может привести к новой волне кровопролития. Народы Кавказа не могут быть безразличными к судьбе абхазского народа»[6]. Грузинский историк З. Папаскири ошибочно говорит о том, что на этой сессии была образована Конфедерация горских народов Кавказа[7]. КГНК была создана спустя два года – 3 ноября 1991 г. на третьем съезде горских народов Кавказа в Сухуме.

В конце ноября в Черкесске состоялся первый съезд народа абаза, на котором была создана общественная организация «Аидгылара». На

[1] Кварчия В. Е. Из истории…. С. 229-229.
[2] Газ. «Аидгылара», № 2, 26 ноября 1989 г.
[3] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%204.htm.
[4] Чирикба В. Советская Абхазия в 1921 – начале 1991 г. // Абхазы. М., 2007. С. 98.
[5] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 24.
[6] Кварчия В. Е. Из истории… С. 229-229.
[7] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 345.

съезде были обсуждены следующие вопросы: создание двух абазинских национальных районов в Карачаево-Черкессии, трудности развития абазинского языка, социально-экономическая ситуация в абазинских селах, воспитание национальных кадров, сохранение обычаев и традиций абазинского народа. Были обсуждены также политическая ситуация в Абхазии и проблемы абхазо-абазинских взаимоотношений[1].

Тем временем, еще 13 октября 1989 г. в автокатастрофе погибли лидеры национального движения Грузии З. Чавчавадзе и М. Костава. К тому времени за Гамсахурдиа и Костава закрепился имидж двух патриотов грузинского диссидентства. Небезынтересно заметить, что М. Костава и З. Гамсахурдиа шли к этому разными путями: З. Гамсахурдиа после ареста 1977 г. покаялся в своей диссидентской деятельности. В качестве свидетельства, как он это делал, приведу выдержку из выступления З. Гамсахурдиа на суде по поводу его антисоветской деятельности: «Моя деятельность по распространению антисоветской литературы принесла большой вред нашей стране. Теперь это я хорошо вижу. Авторы сочинений, которые я усердно распространял, люди, негативно, даже экстремистски относящиеся к советскому государственному и общественному строю. К тому же большая часть из них живет за границей, оторвана от нашей действительности и, естественно, не в курсе происходящих здесь событий. Их вовсе не интересует объективная оценка явлений нашей жизни. Все, что они говорят и пишут, продиктовано их ненавистью к СССР. К сожалению, я понял это слишком поздно. Вообще я никогда не был поклонником западного образа жизни. Разве не о деградации капиталистической системы говорит хотя бы такой факт, как похищение и убийство Моро[2]? Это результат анархии, к которой неудержимо движется буржуазное общество. Вы можете удивиться метаморфозе, происходящей со мной. Я обязан ее объяснить. Должен

[1] Агаз. «Аидгылара», №3, декабр 1989 ш.

[2] Альдо Моро (23 сентября 1916 г., Малье, – 9 мая 1978 г., Рим) – председатель Совета Министров Италии в 1963 - 1968 и 1974 - 1976 гг. Утром 16 марта 1978 г. Моро был похищен группировкой «Красные бригады». Его автомобиль был прижат к обочине на виа Фани, а сам он увезён в неизвестном направлении. Организация выдвигала политические требования, при выполнении которых соглашалась его освободить. Папа Павел VI предлагал себя в заложники вместо него. 9 мая в Риме в багажнике красного «Рено», припаркованного на улице Каитани был обнаружен труп Альдо Моро.

сказать, что мои неблаговидные действия были вызваны тем, что я, по сути дела, не знал жизни. В ходе предварительного следствия, во время которого, я хочу это особенно подчеркнуть, к нам был проявлен максимум терпения и объективности, у меня раскрылись глаза на многое. Меня, в частности, ознакомили с материалами относительно лиц, которых я искренне считал «борцами» за справедливость и которые на поверку оказались клеветниками и злопыхателями. За истекший год произошло много разных событий, заставивших меня по-иному взглянуть на некоторые вещи, пересмотреть мои прежние взгляды. Так, я с радостью констатировал, что в новой Конституции республики законодательно закреплены положения, свидетельствующие о дальнейшем развитии принципов демократии, заботы о национальной культуре. Проанализировав все эти факты, я пришел к убеждению, что мне следует пересмотреть свою позицию. Этого требует мой гражданский долг. Советская власть предоставляет наилучшие возможности для патриотической деятельности. Это особенно хорошо следует усвоить молодежи. Хочу заверить вас, что всей моей последующей жизнью, трудом я постараюсь искупить перед Родиной свою тяжелую вину»[1]. Многие наблюдатели полагали и полагают, что З. Гамсахурдиа сделал это заявление под воздействием психотропных веществ, которыми его пичкали в тюрьме. Однако позже он сам оправдывал свое «раскаяние» нежеланием «оставлять грузинское диссидентское движение сиротой»[2]. В. Чертинов, почему-то присвоив себе функции адвоката З. Гамсахурдиа, призывает: «Давайте и мы поставим во главу угла логику событий и постараемся забыть о покаянном телевыступлении диссидента Гамсахурдиа в 1978г. (с кем не бывает? Б. Н. Ельцин тоже в свое время публично каялся, и ничего)»[3].

Первый заместитель КГБ СССР Ф. Бобков пишет по этому поводу следующее: «Звиад приобрел ореол мученика правозащитного движения. Он более других стремился к власти и даже пытался одержать победу на выборах патриарха Грузинской православной церкви. Безмерное тщеславие обуревало этого человека всю жизнь. Говорят, он

[1] Газ. «Единение», №4, апрель 1991 г.

[2] Г. Нодия. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 84.

[3] Чертинов В. Наказанная Грузия // http://abkhazeti.info/war/ 20060126444-6893119902.php

привлекался к судебной ответственности за инакомыслие. Ничего подобного! Он был арестован и предстал перед судом в 1979 году, после того как его задержали в Москве в момент передачи материалов резиденту американской разведки. Тогда на суде он полностью признал себя виновным и даже сделал по этому поводу специальное заявление, которое передали по центральному телевидению. Звиада Гамсахурдиа приговорили к трем годам ссылки, которые он отбывал по ходатайству руководства республики на альпийских пастбищах горного Кавказа под патронажем КГБ Грузии. Возвратившись, Звиад практически отошел от активной политической жизни и вновь появился на сцене лишь в конце 80-х годов в качестве одного из основателей общества Ильи Чавчавадзе[1]. А в это время его «старый товарищ» М. Костава отбыл полный срок заключения и был освобожден лишь горбачевской перестройкой. Но именно по настоянию М. Костава Гамсахурдиа простили его прошлое колебание и признали одним из лидеров национального движения в Грузии[2]. 23 октября 1991 г. мать М. Костава Ольга Демуриа-Костава в письме к редактору «Литературной газеты» писала: «Восхвалять Мераба Костава с тем, чтобы на фоне праведника-мученика унизить, опутать начисто отметаемой грузинским народом сетью лжи его собрата, друга и единомышленника Звиада Гамсахурдиа, того, кого мой Мераб, я утверждаю, называл и считал «братом христоподобным», – безнравственно!»[3].

Бывший министр обороны Грузии Т. Китовани считает, что М. Костава убили, «чтобы дать Гамсахурдиа стать лидером Грузии, а потом свергнуть его, что было бы невозможно сделать, если бы Костава и Чавчавадзе были бы живы»[4]. Однако он никак не комментирует тот факт, что был одним из главных действующих лиц, задействованных в свержении Гамсахурдиа. Если он был заодно с теми, кто убил Костава, зная об этом, то его заявление является признанием в совершении преступления, а если он это не знал – то был слепым орудием в руках авторов этой хитроумной и многоходовой комбинации по приходу к власти в Грузии Э. Шеварднадзе, на которого он намекает.

[1] Бобков Ф. «КГБ и Власть» // http://www.abkhaziya.org/books/kgb_vlast.html).

[2] Г. Нодия. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 84.

[3] Газ. «Свободная Грузия». № 201, 24 октября 1991 г.

[4] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

В другом интервью Т. Китовани отчасти отвечает на возникшие у нас вопросы. Он сообщает: «Это было чистой воды убийство! Когда мы пришли к власти в 1990 году, я ознакомился с делом об этой аварии, и для меня многое прояснилось... Т. Чхиедзе, З. Чавчавадзе и М. Костава ехали из Тбилиси на запад на автомобиле «Нива», который принадлежал Тамаре Чхеидзе. Над машиной «поработали» еще в Тбилиси… Тормозной шланг был перерезан. Все было устроено таким образом, чтобы водитель ничего не заметил. В быстро идущей машине, когда необходимо резкое торможение, шланг не выдерживает, и происходит авария… У того поворота была засада и на дорогу выкатили покрышку. Тамрико резко затормозила, тормозная система не сработала, и машина перевернулась... После того, как машина перевернулась, все трое были живы!.. Внезапно появилась карета «скорой помощи»... Оттуда вышли врачи в белых халатах, и М. Костава сделали укол… М. Костава убили для того, чтобы оставить в одиночестве З. Гамсахурдиа. Если бы Мераб был жив, то в Грузии, возможно, не случилась бы та трагедия, которая, к сожалению, случилась и участником которой стал я сам... Смерть Мераба была выгодна Шеварднадзе! Это помогло ему осуществить свои планы. Звиада, оставшегося без Мераба, Шеварднадзе и М. Арчвадзе победили с легкостью... Если бы М. Костава был жив, то к Звиаду не смогли бы заслать стольких подонков, и мы предотвратили бы кровопролитие. Примирение между нами наверняка состоялось бы»[1].

Здесь, как видно, Китовани акцентированно обвиняет Шеварднадзе в интригах внутри и вокруг грузинской властной оппозиции. Но как быть с тем обстоятельством, что во время описываемых событий Э. Шеварднадзе был еще министром иностранных дел СССР, а само государство еще было довольно жизнеспособным, чтобы он начал задумываться о своем возвращении в Грузию и продолжении карьеры на родине. Хотя, возможно, а судя по многим обстоятельствам, вполне вероятно, что сам Шеварднадзе и его влиятельные друзья на Западе, дружбу которых он заработал щедрой распродажей национальных интересов Советского государства, могли знать о будущей судьбе СССР. Исходя из этого, нельзя исключать того, что уже на том этапе на Западе раскладывали политический пасьянс на карте пост-

[1] Откровения Китовани: Шеварднадзе «заказал» Костава и Гамсахурдиа //http://apsny.ge/analytics/11484886863.php.

советского пространства, где им нужны были известные, лояльные, к тому же испытанные и связанные дружбой со многими действовавшими политиками мира, деятели, к числу которых, безусловно, они относили Э. Шеварднадзе. В пользу справедливости такой постановки вопроса может служить тот факт, что Запад так и не подружился с З. Гамсахурдиа, признание Грузии при президентстве которого блокировал Шеварднадзе. Запад признавал все более или менее значимые антисоветские движения советских республик, а вот «труды» Грузии в этом направлении при З. Гамсахурдиа так и не оценил, что, по всей видимости, было вызвано тем, что руководители западных государств поддерживали Э. Шеварднадзе, отношения с которым З. Гамсахурдиа так и не удалось наладить.

Как бы там ни было, после «подозрительной» гибели М. Костава З. Гамсахурдиа действительно превратился в единоличного лидера грузинских радикалов, что, однако, не означало консолидации национального движения в Грузии. Несмотря на внутригрузинское противостояние в вопросах по отношению к Советскому Союзу и судьбе автономий, грузинские радикалы выступали единым фронтом. В октябре-ноябре в Тбилиси, как уже говорилось, проходили митинги, забастовки, акции с требованиями создания единой, неделимой Грузии, ликвидации автономий и выхода Грузии из состава Советского Союза. При этом эти требования не оставались митинговыми, поскольку получали законодательное оформление со стороны официальных властей. 17-18 ноября 1989 г. сессия Верховного Совета Грузии осудила нарушение Советской Россией российско-грузинского договора от 7 мая 1920 г.[1], выразившееся, по мнению грузинских депутатов, в аннексии Грузии Советской Россией в феврале 1921 года. Этим решением грузинский парламент вслед за лидерами неформальных объединений официально провозгласил начало пути к независимости Грузии, что, по мнению авторов «Системной истории международных отношений», «вызвало подозрения абхазов по поводу того, что грузинские лидеры ведут дело к выходу Грузии из СССР»[2]. Однако в Абхазии об этом знали задолго до принятия

[1] Этот договор в части, касающейся территории Абхазии, Верховным Советом Абхазии 25 августа 1990 г. был признан «противоправным и недействительным».

[2] Системная история международных отношений 1918-2003// http://www.abkhaziya.org/books/system_history.html

этого решения грузинским парламентом и давно чувствовали угрозу, порождавшуюся данным процессом: чем больше в грузинской общественности укоренялась уверенность в необходимости отделения своей страны от СССР, тем отчетливее становилась ее убежденность в том, что именно абхазская государственность, без которой не было возможности сохранить самих абхазов, становится преградой к достижению грузинской независимости.

И как следствие этого, ужесточались нападки на абхазов, которые, в свою очередь, вынуждены были защищаться. 26 ноября в клубе села Бзыпта началась акция протеста против произвола грузинских властей[1]. Ситуация продолжала усугубляться в связи с тем, что официальное руководство Абхазии не вмешивалось и, судя по всему, не могло вмешаться в означенный процесс и, как следствие, вело себя так, будто происходящее его никак не касается. Это обстоятельство не могло, в свою очередь, не вызвать возмущения со стороны общественности Абхазии. 4 декабря в фойе здания Совета Министров началась голодовка, участники которой потребовали отставки руководства Абхазии. Другими требованиями начавшейся акции были: дать политическую оценку событиям в Абхазии; решить вопрос о назначении министра ВД Абхазии на уровне МВД СССР; прекратить репрессии против абхазского народа; прекратить насилие со стороны Грузии к осетинскому народу; считать недействительными законы и постановления, принятые последней сессией ВС Грузии[2]. 5 декабря в Абхазском обкоме состоялась встреча с представителями НФА и забастовочного комитета Абхазии. Встречу открыл и вел В. Хишба. На собрании Н. Чанба сделал заявление о том, что в помещении Союза писателей Абхазии находится группа абхазской молодежи, проводящая политическую забастовку. На предложение руководителей НФА временно прекратить акцию, чтобы дать руководству республики решить поставленные вопросы, голодающие ответили отказом, поскольку считают, что поднятые ими проблемы известны руководству, и нет смысла прекращать голодовку. В этой связи представители НФА договорились с голодающими о том, что они перейдут в другое место, и поэтому просят разрешения продолжить эту акцию в помещении Абгосфилармонии…. В случае отказа, предупредил

[1] Газ. «Аидгылара», №1, январь 1990 г.
[2] Там же.

Н. Чанба, голодовка будет перенесена к памятнику Ленину. В ответ на это В. Хишба заявил о неправомерности такой постановки вопроса и предложил рассмотреть его в более узком кругу по окончании встречи[1]. Однако 5 декабря группа, объявившая голодовку, была вытеснена солдатами из здания Совмина[2].

На названной встрече в обкоме председатель стачкома Абхазии А. Конджария напомнил о том, что 15-16 августа прошла предупредительная забастовка, после чего стачком принял все меры для укрепления доверия между правительством и народом. Руководством республики все требования трудящихся были признаны справедливыми, но ни одно из них не выполнено. Он обвинил правительство в том, что оно занимает выжидательную позицию, стараясь создать видимость стабилизации в республике. А. Конджария сказал, что филиал ТГУ был создан с помощью руководства Абхазии и АГУ[3]. На встрече С. Шамба сказал: «Всем нам известны силы, которые хотят выдворить абхазов в Гудаутский район… Сегодня положение гораздо хуже, чем было в июле, и я не вижу в вашем бюро той силы, которая может предотвратить эти события… У вас позиция бездействия»[4]. Ю. Аргун отметил: «Речь идет о том, что еще при меньшевиках разработана программа, которая ставит задачу, что в единой Грузии должны жить только грузины, а все остальные должны быть уничтожены. Ныне эта программа подхвачена «неформалами»… Руководство в большей части оказывается пособником той программы, что проявляется в кадровой работе, идущей по сценарию из Тбилиси»[5]. М. Эшба задавала вопросы: «Почему никто из членов бюро, правительства не высказывается в газетах по поводу разгула национализма и шовинизма? Почему вы не оправдываете абхазцев, на которых лгут в Москве, представляя их варварами?»[6]. В. Хишба ответил на все сказанное следующим образом: «Все поставленные сегодня вопросы будут доведены до сведения

[1] Протокольная запись встречи в Абхазском обкоме партии от 5 декабря 1989 г. (Подготовил Гегелашвили В. В.). лл. 1-2.

[2] Газ. «Аидгылара», №1, январь 1990 г.

[3] Протокольная запись встречи в Абхазском обкоме партии от 5 декабря 1989 г. л. 4.

[4] Там же. лл. 5-6.

[5] Там же. лл. 6-7.

[6] Там же. л. 9.

секретаря ЦК КПСС тов. Гиренко и недавно созданного Отдела межнациональных отношений ЦК КПСС»[1].

Тогда же, 5 декабря, в Пицунде началась сидячая забастовка, участники которой требовали создания комиссии по расследованию событий в Абхазии; передачи расследования дел Прокуратуре и МВД СССР; прекращения освобождения с занимаемых должностей партийных и советских руководителей Абхазии; прекращение недопущения лиц абхазской национальности на рабочие места; прекращение использования грузинских СМИ для осложнения положения в Абхазии[2]. 15 декабря Гудаута присоединилась к пицундской акции, объявив также о начале сидячей забастовки[3].

В таком противостоянии прошел 1989 год – первый год практической деятельности Народного форума Абхазии. Этот год поставил перед организацией и всем абхазским народом новые задачи, решение которых требовало новых подходов. Они были отражены в поправках к Уставу, в резолюции и Декларации второго внеочередного съезда НФА. Он состоялся в Сухуме 3 февраля 1990 г., на котором с отчетным докладом выступил председатель НФА А. Гогуа. В обсуждении его доклада приняли участие председатель Сухумского комитета НФА В. Кварчия, сопредседатель Общества интернационалистов Ю. Чкадуа, известный деятель национально-освободительного движения абхазского народа Т. Шакрыл, члены Президиума НФА Н. Чанба и З. Ачба, житель с. Абгархук С. Цушба и другие. По просьбе А. Гогуа он был освобожден от должности председателя НФА. Новым председателем Народного форума Абхазии был избран С. Шамба. Съезд также избрал новый состав правления НФА из 51 члена, 29 из которых были избраны тайным голосованием. Съезд утвердил главными редакторами газет НФА Г. Аламиа и Н. Джонуа[4].

В резолюции второго съезда НФА говорилось: «Официально признать геноцид и осудить все факты насильственного переселения народов в Абхазию и из Абхазии, закрытие национальных школ, физическое истребление кадров, переименование топонимических названий, направленных на ассимиляцию абхазского народа; считать Акт преобра-

[1] Протокольная запись встречи в Абхазском обкоме партии от 5 декабря 1989 г. л. 11.

[2] Газ. «Аидгылара», №1, январь 1990 г.

[3] Там же.

[4] Кварчия В. Е. Из истории… С. 230.

зования ССР Абхазии в автономную республику в 1931 г. политической агрессией». Резолюция также провозглашала необходимым: содействие восстановлению этнической целостности абхазов и абазин; добиваться репатриации абхазов, насильственно изгнанных из пределов Абхазии царским самодержавием; добиваться открытия радиовещания на абхазском языке для соотечественников, проживающих за рубежом, а также перехода абхазского телевидения к передачам по отдельному каналу; активизировать работу по принятию новой Конституции Абхазии, по включению в нее норм, реально гарантирующих государственный и национальный суверенитет Абхазии. В документе также было заявлено о поддержке требований ногайского и ингушского народов о создании национальной государственности[1].

А в Декларации НФА было сказано, что «не существует нравственных, политических или исторических оснований, препятствующих признанию за абхазским или осетинским народами права на национальное самоопределение»[2]. При этом деятельность НФА не ограничивалась противостоянием с Грузией, она принимала полнокровное участие в работе АГНК по решению общекавказских проблем. Одной из таковых проблем тогда на Северном Кавказе являлись ингушо-осетинские взаимоотношения. 11 марта в Грозном состоялась встреча представителей НФА и ряда общественно-политических организаций Чечено-Ингушетии, на которой были обсуждены проблемы ингушо-осетинских взаимоотношений и требование ингушского народа о восстановлении Ингушской АССР, выдвинутое на продолжавшемся многодневном митинге в Назрани.

11-12 марта в Нальчике состоялись консультативные встречи руководителей АГНК, «Адыгэ Хасэ» и НФА. Были намечены меры, направленные на стабилизацию обстановки в районе проживания ингушского народа, снятие напряженности между двумя народами. Участники встреч выразили полную солидарность с требованием ингушского народа о восстановлении утерянной государственности. 12 марта на встрече в Орджоникидзе[3] представителей творческих союзов и организаций, общественных движений Северной Осетии с членами Координацион-

[1] Газ. «Аидгылара», № 2, апрель 1990 г.
[2] Там же
[3] Г. Орджоникидзе – сейчас: г. Владикавказ.

ного Совета АГНК, «Адыгэ Хасэ» и НФА была обсуждена ситуация, сложившаяся в Чечено-Ингушетии. На ней осетинская сторона выразила готовность сесть за стол переговоров для конструктивного диалога с ингушской стороной. 12-13 марта в Назрани, где продолжался митинг с требованием восстановления ингушской государственности, проходили встречи членов Координационного комитета митинга, Совета старейшин, представителей АГНК, «Адыгэ Хасэ» и НФА. В ходе встреч были обсуждены предложения как со стороны АГНК, так и со стороны участников митинга.

14 марта в Нальчике состоялась 4-я сессия АГНК, рассмотревшая ситуацию в Чечено-Ингушетии. На ней было подчеркнуто, что все члены Ассамблеи обязаны сделать все от них зависящее для сохранения и упрочения исторически сложившихся братских отношений между двумя народами; любые разногласия должны решаться исходя из вековых традиций народной дипломатии с учетом общих интересов всех кавказских народов, интересов и целей АГНК. Сессия обсудила предложения, направленные на стабилизацию обстановки, на исправление социальной и политической несправедливости, допущенных в отношении ингушского народа. Были определены сроки и место встречи представителей ингушского и осетинского народов. Сессия также рассмотрела заявление представителей Северной и Южной Осетии о принятии их в члены АГНК, в результате чего просьбы были удовлетворены. Была рассмотрена идея создания Организации Кавказского Единства. 20 марта в Нальчике состоялась встреча представителей ингушского и осетинского народов, в которой приняли участие руководители Координационного Совета АГНК. Было принято решение о создании двусторонней ингушско-осетинской комиссии по выработке взаимоприемлемых путей решения вопросов, скорейшего примирения двух народов[1].

Тем временем в самой Абхазии грузинской общественностью при всесторонней поддержке собратьев из Тбилиси в конце марта были предприняты шаги для объединения грузинских организаций, функционировавших в Абхазии, в единый «Национальный Комитет Цхум-Абхазети» (НКЦА). В него вошли: Общество Ильи Чавчавадзе, Национально-демократическая партия, Общество Шоты Руставели, Христианско-демократический союз, организация «Леми», Ассоциация врачей,

[1] Газ. «Аидгылара», №2, апрель 1990 г.

Хельсинкский союз, Общество Мераба Костава, монархистско-консервативная партия и др. Во вновь созданный Комитет отказалась вступить Абхазская региональная организация Народного фронта Грузии[1]. При этом следует сказать о том, что НКЦА был создан в Абхазии после завершения работы объединительной конференции представителей грузинских движений в Тбилиси. Эта конференция призвала к бойкоту выборов в ВС Грузии, которые должны были состояться 25 марта[2]. Причем нужно отметить, что еще в январе Президиум Верховного Совета Абхазии обсудил задачи по организованному проведению выборов в ВС Грузии[3]. Однако ко времени проведения выборов в Верховный Совет Грузии (после неоднократных переносов даты) многое изменилось, и Абхазия не принимала участия в них.

Однако еще до этого, 9 марта, пока действовавший Верховный Совет Грузии принял Постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии», которое объявило о начале выхода Грузии из состава СССР. В нем говорилось: «ВС Грузинской ССР, подтверждая заключение комиссии ВС Грузинской ССР по вопросам политической и правовой оценки нарушения договора от 7 мая 1920 г., признает, что ввод войск Советской России в Грузию в феврале 1921 г. и занятие всей ее территории являлись с правовой точки зрения военным вмешательством (интервенцией) и оккупацией с целью свержения существующего политического строя, а с политической точки зрения – фактической аннексией; осуждая оккупацию и фактическую аннексию Грузии Советской Россией как международное преступление, стремится к аннулированию последствий нарушения договора от 7 мая 1920 г. для Грузии и к восстановлению прав Грузии, признанных Советской Россией этим договором. ВС Грузии объявляет незаконными и недействительными союзный рабоче-крестьянский договор между ГССР и РСФСР от 21 мая 1921 г. и союзный договор об образовании федеративного СССР Закавказья от 12 марта 1922 г. Начать переговоры о восстановлении независимого грузинского государства, так как договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. является в отношении Грузии незаконным»[4]. По

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 352-353.
[2] Там же.
[3] Газ. «Советская Абхазия», №16, 30 января 1990 г.
[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 25-26.

мнению некоторых наблюдателей, принятие этого документа являлось попыткой нового руководства ЦК КП Грузии «идти в ногу с общественно-политическими процессами и как-то сбалансировать радикализм национального движения»[1].

На той же сессии 9 марта ВС Грузии, рассмотрев проект Закона СССР об учреждении поста Президента СССР и внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию СССР, пришел к следующему выводу: «Считать представленный законопроект об учреждении поста Президента СССР неприемлемым, а участие депутатов от Грузии в его принятии – недопустимым; в условиях президентского правления Грузия как суверенное государство должна иметь своего президента. Наличие поста Президента СССР при отсутствии поста Президента Грузии является отрицанием существования Грузии как суверенного государства»[2]. Следует отметить, что такая позиция ВС Грузии не могла повлиять на решение внеочередного III Съезда народных депутатов СССР, который 14 марта принял Закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР». В политической сфере основные положения Закона сводились к следующему: учреждался институт сильного президентства; устранялась норма статьи 6 Конституции о руководящей роли КПСС как ядра политической системы; вводилось положение о многопартийности[3]. 15 марта съездом же М. Горбачев был избран первым президентом СССР.

Справедливости ради отметим, что Грузия не была законодательницей мод в процессе противостояния с Советским государством. Примером для нее и ей подобных была Литва, Верховный Совет которой еще 7 февраля 1990 г. принял постановление «О советско-германских договорах от 1939 года и ликвидации их последствий для Литвы». В документе включение Литвы в состав СССР было названо «агрессией», «оккупацией и аннексией», «совершенными в 1940 году сталинистским СССР при реализации своих секретных договоренностей с гитлеровской Германией от 1939 года». В связи с этим Верховный Совет Литвы

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 349.

[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос. (Сост. Лежава Г. П.) М., 1998. С. 173-174.

[3] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html

постановил: «1. Объявить, что Декларация Народного сейма Литвы от 21 июля 1940 года о вхождении Литвы в СССР, как не выражавшая волю литовского народа, является незаконной и недействительной. 2. Заявить, что Закон СССР "О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик" от 3 августа 1940 года, основанный на Декларации Народного сейма Литвы от 21 июля 1940 года, является незаконным и юридически Литву не связывающим. 3. Предложить Союзу Советских Социалистических Республик приступить к двусторонним переговорам о восстановлении независимости Литовского государства»[1]. А 11 марта, через два дня после принятия названного постановления грузинского парламента, Верховный Совет Литвы принял акт о выходе республики из состава СССР[2]. На второй день, 12 марта, на президентских выборах в Литве победу одержал В. Ландсбергис[3]. Ситуация стала окончательно выходить из-под контроля Москвы, и 23 марта в Вильнюс были направлены советские войска[4]. Тем не менее, это не испугало ни саму Литву, ни ее соседей, и уже 30 марта Верховный Совет Эстонской ССР принял постановление «О государственном статусе Эстонии», признававшее незаконной государственную власть Союза ССР в Эстонии[5].

Происходившие в Советском Союзе события заставили союзные власти предпринять усилия, призванные, с одной стороны, упорядочить разрешение возникающих проблем с республиками, а с другой – максимально осложнить отделение строптивых республик от Советского государства. 3 апреля Верховный Совет СССР принял закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». 3. Папаскири называет этот закон «первым ответом на дерзкие действия Верховного Совета Грузии». Однако, как известно, Грузия в своем стремлении выйти из состава СССР была не одинока, и названный закон не мог быть ответом только на ее действия, так как до нее о своем выходе из СССР уже успели заявить все три прибалтий-

[1] Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики. 1990. № 8. Ст. 182 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] Симонян Р. Х. Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Журн. «Вопросы истории». М., 2002. № 12. С. 36.

[3] http://www.hrono.ru/map.php.

[4] Жукова Л. В., Кацва Л. А. История России в датах. Справочник. М., 2012. С. 250.

[5] http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

ские республики. В самом законе говорилось, что решение о выходе союзной республики из СССР принимается референдумом граждан союзной республики, но при этом были предусмотрены и права автономных образований, входивших в состав этих союзных республик. В статье 3 говорилось**: «**В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопросов о пребывании в Союзе ССР или в выходящей республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». «Эта главная мысль принадлежит именно Владиславу Григорьевичу (Ардзинба. – **А. А**.), которого с полным основанием следует назвать одним из основных авторов этого жизненно важного для защиты прав малых народов закона», вспоминает депутат ВС СССР (1989-1991 гг.) Р. Аршба[1].

В статье 6 рассматриваемого Закона было сказано**: «**В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области, автономные округа или места компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, итоги референдума рассматриваются Верховным Советом союзной республики совместно с Верховным Советом автономной республики и соответствующими Советами народных депутатов». Статья 7 предусматривала, что «Верховный Совет союзной республики, имеющей в своем составе автономные республики, автономные образования или места компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, представляет в Верховный Совет СССР итоги референдума по каждой автономной республике, по каждому автономному образованию или месту компактного проживания национальных групп с выводами и предложениями соответствующих органов государственной власти». Там же было предусмотрено, что «в случае нарушения закона при проведении референдума Верховный Совет СССР назначает в трехмесячный срок повторный референдум по республике, либо по автономному образованию, либо по месту компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй

[1] Газ. «Новый день», № 42, 27 ноября 2012 г.

статьи 3 настоящего Закона». В случае же утвердительного решения референдума о выходе союзной республики и согласия с этим Съезда народных депутатов СССР, Закон предусматривал начало переходного периода сроком на пять лет, в течение которого «на территории выходящей республики сохраняют свое действие Конституция СССР и законы СССР»[1].

Таким образом, выход союзной республики из состава СССР, согласно этому закону, был максимально затруднен. А автономным республикам предоставлялось право выхода из союзной республики, если та пожелала бы выйти из состава СССР. Естественно, данное решение шло вразрез с интересами Тбилиси, и, как следствие этого, чуть позже, 20 июня 1990 г., Верховный Совет Грузии, наряду с некоторыми другими общесоюзными документами, приостановил действие этого закона[2]. Но при этом Грузия вскоре объявила о начале переходного периода по выходу из состава СССР, что было предусмотрено вышеозначенным законом. Т. е. это означало, с одной стороны, объявление Грузии независимой от СССР, а с другой стороны – начало выхода из состава СССР в соответствии с советским Законом о выходе республик из СССР, по которому это сделать, в особенности в случае с Грузией, было практически нереально.

26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял еще один закон, призванный законодательно закрепить права «автономных» республик: «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». В документе было сказано: «Автономные республики – советские социалистические государства, которые являются субъектами федерации, входят в союзные республики на основе свободного самоопределения народов, обладают всей государственной властью на их территориях кроме тех полномочий, которые они делегируют Союзу ССР и союзным республикам»[3]. Таким образом, было очевидно, что советский Центр стремился привлечь на свою сторону автономии, чтобы опереться на них в противостоянии с союзными республиками. С другой стороны, в разработке и принятии названных документов ак-

[1] Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993) // http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Lukyanova_gos.htm.

[2] Газ. «Аидгылара», № 4, июль 1990 г.

[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 234.

тивную роль играли именно депутаты Верховного Совета СССР от автономий. Повышение статуса своих республик в едином государстве они рассматривали как оптимальный путь развития своих народов. В частности, В. Ардзинба еще 2 июня 1989 г., во время выступления на Первом съезде народных депутатов СССР, отмечал: «Абхазский народ считает нахождение в СССР единственно возможным способом сохранения своей национальной самобытности»[1]. В то же время депутаты от «строптивых» союзных республик считали свои функции в советском парламенте чисто представительскими и временными.

Вследствие этого процесс размежевания советских территорий продолжался. 4 мая 1990 г. Латвия приняла Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики», в которой была объявлена не имеющей законной силы декларация Сейма Латвии от 21 июля 1940 года о вступлении Латвии в состав СССР[2]. 8 мая Эстония объявила о выходе из Союза СССР и создании независимого государства. И хотя 14 мая 1990 г. своими указами Президент СССР М. Горбачев объявил названные постановления парламентов Эстонии и Латвии «не имеющими юридической силы с момента их принятия»[3], но это не могло повлиять на общую тенденцию, поскольку у советского руководства уже не было рычагов влияния на решения, принимаемые республиками.

При этом нужно иметь в виду, что названные процессы в каждой советской республике отличались своей специфичностью. Прибалтийские страны и Грузия, самые бескомпромиссные в деле стремления к независимости, были расположены на западной и южной окраинах Союза и оставались, в конце концов, маленькими республиками. То же самое относится и к Молдавии, где события развивались под влиянием изменений в соседней Румынии: в 1990 г. молдавский сепаратизм проявлялся в требовании не только выхода из Союза, но и вхождении в состав соседнего румынского государства, с которым существовала общность языка и исторических традиций. Безусловно, и на остальной территории Союза развивались центробежные силы и тенденции. Но в других республиках они носили более умеренный характер и под-

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=85.

[2] Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Правители России. М., 2011. С. 274.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 21 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

держивались меньшинством населения. На практике эти республики, требуя для себя большей автономии и суверенитета, были отнюдь не уверены, надо ли настраиваться на отделение. Было две группы таких республик. Первая – славянские республики. Если в Белоруссии сепаратизм совсем или почти не проявлялся, то на Украине он, наоборот, получил широкое распространение. Однако наиболее радикальные националистические настроения ограничивались западными областями и несколькими политическими группами в Киеве. Сепаратистские тенденции практически никак не проявляли себя во второй группе республик – центральноазиатских – Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении. Эту особенность, по мнению Дж. Боффа, следует отметить специально, так как «во всех ранее проведенных аналитических исследованиях и прогнозах, особенно зарубежных, относительно возможного кризиса Союза народы этих республик назывались вероятными инициаторами развала СССР, особенно с учетом их религии и мусульманской культуры, а также значительного прироста населения», в то время как «ничего подобного в начале 90-х годов не происходило»[1]. Все это позволило Дж. Боффе сделать вывод о периферийном характере движений, наиболее бескомпромиссно требовавших выхода из СССР[2].

Так было до того момента, пока не встала на путь соперничества и конфронтации с Советским государством самая крупная республика в его составе – Россия. Серьезный удар по Союзу был нанесен именно Россией, обусловленный ее стремлением занять место Союза в мире. Многие республики, особенно прибалтийские и Грузия, заявляли о своем выходе из СССР, но вопрос о возможном распаде СССР в полный рост встал и превратился в совершеннейшую реальность 12 июня 1990 г. – в день принятия Декларации о суверенитете России. Именно с этого дня начался лихорадочный поиск М. Горбачевым и его единомышленниками путей сохранения Советского Союза, ибо окончательно стало ясно, что в прежнем виде его уже сохранить не удастся.

Между тем, в Грузии, словно воодушевившись происходившими вокруг процессами, начиная с весны 1990 г. стали все настойчивее тре-

[1] Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. М., 1996. С. 222 //http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

[2] Там же. С. 221.

бования, в том числе депутатов грузинского Парламента, о формировании национальной армии. Тогда там проходили митинги с призывом бойкотировать службу в рядах Советской армии, и был создан прообраз национальной армии – Шевардени («Легион грузинских соколов»)[1]. Размах площадно-митинговой демократии в Грузии привел к тому, что к весне 1990 г. здесь насчитывалось более ста партий и общественно-политических организаций, сектор идеологий которых был обширен: от социал-демократов до монархистов. Все они выступали за государственную независимость[2], но расходились в путях и формах достижения этой цели. Постепенно расхождения во взглядах привели к расколу национального движения в Грузии. К примеру, уже в марте 1990 г. Комитет национального освобождения распался, из него вышел З. Гамсахурдиа со своими сторонниками; тогда же от «Мхедриони» откололось общество «Белый Георгий», взявшее на себя функции защиты и охраны З. Гамсахурдиа. И уже 24 апреля между этими вооруженными формированиями произошла перестрелка на проспекте Руставели[3]. Позже Т. Китовани, комментируя данное происшествие, отмечал: «Я был там, никакого кровопролития не было. «Мхедриони» пришел… Джаба хотел вставить палку в колеса национально-освободительного движения. И тогда я и З. Гамсахурдиа отдельно встали и покинули это. Просто они пришли, постреляли. Это было запрограммировано в Москве»[4]. Понять из этой речи бывшего грузинского министра, что там происходило на самом деле, достаточно сложно. Но, кажется, ясно одно: он считает, что существенного противостояния не было.

Тем не менее, раскол продолжал усугубляться. 7 мая политические партии, покинувшие Национальный форум: Хельсинкский союз Грузии, Монархическая партия, «Общество святого Ильи Праведного», «Общество Мераба Костава» объявили о создании новой силы – «Круглого стола»[5]. Соответственно, абхазские региональные организации этих партий также вышли из НКЦА и учредили Абхазскую организацию «Круглого стола». В ответ на это НКЦА призвал к единению сил. Он заявил:

[1] Шутова Т. В шесть часов вечера… С. 17.

[2] Даже КП Грузии на 28 съезде 19 мая провозгласила своею целью – борьбу за восстановление независимости Грузии. (Папаскири З. Абхазия. История… С. 353).

[3] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 77.

[4] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 357.

«Грузинские национально-политические организации, тем более в Абхазии, должны стать выше всяких групповых интересов и конституции «упрямства» некоторых… Калькирование структур оппозиционных политических партий в Абхазском регионе по подражанию Тбилиси недопустимо»[1]. З. Папаскири, спустя много времени, негодует по поводу того, что «амбициозными действиями некоторых политических организаций было нарушено достигнутое ранее единство грузинских национально-патриотических сил в Абхазии»[2]. Однако, несмотря на отсутствие единства, грузинская общественность Абхазии во всем подражала тбилисским неформалам, которые на самом деле намного больше значили в политических событиях, чем официальные власти. И, как следствие, события, начавшиеся в Грузии, находили свое продолжение и в Абхазии. В Сухуме 15 мая грузинами был проведен митинг с призывами бойкотировать службу в Советской армии. Выступавшими подчеркивалось, что «каждый демократически и патриотически мыслящий гражданин оккупированной Грузии обязан бойкотировать службу в Красной армии». Затем участники митинга с транспарантами «Оккупанты – вон из Грузии!» направились к Республиканскому военкомату и потребовали в ультимативной форме передислоцировать его к 26 мая в пределы РСФСР[3]. Такого рода агитация давала свои результаты, и от воинского призыва в Советскую армию молодежь грузинской национальности в основном отказывалась. По словам военного комиссара Сухумского объединенного горвоенкомата С. Дбар, «в 1990 г. часть населения Абхазии открыто бойкотировала призыв в СА СССР». Далее он сказал: в Прокуратуру республики было тогда направлено 148 дел, но ни по одному из них не были предприняты соответствующие меры[4]. Тогда же в Абхазии имела место кризисная ситуация, возникшая из-за сооружения в Сухумском районе памятника погибшим 9 апреля, а также митингов с меньшевистской символикой.

18 мая представители общественности Абхазии потребовали от Верховного Совета «в законодательном порядке» исключить возмож-

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 357.
[2] Там же.
[3] Газ. «Аидгылара», №3, июнь 1990 г.
[4] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 1.

ность празднования 26 мая на территории Абхазии[1]. Однако 26 мая в Сухуме на республиканском стадионе грузинами все же был проведен митинг, в котором участвовало около трех тысяч человек[2]. А в Гагре празднование дня государственности Грузии привело к столкновениям, в результате которых пострадало 14 человек. Столкновения были спровоцированы вторым секретарем горкома Т. Надарейшвили[3], который «пытался надругаться над абхазским флагом и нанес физическое оскорбление одному абхазу». Дальнейшее развитие событий было предотвращено советскими войсками, не допустившими продолжения стычки[4]. Затем грузинская часть митингующих, перебравшись к зданию Гагрского райкома партии, потребовала отставку первого секретаря райкома Б. Пилия[5].

На следующий день после празднования дня государственности Грузии, которое «значительно накалило обстановку»[6], 27 мая, общественность Абхазии потребовала отставку руководства республики, «лишенного политического авторитета в обществе, расколотого по национальному признаку»[7]. При этом было заявлено, что в случае невыполнения данного требования до 4 июня начнутся акции гражданского неповиновения. В это время группа официальных работников Абхазии обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой о создании «специальной комиссии для изучения создавшегося положения и выработки практических мер по оздоровлению общественно-политического климата и решению назревших проблем»[8]. Ситуация накалялась не только по причине противостояния Абхазии с Грузией, но и противостояния абхазского национального движения с официальным руководством Абхазии, которое было не способно противостоять натиску из Грузии. 28 мая председатель «Аидгылара» С. Шамба, подтвердив требование об отставке руководства, предложил грузинским организациям, функци-

---

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 64, 65.

[2] Газ. «Аидгылара», №3, июнь 1990 г.

[3] Позже забастовочный комитет г. Гагры и комитет союза «Абраскил» потребовали отставки Т. Надарейшвили как виновника рассматриваемых событий.

[4] Газ. «Аидгылара», №3, июнь 1990 г.

[5] Позже отставку Б. Пилия потребовали уже и абхазы.

[6] Важная веха в истории Абхазии… С. 68.

[7] Газ. «Аидгылара», №3, июнь 1990 г.

[8] Важная веха в истории Абхазии… С. 69.

онировавшим в Абхазии, поддержать эту инициативу. Организации, входившие в «Круглый стол», отказались от диалога с НФА, а НКЦА, напротив, заявил о своей готовности вести политические консультации[1].

На фоне такого развития событий 31 мая в Сухуме 30-тысячным митингом был отмечен День жертв Кавказской войны (1817-1864). Его участники приняли обращения к Генеральному секретарю ООН П. де Куэлеру, Президенту СССР М. Горбачеву, Президенту Турции Т. Озалу, в которых содержатся следующие требования: «1. Признать день окончания Кавказской войны – 21 мая 1864 г. – Днем памяти жертв Кавказской войны и насильственной депортации. 2. Создать единую международную программу по установлению культурных, научных и иных связей кавказских горцев с соотечественниками за рубежом. 3. Создать благоприятные условия для репатриации горцев Кавказа и воссоединения со своими соотечественниками на исторической родине»[2]. Тогда же в Сухумском парке на берегу Черного моря был заложен камень на месте, где должен был быть сооружен памятник жертвам Кавказской войны[3]. На второй день, 1 июня, в Сухуме состоялась 5-я сессия Координационного Совета АГНК, на котором было подтверждено ранее принятое решение о проведении второго съезда АГНК в Нальчике в сентябре 1990 года. На сессии первым заместителем председателя АГНК был избран Г. Аламиа (Абхазия), заместителями – А. Минзаев (С. Осетия), А. Чочиев (Ю. Осетия), А. Хуштов (от ингушского народа)[4].

Позднее была создана Комиссия по сооружению памятника махаджирам под председательством заместителя Председателя Совета Министров Абхазии З. Лабахуа, который в мае 1990 г. писал: «Он будет сооружен на набережной столицы Абхазии, у устья реки Басла. Проведены уже некоторые организационные мероприятия. Будет объявлен конкурс на лучший проект памятника. Образовывается специальная комиссия и при ней жюри, в которое войдут ученые, представители всех депортированных народов – махаджиров, представители общественности Абхазии. Сейчас вырабатывается положение о конкурсе.

---

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 360.
[2] Газ. «Аидгылара», № 3, июнь 1990 г.
[3] Агаз. «Аидгылара», № 4, ииун 15 1990 ш.
[4] Иара убра.

В основном расходы на него понесет государство… Уже сейчас есть идея, чтобы памятник был сооружен в основном из каменных пород, которыми так богата земля Абхазии (гранит, мрамор) и из каменных вкраплений, привезенных от имени всех народов-горцев Кавказа, подвергшихся махаджирству»[1]. А в 1991 г. Совет Министров Абхазии принял постановление о мероприятиях по сооружению Мемориала-памятника жертвам насильственного переселения. Был объявлен открытый конкурс для увековечения памяти жертв. Сроки конкурса были определены с 1 июля по 30 ноября. В конкурсе могли учавствовать как отдельные граждане, так и творческие коллективы Абхазии, Северного Кавказа и других республик. За лучшие проекты были установлены следующие премии: первая премия – 10000 руб., вторая премия – 3000 руб., третья премия – 2000 и две поощрительные премии – по 1000 руб. Авторы проекта, удостоенные первой премии, получали право на его осуществление в натуре. Члены жюри не могли учувствовать в конкурсе и давать консультации. Решение жюри оспариванию не подлежало. Итоги конкурса должны были быть опубликованы в печати. Правительственной комиссии было поручено в декабре 1991 г. в Сухуме организовать выставку конкурсных проектов и провести их широкое общественное обсуждение. Решение по итогам конкурса предполагалось принять не позднее 31 декабря 1991 года[2]. Позднее Совет Министров Абхазии внес частичные изменения в Программу и условия конкурса: срок представления конкурсных проектов был продлен до 31 декабря 1991 г., а подведение итогов было отодвинуто до 31 января 1992 года. Также были увеличены суммы, предусмотренные для второй премии – с 3000 руб. до 5000 руб., а для третьей – с 2000 руб. до 3000 рублей[3]. Сооружение и открытие памятника было отсрочено войной в Абхазии и послевоенной разрухой и необходимостью выживания. Памятник был открыт 27 сентября 2010 года. Автор скульптурной композиции – известный художник Г. Лакоба.

Тем временем, 16 мая в Москве начал свою работу I Съезд народных депутатов России, который 29 мая избрал Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР в третьем туре голосования с перевесом

[1] Газ. «Абхазия», № 20, 11 мая 1991 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 22, 4 июня 1991 г.
[3] Газ. «Единение», №7, июль 1991 г.

в 4 голоса[1]. Уже 8 июня Российский парламент проголосовал за приоритет российских законов над всесоюзным законодательством[2], а 12 июня принял Декларацию о Государственном суверенитете, которая провозглашала: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами; Суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции». При этом небезынтересно заметить, что в декларации Союзный договор упоминается три раза: в статье 5, где было сказано, что «разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором»; в статье 7, в которой зафиксировано, что «РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, устанавливаемом Союзным договором и основанным на нем законодательством»; и в статье 15, где сказано о том, что «настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства»[3].

Через два дня после принятия российской Декларации о суверенитете, 14 июня, Верховный Совет СССР обратился «к высшим органам государственной власти союзных и автономных республик» с призывом вместе «преодолеть едва ли не самый драматический рубеж в истории нашего государства»[4]. Но в ответ на это 22 июня Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР». Такая твердая позиция России по отношению к Советскому государству вдохновила и другие республики на провозглашение своих суверенитетов. Конечно же, Грузия, давно претендовавшая на лидирующие позиции в этом процессе, не могла не отреагировать на сложившуюся ситуацию в числе первых. И уже 20 июня ВС Грузии принимает постановление «О внесении дополнений в постановление от 9 марта». Новая версия ст. 1

[1] Филиппов А. Новейшая история России... // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[2] http://www.hrono.ru/map.php.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12532.shtm.

[4] Лукьянова Е.А. Российская государственность… // http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Lukyanova_gos.htm.

документа гласила: «Отмечая, что установленная в Грузии в результате интервенции и оккупации власть – сначала невыборная власть (революционные комитеты), а затем – ограниченные, строившиеся на узкоклассовых началах Советы – не выражала подлинного, свободного волеизъявления грузинского народа, ВС Грузии объявляет незаконными и недействительными все акты, упразднявшие политические и другие институты ДРГ и заменявшие их политическими правовыми учреждениями, опирающимися на внешнюю силу (решение т. н. Ревкома Грузии от 16 и 26 февраля, от 24 марта 1921 г. и др.)». Ст. 2. В конце дополнить постановление текстом следующего содержания: «Начать переговоры между Грузинской ССР и РСФСР с целью установления принципиально новых отношений, присущих суверенным государствам, в основу чего должны быть положены признание факта грубого нарушения правительством РСФСР в феврале – марте 1921 г. Договора, заключенного с ДРГ 7 мая 1920 г., и соответствующая оценка сего политических и правовых последствий ВС РСФСР»[1].

Тогда же, 20 июня, ВС Грузии приостановил на территории республики действие законов СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзных республик из СССР, о разграничении полномочий между Союзом и субъектами федерации, об основах экономических отношений, о собственности, о правовом режиме чрезвычайного положения[2]. Эти решения приближали Грузию к независимости, но, как оказалось, были не способны привести к внутреннему миру и спокойствию. 27 июня в газете «Заря Востока» было опубликовано обращение Председателя ВС Грузии Г. Гумбаридзе к общественно-политическим организациям, в котором констатировалось: «На фоне и без того острой общественно-политической обстановки явно обозначилась тенденция ее резкого осложнения и серьезной дестабилизации. Исключительно опасной грани достигли конфронтация, не исключено, и силовое противостояние, что может привести к анархии и хаосу, к тяжелым, непредсказуемым последствиям»[3].

Тем временем «парад суверенитетов» советских республик продолжался: 20 июня декларацию о независимости принял Узбекистан,

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 26.
[2] Газ. «Аидгылара», №4, июнь 1990 г.
[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 177.

23 июня – Молдова, 16 июля – Украина, 27 июля – Беларусь, 22 августа – Туркменистан, 23 августа – Армения, 24 августа – Таджикистан, 26 октября – Казахстан. Из этого стройного ряда в этот период выпадает Литва, которая 29 июня, напротив, приостанавливает действие Декларации о суверенитете на время переговоров с правительством СССР[1]. Следует заметить, что в самый пик парада суверенитетов, 25 августа, Абхазия также приняла свою Декларацию о суверенитете, но об этом чуть ниже.

Между тем, усиливалась пропаганда и «научное» обоснование правомочности претензий Грузии на аннексию Абхазии. Однако со временем теория о «гостях» и пришлости абхазов, пришедших на грузинскую землю, как они называли Абхазию, чуть ли не более 100, а в лучшем случае 300 лет назад, стала совсем абсурдной. Она была заменена «теорией двуаборегенности», суть которой сводилась к тому, что абхазы и грузины являются двумя коренными народами Абхазии. Однако это противоречит истории формирования этносов и народов, ибо на одной территории может сформироваться только один этнос. Вот что писали в разгар этих споров грузинские ученые Силвадзе и Беридзе: «Как можно, чтобы в одном и том же регионе было более одной коренной нации. Это ведь абсурд. Коренной народ – тот, кто создал этногосударственную систему региона. Все остальные – позже пришедшие»[2]. Сказано верно, и, на первый взгляд, могло показаться, что в Грузии, хотя бы в научном сообществе, начали пробивать себе дорогу проблески здравых рассуждений. Однако названные авторы под «позже пришедшими» имели в виду именно абхазов, что было созвучно антинаучной теории П. Ингороквы. При этом нужно иметь в виду политическую подоплеку возникновения названной «теории»: она должна была стать научным обоснованием готовившейся в начале 1950-х годов депортации абхазов. И ее реанимация уже в рассматриваемое время не могла восприниматься абхазами иначе как угроза своему физическому выживанию. Подобная пропаганда велась и за пределами региона противостояния Абхазии и Грузии. Некто Л. Тохошвили по радиостанции «Би-Би-Си» заявил, что все топонимы Абхазии являются грузинскими и что во всех древних греческих, латинских и армянских источниках абхазы упомянуты как грузины[3].

---

[1] http:// www.hrono.ru/map.php.

[2] Газ. «Народное образование», 29 октября 1989 г.

[3] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 167.

Все это приводило к эскалации напряженности, о чем свидетельствует, в частности, группа советских и партийных работников Абхазии. Они 22 июня в обращении к Президенту СССР М. Горбачеву, Председателю Верховного Совета СССР А. Лукьянову и Первому секретарю ЦК КП Грузии Г. Гумбаридзе писали: «Под воздействием общественных объединений, управляющихся из Тбилиси, усиливается процесс размежевания абхазов и грузин на предприятиях, в колхозах, медицинских учреждениях, творческих союзах, учебных заведениях и даже в спортивных коллективах. Правительством Грузии укрепляется неправомочно и без надобности созданный им Сухумский филиал Тбилисского госуниверситета. Положение усугубляется систематическим нагнетанием СМИ Грузии антиабхазских настроений, грубой фальсификацией истории и необъективным освещением происходящих событий. Руководство ЦК КП Грузии, Верховного Совета и Совета Министров Грузии находится под воздействием неформальных общественных объединений. Следует отметить, что на протяжении длительного времени извращается кадровая политика – без особой нужды руководящие кадры присылаются на работу в Абхазию из Тбилиси»[1]. Сложившаяся ситуация не позволяла отменить действие на территории Абхазии режим особого поведения граждан, который к тому времени действовал в Абхазии почти год.

5. От Декларации о суверенитете до избрания В. Ардзинба Председателем ВС Абхазии

В сложившихся тогда условиях стали острой необходимостью выработка и законодательное закрепление идей и решений, которые позволили бы абхазам сохранить собственную идентичность. Следовательно, основная роль в этом процесс должна была быть отведена Верховному Совету Абхазии, сформированному еще в «благополучные» времена в духе «дружбы народов». В силу названного и других обстоятельств сложно было говорить о его способности и пригодности для решения насущных задач, главнейшей из которых являлось заложение законодательной базы для гарантированного и полнокровного существования абхазов на территории Абхазии. Тем не менее, забегая вперед, отмечу, что именно

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 67-68.

этот созыв Верховного Совета принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазии, постановление о правовых гарантиях государственной независимости Абхазии, избрал своим Председателем В. Ардзинба, принял многострадальный закон о выборах в Верховный Совет и с честью выдержал «войну законов» с грузинскими властями.

К тому времени в Грузии неформалы уже были заняты приходом к власти и борьбой между собой. Наверное, этим обстоятельством, скорее всего, и было вызвано некоторое успокоение нападок на абхазов со стороны грузинских неформалов. Но говорить об их охлаждении к «абхазскому вопросу» было бы неверно. В предвыборной кампании в грузинский парламент абхазам отводилась одна из главных ролей, каждая партия для доказательства своей патриотичности и преданности идеалам величия Грузии стремилась как можно жестче и аргументированее заявить о необходимости отмены абхазской автономии.

Руководители Абхазии тогда констатировали: «По причине демографической ситуации и конфронтации возникло опасение резкого снижения представительства абхазов в Верховном Совете Абхазской АССР при альтернативных выборах. В то же время Конституции СССР и Грузинской ССР не позволяют выработать защитный механизм от сужения представительства абхазского народа в Верховном Совете Абхазии»[1]. 22 июня 19 депутатов Верховного Совета Абхазии обратились в Президиум Верховного Совета с требованием созвать «чрезвычайную сессию Верховного Совета 29 июня с повесткой дня: «О гарантиях защиты государственного суверенитета Абхазской АССР»[2]. 25 июня эта же группа депутатов собралась на совещание и согласилась воздержаться от проведения сессии в период подготовки и проведения XXVIII съезда КПСС и внесла другое предложение – созвать сессию ориентировочно 25 июля 1990 года. А 26 июня Президиум Верховного Совета Абхазии принял соответствующее Постановление[3]. Затем 24 июля в «Советской Абхазии» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета о созыве сессии Верховного Совета Абхазии 28 июля[4]. Но тогда из-за отсутствия кворума она не состоялась. Свою неявку одни депутаты объясняли не-

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 69.
[2] Там же. С. 104.
[3] Там же. С. 106, 107.
[4] Там же. С. 112.

информированностью, другие – несогласием с повесткой дня. Проект Постановления «О правовых гарантиях государственности Абхазии», который должен был быть вынесен на рассмотрение сессии, был утвержден еще 29 июня 1990 года[1].

На фоне этого в номере официальной газеты грузинских властей от 19 июля было опубликовано обращение неформального «Круглого стола» Грузии, куда входили Хельсинкский союз, Общество св. Ильи Праведного, Монархическо-конституционная партия, Всегрузинское общество им. Мераба Костава, к общественности Абхазии. В нем было сказано: «Считаем, что в независимой Грузии у Абхазии должно быть соответствующее самоуправление, представить проект которого мы давно предложили представителям Абхазского народного форума «Айдгылара». Согласованными действиями мы легче придем к лелеемой цели, а демократическая Грузия будет гарантом всестороннего развития наших народов»[2].

Тем временем в грузиноязычных газетах «Сабчота Абхазети» от 25 июля и «Дроша» от 26 июля были опубликованы статьи и заявления, грубо искажавшие смысл предстоявшей сессии Верховного Совета Абхазии, вводившие в заблуждение население республики и по существу призывавшие к межнациональному столкновению. Под влиянием подобной дезинформации некоторые местные Советы в срочном порядке провели свои заседания и приняли поспешные решения, осуждавшие проведение сессии, а на некоторых предприятиях лица грузинской национальности организовали забастовки. Организаторы бойкота оказали грубое давление на некоторых депутатов, вынудив их не явиться на сессию. 58 депутатов, явившиеся на сессию 28 июля, приняли Обращение к гражданам Абхазии, в котором разъясняли свою позицию по рассматриваемой проблеме. По мнению группы депутатов, «эти акции представляют собой не что иное, как попытку откровенного силового давления и политического шантажа» по отношению к Абхазии[3].

Председатель НФА С. Шамба позже, выступая на первом всесоюзном съезде представителей национально-государственных, национально-

[1] Важная веха в истории Абхазии… С. 96-100.

[2] Технологии этнической мобилизации. Из истории становления грузинской государственности (987-1993). (Сост. Лежава Г. П). М., 2000. С. 103.

[3] Важная веха в истории Абхазии... С. 112.

территориальных образований и народов, не имеющих свою государственность, отмечал, что созыву сессии «всячески противодействовали депутаты грузинской национальности, направляемые непосредственно из Тбилиси». В речи С. Шамба также сообщалось: «Оказывалось грубое давление вплоть до угрозы физической расправы некоторым депутатам русской, армянской и греческой национальности, проживающим в районах, населенных преимущественно грузинским населением, с целью воспрепятствовать их участию в работе сессии. Это стало причиной их отсутствия на сессии»[1].

3 августа Президиум Верховного Совета Абхазии принял указ о созыве сессии Верховного Совета 25 августа 1990 года. В ответ на это 18 августа 13 депутатов опубликовали в газете «Советская Абхазия» коллективное письмо, в котором они высказали свое несогласие с повесткой дня предстоящей сессии. Авторы письма мотивировали свое возможное неучастие в работе сессии нарушением Регламента Верховного Совета Абхазии. В своем заявлении группа депутатов потребовала от ВС Грузии создания специальной комиссии «по рассмотрению государственного устройства Абхазской ССР»[2]. Один из подписавших это заявление депутат Г. Цобехия в статье «Почему я подписал заявление?». 21 августа 1989 г. еще раз озвучил мотивы принятого решения: «Рассмотрение вопроса (правовых… – **А. А**.) или даже просто обсуждение о его включении в повестку дня сессии уже приведут к конфронтации. Сессия расколется на две части со всеми вытекающими отсюда последствиями. А в какие условия мы поставим депутатов других национальностей? Не желая кого-либо «обидеть», они будут вынуждены сделать свой «выбор» на основе далеко не демократичных основ. А все, что произойдет на сессии, естественно, выйдет за ее пределы. Нужны ли нам подобные осложнения и в без того нестабильный период?.. Нынешний Президиум Верховного Совета и бюро обкома партии, в составе которых нахожусь и я, потеряли доверие у народа. Они должны быть обновлены. Сегодня нужны новые люди, не отягощенные грузом прежних ошибок, способные консолидировать общество, возглавить борьбу за прогрессивные перемены. Такие люди есть… Поэтому сегодня надо

[1] Газ. «Аидгылара», № 5, ноябрь 1990 г.

[2] Сагариа Б. С кем вы, уважаемые парламентарии? // Газ. «Абхазия», № 26, 2 июля 1991 г. С. 3.

прежде всего принять новый Закон о выборах и ускорить создание нового Парламента»[1].

23 августа Президиум ВС заявил, что право внесения упомянутого вопроса на рассмотрение сессии и определение порядка его подготовки принадлежит Президиуму ВС Абхазии. Таким образом, до официального начала «войны законов» между Грузией и Абхазией началась война вокруг созыва сессии ВС Абхазии, которая и призвана была принять постановление, по мнению многих наблюдателей, положившее начало этой «войне законов». Многострадальная сессия Верховного Совета Абхазии состоялась 25 августа. На ее повестку дня были вынесены следующие вопросы: 1. Концепция Абхазской АССР в условиях самоуправления, самофинансирования и перехода к регулируемому рынку. 2. О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии. 3. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Абхазской АССР.

По первому вопросу с докладом выступил первый заместитель Председателя Совета Министров Абхазии В. Миканба, после чего было принято соответствующее Постановление.

Далее на сессии с докладом «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» выступил Председатель Президиума Верховного Совета В. Кобахия. По этому вопросу сессия также приняла Постановление, в котором было сказано: «Постановлениями Верховного Совета Грузинской ССР от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. все государственные структуры, существовавшие и существующие в Грузии с февраля 1921 г., признаны недействительными, из чего логически следует, что все договорные отношения между Грузией и Абхазией, заключенные прежними органами государственной власти, также являются незаконными, а вхождение Абхазии в Грузинскую ССР лишено правовых оснований и, следовательно, законной формой государственности Абхазии является ССРА, созданная свободным волеизъявлением народов Абхазии и провозглашенная 31 марта 1921 года»[2]. В Постановлении также выражалась готовность Сухума начать переговоры с Грузией о дальнейших государственно-правовых взаимоотношениях.

На сессии также была принята «Декларация Абхазской Советской Социалистической Республики», в соответствии с которой «торже-

[1] Цобехия Г. С. Почему я подписал заявление. 21 августа 1990 г. лл. 2-3.
[2] Абхазские письма… С. 482.

ственно» провозглашался государственный суверенитет. Пункт 1 Декларации гласил: «Абхазская Советская Социалистическая Республика – суверенное социалистическое государство, созданное на основе осуществления абхазской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, верховенство народов в определении своей судьбы. Суверенитет Абхазской Советской Социалистической Республики распространяется на всю территорию Абхазской ССР. Абхазская Советская Социалистическая Республика обладает всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основании заключенных с ними договоров. Абхазская ССР имеет свой герб, флаг и гимн».

В документе далее говорилось о том, что «вся полнота государственной власти на территории Абхазской ССР принадлежит Верховному Совету Абхазской ССР, который обладает исключительным правом выступать от имени народа Абхазской Советской Социалистической Республики». Также оговаривалось, что «в Верховном Совете Абхазской ССР обеспечивается институционное представительство нации, давшей название республики», что было чуть ли не первой попыткой законодательно закрепить интересы абхазов. Государственным языком на территории Абхазии был провозглашен абхазский язык, а официальными – абхазский, грузинский и русский языки. В документе особо подчеркивалось, что «Декларация является основой для новой Конституции Абхазской ССР и определяет позицию республики при заключении Союзного договора и договора с Грузинской ССР»[1].

На сессии также с информацией «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Абхазии» выступил В. Авидзба. По причине отсутствия необходимого для внесения изменений в Конституцию кворума депутатов, постановление по этому вопросу не было принято. По предложению депутата В. Ардзинба, было решено продолжить сессию через некоторое время. Таким образом, сессия подтвердила стремление Абхазии самоопределиться. И хотя этот акт носил декларативный характер, но он сыграл многозначительную роль в психологической подготовке для поднятия на более высокий уровень движения – борьбу абхазского народа за свое самоопределение.

[1] Газ. «Советская Абхазия», № 164, 26 августа 1990 г.

Авторы «Системной истории международных отношений» считают, что принятие декларации о суверенитете Абхазии «не было провозглашением независимости, но означало намерение абхазских властей расширить сферу своих полномочий и ограничить власть Тбилиси[1]. Составители сборника «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии» считают, что после принятия декларации и постановления ВС Абхазии «раскололся на абхазскую и грузинскую фракции»[2]. Именно с провозглашения Абхазией статуса союзной республики, по мнению О. Васильевой и Т. Музаева, начался «парад суверенитетов» автономных образований СССР. При этом первой республикой, принявшей декларацию о суверенитете, была Карелия (июль 1990 г.), однако она не изменила своего статуса автономии[3]. Через несколько дней примеру Абхазии последовал и Татарстан, Верховный Совет которого 30 августа 1990 г. принял «полноценную» Декларацию о суверенитете[4].

Уже 26 августа Президиум Верховного Совета Грузии объявил декларацию и постановления ВС Абхазии «недействительными и не имеющими юридической силы»[5]. Председатель Президиума Верховного Совета Абхазии В. Кобахия охарактеризовал этот документ следующим образом: «Свобода и независимость для своего народа и грубый диктат, откровенный шовинизм в отношении другого малого и потому беззащитного – вот две морали, которые лежат в основе Постановления Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и всей политики Грузии по отношению к Абхазии»[6]. Согласно же исследованию Института диаспоры и интеграции Постановление Президиума ВС Грузии «стало первым актом «войны законов», когда тбилисские власти своими постановлениями отменяли все решения и законы, принимавшиеся в Сухуме»[7]. Н. Месхия назвал сессию ВС Абхазии «демонстрацией обретшего силу

[1] Системная история международных… // http://www.abkhaziya.org/books/system_history.html

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 28.

[3] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 4.

[4] Фоменко О. Татарстан в марте 1992 г. // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/0392/16.html

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 28.

[6] Важная веха в истории Абхазии… С. 178.

[7] Грузино-абхазский конфликт: прошлое, настоящее, перспективы урегулирования. Институт диаспоры и интеграции // www.archipelag.ru.

сепаратизма и его воздействия на умы масс»[1]. 31 августа в Сухуме, в здании ГИСХа, собралась группа депутатов ВС Абхазии (в основном лица грузинской национальности и некоторые сочувствовавшие им) и объявила себя «чрезвычайной сессией Верховного Совета Абхазской АССР». На собрании с докладом «О десятой сессии Верховного Совета Абхазской АССР» выступил заместитель Председателя ВС Абхазии В. Колбая. Эта «сессия» приняла документ об отмене Постановления ВС Абхазии «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии», пункт 7 которого гласил: «В тех случаях, если будет иметь место попытка реализации актов о независимости Абхазии, которые этой сессией и Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР признаны противозаконными, данный состав Верховного Совета оставляет за собой право незамедлительно принять соответствующие меры»[2]. Составители сборника «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии…» этот документ под названием «Постановление Верховного Совета Абхазской АССР о десятой сессии Верховного Совета Абхазской АССР одиннадцатого созыва» включили в часть 2 сборника «Абхазия: от автономной республики к непризнанному государству». На мой взгляд, было бы правильнее включить этот документ в раздел 1: «Абхазия и Южная Осетия в политике Грузинской ССР и Республики Грузия», поскольку он был принят «согласно постановлению Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 26 августа с. г.» и отражал интересы Грузии, а не Абхазии. Тогда же центральными (московскими) средствами массовой информации это событие было преподнесено так, что якобы 31 августа Верховный Совет Абхазии отменил свои Постановление и Декларацию, принятые 25 августа[3].

Между тем накануне сессии Верховного Совета Абхазии возникла еще одна проблема, грозившая существенной дестабилизацией обстановки – проблема турок-месхитинцев. Месхетинцы были изгнаны в 1944 г. и расселены в Узбекистане, Казахстане и Киргизии. 3 июня 1989 г. в Фергане произошел конфликт между узбеками и турками-месхетинцами, во время которого погибло более 100 человек[4]. По на-

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 18.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 144.
[3] Важная веха в истории Абхазии… С. 179.
[4] Пчелов Е. В., Чумаков В. В. Правители России. М., 2011. С. 161.

стоянию турок-месхетинцев было организовано временное переселение 16 282 человек из Ферганской области в Смоленскую, Орловскую, Курскую, Белгородскую и Воронежскую области РСФСР[1]. По мнению Дж. Боффа, «кровавые события в Фергане положили начало новому явлению в жизни советских этнических групп: внутренней миграции меньшинств, которые, оказавшись незащищенными, покидали области, где они уже давно проживали»[2]. После погромов в Фергане турки-месхетинцы поставили вопрос о возвращении в Грузию, но та, ссылаясь на малоземелье и отсутствие соответствующих социальных условий, отказывалась принять их. 18 мая 1990 г. в Москве было основано общество турок-месхетинцев «Ватан». Тогда же им было заявлено: «Если на третьей сессии ВС СССР не будет вынесено решение о возвращении месхетинских турок в места исторического проживания в Грузию, то тогда народ, утративший всякую веру в справедливость и советскую власть, организует мирный поход на родину с хлебом и солью»[3].Т. Китовани считал, что турок-месхетинцев хотел вернуть в Грузию КГБ. Он заявил: «Они хотели Грузию наказать. Давайте пустим туда турок, чтобы всегда они были взрывной бочкой. Это все делала разведка, русская разведка»[4]. Однако тогда ВС СССР оставил этот вопрос без внимания. В связи с этим 14 июня Совет общества месхетинских турок «Ватан» обратился ко всем народам Кавказа проявить солидарность с ним в борьбе за восстановление исторической справедливости – возвращение на свою историческую родину – в Ахалцихский район Грузии. В начале августа месхетинцы заявили о своей решимости пройти в Грузию через Абхазию, и часть из них уже была сосредоточена на российско-абхазской границе, что служило подтверждением серьезности их намерения. Эта акция, безусловно, привела бы к дальнейшей эскалации напряженности в Абхазии, в силу чего бюро Абхазского обкома компартии и Совет Министров Абхазии на своем совместном заседании рассматривали вопрос: «О первоочередных мероприятиях по предотвращению дальнейшего осложнения обстановки в Абхаз-

[1] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[2] Боффа Дж. От СССР к России… // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

[3] Газ. «Аидгылара», №4, июнь 1990 г.

[4] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

ской АССР в связи с намеченным лидерами национального движения месхетинских турок решением пройти массовым шествием через территорию автономной республики». По итогам этого заседания было принято постановление, в котором отмечалось, что в связи со сложной общественно-политической ситуацией прохождение месхетинцев через Абхазию невозможно.

Однако проблема турок-месхитинцев на этом, как понятно, не могла быть исчерпана. Она и впоследствии не раз становилась предметом обсуждения, и ею нередко пользовались для различных инсинуаций и спекулятивных заявлений. 22 сентября 1990 г. в резолюции Первого съезда представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности, было сказано, что «восстановление месхетинских турок на своем историческом месте проживания – Месхетии-Джавахетии в Грузии – явилось бы одним из важнейших пунктов восстановления справедливости в правовом государстве и сохранения народов от исчезновения как этноса»[1]. В конце июля 1991 года турецко-месхетинское общество «Ватан» заявило о походе из Сочи в сторону Грузии и обратилось к властям Краснодарского края за разрешением. В решении Президиума и исполкома краевого Совета говорилось о том, что «осуществление такого массового мероприятия в условиях обостренной социально-политической и криминогенной ситуации в крае и Грузии чревато непредсказуемыми последствиями, дестабилизацией обстановки». Принятое постановление предусматривало: считать недопустимым проведение массового мероприятия турок-месхетинцев на территории Краснодарского края; о принятом решении проинформировать правительство, прокуратуру, МВД РСФСР и органы власти соседней Абхазии[2].

8 августа 1991 г. состоялась встреча вице-президента СССР Г. Янаева с представителями турко-месхетинского народа. Поводом послужило пикетирование месхетинских турок у здания Манежа и приемной Верховного Совета, требовавших немедленного решения о возвращении их в Грузию. На встрече вице-президент сказал: «Но силовыми, а тем более экстремистскими методами решение проблемы не приблизишь.

[1] Кварчия В. Е. Из истории… С. 250.
[2] Газ. «Абхазия», № 30, 30 июля 1991 г.

Вы должны твердо знать, что у руководства страны есть честное желание решить проблему путем согласия и взаимного диалога с суверенным государством, каким является Грузия». Г. Янаев сообщил, что в июле Совет национальностей Верховного Совета СССР обратился к Президенту и Верховному Совету Республики Грузия с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении месхетинских турок на историческую родину[1]. Многодневные манифестации в Москве у Манежа и приемной Верховного Совета СССР месхетинских турок послужили поводом также для заседания комиссии по проблеме турко-месхетинского населения, образованной Президиумом ВС СССР. Председательствующий на заседании Л. Горшков подчеркнул законное право турок-месхетинцев на возвращение в Грузию»[2].

7-8 сентября 1991 г. на международной конференции по правам человека в Вильнюсе принимал участие грузинский профессор Г. Мамулия, который говорил о трагической судьбе турок-месхетинцев, которым не разрешают вернуться на родину – в Турцию[3]. Возвращению месхетинцев в Грузию мешало якобы отсутствие свободных земель и перенаселение этого региона. Однако в одном из номеров официальной грузинской прессы сообщалось: «Некогда цветущие деревни полностью обезлюдели. Более 300 из них расположены в Месхетии. Только из высокогорных районов Аджарии – перенаселенных или пострадавших от стихии – более 3000 семей переселилось в Месхети и другие регионы Грузии. Именно эту миссию будет выполнять Всегрузинская благотворительная ассоциация «Месхети», созданная на днях по инициативе представителей известной в Грузии фамилии – Джакели. Цели и задачи: экономическое и культурное возрождение, демографическая стабилизация, научное изучение Месхетинского района. Президентом был избран писатель Д. Джакели[4]. Примерно тогда же в Краснодаре побывали представители Республики Грузия – председатель Лиги защиты грузин-мусульман З. Мамаладзе и член Совета Общества Чавчавадзе Т. Квирквелия. Они с руководством Краснодарского края об-

[1] Газ. «Известия», № 189. С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-avgusta-1991-goda

[2] «Независимая газета», № 94. С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-avgusta-1991-goda?page=0,2

[3] Газ. «Аидгылара», № 9, сентябрь 1991 г.

[4] Газ. «Свободная Грузия». № 197, 17 октября 1991 г.

суждали возможность возвращения месхитинцев в Грузию. В это время ряд общественных и правозащитных организаций Грузии обратился к казачеству, русскому народу, всему населению Краснодарского края. В нем, в частности, было сказано, что в данный момент Грузия не готова принять турок-месхитинцев, но как только в республике наступит политическая и экономическая стабилизация, появится реальная возможность начать поэтапное и планомерное возвращение месхов на родину. Грузинская сторона призвала «проявить человечность и сделать все, чтобы многострадальный народ месхов в очередной раз не оказался жертвой погромов и насилия»[1].

В конце апреля 1992 г. состоялись переговоры грузинской делегации под руководством Э. Шенгелая с властями Краснодарского края, а также с местным казачьим атаманом Дроновым и представителями самих турок-месхов. В результате переговоров в Краснодаре было подписано предварительное соглашение, согласно которому процесс репатриации желающих того турок-месхов должен начаться уже до конца этого года. «Репатриация турок-месхов – моральный долг Грузии», – заявил тогда Э. Шеварднадзе на заседании Госсовета [2]. Уже в начале лета в Тбилиси пришла правительственная телеграмма из Краснодарского края, вслед за которой оттуда прибыла представительная делегация. От грузинских властей потребовали незамедлительно приступить к репатриации более 11 тысяч турок-месхетинцев. Опасность над беженцами нависла со стороны кубанских казаков. Д. Иоселиани направил письмо руководству Краснодарского края с просьбой принять необходимые меры для предотвращения эксцессов и заявил, что Грузия готова приступить к решению этой проблемы[3].

Тем временем в октябре 1990 г. в Грузии должны были состояться выборы в Верховный Совет. Первоначально они были намечены на март, но затем, как уже говорилось, под давлением неформальных организаций были перенесены на октябрь, и был изменен порядок их проведения. В августе 1990 г., на фоне готовившейся сессии ВС Абха-

[1] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск № 3, декабрь 1991 г. С. 22.

[2] «Независимая газета», № 84. С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-aprelya-1992-goda?page=0,1

[3] Газ. «Московские новости», № 23. С. 10. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-7-iyunya-1992-goda

зии, был принят Закон о выборах в Верховный Совет Грузии, который не предусматривал представительства в нем автономий. Они рассматривались как обычные районы Грузии. Право выдвижения кандидатов в депутаты предоставлялось только тем политическим объединениям и их избирательным блокам, действия которых распространялись по всей территории Грузии, т. е. политические партии и объединения, существовавшие только в автономиях, были лишены права выдвигать своих кандидатов в депутаты. По мнению А. Зверева, «так было задумано отчасти для того, чтобы помешать абхазскому движению «Аидгылара» выставить своих кандидатов»[1]. Однако к этому времени в Грузии хорошо были информированы о том, что «абхазское движение «Аидгылара» уже давно заявило о бойкоте выборов в Верховный Совет Грузии. Тогда же, в августе 1990 г., Президиум Верховного Совета Грузии издал Указ о том, что единственным языком работы Верховного Совета Грузии является грузинский[2].

Происходившее в Грузии тревожило не только абхазов, но и известного грузинского философа М. Мамардашвили. В начале сентября он писал: «С эмоциональной точки зрения впечатление от происходящего в Грузии, конечно, трагическое, но эмоции – это еще не здравый смысл. Крики улицы нельзя принимать за мнение нации. Улица вооружает надеждой обывателя. В Грузии это горожанин, не обладающий политическим опытом… Сегодня очень сложно понять, чего хочет народ»[3]. По всей видимости, этот вопрос тогда еще не интересовал властей новой России, подписавших 1 сентября 1990 г. с Грузией Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. По соглашению стороны обязывались: сохранить на 1991 год взаимные поставки продукции не ниже планового уровня 1990 года; воздерживаться от действий, которые могут нанести экономический ущерб друг другу; своевременно извещать и согласовывать свои действия при изменениях розничных и закупочных цен; создать рабочую комиссию по разработке проекта программы экономического и культурного сотрудничества[4].

---

[1] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе... С. 46.
[2] Кобахия В. О. О событиях в Абхазии // Важная веха в истории Абхазии… 173.
[3] Газ. «Московские новости», 16 сентября 1990 г.
[4] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12425.shtm.

13-14 октября 1990 г. в Нальчике состоялся II Съезд народов Кавказа, на котором были приняты важные документы об углублении единства народов[1].

Тем временем провозглашенный экономическо-культурный союз с Россией не мог избавить Грузию от внутренних проблем, получивших к тому времени тенденцию к усугублению. В ночь с 15 на 16 сентября в Тбилиси после несанкционированного митинга возбужденная толпа совершила нападение на здание КГБ Грузии. Нападавшие выдвинули требование об освобождении одного задержанного по подозрению в нападении на отдел внутренних дел Адигенского района[2]. 26 сентября в газете «Заря Востока» было опубликовано сообщение об отчете Председателя КГБ, министра МВД и прокурора Т. Лордкипанидзе, Ш. Горгадзе и В. Размадзе в Президиуме ВС Грузии. В публикации говорилось: «Было отмечено, что в связи с приближением выборов депутатов в ВС Грузии в последние дни вновь участились случаи различных незаконных акций, насилий, погрома зданий государственных учреждений, проявления явной угрозы и шантажа в отношении должностных лиц, что ставит целью ярко выраженного одностороннего политического давления и ничего не имеет общего с высоконравственным демократизмом. Такие противоправные акции не отвечают прежде всего интересам грузинского народа, способствуют эскалации дестабилизации общественно-политических отношений, нагнетают и так до предела напряженную обстановку и направлены против сплочения здоровых национальных сил»[3]. 30 сентября были проведены выборы в Национальный Конгресс Грузии, который был призван стать альтернативой Верховному Совету, выборы в который были назначены на 28 октября. Таким образом, грузинское национальное движение уже до своего официального прихода к власти разделилось на непримиримые лагеря. Национальный конгресс начал формирование своих рабочих органов. Первое его пленарное заседание, состоявшееся 26 октября, завершилось неожиданно – выстрелом из пистолета бал ранен лидер Национально-демократической партии Г. Чантурия. Вторая сессия На-

[1] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 24.

[2] Ельцин Б. Записки Президента. М., 1994. // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 180-181.

ционального Конгресса состоялась в Тбилиси 30 ноября – 1 декабря 1990 г.[1].

Национальный конгресс Грузии действительно стал непримиримой оппозицией З. Гамсахурдиа как до, так и после его официального прихода к власти. Еще 4-6 июля 1990 г. в Праге по инициативе международной организации «Демократия и независимость» проходила конференция. В ее работе принимал участие Национальный конгресс, что, по всей видимости, и предопределило основную направленность итогового документа конференции относительно Грузии. Так, в резолюции форума говорилось: «В грузинском национальном движении выделилась группа лиц и организаций, которые стоят на позициях национальной нетерпимости, антидемократизма и силового решения межэтнических проблем. Деятельность альянса, возглавляемого Гамсахурдиа, противоречит международным нормам по правам человека, сформулированным в Заключительном акте Хельсинкского соглашения. Выступая на локальных митингах, З. Гамсахурдиа постоянно поднимает антидемократический лозунг выселения этнических меньшинств, проживающих в Грузии, тем самым натравливая последних на грузинское национально-освободительное движение»[2]. 9 марта 1991 г. на пресс-конференции З. Гамсахурдиа, вернувшись к данной проблеме, отметил: «Местные агенты Кремля, которые составили резолюцию № 24 в Праге и обвинили Грузию в угнетении других народов. Они тоже называют меня популистом. Это кремлевский термин»[3]. В сентябре 1990 г., перед выборами в Верховный Совет Грузии, известный философ М. Мамардашвили писал: «Сегодня в Грузии некоторые представители национального движения стремятся стать цензорами, отказывая другим в праве высказывать свою точку зрения… Ныне идея грузинской государственности, как она проповедуется грузинскими шовинистами, есть идея господствующего класса… Мне непонятно, как люди из правозащитного движения возводят в систему нарушения гражданских прав. Каким образом человек, причисляющий себя к Хельсинкскому движению, может абсолютно не представлять, что такое права человека? Здесь налицо

[1] Технологии этнической мобилизации. (Сост. Лежава Г. П.). М., 2000. С. 124, 128-129.

[2] Газ. «Аидгылара», № 5, ноябрь 1990 г.

[3] Газ. «Вестник Грузии», № 31, 13 марта 1991 г.

невежество и безграмотность, полный нравственный дальтонизм. Если об этом не будет сказано вслух, то беда очень скоро постучится в дверь Грузии»[1]. 13 мая 1991 г., отвечая на вопрос о распаде национального движения в Грузии, З. Гамсахурдиа продолжал утверждать: «Это тоже заслуга центра»[2]. 7-8 сентября 1991 г. на международной конференции по правам человека в Вильнюсе принимал участие представитель национально-демократической партии Грузии Г. Ахалая. Он привел многочисленные факты нарушений прав человека, подавления инакомыслия в Грузии при режиме З. Гамсахурдиа[3].

На фоне внутригрузинского противостояния 20 сентября 1990 г. Верховный Совет Южной Осетии принял решение о преобразовании Юго-осетинской автономной области в Юго-осетинскую Советскую Демократическую Республику и о ее вхождении в состав СССР в качестве самостоятельного субъекта федерации[4]. Однако уже на следующий день Президиум ВС Грузии успел отменить это решение как «антиконституционное»[5].

Между тем, 22 сентября в Москве состоялся первый съезд представителей народов, на котором была основана Всесоюзная ассоциация представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. Большую роль в созыве и проведении данного форума сыграл председатель подкомиссии по государственному и правовому статусу автономных республик, автономных областей и округов Верховного Совета СССР В. Ардзинба. На съезде присутствовали 206 делегатов и 40 приглашенных, представители 34 автономных образований и 106 национальных общественно-политических движений. В работе съезда приняли участие представители следующих наций: абазины, абхазы, аварцы, агульцы, адыгейцы, алтайцы, армяне Нагорного Карабаха, балкарцы, башкиры, буряты, гагаузы, даргинцы, долганы, евреи, ингуши, кабардинцы, казахи, калмыки, карелы, коми, коми-пермяки, лакцы, лезгины, марийцы, мордва-мокша, мордва-эрзя, немцы, ненцы, ногайцы, осетины, русские, татары, тувинцы, турки-месхетинцы, удмурты, узбеки,

[1] Газ. «Московские новости», 16 сентября 1990 г.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.
[3] Газ. «Аидгылара», №9, сентябрь 1991 г.
[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 181.
[5] Там же. С. 31.

украинцы, хакасы, черкесы, чеченцы, чуваши, эвенки, якуты, всего 43 национальностей[1].

В своем выступлении на съезде Председатель НФА С. Шамба отмечал: «Антиабхазская кампания, развернутая в эти дни в Грузии, в которой, вольно или невольно, приняли участие некоторые органы центральной печати, центральное телевидение, еще раз демонстрирует перед всем миром имперские притязания Грузии, неуважение к основополагающим принципам Устава ООН, других международных актов о правах народов, признающих за каждым народом, большим или малым, право на самоопределение, право свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие»[2]. В объединении усилий народов, которые по советской «матрешечной» иерархической системе оказались «второсортными» и даже «третьесортными», большая роль принадлежала абхазскому национальному движению и КГНК. Ю. Шанибов, говоря об истории созыва съезда, пишет: «Ее (АГНК. – **А. А**.) абхазский актив выдвигает идею проведения съезда малочисленных народов Советского Союза… Неожиданно она получает поддержку ВС СССР. И в его зале заседания с участием Р. Нишанова, С. Таразевича, Ю. Калмыкова и многих других деятелей общесоюзного масштаба, проводится съезд 46 малочисленных народов»[3]. Большая роль в подготовке и проведении названного съезда принадлежит председателю подкомиссии Комиссии Верховного Совета СССР В. Ардзинба. Об этом свидетельствует и тот факт, что Президентом Ассоциации был избран Президент КГНК Ю. Шанибов, а управляющим делами – представитель Абхазии в Москве И. Ахба. Съезд высказался за необходимость сохранения Союзного государства, в рамках которого его участники видели возможность самосохранения. На съезде была образована Ассамблея народов, которая действовала до развала СССР, т. е. до конца 1991 г. Ее Координационный Совет провел три сессии с напряженной повесткой дня. К примеру, обсуждались вопросы создания Конфедерации народов Северо-Запада, Поволжья, Дальнего Востока; проблемы Карабахского конфликта, грузино-южно-осетинского вооруженного столкновения, гагаузская

[1] Кварчия В. Е. Из истории… С. 248-249.
[2] Газ. «Аидгылара», № 5, ноябрь 1990 г.
[3] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 25.

проблема и многие другие проблемы малочисленных народов СССР. После развала СССР Координационный Совет Всесоюзной Ассамблеи народов функционировал еще некоторое время, но затем достаточно быстро налаженные связи прервались.

Тем временем вскоре деятельность политико-криминальных грузинских военизированных формирований начала осуществляться и в Абхазии. 5 октября в 10 часов утра вооруженная группа захватила автопарк Гальской школы ДОСААФ. Один из группы захвата – Ш. Читанава, представившись начальником Зугдидского регионального штаба «Мхедриони», потребовал без сопротивления сдать исправные автомобили. В результате забрали 11 автомашин, принадлежавших Советской армии[1]. 16 октября такая же «операция» боевиками «Мхедриони» была проведена и в Сухуме. В 10 часов к Сухумскому ДОСААФ подъехал «Икарус», из которого вышло около 50 вооруженных людей. Они заблокировали все входы и выходы, перерезали провода связи и потребовали сдать им все исправные машины. В результате были взяты 8 «КамАЗов», 11 «ЗИЛ-131», 6 «УАЗ-467», 1 «ЗИЛ-130», 1 бензовоз на базе «Урала»[2]. Причем весьма примечателен тот факт, что и в первом, и втором случаях во время нападения на автошколы их начальников – И. Кахиани и Д. Мгеладзе – не оказалось на месте.

Наряду с этим несмотря на то, что Абхазия отказалась принимать участие в выборах в Верховный Совет Грузии, грузинское население республики готовилось к ним. 25 октября на сухумском стадионе состоялась предвыборная встреча З. Гамсахурдиа с избирателями, которая, по его словам, была самая многочисленная. На ней лидер неформальной Грузии заявил: «Абхазы – наши младшие братья, ибо мы всегда жили как братья, а наш главный враг – русские, с которыми мы ничего общего не имеем». З. Гамсахурдиа также посоветовал «горцам», т. е. АГНК, «столицу себе поискать в горах»[3]. В связи с этим небезынтересен следующий факт: «В октябре 1990 г. при обсуждении проекта Союзного договора на Президентском совете представитель Грузии, заместитель Предсовмина Грузии Квилитая заявил, что противоречий между абхазами и грузинами нет, поскольку сами абхазы не отрицают, что они те же грузины и

[1] Газ. «Аидгылара», № 5, ноябрь 1990 г.
[2] Там же.
[3] Там же.

живут на грузинской земле»[1]. Если мотивы этого заявления еще как-то можно объяснить, то мотивы, которыми руководствовался католикос патриарх всея Грузии Илья II, издавший так называемый Чрезвычайный приказ, остаются за пределами человеческого понимания. Он был зачитан 28 октября, в день выборов в Верховный Совет Грузии, в Сионском патриаршем соборе и был опубликован в газете «Заря Востока» 30 октября. В нем было объявлено: «Отныне убийцу каждого грузина, несмотря на вину и невиновность жертвы (убитого), считать врагом грузинского народа»[2]. Из приказа исходило, что убийство не грузина не является преступлением. О нравственном уровне национального движения в Грузии нетрудно догадаться, если первосвященник разрекламированного «форпоста христианской цивилизации» подписывался под подобными «богоугодными» умозаключениями.

На фоне всего этого в два тура в октябре-ноябре состоялись выборы в Верховный Совет Грузии. В них Абхазия не принимала участие: 28 октября в 6 из 12 избирательных округов выборы не состоялись: кандидаты абхазской национальности, за исключением одного, сняли свои кандидатуры; в выборах участвовало 40% населения Абхазии[3]. По сути в Верховный Совет Грузии были делегированы представители грузинских неформальных движений в Абхазии, подавляющее большинство которых оказалось представителями регионального отделения блока «Круглый стол – Свободная Грузия». В результате в Верховном Совете Грузии «впервые в истории» не было ни одного абхаза, что, по мнению З. Папаскири, явилось «серьезным промахом грузинской политической элиты»[4]. В выборах не принимала участие и Южная Осетия: 16 октября сессия ВС Южной Осетии признала «неправомочным функционирование избирательных округов, участков и участие местного населения в выборах депутатов в Верховный Совет Грузии на территории Юго-Осетии»[5].

Спустя время, 5 марта 1991 г., З. Гамсахурдиа в одном из интервью, говоря об отношении Москвы к этим выборам, отмечал: «Она очень не хотела, очень. Делала все, что можно. Вот потому и Джаба, и все эти… существовали. В Грузии они были пятой колонной, и им поручили сорвать

[1] Газ. «Аидгылара», № 3, март 1991 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 118.
[3] Газ. «Аидгылара», № 3, март 1991 г.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 369.
[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 188.

мою предвыборную кампанию… Вооружили в Грузии 12 тыс. человек и были готовы растерзать всех. А оружие им поставляли КГБ и военные»[1]. Против З. Гамсахурдиа была не только Москва, но и М. Мамардашвили, который более чем за два месяца до выборов предупреждал: «Согласно социологическим исследованиям подавляющая часть грузинского народа желает избрать Президентом Звиада Гамсахурдиа. Если это произойдет, мне придется пойти против собственного народа»[2].

Поскольку, как сказал М. Мамардашвили, тогда было «очень сложно понять, чего хочет народ», победу на выборах одержал блок левых партий «Круглый стол – Свободная Грузия» во главе с З. Гамсахурдиа, получившего 53% голосов. С. Червонная, не без некоторой доли восторженности, прокомментировала это событие следующим образом: «На этом кончилась здесь история «Советской социалистической республики» и почти 68-летнее пребывание Грузии в составе СССР»[3]. З. Гамсахурдиа, выступая на сессии Верховного Совета Грузии 16 ноября, уже в ранге его Председателя, высоко оценил выборы: «Само проведение многопартийных, несоветских выборов в условиях аннексии – огромный акт национального и гражданского неповиновения, поскольку до сих пор в нашей действительности проводились только по навязанной центром псевдоизбирательной системе и диктату»[4]. Сам ВС также высоко оценил свое избрание. Чуть позже, 22 ноября, он «в ознаменование победы, одержанной национальным движением в многопартийных демократических выборах, начала переходного периода восстановления государственной независимости Грузии» объявил амнистию[5].

Тем временем, философ М. Мамардашвили не успел «пойти против своего народа», а этот самый народ пошел против него, он был затравлен, как зверь, доведен до сердечного приступа и немногим пережил избрание З. Гамсахурдиа Председателем ВС Грузии. Чуть позже грузинский диссидент В. Чалидзе в середине 1991 г. писал: «Философ Мамардашвили незадолго до своей смерти прошлой осенью сказал: «Если грузинский народ изберет Гамсахурдиа, я пойду против своего

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 36, 19 марта 1991 г.

[2] Газ. «Московские новости», 16 сентября 1990 г.

[3] Червонная С. Абхазия-1992…// http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%205.htm.

[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 206.

[5] Там же. С. 218.

народа». Сильное заявление. Я против своего народа не пойду. Во временном ослеплении народ этот может накликать на себя беду, избрав президентом нациста. Это будет грязный, но всего лишь эпизод в грузинской истории»[1].

На первом заседании сессии ВС Грузии 14 ноября 1990 г. было принято постановление о переименовании Грузинской ССР в Республику Грузия[2]. А. Зверев, в свою очередь, считает, что «после этого (выборы в ВС Грузии. – **А. А**.) Верховный Совет Абхазии вступил на путь неподчинения власти Гамсахурдиа»[3]. Данное заявление исследователя нуждается, на мой взгляд, в некоторых комментариях. Первая, как уже выше было сказано, «война законов» началась раньше, и на тропу этой «войны» первыми вышли официальные власти Грузии. И второе – начало и продолжение «войны законов» между Абхазией и Грузией не могло зависеть только от личности З. Гамсахурдиа. Тем не менее, 14 ноября на первой сессии З. Гамсахурдиа был избран Председателем ВС Грузии. Вызывает интерес утверждение Т. Китовани о том, что перед тем как стать Председателем ВС Грузии, Гамсахурдиа ездил в Москву дважды. Он пишет: «Сопровождали его работники КГБ России, он с кем встречался, я не могу сказать. Меня не было тогда на этих переговорах в Москве. Но с кем-то он встречался, естественно, и когда он приехал, уже был в другом настроении, видимо, может и с Шеварднадзе он встречался, я не знаю, может быть». Т. Китовани высказал предположение о возможных договоренностях между Гамсахурдиа и Шеварднадзе о том, что первый «должен будет уступить Шеварднадзе президентство Грузии…, а Звиад этого не сделал, и поэтому в Грузии всегда ситуация была напряженной»[4].

Как бы там ни было, ясно одно: Гамсахурдиа ездил в Москву, где, по всей видимости, искал поддержки, а может, и заручился ею, а после возвращения его избрали главой Верховного Совета Грузии. В связи с этим С. Червонная объявила, что уже тогда стало ясно, что «об участии Гамсахурдиа в «ново-огаревском процессе», о подписании им союзного договора не могло быть и речи»[5]. Да и по большому счету, это мудрено

[1] Газ. «Абхазия», № 22, 4 июня 1991 г. С. 2.
[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 201.
[3] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 47.
[4] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.
[5] Червонная С. М. Абхазия – 1992… // http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%205.htm.

было не заметить: уже 14 ноября ВС Грузии объявил о начале переходного периода в Грузии, в течение которого должны были быть «подготовлены основы восстановления государственной независимости Грузии». В документе провозглашалось верховенство законов Республики Грузия на ее территории[1]. В тот день была принята новая символика: герб, флаг и гимн Грузии, а 15 ноября было приостановлено действие Закона СССР об обязательной военной службе с тем, чтобы «молодежь, проживающая в Грузии, не призывалась в ряды Советской армии»[2]. В этот же день Председателем Совета Министров был назначен Т. Сигуа, первым заместителем ВС Грузии избран А. Асатиани, его заместителем – Н. Бурчуладзе[3].

16 ноября на сессии Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о Союзном договоре. На ней первый заместитель председателя ВС Грузии А. Асатиани заявил, что «Грузия является самостоятельной, и что на сессии он присутствует лишь в качестве наблюдателя»[4]. З. Гамсахурдиа, 16 ноября выступая на сессии грузинского ВС, заявил: «Что же касается советской конституции, в переходный период произойдет ее полное обезвреживание и фактическое приостановление ее действия на территории Грузии…, а ко времени объявления независимости произойдет полное юридическое приостановление советской конституции и начнет действовать национальная конституция Грузии, которая будет разработана в переходный период, и она подготовит правовой механизм для восстановления независимой государственности Грузии» [5]. Член Президиума ВС СССР В. Ардзинба, напротив, в своем выступлении на сессии союзного Парламента 17 ноября заявил, что «Абхазия избрала свой путь еще 25 августа и что союзный договор она будет подписывать на правах суверенной республики»[6].

В открытом письме к З. Гамсахурдиа один из лидеров национально-освободительного движения абхазов Т. Шакрыл писала: «Вы не должны подписывать договор, ставящий вам кабальные условия, зависимость от диктата Центра. Но при этом Вы не должны себе позволять стремить-

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 201-203.
[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 201-203.
[3] Газ. «Свободная Грузия», № 204, 29 октября 1991 г.
[4] Басариа В. Время тяжких испытаний… С. 54.
[5] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос…. С. 206.
[6] Басариа В. Время тяжких испытаний… С. 54.

ся к закабалению других народов»[1]. 22 ноября на заседании Верховного Совета Республики Грузия было принято Обращение к Президенту СССР М. Горбачеву, в котором ВС заявлял об отказе «на данном этапе от детального рассмотрения «Концепции нового Союзного договора», поскольку любая его форма неприемлема для Республики Грузия»[2]. Видимо, в доказательство серьезности своих намерений 27 ноября Грузия подписала соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве с Эстонией[3], а 30 ноября – с Украиной[4].

4 декабря сессия Верховного Совета Абхазии возобновила свою работу, на которой Председателем был избран В. Ардзинба. Первым заместителем Председателя ВС стал представитель грузинского национального движения в Абхазии В. Колбая. В соответствии с принятым Законом пост Председателя Президиума ВС Абхазии был упразднен. На этой же сессии было решено, что вопрос о заместителе Председателя ВС и председателе Совета Министров Абхазии будет решаться после обсуждения программ возможных кандидатов. Депутаты при одном воздержавшемся приняли Закон «Об изменениях и дополнениях к Конституции». Было принято решение поручить Верховному Совету рассмотреть кандидатуры и утвердить на следующем заседании Согласительную комиссию по урегулированию межнациональных конфликтов[5]. На этом же заседании было принято решение начать подготовку проекта Закона о выборах в Верховный Совет Абхазии.

Избрание В. Ардзинба, по мнению С. Червонной, стало первым актом, которым Россия «ответила на изменившуюся ситуацию в Грузии»[6], имеется в виду приход к власти Гамсахурдиа. Здесь нужно отметить, что названный исследователь демонстрирует незнание предмета разговора. Грузинские исследователи, которые по всякому поводу любят ссылаться на С. Червонную, здесь вынужденно обходят ее абсолютно безаппеляционное и столь же беспочвенное заявление. К примеру, З. Папаскири пишет: «После избрания З. Гамсахурдиа была серьезная

[1] Газ. Единение», №2, февраль 1991 г.
[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 201-203.
[3] Газ. «Свободная Грузия», № 204, 29 октября 1991 г.
[4] Там же.
[5] Газ. «Аидгылара», № 6, декабрь 1990 г.
[6] Червонная С. М. Абхазия-1992… // http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%205.htm.

ситуация в Южной Осетии. Была опасность открытия второго фронта против Грузии и в Абхазии. Именно это обстоятельство толкнуло З. Гамсахурдиа на довольно рискованное кадровое решение – согласиться на избрание В. Ардзинба Председателем ВС Абхазии. Вопрос о выдвижении В. Ардзинба на высший государственный пост, безусловно, имевшего в ту пору наибольший рейтинг среди абхазских лидеров, предварительно обсуждался среди депутатов ВС Грузии от Абхазии». А бывший министр внутренних дел Абхазии Г. Ломинадзе договорился до того, что заявил, что «Ардзинба привезли из Москвы по решению «Круглого стола»[1].

По мнению же наблюдателей, новый руководитель Грузии пошел на этот шаг, так как знал, что В. Ардзинба никогда не был партийным функционером. Более того, Гамсахурдиа считал, что им будет легче управлять, нежели коммунистами. З. Папаскири сообщает, что в качестве защитного механизма и противовеса В. Ардзинба рассматривался Б. Адлейба, которого, по его словам, предполагалось вернуть на должность первого секретаря Абхазской компартии. При этом исходили из того, что в Грузии компартия проиграла выборы и потеряла влияние, но в Абхазии она сохранила свое значение. Но абхазская сторона отказалась пойти на такую рокировку, а З. Гамсахурдиа выступил против возвращения Б. Адлейба в активную политику, что, по мнению З. Папаскири, было «серьезной ошибкой со стороны грузинского лидера»[2]. Н. Месхия пишет о том, что Б. Адлейба был против выдвижения Ардзинба, т. к. считал, что это приведет к войне – об этом он говорил лично ему, чтобы он передал. Н. Месхия передал это Н. Мгалоблишвили, близкому к З. Гамсахурдиа[3].

Избранию В. Ардзинба предшествовали долгие и трудные переговоры между абхазской и грузинской депутатскими группами внутри Верховного Совета Абхазии. После обсуждения среди депутатов из Абхазии (в основном из блока «Круглый стол – Свободная Грузия») и некоторых других представителей грузинской политической элиты Абхазии было решено поддержать кандидатуру В. Ардзинба. Переговоры по этому вопросу с абхазами вели люди из ближайшего окружения З. Гамсахур-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 374.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 47.

диа – Н. Мгалоблишвили и М. Оманидзе. Поскольку грузинские депутаты ВС Абхазии действовали с оглядкой и по команде из Тбилиси, то без согласия оттуда они просто не проголосовали бы за кандидатуру В. Ардзинба, без чего при существовавших тогда раскладах он не мог бы быть избранным. М. Оманидзе, непосредственный участник названных процессов, в августе 1993 г. вспоминал: «На первых порах с приходом к власти Ардзинба ситуация в Абхазии была спокойная, у грузинских и абхазских руководителей были достаточно ровные отношения. Я совместно с Ардзинба решал вопросы так, как этого требовали интересы обеих сторон, и как вы помните, в Абхазии худо-бедно был мир. Были и несуразицы, они как-то разрешались, хотя после весьма горячих споров. Позднее обстановка накалилась, на Ардзинба оказывали воздействие радикалы, но в целом ситуация поддавалась контролю. Думаю, что и абхазские, и грузинские политики не использовали (не могли, а может, мало стремились) все рычаги для недопущения в Абхазии вооруженного конфликта. Несмотря на влияние на него (Владислава Ардзинба. – **А. А.)** радикально настроенных абхазских политиков, с ним можно и нужно было работать»[1]. С. Шамба считает, что с момента избрания В. Ардзинба «борьба народа Абхазии за свои суверенные права переходит в стены Парламента»[2].

Однако Н. Месхия считает: «Самой большой ошибкой местных грузинских лидеров и тогдашнего руководства Грузии явилось их согласие на выдвижение кандидатуры В. Ардзинба на должность Председателя ВС. После яростных антигрузинских его выступлений с трибун ВС СССР от его кандидатуры нужно было воздержаться»[3]. З. Папаскири, подводя итог своих рассуждений по поводу избрания В. Ардзинба, пишет: «Нам представляется, что несмотря на действительно сложную политическую обстановку в Грузии, вызванную кризисом в т. н. «Южной Осетии», ситуация не была уже такой критической, чтобы идти на подобную беспрецедентную уступку и открыть дорогу к власти злейшему врагу Грузии и грузин, каковым, безусловно, проявил себя к тому времени В. Ардзинба»[4]. Однако тогда избрание Ардзинба, как ни странно, на не-

[1] Газ. «Независимая газета», № 147, 6 августа 1993 г. С. 3.
[2] Шамба С. М. 20 лет спустя // Аидгылара. 20. Сухум, 2009. С. 20.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 46-47.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 375.

которое время способствовало объединению Верховного Совета Абхазии, грузинская часть которой, как известно, покинула зал заседания или вовсе не явилась на принятие Декларации о суверенитете Абхазии 25 августа. Этому содействовала и личная встреча З. Гамсахурдиа с В. Ардзинба сразу после его избрания Председателем ВС Абхазии, которая «прошла в нормальной обстановке»[1].

Г. Аламиа, рассуждая о рассматриваемых событиях, пишет: «Став Председателем Верховного Совета Абхазии и, по сути, возглавив страну, Владислав Ардзинба явил миру лицо своей многострадальной Родины, теперь она могла устами своего достойного сына сказать: «Это я!». Так счастливо, как мне казалось, закачивалось время извечного противостояния народа и навязываемых извне правителей страны… Никто из известных мне абхазских политиков предвоенного времени, кроме Владислава Ардзинба, не был готов взять на себя в полной мере ответственность за судьбу нации»[2]. Избрание В. Ардзинба Председателем ВС Абхазии с точки зрения исторического процесса было закономерно, ибо было подготовлено всей предшествовавшей эпохой – борьбой абхазского народа за свои права. Он оставался руководителем Абхазии до 12 февраля 2005 года, и все победы и завоевания Абхазии этого периода были достигнуты под его непосредственным предводительством. Это – героическое время, когда Абхазия боролась, воевала и добивалась успехов во главе со своим достойным сыном. Однако эпоха В. Ардзинба на этом не закончилась, она будет продолжаться, пока будет существовать созданное им Абхазское государство.

[1] Интервью В. Ардзинба // Газ. «Абхазия», №19, 23 апреля 1991 г.

[2] Аламиа Г. Ш. Звезды сгорают, чтобы продолжиться в свете… // Эпоха Ардзинба… С. 11.

ЧАСТЬ 2.
АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ НА ФОНЕ ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СССР

1. Советский референдум и абхазо-грузинские отношения

Избрание В. Ардзинба Председателем Верховного Совета Абхазии совпало с усилением процесса размежевания внутри СССР, и, как следствие, тогда участились случаи отказа государственных органов союзных республик от реализации общесоюзных законов. Вопреки Закону СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» некоторые союзные республики заявили о возможности приостановления на своей территории действия общесоюзных законов и постановлений Правительства СССР, если, по их мнению, эти акты нарушают права и интересы данной республики или региона. В связи с таким положением дел 24 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон СССР «Об обеспечении действия законов и иных актов законодательства Союза ССР». В статье 1 говорилось: «Законы, Указы Президента СССР, другие акты высших органов государственной власти и управления СССР, изданные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми государственными и общественными органами, должностными лицами и гражданами на территории СССР. Если закон республики расходится с законом СССР, то впредь до заключения нового Союзного договора действует закон СССР»[1]. В этот же день Верховный Совет РСФСР принял диаметрально противоположный советскому Закон «О действии актов органов Союза ССР на терри-

[1] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. С. 918.

тории РСФСР». В нем предусматривалось, что «законы и иные акты высших органов государственной власти СССР, указы и другие акты Президента СССР вступают в действие на территории РСФСР после их ратификации Верховным Советом РСФСР; акты Совета Министров СССР вступают в действие на территории РСФСР после их подтверждения Советом Министров РСФСР; акты министерств и ведомств СССР вступают в действие на территории РСФСР после их подтверждения государственными органами РСФСР, уполномоченными соответственно Верховным Советом РСФСР либо Советом Министров РСФСР»[1].

В то время, когда дезинтеграция советских территорий набирала обороты, в Европе шел обратный процесс. 27 октября в Риме на встрече на высшем уровне руководителей стран-участниц ЕЭС все члены, за исключением Великобритании, проголосовали за переход ко второму этапу создания к 1994 году экономического и валютного союза и за введение единой европейской валюты к 2000 году[2]. Ослабление военно-политических позиций СССР и объединение Европы способствовали сокращению вооружений на континенте. 19 ноября был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе[3]. В тот же день его участники выступили с Декларацией, в которой заявили, что на период дальнейших переговоров по этому вопросу «они не будут увеличивать общую численность личного состава по штатам мирного времени своих обычных вооруженных сил в соответствии с Мандатом в районе применения»[4]. Позже, после развала Советского государства, бывшие республики, входившие в его состав, именно ссылаясь на это соглашение, разделили военное наследство СССР.

14 ноября Верховный Совет Латвии принял Постановление «О недопустимости преступной деятельности отряда милиции особо-

[1] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. №21. С. 237.

[2] http://www.hrono.ru/map.php.

[3] 10 июля 1992 г. в Хельсинки было принято временное положение Договора об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 г. Документ предусматривал, что «государства-участники применяют временно все положения Договора начиная с 17 июля 1992 года». Предусматривалось, что такое временное применение Договора будет осуществляться в течение периода в 120 дней. Этот документ был подписан бывшими советскими республиками уже в статусе независимых государств.

[4] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12269.shtm.

го назначения и Вооруженных Сил СССР на территории Латвийской Республики»[1]. В ответ на это 20 ноября Верховный Совет СССР обратился к членам Верховного Совета Латвии «трезво оценить обстановку в республике, проявить благоразумие, отменить Постановление Верховного Совета Латвии от 14 ноября 1990 года, предотвратить ущемление законных интересов ветеранов войны и труда, принять меры по стабилизации политической обстановки в Латвии»[2]. Накануне этого обращения, 19 ноября, Россия и Украина подписали договор[3], а 21 ноября – Россия и Казахстан[4].

Следует отметить, что в это же время в самой России, которая все делала для ослабления Центра в лице Советского руководства, также происходили свои центробежные тенденции. Автономные республики в составе России часто повторяли тезис Ельцина «брать столько суверенитета, сколько сможете проглотить», и аппетиты их, по всей видимости, неожиданно для Ельцина стали «волчьими», и они также стремились воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Россия, сама провозглашавшая права народов на самоопределение и поддерживавшая, а нередко подталкивавшая другие советские республики, которые хотели отделиться от СССР, не могла открыто противостоять автономным республикам, которые стали заявлять о своем стремлении к построению горизонтальных отношений с властями России, а некоторые из них уже не стесняясь говорили и о выходе из состава РФ. Причем этому процессу нередко способствовала сама Россия. Так, в частности, по мнению А. Филиппова, закон «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», принятый 24 октября, наряду с декларацией «привел к конституционному кризису союзного государства». Кроме того, Декларация и названный закон «породили «эйфорию самостийности» у руководства российских автономий»[5]. Еще до этого, 25 августа, как уже говорилось, Татарстан принял Декларацию о суверенитете. 11

---

[1] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 48. С. 1048 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 48. С. 1048 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12266.shtm.

[4] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12037.shtm.

[5] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

октября была принята Декларация о государственном суверенитете Башкирской ССР[1]. Также в октябре о государственном суверенитете объявили Калмыкия и Чувашия[2]. 23-25 ноября на общенациональном съезде чеченского народа была принята декларация «О государственном суверенитете Чеченской (нохчи) Республики»[3]. Каких-либо протестов ни со стороны российских, ни со стороны союзных властных структур в Москве тогда не прозвучало[4].

В условиях противостояния между советским Центром и Россией обе проводили по отношению к названным процессам продиктованные своими интересами политику. СССР не мог отрицательно реагировать на действия российских автономий, во-первых, потому, что он терял всю Россию целиком и она тянула за собой другие союзные республики, во-вторых, движение российских автономий могло рассматриваться Советским Центром на том историческом этапе как движение союзническое, ведущее к ослаблению России, которой в таком случае было бы легче противостоять. Но все же самая главная причина заключалась в ослаблении силы и возможности Советского государства, как внутриполитической, так и внешнеэкономической. 23 ноября Советский парламент предоставляет чрезвычайные полномочия Президенту Горбачеву для поддержания порядка в СССР[5]. 26 ноября в выступлении Ю. Маслюкова на IV сессии Верховного Совета СССР говорилось: «Во внешнеэкономическом комплексе сложилось положение, близкое к чрезвычайному: с одной стороны, необходимо погасить обязательные платежи по задолженности страны, с другой стороны, положение осложнилось в связи с падением добычи нефти, заготовки леса и снижением сбора хлопка – эти продукты уже длительное время являются основными источниками валюты»[6]. В октябре – декабре раз-

[1] Бикбулатов И. Башкортостан в июне 1992 г. // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/0692/3.html.

[2] Ельцин Б. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[3] Газ. «Аидгылара», № 6, декабрь 1990 г.

[4] Коган-Ясный В. В. Политический аспект отношений федеральных органов Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990-1994 гг. // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/CHECHEN/ITOGI/kogan.htm.

[5] http://www.hrono.ru/map.php.

[6] Гайдар Е. Т. Гибель империи… // http://www.litru.ru/?book=9333&description=1. С. 80.

растается продовольственный кризис. Практически все основные продукты питания начинают распределяться по карточкам[1].

А сама Россия на этом этапе не могла выступать против движения автономий, как уже говорилось, из-за боязни не соответствовать имиджу демократической страны. Но при этом, по замечанию В. Коган-Ясного, «внутрироссийский «парад суверенитетов» носил двойственный и гораздо более неопределенный характер, чем тот, что шел на союзном уровне»[2].

18 декабря между Россией и Белоруссией был подписан договор[3], который стал еще одним болезненным ударом по целостности Советского государства. 19 декабря в своем выступлении на съезде лидер России Б. Ельцин заявил: «Мы имеем сегодня союзный центр "народного недоверия". Так называемая революция сверху закончилась. Кремль перестал быть инициатором обновления страны и активным проводником нового. Процессы обновления, заблокированные на уровне центра, переместились в республики»[4]. Ельцин обвинил Центр в стремлении к диктатуре. О надвигающейся диктатуре заявил уже на следующий день, 20 декабря, министр иностранных дел Э. Шеварднадзе. Но если Ельцин обвинял руководство СССР в стремлении к диктатуре, то Шеварднадзе заявил об отставке, назвав причиной своего поступка надвигавшуюся диктатуру. Г. Лежава сообщает, что А. Собчак вспоминал: «Как признавался сам Э. А. Шеварднадзе, впервые мысль об отставке с поста министра иностранных дел и об уходе из политического руководства Коммунистической партии Советского Союза возникла у него после трагических событий 9 апреля 1989 г. в Тбилиси. И особенно после обсуждения заключения комиссии, которую возглавлял А. Собчак, и выступления главного военного прокурора А. Ф. Катусева». В книге А. Собчака «Жила-была КПСС» тема его деятельности, связанная с расследованием тбилисских событий, вовсе не упоминается.

Позже, 5 марта 1991 г., З. Гамсахурдиа отставку Э. Шеварднадзе прокомментировал следующим образом: «Это был шаг Кремля. Как всегда – замаскированный и очень хитрый. С тем, чтобы создать Шеварднад-

[1] Собчак А. Жила-была КПСС // http://sobchak.org/rus/books/Kpss/4.html.
[2] Коган-Ясный В.В. Политический аспект…
[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12038.shtm.
[4] «Российская газета», 21 декабря 1990 г. // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

зе ореол мученика демократии. Ему и Горбачеву. Его, мол, вынудили на этот шаг реакционные силы. И вот составили такой имидж им обоим. А на самом деле, по-моему, все это было нужно Кремлю, чтобы, с одной стороны, успокоить военных и реакционные силы, а с другой – свалить опять-таки на нацмена все просчеты и поражения во внешней политике – эта игра»[1]. Однако, несмотря на, в общем, правильный ход мыслей Гамсахурдиа, все же, как представляется, он рассматривает уход Шеварднадзе узко в силу своего неприятия Кремля. А на самом деле подоплека этого шага могла быть значительно шире и глубже. Шеварднадзе уже тогда мог знать о судьбе Советского Союза и работать на укрепление своего авторитета перед мировой и грузинской общественностью. Известный историк А. Широкорад не без основания замечает, что «Шеварднадзе объявил о своей отставке и «немедленно стал кумиром «рафинированной» интеллигенции»[2].

Потом Б. Ельцин назовет отставку Шеварднадзе «мужественным поступком политика, который еще раз доказал, что является самостоятельной фигурой, независимым и смелым человеком, предупредившим общество об угрозе военного переворота»[3]. Здесь Ельцин дает оценку по существу самому себе, ибо Шеварднадзе 20 декабря, заявляя об угрозе диктатуры, повторил слова самого Ельцина, сказанные за день до этого. Фактически уход Шеварднадзе был ударом по руководству СССР, против которого выступал и Ельцин. Одним словом, тогда Ельцин и Шеварднадзе выступили как союзники в борьбе против Советского Центра. Сам Э. Шеварднадзе, уже будучи главой независимой Грузии, которая вела войну с Абхазией, выступая 25 сентября 1992 г. с трибуны ООН, говорил: «Я неоднократно предупреждал о возможности переворота и тоталитарного реванша. Если бы из этих предостережений были бы сделаны выводы, то мы имели бы дело не с хаотическим развалом страны, а с относительно безболезненным и управляемым переходом к новому состоянию, к образованию новых государств»[4].

---

[1] Газ. «Вестник Грузии». № 36, 19 марта 1991 г.

[2] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 252.

[3] Ельцин Б. Записки президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос (1987 – начало 1992 гг.). М., 1988. С. 318.

Тем временем на малой родине Э. Шеварднадзе в день его отставки постановлением ВС Грузии при Министерстве внутренних дел Грузии были созданы внутренние войска – Национальная гвардия[1]. Эта гвардия создавалась, по всей видимости, в первую очередь, не столько для достижения независимости Грузии, сколько для упрочения власти З. Гамсахурдиа. Свидетельством этому могут служить и последовавшие события: 28 декабря ВС Грузии запретил деятельность вооруженных формирований, не предусмотренных законом. Таковым оказался и «Мхедриони» Д. Иоселиани, который таким образом был объявлен вне закона. Но он сам делал вид, что эти решения его не заботят или, наоборот, до того заботили, что решил придать своей организации даже международный статус, который обеспечил бы неприкосновенность ему в Грузии, так как Грузия с вожделением смотрела на Запад. Когда Иоселиани понял, что за него могут взяться основательно, 31 января 1991 г. он направил письмо Президенту США и Генеральному секретарю ООН, в котором просил разрешить своей группе из 100 человек «принять участие в войне против Ирака»[2]. Однако, как и следовало ожидать, его обращение сильные мира сего оставили без ответа. Это, может, и послужило сигналом к более решительным действиям для грузинских властей, которые силами спецназа ЗакВО 18 февраля провели операцию по изъятию оружия и техники на центральной базе «Мхедриони». В результате было несколько раненых с обеих сторон, Д. Иоселиани и его ближайшее окружение были арестованы. Руководителю «Мхедриони» было предъявлено «обвинение в незаконном хранении пистолета Макарова»[3].

Таким образом, был устранен с политической арены один из основных конкурентов Гамсахурдиа в Грузии. Правда, в чем заключался интерес ЗакВО в этом, остается непонятным. Впрочем, если верить Т. Китовани, то Гамсахурдиа арестовал Иоселиани потому, что «Джаба знал, что он агент Москвы»[4]. Сам З. Гамсахурдиа обвинял Иоселиани в том

[1] 2 июля 1991 г. Президиумом ВС Абхазии было принято Постановление, согласно которому Постановление грузинского ВС о создании Национальной гвардии было объявлено «не имеющим юридической силы и не подлежащим исполнению» на территории Абхазии (Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 122.).

[2] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 83.

[4] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

же. Позже, 13 мая 1991 г., на пресс-конференции, отвечая на вопрос о криминогенной ситуации в Грузии, он сказал: «Кремль создал большую криминальную группу по всей Грузии, которая имела определенную власть. Мы арестовали 70 членов этой группы и их лидера Иоселиани»[1]. Причем интересно, что Иоселиани содержался в тбилисской тюрьме вместе с лидером Южной Осетии Т. Кулумеговым[2], который также был арестован не без участия или с молчаливого согласия российской стороны. Позже, в августе 1991 г., правозащитная организация «Международная амнистия» в своем докладе выразила сомнение в том, что Иоселиани являлся уголовным преступником и, признав за ним статус политического заключенного, потребовала ведения следствия с соблюдением норм международною права[3].

Что касается грузинской Национальной гвардии, то ее соединения 26 апреля 1991 г. впервые присягнули на верность Грузии[4], а призыв в нее был объявлен 30 апреля того же года (эта дата отмечается как день Вооружённых сил Грузии). Она представляла собой добровольческое формирование, многие члены которого, в том числе офицеры и даже командующий Т. Китовани, не имели военного образования. Национальная гвардия страдала от нехватки профессиональных кадров и низкого уровня дисциплины[5]. Сам Китовани позже вспоминал: «Использовалась старая советская сеть военкоматов. Из России приезжали военнослужащие грузины и служили в Грузии. Многие приехали и захотели послужить своей родине. Все. За три месяца была создана мощная армия, 16 тыс. человек»[6].

Тем временем еще в июле-сентябре 1990 г. с участием представителей союзных и автономных республик проходили консультации по разработке концепции нового Союзного договора. 1 октября ВС СССР одобрил предложение Президента СССР о создании Подготовительного комитета по разработке концепции и первоначального проекта Со-

---

[1] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.

[2] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 50.

[3] Газ. «Московские новости», № 33… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-avgusta-1991-goda

[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос... С. 243.

[5] http://desantura.ru/ge/.

[6] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

южного договора. В этот комитет, наряду с представителями союзных республик, были включены и представители автономных образований. Было заявлено, что новый Союзный договор – «важный фактор выхода общества из кризиса»[1].

25 декабря было принято Постановление съезда народных депутатов СССР «Об общей концепции нового Союзного договора и порядке его заключения». Организация дальнейшей работы над проектом нового Союзного договора поручалась Подготовительному комитету в составе высших должностных лиц субъектов федерации – республик и автономных образований, Президента, Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР[2]. Знаменательно, что ровно через год, 25 декабря 1991 г., Первый Президент СССР, уже фактически оставшись без государства, подал в отставку. 16 января 1991 г., на фоне трагических столкновений в Литве, что вызвало очередной виток антисоветского движения в республиках, Верховный Совет СССР принял Постановление о проведении 17 марта референдума по вопросу о сохранении Союза ССР.

Между тем, 1991 год начался резким осложнением ситуации в Южной Осетии. В ночь на 5 января в столицу республики г. Цхинвал вошла колонна с грузинской милицией. Днем 5 января на площади столицы собрались осетины, против которых грузинская милиция применила силу. Были убитые и раненые. Город практически был занят грузинами, а в ночь с 5 на 6 января между грузинами и осетинами завязался бой. Цхинвал оказался разделенным надвое, враждующими сторонами были сооружены баррикады[3]. К. Мяло сообщает о том, что «на рассвете 6 января российские генералы Маслюшкин и Воронов, сняв посты, впустили в безоружный спящий город 6 тысяч вооруженных людей, представлявших разномастные вооруженные формирования Грузии»[4]. С этим же согласуется и сообщение А. Соколова, который пишет, что «6 января 1991 г., при полном бездействии внутренних войск СССР, находившихся в регионе, в столицу автономии Цхинвали вошли силы гру-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 238.

[2] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 1. С. 2. 3.1., 4.1 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] Газ. «Аидгылара». № 1, январь 1991 г.

[4] Мяло К. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

зинской милиции и грузинские добровольцы»[1]. Спустя время, 8 марта 1991 г., З. Гамсахурдиа, отвечая на вопрос газеты «Куранты» – «Какой приказ получила грузинская милиция 6 января?», ответил: «В Южной Осетии были убийцы грузин. Милиция получила приказ арестовать этих убийц, остановить бандитизм»[2].

Такой эскалации ситуации предшествовали следующие события: 9 декабря 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет Юго-Осетинской республики, в которых приняло участие 72% избирателей. 10 декабря сессия избрала Т. Кулумбегова Председателем Верховного Совета Юго-Осетинской республики[3]. 11 декабря ВС Грузии вовсе отменил автономный статус Юго-Осетинской области[4], а 13 декабря ввел чрезвычайное положение на территории г. Цхинвал и Джавского района[5]. Тогда же началась блокада Южной Осетии[6], которая практически больше не прекращалась. Южная Осетия была лишена энерго- и водоснабжения, что поставило ее население на грань выживания. 8 февраля 1991 г. в интервью итальянской газете «Стампа» З. Гамсахурдиа, отвечая на вопрос о блокаде, заявил: «Это забастовка. Что я могу поделать? Разве у вас не бастуют? Арестовать их? Они требуют остановить этих бандитов, а я не могу этого сделать, потому что у меня нет достаточных сил. Это забастовка против меня. У меня только милиция, а бандитов защищает Советская армия»[7]. А как Советская армия защищала осетин именно в момент ввода туда так называемой грузинской милиции, говорилось выше.

16 декабря совместная Чрезвычайная сессия Координационного Совета АГНК и ассоциации национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности, приняла обращение к народам Советского Союза. В нем содержалось требование «отмены антиконституционного ре-

[1] Соколов А.В. Миротворческая активность и миротворческие силы Росси в СНГ // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/chapter1.htm.

[2] Газ. «Вестник Грузии». № 39, 22 марта 1991 г.

[3] Политико-правовые основания независимости Южной Осетии. ВС РЮО. Цхинвал, 29 мая 1992 г. // http://www.taxru.com/publ/39-1-0-1079.

[4] Это постановление грузинского парламента 13 декабря 1990 г. решением ВС Южной Осетии было объявлено недействительным.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 37.

[6] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 49.

[7] Гамсахурдиа З. Осетины представляют собой ничтожное меньшинство // http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101320064.php.

шения ВСРГ, грубо попирающего право народа на самоопределение, и признания суверенитета Юго-Осетинской республики». В случае же непринятия срочных радикальных мер по урегулированию конфликта, народы – члены Ассамблеи и Ассоциации заявили, что они «оставляют за собой право оказать необходимую помощь братскому осетинскому народу»[1].

7 января, уже после начала боевых действий в Цхинвале, М. Горбачев издал «Указ о некоторых законодательных актах, принятых в декабре 1990 года в Грузинской ССР». Указ отменил решения и постановления как Верховного Совета Южной Осетии, так и парламента Грузии. Наряду с этим документ предписывал: «Вывести в трехдневный срок с территории Юго-осетинской автономной области все вооруженные формирования, за исключением внутренних войск Министерства внутренних дел СССР»[2]. Это постановление, по мнению К. Мяло, служит свидетельством того, что грузинские полувоенные формирования вошли в Цхинвал с согласия Москвы[3]. Однако в тех условиях Москва вряд ли была заинтересована в достижении цели грузинских шовинистов в Южной Осетии, так как они выступали за отделение от СССР. Как бы там ни было, этому указу уже никто не подчинялся, грузинские власти не собирались считаться с Москвой, и их решение о вторжении в Осетию они не считали нужным согласовывать с руководством СССР. Более того, З. Гамсахурдиа заявил, что «это не война между грузинами и осетинами, а война Москвы против Грузии»[4]. Подтверждением этого является и Постановление об указе Президента СССР от 7 января[5], принятое ВС Грузии 9 января. Этот документ подтвердил юридическую силу Закона Республики Грузия «Об упразднении Юго-Осетинской автономной области», принятого ВС Грузии 11 декабря 1990 г.[6]. Тем временем в Цхинвале по ночам продолжалась перестрелка, город оказался в блокаде,

[1] Газ. «Аидгылара», № 7, декабрь 1990 г.

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 239-240.

[3] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

[4] Гамсахурдиа З. Осетины...//http://www.iriston.ru/ru/yugooset/ 1101320064.php.

[5] 19 января 1991 г. сессия народных депутатов всех уровней Южной Осетии «одобрила и приняла к неукоснительному соблюдению» указ Горбачева и просила Президента СССР «ввести чрезвычайное положение на всей территории Южной Осетии и осуществлять его режим силами войск МВД СССР».

[6] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 43.

связь с внешним миром была прервана. Ночью 11 января обстановка резко обострилась. В городе гремела автоматная и пулеметная стрельба[1]. Против названного указа Горбачева протестовали и представители грузинской общественности в Абхазии. 10 января студенты и преподаватели ГИСХа высказали свое возмущение указом и заявили, что «Кремль не имеет права вмешиваться во внутренние дела Грузии». 11 января такой же митинг провели сотрудники Сухумского филиала ТГУ. Аналогичные митинги были проведены 10 января в Очамчире и Гульрипше[2].

Однако сам Горбачев уже был занят другими делами. 8 января он подписал с Б. Ельциным экономическое соглашение на 1991 г., по которому Россия добилась фиксированной суммы отчислений в бюджет СССР. 10 января М. Горбачев обратился к Верховному Совету провозгласившей независимость Литвы с призывом «незамедлительно восстановить в полном объеме действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, отменить ранее принятые антиконституционные акты»[3]. М. Горбачев намекнул, что «люди требуют введения президентского правления». Литва никак не отреагировала и, как следствие, 13 января советские войска были введены в г. Вильнюс[4]. Политический резонанс, вызванный этой акцией, ещё больше накалил обстановку и снизил до критического уровня и без того невысокий авторитет союзного руководства. Теперь всё, что исходило из центра, вызывало немедленное и повсеместное неприятие во всех социальных слоях населения Союза[5]. Говоря об этой ситуации, Е. Гайдар отмечал: «Тон, которым разговаривают с Москвой западные столицы, становится откровенно холодным. Между тем валютно-финансовые проблемы не решены. Западные кредиты нужны срочно. Советское руководство отступает»[6]. Советские войска были выведены из столицы Литвы, а Горбачев заявил, что данная

[1] Газ. «Аидгылара», № 1, январь 1991 г.

[2] Там же.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 3. С. 74 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[4] А. Черняев (помощник Президента СССР М. Горбачева) впоследствии говорил М. Брейтвету (послу Великобритании в СССР), что решение было принято по указанию командующего сухопутными войсками СССР, генерала армии Варенникова без согласования с М. Горбачевым. (Е. Т. Гайдар. Гибель империи… С. 97).

[5] Симонян Р. Х. Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Журн. «Вопросы истории». № 12. М., 2002. С. 37.

[6] Гайдар Е. Т. Гибель империи…. С. 97.

акция не была согласована с ним. В то же время Россия продолжала поощрять республики, стремившиеся к независимости от СССР. В частности, 12 января, накануне ввода войск в Литву, был подписан договор об основах межгосударственных отношений между Россией и Эстонией[1], а 13 января – аналогичный договор между Россией и Латвией[2].

Чуть позже, как следствие, 8 февраля 1991 г. в Брюсселе между комиссией европейских сообществ и правительством СССР подписано соглашение об учреждении, привилегиях и иммунитетах комиссии европейских сообществ в СССР, согласно которому каждое из Европейских сообществ – объединение угля и стали, экономическое сообщество и сообщество по атомной энергии – пользуется на территории СССР правосубъектностью; сообщества правомочны заключать контракты, приобретать недвижимую и движимую собственность и распоряжаться в той мере, в какой это необходимо для успешного выполнения их функций[3].

После относительного затишья в Литве советское руководство вернулось к проблеме грузино-осетинского противостояния. 17 января в Тбилиси для обсуждения обстановки, сложившейся в Южной Осетии, прибыл председатель Совета национальностей ВС СССР Р. Нишанов. Во время этой встречи Грузия формально признала, что ее милиция в Южной Осетии будет подчиняться МВД СССР. 26 января после боев с группами осетинских ополченцев грузинские силы вынуждены были оставить город. Вслед за этим осетинским отрядам постепенно удалось оттеснить грузинские силы на несколько километров от Цхинвала[4]. Тем не менее, З. Гамсахурдиа продолжал утверждать, что «осетины представляют собой ничтожное меньшинство», а «в XIX веке в Цхинвали не было ни одного осетина». Председатель ВС Грузии заявлял, что осетины должны уйти из Осетии или «сидеть спокойно, не причиняя никому хлопот»[5]. 29 января Председатель Президиума Верховного Совета Южной Осетии Т. Кулумбегов был арестован грузинской милицией во

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12099.shtm.

[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12097.shtm.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch02/akt12031.shtm.

[4] Соколов А. В. Миротворческая активность… // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/chapter1.htm.

[5] Гамсахурдиа З. Осетины…// http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101320064.php.

время переговоров в присутствии российских офицеров[1]. Может, этот шаг был направлен на задабривание грузинской стороны, но он не достиг своей цели. 22 февраля в Нальчике состоялась очередная сессия Координационного Совета АГНК, а главным вопросом, обсуждавшимся на ней, был вопрос о ситуации в Южной Осетии[2].

11 марта З. Гамсахурдиа направил заявление председателю Верховного Совета Северной Осетии А. Галазову и центральным СМИ, в котором говорилось: «В случае продолжения дальнейшей эскалации целенаправленной дезинформации со стороны образовавшего преступный альянс между центральными СМИ и пресс-центром чрезвычайного комитета при Председателе ВС Северной Осетии, ВС Республики Грузия оставляет за собой законное право на основе международных юридических прав принять соответствующие меры по разоблачению и пресечению вашей преступной деятельности»[3]. О том, как грузинские власти хотели бы видеть решение проблемы, было изложено в обращении Президиума ВС Грузии к осетинскому населению, принятом еще 4 марта. В нем были предусмотрены следующие условия: сдача оружия всеми незаконными военизированными формированиями, их полное и безоговорочное разоружение; Цхинвали превратится в город республиканского подчинения, для осетин будут сохранены все права культурной автономии; в Цхинвали должен быть назначен префект и проведены муниципальные выборы. В обращении также содержался призыв проявить «благоразумие, пока не поздно, ибо от кровавого конфликта между нами выиграет только наш враг»[4]. Этот «общий враг» в лице М. Горбачева к проблеме Южной Осетии смог вернуться только 30 марта. В своем обращении он предлагал «немедленно принять меры к тому, чтобы остановить кровопролитие, прекратить действия боевиков, пресечь их намерения по захвату и уничтожению населенных пунктов, приступить к переговорам»[5]. На это З. Гамсахурдиа ответил, что «никак нельзя правительству Грузии вести переговоры с боевиками и террористами» и выразил надежду, что «руководство СССР воздержит-

[1] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 50.
[2] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.
[3] Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.
[4] Газ. «Вестник Грузии», № 25, 6 марта 1991 г.
[5] Газ. «Грузия спектр», №1, 8-14 апреля 1991 г. С. 6.

ся от дальнейшей дестабилизации обстановки, поскольку после Вашей телеграммы обстановка вокруг Цхинвала вновь обострилась»[1].

Между тем, 16 января 1991 г., как уже было сказано выше, ВС СССР принял постановление о проведении референдума по всей территории Советского Союза по вопросу о сохранении СССР. Гражданам предлагалось ответить на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик, как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности»[2]. Проведение референдума было назначено на 17 марта. 30 января ВС Грузии заявил об отказе от проведения референдума, а Абхазия, напротив, начала подготовку к нему. Тогда в Верховном Совете Абхазии состоялось заседание Комиссии по вопросам законодательства. На нем В. Ардзинба отметил необходимость всестороннего обсуждения и опубликования законов «О всенародном голосовании» и о «правовом режиме чрезвычайного положения». В ВС на совещании с участием руководителей местных исполкомов обсуждался вопрос подготовки проведения референдума[3]. Первый съезд представителей абхазского народа, состоявшийся 2 февраля в Сухуме, также заявил о поддержке усилий по «сохранению и обновлению СССР как государства равноправных народов». Съезд обратился к ВС Абхазии с призывом приостановить «действие на территории Абхазии законов Республики Грузия, противоречащих Конституции СССР и Абхазской Республики». Съезд также потребовал от политических лидеров Грузии прекратить политику террора по отношению к осетинскому народу и избрал делегатов на съезд народов Кавказа. А в резолюции форума Верховному Совету Абхазии предлагалось на очередной сессии «дать оценку целям и методам ведения Кавказской войны с точки зрения норм международного права и определить статус абхазов, вынужденно проживающих за пределами Абхазии» [4].

29 января сессия Верховного Совета Грузии приняла Закон «О местном самоуправлении в переходный период», согласно которому ввo-

[1] Газ. «Грузия спектр», №1, 8-14 апреля 1991 г. С. 6.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 240.
[3] Газ. «Абхазия», № 3, 4 февраля 1991 г.
[4] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.

дилась новая должность – префекта. По этому документу предполагалось, что «префекты районов автономных республик и городов республиканского подчинения назначаются и освобождаются Президиумом Верховного Совета Республики Грузия по согласованию с Советом Министров автономной республики и с Советом Министров Республики Грузия на основании представления Председателя Верховного Совета автономной республики»[1]. Но в связи с тем, что этот закон входил в противоречие с действовавшей Конституцией Абхазии, между руководством двух республик была достигнута договоренность[2] о том, что действие этого закона до рассмотрения его ВС Абхазии на территории Абхазии не распространять[3]. Однако, по всей видимости, подобные договоренности не вызывали особого доверия, и 7 февраля ВС Абхазии принял Постановление относительно решений грузинского Парламента от 29 января. В документе отмечалось, что Абхазия «самостоятельно решает вопросы о структуре местных органов государственной власти и управления, избирательной системы и назначения выборов»[4].

2 февраля было опубликовано открытое письмо Т. Шакрыл к З. Гамсахурдиа, в котором, в частности, содержался призыв: «Не испытывайте наше терпение!»[5]. Однако руководитель Грузии, видимо, не считал нужным прислушиваться к подобным предостережениям, напротив, было похоже, что он все более убеждался в своей непогрешимости и безнаказанности. 8 февраля в интервью итальянской газете «Стампа» З. Гамсахурдиа заявил: «Абхазцы – коренное население. Конечно, и им советская власть подарила чрезмерно большую территорию. Они могут остаться, но на меньшей, чем сейчас, территории»[6]. Видимо, воплощением его идеи об уменьшении территории Абхазии призвано было стать и следующее решение. Президиум ВС Грузии 11 февраля назначил

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 240.

[2] Составители сборника «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии...», комментируя данный тезис из заявления Президиума ВС и Совета Министров Абхазии, отмечают, что им «не удалось обнаружить документ, в котором фиксировалась эта договоренность». Исходя из этого, они считают возможным предположить, что «она носила устный характер» (С. 116). Вскоре, менее чем через 10 дней, эта договоренность была нарушена со стороны официального Тбилиси.

[3] Газ. «Советская Абхазия», №24, 15 февраля 1991 г.

[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 116.

[5] Газ. «Аидгылара», №2, февраль 1991 г.

[6] Гамсахурдиа З. Осетины… // http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101320064.php.

Э. Джинджулия префектом Гальского района[1]. Предотвратить принятие этого, по существу, провокационного акта не смогла и Согласительная комиссия, в которую входили представители городов и районов Абхазии. Она была создана еще 8 февраля распоряжением Председателя ВС Абхазии при Верховном Совете «в целях оперативного рассмотрения для последующего устранения возникающих на почве межнациональных отношений разногласий и дальнейшей стабилизации обстановки»[2].

Президиум ВС и Совет Министров Абхазии в своем совместном заявлении расценили назначение префекта Гальского района как «первый шаг к ликвидации существующих в Абхазии конституционных структур власти и нарушению ее территориальной целостности, так как назначение на не предусмотренную Конституцией Абхазии должность фактически выводит Гальский район из подчинения высшим органам власти Абхазии»[3]. Президиум ВС Абхазии призвал отменить данное решение. 13 февраля Президиум ВС Абхазии принял специальное Постановление, объявившее о том, что Постановление ВС Грузии от 11 февраля является «незаконным и не имеющим юридической силы с момента принятия»[4]. Собрание общественных организаций, состоявшееся 14 февраля в Сухуме, также объявило решение Президиума ВС Грузии «недействительным и не имеющим юридической силы» и призвало «защитить конституционные права Абхазской Республики»[5]. Не получило одобрения учреждение префекта в Гальском районе и на заседании Совета Министров Абхазии 20 февраля с участием руководителей исполкомов, райотделов МВД[6]. Солидарность и поддержку с Постановлением Президиума ВС Абхазии от 13 февраля выразила и общественность Очамчырского района на многотысячном митинге 17 февраля. Решение ВС Грузии о введении должности префекта Гальского района было названо «провокационным вызовом, направленным на ликвидацию государственности Абхазии»[7]. Чуть позже З. Гамсахурдиа с негодованием отмечал, что на этом митинге в Очамчире принимали

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 47.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.
[6] Газ. «Абхазия», № 5-6, 26 февраля 1991 г.
[7] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.

участие и «представители т. н. Национального конгресса Грузии, которые также высказали отрицательное отношение к введенному в Грузии институту префекта»[1].

22 февраля в Нальчике состоялась очередная сессия Координационного Совета АГНК, участники которой также выразили серьезную тревогу по поводу мероприятий руководства Грузии, направленных на грубые нарушения территориальной целостности и конституционного статуса Абхазии[2]. 26 февраля в результате предварительных контактов в Народном форуме Абхазии состоялась встреча представителей «Аидгылара», Демократической партии Абхазии и регионального отделения «Круглого стола» Грузии. В ходе встречи была обсуждена общественно-политическая ситуация в связи с назначением префекта[3]. Позже председатель социал-демократической партии Грузии Г. Мучаидзе назначение префекта в Гальском районе без согласования с ВС Абхазии назвал ошибкой «Круглого стола». Он, анализируя позицию «Круглого стола», пришел к выводу, что эта политика привела к тому, что Абхазия и Южная Осетия «для Грузии по существу потеряны»[4]. З. Папаскири, адвокат всех действий со стороны Грузии по отношению к Абхазии, в данном случае признает, что это было «серьезной политической и правовой ошибкой З. Гамсахурдиа и его окружения»[5].

Между тем, сам З. Гамсахурдиа в своем Обращении к абхазскому народу тогда так объяснил причины данного шага: «Не взирая на наши неоднократные просьбы, г-н Ардзинба не приехал в Тбилиси, не присутствовал на заседаниях Президиума, членом которого он является, и не представил кандидатуру префекта. Потому префект в Гали был назначен нами»[6]. 9 марта на пресс-конференции З. Гамсахурдиа также продолжал утверждать: «Мы предложили В. Ардзинба представить кандидатуры префектов. Если этого не произойдет, мы сами назначим префектов в Абхазии»[7]. А сам новоявленный префект Гальского района Э. Джинджулия также почти слово в слово повторил З. Гамсахурдиа.

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.
[2] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.
[3] Там же.
[4] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 3.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 379.
[6] Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.
[7] Газ. «Вестник Грузии», № 31, 13 марта 1991 г.

Он сделал это следующим образом: «Назначение префекта в Гальский район должно было произойти после представления ВС Абхазии своей кандидатуры. Однако, пойдя на поводу у антигрузинских сил, высший орган власти автономной республики таковую не представил. Поэтому руководство Грузии решило вопрос самостоятельно»[1]. В. Ардзинба, в свою очередь, чуть позже, отвечая на вопрос о его возможной встрече с З. Гамсахурдиа, сказал, что для этого «должны быть созданы соответствующие условия», при этом он уточнил, что имеет в виду «отмену неконституционного решения по Гальскому району»[2].

Спустя время Э. Джинджулия отмечал, что население района восприняло введение префектуры с воодушевлением. Он говорил: «Когда я вернулся в Гали из Тбилиси, здесь состоялся 10-тысячный митинг жителей района (префект явно преувеличивает, по другим сведениям, на митинге присутствовало до 2 тысяч человек. – **А. А.**), и я не побоюсь сказать, что приняли меня аплодисментами»[3]. Надо заметить, что префект не только преувеличивает, но и не договаривает, чем вводит в заблуждение неискушенного читателя. Дело в том, что он «был введен в должность председателем экономической комиссии ВС Грузии Г. Тактакишвили, который для этой цели в сопровождении префекта г. Зугдиди Т. Жоржолиани и десятка вооруженных лиц специально прибыл в Гали». Естественно, такая «форма смены местной власти не получила одобрения и значительной части общественности самого Гальского района»[4].

В понедельник и вторник в Батуми, столице Аджарии, произошли волнения, результатом которых стало назначение нового министра внутренних дел автономной республики. Вышедшие на улицу люди требовали сохранения автономии и выступили против деления Грузии на префектуры. Дело не ограничилось простым митингом. Толпа ворвалась в здание правительства Аджарии и штурмовала здание МВД республики[5]. Так что против префектов выступали не только в Абхазии, но и в республике, населенной грузинами. Несмотря на всю сложность обстановки, такого противостояния в Аджарии пока удавалось не допустить.

---

[1] Газ. «Абхазия», № 20, 11 мая 1991 г. С. 2.

[2] Газ. «Абхазия», № 19, 23 апреля 1991 г.

[3] Газ. «Абхазия», № 20, 11 мая 1991 г. С. 2.

[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 379.

[5] http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-24-aprelya-1991-goda

Между тем, 16 февраля вместо умершего народного депутата СССР Б. Адлейба в окружном избиркоме были зарегистрированы кандидатами: А. Аршба, Л. Маршания, М. Оманидзе, В. Хишба[1]. 20 февраля на заседании Совета Министров Абхазии с участием руководителей исполкомов, райотделов МВД было проанализировано состояние оперативной обстановки. Она была оценена как крайне тяжелая, имеющая тенденцию к еще большему усугублению. Продолжались ограбления госимущества с применением огнестрельного оружия. На этом заседании В. Ардзинба подверг резкой критике правоохранительные органы за недостаточную борьбу с преступностью. Он заявил, что если криминогенная ситуация не будет нормализовываться, то остается одно: издать распоряжение о введении в действие в Абхазии Указа Президента СССР о совместном патрулировании милиции и военных[2].

21 февраля в Сухуме был создан блок общественно-политических организаций и движений «Союз», в который вошли НФА, ДП Абхазии, Народный Союз «Абхазия», «Крунк», «Сухумское общество интернационалистов». Первоочередной задачей блока было объявлено «проведение общесоюзного референдума в поддержку создания нового Союза»[3]. И уже 23 февраля блок обратился с посланием к Председателю ВС Абхазии В. Ардзинба, в котором содержался призыв «обеспечить проведение референдума на территории Абхазии»[4]. В Грузии, как уже говорилось, преобладали совсем иные настроения. 27 февраля З. Гамсахурдиа, выступая на сессии ВС Грузии, отметил, что поскольку «Грузия отказывается подписать Союзный договор, центр всячески пытается разыграть в Абхазии и Самачабло уже не раз апробированную схему искусственного нагнетания напряженности»[5]. О ситуации в Абхазии говорили также и депутаты Н. Мгалоблишвили, Л. Алексидзе, Г. Кавтарадзе и др.[6].

На второй день, 28 февраля, Верховный Совет Грузии принял постановление, в котором предусматривалось: «1. Не проводить на территории Республики Грузия референдум, назначенный Верховным Советом СССР на 17 марта 1991 г. 2. Назначить на 31 марта 1991 г. в Республике

[1] Газ. «Абхазия», № 5-6, 26 февраля 1991 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 5-6, 26 февраля 1991 г.
[3] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.
[4] Там же.
[5] Газ. «Советская Абхазия», № 34, 1 марта 1991 г.
[6] Там же.

Грузия референдум по поводу восстановления государственной независимости Грузии с единственным вопросом: «Согласны ли Вы на восстановление государственной независимости Грузии на основании Акта о независимости от 26 мая 1918 года» [1].

28 февраля в газете «Вестник Грузии» было опубликовано обращение группы депутатов Парламента Абхазии грузинской национальности к В. Ардзинба, в котором было сказано: «В сложившейся ситуации вызывает удивление позиция Председателя ВС Абхазии В. Ардзинба, которая является явно неприемлемой для большей части населения и фактически способствует углублению межнациональной конфронтации». В кабинетах ВС Абхазии «разрабатываются законопроекты, противоречащие конституции Грузии и по существу являющиеся сепаратистскими». В. Ардзинба «находится под влиянием и давлением консервативных сил». В конце обращения был выдвинут ультиматум: «В противном случае считаем своим долгом поставить перед вами вопрос о нецелесообразности созыва очередного ВС Абхазии»[2]. Тем не менее, сессия Верховного Совета Абхазии состоялась 28 февраля. На ней с докладом о прогнозе экономического и социального развития Абхазии на 1991 год выступил председатель Госплана В. Ашхацава, о Госбюджете на 1991 год и об исполнении за 1989 год – заместитель министра финансов А. Джикирба[3]. На сессии с докладом о Законе «О всеобщем голосовании» выступил первый заместитель Председателя ВС В. Колбая, «О правовом режиме чрезвычайного положения» – министр юстиции Ш. Лакоба. Далее для решения спорных вопросов была создана согласительная комиссия под председательством В. Ардзинба, которая удалилась на совещание. В его отсутствие заседание вел В. Колбая. Затем с сообщением о решении согласительной комиссии, обсуждавшей поправки к законопроекту о правовом режиме чрезвычайного положения в Абхазии, выступил В. Ардзинба. В дополнении к повестке дня был обсужден вопрос об организации на территории Абхазии мероприятий, связанных с проведением 17 марта союзного референдума. Были высказаны различные точки зрения. Ряд депутатов покинул сессию,

[1] Газ. «Вестник Грузии, № 22, 1 марта 1991 г.

[2] Сагариа Б. Е. С кем вы, уважаемые парламентарии // Газ. «Абхазия», № 26, 2 июля 1991 г. С. 3.

[3] Газ. «Абхазия», № 7-8, 4 марта 1991 г.

другая группа не приняла участия в голосовании. Большинством голосов было принято постановление о проведении референдума[1].

Что любопытно, официальная грузинская пресса прокомментировала работу названной сессии довольно лояльно. Она тогда писала: «Слухи о том, что прошедшая в Сухуми 11 сессия ВС Абхазии собиралась принять ряд законов, противоречащих Конституции Грузии и СССР, оказались преувеличенными. По общему мнению, ряд спорных вопросов был снят с повестки дня. Острота в дебатах ощущалась. Вместе с тем, в отличие от примеров последних лет, налицо было стремление участников сессии прийти к согласию… Депутаты обсудили и вопрос об участии в референдуме по поводу сохранения СССР, который был намечен на 17 марта. Грузинская депутация посчитала неприемлемым принятие постановление об организации мероприятий по проведению референдума на территории Абхазии»[2].

Тем самым был дан официальный старт в республике к подготовке и проведению Всесоюзного плебисцита. Это привело к резкому обострению противоречий не только между Грузией и Абхазией, но и между сторонниками и противниками референдума в самой Абхазии. В который уже раз население республики разделилось на два непримиримых лагеря. Тогда З. Гамсахурдиа в обращении к абхазскому народу призывал: «Не поддавайтесь на происки прокоммунистов, агентов наших исторических врагов и провокаторов, объявите бойкот советскому референдуму и примите участие в референдуме 31 марта, который будет связан с восстановлением независимости Грузии. Независимая Грузия даст вам гораздо больше, чем модернизированная советская империя, цель которой – ассимиляция всех малых народов и их русификация»[3]. Представителю Грузии ли было говорить абхазам об угрозе ассимиляции, тогда как тезис «насильственная ассимиляция абхазов грузинами» проходит красной нитью сквозь историю взаимоотношений этих двух народов?! В ответном послании В. Ардзинба было сказано: «Не к самоуправлению, как Вы полагаете, в качестве административно-территориальной единицы Грузии стремится наш народ. Он выступает за сохра-

[1] Газ. «Советская Абхазия», № 35, 2 марта 1991 г.
[2] Газ. «Вестник Грузии», № 23, 2 марта 1991 г.
[3] Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.

нение Союза суверенных государств, в котором Абхазия будет одной из равноправных суверенных республик»[1]. Но З. Гамсахурдиа желал слышать только самого себя. 5 марта, выступая по грузинскому телевидению, он заявил: «Референдум выявит тех, кто заслуживает быть гражданином Грузии. Лишь после референдума мы решим, кому быть гражданином Грузии»[2].

Тем временем, 6 марта в Сухуме состоялся первый съезд блока «Союз». В его работе приняла участие делегация из Чечено-Ингушетии. Делегаты обсудили вопросы: о задачах блока, о референдуме 17 марта, об отношении к институту префектуры. В обсуждении названных вопросов приняли участие: сопредседатели Сухумского общества интернационалистов Ю. Воронов и Н. Иониди, председатель НФА С. Шамба, представитель НФ Чечено-Ингушетии Х. Ханкаров, заместитель председателя НФА З. Ачба, доцент АГУ В. Логинов, председатель Гудаутской районной организации НФА Ан. Возба, заведующий отделом истории Абхазии Абгосмузея Е. Аджинджал, председатель Сухумской организации НФА В. Кварчия. Съезд обратился к Президенту СССР с призывом создать комиссию ВС СССР для изучения ситуации в Абхазии и принять действенные меры для «обеспечения охраны Конституции и предотвращения гражданской войны». На нем также была принята платформа блока, главным пунктом которой являлось «сохранение Союза как обновленной федерации и государственности Абхазии в рамках содружества равноправных республик». С сообщением о работе над Союзным договором выступил представитель Абхазии в Комиссии по доработке Союзного договора, заведующий кафедрой АГУ В. Кецба[3].

Проект самого договора Союза Суверенных Республик был подписан 9 марта перед Всесоюзным референдумом, видимо, не без расчета повлиять на его итоги. В нем Абхазия была представлена как самостоятельный субъект будущего Союза. А 10 марта В. Кецба отмечал, «что единодушно принято положение об исключении института автономий как исторически отжившем, не отвечающем современным требованиям»[4]. Сообщил это он на 30-тысячном митинге, организованном блоком

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 121.
[2] Газ. «Аидгылара», № 4, апрель 1991 г.
[3] Газ. «Аидгылара», № 3, март 1991 г.
[4] Там же.

«Союз» в поддержку референдума. В нем также приняли участие представители народов, входивших в АГНК и Ассоциацию представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. В обращении митинга к руководству СССР и Грузии говорилось: «Верховный Совет и Правительство Республики Грузия должны прекратить насильственное навязывание Абхазии института префектов и немедленно отозвать уже назначенного в Гальском районе префекта. В противном случае народ Абхазии оставляет за собой право защищаться от агрессии всеми имеющимися средствами». Участники митинга обратились к грузинскому населению Абхазии с призывом «отказаться от насильственных действий… и высказаться в ходе референдума за сохранение и коренное обновление Союза»[1]. Вместе с тем один из лидеров блока «Союз», заместитель Председателя НФА З. Ачба причины подобной позиции объяснял тогда следующим образом: «Мы вообще-то были против проведения референдума. Мы понимаем, что референдум организован Центром для того, чтобы им прикрыться: получить индульгенцию за прошлые ошибки и карт-бланш на проведение своей политики. Но у нас нет другого выхода. Мы знаем, что вне пределов этой страны нас ожидает еще худшее. Мы не верим в независимую, свободную Грузию. Для грузин это станет большим несчастьем, а для нас и других негрузинских народов это может обернуться катастрофой».

9 марта З. Гамсахурдиа, отвечая на вопрос о ситуации в Абхазии, сказал: «Мы принимаем меры, чтобы не был проведен так называемый советский референдум. И мы хотим обратиться к армянам, живущим в Абхазии: не принимайте участия в этом референдуме, потому что это будет предательством по отношению не только к Грузии, но и к Армении. Армения, как известно, не принимает участия в союзном референдуме, а, как и мы, проводит свой референдум»[2]. На этот его призыв немедленно последовала реакция в виде «творения» под названием «Обращение представителей армянской культурной элиты Грузии к соотечественникам, живущим в Абхазии». В этом документе говорилось: «Сегодня грузинский народ решает свою судьбу. Давайте подумаем. Разве мы, армяне, имеем право противиться естественному стремле-

[1] Газ. «Аидгылара», № 3, март 1991 г.
[2] Газ. «Вестник Грузии», № 31, 13 марта 1991 г.

нию грузинского народа? И подумаем также и о том, как мы подходим к аналогичной идее Армении, армянского народа. Армения, как известно, в референдуме 17 марта участия не принимает. Вы, конечно, можете возразить, что есть решение ВС Абхазии об участии в общесоюзном референдуме. Мы глубоко понимаем вашу довольно сложную и трудную ситуацию. Абхазия – часть Грузии, она входит в состав Республики Грузия, и не подчиняться республиканским законам и решениям означает конфронтацию, последствия которой непредсказуемы… Вот почему мы с чистой совестью и глубоким чувством ответственности перед завтрашним днем обращаемся к вам с призывом – голосовать 31 марта за восстановление государственности Грузии»[1].

При этом названную «элиту», по всей видимости, не особо заботила судьба армян, проживавших в Абхазии, которую тут запугивали. 13 марта на заседании Сухумского общества интернационалистов была обсуждена сложная ситуация, сложившаяся в отдельных регионах Абхазии накануне референдума. Было отмечено, что особого накала обстановка достигла в Гульрипшском и ряде сел Сухумского района, где велось запугивание негрузинского населения – армянского, русского, эстонского, греческого и др.[2]. Об этом говорил и В. Ардзинба, который в своем ответном послании к З. Гамсахурдиа 15 марта писал: «Нетрудно увидеть прямую взаимосвязь между вашей оценкой общесоюзного референдума и агрессивной кампанией его бойкота. Людям угрожают физической расправой, увольнением с работы, сожжением домов – это, а не участие народа Абхазии в референдуме, может вновь разжечь с таким трудом погашенный огонь межнационального конфликта»[3].

Несмотря на это, З. Гамсахурдиа продолжал утверждать, что «наши отношения всегда будут добрыми». Правда, на пресс-конференции 9 марта к сказанному добавил: «Если, конечно, армянское население Грузии не будет противостоять национальному движению, парламенту Грузии. Сейчас, например, в Богдановке появились некоторые сложности. Они не принимают нашего префекта и хотят избрать своего. А это уже говорит о стремлении объявить автономию. Я попросил г-на Тер-Петросяна помочь урегулировать этот вопрос. Ведь нельзя, чтобы

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.
[2] Газ. «Сухумский вестник», № 3, апрель 1991 г. С. 2.
[3] Газ. «Абхазия», № 11-12, 26 марта 1991 г. С. 3.

на нашей территории не подчинялись нашим законам, тем более что заместителем будет армянин, так что интересы армянского населения будут учтены»[1]. При этом он умолчал о том, что одной из причин осложнения ситуации стало то, что накануне Верховным Советом Грузии Богдановский район и город Богдановка были переименованы в район Ниноцминда (Святая Нино) и г. Ниноцминда[2]. Однако, судя по всему, в Армении не желали обострения этого вопроса. Чуть позже Председатель ВС Армении Л. Тер-Петросян прислал поздравительную телеграмму З. Гамсахурдиа в связи с результатами референдума 31 марта 1991 года по восстановлению независимой демократической Грузии, где выражалась надежда на то, что «традиционная дружба наших народов найдет свое выражение на новом историческом этапе развития взаимоотношений Грузии и Армении»[3]. В свете изложенного небезынтересно будет узнать следующую информацию. После изгнания из Тбилиси З. Гамсахурдиа сначала находился в Армении. Находящийся на территории Армении З. Гамсахурдиа обратился к Президенту Л. Тер-Петросяну с просьбой предоставить ему, членам семьи и сопровождающим лицам временное политическое убежище. В послании подчеркивалось, что он покинул пределы Грузии, дабы избежать дальнейшего кровопролития. Президент Армении ответил, что высоко ценит последнее обстоятельство, однако от предоставления убежища уклонился. Армения готова предоставить Гамсахурдиа и сопровождающим его лицам лишь разрешение на временное пребывание на своей территории. «Одновременно, – говорилось в послании, – сопровождающие вас вооруженные лица после сдачи имеющегося оружия и боеприпасов получат возможность покинуть РА в любом выбранном ими направлении». Вскоре часть президентской охраны после сдачи оружия вернулась в Грузию, перешла границу в с. Ждановка Богдановского района[4].

Между тем грузинская парламентская делегация возвратилась из Америки. По мнению руководителя делегации А. Асатиани, визит заложил прочный фундамент для дальнейшего развития отношений между США и Грузией, и, что очень немаловажно, «был положен конец

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 31, 13 марта 1991 г.
[2] Газ. «Республика Армения», № 47, 7 марта 1991 г.
[3] Газ. «Грузия спектр», № 2, 15-21 апреля 1991 г. С. 6.
[4] Газ. «Абхазия», № 2, январь 1992 г.

той дезинформации о Грузии, которая с помощью имперских СМИ и, к большому сожалению некоторых наших горе-соотечественников, с избытком поступала в США». Далее он рассказал о встречах с Р. Рейганом и З. Бжезинским[1]. Уже 15 марта в Москве в резиденции посла США в СССР Д. Мэтлока госсекретарь США Д. Бейкер принял З. Гамсахурдиа, Т. Сигуа, Премьера Армении В. Манукяна и некоторых депутатов союзного Верховного Совета. На этой встрече З. Гамсахурдиа сказал: «США – страна, уничтожившая рабство, сегодня же на нее возложена величайшая миссия – она должна спасти порабощенные нации и помочь их освобождению. Я счастлив, что все это сказал и Рейгану в этом же зале 29 мая 1988 г. во время аналогичной встречи и услышал заверения в том, что нации рано или поздно освободятся от зависимости от Советского Союза, и США внесет в это большой вклад». Бейкер сказал, что определенные реформы в СССР проведены, иначе и эта встреча не состоялась бы. Пресс-центр ВСРГ сообщил, что между Бейкером и Гамсахурдиа состоялась также и краткая личная беседа. Бейкер проявил большой интерес к проблемам Грузии. Гамсахурдиа и Сигуа пригласили его в Тбилиси, и приглашение он с радостью принял[2].

Впоследствии на одной из пресс-конференций З. Гамсахурдиа выяснилось, что Рейган, вместе с де Голлем, является самым «близким» к нему политиком[3]. О своей встрече с Рейганом З. Гамсахурдиа говорил и после своего свержения в мае 1992 г., когда он находился в Грозном под покровительством Президента Чечни Д. Дудаева. Он тогда отмечал: «Рональд Рейган как раз и доказал, что и политик может совместить честность и мораль со своей деятельностью. Я рад, что лично встречался с Рейганом в 1988 г. в Москве»[4]. Причем названный американский политический деятель был идеалом и для Д. Дудаева, что, может быть, и стало одной из причин дружбы президентов Грузии и Чечни. В том же интервью он сказал: «Своим кумиром я считаю Рональда Рейгана. У него было свое «я», а добиться этого очень трудно»[5]. Американский дипломат и политический деятель Г. Киссинджер, работавший с Р. Рейганом

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 36, 19 марта 1991 г.

[2] Газ. «Грузия спектр», № 1, 8-14 апреля 1991 г. С. 7., Газ. «Вестник Грузии», № 36, 19 марта 1991 г.

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос... С. 245.

[4] Журн. «Собеседник», № 20, май 1992 г.

[5] Там же.

и лучше знавший его, был о нем несколько иного мнения. В своей знаменитой книге «Дипломатия» он пишет: «Рейган вел себя потрясающе, а для ученых наблюдателей – уму непостижимо. Рейган почти не знал истории, а то немногое, что он знал, приспосабливал, подгоняя под предвзятые суждения, которых он твердо придерживался. Он рассматривал библейские ссылки на Армагеддон как оперативные инструкции. Множество любимых им исторических анекдотов не базировалось на фактах в том смысле, как вообще понимается само слово «факт»[1].

Между тем, 15 марта был опубликован ответ В. Ардзинба на послание Гамсахурдиа, в котором заявлялось, что «участие граждан Абхазии в решении вопроса о будущем Советского Союза – их неотъемлемое право, гарантированное Конституцией, Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах». Далее в письме было сказано: «Нас уже не удивляет поучительный тон Ваших обращений, но вряд ли сегодня можно запугать народ любыми угрожающими заявлениями. Попытка воздействовать на людей подобными методами и нежелание считаться с иным мнением дает основание усомниться, что в независимой Грузии будет достигнута подлинная самостоятельность Абхазии». В конце своего послания В. Ардзинба обращался к З. Гамсахурдиа: «Так случилось, что мы с Вами стали руководителями республик, и наши взаимоотношения во многом определяют судьбы наших народов. И я думаю, что нам следует строить отношения в духе терпимости и взвешенности в словах и действиях»[2].

Днем 16 марта на стадионе Сухума состоялся митинг против референдума, организованный «Круглым столом». В тот же день Президиум ВС Грузии принял постановление, в котором говорилось: «1. Отменить постановление Президиума ВС Грузии от 25 января 1991 г «Об утверждении состава окружной избирательной комиссии Сухумского территориального избирательного округа № 669 по выборам народных депутатов СССР». 2. Поставить перед ЦИК по выборам народных депутатов СССР вопрос о перенесении в другое время выборов, назначенных на 17 марта»[3]. После проведения референдума грузинская пресса продолжала утверждать: «Самый главный и вопиющий факт известен всем

[1] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 696.
[2] Газ. «Абхазия», №11-12, 26 марта 1991 г. С. 3.
[3] Газ. «Вестник Грузии», № 37, 20 марта 1991 г.

– референдум провела Центральная республиканская комиссия Абхазии, полномочия которой были прекращены постановлением Президиума ВС Грузии. Восстановил ее полномочия В. Ардзинба самоличным приказом, на что не имел и не мог иметь никакого права»[1].

1 июля Прокурор Грузии В. Размадзе возбудил уголовное дело в отношении заместителя Предсовмина Абхазии Э. Капба. В его действиях усматривалось превышение служебных полномочий в период выполнения им обязанностей председателя Центральной избирательной комиссии по проведению референдума[2]. 4 июля по грузинскому телевидению был передан текст этого постановления Генпрокурора Грузии. В ответ на это Президиумы Верховного Совета и Совета Министров Абхазии заявили, что постановление Генпрокурора Грузии должно быть отменено, а проведение каких-либо следственных действий по этому вопросу должно быть признано незаконным[3].

Тем временем, 16 марта в 22 часа З. Гамсахурдиа выступил по телевидению, чтобы еще раз попытаться убедить Абхазию отказаться от референдума. В его речи было сказано: «Напоминаем, что будущее негрузинского населения, перспективы его завтрашней жизни в Грузии полностью зависят от того, примет оно или нет в завтрашнем референдуме и примет или нет участие в предстоящем референдуме 31 марта, который касается вопроса восстановления государственной независимости Грузии»[4]. К проблеме гражданства Грузии З. Гамсахурдиа вернулся и 3 июля 1991 г. Он тогда заявил, что им обладают все, кто проживает сегодня в республике, вне зависимости от национальностей. И только те, кто неисправимо настроен против независимости – это определит специальная комиссия, – гражданства не получат. Таких людей, по мнению З. Гамсахурдиа, набралось бы не более 50 тыс. Впрочем, и в США, добавил он, «вряд ли дадут гражданство, к примеру, иракским террористам»[5]. Абхазов, стремившихся сохранить свою идентичность, З. Гамсахурдиа с легкостью сравнил с террористами, и при этом еще удивлялся – где же абхазы видят для себя угрозу в Грузии?

---

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 36, 19 марта 1991 г.

[2] Газ. «Грузия спектр», № 14, 8-14 июля 1991 г. С. 5.

[3] Газ. «Абхазия», № 28, 16 июля 1991 г.

[4] Газ. «Вестник Грузии», № 37, 20 марта 1991 г.

[5] Газ. «Известия», № 158 // Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г.

Между тем, в Абхазии в острой пропагандистской борьбе сторонников и противников Союза, сопровождавшейся порой очень высоким накалом страстей, проходили недели и дни перед референдумом, который состоялся 17 марта. Как и ожидалось, угрозы З. Гамсахурдиа и его агентуры на местах привели к фактическому срыву референдума в ряде районов Абхазии, особенно в Гульрипшском, в меньшей степени Сухумском. Избирательные участки блокировались (с целью недопущения туда избирателей) активистами «Круглого стола», перекрывались дороги, сыпались оскорбления. Массированному давлению подверглось армянское, греческое, русское, эстонское население[1]. Позже В. Ардзинба говорил: «Был создан координационный совет по бойкоту референдума. Он направлял своих представителей во все районы. Организовывались пикеты около каждого участка для голосования. Ночью накануне референдума была попытка двухчасовой забастовки на ж/д, а утром в течение 4 часов, не выходили на линию автобусы. И хуже всего, наблюдались попытки фиксировать всех, кто голосовал»[2].

Несмотря на серьезное противодействие, Всесоюзный референдум в Абхазии состоялся. В нем приняли участие 166 тыс. человек из 318 тыс., имевших право голоса, т. е. 52,3% населения Абхазии, а из них 164231 человек проголосовали «за», т. е. 98,6%[3]. После его проведения Председатель ВС Грузии пригрозил распустить Верховный Совет Абхазии и «отменить абхазскую автономию»[4]. 20 марта Президиум ВС Абхазии рассмотрел сообщение председателя окружной избирательной комиссии по выборам народного депутата СССР и Центральной республиканской комиссии референдума СССР Э. Капба «О результатах голосования по выборам и референдуму 17 марта 1991 г.»: Выборы депутата признаны несостоявшимися, т. к. в них приняло участие только 48,9% внесенных в список для голосования, при этом за А. Аршба проголосовало 95, 5%, а за М. Оманидзе – 1,05%.

Одновременно Президиум ВС рассмотрел вопрос о назначенных на 31 марта выборах в местные органы власти – собраний РГ и опроса населения. Было отмечено, что по согласованию между ВС Абхазии и Гру-

[1] Газ. «Сухумский вестник», № 3, апрель 1991 г. С. 2.

[2] Газ. «Абхазия», №19, 23 апреля 1991 г.

[3] Непрошин А. Ю., Шамба Т. М. Абхазская государственность в постсоветский период // Независимая Абхазия: проблемы и решения. М., 2007. С. 27.

[4] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 47.

зии выборы депутатов местных советов в Абхазии будут проводиться в другое время[1]. Ранее Председатель ЦИК Грузии А. Чиракадзе также сообщал, что в Абхазии нет избирательных комиссий по выборам в Сакребуло, так как ВС Абхазии не принимал соответствующего решения, а это его прерогатива[2]. На указанном заседании Президиум, сочтя невозможным препятствовать проведению опроса в Абхазии, заявил, что означенный опрос в Грузии не несет правовых последствий для Абхазии[3].

22 марта Президиум ВС Грузии постановил: «Считать итоги референдума СССР на территории Грузии не имеющими юридической силы»[4]. А позже Генеральный прокурор Грузии В. Размадзе направил письмо председателю ЦИК референдума Союза ССР В. Орлову. В нем содержится требование аннулировать итоги референдума 17 марта 1991 г. в Абхазии[5].

В противостоянии Грузии с Центром Россия выступала на стороне Тбилиси, подтверждением чему может служить встреча руководителей парламентов двух республик – Б. Ельцина и З. Гамсахурдиа, которая состоялась 23 марта на границе с Грузией в высокогорном селе Казбеги. На ней был подписан «протокол о встрече и переговорах». Названный протокол был подписан через несколько дней после общесоюзного референдума, в котором Грузия не принимала участия, и за несколько дней до референдума о независимости Грузии.

Тем временем, 26 марта Центральная Комиссия референдума СССР объявила результаты всенародного голосования, которые оказались следующими:

РСФСР	71, 3
Украинская ССР	70, 2
Белорусская ССР	82, 7
Узбекская ССР	93, 7
Казахская ССР	94,1
Азербайджан	93,3

[1] Газ. «Абхазия», № 11-12, 26 марта 1991 г. С. 1.
[2] Газ. «Вестник Грузии», № 31, 13 марта 1991 г.
[3] Газ. «Абхазия», № 11-12, 26 марта 1991 г. С. 1.
[4] Газ. «Свободная Грузия», № 204, 29 октября 1991 г.
[5] Газ. «Абхазия», № 39, 21 сентября 1991 г.

Киргизская ССР	94, 6
Таджикская ССР	96,2
Туркменская ССР	97,9
Башкирская АССР	85,9
Бурятская АССР	83,5
Дагестанская АССР	82,6
Кабардино-Балкарская АССР	77,9
Калмыцкая АССР	87,8
Карельская АССР	76,0
Коми АССР	76,0
Марийская АССР	79,6
Мордовская АССР	80,3
Северо-Осетинская АССР	90,2
Татарская АССР	87,5
Тувинская АССР	91,4
Удмуртская АССР	76,0
Чечено-Ингушская АССР	75,9
Чувашская АССР	82,4
Якутская АССР	76,6
Каракалпакская АССР	97,6
Абхазская АССР	98,6
Нахичеванская АССР	87,3[1]

В соответствии с постановлением ВС СССР от 21 марта 1991 года «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года» органы Прокуратуры СССР рассмотрели факты нарушения конституционных прав граждан, имевших место в ходе всенародного голосования в Молдове, Литве, Латвии, Эстонии и Абхазии. Согласно представленной справке Генерального прокурора Н. Трубина, по вскрытым нарушениям возбуждено 15 уголовных дел. В документе указывается, что факты насилия и угроз в адрес принимавших участие в референдуме приобрели особо опасный характер в Молдове. Грубое психологическое давление оказывалось в этот период и на жителей Абхазской ССР»[1].

[1] Газ. «Абхазия», № 22, 4 июня 1991 г. С. 1.

23 марта, как уже было сказано, Б. Ельцин и З. Гамсахурдиа провели переговоры в Казбегском районе Грузии. Подписали протокол, предусматривающий «в течение апреля месяца 1991 года подготовить для подписания проект Договора о межгосударственных отношениях между РФСР и Республикой Грузия, для чего создать рабочие группы». Далее в грузино-российском документе говорилось: «МВД РСФСР и МВД РГ создать в течение 10 дней совместную комиссию для изучения обстановки в указанном регионе; МВД РСФСР и МВД РГ до 10 апреля создадут совместный отряд милиции для разоружения всех незаконных формирований на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области; обратиться в Министерство обороны СССР с предложением о передислокации Советской армии с территории бывшей Юго-Осетинской автономной области»[1]. В протоколе Ю. Осетия была названа «бывшей автономной областью», что, видимо, было демонстрацией со стороны России поддержки независимости Грузии и ее «территориальной целостности». По оценке пресс-центра ВС Грузии, Россия также признавала правомерность упразднения данной области»[2]. Т. Китовани позже о встрече в Казбеги вспоминал: «Меня не было там. Я остался в Тбилиси. Был Сигуа тогда. Я не могу сказать, о чем они там общались и говорили. Звиад приехал довольным оттуда[3].

27 марта министр иностранных дел Грузии Г. Хоштария на пресс-конференции в постпредстве Грузии в Москве сказал, что встреча Ельцина и Гамсахурдиа в Казбеги «создала реальные предпосылки для преодоления кризиса на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области». Министр также отметил, что «встреча глав парламентов развеяла миф о «русофобии» Грузии, их антагонизма с русскими[4]. В этом, по всей видимости, надо усматривать и попытку З. Гамсахурдиа возглавить движение народов Кавказа. Еще до встречи в Казбеги он обратился к народам Кавказа с призывом «образовать Форум народов Кавказа, который не будет ставить целью основание какой-либо новой государственно-политической единицы, не будет управляться агентами центра, предателями Кавказа»[5]. Координационный Совет АГНК отреагировал

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 246.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 1, 8-14 апреля 1991 г. С. 6.
[3] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.
[4] Газ. «Абхазия», № 13-14, 2 апреля 1991 г. С. 6.
[5] Газ. «Вестник Грузии», №№ 40, 41, 23 марта 1991 г.

на это заявлением о том, что в своем обращении З. Гамсахурдиа «предлагает нам свое покровительство в обмен на нашу покорность»[1]. Несмотря на такую реакцию, 27 мая на пресс-конференции З. Гамсахурдиа заявил: «Мы собираемся создать Форум кавказских народов, где объединяются все те народы, что были репрессированы коммунистическим режимом. Они объединяются для борьбы за свою независимость»[2].

Примечательно, что З. Гамсахурдиа договаривался с Ельциным об усмирении осетин, а в его лексиконе «предатель» и «орудие в руках Москвы» оставались синонимами. Тогда, по всей видимости, интересы Ельцина, который также представлял Москву, но другую, отличную от СССР, и Гамсахурдиа совпадали в вопросе противостояния с союзным центром. Для Гамсахурдиа договоренность с Россией была и возможностью приобретения союзника, признавшего его неучастие во Всесоюзном референдуме. Не стоит забывать и о том, что данный шаг нужен был грузинскому лидеру для дополнительной легитимации его политики в глазах его же сограждан, что приобретало особо важное значение на фоне отказа мирового сообщества от признания Грузии. Правда, вскоре наметилось постепенное ужесточение позиции России по отношению к Тбилиси по вопросу Южной Осетии. Уже в день проведения референдума о независимости Грузии, 31 марта 1991 г., Съезд народных депутатов России принял постановление о положении в Южной Осетии. Депутаты сочли возможным заключение договорных отношений между Россией и Грузией только после практической реализации следующих пунктов: восстановление статуса Юго-Осетинской автономной области и всех структур государственной власти; снятие блокады, возвращение беженцев на прежние места жительства, стабилизация общественно-политической обстановки в регионе; освобождение председателя областного совета народных депутатов Южной Осетии Т. Г. Кулумбегова и других незаконно задержанных лиц[3].

Но по другим вопросам Грузия еще долго продолжала считать Россию своим союзником. Позже, 3 июля 1991 г., З. Гамсахурдиа, будучи уже в ранге Президента Грузии, заявлял о том, что «Москву не устраивает курс на независимость Грузии, поэтому нет контактов с союзным руко-

[1] Газ. «Аидгылара», № 4, апрель 1991 г.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 9, 3-9 июня 1991 г. С. 2.
[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 246-247.

водством, а контакты с российским правительством – другое дело, там большая перспектива». При этом он назвал Б. Ельцина демократом[1]. Однако вскоре оценки Гамсахурдиа изменились. Небезынтересно проследить за некоторыми высказываниями З. Гамсахурдиа о Б. Ельцине и трансформацией его интонаций. 8 февраля 1991 г. в интервью итальянской газете «Стампа» отношения с Ельциным хорошие, «его эмиссары приняли наши доводы»[2]. 13 мая 1991 г. на пресс-конференции, отвечая на вопрос «Есть ли контакты с Ельциным?», он ответил: «У нас были контакты, но я думаю, что сейчас он избегает их, потому что у него сильная оппозиция, как в российском парламенте, так и в лице Горбачева. На данном этапе наши контакты приостановлены»[3]. Их отношения друг к другу стали даже предметом разбирательства в Верховном Совете РСФСР. 10 сентября 1991 г. ВС РФ вынужден был констатировать, что «Президент РГ господин З. Гамсахурдиа не всегда корректно аппелирует к имени и авторитету Президента РСФСР Б. Н. Ельцина»[4]. Стоить уточнить, что между этими двумя заявлениями пролегает временной промежуток чуть более двух месяцев, но между ними произошла попытка государственного переворота 18-21 августа 1991 г., что поменяло многое в России и в Грузии: Ельцин был возведен на пьедестал, а Гамсахурдиа начал с него нисходить, а точнее, начали его низвергать с Олимпа, на который так торжественно был возведен три месяца назад, когда он всенародно был избран Президентом. 28 октября 1991 г. он сказал: «Отношения с Ельциным всегда были хорошие. Однако сейчас его позиция по отношению к т. н. Южной Осетии не ясна»[5].

Между тем, на одном из брифингов в Вашингтоне представитель госдепартамента США высказался в том смысле, что США признают границы СССР по состоянию на 1933 год. 25 марта на брифинге начальник Управления информации МИД СССР В. Чуркин охарактеризовал это высказывание равносильно попытке пересмотреть границы Советского Союза. Оно находится в вопиющем противоречии с нормами международного права и по своей сути абсурдно[6].

---

[1] Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г.
[2] Гамсахурдиа З. К. Осетины… // http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101320064.php
[3] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.
[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 293.
[5] Газ. «Свободная Грузия», № 204, 29 октября 1991 г.
[6] Газ. «Абхазия», № 13-14, 2 апреля 1991 г. С. 6.

27 марта на названной пресс-конференции в постпредстве Грузии в Москве, в которой также приняли участие председатель ЦИК А. Чиракадзе, заместитель постпреда Грузии К. Домая, было заявлено: «Грузия пока остается оккупированной, аннексированной страной, с чем никогда не мирился грузинский народ. В этом его волеизъявлении мировую общественность убедит предстоящий 31 марта референдум». Было сказано, что в качестве наблюдателей приглашены эксперты из многих стран, предполагался приезд дипломатов из Бельгии, Финляндии, посла Великобритании в СССР, представителей России, республик Прибалтики[1]. Участники пресс-конференции объявили, что ожидался также приезд Р. Никсона, который действительно прибыл 29 марта в Тбилиси из Киева. В тот же день он встретился с З. Гамсахурдиа, 30 марта с Ильей II. 31 марта Р. Никсон посетил избирательный участок, где сказал: «Можно завоевать вашу территорию, но нельзя завоевать ваши души»[2]. Во время встречи с Гамсахурдиа он заявил: «В США с глубоким уважением относятся к избранному народом парламенту Грузии, который идет к восстановлению своей независимости». В этот же день Никсон встретился с лидерами фракций меньшинства парламента Грузии[3].

Между тем, 30-31 марта в Сухуме состоялась сессия Координационного Совета АГНК. Ее первоначально планировалось провести в Черкесске, но, по словам Г. Аламиа, представители кавказских народов собрались в Абхазии потому, что здесь было неспокойно, подчеркивая тем самым свою солидарность с борьбой абхазского народа[4]. В ее работе приняли участие делегации чеченского, ингушского, шапсугского, кабардинского, адыгейского, абхазского, черкесского народов. Сессия предложила руководству республик и национально-территориальных образований Кавказа провести межправительственное совещание, посвященное налаживанию экономических связей. Сессия приняла Обращение к Генсеку ООН, президентам США и Франции, Премьер-министру Великобритании, канцлеру ФРГ, парламентам и народам мира. В нем содержались требования: «Осудить имперскую политику Республики Грузия в отношении народов Южной Осетии и Абхазии; не оказывать

[1] Газ. «Абхазия», № 13-14, 2 апреля 1991 г. С. 6.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 1, 8-14 апреля 1991 г. С. 7.
[3] Газ. «Вестник Грузии», № 46, 30 марта 1991 г.
[4] Газ. «Абхазия», № 15-16, 9 апреля 1991 г.

Республике Грузия экономическую и культурную помощь, пока она не прекратит оккупацию территории Южной Осетии и геноцид ее населения; включить вопрос о положении на Кавказе в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи ООН; поддержать создание общекавказской системы коллективной безопасности; помочь горским народам Кавказа в возвращении их на историческую родину»[1].

Тем временем сторонники опроса о независимости Грузии, состоявшегося 31 марта, в день рождения З. Гамсахурдиа, заявили о своей победе. 1 апреля Председатель ЦИК Грузии А. Чиракадзе объявил, что в опросе о независимости Грузии приняло участие 61,27% граждан Абхазии и проголосовало «за» – 97,73%[2]. Так, стало окончательно ясно, что референдум не в состоянии хоть как-то повлиять на решение грузино-абхазских противоречий, которые уже к тому времени зашли очень далеко. О серьезности сложившейся ситуации свидетельствовали подходы сторон к новому Союзу: Абхазия, в силу многих обстоятельств, видела возможность своего выживания только в составе обновленного Союза суверенных государств, а Грузия, стремясь к независимости, отвергала всякую возможность вступления в Союз. Положение усугублялось еще и тем, что, учитывая складывавшиеся политические, экономические, культурные и иные реалии, в целях самосохранения абхазского народа Абхазия вынуждена была поставить вопрос об установлении с Грузией горизонтальных отношений. Это предусматривало изменение существовавшей тогда формы государственности Абхазии в пользу повышения ее статуса, с чем, в свою очередь, никак не могла согласиться Грузия, в которой заявляли о необходимости уничтожения всех автономий и стремлении к строительству унитарного государства. Неотъемлемой частью воплощения этой идеи являлись пропаганда и действия, направленные на ужесточение отношения к «инородцам». И на фоне всего этого З. Гамсахурдиа обратился к абхазскому народу со следующими словами: «Абхаз в сознании грузин всегда был символом возвышенного, рыцарского благородства… Мы уважаем национальные и культурные права абхазского народа: вашу государственность, ваш язык, культуру, абхазскую школу, театр, прилагаем все старания к решению спорных вопросов путем переговоров». Грузинский Президент

[1] Газ. «Аидгылара», № 4, апрель 1991 г.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 1, 8-14 апреля 1991 г. С. 2.

посетовал на официальный Сухум, который, по его словам, «не проявляет должной готовности к переговорам, стоит на пути к конфронтации с нами, проявляет сепаратистские тенденции, ставит под угрозу мир на территории Абхазии». Досталось и лично В. Ардзинба, обвиненного З. Гамсахурдиа в попытке «втянуть абхазский народ в опасную авантюру, которая принесет ему только позор и несчастье»[1]. В ответ на это Народный форум Абхазии задал З. Гамсахурдиа вопрос: «Неужели Вы допускаете, что народ с такой историей, с таким чувством национального самосознания, народ, вынесший столько невзгод и устоявший, согласится на роль пасынка на собственной земле?»[2].

2. Союзный договор и абхазо-грузинские отношения

2. 1. Ново-Огаревский политический процесс

Перед референдумом ситуация в СССР была сложной, чему в немалой степени способствовал Председатель Верховного Совета России. Еще 19 февраля Б. Ельцин выступил по телевидению по поводу событий в Прибалтике, в котором, в частности, предложил Президенту СССР уйти в отставку, что «страшно оскорбило Горбачева»[3]. Заявив, что Президент СССР «подвел страну к диктатуре», он потребовал от него немедленно передать власть Совету Федерации, состоявшему из глав союзных республик. Это выступление Ельцина привело к первому расколу в самом российском руководстве[4]. Позже сам Б. Ельцин, говоря о причинах, побудивших его к такому резкому выступлению, отмечал: «Мне было нестерпимо двурушничество Горбачева во время трагедии в Вильнюсе, я не мог ему простить, что он так легко похоронил программу «500 дней» – единственную нашу экономическую надежду тех лет»[5].

---

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.

[2] Газ. «Аидгылара», № 4, апрель 1991 г.

[3] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[4] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[5] Ельцин Б. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

Впрочем, весьма интересно и то, что многие аналитики и современники описываемых событий называют именно Б. Ельцина виновником провала программы «500 дней», которая провалилась из-за того, что именно он, а не Горбачев, нарушил их соглашение по экономическим вопросам. Действительно, тогда Россия взяла курс на самостоятельное проведение экономической реформы, к которой она приступила 2 января 1992 г. уже как правопреемница канувшего в историю Советского Союза. Главная задача Ельцина, точнее, как он ее видел, состояла не в оздоровлении экономики России или СССР, а в стремлении стать единоличным руководителем, а этого не могло быть, пока Горбачев был Президентом. Поэтому главной целью Ельцина было свержение Горбачева с поста Президента СССР.

1 марта началось забастовочное движение шахтеров (продлится 2 месяца) с требованием отставки М. Горбачева. 3 марта в Литве, Латвии и Эстонии в ходе опросов подавляющее большинство граждан проголосовало за суверенитет этих республик. За независимость в Литве – 92%, в Латвии – 76 %, в Эстонии – 77%[1]. 10 марта уже в Москве проходит массовый митинг (500 тыс. участников) в поддержку Б. Ельцина и суверенитета России. «И все же в этих условиях, - пишет Дж. Боффа, - в марте 1991 года, когда кризис достиг критической отметки, он (М. Горбачев. – **А. А.)** почти по всей стране организовал референдум»[2]. Его результаты оказались не только утешительными, но и в некоторой степени обнадеживающими для М. Горбачев. Однако давление на Президента СССР не прекратилось. 30 марта на III внеочередном съезде народных депутатов РСФСР Б. Ельцин опять обрушился на Центр, обвинив его в проведении «политического курса на возвращение политики, которая проводилась до апреля 1985 г. и нанесла огромный ущерб России»[3]. Дело дошло до того, что 21 апреля парламентская группа «Союз» потребовала введения в стране ЧП на полгода. По мнению названной группы, необходимо было «бороться за сохранение и упрочение Союза Советских Социалистических республик, для чего очень важно найти идейный стержень»[4].

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 24, 5 марта 1991 г.

[2] Боффа Дж. От СССР к России… // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

[3] «Независимая газета», 2 апреля 1991 г. // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[4] http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-aprelya-1991-goda

Причем чрезвычайное положение сложилось не только внутри страны, но и во внешней экономике – наступил валютный кризис. 22 апреля, выступая на V сессии Верховного Совета СССР, Председатель Кабинета Министров СССР В. Павлов констатировал: «Сохраняется импортная зависимость страны, особенно по продовольствию, легкой промышленности, материалам для автомобильного транспорта и тракторостроения. Страна по существу оказалась в зависимости от иностранных кредиторов. По результатам торговли прошлого года мы стали должниками почти всех стран; даже Восточной Европы – Чехословакии, Венгрии, Югославии. Сегодня им тоже надо платить свободно конвертируемой валютой. Жизнь взаймы, естественно, не бесконечна. Наступило время расплачиваться. Если в 1981 году на погашение внешнего долга и процентов по нему мы направляли 3800 млн. в свободно конвертируемой валюте, то в текущем году необходимо погасить уже 12 млрд.»[1].

Тем не менее, именно в этих условиях «пользуясь этим успехом (референдумом. - **А. А**.), в следующем месяце он (Горбачев. – **А. А**.) запустил переговорный процесс между республиками в целях заключения договора, определяющего основы обновленного государства»[2]. Перед началом новоогаревского процесса В. Ардзинба заявил: «Отправной точкой здесь должны стать не автономии как таковые, а народы. Если мы исходим из принципа равноправия народов, все автономии – это форма самоопределения конкретных народов, это их государственность. Если мы ставим народы в равное положение, то мы должны и их государственность поставить в равное положение»[3]. Сам процесс стартовал 23 апреля 1991 г. в Ново-Огареве. Первый же документ, принятый в рамках названного процесса, показал, что о судьбах народов, о которых говорил В. Ардзинба и которые возлагали большие надежды на обновленный Союз, никто не собирался заботиться. Этим документом стало совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в СССР и преодолению кризиса. Оно вошло в историю как «Заявление 9 + 1», подписанное Президентом СССР и руководителями 9 союзных республик, участвовавших в референдуме 17 марта:

[1] Гайдар Е. Т. Гибель империи… // http://www.litru.ru/?book=9333&description=1. С. 85.

[2] Боффа Дж. От СССР к России… // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

[3] Газ. «Абхазия», № 19, 23 апреля 1991 г.

РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана. Комментарии по поводу подписания «малого союзного договора» также были довольно сдержанными. Сошлюсь на одно из них, в котором было сказано: «Пять пунктов совместного заявления руководителей «девятки», как повелось в политической жизни СССР в последнее время, сказали многое и в то же время ничего. Скорее всего, участники этого «договора» поставили под ним свои подписи, преследуя каждый свои тактические цели. И за всякий строкой документа, мало похожего на юридически выверенный, через некоторое время многие из тех, кто его подписал, захотят увидеть нечто свое, только их взгляду свойственное»[1].

Впрочем, и это совместное заявление стало итогом временного компромисса между Горбачевым и Ельциным. Сам Б. Ельцин об этом вспоминал следующим образом: «Приближался апрельский пленум ЦК КПСС. Ничего хорошего этот очередной пленум Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву не сулил... Высчитав эту опасность, Горбачев сделал неожиданный ход. Собрав у себя в Ново-Огареве руководителей союзных республик, он попросил приехать на эту встречу и меня. Я только что вернулся из Страсбурга. Совещание в Ново-Огареве было для меня сюрпризом. То, что сказал на встрече Горбачев, превзошло все мои ожидания. Президент СССР сообщил, что согласен на подписание нового Союзного договора, который значительно ослабит влияние центра на жизнь союзных республик. Он решительно выступает за принятие новой конституции, после чего существующие законодательные органы – Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР – будут распущены и состоятся прямые выборы нового президента»[2].

Однако здесь стоит внести некоторую ясность. Тогда на фоне обострения отношений Ельцина с Горбачевым и политических забастовок шахтеров с требованием отставки Президента СССР, состоялась названная поездка российского лидера в Страсбург на сессию Европарламента. Ельцин пишет прямо: «Я решил заручиться поддержкой демократических парламентариев Европы», однако, по его же словам, в Страсбурге его встретил «холодный душ». Вот что тогда писала обозреватель

[1] http://yeltsincenter.ru/digest/release/1991-i-god-den-za-dnem-0

[2] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

французской газеты «Фигаро» Л. Мандевиль: «В Страсбурге, откуда председатель российского ВС начал свою поездку по Франции, в отношении к нему большинства европейских парламентариев проявилась определенная настороженность… Не слишком пока удачное начало поездки Бориса Ельцина во Францию можно отчасти объяснить ее внезапностью, недостаточной подготовленностью, отсутствием ясности характера визита – частного или официального? Но главное, конечно, не это. На Западе поклонники М. Горбачева сильны и многочисленны. Они настолько привыкли к его манере, что «изменить ему» представляется просто неприличным, да и собственные стереотипы менять трудно. А кроме того, существует некая смесь страха и инерции по отношению к «непредсказуемому», дестабилизации, которую влечет за собой смена властных структур в СССР»[1]. До последнего дня визита Б. Ельцина во Францию не было ясно, встретится ли он с президентом Ф. Миттераном. Но, в конце концов, в Елисейском дворце Б. Ельцин был принят Ф. Миттераном в один день с А. Лукьяновым. В целом Б. Ельцин на пресс-конференции выразил удовлетворение визитом и даже попытался сгладить впечатление, указав на совершенно иную атмосферу между депутатами Европарламента. Он также сказал: «Мы политически готовы вынести раненого Горбачева с поля боя»[2]. Общим же лейтмотивом публикаций в прессе, освещавших его визит, можно назвать комментарии газеты «Монд», которая тогда писала: «Приехав в Страсбург – эти ворота Европы, – Ельцин должен отметить, что здесь признают только одного русского – Горбачева»[3]. Именно это, скорее всего, послужило основной причиной того, что он, в конце концов, решил поддержать Горбачева на начальном этапе Новоогаревского процесса, без чего его запуск был бы немыслим. В свою очередь, Горбачев, приглашая руководителя России на Новоогаревскую встречу, где от его позиции зависело много, безусловно, был в курсе итогов визита Ельцина в Страсбург.

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов, рассуждая о названных процессах, говорил: «Президент и од-

[1] «Независимая газета», С. 1 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-aprelya-1991-goda?page=0,0

[2] «Независимая газета», С. 1 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-aprelya-1991-goda?page=0,1

[3] Ельцин Б.Н. Записки Президента... http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

новременно Генеральный секретарь оказался в непростой ситуации. В последнее время он подвергался ожесточенным нападкам со стороны реакционных сил, в особенности со стороны РКП. Его положение усугубилось в связи с мощным забастовочным движением шахтеров. Была опасность, что шахтеров поддержат металлурги. Резко упал авторитет Президента. В этих условиях, конечно, ему была нужна поддержка. Она нужна была как раз накануне пленума ЦК КПСС, который мог бы действительно завершиться роковым образом… Мы оказали очень мощную поддержку Президенту. В этом нет никаких сомнений. И хотелось бы надеяться, что подписанное заявление – не маневр со стороны Горбачева, и что оно будет строго соблюдаться»[1]. Сам Б. Ельцин продолжал также следующим образом: «Я поставил свою подпись под заранее составленным совместным заявлением руководителей республик… Воспользовавшись договоренностью в Ново-Огареве, Горбачев приехал на пленум ЦК КПСС во всеоружии. Когда на него обрушился град критики, он резко поставил вопрос о доверии ему. Зная, что Горбачев получил поддержку лидеров союзных республик, участники пленума от республик решение об отставке Горбачева не поддержали бы. Он перехватил инициативу… В Ново-Огареве я подписал соглашение о моратории на политические забастовки. После этого я вылетел в Кузбасс, предложив шахтерам прекратить забастовки. Шахтеры спустились в забои»[2]. Однако, на самом деле, забастовка прекратилась только после того, как шахты были переданы в ведение РСФСР[3].

Так что за свое участие в Новоогаревской встрече и временную поддержку Горбачева Б. Ельцин заработал не меньше, если не больше, чем в случае своего отказа подписывать названный документ. Здесь, наверное, нужно отметить еще одну существенную деталь: на этой встрече Президент Казахстана Н. Назарбаев выступил на стороне Горбачева, а идти против столь влиятельной республики на фоне его непризнания Западом Ельцин был не готов. О том, как отреагировали на Западе на требование лидера России об отставке Горбачева, пишет сам Ельцин: «Уход Горбачева в отставку вряд ли откроет путь к демократии» («Бер-

[1] «Российская газета», № 94. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-maya-1991-goda?page=0,4

[2] Ельцин Б. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[3] http://www.hrono.ru/map.php.

линер цайтунг»); «Решение Ельцина пойти в открытую атаку отражает скорее его слабость, чем силу» («Крисчен сайенс монитор»); «Иностранные дипломаты считают, что Горбачев остается самой подходящей кандидатурой, если не с точки зрения прогресса, то, во всяком случае, предотвращения там хаоса. Ельцин остается неизвестной величиной и может привести к анархии» («Таймс»)[1]. Г. Киссинджер также говорил о том, что тогда «удержание у власти Горбачева превратилось в основную цель западных политиков, убежденных в том, что с любым другим будет гораздо труднее иметь дело»[2].

Исходя из этого, можно с полным основанием, вслед за аналитиками «Российской газеты», утверждать, что «компромисс между М. Горбачевым и Б. Ельциным, зафиксированный в «Заявлении десяти» 23 апреля, достигнут не только в силу осложнения внутриполитической ситуации, но и под давлением со стороны Запада»[3]. В силу стечения названных обстоятельств «в тот момент казалось, – замечает Дж. Боффа, - что Горбачеву удалось увести страну от края пропасти, на который она вышла»[4].

Правда, само «Заявление 9+1» было воспринято бывшими советскими автономиями как ущемление своих интересов, о котором они заявили 7 мая. Тогда члены Совета Федерации Союза ССР, руководители шестнадцати республик: Башкирии – М. Рахимов, Бурятии – С. Булдаев, Кабардино-Балкарии – В. Коков, Калмыкии – В. Басанов, Карелии – В. Степанов, Коми – Ю. Спиридонов, Марий Эл – В. Зотов, Абхазии – В. Ардзинба, Мордовии – Н. Бирюков, Северной Осетии – А. Галазов, Татарии – М. Шаймиев, Тувы – Ч. Ондар, Удмуртии – В. Тубылов, Чечено-Ингушетии – Д. Завгаев, Чувашии – А. Леонтьев, Саха-Якутии – М. Николаев – выразили свое отношение к названному документу. В их заявлении было сказано: «Мы не можем согласиться с решением, содержащимся в Совместном заявлении, о том, что Союзный договор будет подписываться представителями только участвовавших в этой встрече респу-

---

[1] Ельцин Б. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[2] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 716.

[3] «Российская газета», № 101. С. 3 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-16-maya-1991-goda?page=0,1

[4] Боффа Дж. От СССР к России… // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

блик… Совместное заявление нарушает Закон Союза ССР от 26 апреля 1990 года «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», ряд других законов СССР, которыми существенно укреплено государственно-правовое положение наших республик как субъектов Федерации – Союза ССР. Все эти акты являются правовой основой всех республик в договорном процессе и подписании Союзного договора... Мы считаем недопустимым решать жизненно важные для судеб наших республик вопросы без согласования с нами»[1].

Дело в том, что проект самого договора Союза суверенных республик[2], как уже отмечалось, был подписан 9 марта перед Всесоюзным референдумом, видимо, не без расчета повлиять на его итоги. Его тогда подписали представители РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Абхазии, Башкирии, Бурятии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Северной Осетии, Татарии, Тувы, Удмуртии, Чечено-Ингушетии, Чувашии, Саха-Якутии. В этом проекте не было деления республик на союзные и автономные, признавались декларации о государственном суверенитете названых республик. Вот почему 10 марта полномочный представитель Абхазии в комиссии по доработке Союзного договора В. Кецба, рассказывая о деятельности комиссии, отмечал: «В работе приняли участие полномочные представители от 8 республик и от 18 бывших автономных республик и наблюдатели от Азербайджана. Отсутствовали Аджария и Нахечивань. Было единодушно принято положение об исключении института автономий как исторически отжившее, не отвечающее современным требованиям. В этом вопросе было полное единство взглядов. Полное единодушие было и в вопросе сохранения Союза суверенных государств, т. е. чтобы все входили в Союз в качестве равноправных субъектов Союзного договора… В результате была выработана форма вхождения в Союз бывших автономных республик – автономные республики входят в Союз непосредственно либо по их усмотрению в составе республиканских федераций»[3]. Однако,

[1] Газ. «Абхазия», № 21, 19 мая 1991 г. С. 1.

[2] А. Д. Сахаров ещё 27 ноября 1989 г. представил в Конституционную комиссию проект переустройства Советского Союза в Союз Советских Республик Европы и Азии. (Медведев Р. А. Андрей Сахаров и Александр Солженицын // Журн. «Вопросы истории». М., 2001. № 11–13. С. 15 – 16.

[3] Газ. «Аидгылара», № 3, март 1991 г.

как видим, затем произошел политический кульбит. Такое поведение М. Горбачева, скорее всего, было продиктовано его стремлением умилостивить «большие» субъекты и сделать Союз привлекательным и для тех стран-республик, которые к тому времени уже успели отказаться от участия в новом союзе. То есть был налицо торг судьбами народов ради достижения политических целей. Происшедшее было наглядной демонстрацией того, о чем еще в феврале 1991 г. в открытом письме к З. Гамсахурдиа писала Т. Шакрыл: «Абхазия и другие автономии – заложники, приманки в руках Центра. Идет латентная торговля рабами XX века, советскими малочисленными народами. Центр, как и Вы, в осуществлении своих устремлений, на мой взгляд, руководствуется принципом «закон – дышло, куда повернул, туда и вышло», общечеловеческие ценности, адекватность принимаемых решений, похоже, не волнуют никого»[1]. Но торг продолжался, свидетельством чего служит и то, что 3 июля состоялась встреча Горбачева с руководителями 9 республик, которые подтвердили свою приверженность принятому 23 апреля в Ново-Огареве заявлению[2]. Правда, эта позиция в конечном итоге несколько видоизменилась, поскольку Центру стала необходима поддержка именно автономий в его борьбе и сдерживании союзных республик. И, как следствие, в окончательном варианте Союзного договора, предложенном к подписанию 23 июля на заседании Совета Федерации, пришли именно к формулировке от 9 марта.

Вспоминая рассматриваемое время, С. Шамба говорил: «Оставаясь субъектом СССР, Абхазия продолжала участвовать в переговорах по вопросу реформирования Союза. Представители Абхазии – заместитель председателя НФА «Айдгылара» З. Ачба и кандидат юридических наук В. Кецба принимали активное участие в «Новоогаревском процессе» по разработке нового Союзного договора. В это же время Председатель ВС Абхазии В. Ардзинба, оставаясь в должности члена Совета Федерации СССР и члена Верховного Совета СССР, ведет энергичную работу, направленную на то, чтобы Абхазия получила право подписания Союзного договора и тем самым стала равноправным субъектом обновленного Союза[3].

[1] Газ. «Аидгылара», № 2, февраль 1991 г.

[2] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[3] Шамба С. М. 20 лет спустя // Аидгылара. 20. Сухум, 2009. С. 23.

12 мая в Кремле началась встреча Президента СССР М. Горбачева, Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина и первого заместителя Председателя российского парламента Р. Хасбулатова с членами Совета Федерации Союза ССР, руководителями 16 республик – Абхазии, Башкирии, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карелии, Коми ССР, Марийской ССР, Мордовии, Северной Осетии, Татарстана, Тувы, Удмуртии, Чечено-Ингушетии, Чувашии, Якутской-Саха ССР, которые выразили свое особое отношение к этому документу[1]. Двусмысленный характер заявления был неспособен сделать привлекательным Союз для тех республик, которые уже отказывались от участия в нем. По-прежнему шесть республик продолжали линию на неучастие в новом Союзном договоре. После подписания «Заявления 9+1» Балтийский Совет принял Обращение в связи с референдумом СССР, в котором говорилось: «Альтернативные опросы явно свидетельствуют о твердом выборе жителей идти путем восстановления государственной независимости. Поэтому Балтийский Совет подчеркивает, что референдум СССР 17 марта 1991 года не имеет никакой правовой связи с балтийскими государствами и это не может служить оправданием давлению органов власти СССР или насилию против Латвии, Эстонии и Литвы»[2]. 13 мая Президент Грузии З. Гамсахурдиа заявил, что они стоят перед лицом большой опасности. «Поэтому, – полагал он, – совершенно необходима поддержка стран Запада, а западные информационные средства должны передавать объективную информацию и помочь нам в этой борьбе»[3]. Однако вскоре и страны, подписавшие названное заявление, стали выражать недовольство его содержанием. Тогда Председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук отметил, что «какой попало договор мы не подпишем». Он заявил: «Заявление десяти» не имеет юридической силы, его не следует воспринимать как документ обязательный. Каждая республика должна стать государством – суверенным, полнокровным и в политическом, и в экономическом плане»[4].

---

[1] Газ. «Известия», № 112… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-12-maya-1991-goda

[2] «Российская газета», 27 апреля 1991 г. С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-aprelya-1991-goda

[3] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.

[4] Газ. «Известия», № 117.... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-maya-1991-goda?page=0,2

ВС СССР 22 и 23 мая на закрытых заседаниях, обсудив проект Союзного договора, пришел к выводу: «Формула «9+1» оказалась неполной, а значит – и неверной». Однако не совсем по тому поводу, который тревожил республики. Оказывается, должно было быть «9+1+1». К девяти республикам и Президенту СССР предлагалось добавить и ВС СССР[1].

Тем временем, 24 мая состоялось очередное заседание новоогаревского совета. Президент СССР предложил назвать предполагавшийся договор «О Союзе суверенных социалистических республик». Это позволило бы сохранить аббревиатуру СССР. Российское руководство выступало за название «Союз суверенных государств». По мнению Б. Ельцина, Центр должен был быть таким, каким хотели его видеть республики. Максимум полномочий следует делегировать на места. Подписывать договор можно, определившись в вопросах собственности и налогов. Налог должен быть одноканальный, и необходимую сумму будет перечислять центру каждое суверенное государство. Жесткую и близкую к российской позицию заняла Украина. Руководители многих бывших автономий также выступали за подписание документа в качестве суверенного государства. И мнение их выражал Председатель Верховного Совета Татарии М. Шаймиев[2]. Комментируя факт участия в работе этого заседания В. Ардзинба, З. Гамсахурдиа 27 мая, на второй день после своего избрания президентом, заявил следующее: «Ардзинба не имеет никакого права утверждать, что выражает желание народа, подписывая Союзный договор. Если он все же предпримет этот шаг, то реакция будет катастрофичной для него и его клики. Но этого он не достигнет, потому что в парламенте Абхазии такое равновесие, которое не даст ему на это право. Это шантаж по отношению к Грузии, шантаж со стороны центра. И за такое поведение население Абхазии спросит с Ардзинба»[3].

25 мая в Кишиневе был учрежден форум представителей народных фронтов и движений республик, не присоединившихся к Союзному договору. Его организаторами стали: Армянское общенациональное движение, Народный фронт Эстонии, «Круглый стол» Грузии, Народ-

[1] «Независимая газета», № 61... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-25-maya-1991-goda

[2] Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 399 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] Газ. «Грузия спектр», № 9, 3-9 июня 1991 г.

ный фронт Латвии, литовский «Саюдис» и Народный фронт Молдовы. Целями «Кишиневского Форума» были объявлены: координация деятельности и проведение совместных политических акций; способствование развитию прямых экономических связей; обеспечение систематического обмена и распространение информации. Также была принята Декларация «Кишиневского Форума», в которой ее авторы заявляли следующее: «Игнорируя право народов на самоопределение, СССР применяет против наших народов и государств экономические блокады, идеологическую войну, государственный терроризм, прямую военную агрессию с целью государственного переворота, провоцирует и поощряет сепаратистские тенденции просоветских группировок. В целях осуществления в условиях мира и свободы права наших народов на государственную независимость СССР должен незамедлительно прекратить любое давление извне и вывести все свои оккупационные структуры (войска, КГБ, КПСС и др.) с территорий наших стран. Любые посягательства на неотъемлемое право народов самостоятельно определять и устанавливать свой политический статус, обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие, осуществить свой государственный суверенитет являются грубым нарушением основных прав человека, противоречат Уставу ООН и препятствуют сохранению стабильности в мире»[1].

Лидеры новообразованных стран, безусловно, стремились преуспеть в тех вопросах, в которых Президент СССР не достиг видимых результатов. Одним из таковых являлось миротворчество в конфликтах и военных спорах между республиками. 30 мая З. Гамсахурдиа выступил с заявлением о готовности Грузии стать посредником между Арменией и Азербайджаном. При этом он возложил вину на Москву, которая, по его словам, проводила политику «разделяй и властвуй». Он отметил: «Необходимо, чтобы противостоящие стороны своевременно осознали, что создание стабильной ситуации в Закавказье во многом будет способствовать достижению реального суверенитета, что, в свою очередь, является залогом развития демократии и неукоснительного соблюдения прав человека в регионе»[2]. Об этом же говорил З. Гамсахурдиа в своем

[1] Технологии этнической мобилизации. Из истории становления грузинской государственности (987-1993). (Сост. Лежава Г. П). М., 2000. С. 139.

[2] Газ. «Грузия спектр», № 9, 3-9 июня 1991 г. С. 1.

первом выступлении на ВС Грузии после избрания его президентом: «Карабахская проблема – боль кавказцев, и для ее мирного решения Республика Грузия уже взяла на себя роль посредника. Грузинский народ и Грузинское государство традиционно играли стабилизирующую роль в Кавказском регионе с точки зрения политических, межнациональных и других проблем и всегда достойно справлялись с ней. Грузия лучше сумеет выполнить эту функцию в случае дальнейшей стабилизации внутренней обстановки, когда окончательно сформируется ее политическая система и выяснится ее национально-территориальное устройство»[1]. Существенным шагом к осуществлению объявленной посреднической миссии стал Договор между Грузией и Азербайджаном, который был подписан 12 июля в Тбилиси[2]. После подписания договора Президент Азербайджана А. Муталибов заявил: «Договор также должен способствовать урегулированию азербайджано-армянской проблемы. Возможно, главы наших трех республик сядут за стол переговоров в Тбилиси. Азербайджан остается в составе СССР, но это не мешает иметь разносторонние деловые связи с Грузией». А З. Гамсахурдиа добавил, что «есть договоренность с Тер-Петросяном, что между Арменией и Грузией будет подписан[3] такой же Договор»[4]. В этих политических действиях просматривается стремление, не в последнюю очередь, каждого из лидеров обозначить себя независимым от Москвы, самостоятельным и влиятельным актором региональной политики.

Тем временем, 3 июня вновь собрался Совет Федерации. На этом заседании присутствовало около 40 руководителей республик, каждый их которых имел свой взгляд на проблему, свой подход, свои требования. Главным образом они пытались уговорить друг друга и смягчить свои позиции. В. Болдин о ходе и результатах названной встречи сообщает следующее: «В принципиальных вопросах никто уступать не хотел. Постоянно вспыхивали острые перепалки. Заседание завершилось

---

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии… С. 244-245.

[2] Газ. «Грузия спектр», № 15, 15-21 июля 1991 г. С. 1.

[3] 27 июля 1991 г. в Тбилиси Тер-Петросян и Гамсахурдиа подписали договор между Грузией и Арменией «Об основных принципах межгосударственных взаимоотношений. (Газ. «Грузия спектр», № 18, 5-11 августа 1991 г.).

[4] Газ. «Грузия спектр», № 15, 15-21 июля 1991 г. С. 1.

за полночь, так и не продвинувшись вперед»[1]. Однако советник Президента СССР Г. Ревенко по этому поводу придерживался другой точки зрения. Он, в частности, тогда рассказал: «3 июня достигнуто довольно большое согласие. По существу, рассмотрены все статьи проекта Союзного договора. Выработан в целом единый взгляд на будущее договора, который члены Подготовительного комитета посчитали приемлемым, одобрили и решили направить его в Верховные Советы республик – субъектов Союза на рассмотрение. Затем Подготовительный комитет соберется еще раз, чтобы изучить все замечания и предложения парламентов. В Верховных Советах возникнут – это можно предвидеть наверняка – острейшие дебаты. Я думаю, что тогда окончательно станет ясно, кто – за Союз, кто – против. О реальных сроках можно будет говорить только после того, как Верховные Советы республик выскажут свое мнение. Если мы пройдем эту часть процесса в течение июня, а это так складывается, то в июле мы могли бы уже выйти на финишную прямую. Заключительный этап, наверное, мог бы занять несколько месяцев. Продолжаются споры вокруг разграничения сферы полномочий Союза, его органов и республик»[2]. 4 июня, во время заслушивания информации об итогах названой встречи, А. Лукьянов также отметил, что «особое значение имеет то, что практически без каких-либо серьезных замечаний была согласована статья о разграничении полномочий между Союзом ССР и республиками»[3].

17 июня все члены Совета Федерации вновь собрались в Ново-Огареве. Несмотря на полемику и споры в ходе обсуждения в этот день был подписан проект «Договора о Союзе суверенных государств», который предусматривал, что «каждая республика – участник Договора – является суверенным государством». Далее проект предусматривал: государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития; входят в него непосредственно либо в составе других государств; имеют право на свою долю в золотом запасе, алмазном и валютном фондах Союза, имеющих-

[1] Болдин В.И. Крушение пьедестала… С. 400 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] Газ. «Известия», № 135... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-7-iyunya-1991-goda

[3] Газ. «Известия», № 132... С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-4-iyunya-1991-goda?page=0,1

ся к моменту заключения настоящего Договора. Участники Договора признают границы, существующие между ними на момент подписания Договора. Участники Договора наделяют Союз ССР следующими полномочиями: защита суверенитета и территориальной целостности Союза; объявление войны и заключение мира; обеспечение обороны и руководство Вооруженными силами, пограничными, внутренними, железнодорожными войсками Союза; организация и руководство разработкой и производством вооружений и военной техники... Законодательную власть Союза осуществляет Верховный Совет Союза ССР, состоящий из двух палат: Совета республик и Совета Союза. Совет республик состоит из представителей республик, делегируемых их высшими органами власти. За республиками и национально-территориальным и образованиями в Совете республик сохраняется число депутатских мест, которое они имеют в Совете Национальностей Верховного Совета СССР в момент подписания Договора… Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года. С вступлением Договора в силу для государств, подписавших его, объявлялся режим наибольшего благоприятствования[1]. В тот же день М. Горбачев подписал, а 18 июня направил в Верховый Совет СССР и в Верховные Советы республик проект договора «О Союзе суверенных государств»[2].

«Серьезным успехом» назвал тогда проведенную в Ново-Огареве работу по подготовке нового Союзного договора первый заместитель Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатов. В то же время он отметил, что ряд вопросов в разработанном документе пока не согласован. Речь идет о проблеме вхождения республик Российской Федерации в состав Союза, о вопросах налогообложения, о сферах совместной компетенции центра и республик[3]. Тем не менее, сами республики, судя по всему, считали все уже согласованным. Верховный Совет Башкирской ССР одобрил в основном проект договора и поручил его подписание Председателю Верховного Совета республики М. Рахимо-

[1] «Независимая газета», № 73... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-22-iyunya-1991-goda?page=0,1

[2] Гайдар Е. Т. Гибель империи… // http://www.litru.ru/?book=9333&description=1. С. 98.

[3] «Российская газета», № 128... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-21-iyunya-1991-goda

ву[1]. Президент Татарстана М. Шаймиев также заявил, что «наша республика рассчитывает подписать Союзный договор непосредственно и с полной квотой представительства в союзном парламенте»[2].

5-я внеочередная сессия Верховного Совета Республики Кыргызстан также одобрила проект Договора о Союзе суверенных государств и подтвердила полномочия президента А. Акаева для его подписания[3]. 27 июня на сессии ВС Украины, обсуждавшей проект Союзного договора, решения не было принято. Во время сессии возле парламента была организована манифестация с требованием не подписывать Союзный договор. Председатель ВС Украины Л. Кравчук, выйдя к манифестантам, заявил, что «речь о подписании не идет».

В ответ на недружественную позицию Грузии 30 июня Премьер-министр СССР издал распоряжение «О возврате продовольственных и промышленных товаров государственного резерва СССР, хранящихся на территории Грузии». Документ предусматривал: «1. Разрешить оказать помощь из госрезерва советским военизированным структурам, расположенным на территории Грузии. 2. В связи с этим разрешить Госрезерву СССР разбронировать в 1991 году из госрезерва продовольственные и промышленные товары, находящиеся на территории Грузинской ССР, передать их министерствам и ведомствам СССР»[4]. Это – многие тонны мяса, мясных, рыбных, молочных консервов, сахара, мыла, топленого жира, чая, соли, хлопка-сырца и другие товары. Данное решение, видимо, стало чувствительным ударом, поскольку вызвало в Тбилиси негодование. Свое возмущение по этому поводу высказал и Президент Грузии во время своей пресс-конференции в Москве 3 июля, назвав его «реакционным и неконструктивным», направленным «против стабилизации обстановки в республике»[5]. Что интересно, тогда американская газета «Лос-Анджелес таймс» на своих страницах разме-

---

[1] Газ. «Известия», № 147... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-iyunya-1991-goda

[2] «Независимая газета», № 74... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-iyunya-1991-goda?page=0,1

[3] «Независимая газета», № 76… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-iyunya-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Грузия спектр», № 16, 22-28 июля 1991 г. С. 4.

[5] «Российская газета», № 140... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-iyulya-1991-goda

стила информацию о том, что «советские войска начали забирать продовольствие и другие товары со складов Грузии»[1].

Тогда З. Гамсахурдиа находился в Москве с неофициальным визитом. Он выехал туда по приглашению посла США в СССР Д. Мэтлока по случаю 215-й годовщины Дня независимости США. Гамсахурдиа имел встречи с Ельциным, Мэтлоком и рядом послов других стран[2]. Гамсахурдиа поздравил Буша с Днем Независимости США. В его послании к американскому Президенту отмечалось: «Надеемся, что американский народ и правительство США приветствуют стремление грузинского народа к независимости, что выразилось в принятии им Акта о восстановлении государственной независимости»[3]. З. Гамсахурдиа также дал высокую оценку инициативе Президента Казахстана Н. Назарбаева провести деловую встречу представителей всех республик, независимо от их желания подписать Союзный договор, и добавил, что на такой встрече «обязательно будет наш представитель»[4]. Обе пресс-конференции – и Гамсахурдиа и Назарбаева – проходили тогда почти одновременно.

Между тем, 1-3 июля в Тбилиси проходил «Кишиневский форум», в работе которого ввиду сложной политической обстановки в Литве и Эстонии их представители не принимали участия. Форум принял обращение к Президенту СССР и участникам встречи в Ново-Огареве с предупреждением не применять силу и экономические санкции против неприсоединившихся государств, чтобы вынудить их подписать Союзный договор[5]. Тогда З. Гамсахурдиа в интервью немецкой журналистке М. Денцер заявил, что Ардзинба подписать Союзный договор будет трудно, потому что у него сильная оппозиция не только в народе, но и в парламенте. На вопрос – возможно ли отделение Абхазии от Грузии? – он ответил: «Нет»[6]. 3 июля он заявил, что абхазы в Абхазии составляют 17% населения, и они хотят эту территорию отторгнуть от Грузии и присоединить к Советскому Союзу. Далее он тоном, не терпящим возражений, сказал: «Это никогда у них не выйдет, так как это будет агрес-

---

[1] Газ. «Грузия спектр», № 16, 22-28 июля 1991 г. С. 4.

[2] Газ. «Грузия спектр», № 14, 8-14 июля 1991 г. С. 1.

[3] Там же.

[4] «Российская газета», № 140... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-5-iyulya-1991-goda

[5] Газ. «Грузия спектр», № 14, 8-14 июля 1991 г. С. 2.

[6] Газ. «Грузия спектр», № 13, 1-7 июля 1991 г. С. 3.

сия против грузинского народа и посягательство на территориальную целостность Грузии»[1].

3 июля Президент Казахстана Н. Назарбаев на уже упомянутой пресс-конференции положительно оценил представленный проект Союзного договора. При этом Президент Казахстана однозначно выступал за трехканальную систему, то есть за налоги федеральные, республиканские и местные»[2]. 8 июля в Ново-Огареве состоялась встреча Президента СССР и руководителей девяти республик. Обсуждались вопросы, связанные с предстоявшей поездкой М. Горбачева в Лондон для встречи с руководителями стран «семерки». В ней приняли участие Президент РСФСР Б. Ельцин, Президент Узбекской ССР И. Каримов, премьер-министр Украинской ССР В. Фокин, Председатель Верховного Совета Белорусской ССР Н. Дементей, Президент Республики Кыргызстан А. Акаев, Президент Таджикской ССР К. Махкамов, премьер-министр Казахской ССР У. Караманов, Председатель Верховного Совета Азербайджанской Республики Э. Кафарова, премьер-министр Туркменской ССР Х. Ахмедов, премьер-министр СССР В. Павлов. Участники встречи, к удивлению, были единодушны. Общее их мнение выразил Б. Ельцин, который сказал: «Президент СССР едет в Лондон с позицией не только центра, но и с мнением всех девяти республик, их руководителей. Это согласованное мнение. Думаю, что это важно не только для советских людей, но и для стран «семерки»[3].

Тем временем, 11 июля Верховный Совет СССР принял постановление «О проекте договора о Союзе суверенных государств». Документ предусматривал: поддержать в основном проект Договора о Союзе суверенных государств, представленный 18 июня Президентом СССР; утвердить полномочную Союзную делегацию для подписания Договора о Союзе суверенных государств. В постановлении особо оговаривалась необходимость «указать в проекте Союзного договора, что участниками его заключения и, соответственно, субъектами федерации являются как суверенные государства – республики, так и республики, входящие

---

[1] Газ. «Грузия спектр», № 15, 15-21 июля 1991 г. С. 3.

[2] Газ. «Известия», № 158... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-iyulya-1991-goda

[3] Газ. «Известия», № 162... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-iyulya-1991-goda

в них на договорных или конституционных основах»[1]. Верховный Совет СССР также обратился к Верховным Советам Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Эстонии «с призывом ознакомиться с текстом и идеями проекта Договора о Союзе суверенных государств, обсудить его содержание и значение для судеб ваших народов и поискать наиболее приемлемые формы сохранения и укрепления дружеских связей с народами обновленного Союза ССР»[2]. В ответном послании Верховного Совета Грузии было сказано, что политические, экономические и культурные связи между Грузией и СССР в будущем «должны строиться на качественно новой основе». В письме подчеркивалось, что Грузия неоднократно заявляла о готовности к взаимовыгодному и равноправному политическому, экономическому и культурному сотрудничеству с СССР и населяющими его народами, однако влиятельные консервативные силы всячески препятствуют этим процессам»[3].

17 июля в Верховный Совет СССР обратились представители Абхазии, Юго-Осетии, Приднестровья, Гагаузии, Шальчининкайского района Литвы и Межрегионального совета Эстонии. Авторы обращения настаивали на том, чтобы делегации этих образований были допущены к подписанию союзного договора[4]. Сам договор обсуждался 23 июля на Совете Федерации. Рассматривался вопрос о финансовых платежах республик центру. Россия и Украина противились отчислению средств в союзный бюджет непосредственно предприятиями, а предлагали направлять суммы после объяснения центром цели финансирования, а это требовало предварительно раскрыть бюджет армии, КГБ, других ведомств. Большинство отраслей и производств, включая оборонные заводы, земли и недра, отходили в подчинение республик. М. Горбачев, в свою очередь, считал, что налог следует собирать центру с каждого предприятия, регулируя долю его отчислений. «Если мы этого не запишем в договоре, мне здесь делать нечего», – сказал он и начал собирать

[1] Газ. «Известия», № 166… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-iyulya-1991-goda

[2] Газ. «Известия», №165... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-12-iyulya-1991-goda

[3] «Независимая газета», № 90... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-1-avgusta-1991-goda

[4] Газ. «Московские новости», № 30... С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-iyulya-1991-goda

свою папку. «Не доводите нас до того, чтобы мы решили этот вопрос без вас», – ответил Ельцин[1].

В рассматриваемое время отказывались от участия в обсуждении проекта договора и, следовательно, от его подписания республики Прибалтики, Молдавия, Армения и Грузия. О своей неготовности к подписанию договора заявила и Украина. О независимости все чаще и настойчивее говорили многие бывшие автономии России: Татарстан, Башкортостан, Якутия, Карелия, Чувашия, Чечено-Ингушетия. Дискуссии на эту тему велись в Бурятии, Туве, Горно-Алтайской республике. Многое было непонятно и тем, кто стоял за единый Союз. Однако Президенту СССР было некуда отступать: 24 июля он сообщил о завершении работы над проектом союзного договора[2]. 29 июля на встрече М.Горбачева, Б.Ельцина и Н. Назарбаева решено было начать подписание Союзного договора 20 августа 1991 года[3]. Во время этой встречи, по свидетельству Е. Гайдара, «М. Горбачев пошел на ключевую уступку лидерам республик, по существу подводящую черту под историей СССР как единого государства, согласился на идею одноканальной системы налогообложения, при которой союзные власти оказываются полностью зависимыми от властей республик в ключевом вопросе – финансировании государственных расходов»[4]. В. Согрин[5] и Б. Ельцин[6] свидетельствовали о том, что этот разговор подслушивался и записывался КГБ, и считали, что его содержание стало причиной, во всяком случае, детонатором августовского путча.

В. Ардзинба, комментируя итоги последней новоогаревской встречи, тогда отмечал: «Общее экономическое положение подталкивает к тому, чтобы идти на взаимные уступки… Подписание договора могло бы начаться уже в августе, но было бы важно, чтобы определилась по-

---

[1] Болдин В.И. Крушение пьедестала... С. 402 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] Там же.

[4] Гайдар Е. Т. Гибель империи… // http://www.litru.ru/?book=9333&description=1. С. 98.

[5] Согрин В. Политическая история современной России. 1985 – 1994. От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 91 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[6] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792

зиция Украины»[1]. О неоднозначной позиции Украины говорилось чуть выше. Но затем был найден выход из этой ситуации: придумали график многоэтапного подписания Союзного договора. 31 июля этот график представил помощник Президента СССР Г. Шахназаров. Он предусматривал: 20 августа договор подпишут РСФСР и Казахстан, 3 сентября – Белоруссия и Узбекистан, 17 сентября – Азербайджан и Таджикистан, 1 октября – Туркмения и Киргизия, 22 октября – Украина и, возможно, Армения с Молдовой, а также союзная делегация[2]. Президент СССР, который должен был поставить свою подпись в конце процесса подписания, 2 августа выступал по телевидению, где рассказал об итогах работы над проектом нового Союзного договора. Он сообщил: «Сохраняется союзная государственность… Вместе с тем создается новое, действительно добровольное объединение суверенных государств, в котором все народы самостоятельно управляют своими делами, свободно развивают свои культуру, язык, традиции. Договор предусматривает значительную реконструкцию органов власти и управления. Потребуется разработать и принять новую конституцию, обновить избирательный закон, провести выборы, перестроить судебную систему»[3].

Президент Молдовы М. Снегур тогда назвал провокационными утверждения и просачивающиеся в печать намеки на то, что руководство Молдовы намеревается подписать Союзный договор[4]. 14 августа в Ташкенте завершилась встреча президентов среднеазиатских республик и Казахстана, в которой принимала участие делегация Азербайджана[5]. «Выступая за подписание Договора о Союзе суверенных государств, руководители республик Средней Азии и Казахстана обращаются с призывом к другим республикам присоединиться к договору», – говорилось в коммюнике, подписанном главами Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. На встрече также было

[1] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г. С. 1.

[2] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[3] Там же.

[4] Газ. «Известия», № 189… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-avgusta-1991-goda

[5] «Независимая газета», № 96… С. 1. \\ http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-avgusta-1991-goda

заключено соглашение об организации межреспубликанского консультативного совета республик Средней Азии и Казахстана[1].

Тогда же председатель Верховного Совета Кабардино-Балкарии В. Коков заявил, что республика, которой он руководит, «должна стать полноправным субъектом Союзного договора и принять участие в его подписании. Он также отметил, что «Кабардино-Балкария подпишет и будущий Федеративный договор, поскольку входит в состав РСФСР»[2]. Чечено-Ингушская республика, напротив, воздерживалась от подписания Союзного договора. Такое решение было принято 15 августа на сессии Верховного Совета республики. Камнем преткновения стали ингушские земли, которые во времена сталинских репрессий отошли к Северной Осетии. А проект Союзного договора определяет, что границы между государствами, образующими Союз, могут изменяться только по соглашению между ними[3]. В тот же день, 16 августа, был опубликован текст Союзного договора.

2. 2. Союзный договор и политическая ситуация в Абхазии

9 апреля Грузия провозгласила независимость, а затем объявила забастовку против Союзного руководства. Грузинская общественность Абхазии, как к тому времени стало нормой, также не могла не отреагировать на события в Грузии. В частности, с 15 по 18 апреля Сухумский завод газовой аппаратуры, где в основном работали грузины, прекратил работу в знак солидарности с бастующими в Грузии[4]. Тогда же от имени республиканского стачечного комитета Грузии на имя директора шахтоуправления «Ткварчельское» А. Циба была направлена телефонограмма с требованием устроить трехминутную забастовку для поддержки бастующих организаций союзного подчинения. Горняки в ответном послании на имя Президента Грузии ответили отказом[5].

---

[1] Газ. «Известия», № 194... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-avgusta-1991-goda

[2] «Российская газета», № 172... С.1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-avgusta-1991-goda?page=0,1

[3] «Российская газета», № 172... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-avgusta-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.

[5] Газ. «Абхазия», № 21, 19 мая 1991 г. С. 1.

13 апреля в Сухуме при активном участии «Круглого стола» инициативной группой в составе М. Маршания, Д. Маргания, Т. Кипиани, Р. Дадиани, Л. Девдериани и Г. Шервашидзе было создано общество дворян Абхазии[1], которое, судя по всему, призвано была стать очередной организацией, защищающей «территориальную целостность» Грузии в Абхазии. Судя по всему, это было продолжением того, что было начато в Тбилиси. Тогда в письме «Г-ну Гамсахурдиа» М. Шервашидзе, Л. Эмухвари, Л. Шервашидзе, Г. Анчабадзе, Т. Маршания, И. Инал-ипа писали: «Мы, представители древнейших абхазских фамилий, приветствуем и единодушно поддерживаем ваши идеи, верим в вас. Мы всегда рядом с вами. Пусть благословит вас Бог»[2]. Сам З. Гамсахурдиа, в свою очередь, в обращении к абхазскому народу, отмечал: «Представители древнейших абхазских фамилий и сегодня не отличают друг от друга абхазов и грузин. Абхазские князья Шервашидзе называли себя не только абхазскими, но и грузинскими князьями»[3]. Получалась какая-то «аристократическая» идиллия, но она была разрушена другими представителями древних абхазских фамилий, живущих в Абхазии, – Л. Анчабадзе, Д. Эмухвари, З. Миканба, Е. Маргания, О. Шервашидзе, В. Шервашидзе, О. Маан и другие, которые выступили с ответным заявлением на послание т. н. «Дворянского собрания» Абхазии. В их письме говорилось: «Георгий Шервашидзе объявил, что он грузин, да и все подписавшиеся под обращением, именующие себя абхазским князьями, являются теперь грузинами. А у грузин, как известно, не было таких князей! Отсюда вывод: они потеряли не только язык и связь со своим народом, но и свое сословное княжеское происхождение, которым они так дорожат. И эти потерявшие национальное лицо люди пытаются выдавать себя за патриотов»[4]. Вообще, наблюдалась какая-то странная тенденция грузинских властей и их марионеток в Абхазии доказать свое право на Абхазию путем доказательства того, что представители дворянских родов на их стороне. Уже после начала войны и после его назначения главой марионеточного руководства Абхазии Т. Надарейшвили также силился доказать не только то, что его поддерживают абхазские дворянские

[1] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.
[2] Газ. «Вестник Грузии», № 24, 5 марта 1991 г.
[3] Газ. «Абхазия», № 11-12 марта 1991 г. С. 3.
[4] Газ. «Абхазия», № 31, 6 августа 1991 г. С. 4.

фамилии, а не много не мало, что он сам является единственным законным наследником владетельного дома Абхазии. В интервью грузинскому радио 13 мая 1993 г. он, в частности, говорил: «Я неоднократно говорил и опять повторяю, что я являюсь последним наследником Абхазского Царства, их фамилии Шервашидзе. Тех Шервашидзе, которые управляли Абхазией»[1].

10 апреля 1991 г. состоялось учредительное собрание Общества русской культуры «Славянский дом», на котором был принят устав этой организации[2]. 19 апреля состоялась встреча В. Ардзинба с представителями блока «Союз», которые заявили, что МВД Грузии и его подразделения в Абхазии не защищают интересы народа, а действуют против него. Блок предложил ряд мер, которые, по их мнению, обеспечат гарантии защиты суверенитета и государственности Абхазии[3]. Тем временем ситуация в Абхазии продолжала ухудшаться.

Она усугублялась еще и тем, что расследования июльских событий в Сухуме 1989 г. продолжались, но проводились без учета интересов абхазской стороны. Тогда возникло противостояние вокруг уголовного дела Г. Аргун, рассмотрение которого затянулось на 1 год и 8 месяцев. Поводом для возмущения абхазов послужила передача дела Г. Аргун в прокуратуру Грузии после того, как судебное заседание в г. Гагре не нашло оснований для вынесения ему приговора. Этот акт в условиях достаточно давно проходившей «войны законов» между Грузией и Абхазией вызывает, по меньшей мере, непонимание. В ответ на это гагрский союз «Абраскил», гудаутская молодежная организация «Аубла», абхазское общество «Апсадгыл» и Народный форум Абхазии организовали акцию протеста. 25 апреля группа жителей г. Гудауты объявила голодовку в здании РОВД. Были выдвинуты требования о немедленном освобождении Г. Аргун, справедливом расследовании в отношении абхазов, обвинявшихся в участии в июльских событиях 1989 года, было выражено также недоверие Председателю Верховного Суда, прокурору, министру юстиции и министру внутренних дел Абхазии и было выдвинуто требование их отставки. На митинге также было принято реше-

[1] Белая книга Абхазии. (Сост.: Воронов Ю. Н., Флоренский П. В., Шутова Т. А.). М., 1993. С. 79.

[2] Газ. «Сухумский вестник», № 3, апрель 1991 г. С. 3.

[3] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.

ние просить ВС Абхазии ходатайствовать перед союзной прокуратурой об открытии уголовного дела в отношении незаконного содержания под стражей Г. Аргун[1].

Министр внутренних дел Г. Ломинадзе прокомментировал требование участников акции следующим образом: «Решением вопросов, поднятых митингующими, должна заниматься прокуратура… Я готов с ними (с голодающими. – **А. А**.) говорить. Я их приглашал сюда. Я не знаю, почему митингующие назвали именно мою фамилию. Если в связи с имеющимися якобы нарушениями – так МВД это не касается… И вообще я против того, чтобы подобные вопросы решались митинговым путем. Их надо решать в спокойной обстановке, а не путем подобного давления»[2]. Спустя время Г. Ломинадзе утверждал: «Там в абхазской иерархии мне не раз предлагали руководство, лишь бы я отказался от МВД. Поскольку я не уступал абхазским сепаратистам в принципиальных вопросах»[3]. А прокурор Абхазии А. Квициния, отставки которого также требовали митинговавшие, заявил: «Основная причина митинга – дело Аргуна. Мы к этому делу не прикасались. Когда дело не находится в прокуратуре Абхазии, мы надзирать не имеем права. Не в моей компетенции это дело, не в моем производстве… За этим делом я не надзирал, претензии ко мне необоснованны»[4]. Голодовка длилась более десяти дней и была прекращена 4 мая, после передачи дела Аргун в прокуратуру Сухума.

26 мая в Грузии должны были состояться выборы президента. В связи с этим 14 мая с призывом к населению Абхазии бойкотировать эти выборы обратился блок «Союз». По мнению блока, так надо было поступать потому, что: политические лидеры Грузии были явно не в состоянии решать проблемы населения Абхазии в соответствии с Декларацией прав человека и других международных актов, определяющих нормы отношений между гражданами и народами; данная акция была запланирована и реализовывалась в условиях полного подавления и игнорирования прав народов на самоопределение в области административной, культурной, языковой, кровнородственной и психологиче-

[1] Газ. «Абхазия», № 20, 11 мая 1991 г. С. 1.
[2] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.
[4] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.

ской; ни один из претендентов на высокий президентский пост в Грузии в своих программах не ставил и не решал насущные проблемы Абхазии; участие в предстоящих выборах означало признание прав тогдашнего правительства Грузии на мононациональном и моноконфессиональном уровне решать судьбу миллионов своих инонациональных сограждан по своему достаточно некомпетентному усмотрению; выборы ничего хорошего не сулили многонациональному народу Абхазии, угрожая новыми бедами и трагедиями[1]. 26 мая выборы президента в Грузии состоялись, и Абхазия в тех выборах не участвовала.

19–21 мая в Нальчике проходил I Всемирный конгресс черкесов, в работе которого принимали участие представители Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Шапсугии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, а также представители кавказских диаспор из Израиля, Иордании, Сирии, США, Германии, Голландии, Турции, Югославии. На конгрессе была создана Международная Черкесская Ассоциация (МЧА). В Декларации Конгресса его основной задачей провозглашалась координация действий, направленных на сохранение и развитие духовного достояния входящих в Ассоциацию народов[2]. В дальнейшем Конгресс сыграл весьма значительную роль в сдерживании грузинских властей от посягательств на Абхазию, а после начала войны – в организации всесторонней поддержки абхазов и добровольческого движения в защиту подвергшейся агрессии Абхазии.

Идея созыва этого масштабного форума родилась в 1990 г. на совещании благотворительных обществ кавказских народов в Голландии. 4-5 мая 1990 г. по инициативе Ф. Раджаба состоялось совещание представителей общественных организаций адыгов из всех стран их компактного проживания. Совещание состоялось в центре общественных мероприятий «Ден Алердинк» в Голландии города Алмело. В его работе приняли участие 4 представителя голландских адыгов, 2 – из Калифорнии (США), 28 – из Германии, 1 – из Турции и 2 – из Кабарды[3]. Там и был создан подготовительный комитет во главе с Ф. Раджабом. Совещание приняло решение созвать в мае 1991 года в Нальчике Международный конгресс адыгов. Основные цели, ради которых собрались делегаты,

[1] Газ. «Абхазия», № 21, 19 мая 1991 г. С. 1.
[2] Агаз. «Аидгылара», № 3, маи 29 1991 ш.
[3] http://archivesjournal.ru/?p=3657

Ф. Раджаб обрисовал в своем выступлении на открытии конгресса. Это – учреждение Всемирной черкесской ассоциации, верность высшим принципам нравственности, человечности, уважительное отношение к людям разных национальностей, руководство положениями Устава ООН, законами и традициями стран проживания черкесов, сохранение национальной самобытности, возрождение и развитие культуры, восстановление подлинной истории[1].

Член исполкома МЧА, председатель Кабардино-Балкарского отделения Всесоюзного общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина» К. Эфендиев в своих воспоминаниях рассказывает о работе Первого конгресса черкесов. Он сообщает о том, что заседания конгресса вел З. Налоев. На конгрессе было представлено два проекта устава создаваемой организации – один от имени кабардинских адыгов, другой – от имени турецких адыгов. Для внесения на обсуждение одного согласованного проекта устава Международной адыгской хасы (Дунейпсо адыгэ хасэ – по-кабардински) была избрана редакционная комиссия, в которую от Абхазии вошел Г. Аламиа. От имени Абхазии выступил О. Дамения, который обратился к участникам Конгресса со следующими словами: «Мы, абхазцы, не мыслим жизни без единства с адыгами, без того, чтобы они стеной стояли за нашей спиной. Точно так же мы не можем не состоять в Международной адыгской хасе. Исходя из этого, надо, чтобы в уставе ДАХа наряду с адыгами нашли место абхазы и абазины». 20 мая на вечернем заседании К. Эфендиев предложил досрочно избрать президентом Международной черкесской ассоциации Ю. Калмыкова в связи с тем, что он через час должен был улетать в Москву, где на следующий день открывалась сессия Верховного Совета СССР. За исключением одного, делегаты проголосовали за его избрание. Вице-президентами МЧА были избраны Ф. Раджаб Хатука (Голландия), С. Кардан (Иордания), А. Микитаев (Кабарда), Н. Хатам (Турция). Генеральным секретарём МЧА стал М. Шокуев, его заместителем – А. Абрегов[2].

Продолжением конгресса стал многотысячный митинг 21 мая на нальчикском стадионе, посвященный памяти жертв Кавказской войны. На нем присутствовала и делегация правительства Грузии во главе с

[1] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 1.
[2] http://archivesjournal.ru/?p=3657

Т. Гвенцеладзе, зачитавшим обращение З. Гамсахурдиа к адыгскому народу с заверениями солидарности и братства. Участниками митинга в сквере на улице Кабардинской был заложен камень с надписью: «Здесь будет сооружен памятник адыгам – жертвам русско-кавказской войны и насильственно высланным за рубеж в XIX веке». На следующий день делегации отправились по маршруту «Нальчик – Черкесск – Майкоп – Сухум». На Красной поляне, на месте последнего сражения, состоялся митинг, на котором выступили Н. Кощбай, Ю. Аргун, О. Шамба. Там намеревались установить камень, на котором было высечено: «Жертвам Кавказской войны», но сделать это не удалось.

31 мая тысячи людей собрались на сухумской пристани. На теплоходе прибыли многочисленные делегации из Северного Кавказа, участники Всемирного черкесского конгресса. Затем у камня на набережной Махаджиров состоялся митинг. Выступавшие говорили о необходимости репатриации потомков махаджиров и воссоединении их со своими соотечественниками. Вечером участники митинга вышли на берег моря. Десятки венков с горящими свечами были опущены на воду[1]. Организация интересного маршрута и его осуществление стало возможным благодаря заместителю Председателя АГНК Г. Аламиа и заместителю председателя по созданию шапсугского национально-территориального округа Р. Гвашеву[2]. 1 июня гостей из Северного Кавказа и дальнего зарубежья пригласили в с. Кутол, а 2 июня в с. Мыку состоялось 40-тысячное собрание-праздник абхазского народа – Абжуаеизара[3]. На этой встрече в с. Кутол под видом обеспечения общественного порядка присутствовал начальник Очамчирского РОВД А. Барамия. Впоследствии «он дал под сильным принуждением» информацию на имя заместителя министра внутренних дел В. Ломинашвили о том, что якобы на этой встрече прозвучали призывы против грузин. Ломинашвили дал ложную информацию в МВД СССР. Тогда жители села Кутол писали: «Узнав о недостойных действиях Ломинашвили, в первых числах июня 1991 г. мы обратились в Абхазобком, к прокурору и министру внутренних дел Абхазии для привлечения клеветников к ответственности. Проверкой нашей жалобы занимался представитель прокура-

[1] Газ. «Абхазия», № 22, 4 июня 1991 г. С. 1.
[2] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 3.
[3] Там же. С. 1-2.

туры Абхазии И. М. Гунба, который приехал в Кутол и взял показания от многих жителей села». Ломинашвили продолжает свою антиабхазскую деятельность, а Барамия вскоре был переведен с повышением в аппарат МВД Грузии. Гунба вынес решение о прекращении уголовного дела по отношению к жителям села Кутол и о возбуждении уголовного дела против Барамия за ложную информацию, а также о дисциплинарном взыскании Ломинашвили. Однако Барамия переведен на работу в Тбилиси, Ломинашвили, напротив, дали очередное звание полковника»[1].

Тем временем в Сухум был передислоцирован батальон десантников, выведенный из Западной группы войск. Некоторыми общественно-политическими движениями и партиями Грузии это было расценено как ввод войск с определенными политическими целями. В связи с искусственно раздутым ажиотажем вокруг десантников и нагнетанием политических страстей заместитель министра обороны СССР, генерал-полковник В. Очилов дал разъяснение, что прибытие батальона десантников в Сухум не преследует никаких политических целей, а вызвано необходимостью размещения прибывающих в СССР частей Советской армии из Восточной Европы. Тогда же состоялась встреча В. Ардзинба с В. Очиловым и представителями Закавказского военного округа. Во встрече также приняли участие первый заместитель Председателя правительства Грузии М. Оманидзе, председатель КГБ Грузии О. Хатиашвили, зам. Предсовмина Абхазии Э. Капба и др. В. Ардзинба, В. Очилов, М. Оманидзе и сопровождавшие их лица встретились также с командованием Сухумского гарнизона.

В интервью Абхазскому телевидению В. Очилов заявил: «Я имею поручение министра обороны разобраться с дислокацией десантно-штурмового батальона. Потому что среди общественности Абхазии поползли разные слухи об огромной концентрации воздушно-десантных войск. Хочу сказать, что батальон был перебазирован в Абхазию, потому что здесь освободились фонды. Но вокруг этого батальона начинают делать политику и решать политические вопросы. Я прибыл, чтобы встретиться с людьми. Объяснить им эту ситуацию, посмотреть, как разместился батальон. Оценить ситуацию и доложить министру обороны»[2].

---

[1] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г. С. 1.
[2] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 1.

Между тем, призыв в Советскую армию в Абхазии был практически сорван. Военный комиссар Сухумского объединенного горвоенкомата С. Дбар, говоря о причинах этого, сообщил: «В Абхазии вопреки союзному законодательству создан и очень активно действует призывной пункт по набору в национальную гвардию Грузии. Этот пункт действует незаконно, совершенно отдельно от горвоенкомата, имеет свой учет призывников через домоуправления, свои повестки, свою документацию, свою медицинскую комиссию, располагает кадрами, автотранспортом и, естественно, своими методами набора призывников, конечно, в основном грузинской национальности»[1]. Этому способствовало, по словам С. Дбар, несколько факторов: угрозы, экономические посулы и перспектива служить в Грузии[2].

Тем временем Абхазия готовилась подписать Союзный договор, который к тому времени стал основным вопросом политической жизни республики. В. Ардзинба, выступивший на расширенном заседании Госагропрома, заявил, что в любом случае Абхазия подпишет Союзный договор. Он также сказал, что ВС Абхазии не раз высказывал желание найти точки соприкосновения с Грузией, вести переговоры на равных. В. Ардзинба также сообщил, что не так давно в Абхазию приезжала группа во главе с Алексидзе, а на днях в Абхазию приехала другая группа во главе с Н. Бурчуладзе, с которой велся обстоятельный разговор по ряду актуальных вопросов, касающихся взаимоотношений Грузии и Абхазии[3].

Тогда же состоялась встреча представителей НФА и «Народного Союза» Абхазии с жителями поселка Агудзера. Союзный договор был одним из вопросов повестки дня, что, наверное, и обусловило то, что встреча прошла не в благожелательной атмосфере. Выступивший на этой встрече депутат ВС Грузии от Абхазии Н. Мгалоблишвили заявил, что «Ардзинба может оставлять сколько угодно автографов под Союзным договором, но они останутся только автографами». На это заявление ответил рассказавший об Агудзерской встрече прессе заместитель Председателя НФА З. Ачба: «Будьте уверены, Ардзинба будет подписывать этот договор от имени народа Абхазии. Мы боремся и будем бороться за суверенитет, свободу и независимость Абхазии. Любое подчинение и

[1] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 1.
[2] Там же.
[3] Газ. «Абхазия», № 24, 18 июня 1991 г.

дальнейшее состояние нас в роли колонии – губительный путь для абхазской нации. Абхазия будет подписывать этот документ. Это твердое решение народов республики, которое они высказали 17 марта во время Всесоюзного референдума, и не подлежит обсуждению. Союзный договор гарантирует Абхазии суверенные права в составе обновленного союза, поэтому для граждан Абхазии, которые исходят из интересов Абхазии, а не тех, которые служат интересам грузинской метрополии, договор означает возможность решать все внутренние вопросы республики самостоятельно в рамках обновленного союза». Далее он сказал: «Я считаю, что на территории Абхазской Республики самоопределиться могут только абхазы, ведь родина у них одна – Абхазия. Все остальные народы, живущие в республике, вправе совместно с нами вести эту борьбу, что также затрагивает их интересы как жителей Абхазии, а именно вопросы гражданского устройства общества, прав человека и т. д.»[1].

21 июня в Гагре состоялось собрание представителей грузинского населения под председательством депутата ВС Грузии Т. Надарейшвили. Оно направило телеграмму Горбачеву, Лукьянову, Гамсахурдиа, Ардзинба, в которой выражался протест по поводу подписания Абхазией Союзного договора[2]. Вопрос о Союзном договоре также обсуждался и 26 июня в Москве на встрече В. Ардзинба с делегацией грузинских парламентариев во главе с заместителем ВС Грузии Н. Бурчуладзе. Встреча прошла в напряженной обстановке и завершилась безрезультатно[3]. Тогда же группа депутатов абхазского парламента написала письмо председателю ВС В. Ардзинба, в котором было сказано: «Подписание Союзного договора в условиях, когда Грузия его не подписывает, ставит целью изменение не только статуса Абхазии, но и территориальной целостности Республики Грузия, что вступит в явное противоречие с ныне действующими конституциями СССР, Республики Грузия и Абхазской АССР»[4]. 3 июля Президент Грузии З. Гамсахурдиа, выступая в Москве, в очередной раз категорически отверг саму возможность подписания Абхазией Союзного договора[5].

---

[1] Газ. «Абхазия», № 26, 2 июля 1991 г. С. 2.

[2] Газ. «Аидгылара», №7, июль 1991 г.

[3] Там же.

[4] «Независимая газета», № 74… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-25-iyunya-1991-goda?page=0,1

[5] Газ. «Известия», №158… // Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г.

Тем временем под председательством В. Ардзинба состоялось расширенное совещание с участием аппарата Совета Министров и членов правительства Абхазии. Председатель ВС обратил особое внимание на предстоявшую реорганизацию органов управления и в связи с этим на необходимость значительного улучшения исполнения ранее принятых постановлений и решений. На совещании был поднят вопрос реорганизации структур управления, исходя из требований времени. Было предложено пересмотреть штаты министерств и госкомитетов в сторону их уменьшения и создания дееспособных органов управления. Было также признано одним из важнейших постановление о неотложных мерах по сохранению земельных ресурсов Абхазии, принятое Президиумом ВС Абхазии, и что его выполнение требует безотлагательных мер. Тем более было немало фактов грубого нарушения, самовольного захвата земли. В. Ардзинба категорически потребовал навести порядок в этом важном деле, принципиально спросить с тех, кто под тем или иным предлогом захватил землю. Председатель ВС выразил крайне негативное отношение к тому, что отменяются ранее принятые постановления, ибо эти действия подрывают авторитет правительства. В. Ардзинба высказал мысль о том, что необходимо рассмотреть вопрос о юрисдикции предприятий, которые не подчиняются Абхазии, находясь на ее территории[1].

27 июня в ВС Абхазии продолжились встречи представителей Абхазии и Грузии. В них приняли участие, с одной стороны, Н. Бурчуладзе, депутаты ВС Грузии Л. Алексидзе, З. Бокучава, Б. Георгобиани, завкафедрой ТГУ А. Деметрешвили, с другой стороны – В. Ардзинба, В. Колбая, В. Миканба, Э. Капба, заместитель министра внутренних дел А. Аршба, Ю. Квициния, член Верховного Суда А. Джергения. Были обсуждены вопросы государственных взаимоотношений Грузии и Абхазии, проблемы законодательного характера, связанные с выборами в ВС Абхазии, а также некоторые другие вопросы[2]. 28 июня Н. Бурчаладзе проинформировал депутатов грузинского парламента об итогах поездки возглавляемой им делегации в Абхазию[3].

---

[1] Газ. «Абхазия», № 29, 23 июля 1991 г.

[2] Газ. «Абхазия», № 26, 2 июля 1991 г. С. 1.

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 270.

27 июня в Сухуме состоялась встреча представителей блока «Союз» с В. Ардзинба, на которой были обсуждены некоторые вопросы, касавшиеся общественно-политической обстановки в республике и предстоявшей 9 июля сессии ВС Абхазии, в частности Закона о выборах, структуры будущего парламента республики. Несмотря на некоторые различия во взглядах, встреча прошла конструктивно[1]. В тот же день, 27 июня, состоялась встреча представителей блока «Союз» с первым секретарем рескома КП Абхазии В. Хишба. В адрес рескома была высказана давно назревшая необходимость определить свою позицию в отношении происходящих в республике политических процессов и во взаимоотношениях с грузинской парторганизацией, внести свою позитивную лепту в работу по стабилизации обстановки в Абхазии[2].

В это время грузинская пресса, в особенности «Свободная Грузия», изощрялась в оскорблении и обливании грязью абхазов и лично В. Ардзинба. Трудовые коллективы разделились – грузинские части коллективов выступали от имени всего состава коллектива, писали заявления и петиции против подписания Союзного договора и высказывали недоверие В. Ардзинба. З. Гамсахурдиа, конечно же, не отставал от этого процесса. 3 июля, находясь в Москве, он заявил, что если абхазы подпишут Союзный договор, то «это их не приведет к добру». Далее Президент Грузии развил свою мысль следующим образом: «Мы рассматриваем это как явную провокацию центра, ибо абхазы, национальное меньшинство, составляющие в 5-миллионной Грузии 80000 человек, хотят отторгнуть территорию Грузии и провозгласить ее независимым государством. Вообще, национальные меньшинства имеют право только на культурную автономию, а для Абхазии той широкой политической автономии, которой она сегодня располагает, вполне достаточно, и если они пожелают большего, то себе же во вред»[3].

Негрузинская часть расколовшихся коллективов в Абхазии выступала с опровержениями и возмущалась тем, что грузинская часть коллективов присваивает себе право говорить от имени всех коллективов. Тогда в многочисленных коллективных и единичных письмах выражалась поддержка курсу В. Ардзинба. И, как следствие, ситуация внутри

[1] Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Грузия спектр», № 15, 15-21 июля 1991 г. С. 3.

Абхазии продолжала накаляться. 18 июля в Сухуме состоялось расширенное заседание Координационного Совета блока «Союз», на котором было принято обращение к Президиуму ВС и Совету Министров Абхазии. В документе содержались следующие требования: освободить с занимаемых должностей министра юстиции, министра и заместителя министра внутренних дел, председателя КГБ и ряд руководителей районных и городских подразделений правоохранительных органов Абхазии; ввести совместное патрулирование милицейских и воинских нарядов в городах Абхазии; пригласить в Абхазию комиссию ВС СССР по законности и правопорядку, а также Прокуратуры и МВД СССР; прекратить формирование и дислокацию на территории Абхазии частей Национальной гвардии Грузии, что было названо прямой оккупацией Абхазии, а в противном случае принять соответствующее решение о создании своей национальной гвардии и других военизированных формирований[1]. Срок выполнения требований – до 22 июля. Было заявлено, что если к этому времени они не будут выполнены, участники расширенного заседания оставляют за собой право прибегнуть к более действенным широкомасштабным акциям. И по истечении указанного срока, поскольку ни одно из изложенных требований не было выполнено, 22 июля расширенное заседание Координационного Совета блока «Союз» приняло решение начать с 23 июля ограниченную акцию[2]. 23 июля в филармонии состоялся митинг, участники которого потребовали, чтобы на собрание пришли руководители правоохранительных органов, но никто из них не явился. Позже, 30 июля, Г. Ломинадзе объяснил свое отсутствие на митинге в филармонии тем, что никто из названных в Заявлении блока лиц не согласился выйти к народу. Тогда он сказал, что сам хотел это сделать, не мог не поддержать товарищей[3]. Была избрана делегация, которая встретилась с первым заместителем Председателя ВС Абхазии В. Колбая, заместителями Председателя Совета Министров Абхазии Э. Капба и З. Лабахуа. Руководством Абхазии было дано обещание провести в ближайшие дни расширенное заседание Президиума ВС и обсудить на нем все выдвигаемые требования. В результате встречи акция была временно приостановлена до 1 августа.

[1] Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Абхазия», № 31, 6 августа 1991 г. С. 3.

В день митинга силами МВД была оцеплена площадь Ленина, забаррикадированы все подходы к зданиям МВД и КГБ[1].

Тем временем в ночь с 20 на 21 июля в Сухуме на территории турбазы Челюскинцев произошел инцидент между расквартированными здесь военнослужащими Советской армии и группой грузинской молодежи. Грузинские СМИ развернули в связи с этим вакханалию об «очередном вандализме военных». В частности, З. Гамсахурдиа 23 июля в обращении к Командующему ЗакВО В. Патрикееву писал, что в Сухуме и Тбилиси несколько десятков военнослужащих «стали организаторами массовых беспорядков» и требовал «немедленного проведения расследования органами военной прокуратуры, выявления и наказания военнослужащих, причастных к нарушению общественного порядка»[2]. Тем временем, согласно заявлению самого В. Патрикеева, поводом для происшествия стала попытка лиц грузинской национальности совершить в зоне расквартирования командирского состава части изнасилования жены одного из офицеров.

Ранее правительство Грузии приняло решение об определении Гальского района местом дислокации Национальной гвардии, что в заявлении пресс-службы ВС Абхазии было названо актом прямой аннексии одного из ее регионов. Однако правительственная комиссия по обороне Республики Грузия в конце июля 1991 г. направила в адрес ВС Абхазии предложение о расширении географии дислокации подразделений Национальной гвардии и их размещении в Гульрипшском районе, в Сухуме и Гагре[3]. А 25 июля Президент Грузии подписал Закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию Грузии, согласно которому Президент Грузии наделялся более широкими полномочиями и правом на приостановление действия законов Абхазии[4].

30 июля состоялся брифинг министра внутренних дел Г. Ломинадзе. Он назвал требования участников акции в филармонии политической игрой, спровоцированной «элитной частью руководства Абхазии» ради его отставки. Он сказал, что на должность назначен законно, а уровень преступности в Абхазии снизился на 11%[5]. Между тем, 1 августа продол-

[1] Газ. «Абхазия», № 30, 30 июля 1991 г.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 17, 29 июля-4 августа 1991 г. С. 1.
[3] Газ. «Абхазия», № 31, 6 августа 1991 г. С. 1.
[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 59.
[5] Газ. «Абхазия», № 31, 6 августа 1991 г. С. 3.

жилась акция под руководством блока «Союз» с требованием отставки руководителей правоохранительных органов Абхазии, которая была ранее приостановлена по просьбе руководства Абхазии. 2 августа ее участники направили делегации к прокурору Абхазии А. Квициния, министру юстиции Ш. Лакоба, прокурору г. Сухума З. Барцыц[1]. Г. Ломинадзе продолжал предпринимать попытки придать этой акции национальную окраску, делая многочисленные заявления о том, что требования его отставки не имеют под собой основания. 4 августа в Абхазию прибыла группа кабардинцев из Сирии, чтобы заявить о своей поддержке протестующих[2].

Тем временем с 3 по 7 августа в Гааге проходила II Генеральная Ассамблея Организации непредставленных народов. На ней Абхазию представлял Г. Гумба, который по возвращении из Гааги рассказал следующее: «Большой интерес и оживленное обсуждение вызвало мое выступление по проблемам Абхазии. Эксперты дали однозначный ответ на то, что коренной народ, проживающий в меньшинстве на своей территории, имеющий свою государственность и ныне входящий в другое государственное образование, имеет незыблемое право на ее восстановление. Особенную заинтересованность на Генеральной Ассамблее проявили к АГНК и выразили желание сотрудничать с ней, используя вековой опыт народов Кавказа в предотвращении национальных конфликтов. В ходе обсуждения доклада высказывалось негативное отношение к роли Грузии в освободительном движении Кавказа»[3].

Между тем митинг протеста в филармонии продолжался. 5 августа состоялся семитысячный митинг. В выступлениях В. Мирошниченко, С. Кейяна, Н. Джонуа, З. Ачба и других говорилось, что правоохранительные органы не только не препятствуют разгулу преступности, но зачастую сами представляют угрозу, вступая в сговор с преступным миром[4]. На митинге присутствовали В. Ардзинба, В. Колбая и В. Миканба. Председатель ВС Абхазии подробно проинформировал собравшихся о встрече руководителей республик в Ново-Огареве, о ходе работы над

[1] Газ. «Аидгылара», № 8, август 1991 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г. С. 1.
[4] Газ. «Аидгылара», № 8, август 1991 г.

новым Союзным договором. Основное внимание В. Ардзинба уделил характеристике криминогенной обстановке в республике. По его словам, дестабилизирующим фактором являлись формирование и размещение на территории Абхазии национальной гвардии Грузии. Он сообщил, что была предпринята попытка захвата гвардейцами пионерского лагеря в районе с. Ачадара. Ардзинба сказал, что национальные гвардейцы проявляют себя по отношению к населению с самой худшей стороны, и подчеркнул, что «если национальная гвардия не будет выведена из Абхазии, то руководство республики задействует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы изменить это положение». В. Ардзинба попросил участников акции прервать ее и дать возможность правительству республики в спокойной обстановке проанализировать все стороны деятельности правоохранительных органов для вынесения данного вопроса на совместное заседание ВС и Совета Министров Абхазии. В. Колбая заявил, что выступление Ардзинба отражает позицию всего руководства Абхазии[1]. Вечером 5 августа акция была прекращена.

На второй день, 6 августа, на сухумском стадионе состоялся митинг, организованный «Круглым столом», который потребовал отставки Председателя ВС Абхазии В. Ардзинба[2]. На нем представителю блока «Союз» З. Ачба отказались предоставить слово[3]. На митинге министр внутренних дел Грузии Д. Хубулиани заявил: «После подписания Союзного договора прольется кровь. Пусть В. Ардзинба этого не делает. Настанет день, когда с ним поступят так же, как с лидерами Осетии»[4]. В тот же день было опубликовано интервью Председателя Верховного Совета Грузии А. Асатиани, в ходе которого он, комментируя намерение Абхазии подписать Союзный договор, сказал: «Для нас вопрос решается очень просто. Если кто-то из жителей Республики Грузия пожелает подписать Союзный договор, он его подпишет в личном порядке, и он войдет в Советский Союз лично. Если Союз, конечно, согласится… Абхазия же останется в составе Грузии, как это было всегда. А свои права абхазы имели и будут иметь. И любая власть в Грузии согласится с этим.

---

[1] Газ. «Абхазия», № 32, 13 августа 1991 г. С. 1.
[2] Газ. «Аидгылара», № 8, август 1991 г.
[3] Там же.
[4] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г. С. 1.

Нарушать же территориальную целостность никому не позволено. Даже если весь мир поднимется»[1].

Вышеприведенные слова грузинского министра вызвали в Абхазии шквал негодования. Имели место многочисленные публикации и выступления граждан, обращения в Прокуратуру Абхазии, Грузии и СССР с требованием оградить абхазский народ от посягательств нерадивых грузинских министров. Сам В. Ардзинба не отступал от своей точки зрения и в очередной раз заявил, что «народ Абхазии полон решимости спокойно, но очень твердо отстаивать свое право остаться в Союзе»[2]. Позже, уже после начала войны в Абхазии, Ардзинба отмечал: «Да, я выступал за сохранение СССР потому, что он был гарантом для национальных меньшинств от физического истребления»[3].

Министр внутренних дел Абхазии Г. Ломинадзе встретился 13 августа в Гульрипше с колхозниками им. Кирова, где большинство жителей – армяне. Но на собрании присутствовало большое количество грузин, не имеющих отношения к названному колхозу. Г. Ломинадзе в очередной раз сообщил, что криминогенная ситуация по сравнению с прошлым годом резко улучшилась. Обвинения в его адрес беспочвенны. Он заявил, что у него есть документы, что «отдельные руководители блока «Союз» нуждаются в психиатрическом лечении», и пообещал, что компрометирующие материалы на активистов блока «Союз» будут преданы гласности[4].

2. 3. Независимость Грузии и советско-американские отношения

Известный американский дипломат и историк дипломатии Г. Киссенджер писал: «До самого конца 1991 года Горбачева считали до такой степени незаменимым партнером в строительстве нового мирового порядка… Удержание у власти Горбачева превратилось в основную цель западных политиков, убежденных в том, что с любым другим будет

[1] «Независимая газета», № 92… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-6-avgusta-1991-goda

[2] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г. С. 1.

[3] Газ. «Московские новости», № 36... С. 11. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-6-sentyabrya-1992-goda

[4] Газ. «Аидгылара», № 8, август 1991 г.

гораздо труднее иметь дело»[1]. Президент США Д. Буш-старший еще в середине 1991 г. говорил: «Мы его (Горбачева. – **А. А**.) не бросим, мы не оставим Советский Союз. Мы хотим, чтобы реформы продолжались»[2]. Это отчасти соответствует действительности. Однако политика США не могла быть сугубо «прогорбачевской» и соответственно – просоветской. Одновременно с Бушем уходивший со своей должности глава американской секретной службы ЦРУ Уэбстер в последней беседе с журналистами перед уходом в отставку заявил, что «будущее советского президента Горбачева стало еще более неопределенным». Он также предполагал, что до конца 1991 г. «из состава Союза выйдет ряд республик»[3]. Это тот редкий случай, когда результат превосходит ожидание.

Определяющим контекстом в грузино-американских отношениях до последнего времени оставался именно «кремлевский» фактор. В частности, 15 марта, накануне общесоюзного референдума в СССР, З. Гамсахурдиа приняли в американском посольстве в Москве, а 29-30 марта непосредственно перед опросом о независимости Грузии уже в Тбилиси приехали американские эмиссары, причем немалого ранга. При этом семидесятивосьмилетний руководитель американской делегации Р. Никсон заявил: «Я надеюсь, что доживу до того дня, чтобы еще раз приехать в Грузию, но уже свободную и независимую»[4]. А это было уже неприкрытым поощрением сецессионистского движения в Грузии по отношению к Советскому Союзу. Это, в свою очередь, могло быть свидетельством того, что Америка, не стесняясь, начинала демонстрировать свои интересы в советских республиках уже минуя Москву, хотя к тому времени рано было говорить о готовности США к признанию Грузии. Но, во всяком случае, эта было частью их политики контролируемого, уже неминуемого распада СССР, который они все еще продолжали, судя по всему, считать державой. Во время названного выше визита Р. Никсона в Тбилиси, который состоялся «по поручению Д. Буша», во время встречи с Гамсахурдиа он весьма красноречиво подчеркнул, что

[1] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 716.

[2] «Независимая газета», № 64... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-iyunya-1991-goda?page=0,1

[3] «Российская газета», № 118... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-5-iyunya-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Грузия спектр», № 1, 8-14 апреля 1991 г. С. 7.

«республика, стремящаяся к самостоятельности, должна учитывать и взаимные интересы сверхдержав»[1]. Правда, по словам председателя комиссии по внешнеполитическим делам Верховного Совета Грузии М. Уридиа, во время этого пребывания Никсона в Тбилиси был поставлен вопрос о визите З. Гамсахурдиа в США. Тот тогда сообщил о готовности Д. Буша принять Гамсахурдиа, что Никсон подтвердил и позже, в мае 1991 года[2].

Понятное дело, что США защищали, прежде всего, свои интересы, и именно им соответствовала динамика их взаимоотношений с Грузией, которой в Тбилиси не всегда были довольны. З. Гамсахурдиа об этом также говорил неоднократно, правда, сначала осторожно. 8 февраля 1991 г. в интервью итальянской газете «Стампа», отвечая на вопрос «Сколько времени вам потребуется для достижения полной независимости?», он сказал: «Это зависит от Запада, который может заставить Горбачева признать наш выход из СССР»[3]. Со временем его тон становился все настойчивее: 9 марта на пресс-конференции он сказал следующее: «Сегодня они (западные правительства. – **А. А**.) на стороне угнетателей, империи, центра. Они предпочитают сотрудничество с центром, что связано с множеством причин. Тут и кризис в Персидском заливе, когда Запад хотел, чтобы Советский Союз стоял на его стороне. Они хотят урегулировать и вопрос о стратегических, обычных вооружениях. И потому не хотят портить отношений из-за отдельных республик, ну а журналисты поступают так же, как их правительства»[4]. З. Гамсахурдиа имел, конечно же, немало поводов быть недовольным журналистами. Вот всего лишь несколько иллюстраций отношения западной прессы к Президенту Грузии: «Взгляд на тощий послужной список Гамсахурдиа дает основание полагать, что его избрание является началом не демократии, а ее убийства в зародыше», «Президент Грузии Звиад Гамсахурдиа заявляет, что больше не хочет иметь никаких дел с Советским Союзом вне зависимости от того, существует ли там демократия или диктатура. Он стремится лишь к подлинной самостоятельности Грузии, которой он правит как свободно избранный деспот, озабоченный

[1] Газ. «Вестник Грузии», № 46, 30 марта 1991 г.

[2] Газ. «Грузия спектр», № 8, 27 мая-2 июня 1991 г. С. 5.

[3] Гамсахурдиа З. Осетины… // http://www.iriston.ru/ru/yugooset/1101320064.php.

[4] Газ. «Вестник Грузии», № 31, 13 марта 1991 г.

реальными и воображаемыми заговорами с целью разделаться с ним и сохранить страну под властью Москвы» («Нью-Йорк таймс» (США)); «Избрание Гамсахурдиа Президентом приблизило Грузию к авторитарному государству» («Франкфуртер рудшау» (ФРГ)); «Естественно, такие реформаторы, как Шеварднадзе, Яковлев, Федоровский, Собчак хорошо понимают опасности распада, его экономическую абсурдность, связанный с ним риск националистических перекосов и эксцессов, как это уже можно наблюдать в действии в Грузии, где лидер движения за независимость превращается в местного правителя-самодура» («Пуэн» (Франция)). Плюс ко всему тогда же грузинские журналисты западных и российских агентств – Ю. Антелава, А. Микадзе, М. Тавхелидзе, М. Элугуашвили, Г. Попхадзе – обратились в Международную организацию журналистов со специальным письмом. В нем, в частности, говорилось: «После прихода к власти блока «Круглый стол – свободная Грузия» его лидера, ныне Президента республики З. Гамсахурдиа, мы начисто лишены возможности получать информацию из официальных источников. Газеты, радио и телевидение периодически обрушивают на нас шквал бездоказательных, голословных обвинений, награждая ярлыками «агентов Кремля», предателей, врагов народа, агентов КГБ и тому подобное. Нас публично выдворяют с официальных пресс-конференций, что само по себе является беспрецедентным фактом»[1].

Тем временем 9 апреля 1991 г. ВС Грузии, опираясь на результаты опроса от 31 марта, принял Акт о восстановлении государственной независимости Грузии. В нем, в частности, было сказано: «Территория суверенной Республики Грузия едина и неделима. На территории Республики Грузия верховенствуют только Конституция и власть Республики Грузия. Любое действие, направленное на ограничение верховенства власти Республики Грузия либо нарушение ее территориальной целостности, будет квалифицироваться как вмешательство во внутренние дела суверенного государства и агрессия, как грубое нарушение международного права»[2].

13 апреля Совет Балтийских государств в лице председателей Верховных Советов: Литвы – В. Ландсбергиса, Латвии – А. Горбунова, Эсто-

[1] «Независимая газета», № 64... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-iyunya-1991-goda?page=0,1

[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 229.

нии – А. Рюйтеля, выступил в поддержку Грузии. В заявлении Совета говорилось: «Приветствуя провозглашение независимости Грузии, СБГ заявляет, что столкновение интересов и внутренние конфликты как в РГ, так и в других вставших на путь обретения независимости республиках СССР, должны решиться путем прямого диалога и переговоров заинтересованных сторон в условиях официального и фактического отказа от насилия. СБГ готов содействовать мирному решению конфликта»[1].

Между тем, в своем стремлении к независимости Грузия желала бы видеть поддержку не только «друзей по несчастью» – стран Прибалтики, но и всего Запада, с историко-культурными ценностями которого она себя ассоциировала. И в силу этого иногда в Тбилиси видели поддержку там, где ее не было и не могло быть. Правда, и сам Запад нередко демонстрировал ни к чему не обязывающие обещания и посулы, но эта была большая политика, в которой интересам грузинской независимости отводилось, к сожалению для грузинских лидеров, весьма скромное место.

5 апреля для обеспечения экономического развития стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза в Лондоне[2] открывается Европейский банк реконструкции и развития[3]. Причем только что учрежденный банк, по словам министра иностранных дел Грузии Г. Хоштария, проявлял «серьезную заинтересованность» в делах Грузии[4]. Данное заявление министра на фоне в целом отрицательного отношения Запада к признанию независимости Грузии вызывает, по крайне мере, удивление: или министр говорит неправду, или банк разжигал аппетиты Грузии, при этом не собираясь, естественно, финансировать ее независимость, что, разумеется, было невозможно без политического решения. А с этой стороны вопрос упирался, как неоднократно отмечалось, в отказе Запада от признания независимости Грузии.

Однако Грузия не унывала, что, впрочем, понятно. 14 апреля она обратилась к Президенту СССР с предложением «немедленно начать

---

[1] Газ. «Грузия спектр», №3, 22-28 апреля 1991 г. С. 1.

[2] Соглашение об учреждении Европейского банка реконструкции и развития было подписано в Париже 29 мая 1990 года, ратифицировано постановлением Верховного Совета СССР от 26 марта 1991 г. (http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt11951.shtm).

[3] http://www.hrono.ru/map.php.

[4] Газ. «Грузия спектр», № 1, 8-14 апреля 1991 г. С. 7.

переговоры для решения ряда вопросов, имеющих жизненно важное значение для обоих государств». В Грузии считали, что «логическим завершением этих переговоров явилось бы установление добрососедских отношений между нашими странами». Предлагалось для подготовки переговоров «провести консультативную встречу полномочных представителей СССР и Республики Грузия». В конце было заявлено, что «любое затягивание переговоров или попытка решить возникшие вопросы путем силового давления могут вызвать дальнейшее обострение и так накаленной обстановки и привести к непредсказуемым последствиям»[1].

14 апреля на чрезвычайной сессии парламента З. Гамсахурдиа открытым голосованием был избран Президентом, должность которого была введена 9 апреля. Вместе с тем всенародные выборы Президента Грузии были назначены на 26 мая. На этой же сессии лидер Грузии заявил, что Абхазия останется автономией, а судьбу автономии Аджарии будет решать всегрузинский референдум[2]. А. Асатиани уже, будучи Спикером Парламента, после избрания Гамсахурдиа, по этому же вопросу выразился следующим образом: «Аджарцы – это те же грузины, только омусульманившиеся. Многие из них сейчас возвращаются в лоно христианства. Проблем в наших отношениях нет. Ситуация в Абхазии тоже проста: они хотят сохранить советские структуры власти. Демократические выборы снимут там все вопросы. В Абхазии проходили и советский, и грузинский референдумы. Наша независимость и гарантии для Абхазии не дадут возможности Горбачеву взорвать и там»[3]. Вот такой упрощенный подход к решению проблем, учитывавший интересы только грузин и никого более, как видно, был главенствующим в умах государственных мужей Грузии. При этом внушалось, что абхазская проблема придумана и поддерживается только благодаря вмешательству Москвы, а сами абхазы, за исключением «агентов Кремля» и группы авантюристов, желают жить в независимой Грузии.

А. Асатиани свое избрание Спикером грузинского Парламента прокомментировал следующим образом: «Может, и неудобно об этом говорить, но то, что я занял пост Председателя – решение на-

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 238-239.
[2] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 104.
[3] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.

ших друзей, блока партий «Круглый стол» и самого З. Гамсахурдиа». В другом интервью газете «Невское время» А. Асатиани заявил: «Звиад Гамсахурдиа – первый и последний грузинский Президент: потом будет царь. Сам ботоно Звиад идею конституционной монархии поддерживает»[1].

Тем временем, первым актом Гамсахурдиа на посту Президента стал Указ «О всеобщем национальном и гражданском неповиновении», который предусматривал: «1. Министерствам, ведомствам, административным органам всемерно способствовать провозглашенному политическими организациями «Круглого стола» всеобщему и гражданскому неповиновению. 2. Создавать из числа должностных лиц консультативные и координационные советы, которые совместно с забастовочными комитетами придадут систематический характер движению неповиновения с тем, чтобы не пострадали экономические интересы республики. 3. Создать объединенный совет СМИ, который совместно с пресс-центром Верховного Совета и пресс-службой Президента будут обеспечивать распространение и передачу за границу правдивой и достоверной информации о происходящих в Грузии процессах. 4. Создать специальный забастовочный фонд для обеспечения оказания всемерной помощи бастующим»[2]. Причем, было похоже, что Президент Грузии искренне верил, что забастовка заставит Советский Союз уступить грузинским требованиям. Позже, отвечая на вопрос японской телекомпании «Фуджи», З. Гамсахурдиа заявил, что в Южной Осетии «все уладится», если войска выведут. А это, по его мнению, должно было произойти потому, что они «начали всеобщую забастовку и объявили национальное неповиновение с требованием вывода СА», что «обязательно» повлияет на поведение Москвы, т. к. «забастовка парализует советскую экономику»[3].

На основании Акта о восстановлении государственной независимости Грузии департамент спорта республики принял решение о том, что «ни один спортсмен Грузии не будет участвовать во всесоюзных соревнованиях и выступать в составах сборных команд СССР»[4]. В рамках

[1] Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.
[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 227-228.
[3] Газ. «Грузия спектр», № 3, 22-28 апреля 1991 г. С. 3.
[4] Газ. «Московские новости», С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-aprelya-1991-goda

этой забастовки 25 апреля в 12 часов в Грузии на три минуты замерла жизнь. Эта была всеобщая акция протеста с целью восстановления полной, фактической независимости Грузии, вывода частей внутренних войск МВД СССР из Южной Осетии, прекращения потока дезинформации со страниц газет, журналов и ЦТ[1]. В эту акцию включились также и спортивные чиновники. Департамент спорта Грузии принял решение о том, что грузинские спортсмены не будут участвовать во всесоюзных соревнованиях и выступать в составах сборных команд СССР. Одновременно департамент приостановил рассмотрение проекта договора о сотрудничестве со спортивным комитетом при Совете Министров СССР – в знак протеста против ввода ВВ СССР в Южную Осетию[2].

27 апреля ВС Грузии принял обращение к Генеральному секретарю ООН П. де Куэльяру, народам и парламентам мира. В нем, в частности, было сказано: «Империя, как известно, всегда использовала для усмирения гордых и свободолюбивых горцев так называемые этноконфликты, опираясь при этом на местных жителей, предателей своего народа – подлинных врагов кавказских народов. Так создавались и создаются по сей день очаги напряженности; кое-где уже льется кровь, а где-то сейчас готовится геноцид коренного населения... Очередным звеном уже инспирированных «этноконфликтов» на Кавказе Кремль избрал в первую очередь Грузию и Чечено-Ингушскую Автономную Республику». ВС Грузии обращался «с призывом осудить коварные намерения империи, оказать поддержку свободолюбивому грузинскому народу, гордым чеченскому и ингушскому народам с тем, чтобы предотвратить запланированную Кремлем ужасную трагедию. Надеемся на Вашу поддержку, поэтому просим направить в Грузию и на Северный Кавказ экспертов по защите прав человека, которые изучат факты грубого нарушения прав грузин, чеченцев, ингушей и представителей других народов и наметят мероприятия по их пресечению»[3]. Забастовка была прекращена из-за землетрясения[4] в Грузии 29 апреля. По данным на 5 мая, в зоне стихийного бедствия почти полностью были разрушены 4

[1] Газ. «Грузия спектр», №4, 29 апреля – 5 мая 1991 г. С. 1.

[2] Там же. С. 5.

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 236-238.

[4] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.

города, 150 деревень, 70.000 человек остались без крова, около 300 – погибли, 1.000 – госпитализированы[1].

В связи с землетрясением Грузии выразили соболезнование руководители России, Армении и Молдовы[2]. Несмотря на политические противоречия с Грузией, в Абхазии была создана рабочая группы правительства по оказанию помощи населению пострадавших районов Грузии под председательством зам. Председателя Совета Министров З. Лабахуа[3]. В целом в Абхазии в пользу пострадавших от землетрясения в Грузии было собрано 1172200 рублей[4].

1 мая представитель госдепартамента М. Татуайлер заявил, что США готовы оказать помощь в ликвидации последствий землетрясения в Грузии в любой удобной форме[5]. 7 мая Лига Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца обратилась к мировому сообществу с призывом оказать Грузии помощь в сумме 2 миллиона швейцарских франков[6]. Тогда же Кабинет Министров СССР для пострадавших от землетрясения районов Грузии выделил из резерва правительства 20 тысяч литров крови и кровезаменителей, 1560 палаток, тысячу тонн мясных и молочных консервов, молоко, сахар, соль[7].

На фоне всего этого 6 мая парламент Южной Осетии принял постановление о провозглашении Юго-осетинской демократической республики. 7 мая Президиум ВСРГ объявил это решение не имеющим юридической силы[8]. Тогда же Президент и Президиум ВС Грузии обратились к руководству СССР с призывом «принять срочные меры, официально поддержать постановление Президиума ВСРГ и осудить деструктивный акт осетинских сепаратистов; в противном случае работа парламентской комиссии и перспектива урегулирования конфликта мирным путем ставится под вопрос»[9]. 7 мая Президиум ВС Грузии в обращении к Б. Ельцину

---

[1] Газ. «Известия», № 106… // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-maya-1991-goda?page=0,2

[2] Газ. «Грузия спектр», №5, 6 – 12 мая 1991 г. С. 1.

[3] Газ. «Абхазия», № 20, 11 мая 1991 г. С. 1.

[4] Газ. «Абхазия», № 23, 11 июня 1991 г. С. 1.

[5] Газ. «Грузия спектр», № 5, 6 – 12 мая 1991 г. С. 1.

[6] Газ. «Грузия спектр», № 6, 13 - 19 мая 1991 г. С. 1.

[7] Ельцин Б. Н. Записки Президента... // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[8] Газ. «Грузия спектр», № 6, 13 - 19 мая 1991 г. С. 3.

[9] Там же.

выразил уверенность в том, что ВС РСФСР и его Председатель «официально отмежуются от провокационного акта осетинских экстремистов, который несовместим с начинающимися между двумя суверенными республиками истинно равноправными взаимоотношениями». Но и здесь не обошлось без заявлений ультимативного характера. В частности, в конце обращения было сказано о том, что «оставление этого акта без Вашего реагирования будет расценено как фактическое его признание и вмешательство во внутренние дела Республики Грузия»[1].

Между тем, раскол в среде самого грузинского национального движения уже стал заметным. Перед майскими выборами все кандидаты, кроме представителя Компартии, вели яростную кампанию против Гамсахурдиа, которых он называл «агентами Кремля». При этом уже начинало назревать недовольство и в рядах его собственных сторонников[2]. Однако у Гамсахурдиа, судя по всему, оставались серьезные рычаги влияния на ситуацию, и надо сказать, что он ими не стеснялся пользоваться. 12 мая один из его конкурентов, кандидат в президенты Грузии В. Адвадзе был подвергнут физической расправе. В штаб-квартиру, где находился он и несколько его сторонников, ворвались представители МВД республики и учинили в нем погром. Причем одному сломали рук, другого сильно избили. Охранники Адвадзе были схвачены и отведены в милицию[3]. На следующий день, 13 мая, З. Гамсахурдиа на пресс-конференции заявил: «Москва вмешивается в предвыборный процесс. Группа из Москвы находилась в Тбилиси 12 дней, и мы не знаем, чем она занималась. Они заявили, что приехали для охраны кандидата в президенты, у них была связь с членами преступной группы «Мхедриони», которые перед выборами стали действовать активно. Мы расцениваем этот факт как вмешательство Москвы в предвыборную кампанию с целью поддержки своих кандидатов»[4].

Тем временем, грузинский парламент принимал такие законы, которые заранее обеспечивали избрание Гамсахурдиа Президентом. Так, был принят закон о защите чести и достоинства президента, где отсутствовали критерии того, что может считаться оскорблением президен-

[1] Газ. «Грузия спектр», № 6, 13 - 19 мая 1991 г. С. 3.
[2] Нодия Г. Политическая смута… С. 98.
[3] Газ. «Абхазия», № 21, 19 мая 1991 г. С. 1.
[4] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.

та. Сам закон о выборах менялся трижды. Одной из причин этого стало желание не допустить регистрацию в качестве кандидата в президенты содержавшегося под стражей Д. Иоселиани. Вскоре к закону о выборах приняли специальное дополнение, по которому парламент Грузии имел возможность распустить Центризбирком, «если он нарушит закон»[1]. Но Центризбирком не желал, чтобы его распускали, и объявил о безоговорочной победе Гамсахурдиа на президентских выборах. Он получил 87% голосов избирателей. Причем эти результаты ни тогда, ни после не вызывали сомнений. Э. Шеварднадзе в 2004 г. отмечал: «26 мая состоялись первые президентские выборы. Победил Звиад Гамсахурдиа. Знаете, сколько голосов он получил на выборах? 87 процентов! Тогда не было фальсификации. Народ искренне голосовал»[2]. Еще в 2002 г. Т. Китовани говорил, что население Грузии поддержало его, выборы прошли честно, и Гамсахурдиа был законно избранным Президентом[3]. Сам З. Гамсахурдиа, выступая тогда перед Верховным Советом Грузии, назвал «одним из гарантов впечатляющей победы на президентских выборах» «всеобщую поддержку народом тех коренных реформ, которые осуществляют Верховный Совет и Правительство Республики Грузия»[4].

В июне 1991 г. Гамсахурдиа продолжал утверждать, что «западные страны не признают Грузию из-за политики Кремля и М. Горбачева, поскольку он еще пользуется большим влиянием в мире»[5]. Президент Грузии подписал Указ, который с целью использования грузинских военнослужащих, вышедших из состава СА, ВМФ, пограничных и внутренних войск, для укрепления обороноспособности республики предусматривал: «При зачислении в Национальную гвардию грузинским офицерам, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы зачесть в военный стаж годы службы в рядах Вооруженных сил СССР»[6]. Между тем, в Грузии внутренние проблемы начинали выходить на первый план. 12 июня, в день избрания Б. Ельцина Президентом Рос-

[1] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 255.

[2] Шеварднадзе Э. «Ельцин на моих же глазах меня обманул!» // http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510. Журн. «Власть», № 50 (603) от 20.12.2004.

[3] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 242.

[5] Газ. «Грузия спектр», № 13, 1-7 июля 1991 г. С. 3.

[6] Газ. «Грузия спектр», № 8, 27 мая-2 июня 1991 г. С. 3.

сии, З. Гамсахурдиа обратился к грузинскому народу. Он возмущался по поводу того, что «создалась парадоксальная ситуация: народ единодушно выражает безальтернативную политическую волю, а в стране продолжаются характерные для коммунистического общества явления: коррупция, индифферентное отношение к труду, саботаж, хищения, разгул мафиозных кланов»[1]. Судя по всему, это обращение было воспринято как руководство к действию однопартийцами З. Гамсахурдиа. Уже 14 июня на сессии ВС Грузии выступил представитель депутатской группы «Круглый стол – Свободная Грузия» М. Кванчилашвили. Им было зачитано заявление, в котором резко критиковалась финансовая политика Грузии и говорилось о возрастающем влиянии дельцов от теневой экономики. По мнению этой группы, мафия в последнее время развернула широкую деятельность по «отмыванию» незаконным путем приобретенных денег. Министр финансов Г. Абсандзе попытался опровергнуть заявление[2].

13 мая на очередной пресс-конференции З. Гамсахурдиа, комментируя тот факт, что «представители Прибалтики побывали в США, но не нашли там должной поддержки», сказал: «Очень жаль, что США не желают признать независимость Прибалтики, Грузии и других республик. США, Германия и другие крупные государства вновь возлагают большие надежды на Горбачева, на СССР»[3]. Причем Гамсахурдиа был недоволен не только Западом, но и Востоком. Так, в апреле 1991 г. он заявил следующее: «Удивлен, что официальная Япония не проявляет интереса к Грузии. К нам не приехал даже представитель японского посольства в Москве»[4]. В интервью немецкой прессе Гамсахурдиа заявил, что западные страны не признают Грузию «из-за политики Кремля и М. Горбачева, поскольку он еще пользуется большим влиянием в мире»[5]. Примечательно, что западные страны, к которым Грузия переориентировала вектор своего развития, хотя и считали движение за независимость в Грузии «морально легитимным» и результаты выборов с их точки зрения были законными, но все же отказались признать первое постсоветское правительство Грузии. Это было обусловлено, прежде

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос... С. 251.
[2] Там же. С. 253.
[3] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.
[4] Газ. «Грузия спектр», № 3, 22-28 апреля 1991 г. С. 3.
[5] Газ. «Грузия спектр», № 13, 1-7 июля 1991 г. С. 3.

всего, «еще сохранявшимися надеждами на демократическую реформу советской федеративной системы» и «радикально-националистическим характером Гамсахурдиа»[1]. Еще в апреле в ответ на заявление Гамсахурдиа о своем намерении обратиться к иностранным государствам с призывом признать независимость Грузии, Госдепартамент заявил: «Грузия уже входила в состав Советского государства, когда в 1933 году Соединенные Штаты признали СССР. С тех пор Америка никогда не ставила под сомнение статус Грузии как союзной республики»[2]. По поводу последнего замечания приведу умозаключение Т. Китовани о том, что Гамсахурдиа, став Президентом, «отошел от той договоренности с Шеварднадзе», который, по его словам, «сильно обиделся». А Гамсахурдиа даже американцев ругал, потому что Буш тогда не поддержал его политику. «Естественно, – заключает Т. Китовани, – Буш не поддержал бы Гамсахурдиа, потому что был хорошим другом Шеварднадзе»[3].

В мае 1991 г. председатель комиссии по внешнеполитическим делам Верховного Совета Грузии М. Уридиа ездил в США для подготовки визита Гамсахурдиа. По возвращении из-за океана он поведал соотечественникам следующее: «Бжезинский нам сказал, что вас не должна устраивать встреча такого неофициального характера, какая состоялась у Буша с Ландсбергисом, и тем более с бывшим премьером Литвы Прунскине. Но Гамсахурдиа не может быть принят и на высшем официальном уровне, поскольку Грузия все еще находится в составе Советского Союза, поэтому эта встреча должна быть промежуточного характера. Мы согласились с этим. Нашего Президента будут принимать в Белом доме как почетного гостя»[4]. По словам грузинского дипломата, визит Президента Грузии в США должен был состояться во второй половине июня или в начале июля 1991 года. Впрочем, в планах у З. Гамсахурдиа была не только встреча с Д. Бушем, но и визиты в европейские страны, которые им планировались на осень. «Первейшей целью» этих встреч он считал «дипломатическое признание Грузии»[5]. Однако ни встреча с

[1] Коппитерс Б. Политика Запада в области безопасности и грузино-абхазский конфликт // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М., 1999. С. 18.

[2] Голос Америки // Газ. «Аидгылара», № 5, май 1991 г.

[3] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[4] Газ. «Грузия спектр», № 8, 27 мая-2 июня 1991 г. С. 5.

[5] Газ. «Грузия спектр», № 13, 1-7 июля 1991 г. С. 3.

Д. Бушем, ни визиты в европейские страны так и не состоялись. Впрочем, к чести Президента Грузии, за месяц с небольшим до начала своего конца он добился-таки признания американцами своей страны: заокеанский штат Южная Каролина принял резолюцию о признании Грузии[1].

Страны «семерки» и Международный валютный фонд (МВФ), обещая гуманитарную помощь, летом 1991 г. отказали Советскому Союзу в выделении кредитов, ссылаясь на неустойчивое внутриполитическое положение. Они все больше склонялись к поддержке отдельных республик СССР, политически и материально поощряя их сепаратизм[2]. После первого дня заседаний «большой семерки» госсекретарь США Дж. Бейкер заявил: «М. Горбачев не уедет из Лондона с «пустыми руками». Нашей общей целью является поддержка политической и экономической трансформации в Советском Союзе и его усилий по созданию многопартийной демократии и свободной рыночной экономики». Отвечая на вопрос о возможности прямой финансовой помощи СССР, Бейкер дал понять, что речь сейчас идет о взаимодействии индустриальных стран Запада с Советским Союзом в экономической области, а не о предоставлении ему каких-либо финансовых средств. Горбачев, напомнил он, «не прибывает сюда с такой просьбой, этого нет и в его письме к руководителям «семерки» [3]. Против предоставления финансовой помощи странами «семерки» Советскому Союзу выступила т. н. «тройка» стран Восточной Европы – Венгрия, Польша и Чехословакия, которая усмотрела в этом угрозу дальнейшему притоку в их страны иностранного капитала[4].

Но при этом именно тогда, 31 июля, президентами СССР и США был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений – СНВ-1. На его реализацию отводилось 8 лет. СНВ-1 оставлял каждой стороне 4900 боезарядов стратегического назначения. Для достижения этого уровня СССР нужно было сократить численность боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) с 6595 единиц до 3028 единиц и на стратегических подводных лодках –

---

[1] Газ. «Грузия спектр», № 15, 15-21 июля 1991 г. С. 1.

[2] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[3] Газ. «Известия», № 169… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-17-iyulya-1991-goda

[4] Там же.

с 2810 ядерных боезарядов до 1872. Советская сторона должна была сокращать свои баллистические ракеты со скоростью одна в 66 часов на протяжении 7 лет. США соглашались сократить численность ядерных стратегических боезарядов на межконтинентальных шахтных баллистических ракетах с 2450 до 1444 единиц; на стратегических подводных лодках – с 5056 до 3456 единиц боезарядов[1].

Справедливости ради нужно отметить, что в августе 1991 г. независимость Грузии признали Молдова и Румыния[2]. Но это произошло уже после провала путча в Москве, что немного умаляет значимость этого шага, нежели если бы это произошло до 18 августа 1991 года. Этот политический шаг, как представляется, не являлся стремлением поддержать грузинскую независимость как таковую, а скорее, был продиктован другими, геополитически продиктованными мотивами. Следует помнить, что Молдова еще официально не заявляла о выходе из состава СССР. Тем более, признание Грузии именно этими странами – факт весьма любопытный, учитывая, что Запад, на который ориентировались вышеозначенные страны, в целом не поддерживал З. Гамсахурдиа. Судя по всему, немаловажная роль в этом принадлежит начавшемуся развалу СССР. Когда стало ясно, что Советский Союз клонится к своему закату, а его правопреемницей станет Россия, которую на этом этапе мог считать своей естественной союзницей, Запад обращает свои взоры в сторону Москвы, демонстрируя признание за ней главенства в этом регионе. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что тогда Запад, действуя в рамках своей стратегической программы, поставив на чашу весов интересы России и Грузии, сделали тактический ход – естественным путем приоритет хороших отношений с Москвой. А к рассматриваемому времени, судя по всему, Россия уже ревностно относилась к устремлениям других собратьев-республик обозначать свою строптивость, и, видимо, у Москвы уже были амбиции на главенствующую роль в постсоветском пространстве.

Надо учитывать и то обстоятельство, что в августе 1991 г. – за полгода до официального прекращения существования СССР и свержения самого З. Гамсахурдиа и за год до начала войны в Абхазии – признание

[1] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[2] Жидков С. Бросок малой империи… С. 122.

Грузии Молдовой и Румынией могло быть каким-то пробным шаром, заброшенным в политические огороды Советского Союза, России и самой Грузии. Тот факт, что Грузию признала Молдова, которая к тому времени оставалась частью СССР, может свидетельствовать о том, что с помощью этой политической акции она стремилась не столько к оказанию поддержки независимости Грузии, а сколько помочь самой себе. А Румыния, признавая независимость Грузии одновременно с Молдовой, включение которой в свой состав она не только желала, но и недвусмысленно объявила свой целью, также, судя по всему, исходила из своих интересов. Данный шаг Румынии мог быть попыткой дать понять политическим противникам Советского государства, что она готова признать развал СССР, более того, идти в авангарде этого процесса, но взамен желала бы быть гарантированной в получении «своей доли» от разваливавшегося СССР. Это могло быть небезосновательно, так как в самой Молдавии политические силы, ратовавшие за такой исход, пользовались наибольшим влиянием. Таким образом, признание независимости Грузии названными странами, скорее всего, было не политическим успехом Тбилиси, а политическим торгом, в котором каждая из сторон стремилась защитить и продвинуть, прежде всего, свои интересы. Ну и, наконец, нужно учитывать время, когда произошло означенное признание – в августе 1991 г., после путча, в Советском государстве происходили неординарные события, и Москве, как Советской, так и Российской было не до Грузии вместе с Молдовой и Румынией. И этим они решили воспользоваться.

3. Распад СССР и переворот в Грузии

3.1. Агония и гибель Советского государства

В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. в Москве была предпринята попытка государственного переворота[1], главными идеологами которого выступили противники нового Союзного договора, который должен был быть подписан 20 августа.

[1] Еще 18 апреля 1991 г. А. Яковлев в письме М. Горбачеву предупреждал о возможности государственного переворота.

В конце июля, как было уже сказано, накануне своего отъезда на отдых в Крым, Горбачев провел секретную встречу с Б. Ельциным и Н. Назарбаевым. Согласно фактам, обнародованным через год после августовских событий Генеральным прокурором России В. Степанковым, на этой встрече было достигнуто соглашение, прямо направленное против консервативного ядра политического руководства СССР. Б. Ельцин также свидетельствует о том, что на этой встрече обсуждался вопрос об освобождении с занимаемых должностей председателя КГБ Крючкова, министра обороны Язова, министра внутренних дел Пуго, председателя Гостелерадио Кравченко, вице-президента Янаева и Председателя Правительства Павлова[1]. И 5 августа, после отбытия Горбачева в Крым, «консервативные руководители СССР приступили к подготовке заговора, направленного на пресечение реформ, восстановление в полном объеме власти центра и КПСС»[2].

18 августа был образован Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) в СССР. В него вошли: О. Бакланов – первый заместитель председателя Совета Обороны СССР, В. Крючков – председатель КГБ СССР, В. Павлов – премьер-министр СССР, Б. Пуго – министр внутренних дел СССР, В. Стародубцев – председатель Крестьянского союза СССР, А. Тизяков – президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Д. Язов – министр обороны СССР, Г. Янаев – и. о. Президента СССР. ГКЧП обнародовал документ под названием «Заявление советского руководства». В нем было сказано, что М. Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять обязанности Президента и его полномочия переходят к вице-президенту СССР Г. Янаеву. Также, согласно документу, вводилось чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев; устанавливалось на всей территории СССР безусловное верховенство Конституции СССР и законов Союза ССР[3].

В заявлении особо подчеркивалось, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей терри-

[1] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[2] Согрин В. Политическая история современной… С. 91 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] Газ. «Правда», 20 августа 1991 года.

тории Союза ССР. Однако воззвание «К гражданам России», под которым стояли подписи Б. Ельцина, Р. Хасбулатова, И. Силаева, уже в 9.00 утра 19 августа объявило все решения и распоряжения ГКЧП незаконными[1]. Мировое сообщество поддержало Ельцина и Россию. Первым позвонил премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор и выразил поддержку. Дж. Буш не просто позвонил, он немедленно начал организовывать международную поддержку России, вести переговоры с лидерами стран НАТО, делать политические заявления. Звонили Г. Коль, М. Тэтчер, премьер Италии, премьер-министры Испании, Франции, лидеры Аргентины, Японии, Канады[2].

Однозначно поддержали ГКЧП лидер ливийской революции М. Каддафи и Президент Ирака С. Хусейн. При этом Каддафи не только признал, но и назвал переворот «хорошо сделанным делом», а Хусейн выразил надежду, что благодаря перевороту «мы восстановим баланс сил в мире» [3]. В первом официальном заявлении по поводу событий в СССР кубинское правительство дипломатично воздержалось от каких бы то ни было оценок происходившего и призвало дать советским людям самим решить свои проблемы без вмешательства извне. Кубинские власти расценили любое внешнее вмешательство в советские дела как «безответственные действия и преступление против человечества» [4].

Китай высказался нейтрально, заявив об отказе от вмешательства во внутренние дела Советского государства. 20 августа президент США Д. Буш выступил с заявлением, в котором отмечалось: «Мы серьезно обеспокоены последними событиями в Советском Союзе и осуждаем антиконституционное использование силы. Мы считаем, что политика реформ в Советском Союзе должна быть продолжена, включая демократизацию, процесс мирного сближения центра и республик и экономических преобразований. В то же время мы не будем поддерживать

---

[1] Красное или белое? Драма августа-91: факты, гипотезы, столкновение мнений. М., 1992. С. 63 – 72 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[3] «Общая газета», С. 5. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-avgusta-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Известия», № 199… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-avgusta-1991-goda?page=0,1

программы экономической помощи, если будет продолжаться следование неконституционным методам» [1]. Премьер-министр Великобритании Д. Мейджор, президент Франции Ф. Миттеран, канцлер ФРГ Г. Коль, премьер-министр Японии Т. Кайфу, премьер-министр Испании Ф. Гонсалес, лидеры скандинавских и других европейских стран, а также АСЕАН и Мексики однозначно осудили ГКЧП. При этом Великобритания заморозила техническую помощь СССР в объеме 85 млн. долларов. Испания заморозила кредиты на сумму около 1 миллиарда долларов. Австралия – на сумму 390 миллионов, Япония – 100 миллионов. 20 августа министры иностранных дел стран Европейского сообщества при обсуждении положения в СССР также решили заморозить программы помощи ЕС Советскому Союзу на общую сумму 945 миллионов долларов. Комиссия Конгресса США заявила о намерении жестко контролировать поставки американской сельхозпродукции в СССР. 20 августа российского Президента Б. Ельцина посетили представители посольств США и Германии. В результате этих контактов министр иностранных дел России А. Козырев отбыл 20 августа в поездку по западным странам, которая началась с Парижа»[2]. За день до этого, 19 августа, было решено создать правительство в изгнании, на случай если бы пал Белый дом. Для этого на следующее утро А. Козырев вылетел в Париж, так как по международным правилам министр иностранных дел может провозгласить правительство в изгнании без получения на то особых полномочий[3].

Европейское сообщество также приняло решение приостановить – «до восстановления конституционного порядка и соблюдения взятых на себя международных обязательств» – оказание различных видов помощи Москве[4]. Генеральный секретарь НАТО М. Вернер заявил: «В настоящее время разрабатываются новая стратегия Североатлантического альянса, его новые оборонительные структуры. Их придется пере-

---

[1] Газ. «Московские новости», № 34… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-avgusta-1991-goda

[2] «Общая газета», С. 5. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-avgusta-1991-goda?page=0,1

[3] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[4] Газ. «Известия», № 199… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-avgusta-1991-goda?page=0,1

смотреть с учетом последних событий в СССР»[1]. Что касается реакции советских республик, то здесь не все так однозначно. В. Согрин, касаясь этого вопроса, пишет: «Большинство союзных республик достигли уже той степени суверенитета, которая, безусловно, исключала в их глазах легитимность действий ГКЧП. Они заняли в отношении акций путчистов позицию или осуждения, или непризнания. Только республики Средней Азии и Азербайджан проявили лояльность в отношении ГКЧП, хотя и не признали его официально»[2]. Однако Президент России, который тогда находился на острие противостояния, видел ситуацию совсем в ином свете. Реакция лидеров советских республик «поначалу просто поразила» Б. Ельцина, который впоследствии вспоминал: «Они разговаривали крайне сдержанно. Но главное – это желание дистанцироваться от московских событий, сохранить хотя бы внешний, формальный суверенитет, сохранить, грубо говоря, власть, выступить в диалоге с ГКЧП как равноправный партнер»[3].

Президент Казахстана Н. Назарбаев обратился по телевидению к народу со словами**:** «В этот крайне ответственный для страны час призываю вас к сохранению спокойствия и выдержки. Сейчас это особенно необходимо, поскольку любое эмоциональное непродуманное действие со стороны каждого из нас может стать началом тяжелейших социальных потрясений… Я подтверждаю приверженность политике укрепления суверенитета республики, принципам демократии, единства нашего Союза, выражаю решимость проводить в жизнь начатые реформы. Глубоко уверен в том, что народ Казахстана проявит высокую сознательность, бдительность и сплоченность» [4]. Президент Кыргызстана А. Акаев выступил с Обращением к народу, в котором говорилось: «Я призываю народ Кыргызстана в это трудное время сохранить спокойствие, разум и мудрость, единство и сплоченность, уважение к конституциям и законам Союза ССР и Республики Кыргызстан. Необходимо в спокойной, деловой обстановке продолжать трудиться на сво-

[1] Газ. «Известия», № 199… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-avgusta-1991-goda?page=0,1

[2] Согрин В. Политическая история современной… С. 92 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[4] Газ. «Известия», № 197… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-avgusta-1991-goda

их рабочих местах, обеспечить высокую организованность, порядок и дисциплину»[1]. Президент Таджикистана К. Макхамов дважды собирался выступить по республиканскому телевидению, но после телефонных переговоров с президентом Узбекистана И. Каримовым передумал. 20 августа Махкамов должен был вылететь в Москву[2]. Позже, с некоторым опозданием, 23 августа К. Махкамов издал указ о прекращении деятельности оппозиционных КПСС партий, общественных организаций в правоохранительных органах и аппарате президента. Это привело к консолидации оппозиционных сил на антикоммунистической платформе, и уже в ноябре 1991 г. был избран новый президент, которым стал Р. Набиев. Примерно то же самое произошло и в Грузии. В Туркмении не было никаких официальных заявлений по поводу переворота в Москве. Заместитель председателя ВС Туркмении В. Очерцов и пресс-секретарь президента отказались комментировать ситуацию[3].

Такое поведение советских республик, отчасти, могло быть вызвано той своеобразной «войной указов и постановлений» ГКЧП и российских властей, которая продолжалась 19 и 20 августа. Обе стороны требовали повиновения, при этом несогласных объявляли государственными преступниками. Но их мучения вскоре завершились. Ельцин и его единомышленники взяли верх, и Президент СССР М. Горбачев, находившийся под домашним арестом в своей резиденции в Форосе (Крым), был освобожден. Этому способствовала нерешительность самих «революционеров», которые вели себя с самого начала отнюдь не по-революционному. К ситуации с ГКЧП и вокруг него очень подходит старинная шотландская пословица: «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его назовут иначе». Вернувшийся из Фороса Президент СССР по Центральному телевидению отметил «выдающуюся роль Президента России, который стал в центре сопротивления заговору и диктатуре».

Далее Советский Союз, как снежный ком с вершины горы, начал скатываться к своему политическому небытию. 20 августа Президент России издал указ «Об обеспечении экономической основы суверени-

[1] Газ. «Известия», № 199… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-avgusta-1991-goda?page=0,1

[2] Газ. «Московские новости», № 34… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-avgusta-1991-goda

[3] Там же.

тета РСФСР», согласно которому «предприятия союзного подчинения, расположенные на территории России, переходили в ведение органов государственного управления России»[1]. 20 августа Эстония объявила о своей независимости, 21 августа это сделала Латвия. 22 августа Президент СССР отменил все решения, изданные ГКЧП и отстранил всех членов ГКЧП от занимаемых постов[2]. В тот же день ВС России осудил антиконституционный заговор ГКЧП[3], а его члены были арестованы (глава МВД Пуго покончил с собой).

23 августа Президент СССР М. Горбачев провел совещание с руководителями девяти республик, на котором обсуждались первоочередные меры, которые необходимо было принять в сложившейся ситуации. Участники совещания были единодушны в необходимости скорейшего подписания Союзного договора как важного фактора нормализации обстановки. В обсуждении вопросов приняли участие Б. Ельцин, Л. Кравчук, Н. Дементей, И. Каримов, Н. Назарбаев, А. Муталибов, А. Акаев, К. Махкамов, С. Ниязов»[4].

24 августа Президент России издал указы о признании государственной независимости Латвии[5] и Эстонии[6]. Этот шаг очень высоко оценила М. Тэтчер, назвав его «одним из самых обнадеживающих актов нового режима Бориса Ельцина»[7]. Что интересно, 26 августа независимость Латвии и Эстонии признала Грузия[8]. Уже на следующий день, 26 августа, саму Грузию признали Молдова и Румыния[9].

Президент США Дж. Буш потребовал и от Горбачева немедленного признания независимости прибалтийских республик. 25 августа по настоянию российского руководства Горбачев ликвидировал Кабинет министров СССР. Вместо него был создан Комитет по оперативному

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt11209.shtm.

[2] Красное или белое? Драма… С. 85 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt11193.shtm.

[4] Газ. «Известия», № 202… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-24-avgusta-1991-goda

[5] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt11184.shtm.

[6] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt11185.shtm.

[7] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 121.

[8] Газ. «Грузия спектр», № 19, 9-15 сентября 1991 г. С. 5.

[9] «Независимая газета», № 101… // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-29-avgusta-1991-goda

управлению народным хозяйством во главе с премьер-министром РСФСР И. Силаевым[1]. Тем временем, 24 августа Украина провозгласила независимость, 25 августа – Белоруссия, 27 августа – Молдова, 30 августа – Азербайджан, 31 августа – Узбекистан, 31 августа – Киргизия, 9 сентября – Таджикистан, 25 сентября – Армения, 26 октября – Туркменистан.

Между тем, пока существовал СССР, Россия поддерживала республики в их борьбе за независимость, но как только стало ясно, что Советский Союз до того слаб, что скоро вовсе престанет существовать, она начала вести себя как правопреемница Советского государства, не дожидаясь его окончательного развала. Россия начала предостерегать бывших союзников от поползновений на ее интересы и даже наносила упреждающие дипломатические удары по вчерашним друзьям, которых эта метаморфоза в позиции России, в свою очередь, не могла не раздражать. В частности, 27 августа пресс-секретарь президента РСФСР П. Вощанов выступил с заявлением следующего содержания: «В последние дни в ряде союзных республик провозглашена государственная независимость, заявлено о выходе из Союза ССР… В связи с этим уполномочен президентом РСФСР сделать следующее заявление. Российская Федерация не ставит под сомнение конституционное право каждого государства и народа на самоопределение. Однако существует проблема границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений. В случае их прекращения РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ»[2]. Может быть, это заявление было сделано в целях как-то смягчить или приостановить разрушительный темп развала СССР, который мог задеть и государственный фундамент самой России. Тогда же, в полдень 27 августа, состоялась встреча президентов СССР, России, Казахстана и Киргизии, на которой они высказались за подписание Союзного договора[3].

---

[1] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[2] «Независимая газета», № 100… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-avgusta-1991-goda

[3] Газ. «Известия», № 204… // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-avgusta-1991-goda?page=0,1

Тем временем названное заявление П. Вощанова вызвало протесты со стороны республик, которые посчитали его покушением на государственную независимость и территориальную целостность. Громче всех запротестовала Украина из-за Крыма до такой степени, что «дабы все поставить на свои места», туда была послана делегация парламентариев во главе с вице-президентом России А. Руцким[1]. Недовольство проявили Казахстан и Белоруссия. Запад однозначно выступил против намерений России пересматривать свои границы с соседними республиками. Б. Ельцин вынужден был отступить под этим скоординированным нажимом. Попытка уже новой России обозначить свои геополитические интересы на постсоветском пространстве окончилась неудачей. Стремительный процесс развала продолжился. Следует понимать, что Россия стремилась развалить СССР, но она желала контролируемого развала, при котором могла бы обеспечить себе первенство среди постсоветских республик. Россия уже тогда не могла не думать о своем месте в новом постсоветском мире. Именно с этим было связано заявление Г. Бурбулиса о том, что Россия считает себя правопреемницей бывшего Советского Союза, что было расценено как проявление традиционных имперских амбиций. Каждая республика претендовала на свою долю не только общесоюзного имущества, но и силового компонента и политического авторитета. Дело осложнялось и тем, что ядерное оружие находилось на территории четырех бывших республик – РСФСР, Украины, Белоруссии и Казахстана.

2 сентября США стали 37-й страной, признавшей независимость Литвы, Латвии, Эстонии. Президент США Дж. Буш заявил: «Соединенные Штаты всегда поддерживали независимость прибалтийских стран и ныне готовы незамедлительно установить дипломатические отношения с их правительствами»[2]. Теперь Государственному Совету СССР ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру, и 6 сентября также признал независимость Литвы[3], Латвии[4] и Эстонии[5]. 10 сентября

[1] «Российская газета», № 181… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-31-avgusta-1991-goda

[2] Газ. «Известия», № 210… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-sentyabrya-1991-goda

[3] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. С. 1091 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[4] Там же. С. 1092.

[5] Там же. С. 1093.

на заседании глав делегаций Московской конференции СБСЕ Эстония, Латвия и Литва были приняты в Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе на правах полноправных членов[1]. 12 сентября Совет Безопасности ООН высказался за принятие прибалтийских государств в международное сообщество[2]. Эти процессы не могли не воодушевить руководство Грузии. 6 сентября в постпредстве Грузии в Москве председатель Верховного Совета республики А. Асатиани в очередной раз сообщил, что Грузия порывает все отношения с СССР. Он заявил: «Это не ультиматум. Мы просто вежливо попрощались...» Вместе с тем было отмечено, что грузинская сторона примет участие в работе кабинета, возглавляемого И. Силаевым, на уровне координации, в целом же экономические связи прерываются[3].

В силу всех названных обстоятельств еще 2 сентября первыми лицами России, Украины, Беларуси, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и Туркмении и М. Горбачевым было озвучено «Заявление Президента СССР и руководителей десяти республик». Этот документ предусматривал: «1. Подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить формы своего участия в Союзе»[4]. 5 сентября ВС СССР принял закон «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период», который гласил: «В переходный период высшим представительным органом власти Союза ССР является Верховный Совет СССР, состоящий из двух самостоятельных палат: Совета Республик и Совета Союза; для согласованного решения вопроса внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, образуется на межреспубликанской основе Государственный Совет СССР. Решения Государственного Сове-

---

[1] «Независимая газета», № 107... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-sentyabrya-1991-goda

[2] Газ. «Известия», № 219… С. 5. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-sentyabrya-1991-goda

[3] «Российская газета», № 187… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-7-sentyabrya-1991-goda

[4] Газ. «Известия». Московский вечерний выпуск. 2 сентября 1991 г. // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

та СССР носят обязательный характер; должность Вице-президента СССР упраздняется»[1].

В ночь с 27 на 28 сентября в Москве все-таки была завершена доработка проекта договора об экономическом содружестве. Позиции представителей определились довольно быстро. Серьезные намерения действительно создать экономический союз продемонстрировали Россия, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркмения... Несмотря на возражения Украины, все же было принято решение о создании единой рублевой зоны на всей территория экономического союза[2].

1 октября в Алма-Ате состоялась встреча представителей республик, в которой приняли участие Президент Азербайджана А. Муталибов. Премьер-министр Беларуси В. Кебич, премьер-министр Украины В. Фокин, Председатель Верховного Совета Армении Л. Тер-Петросян, вице-президент Узбекистана Ш. Мирсаидов, премьер-министр Латвии И. Годманис, Председатель Верховного Совета Кыргызстана М. Шеримкулов, Президент Молдовы М. Снегур, премьер-министр Таджикистана И. Хасез, министр материальных ресурсов Грузии И. Чхеидзе, Председатель Верховного Совета Туркменистана С. Мурадов и премьер-министр Х. Ахмедов. Во встрече приняли участие и новые межреспубликанские структуры, которые представляли И. Силаев и Г. Явлинский. Открывая встречу, Н. Назарбаев сказал, что важно поставить во главу ее не политические ситуации, а разумное стремление народов использовать наработанные десятилетиями экономические связи, иначе есть риск оказаться перед лицом практически необратимых процессов, полного и окончательного развала страны»[3].

Тем не менее, именно в этот же день, 1 октября, Госсекретарь России Г. Бурбулис озвучил уже названное заявление о том, что все структуры старого советского государства, включая армию и милицию, должны перейти под российскую юрисдикцию. Отношения с другими республиками должны войти в проблематику международных отношений.

---

[1] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. С. 1982 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] «Независимая газета», № 118… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-1-oktyabrya-1991-goda?page=0,1

[3] Газ. «Известия», № 234… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-1-oktyabrya-1991-goda

Место СССР в Совете Безопасности ООН должно принадлежать России[1]. «Россия – единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур», – заявил уже 2 октября на встрече с российскими парламентариями государственный секретарь РСФСР Бурбулис[2]. Однако тогда же Государственный советник РСФСР С. Станкевич прокомментировал эти заявления следующим образом: «В высказывании Госсекретаря России говорится лишь о готовности республики стать правопреемником и, разумеется, далеко не всех полномочий и функций Союза. Это относится, например, к контролю над ядерным оружием. Если в ближайшие дни стороны не выработают решение по этому вопросу, то единственным естественным правопреемником выглядит в этой ситуации Россия. Но здесь не должно быть произвольных и односторонних действий. Необходим интенсивный диалог с республиками, и такой диалог уже идет»[3]. По всей видимости, это содействовало смягчению первоначальной реакции Запада на названные заявления Г. Бурбулиса. Там претензии России на правопреемство в дальнейшем не встретили резкого отторжения, более того, там, скорее всего, были склонны поддержать претензии России на ее правопреемство. Это объяснялось, конечно же, не нежными чувствами США к России. По справедливому замечанию Н. Леонова, причины такой позиции заключались в следующем: «США и их союзники были крайне обеспокоены самим фактом возможного появления в мире сразу трех новых ядерных держав, между которыми могли возникнуть острые конфликты, вплоть до военных столкновений, что представило бы серьезную угрозу для всего мира. Вторым важным аргументом западных держав в оправдание их «пророссийской позиции» в этом вопросе было желание иметь одно государство, несущее ответственность за огромные внешние долги Советского Союза, приближавшиеся к отметке 100 млрд. долларов»[4].

---

[1] Боффа Дж. От СССР к России... // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/boff/index.php.

[2] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[3] Газ. «Известия», № 236… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-oktyabrya-1991-goda

[4] Леонов Н.С. Крестный путь России… // http://www.hrono.ru/libris/lib_l/leonn03.html.

4 октября в Москве был подписан протокол об установлении дипломатических отношений между Россией и Латвией[1]. 9 октября ВС России принял обращение к ВС Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины, Эстонии с призывом заключить специальные договоры и соглашения, определяющие и гарантирующие права и свободы национальных меньшинств, проживающих на своих территориях[2]. 2 ноября это обращение практически было продублировано Съездом народных депутатов России. Новым являлось то, что предлагалось, не дожидаясь заключения двусторонних договоров или соглашений, принять меры в целях обеспечения прав и свобод национальных меньшинств; обеспечить каждому человеку возможность свободно выбирать свое гражданство; закрепить в законодательных актах право на двойное гражданство с тем, чтобы представители национальных меньшинств, являясь гражданами республик, в которых они проживают, могли иметь право приобретать также гражданство России[3].

Тем временем, события в Москве привели к осложнению ситуации в Чечне. 26 августа в Грозный прибыли председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью А. Аслаханов и заместитель председателя Совета Министров РСФСР И. Гребешева. На экстренном заседании Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушетии представители российского руководства предупредили Д. Завгаева о недопустимости применения силы для разрешения политического кризиса. Тем временем ОКЧН формировал национальную гвардию, которая вооружалась, самостоятельно захватывая оружие со складов. К концу августа отряды гвардии взяли под контроль республиканское телевидение и административные здания исполнительной власти, включая здание Совета Министров[4].

14 сентября в Грозный прилетел и. о. председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов. 15 сентября была собрана и прошла фактически

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10913.shtm.

[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10895.shtm.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10716.shtm.

[4] Коган-Ясный В.В. Политический аспект… // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/CHECHEN/ITOGI/kogan.htm.

под его руководством последняя сессия ВС Чечено-Ингушетии. Здание, где проходила сессия, было окружено гвардейцами ОКЧН. По настойчивой рекомендации Хасбулатова депутаты приняли решение об отставке Д. Завгаева с поста председателя ВС и самороспуске Верховного Совета. Новые парламентские выборы были назначены на 17 ноября. Власть на переходный период передавалась Временному высшему совету ЧИР из 32 депутатов Верховного Совета[1]. Однако вскоре во Временном высшем совете ЧИР прошла серия сокращений и расколов. Так, четверо сторонников Дудаева издали ряд законов и постановлений, предполагавших создание правовой базы для деятельности ИК ОКЧН в качестве верховного властного органа. Другая группа, из пяти человек, 1 октября заявила протест и объявила принятые документы юридически недействительными. Тем временем «группа четырех» в тот же день, сославшись на решение съезда депутатов Ингушетии всех уровней от 15 сентября о создании «Ингушской автономной республики в составе РСФСР», объявила о разделении Чечено-Ингушской Республики на суверенную Чеченскую Республику и оставшуюся в составе РСФСР Ингушскую Республику[2]. Заявление о расколе республики вызвало многочисленные протесты, и 5 октября собравшиеся семь членов Временного высшего совета большинством голосов приняли решение об отмене решений «четырех». В ответ на это ИК ОКЧН постановил «за подрывную и провокационную деятельность» распустить этот совет и принял на себя функции «революционного комитета на переходный период со всей полнотой власти» [3].

В ночь на 6 октября в Грозный прибыла российская делегация во главе с вице-президентом А. Руцким. 8 октября А. Руцкой сделал доклад в Верховном Совете России с крайне резкой оценкой ситуации. В тот же день Президиум ВС России принял постановление «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике». Документ предусматривал: считать единственным законным органом государственной власти на территории Чечено-Ингушской Республики Временный Высший Совет Республики; незаконным вооруженным формированиям до 24 часов 10

[1] Коган-Ясный В.В. Политический аспект… // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/CHECHEN/ITOGI/kogan.htm.

[2] Там же.

[3] Там же.

октября 1991 г. сдать оружие органам внутренних дел. В ответ на это в тот же день, вечером, ОКЧН постановило: «Грубое провокационное вмешательство во внутренние дела Чеченской Республики считать объявлением вооруженного противостояния». Было заявлено об отзыве из Вооруженных сил СССР военнослужащих чеченской национальности, о мобилизации всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет и приведении в боевую готовность национальной гвардии[1].

10 октября Верховный Совет РСФСР принял Постановление «О положении в Чечено-Ингушской Республике», в котором вице-президенту и Совету Министров РСФСР предлагалось «обеспечить необходимые условия для восстановления законности и правопорядка» в ЧИР. В этот день А. Руцкой обращается к Д. Дудаеву с письмом, в котором гарантирует Д. Дудаеву и другим членам ИК ОКЧН, в случае выполнения ими постановлений Верховного Совета РСФСР и его Президиума, личную безопасность и возможность участия в выборах[2]. 19 октября Б. Ельцин обратился к лидерам ОКЧН практически с ультиматумом распустить вооруженные формирования, 17 ноября 1991 года совместно с Временным Высшим Советом Республики провести демократические выборы Верховного Совета ЧИР, референдум о государственном устройстве согласно действующему законодательству РСФСР[3].

20 октября Президент РСФСР подписал Указ «О передаче внутренних войск Министерства внутренних дел СССР, дислоцирующихся на территории РСФСР, под юрисдикцию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»[4]. 24 октября Президент РСФСР своим указом назначил народного депутата РСФСР А. Арсанова[5] представителем Президента РСФСР в Чечено-Ингушской Республике. 27 октября состоялись выборы президента и парламента. Президентом был

[1] Коган-Ясный В.В. Политический аспект… // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/CHECHEN/ITOGI/kogan.htm.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] 13 ноября 1991 г. Б. Ельцин подписал Указ, согласно которому А. Арсанов в связи с предоставлением дезинформации, ставшей основанием для введения чрезвычайного положения, был освобожден от должности представителя Президента РФ. Он выступал за сохранение и развитие национальных особенностей, культуры, обычаев народов; был активным поборником строительства мечетей в Чечено-Ингушетии.

избран Д. Дудаев, который первым указом объявил о независимости Чеченской Республики. 2 ноября Съезд народных депутатов России принял постановление «О признании незаконными выборов, проведенных 27 октября в Чечено-Ингушской Республике»[1]. 7 ноября вышел указ Президента России «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике». Предусматривалось ввести с 5 часов 00 минут 9 ноября 1991 г. до 5 часов 00 минут 9 декабря 1991 г. чрезвычайное положение на всей территории Чечено-Ингушской Республики; создание Временной администрации во главе с А. Арсановым[2]. 9 ноября в Грозном состоялась церемония вступления в должность Президента Чечни Джохара Дудаева[3]. 11 ноября 1991 г. ВС России принял постановление, в котором признал «невозможным утверждение Указа Президента РСФСР «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике»[4]. 12 ноября пресс-секретарь Президента РСФСР распространил заявление, из которого следует, что Президент согласен с решением парламента, не утвердившего указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии[5]. 13 ноября А. Руцкой заявил, что, «отменив, по сути, Указ Президента РСФСР о введении чрезвычайного положения, мы продемонстрировали безвластие, порождающее беззаконие»[6].

Тем временем на Северном Кавказе обозначилась очередная «горячая точка». 25 октября съезд абазинских и черкесских народных депутатов всех уровней провозгласил образование Республики Черкесия[7]. На следующий день Прокурор Карачаево-Черкесии Ю. Лушников внес представление в областной Совет о незаконном провозглашении Республики Черкесия[8].

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10719.shtm.

[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10674.shtm.

[3] Газ. «Кавказ», спецвыпуск АГНК, № 5, 10 ноября 1991 г.

[4] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10646.shtm.

[5] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

[6] Газ. «Известия», № 271… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-14-noyabrya-1991-goda

[7] «Российская газета», № 223... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-oktyabrya-1991-goda

[8] Газ. «Известия», № 257… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-oktyabrya-1991-goda

Между тем, к середине октября сложилась довольно парадоксальная ситуация вокруг СССР. Он уже фактически не представлял собой единое целое, но, тем не менее, еще продолжал существовать. 18 октября договор об экономическом сообществе был подписан, но в него отказались войти Украина, республики Прибалтики и Грузия[1]. Отсутствие Украины, безусловно, было самым чувствительным ударом. В силу этого М. Горбачев, Б. Ельцин, С. Шушкевич, Н. Назарбаев, И. Каримов, А. Муталибов, А. Акаев, С. Ниязов, А. Искандаров обратились к ВС Украины. В документе говорится: «Мы не представляем себе Союза без Украины. Убеждены, что и многонациональный народ Украины не мыслит будущего без союзнических отношений со всеми народами нашей страны, с которыми его связывает многовековая история»[2]. 24 октября Верховный Совет Украины принял заявление «о безъядерном статусе» своей страны[3]. 6 ноября в Москве Б. Ельцин и Л. Кравчук договорились «вести дело к скорейшему договорному оформлению последовательного курса на всестороннее сотрудничество, в том числе в военно-политической сфере»[4]. 14 ноября в Ново-Огареве прошло заседание Госсовета по вопросу о дальнейшей судьбе СССР. Семь республик, участвовавших в заседании, высказались за создание нового политического союза. Было заявлено, что это будет конфедеративное государство. Название – ССГ (Союз суверенных государств). Конституцию ССГ заменял сам Договор о ССГ. Предполагалось, что у ССГ будет президент. Проект Договора предстояло рассмотреть Верховными Советами республик[5]. Позже, в середине ноября, бывшими советскими республиками, кроме прибалтийских, было подписано «Соглашение суверенных республик (государств) по продовольственному обеспечению в 1992 году». Документ предусматривал: «Последовательно проводить курс на формирование единого продовольственного рынка, как важнейшей составной части общего экономического пространства, всемерно укреплять межреспубликанскую (межгосударственную) кооперацию по производству и поставкам сельскохозяйственной продукции и продовольственных

[1] Газ. «Известия», № 249… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-18-oktyabrya-1991-goda

[2] Газ. «Абхазия», № 44, 25 октября 1991 г.

[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10717.shtm.

[4] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10675.shtm.

[5] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

товаров, считая это важнейшим условием стабилизации снабжения населения продуктами питания и перерабатывающей промышленности сырьем». Суверенные республики (государства) обязуются обеспечить взаимные межреспубликанские (межгосударственные) поставки материально-технических ресурсов для предприятий агропромышленного комплекса по согласованной номенклатуре и объемам»[1]. Однако 25 ноября вместо ожидаемой процедуры парафирования проекта Договора участники заседания приняли постановление, согласно которому проект Договора был направлен в Верховные Советы республик и ВС СССР[2]. Хотя Горбачев после этой встречи сообщил, что «20 декабря, он надеется, новый Союзный договор будет торжественно подписан», было ясно, что судьба СССР была предрешена.

Примечательно, что в то время об Украине говорили не только в столицах бывших «братских» республик, но и за океаном. Вот что тогда писал «Уолл-стирт джорнэл»: «Президент США Буш и его ближайшие советники глубоко встревожены тем, что полное отделение Украины может сорвать планы создания работоспособного экономического союза между бывшими советскими республиками и вызвать опасную конфронтацию с расположенной по соседству мощной Россией. В результате администрация не стремится к быстрому признанию Украины, которая представляла бы собой новую страну размером с Францию в центре Европы». «В администрации растут настроения в пользу более решительных шагов. Министр обороны Р. Чейни и его помощники в Пентагоне выступают за быстрое признание независимости Украины. В результате должностные лица начали обсуждать возможность занятия некой промежуточной позиции, при которой США официально признают изменение статуса Украины после намеченного на 1 декабря референдума. Затем администрация будет поэтапно продвигаться к полному признанию по мере того, как новые украинские лидеры, которые также должны быть избраны в ходе данного голосования, будут предпринимать шаги для решения тревожащих США проблем. В частности, в США будут стремиться получить новые заверения относительно защиты 12 миллионов проживающих на Украине русских, заверения о том, что

[1] Газ. «Известия», № 27… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-noyabrya-1991-goda

[2] Ельцин Б. Н. Записки Президента… // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792.

не будет опасного спора о границах с Россией, а также обязательства в отношении того, что планы создания 400-тысячной самостоятельной украинской армии не нарушат планов по контролю над вооружениями в Европе»[1].

Тем не менее, 19 ноября был учрежден пост министра внешних сношений СССР, на который был назначен Э. Шеварднадзе. Э. Шеварднадзе по истечении долгого времени, в 2004 г., об этом рассказывал следующим образом: «Ельцин тогда забрал все в свои руки, и не только Ельцин, но и Кравчук, и Шушкевич – они объединились. Они действовали согласованно… Горбачев еще президентом был, но реально не управлял. Горбачев говорит: «Я хочу создать президентский совет. Я тебе предлагаю должность министра объединенного министерства иностранных дел и экономических отношений»… Я Горбачеву сказал: «Хорошо, допустим, я вернусь. Но сейчас мы не Союз. Ельцин руководит Россией. Украина отдельно, Белоруссия отдельно, Казахстан отдельно». Я, говорит, со всеми переговорил. Если хочешь, можешь позвонить и уточнить, что я действительно звонил и согласовал с ними этот вопрос. Ты можешь пойти к Ельцину. Если хочешь, позвони, и он подтвердит, что я с ним договорился». Я пошел к Ельцину»[2].

Тем временем 1 декабря на Украине был проведен референдум о независимости, который и стал одним из чувствительных ударов по Советскому государству. 3 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР начал обсуждение проекта договора о Союзе Суверенных Государств. Выступившие на заседании представители депутаций Казахстана, Кыргызстана, России, Туркменистана и Узбекистана высказались в целом за заключение между суверенными государствами политического договора... Депутаты отрицательно отнеслись к идее всенародного избрания президента будущего Союза, поскольку, по их мнению, это дало бы преимущество большим республикам. Они предложили проводить избрание главы будущего Союза союзным парламентом или специально созданной для такого случая коллегией выборщиков»[3]. 4 декабря Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан,

[1] Газ. «Абхазия», № 49, ноябрь 1991 г.

[2] http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510. Журнал «Власть» № 50 от 20.12.2004.

[3] Газ. «Известия», № 287… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-3-dekabrya-1991-goda

Латвия, Литва, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония подписали договор о правопреемстве в отношении бывшего государственного долга и активов Союза ССР. Договор предусматривал, что все перечисленные страны являются правопреемниками СССР. В документе было отмечено: «Стороны принимают на себя обязательство участвовать в погашении и нести расходы по обслуживанию государственного внешнего долга СССР в долях, согласованных Сторонами, и при условии исполнения вышеуказанного обязательства принимают на себя обязательство гарантировать право собственности каждой из Сторон на причитающуюся ей долю активов СССР»[1].

8 декабря главы Беларуси, России и Украины подписали Беловежское Соглашение о создании Содружества независимых государств. В документе было заявлено, что стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках содружества; будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерной зоны и нейтрального государства. Было подчеркнуто, что «настоящее соглашение открыто для присоединения всех государств-членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения»[2]. Чуть позже, 21 декабря, Президент Казахстана Н. Назарбаев прокомментировал создание СНГ следующим образом: «Окажись я в Минске на подписании Соглашения о содружестве, моей подписи под тем документом все равно не было бы. Во всяком случае, я попытался бы убедить участников минской встречи провести консультации со всеми потенциальными членами Содружества независимых государств»[3]. Тем временем после того, как в Беловежской пуще был заключен «тройственный альянс», Д. Буш ни разу не позвонил М. Горбачеву, а «с Б. Ельциным у него состоялся получасовой разговор»[4]. В. Ардзинба также сообщал о том, что Кравчук, Ельцин и Шушкевич «после встречи в Беловежской пуще позвонили президенту США Бушу и доложили о проделанной работе»[5].

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10449.shtm.

[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10400.shtm.

[3] «Российская газета», № 282… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-dekabrya-1991-goda

[4] Газ. «Известия», № 296… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-dekabrya-1991

[5] Эпоха Ардзинба (автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 92.

Этот договор российский МИД начал готовить за несколько дней до отъезда Б. Ельцина в Минск, сразу после референдума о независимости Украины. Заместитель министра иностранных дел России Ф. Шелов-Коведяев вспоминает: «Договор готовил я. Правда, первоначальная его версия была раза в три-четыре объемнее, чем то, что в итоге было подписано, – многие принципиальные моменты были исключены при согласовании уже на месте, в Вискулях. Но могу сказать, что в нашей большой версии договора были обезврежены все возможные мины, на которых мы могли подорваться в 1992 году. И даже слово «Содружество» применительно к новому образованию придумал я. А на формулировке «независимых государств» настаивали уже президенты. Им было важно называться независимыми»[1]. Сам министр иностранных дел России А. Козырев ровно через год после создания СНГ говорил: «Я по-прежнему очень высоко оцениваю факт создания СНГ. Я считаю, что 8 декабря – это победа. Мы остановили быстрое сползание к югославскому варианту»[2].

9 декабря Президент СССР выступил с заявлением, в котором говорилось: «Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР. Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик… В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе суверенных государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу»[3].

Р. Хасбулатов, анализируя произошедшее тогда, пишет: «Речь идет о грандиозном обмане, буквально о политическом мошенничестве со стороны кучки властвующих негодяев, которые вступили в заговор про-

[1] Кашин О. Федор Шелов-Коведяев и тайны козыревского МИДа.

[2] «Независимая газета», № 236… С. 5. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-8-dekabrya-1992-goda

[3] Газ. «Известия», № 293… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-dekabrya-1991-goda

тив Государства (при попустительстве органов безопасности) и тайно, в обход парламентов, фактически совершили государственный переворот. Затем попытались легализовать этот переворот, лихорадочно принимая в узком кругу (президентов) нелегитимные решения. Фактически эти полностью нелегитимные решения в какой-то мере вынуждены были легализовать национальные парламенты, ратифицировав их. Это хорошо осознавалось Верховным Советом России, когда мы обсуждали вопросы ратификации этих «похабных решений», но «вернуть» события назад было невозможно»[1].

Тем не менее, 10 декабря Верховные Советы Украины и Беларуси, а 12 декабря ВС России ратифицировали соглашения о создании СНГ. В этот день перед российским парламентом выступил Б. Ельцин, который сообщил: «В Минске три республики, которые выступали учредителями СССР, приостановили процесс стихийного, анархичного распада того общего пространства, в котором живут наши народы. Была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях – Содружество независимых государств, а не государство, где никто не имеет независимости. В соглашении констатируется факт того, что СССР прекращает свое существование. Но я отвергаю обвинение в адрес трех лидеров в том, что они якобы «самовольно ликвидировали СССР» [2]. 11 декабря Киргизия и Армения заявили о присоединении к СНГ.

12 декабря М. Горбачев заявил, что остается сторонником конфедеративного союзного государства и не убежден, что это достижимо в ходе брестского процесса, а в случае создания аморфной структуры на месте союзного государства он не видит в ней места для себя и уйдет в отставку по принципиальным соображениям» [3]. 13 декабря главы Казахстана и четыре республики Средней Азии, собравшись в Ашхабаде, также выразили согласие войти в СНГ. При этом особо следует отметить, что Казахстан провозгласил независимость только 16 декабря,

[1] Хасбулатов Р. И. Место новой России в системе международных экономических отношений: поиск и развитие концепции (1999-1993 гг.) // Международная экономика. № 5. 2011. С. 10. // http://www.panor.ru/upload/iblock/ec3/ajkzmtitwictb%20dnlrwgxwf-2011-05-kmlqx%20doiyp%20rjoecw.pdf

[2] Газ. «Известия», № 295… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-12-dekabrya-1991-goda

[3] Там же.

уже после того, как стало окончательно ясно, что Советское государство фактически прекратило свое существование.

16 декабря в Брюсселе состоялось заседание Совета ЕС на уровне министров иностранных дел, на котором был определен общий подход «двенадцати» к вопросу официального признания новых государств на территории Советского Союза и в Восточной Европе. Критериями официального признания были объявлены: соблюдение положений Устава ООН и обязательств, принятых по Хельсинкскому Заключительному акту и Парижской хартии, особенно в том, что касается верховенства закона, демократии и прав человека; гарантии прав этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с обязательствами, принятыми в рамках СБСЕ; уважение нерушимости всех границ, которые не могут быть изменены иначе, как мирными средствами и с общего согласия; принятие всех соответствующих обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного оружия, а также безопасности и региональной стабильности[1]. И 23 декабря, уже на фоне Алма-Атинского заявления о прекращении существования СССР, в Брюсселе и Гааге было принято Заявление «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик. В этом документе страны Сообщества декларировали, что они готовы признать другие республики, составляющие Содружество, как только получат гарантии от этих республик о готовности выполнить требования, содержащиеся в «Критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза», принятых министрами иностранных дел «двенадцати» 16 декабря 1991 г.

М. Горбачев заявил, что «наиболее подходящим названием для Содружества представляется: «Содружество Европейских и Азиатских государств (СЕАГ)»[2]. Но и это его предложение было проигнорировано. 21 декабря в Алма-Ате Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина подписали протокол к Соглашению о создании Содружества независимых государств, подписанного 8 декабря. В документе было заявлено: «Соглашение о создании СНГ вступает в силу для каждой из

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10204.shtm.

[2] Газ. «Известия», № 301… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-19-dekabrya-1991-goda

Высоких Договаривающихся Сторон с момента его ратификации. На основе Соглашения о создании Содружества Независимых Государств и с учетом оговорок, сделанных при его ратификации, будут выработаны документы, регламентирующие сотрудничество в рамках Содружества. Настоящий Протокол является составной частью Соглашения о создании Содружества Независимых Государств»[1]. В тот же день была принята Алма-Атинская декларация. В ней заявлялось, что будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием; стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерного и (или) нейтрального государства. Декларировалось также, что с образованием СНГ СССР прекращает свое существование[2].

21 декабря в Алма-Ате Беларусь, Казахстан, Россия и Украина подписали Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. Стороны договорились о том, что они: подтверждают обязательство о неприменении ядерного оружия первыми; Беларусь и Украина обязуются присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. в качестве неядерных государств; Беларусь, Казахстан и Украина переместят ядерное оружие на территорию России с целью его уничтожения, и к 1 июля 1992 г. они обеспечат вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукомплектирования[3].

24 декабря в пять часов вечера Советский Союз перестал быть членом Организации Объединенных Наций. Его место заняла Российская Федерация. Посол в ООН Ю. Воронцов передал представителю Генерального секретаря послание Президента России Б. Ельцина. Генеральный секретарь был проинформирован, что «членство Советского Союза продолжается теперь Российской Федерацией» и что отныне вместо названия «СССР» использовать в ООН «Российская Федерация». В послании подчеркивалось, что Россия сохраняет «ответственность за все права и обязательства Советского Союза по Уставу ООН, включая обязательства финансовые»[4]. 25 декабря М. Горбачев выступил с заявле-

[1] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10216.shtm.
[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10215.shtm.
[3] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10214.shtm.
[4] Газ. «Известия», № 305… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-25-dekabrya-1991-goda

нием об отставке с поста Президента СССР, где пояснил мотивы своего решения: «Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться. И после Алма-Атинской встречи и принятых там решений моя позиция на этот счет не изменилась»[1]. 25 декабря над Кремлем был поднят трехцветный российский флаг[2]. Г. Киссинджер писал, что после ухода Горбачева «демократические страны быстро сплотились вокруг Ельцина, приводя в поддержку своих действий практически те же доводы, которыми пользовались некоторое время назад применительно к Горбачеву»[3]. 26 декабря Совет Республик ВС СССР выступил с декларацией, в которой констатировалось, что с созданием СНГ Союз ССР как государство и субъект международного права прекращает свое существование[4].

Таким образом, «новое политическое мышление», провозглашенное в СССР, способствовало созданию такого миропорядка, в котором существование самого Советского государство стало невозможным. Союз Советских Социалистических Республик стал достоянием истории, которая, если из нее извлекать правильные уроки, еще немало послужит человечеству.

3. 2. Государственный переворот в Грузии

По иронии судьбы путч в Москве, в столице государства, против диктата которого выступал З. Гамсахурдиа, стал и началом его конца. Можно выразиться, если позволительно, немного образно: «Лебединое озера» П. Чайковского, которое, наверное, для многих так и останется музыкальным «памятником» ГКЧП, стало началом лебединой песни Президента Грузии. Позже Т. Китовани, командующий грузинской Национальной гвардией, которая была создана З. Гамсахурдиа, вспоминал о рассматриваемых событиях следующим образом: «Произошло то, что ГКЧП потребовало от Грузии роспуска гвардии и возвращения

[1] Газ. «Российская газета», 27 декабря 1991 г. // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

[2] Филиппов А. Новейшая история России… // http://www.prosv.ru/umk/istoriya/4.html.

[3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 716.

[4] Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 52. С. 2058 – 2059 // http://postsov.rsuh.ru/hrest/gl3.shtml.

в состав СССР. Гамсахурдиа согласился на это. Он дал обещание Янаеву, сказал, что Грузия никогда не выйдет из СССР, дал даже письменное заверение о том, что Грузия никогда не выйдет из СССР»[1]. Действительно, в ответ на требование лидеров ГКЧП о послушании всех субъектов Союза ССР З. Гамсахурдиа, согласно шифрограмме КГБ СССР по ЗакВО, «проявил понимание своей ответственности в сложившейся ситуации и заверил, что примет все меры к поддержанию стабильной обстановки в республике…». Далее в документе сообщалось: «Одновременно с этим достигнута договоренность о расформировании Национальной гвардии (в срок до 24.08 с. г.), разоружении всех незаконных формирований, действующих на территории республики, изъятии и передаче в войска похищенного оружия и автотранспорта, задержании дезертиров и других преступников из числа военнослужащих и передаче их военному командованию»[2]. 19 августа во время встречи с командующим ЗакВО В. Патрикеевым З. Гамсахурдиа обязался выполнить все требования ГКЧП[3], видимо, об итогах этих переговоров и шла речь в процитированной выше шифрограмме КГБ. В тот же день началась передислокация советских военных частей в Грузию[4]. Позже, уже после подавления путча в Москве, 23 августа, в обращении к Б. Ельцину и Чрезвычайной сессии Верховного Совета России Президент Грузии писал: «В первый же день путча в Грузию был направлен заместитель Язова генерал армии Журавлев, который предъявил несколько ультиматумов руководству Грузии и пытался грубо вмешаться во внутренние дела нашей республики. Военные взяли под контроль аэропорт, вокзалы, пытались провести маневры»[5]. Наверное, это имел в виду Т. Сигуа, когда позже на митинге в Тбилиси 16 сентября обвинял Гамсахурдиа и его ближайшее окружение в том, что они имели связи с организаторами путча в Москве[6].

После этого в Грузии было введено чрезвычайное положение, кроме того, был издан указ о расформировании Национальной гвардии и

---

[1] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[2] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья… С. 258.

[3] Там же. С. 262.

[4] Ельцин Б. Н. Записки Президента. М., 1994 // http://www.yeltsin.ru/yeltsin/books/detail.php?ID=3792

[5] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 274.

[6] Газ. «Грузия спектр», № 20, 23-26 сентября 1991 г. С. 5.

включении ее в структуры МВД СССР, что вызвало крайне отрицательную реакцию самой гвардии. Через несколько дней, 23 августа, З. Гамсахурдиа заявил: «В указе ничего не сказано о расформировании и упразднении гвардии, однако гвардией должен руководить профессиональный военный генерал, в противном случае она не в состоянии выполнить свое высокое назначение, в ней не будет порядка и дисциплины, и она может превратиться в опасную для человечества силу»[1]. Но это уже не могло оказать существенного влияния на развитие событий. Тогда, несмотря на то, что по грузинскому законодательству Национальная гвардия могла быть использована только по решению главы государства[2], ее командующий Т. Китовани отказался подчиниться Президенту[3] и со своим воинством покинул место дислокации, превратившись по существу в вооруженную оппозицию З. Гамсахурдиа. В силу наличия под его началом мощной военной группировки, Т. Китовани с этого момента становится центром притяжения всех недовольных режимом. Сам мятежный командующий позже пояснял: «Все началось 19 августа, когда Гамсахурдиа подчинился ГКЧП и стал исполнять приказы путчистов. Мы вышли из города так внезапно, что никто даже не успел сообразить, что же произошло. Моментально со всего города к нам стали стекаться гвардейцы»[4]. Смягчению позиций участников начавшегося вооруженного противостояния не смогло содействовать и обращение 20 августа З. Гамсахурдиа «К народам и правительствам западных стран», в котором он обратился «к западным представительствам, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, срочно и безотлагательно де-факто и де-юре признать независимость республик, в том числе Грузии, и установить с ними дипломатические отношения, тем самым защитив завоевания, достигнутые путем подлинно демократических реформ»[5].

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 276.

[2] См. пункт 4 Закона Республики Грузия «Об образовании внутренних войск – Национальной гвардии Республики Грузия» (Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… М., 2008. С. 41).

[3] 23 августа З. Гамсахурдиа освободил Т. Китовани от должности командующего Национальной гвардией, а саму эту должность упразднил. (Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 276.).

[4] «Независимая газета», № 114… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-24-sentyabrya-1991-goda

[5] Лежава Г. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

В стане непримиримой оппозиции оказался и премьер-министр Т. Сигуа, который заявление об уходе со своего поста написал еще 16 августа, но продолжал работать до 19 числа, т. е. до создания ГКЧП. Видимо, чтобы лишить законных оснований для выступления своих военно-политических противников, 21 августа З. Гамсахурдиа издал Указ о реорганизации внутренних войск – Национальной гвардии МВД Грузии, по которому Национальной гвардии придавался статус подразделения милиции особого назначения МВД; упразднялись Комиссия по обороне и должность Командующего Национальной гвардией[1]. В тот же день на должность и. о. премьер-министра З. Гамсахурдиа назначил В. Гурушвили[2]. Рассуждая о причинах ухода со своего поста Т. Сигуа, позже Т. Китовани говорил: «Он не выступал против Гамсахурдиа. Здесь получилось так, что Гамсахурдиа проводил кадровую политику. И Сигуа не поддержал кадровую политику Гамсахурдиа и ушел с поста. Неучи, которых Звиад назначал министрами, были не компетентны, случайных людей было много. Видимо, Гамсахурдиа делал ставку на своих людей, и Сигуа это не вытерпел»[3]. Сам Т. Сигуа о причинах своего ухода поведал позже: «Подать в отставку меня побудило несколько моментов. Один из них – это кадровый вопрос: в правительстве и парламенте были малограмотные и некомпетентные люди. Так, например, министром торговли стал человек, который закончил фабрично-заводскую школу, самый высокий пост, который он занимал до этого, продавец сухумской лавки. Он подобрал людей, которые сегодня занимаются взятками и коррупцией. Я понял, что он хочет закрытого государства типа Албании и царствовать в нем[4].

Однако пресс-служба грузинского президента 31 августа заявила, что «превращение Т. Сигуа в «оппозиционера» произошло после утраты должности, которой он отнюдь не содействовал»[5]. В названном документе говорилось: «Т. Сигуа и «братья» его уже давно ставили целью дискредитировать президента, опорочить его авторитет в народе, чтобы в конечном итоге поставить вопрос об его отставке. Своеобразной

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 273.
[2] Там же. С. 274.
[3] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.
[4] «Независимая газета», № 112… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-19-sentyabrya-1991-goda
[5] Газ. «Грузия спектр», № 20, 23-26 сентября 1991 г. С. 6.

подготовкой почвы для подобного требования было и заседание правительства от 16 августа, на котором Сигуа пытался подкопаться под находящегося в Казбеги президента, поставил вопрос об отставке верных ему должностных лиц и даже думал прибегнуть к угрозе военной силы, так как обманывался иллюзией, что созданная Президентом гвардия поддержала бы этот путч, в чем он глубоко ошибся»[1].

Тем временем 2 сентября в Тбилиси произошли столкновения сторонников Гамсахурдиа с оппозицией. Позже Т. Китовани назвал эти события «чистой провокацией сторонников Чантурия». Все происходившее на площади снималось на видео. Командующий грузинской гвардией далее свидетельствует: «Чантурия с этими кассетами был арестован, когда летел в Москву. Практически люди Шеварднадзе уже начали провоцировать эти столкновения»[2]. Сам Э. Шеварднадзе на второй день после столкновений в Тбилиси, выступая по российскому телевидению, многозначительно сказал: «Вчерашние события могут стимулировать совершенно непредсказуемые явления. Я этого очень боюсь»[3]. Уже 6 сентября в газете «Свободная Грузия» было опубликовано обращение грузинских депутатов, в котором было отмечено, что выступление Э. Шеварднадзе совершенно неприемлемо». Парламентарии заявили, что «этим выпадом Шеварднадзе подтвердил свой альянс» с вооруженной группой, подстрекаемой центром, и ее поддержку[4]. Позже, 23 сентября, в обращении Совета национальной безопасности Грузии к грузинскому народу, государствам и народам мира говорилось о том, что «фактически направляет действия хунты Э. Шеварднадзе, рассылая инструкции и всячески помогая ей»[5]. Сам Э. Шеварднадзе уже в своих мемуарах писал: «Лишь после 2 сентября 1991 года, когда с применением силы была разогнана мирная демонстрация в Тбилиси и пролилась кровь, когда арестовали лидеров оппозиции, когда правительство начало публиковать проскрипционные списки «предателей нации» (6 сентября мое имя стояло во главе этого списка), когда провинцию принялись натравливать на центр…, когда, скажем прямо, уже стало ясно, что грузинский президент, бывший борец за свободу, установил нацио-

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии… С. 286.
[2] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.
[3] Газ. «Грузия спектр», № 19, 9-15 сентября 1991 г. С. 2.
[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 289.
[5] Там же. С. 299.

нал-фашистский режим, только тогда я позволил себе в телевизионном интервью сказать, что именно этого я и опасался»[1].

О провокационном характере тбилисских событий свидетельствует следующие выступление министра иностранных дел Грузии М. Оманидзе, который в интервью грузинской прессе тогда сообщил: «Мы информировали общественность о том, что делегация РГ под руководством Асатиани, находясь в Москве, имела встречи с послами целого ряда стран по вопросу признания независимости Грузии. Результаты, казалось, были очень обнадеживающими, так как страны Ближнего Востока, Финляндия, Чехо-Словакия, Польша выразили готовность не только обсудить этот вопрос, но и практически реализовать ее. Было известно, что нас вот-вот должны были признать Франция, Иордания, другие страны… Именно в такой момент были спровоцированы события 2 сентября, за которыми последовали организованный поток дезинформации, лжи, клеветы, направленной против руководства республики. И мы вернулись к «нулю»[2]. Все это и являлось одной из причин того, что ВС Грузии так и не дождался ответа Генерального секретаря ООН П. де Куэльяра на свое обращение от 15 сентября с надеждой, что «ООН чутко отнесется к просьбе властей Грузии о приеме нашего государства в эту организацию»[3]. Следовательно, можно говорить о том, что еще до официального развала СССР Запад поддерживал оппозицию Гамсахурдиа в Грузии, считая Шеварднадзе более приемлемой для себя политической фигурой.

3 сентября в Тбилиси вновь прошел митинг оппозиции, на котором выступавшие резко осудили действия ОМОНа и грузинского руководства по разгону демонстрации. Было зачитано заявление Т. Китовани, в котором он осудил действия ОМОНа, призвал Зугдидский батальон гвардии вернуться в казармы и объявил о нейтралитете гвардии. Затем митингующие направились к президентскому дворцу, но они были остановлены автобусами, перегородившими проезжую часть проспекта Руставели. Постояв некоторое время и проскандировав: «Чаушеску, Чаушеску!», демонстранты разошлись по домам[4].

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 251.

[2] Газ. «Свободная Грузия», № 197, 17 октября 1991 г.

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 297.

[4] Газ. «Известия», № 211… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-sentyabrya-1991-goda

10 сентября президент издал указ о создании министерства обороны Республики Грузия. Гвардия, согласно указу, переходит в непосредственное подчинение президента республики. Исполняющим обязанности министра обороны был назначен Н. Гиоргадзе. Опубликован был также приказ президента следующего содержания: «Бывший командующий национальной гвардией Т. Китовани незаконно сосредоточил на территории Шавнабада гвардейские части, чтобы втянуть их в антигосударственный путч. Исходя из этого, приказываю: солдатам и офицерам гвардии покинуть Шавнабада, вернуться в городские казармы и ожидать моего приказа для дальнейших действий»[1].

10 сентября Комитет ВС России по правам человека, подкомитет по межреспубликанским отношениям, Комитет по международным делам выступили с заявлением. В нем отмечалось: «Особые опасения вызывает у нас то, что Гамсахурдиа не всегда корректно аппелирует к имени и авторитету Б. Ельцина… Кроме того, в силу особого географического положения нарушения прав национальных меньшинств в Грузии осложняют внутреннюю обстановку в определенных территориях России. Тем самым подобные действия с самого начала имеют отчетливо выраженный межгосударственный аспект. Полагаем, что для улучшения ситуации в области прав человека было бы целесообразно установить постоянно действующие наблюдательные посты депутатов РСФСР и СССР, избранных от РСФСР, и депутатов от Республики Грузия. В случае дальнейшего ухудшения обстановки следовало бы продумать вопрос о введении режима чрезвычайного положения во всех зонах конфликта»[2]. 13 сентября МИД Грузии отреагировал на это следующим образом: «Заявление носит явно провокационный характер и способствует обострению межнациональных отношений в этом регионе Грузии… В заявлении указано о возможности введения чрезвычайного положения во всех зонах конфликта. Это должно рассматриваться как неприкрытая угроза применения военной силы, оккупации части территории, нарушения территориальной целостности Республики Грузия… МИД Грузии выражает решительный протест в связи с грубым вмешательством во внутренние дела республики, угрозой воору-

[1] «Независимая газета», № 107... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-11-sentyabrya-1991-goda

[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 293.

женной интервенции, попыткой дискредитации руководства Грузии и считает, что подобные заявления не способствуют развитию добрососедских отношений между нашими государствами»[1]. В тот же день, 13 сентября, министр иностранных дел Грузии М. Оманидзе в послании к министру иностранных дел СССР Б. Панкину поблагодарил его за приглашение принять участие в заседании Совета министров иностранных дел СССР и союзных республик 16 сентября. Грузинский министр заявил, что он готов принять участие в названном заседании, «если в его повестке дня будет предусмотрено обсуждение вопроса о полном суверенитете Грузии и ее государственной независимости»[2].

Президент Грузии направил письмо Б. Ельцину, в котором утверждалось, что союзные и республиканские СМИ дезинформируют о событиях в Грузии, чтобы дискредитировать ее в глазах мировой общественности и воспрепятствовать международному признанию республики[3]. Видимо, чтобы обезопасить такую политику, грузинские власти сначала закрыли газеты «Сакартвелос республика», «Соплис Цховреба», «Ахалгазрда Иверiели», «Республика»[4]. Это, впрочем, не помогло, а наоборот, способствовало раскручиванию маховика противостояния в Тбилиси. С 12 сентября по 4 октября продолжалось пикетирование здания телецентра – вначале бастующими журналистами, затем к ним присоединились некоторые оппозиционные партии и части гвардейцев под началом Т. Китовани, который фактически предъявил ультиматум. Он заявил: «В случае нападения на пикетчиков вся ответственность будет возложена на Президента и его аппарат. Национальная гвардия оставляет за собой право в случае кровопролития между братьями действовать всеми имеющимися в ее руках средствами, чтобы осуществить полный контроль за обстановкой в республике»[5]. В сентябре-октябре противостояние власти и оппозиции в ряде случаев перерастает в боевые действия. В знак протеста против такого развития событий покончил жизнь самоубийством врач Г. Абесадзе[6]. Он совершил акт самосожжения.

---

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 294.

[2] Там же. С. 295.

[3] Газ. «Известия», № 219… С.1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-13-sentyabrya-1991-goda

[4] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 287.

[5] Газ. «Грузия спектр», № 20, 23-26 сентября 1991 г.

[6] Газ. «Свободная Грузия», № 204, 29 октября 1991 г.

24 сентября на пресс-конференции З. Гамсахурдиа следующим образом объяснил происходившее в Грузии: «В стране идет путч. Они совершают противозаконные действия, взяли здание телевидения, планируют захватить телевизионную мачту, здание связи, дом правительства, другие сооружения. У них сильная поддержка из Москвы»[1]. Тогда же Китовани заявил, что у Гамсахурдиа нет будущего, и уточнил, что ему «лично вообще кажется, что у него что-то с психикой»[2]. 24 сентября был издан Указ президента Грузии о введении с 25 сентября чрезвычайного положения в г. Тбилиси. Кроме этого, указом была объявлена всеобщая мобилизация на всей территории Грузии[3]. Тем временем грузинская оппозиция начала объединяться. Первый шаг к этому сделали пять политических организаций либерального толка, которые основали «Демократическое движение Грузии». Среди учредителей движения – Республиканская партия Грузии, Союз свободных демократов, ДАСи (Демократический выбор для Грузии), партия Зеленых и Народный фронт Грузии[4]. На пресс-конференции 26 сентября пресс-секретарь президента Г. Бурджанадзе сообщил журналистам, что власти выдвинули ультиматум оппозиции – к 20 часам сдать оружие и освободить здание телевидения. Он добавил, что в случае невыполнения этих условий власти перейдут к решительным действиям. На вопрос журналистов, в чем будут заключаться эти действия, сказал, что с теми, кто не подчинится, расправятся, как с террористами[5].

Несмотря на столь жесткое заявление, 30 сентября президент Грузии З. Гамсахурдиа издал указ, согласно которому все лица, принимавшие участие в августе–сентябре в антиправительственных акциях, освобождаются от уголовной ответственности в случае, если они до 12 часов 3 октября добровольно сдадут оружие, боеприпасы и технику в специально созданные для этого пункты»[6]. Почти тогда же была достигнута договоренность о перемирии между властями и вооруженной

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 303.

[2] «Независимая газета», № 114... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-24-sentyabrya-1991-goda

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 300.

[4] Газ. «Свободная Грузия», № 198, 18 октября 1991 г.

[5] Газ. «Известия», № 231… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-sentyabrya-1991-goda

[6] Газ. «Известия», № 234… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-1-oktyabrya-1991-goda

оппозицией. Т. Китовани сообщил прессе: «Мы уже начали подготовку к выходу из города в места нашей дислокации. В ближайшее время в Тбилиси не останется никого из нас. Будем надеяться, что Гамсахурдиа выполнит данное нам обещание и выведет свои вооруженные силы из Тбилиси… В противном случае возвращаться нам будет недолго»[1]. Вечером 3 октября у парламента состоялся митинг сторонников Гамсахурдиа, где он поздравил собравшихся с «блестящей победой над путчистами и оппозицией». 4 октября утром в районе Тбилисского водохранилища произошли столкновения между мятежными гвардейцами и верными властям воинскими формированиями»[2]. Видимо, произошло то, что Китовани называл «противным случаем», потому что уже в ночь с 4 на 5 октября происходят вооруженные столкновения на пр. Руставели[3]. Но затем опять начинаются переговоры между сторонами.

13 октября по каналам ЦТ было передано интервью Э. Шеварднадзе относительно ситуации в Грузии, которое пресс-службой президента Грузии было расценено как «провокационное и попытка вмешательства во внутренние дела суверенной республики»»[4]. Накануне Э. Шеварднадзе, комментируя события в Грузии, категорически исключил вмешательство Советской армии. Он заявил: «Это не пожелание – это требование: не допускать ни в коем случае. Сами должны разобраться»[5]. Тем не менее, на внутригрузинское противостояние не могла не оказывать влияние позиция России. 1 ноября Съезд народных депутатов России принял постановление «О ходе выполнения постановления третьего (внеочередного) съезда народных депутатов РСФСР «О положении в Южной Осетии». В нем содержались предложения Верховному Совету Республики Грузия восстановить статус Юго-Осетинской автономной области и всех структур государственной власти, освободить председателя областного Совета народных депутатов Южной Осетии Т.Ку-

[1] Газ. «Свободная Грузия», № 189, 4 октября 1991 г.

[2] Газ. «Известия», № 237… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-oktyabrya-1991-goda

[3] Газ. «Свободная Грузия», № 204, 29 октября 1991 г.

[4] Газ. «Известия», № 247… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-oktyabrya-1991-goda

[5] «Независимая газета», № 122… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-8-oktyabrya-1991-goda?page=0,1

лумбегова[1] и других незаконно задержанных лиц. Съезд потребовал: принять все необходимые меры, включая и жесткие экономические санкции по отношению к Грузии, с целью урегулирования конфликта в Южной Осетии и восстановления прав человека; потребовать от Грузии возместить сумму расходов, в которую обошлось России оказание помощи беженцам из Южной Осетии и других районов Грузии[2]. В ответ на это Верховный Совет Грузии обратился в ООН с просьбой направить в Грузию международных экспертов[3].

Уже после свержения З. Гамсахурдиа, 8 января 1992 г., Р. Хасбулатов обратился к новому руководству Грузии, в котором говорилось: «Мы с горечью и недоумением наблюдали за внутренней политикой президента З. Гамсахурдиа, нарушающей права человека, подавляющей права и свободы собственных граждан, волеизъявлением которых Президент получил власть. Все это заставило меня написать вам это письмо, дорогие друзья, в надежде, что новые грузинские власти сделают все для того, чтобы вернуть южных осетин на свою грузинскую родину, в надежде, что вы также заинтересованы в сохранении дружественных связей между Россией и Грузией»[4].

Тем временем 19 ноября Э. Шеварднадзе был назначен на только что учрежденный пост министра внешних сношений СССР, а через два дня он выступил на страницах российской прессы. Это выступление раскрывает многие скобки и дает ответы на некоторые вопросы, возникающие относительно действующих лиц в уже начавшемся к тому времени государственном перевороте в Грузии. Вот что тогда он говорил: «Когда-то у меня была такая фраза: для Грузии солнце восходит на севере. Сейчас это одно из главных обвинений. Вот никак не могут простить. Но ведь на самом деле, слушайте… – если бы не Георгиевский трактат, что было бы с Грузией? Просили, на коленях стояли, чтобы войти в состав империи и получить покровительство русского царя. Ведь

[1] Т. Кулумбегов после своего освобождения отправил телеграмму на имя Р. Хасбулатова. В ней говорилось: «Уважаемые народные депутаты. После годичного заточения я вновь на свободе. Горжусь тем, что это стало возможным во многом благодаря поддержке народных депутатов России». (Газ. «Абхазия», № 3, январь 1992 г.).

[2] http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10729.shtm.

[3] «Независимая газета», № 141... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-9-noyabrya-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Абхазия», № 2, январь 1992 г.

Грузия погибала. Нация была просто на грани физического вырождения; о каком единстве могла идти речь, если Кахети отдельно, Картлиния, Мингрелия, – вот так, по отдельности, все уничтожалось. Поэтому я искренне говорил… и сейчас скажу: Грузия погибнет без России. Другое дело – самоопределение. Любая нация, любая республика (Грузия, Литва, Латвия или Украина…– все!) имеют право на самоопределение. Но я реалист. Как мы будем сосуществовать, какие будут отношения – сядем за стол переговоров и решим этот вопрос»[1]. Он, уже не скрывая, говорит о том, что собирается решать проблемы взаимоотношений Грузии с другими странами, из которых, по понятным причинам, пока называет только Россию. Но его дипломатический «гений» не мог удовлетвориться только этим, и, как показали последовавшие события, он уже готовился к многовекторной политике своей страны, в которой его пока совсем не жаловали. А в Грузии к этому времени оппозиция, щупальца которой сходились на Э. Шеварднадзе, консолидировалась и готовилась к мощному и решительному натиску. «Голубь мира» после долгого молчания именно перед началом вооруженного выступления против З. Гамсахурдиа все чаще стал выражать недовольство невозможностью своего участия в решении судьбоносных проблем Грузии.

Впрочем, интересно проследить за тем, как эволюционировало восприятие самого Шеварднадзе в Грузии, показателем которого является ретроспектива высказываний З. Гамсахурдиа о нем: 5 марта 1991 г. З. Гамсахурдиа заявил, что не думает, что Шеварднадзе когда-нибудь вернется в Грузию и что его влияние в Грузии «нулевое»[2]. 13 мая З. Гамсахурдиа на пресс-конференции: «Приблизительно месяц назад я имел контакт с Э. Шеварднадзе, я сказал ему, чтобы он повлиял на Горбачева и служил Грузии. Он ответил, что постарается помочь Грузии, но в действительности я того не вижу»[3]. На пресс-конференции 27 мая: «Шеварднадзе не удастся занять этот пост (Генсека ООН. – **А. А**.). Он гражданин СССР, а Генсек обычно представитель третьего мира. Здесь больше преследуются рекламные цели. Контакты с ним у меня есть. И я категорически призываю его прекратить службу империи и стать на страже интересов Грузии, помогать в освещении проблем Грузии перед мировым сооб-

[1] «Независимая газета», № 148, 21 ноября 1991 г.
[2] Газ. «Вестник Грузии», № 36, 19 марта 1991 г.
[3] Газ. «Грузия спектр», № 7, 20-26 мая 1991 г. С. 5.

ществом, отстаивать ее право на независимость, чего он, к сожалению, не делает»[1]. Не он один так думал: «Эдуард Шеварднадзе может стать во главе ООН»; «Так или иначе, избрание Эдуарда Шеварднадзе Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (шестым по счету за всю ее историю) было бы столь же беспрецедентно, как и вручение Нобелевской премии мира генеральному секретарю ЦК КПСС»[2]. Радио «Свобода»: «Бывший министр иностранных дел Советского Союза Эдуард Шеварднадзе отрицал свое желание сменить Переса де Куэльяра на посту Генерального секретаря ООН. Шеварднадзе сказал об этом, отвечая на вопрос корреспондента французского телевидения»[3]. «Как стало известно от одного из сотрудников МИД СССР, бывший глава этого ведомства Эдуард Шеварднадзе является одним из десяти кандидатов на пост Генерального секретаря ООН. Вполне возможно, что одним из конкурентов Шеварднадзе может оказаться Михаил Горбачев, который неоднократно указывал, что не войдет в историю как руководитель, при котором развалится СССР»[4].

Далее Гамсахурдиа в июне 1991 г. говорит: «Отношения (с Шеварднадзе. - **А. А**.) не плохие. Мы систематически беседуем по телефону. Я часто говорю ему, чтобы он защищал Грузию и отстаивал интересы независимости Грузии»[5]. В заявлении пресс-службы Президента Грузии от 31 августа 1991 г. говорилось: «Г. Хоштария не скрывает своего восхищения Э. Шеварднадзе и «забывает», что этот человек является сегодня главным препятствием на пути международного признания Грузии, и что он весь свой авторитет и влияние прилагает к дискредитации родной страны и ее правительства, называя ее своей малой родиной… Пока с Горбачевым не встретишься, Буш тебя не примет – вот, что внушали Президенту Хоштария и Церетели, инспирируемые Шеварднадзе»[6]. Уже в рассматриваемое время в Тбилиси неудачи Гру-

---

[1] Газ. «Грузия спектр», № 9, 3-9 июня 1991 г. С. 2.

[2] «Независимая газета», № 55… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-12-maya-1991-goda?page=0,2

[3] «Российская газета», № 118… С.2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-iyunya-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Московские новости», № 42… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-oktyabrya-1991-goda

[5] Газ. «Грузия спектр», № 13, 1-7 июля 1991 г. С. 3.

[6] Этнополитическая ситуация… С. 286.

зии стали объяснять происками антигрузински настроенного «центра» и коммунистических заговорщиков во главе с «белой лисой» Э. Шеварднадзе. Последнему Гамсахурдиа не мог простить своих неудач во внешней политике – отказ ведущих стран Запада от дипломатического признания Грузии. Он не раз публично объяснял это закулисным сговором Шеварднадзе и Горбачева с «их приятелем» президентом США Бушем. Эта так обижало Гамсахурдиа, что он предпринял беспрецедентный в истории дипломатии демарш, предложив американскому народу отказаться от такого «недостойного президента»[1]. 16 сентября Т. Сигуа на митинге оппозиции в Тбилиси заявил: «Первого сентября грузинская правительственная делегация должна была посетить Америку. Перед этим, 1 сентября, Гамсахурдиа принял обращение к американскому народу, где было сказано, что Буш является недостойным президентом. Это сделано для того, чтобы предотвратить международные контакты Грузии»[2]. Спустя много времени и столько же событий, 25 февраля 2010 г., экс-премьер Т. Сигуа на заседании парламентской комиссии по изучению гибели Гамсахурдиа заявил, что «в ноябре 1991 года из России поступил заказ на ликвидацию первого президента Грузии З. Гамсахурдиа». По его словам, он «владеет информацией, согласно которой осенью 1991 года бывший министр обороны Т. Китовани провел встречу с неким лицом из России, который передал заказ на ликвидацию Гамсахурдиа». Сигуа указал, что лично не присутствовал на встрече, но знает, что заказ Т. Китовани передали от Э. Шеварднадзе, а не из Кремля. По информации Сигуа, Шеварднадзе предлагал нанять киллера, однако Китовани отказался от этого предложения[3]. Сам Т. Китовани в одном из своих интервью довольно прозрачно намекнул на то же самое: «В 1990 году я встречался с Шеварднадзе, тогда Гамсахурдиа меня послал к Шеварднадзе. Шеварднадзе сказал мне, как я могу помочь Грузии, когда Бакатин мне написал, что Звиад Гамсахурдиа дал 5 миллионов долларов для убийства Шеварднадзе. Это было донесение Бакатина. Ну, как вы думаете, если Гамсахурдиа отдавал такие деньги для убийства Шеварднадзе, то Шеварднадзе такой дурак? Неужели Ше-

[1] Журн. «Коммерсантъ», № 50, 30 декабря 1991 г.
[2] Газ. «Грузия спектр», № 20, 23-26 сентября 1991 г. С. 5.
[3] http://rus.ghn.ge/news-3726.html.

варднадзе не отомстил бы ему за его действия?»[1]. В другом интервью уже 24 мая 2006 г. Т. Китовани о виновности Э. Шеварднадзе в смерти Гамсахурдиа говорит открыто: «Однажды Звиад вызвал меня и сказал: «Тенгиз, ты должен поехать в Москву и встретиться с Шеварднадзе. Скажи Шеварднадзе – пусть нам не мешает, а если он может что-то сделать, то пусть помогает!»… Я передал поручение Гамсахурдиа, сказал: «Помогите Грузии!» «Ну, как я могу помочь», – сказал он и взял письмо Бакатина, где Бакатин сообщает Шеварднадзе: «Звиад Гамсахурдиа заплатил 2 миллиона долларов за ваше убийство». Правда ли это письмо было написано Бакатиным или оно нужно было для самооправдания – не знаю... «Как Вам помочь после такого письма?» – сказал Шеварднадзе. Я встал и вышел... Что я мог сказать?». К сказанному Китовани добавил: «З. Гамсахурдиа был убит! Его убили по заданию Шеварднадзе! Почему М. Арчвадзе не позволяла провести экспертизу? Потому что Шеварднадзе не устраивала эта экспертиза»[2]. Еще в одном интервью, которых он дал очень много, Китовани заявил, что за убийство Гамсахурдиа «было уплачено» 50 тысяч долларов[3]. В феврале 2007 г. сын З. Гамсахурдиа, лидер партии «Свобода» К. Гамсахурдиа потребовал от грузинской Генпрокуратуры возбудить уголовное дело по факту убийства его отца в декабре 1993 года. «Убийцы Звиада Гамсахурдиа ходят сегодня не в Грозном, а в Тбилиси, поэтому я требую допроса Эдуарда Шеварднадзе и лиц из его окружения», – заявил политик. Экс-глава МИД Грузии М. Оманидзе в интервью Georgian Times также указал на причастность Э. Шеварднадзе к убийству З. Гамсахурдиа. Он сказал: «Его убили Шеварднадзе и его банда, и эти люди обязательно будут названы»[4]. Сам Э. Шеварднадзе отрицал свою причастность к гибели Гамсахурдиа. Он заявил: «Я не отдавал приказа убивать Гамсахурдиа! Его объявили в розыск. Но приказа убивать не было». По словам Шеварднадзе, Гамсахурдиа преследовали две группы сотрудников МВД и Службы безопасности во главе с генералами Г. Гулуа и А. Иоселиани[5]. Пикантности ситуации прибавляет то обстоятельство, что обоих генералов, на которых ссылался Шеварднадзе, к тому времени уже не было в живых.

[1] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.
[2] http://apsny.ge/analytics/11484886863.php.
[3] http://www.georgica.net/media/?page=ru&id=17019.
[4] http ://www.kavkaz-uzel.ru/articles/111499/?print=true.
[5] Там же.

Тем временем 3 декабря 1991 г. сессия Верховного Совета Грузии поручила Кабинету министров республики начать переговоры с соответствующими органами государственной власти СССР о выводе с территории Грузии частей Советской Армии, пограничных и внутренних войск и сил Военно-Морского Флота. До полного вывода этих войсковых формирований решено было подчинить их общей юрисдикции Республики Грузия[1]. 10 декабря З. Гамсахурдиа в связи с заключением беловежских соглашений обратился к Б. Ельцину с призывом «привести межгосударственные отношения наших стран в соответствие с вышеуказанными договорами в духе протокола казбегсгой встречи Председателей ВС России и Грузии 23 марта 1991 г., чтобы создалась возможность урегулирования вопросов, возникших в последние десятилетия»[2]. Заместитель Председателя Верховного Совета Грузии Н. Бурчуладзе также направил телеграммы Верховным Советам Республики Беларусь, России и Украины, в которых приветствовалась декларируемая Беларусью, Украиной и Россией ликвидация «советской империи»[3]. По словам Т. Сигуа, З. Гамсахурдиа был готов подписать договор о создании СНГ и даже посылал своих представителей в Алма-Ату и Минск, но этому всячески препятствовал Б. Ельцин, мотивируя свою позицию тем, что в Грузии нарушаются права человека[4].

Вооруженное противостояние в Тбилиси продолжалось. 20 декабря З. Гамсахурдиа потребовал немедленного разоружения и роспуска гвардии, в ответ на это сама гвардия блокировала резиденцию президента и потребовала его отставки. Оценив ситуацию, З. Гамсахурдиа поначалу решил принять условия ультиматума. В ходе переговоров между ним и экс-премьером Т. Сигуа были обсуждены и согласованы технические подробности вылета президента с семьей в Батуми[5]. Однако вскоре президент передумал сдаваться, и 21 декабря Президиум ВС и Кабинет Министров Грузии обратились к ООН, парламентам и правительствам государств мира. В обращении говорилось: «Настоятель-

[1] Газ. «Известия», № 288… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-dekabrya-1991-goda

[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос… С. 309.

[3] Газ. «Известия», № 294… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-dekabrya-1991-goda?page=0,1

[4] Газ. «Абхазия», № 2, январь 1992 г.

[5] Журн. «Коммерсантъ», № 50 (94) от 30 декабря 1991 г. // http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=1cba2d3c-5d1e-4e51-8fcd-6ab38adea2a9&docsid=2244

но просим незамедлительно направить в Грузию ваших официальных представителей, которые на месте изучат создавшуюся в нашей стране ситуацию. Здесь же хотим подчеркнуть то обстоятельство, что признание независимости Грузии странами есть единственный путь, который позволит нам избежать дальнейшей эскалации напряженности»[1]. Международное сообщество никак не отреагировало, а гвардия начала штурм резиденции Президента. Т. Китовани рассказывает об этих событиях следующим образом: «Это был серьезный бой…. У Звиада было где-то 5443 человека вооруженных гвардейцев, их сторонников из сел и т.д. Часть потом подходила, они были безоружные. Мы их не пускали. Мы окружили и локализовали это здание и не выпускали никого, если бы мы их выпустили, мы бы проиграли»[2]. А. Широкорад, рассуждая о событиях в Грузии, пишет: «Не следует забывать, что за политическими вывесками борьбы Гамсахурдиа и Шеварднадзе скрывалась борьба кланов. Гамсахурдиа поддерживал клан мегрелов, а Шеварднадзе – клан гурийцев (подгруппа картвелов)». Причем, по данным названного автора, «несколько недель представители гурийского клана и «воры в законе» вели переговоры с Шеварднадзе об условиях его возвращения во власть» и «как только договоренность была достигнута, 22 декабря 1991 г. Китовани ввел своих гвардейцев в Тбилиси, и на проспекте Руставели начался штурм Дома Правительства»[3]. Тогда З. Гамсахурдиа обратился за поддержкой к российским военным и руководству ЗакВО. Военные, однако, отказались поддержать его. З. Гамсахурдиа пообещал даже освободить политзаключенных. Но это уже не могло повлиять на развитие ситуации.

27 декабря утром Национальная гвардия, воюющая на стороне оппозиции, освободила из следственного изолятора КГБ председателя Национально-демократической партии Грузии Г. Чантурия и кинооператора Г. Хаиндрава, арестованных в сентябре этого года по обвинению в организации массовых беспорядков. Вместе с ними были освобождены еще несколько человек, среди них и начальник военизированного формирования «Мхедриони» Д. Иоселиани[4]. Председатель Националь-

[1] Этнополитическая ситуация… С. 311.

[2] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[3] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья… С. 262-263.

[4] «Независимая газета», № 170… С. 6. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-dekabrya-1991-goda

но-Демократической партии Грузии Г. Чантурия сказал в интервью, что именно в течение ста дней заключения, которому его подверг З. Гамсахурдиа, он пришел к убеждению в необходимости восстановления конституционной монархии как единственной формы спасения республики[1].

Между тем, Президент Грузии еще 21 декабря во время Алма-Атинской встречи отказался от вступления в СНГ, однако, оказавшись в бункере грузинского Дома правительства, пришел к выводу о целесообразности вхождения его страны в СНГ. 31 декабря он обратился с подобной просьбой к Б. Ельцину, но уже было поздно, и ему отказали. «Тбилисская революция» завершилась после двухнедельных боев, в 5 часов утра 6 января, захватом бункера Дома правительства, в котором с первого дня восстания находился З. Гамсахурдиа. Э. Шеварднадзе в своих мемуарах, говоря о названном процессе, пишет: «Российские военные поддерживали недовольных, и дело дошло до кровопролитного восстания. З. Гамсахурдиа был вынужден покинуть страну»[2]. Д. Иоселиани, который уже к тому времени был членом Военного совета, заявил, что если президенту будет предоставлено политическое убежище в другой стране, то Грузия будет добиваться его выдачи для предания суду по обвинению в преступной деятельности против собственного народа»[3].

Тогда же Т. Сигуа сообщил, что «победило народное восстание», которое обошлось в 107 погибших и 527 раненых. Т. Китовани позже, говоря об окончательной фазе «Тбилисской революции», сообщил: «Звиада мы выпустили, зная, что он уезжает, дали ему коридор. Нельзя было первого президента убивать»[4]. Это подтвердил Т. Сигуа уже после войны[5]. Президент Грузии с разрешения свергнувших его бежал через Армению в Чечню, откуда делал свои заявления о том, что «борьба

---

[1] Газ. «Абхазия», № 7, февраль 1992 г.

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 325.

[3] «Российская газета», № 5… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-7-yanvarya-1992-goda

[4] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[5] 25 февраля 2010 г. экс-премьер Грузии Т. Сигуа заявил, что «именно Китовани предоставил возможность Гамсахурдиа покинуть здание Парламента во время событий 1991-92 годов, и Гамсахурдиа смог уехать в Западную Грузию и не был подвергнут аресту».

продолжается»[1]. Сразу после свержения З. Гамсахурдиа и. о. премьер-министра Т. Сигуа не исключил возможности вхождения Грузии в СНГ. На пресс-конференции в Тбилиси он заявил, что после досконального изучения вопроса правительство доложит его парламенту, который примет окончательное решение[2]... Видимо, Сигуа так обрадовался победе над Гамсахурдиа, что забыл о том, что он и его единомышленники уже успели распустить Верховный Совет Грузии. Власть в Грузии перешла к сформированному еще 1 января Военному Совету, который уже 2 января принял решение о прекращении действия Конституции Грузинской ССР[3]. В Военном совете, как и во всей оппозиции, ведущие роли принадлежали Т. Китовани, Д. Иоселиани и Т. Сигуа. Все они тогда заявляли о своем намерении в ближайшее время вернуться к основным профессиям[4]: Сигуа – ученый-экономист; Иоселиани – искусствовед, «вор в законе»; Китовани – художник. Но и после перехода к гражданской власти никто из названных деятелей так и не ушел с политической сцены, напротив, они встали у руля военно-политической власти Грузии.

4. Закон о выборах в ВС. Абхазия на фоне стремительного распада СССР

Срок полномочий действовавшего Верховного Совета Абхазии истек уже в феврале 1990 года. В результате исторических катаклизмов количество абхазов в Абхазии было искусственно доведено до 17%, что им постоянно ставилось в вину. А грузин, благородя искусственному заселению их в Абхазию и насильственной ассимиляции ими абхазов, стало 44%. Именно это обстоятельство приводили в качестве главного аргумента в споре с абхазами – дескать, вас мало, а вы и без того имеете слишком много привилегий. С одной стороны, было ясно, что в таких условиях идти на прямые выборы было бы подобно самоубийству, так как они привели бы к тому, что абхазы в своем Парламенте оказались бы не в состоянии влиять на принимаемые решения. С другой стороны,

[1] Газ. «Кавказский дом», № 15, 7 июня 1992 г.

[2] Газ. «Абхазия», № 2, январь 1992 г.

[3] Непрошин А. Ю., Шамба Т. М. Абхазская государственность в постсоветский период… С. 35.

[4] Васильева О. Грузия как модель… С. 10.

отсутствие правомочного Верховного Совета могло бы привести к тому, что несмотря на правовую неразбериху в грузино-абхазских взаимоотношениях, Грузия, наверняка, постаралась бы ввести прямое правление из Тбилиси, что стало бы началом конца хрупкого мира в Абхазии.

О начале работы над законом о выборах было объявлено 10 декабря 1990 г. в ходе заседания сессии Верховного Совета Абхазии. 27 февраля 1991 г. ВС Грузии принял постановление, в котором предложил провести выборы ВС Абхазии не позднее 1 октября 1991 г. и продлил срок полномочий действовавшего ВС Абхазии до 15 марта. При этом особо подчеркивалось, что невыполнение данного положения «повлечет за собой прекращение полномочий нынешнего состава ВС Абхазии»[1]. И уже 28 февраля Верховный Совет Абхазии принял решение о продлении срока полномочий депутатов ВС до 1 октября[2].

Необходимо было выработать механизм, способный хотя бы на некоторое время обеспечить право абхазского народа на выживание на своей родине. Однако с этим грузинская сторона не желала считаться. 5 марта, уже в ходе работы над законопроектом, З. Гамсахурдиа жаловался на то, что «Верховный Совет Грузии и его председатель ни имеют никакого права вмешательства в ход выборов в Верховный Совет Абхазии, а тем более в выборы его председателя». Глава Грузии там же пообещал, что конституционная реформа, которую намерены провести в Тбилиси, «предусмотрит и в будущем выправит это несоответствие»[3]. Несмотря на подобную риторику, обе стороны тогда продемонстрировали готовность к компромиссам, осознавая, что без этого нельзя выйти из политического коллапса. З. Папаскири считает, что «активное подключение В. Ардзинба к Ново-Огаревскому процессу заставило Тбилиси вновь предпринять шаги для предотвращения сближения его с Москвой»[4]. Тогда начались переговоры между Тбилиси и Сухумом, которые шли с переменным успехом. Над проектом Закона о выборах в ВС Абхазии работали представители абхазской и грузинской сторон. На последнем этапе эту работу с грузинской стороны возглавлял Председатель Верховного Совета Грузии А. Асатиани.

---

[1] Газ. «Советская Абхазия», № 34, 1 марта 1991 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Аидгылара», № 4, апрель 1991 г.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 381.

Абхазская сторона предложила проект Закона о выборах, который предусматривал создание двухпалатного парламента, состоявшего из Совета республики, избираемого по территориальным округам, и Совета национальностей, в котором равным числом депутатов должны были быть представлены все национальные общины Абхазии. Один из разработчиков этого законопроекта В. Кецба тогда рассказал прессе о его сути и предназначении. Он сообщил, что в основу формирования Совета Республики положен принцип равноправия граждан, Совета Национальностей – принцип равноправия наций. Необходимость создания Совета Национальностей, по его мнению, диктовалась многонациональностью Абхазии, многообразием и противоречивостью проблем, волновавших представителей каждой нации. Поэтому такая палата нужна была как полномочный орган, который бы постоянно занимался вопросами обеспечения равноправия, интересов представителей наций и национальных групп в сочетании с общими интересами и потребностями многонационального государства. Проект предусматривал введение в политический обиход понятия национальной общины. По словам В. Кецба, такая структура обеспечивала представительство всех народов, населяющих территорию Абхазии. В Совете Национальностей предполагалось присутствие представителей наиболее крупных общин – абхазской, грузинской, армянской, русской, греческой. При этом под общинами понималась не только часть населения, «а политически организованная часть, которая имеет свои общественные организации, представляющие национальные интересы общины». Право выдвижения депутатов в Совет Национальностей предоставлялось политическим партиям, трудовым коллективам, общественным организациям и движениям в лице их республиканских, районных, городских органов[1].

Заместитель Председателя НФА З. Ачба также считал, что «только двухпалатная система гарантирует установление гражданского мира в республике». Он тогда отмечал: «Наши оппоненты из грузинского движения выступают против этой идеи. Они лишают право компактно проживающих в Абхазии армян, русских, греков на гарантированное представительство в Парламенте, в защиту собственных интересов. Мы же категорически против деления парламента по этнографическому принципу, хотя абхазы как коренное население республики, оказавши-

[1] Газ. «Абхазия», № 11-12, 26 марта 1991 г. С. 7.

еся в меньшинстве, имеют право в парламенте требовать гарантии для защиты своих национальных интересов»[1]. Но против этого проекта выступали грузинские власти, и споры вокруг принципа формирования будущего Верховного Совета Абхазии не прекращались. Предлагались различные варианты, в том числе и частными лицами, официально не задействованными в переговорах представителей Абхазии и Грузии. В частности, инженер из Сухума М. Лолуа предлагал зафиксировать в Конституции, что Верховный Совет Абхазии состоит из 100 депутатов, «в том числе – 50 + 1 абхазской национальности, избираемых неравновеликими избирательными округами, и 49 депутатов остальных национальностей, избираемых равновеликими избирательными округами». В этом случае, по его мнению, не потребовалось бы двухпалатной структуры Верховного Совета. Он считал: «Квоту абхазской общине надо сохранить, как предусмотрено проектом закона о выборах… 50 плюс 1 – это не абсолютное превосходство, а тот минимум, без которого Абхазия не сможет оставаться по форме и содержанию Абхазской Республикой»[2]. Г. Лежава, касаясь рассматриваемого вопроса, пишет: «Экспертами НФА и ВС был подготовлен проект закона о выборах ВС Абхазии, который и был представлен в парламент Грузии. Для обсуждения проекта в Тбилиси прибыла делегация Верховного Совета Абхазии. Этот проект был отвергнут грузинской стороной на том основании, что он дает слишком широкое представительство малым национальным группам. В ответ З. Гамсахурдиа в июле 1991 г. был предложен проект, утвержденный парламентом Грузии, предусматривавший выборы по квотам»[3], который впоследствии и был принят.

25 июня 1991 г. был подписан Указ Президиума ВС Абхазии о созыве сессии ВС Абхазии 9 июля. Выносилось на обсуждение 7 вопросов, но самыми главными из них были два вопроса: закон о выборах депутатов ВС Абхазии и закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию Абхазии[4]. 2 июля Президиум ВС Абхазии обсудил предложенный блоком «Союз» проект двухпалатного Парламента. После горячих дебатов и возражений со стороны грузинской части Президиума было

[1] Газ. «Абхазия», № 26, 2 июля 1991 г. С. 2.
[2] Газ. «Абхазия», № 22, 4 июня 1991 г. С. 1.
[3] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.
[4] Газ. «Абхазия», № 26, 2 июля 1991 г. С. 1.

принято решение вынести его на обсуждение сессии в качестве альтернативного проекта[1]. Но на сессии ВС Абхазии 9 июля этот проект, как и следовало ожидать, был отвергнут грузинской стороной. Благодаря «джентльменскому соглашению» между грузинской и абхазской сторонами на той же сессии при трех воздержавшихся был принят Закон о выборах в Верховный Совет Абхазии, предусматривавший принцип квотирования[2]. Однако на сессии была далеко не доброжелательная атмосфера, чувствовалась напряженность и острота противоречий. Подводя итоги сессии, Н. Акаба писала: «То, что альтернативный проект Закона о выборах Абхазии вызвал активное неприятие у власть имущих (в частности, у А. Асатиани), по-моему, лишь делает этому интересному проекту рекламу. Острая борьба на сессии еще раз показала: провести по-настоящему свободные выборы и сформировать такие властные структуры, которым верили бы все люди Абхазии, – это задача не из легких. Тем более, что новый Закон о выборах, принятый с таким трудом, слишком далек от совершенства и никак не учитывает специфику Абхазии. А ссылки на «джентльменское соглашение» не очень успокаивают»[3].

Принятый закон о выборах ВС Абхазии предусматривал выделение 28 мест абхазам как коренному народу, 26 – грузинам и 11 – русскоязычному населению. Б. Коппитерс считал этот закон «уникальным экспериментом в масштабах всего Южного Кавказа»[4]. По мнению А. Зверева, на эту уступку Гамсахурдиа был вынужден пойти из-за «усиленного российского военного присутствия»[5] в Абхазии. С. Лакоба считает, что важную роль в этом сыграли и «тесные союзнические контакты северокавказцев» с абхазами[6]. Грузинский исследователь Г. Нодия полагает, что Гамсахурдиа и Ардзинба достигли этого компромисса сами, причем «без всякого нажима со стороны «третьей силы» (скорее всего, неразбериха в Москве после августовского путча как раз позволила им это

---

[1] Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г

[2] Газ. «Аидгылара», № 7, июль 1991 г

[3] Там же.

4 Коппитерс Б. Федерализм и конфликт… С. 24.

[5] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 47.

[6] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 13.

сделать)»[1]. Этот аргумент, может быть, имеет право на жизнь, но необходимо помнить, что данный «компромисс» между властями Абхазии и Грузии был достигнут задолго до наступления «неразберихи в Москве после августовского путча». По мнению того же Б. Коппитерса, мотивы этого законодательно закрепленного компромисса заключались в следующем: «Соглашение с абхазскими руководителями предоставило З. Гамсахурдиа возможность сосредоточить усилия на начавшейся войне в Южной Осетии. Ведь правительству Грузии было бы трудно вести войны одновременно на нескольких фронтах. Можно предположить, что, по мнению З. Гамсахурдиа, решение «абхазского вопроса» следовало отложить на более поздний срок. Для него избирательная реформа представляла собой стратегию, позволявшую выиграть время. Абхазское руководство согласилось с подобной договоренностью, поскольку она подтверждала его привилегированный статус в республике и усиливала его политические позиции, по крайне мере в краткосрочной перспективе»[2].

З. Папаскири сообщает, что согласие руководства Грузии на введение квот вызвало довольно бурную реакцию в грузинском обществе. Оппозиция однозначно восприняла данное решение как оскорбление национального достоинства грузин и обвинила З. Гамсахурдиа и его окружение в предательстве[3]. По мнению С. Червонной, принятие названного закона стало возможным потому, что «с помощью юридических уловок и подтасовок, шантажа и демагогии Ардзинбе и его соратникам удалось протащить через грузинский парламент, игнорируя протесты экспертов, избирательный закон, позволяющий при формировании избирательных округов и депутатского корпуса создавать прерогативы и ограничения по этническому признаку»[4]. Во-первых, Закон о выборах был принят абхазским, а не грузинским парламентом, а во-вторых, он был предложен грузинской стороной, предварительно выступившей против варианта абхазской стороны. На сессии Верховного Совета Абхазии 9 июля при принятии Закона о выборах присутствовал

[1] Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998. С. 42.

[2] Коппитерс Б. Федерализм и конфликт… С. 24.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 383.

[4] Червонная С. М. Абхазия – 1992… // http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%205.htm.

Председатель Верховного Совета Грузии А. Асатиани, который к тому же зачитал обращение к депутатам абхазского Парламента З. Гамсахурдиа. Тогда же состоялся совместный брифинг В. Ардзинба и А. Асатиани[1]. Это свидетельствовало о заинтересованности тбилисских властей в воплощении в жизнь достигнутых договоренностей, в особенности касательно Закона о выборах. Правда, по мнению Н. Акаба, поделившейся своими впечатлениями от сессии сразу по ее окончании, в выступлении А. Асатиани, а также в стремлении активно участвовать в работе сессии грузинского парламентария Н. Мгалоблишвили, постоянно ощущалось желание «решать проблемы силовыми методами»[2].

З. Папаскири называет Закон о выборах Абхазии «не только политической, но и историографической и идеологической капитуляцией»[3] тогдашних грузинских властей. Составитель сборника «Абхазский узел» М. Чумалов допускает, что грузинское руководство считало, что такое распределение мандатов позволит за счет голосов армян, русских и представителей других национальностей «блокировать» решения абхазов[4]. Действительно, грузины рассчитывали в «8 округах из 11, предназначенных русскоязычным депутатам, провести своих сторонников», и тогда они в Верховном Совете оказались бы в большинстве (34 против 31 абхазов)[5].

Э. Шеварднадзе спустя время заявил, что закон о выборах «полностью игнорирует нормы и практику современного парламентаризма»[6]. Он же впоследствии назвал этот закон «самой крупной ошибкой Гамсахурдиа»[7]. Действительно, после прихода к власти Шеварднадзе А. Асатиани некоторое время провел в заключении за согласие в принятии «апартеидного» Закона о выборах в Верховный Совет Абхазии[8]. Позже грузинские власти назвали этот закон одной из причин вторжения войск Госсовета в Абхазию. Уже после начала войны в грузинской

[1] Газ. «Абхазия», №28, 16 июля 1991 г.

[2] Газ. «Аидгылара», №7, июль 1991 г.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 385.

[4] Лежава Г. П. Политическая ситуация… // http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm.

[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 389.

[6] Червонная С. М. Абхазия – 1992…. http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%205.htm.

[7] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 50.

[8] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 12 апреля 1993 г.

прессе был опубликован материал, в котором, в частности, говорилось: «Будучи Председателем Верховного Совета, господин Асатиани имел возможность ознакомиться с планом за авторством России, который ставил целью аннексирование бывших союзных республик. В нем было четко обозначено стремление к демонтажу Грузии, ее расчленению, провоцирование этноконфликтов. Господин Асатиани видел и документ, в котором содержались и прямые инструкции о начале антигрузинской войны в Абхазии. Этим и объясняет Председатель Союза традиционалистов (А. Асатиани. – **А. А**.) тот компромиссный закон, который был принят предыдущим ВС. По его словам, необходимо было выиграть время, иначе то, что происходит сейчас, случилось бы тогда же, и с пропагандистской точки зрения Грузия оказалась бы в еще худшем положении»[1]. При этом примечательно, что летом 1995 г. А. Асатиани вновь выступил за прямые, без посредников, переговоры с Абхазией[2].

Закон о выборах в Верховный Совет Абхазии С. Лакоба назвал свидетельством «резкого потепленииея грузино-абхазских отношений», что, по его мнению, «обеспокоило определенные силы», так как это могло привести к стабилизации в Грузии и на Кавказе[3]. Однако уже очень скоро возобновилась «война законов». 20 июля ВС Абхазии образовал Центральную избирательную комиссию, первое заседание которой под председательством В. Цугба состоялось уже 22 июля[4]. Однако это решение Указом Президента Грузии от 5 августа было приостановлено в связи с тем, что оно «противоречит Конституции и действующему законодательству Грузии». Основанием, по мнению З. Гамсахурдиа, для отмены названного решения ВС Абхазии стало то, что «в явно дискриминационном положении оказалось грузинское население», и «его избирательные права по сравнению с правами негрузин никак не защищены»[5]. 9 августа грузины срочно организовали митинг в поддержку названного указа Президента Гамсахурдиа. Для участия в нем из Тбилиси прибыла представительная делегация, куда входили председатель комиссии ВС Грузии Т. Коридзе, министры внутренних дел и здравоохранения

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 12 апреля 1993 г.

[2] Обзор ситуации в Грузии // Министерства информации и печати Республики Абхазия, 1995 г.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто… С. 15.

[4] Газ. «Абхазия», № 30, 30 июля 1991 г.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 60, 61.

Д. Хубулиани, М. Дзодзуашвили и другие. Они вместе с депутатами ВС Грузии из Абхазии Н. Мгалоблишвили и Р. Кемулария вышли на беговую дорожку сухумского стадиона и обратились с «пламенными» речами к собравшимся. В своих выступлениях они клеймили «позором» В. Ардзинба. Уже не раз упоминавшийся З. Папаскири до сих пор возмущен тем, что «Т. Коридзе даже договорился до того, что объявил В. Ардзинба учеником Э. Шеварднадзе»[1]. К проблеме ЦИКа З. Гамсахурдиа вернулся в своем обращении к Президиуму ВС Абхазии 24 октября 1991 г. на фоне его противостояния с вооруженной оппозицией. Тогда он писал: «К сожалению, целям стабилизации обстановки не служат и некоторые решения Президиума ВС Абхазии, являющиеся результатом произвольного смещения функций законодательной и исполнительной власти. Особое беспокойство вселяет крайне опасное пренебрежение законодательными нормами в деятельности ЦИК по выборам в ВС Абхазии, что может привести к серьезной конфронтации»[2].

Тем не менее, 15 августа состоялось очередное заседание сессии ВС Абхазии, обсудившей Закон о внесении изменений в Закон «О выборах депутатов Верховного Совета Абхазии». Открывая ее работу, В. Ардзинба отметил, что нынешняя сессия – одна из самых сложных и потребует от депутатского корпуса максимум ответственности. После утверждения повестки дня по предложению В. Ардзинба параллельно с сессией продолжила работу Согласительная комиссия. После бурного многочасового обсуждения пакета законов, связанных с предстоявшими выборами в Верховный Совет Абхазии, не удалось прийти к взаимоприемлемому решению по целому ряду пунктов. Было решено вернуться к решению этих вопросов через несколько дней. Из числа депутатского корпуса была избрана новая Согласительная комиссия[3]. Учитывая сложность одновременного проведения выборов Верховного и местных Советов в столь сжатые сроки, ВС Абхазии единогласно принял постановление провести выборы раздельно. День выборов в ВС Абхазии было решено перенести с 22 на 29 сентября[4].

Между тем, 19 августа в Москве был образован ГКЧП и была предпринята попытка государственного переворота. В тот же день, 19 ав-

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 385-386.
[2] Газ. «Свободная Грузия», № 202, 25 октября 1991 г.
[3] Газ. «Аидгылара», № 8, август 1991 г.
[4] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г.

густа, Президиум Верховного Совета Абхазии обратился к населению республики с призывом «сохранять спокойствие, выдержку и высокую дисциплинированность»[1]. Тогда же в связи со сложившейся общественно-политической обстановкой Совету Министров Абхазии, Прокуратуре, МВД, КГБ (Квициния, Ломинадзе, Иоселиани) было поручено «принять строгие меры по недопущению дисклокации и функционированию незаконных военных формирований, включая Национальную гвардию Грузии»[2]. 20 августа части Национальной гвардии Грузии были спешно выведены и с территории Абхазии[3].

27 августа состоялось очередное заседание сессии Верховного Совета Абхазии. Тогда, уже на фоне неудавшегося августовского путча, депутаты приняли пакет документов о выборах. Видимо, драматические события, происходившие вокруг, подействовали на парламентариев, поскольку они быстро, без особых препирательств приняли решения, которые до этого никак не удавалось согласовать. Статья 2 Закона «О внесении изменений в закон Абхазии «О выборах депутатов ВС Абхазии»[4] теперь предусматривала: «В связи с необходимостью стабилизации межнациональных отношений в республике в период проведения выборов в ВС Абхазской АССР двенадцатого созыва статью 15 Закона «О внесении изменений в закон Абхазии «О выборах депутатов ВС Абхазии» в качестве временной меры дополнить примечанием следующего содержания: «При проведении выборов в округах №№ 7, 8, 9, 11, 14, 15, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 54, 55, 57, 58, 60, 62 могут принимать участие в качестве кандидатов в депутаты только лица абхазской национальности, в округах №1, 2, 5, 13, 16, 17, 20, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 47, 48. 49, 50, 52, 56, 59, 61, 64, 65 только лица

[1] Газ. «Аидгылара», № 9, сентябрь 1991 г.

[2] Газ. «Абхазия», № 34, 27 августа 1991 г.

[3] Газ. «Аидгылара», № 9, сентябрь 1991 г.

[4] После войны 10 марта 1994 г. Парламент Грузии принял постановление, согласно которому отменил Закон о выборах в ВС Абхазии от 9 июля (с изменениями от 27 августа), распустил ВС, избранный по этому закону и лишил депутатов иммунитета (Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 79–80). А уже 24 февраля 1995 г. Парламент Грузии постановил: «Высшим представительным органом Абхазской Автономной Республики – Верховным Советом – признать избранных в Верховный Совет Абхазской АССР в 1991 г., реально выражающих интересы наибольшей части Абхазии и не участвующих в антиконституционной деятельности вместе с Гудаутской сепаратистской группировкой» (Там же. С. 82).

грузинской национальности, а в остальных округах только лица других национальностей»[1]. Тогда же в рамках «джентльменского соглашения» был принят Верховным Советом Абхазии «Временный закон о порядке избрания и назначения органов и должностных лиц Верховным Советом Абхазии». Закон предусматривал, что Председателем ВС избирается лицо абхазской национальности, а первым заместителем – лицо грузинской национальности. В случае с Советом Министров Абхазии ситуация была ровно наоборот: Председателем правительства назначается лицо грузинской национальности, а его первым заместителем – лицо абхазской национальности. Предусматривалось, что данный закон будет действовать в течение срока полномочий Верховного Совета Абхазии, который предполагалось сформировать после выборов[2]. Казалось бы, договорились и должен был наступить очередной «мирный» этап сосуществования между абхазской и грузинской депутациями, последняя из которых всегда действовала с оглядкой на Тбилиси.

Еще накануне, 26 августа, Президент З. Гамсахурдиа обратился к сессии ВС Грузии с требованием наделить его дополнительными полномочиями для наведения порядка в Абхазии и усмирения ее Верховного Совета, заявив, что «эпоха либерализма закончилась». Данное заявление З. Гамсахурдиа заместитель НФА З. Ачба расценил как свидетельство того, что «правительство Грузии намерено с помощью репрессий подавить законное стремление народа Абхазии оставаться в пределах Союза»[3]. 27 августа Председатель Координационного совета АГНК Ю. Шанибов, выступая по абхазскому телевидению, заявил: «Если Грузия совершит агрессию против Абхазии, то народы Северного Кавказа встанут на защиту братского абхазского народа»[4]. Однако это предупреждение не могло помешать тому, что 28 августа на территорию Абхазии были вновь введены части Национальной гвардии Грузии[5]. На фоне такого противостояния 27 августа, как уже говорилось, состоялась сессия ВС Абхазии. После кропотливой работы согласительных комиссий ее открыл В. Ардзинба. Он подчеркнул, что во время его пребывания в Москве в республике распространялись различного рода слу-

[1] Газ. «Абхазия», № 37, 31 августа 1991 г.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 125.
[3] Газ. «Аидгылара», № 9, сентябрь 1991 г.
[4] Там же.
[5] Там же.

хи о позиции, занятой им якобы в дни государственного переворота. Проинформировав депутатов о целях своей поездки в Москву и своих действиях в период 19-21 августа, В. Ардзинба отметил, что подобные слухи муссируют и распространяют те люди, которые стремятся вновь привести к конфронтации абхазский и грузинский народы, пытаются бросить тень на руководство Абхазии. Дискуссию на сессии вызвало обсуждение проектов постановлений, связанных с законодательными актами Верховного Совета Грузии. Заместитель Председателя ВС Абхазии В. Колбая заявил, что он против «войны законов» и попросил дать ему возможность обсудить данный вопрос с руководством Грузии. Подобное поручение ему было дано Верховным Советом Абхазии на последнем заседании, но из-за событий 19-21 августа его поездка в Тбилиси не состоялась. Тем не менее, В. Ардзинба предложил принять эти постановления и подчеркнул, что никто не может отменить решения ВС и с ними необходимо считаться. После этого большинством голосов депутаты приняли эти постановления[1]. Согласно одному из них Верховный Совет объявил «не имеющим юридической силы и не подлежащим исполнению» закон Республики Грузия «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Грузия»[2] от 25 июля 1991 г.[3], что, безусловно, свидетельствовало о далеко не безоблачных взаимоотношениях Абхазии и Грузии. Бурные дебаты вспыхнули на сессии и во время обсуждения постановления о приостановлении деятельности Абхазского рескома[4] КП и национализации партийного имущества. В итоге постановление было принято. В конце заседания с заявлением выступил депутат, главный редактор газеты «Советская Абхазия» Ю. Гавва, под началом которого публиковались материалы в поддержку ГКЧП. Он потребовал от Верховного Совета скорейшей регистрации нового печатного органа, который, как следовало полагать, собирался сам возглавить. Он пригрозил даже объявить голодовку, если не будет

[1] Газ. «Абхазия», № 37, 31 августа 1991 г.

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 124.

[3] Согласно этому Закону Президент Грузии наделялся более широкими полномочиями и правом на приостановление действия законов Абхазии. Поэтому на сессии В. Ардзинба подчеркнул, что никто не может отменить решения ВС и с ними необходимо считаться.

[4] 19 августа 1991 г. Абхазский республиканский комитет компартии заявил о «решительной поддержке действий и мер, принимаемых ГКЧП СССР».

удовлетворено его требование[1]. Между тем, 14 сентября 1991 г. вместо «Советской Абхазии», издание которой было прекращено, вышел первый номер газеты «Республика Абхазия» – орган ВС Абхазии, главным редактором которого был назначен В. Чамагуа. Ю. Гавва в свою очередь 27 сентября указом президиума Верховного Совета был назначен редактором периодического издания ВС «Панорама Абхазии». После вторжения в Абхазию войск Госсовета Грузии, оккупационные власти стали издавать в Сухуме газету под названием «Демократическая Абхазия», редактором которой и стал Ю. Гавва.

Тем временем различные политические и общественные организации и объединения готовились к выборам в ВС Абхазии. Блок «Союз» выступал «за полную реализацию положений Декларации о государственном суверенитете Абхазии». Далее в предвыборной программе блока говорилось: «Абхазия должна стать независимой, суверенной республикой, обладать всеми объемами конституционных полномочий для проведения самостоятельной внутренней политики и свободы внешних сношений. Основываясь на воле большинства жителей Абхазии, выраженном на референдуме 17 марта 1991 г., мы выступаем за вхождение Абхазской республики в состав обновленного Союза. Мы поддерживаем позитивные процессы Новоогаревского процесса и политические договоренности, достигнутые между Центром и лидерами республик. В состав обновленного Союза Абхазия должна войти в качестве его полноправного субъекта. Делегируя часть полномочий союзным органам, в пределах своих полномочий Абхазия остается экономически и политически независимой республикой. Гражданство должно быть предоставлено всем постоянным жителям Абхазии, кто изъявит на то свое желание. Принятие гражданства Абхазии будет означать, что данное лицо поддерживает государственное существование Абхазской республики и готово своим трудом, знаниями, интеллектом внести свой вклад в ее социально-экономическое и культурное процветание»[2].

На фоне внутригрузинского противостояния тбилисские власти не забывали и об Абхазии. 3 сентября Председателю Армянского культурно-благотворительного общества «Крунк» А. Тополяну пришло письмо

[1] Газ. «Абхазия», № 37, 31 августа 1991 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 34, 27 августа 1991 г.

от Генерального прокурора Грузии В. Размадзе, в котором говорилось, что в Уставе общества «содержится множество норм, грубо противоречащих Конституции и действующему законодательству Республики Грузия». Далее «с учетом явной антиконституционной направленности общества «Крунк» предлагалось «приостановить деятельность объединения и поставить вопрос о самороспуске данного общества». «В противном случае, – грозил В. Размадзе, – будет поставлен вопрос о его запрете в установленном законном порядке»[1]. А 11 сентября Генеральная прокуратура Грузии прислала ЦИКу Абхазии письмо с рекомендацией не регистрировать кандидатов в депутаты от общества «Крунк»[2]. Однако руководство общества тогда же, 11 сентября, выступило с комментарием письма В. Размадзе, которое попросило считать официальным ответом Прокурору Грузии. В нем, в частности, было сказано: «Пункт 45 главы 9 нашего Устава гласит: «Общество может быть ликвидировано по решению Совета Министров Абхазии в случае допущенных Обществом нарушений законодательства и настоящего Устава. У Совета Министров Абхазии к нам претензий нет, поэтому мы продолжаем работу на благо всех народов Абхазии»[3]. Тем временем рассмотрение судебной коллегией Верховного Суда Грузии дела по заявлению прокурора Грузии о запрещении общества «Крунк» было назначено на 16 сентября[4].

17 сентября МЧА заявила, что обращение Президента З. Гамсахурдиа к ВС Грузии с просьбой о предоставлении ему дополнительных полномочий для наведения порядка в Абхазии «следует расценить не иначе как явную попытку установить диктат над законно избранными органами государственной власти в Абхазской республике»[5]. Однако, по всей видимости, к тому времени Гамсахурдиа уже некогда было думать об Абхазии, поскольку в самом Тбилиси у него возникли серьезные проблемы. А заявление о решимости навести порядок в Абхазии больше являлось демонстрацией своей силы и значимости в самой Грузии, нежели стремлением напугать строптивый Сухум.

---

[1] Газ. «Аидгылара», № 9, сентябрь 1991 г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Газ. «Аидгылара», № 10, октябрь 1991 г.

Между тем противостояние между сторонниками и противниками З. Гамсахурдиа началось и в Абхазии. 18 сентября в Сухуме, в клубе железнодорожников сотрудниками МВД было разогнано собрание противников З. Гамсахурдиа; 19 сентября на площади Конституции был проведен митинг в поддержку Президента Грузии; 19 сентября у театра им К. Гамсахурдиа происходит потасовка между сторонниками и противниками З. Гамсахурдиа; 21 сентября с Сухумского вокзала в Тбилиси спецпоездом отправилась группа сторонников президента Грузии для оказания ему поддержки[1]. 22 сентября по грузинскому телевидению был передан текст обращения Гамсахурдиа «к братским абхазскому и осетинскому народам» с призывом защитить законно избранную власть[2]. А ведь еще 20 с небольшим дней назад он хотел «навести порядок» в Абхазии, а теперь просил ее же «защитить законно избранную власть» в своем лице. Абхазия в это время стремилась хоть как-нибудь обезопасить себя в создавшейся ситуации. 27 сентября Президиум ВС Абхазии принял постановление об обеспечении экономической основы суверенитета Абхазии, который предусматривал до 1 января 1992 г. обеспечить передачу и принятие в ведение органов государственного управления Абхазии предприятий, учреждений и организаций союзного и союзно-республиканского подчинения, находящихся на территории Абхазии[3].

Председатель ВС Грузии А. Асатиани еще в сентябре 1991 г., отвечая на вопрос о границе с Россией, ответил: «Я за то, чтобы пограничный режим с Россией был упрощенным. Однако таможни, конечно, мы введем – это важно для соблюдения элементарного порядка»[4]. 23 декабря, уже на фоне начавшегося вооруженного противостояния в Тбилиси, глава Администрации г. Сочи Н. Карпов сделал заявление для СМИ по поводу границ между Россией и Грузией. Карпов сказал, что «так как Грузия в данный момент является суверенным государством, то необходимо отрегулировать все вопросы касательно границы с Россией; надо преобразовать действующую ныне административную границу в государственную со всеми вытекающими последствиями – таможней, кон-

[1] Газ. «Аидгылара», № 10, октябрь 1991 г.
[2] Там же.
[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 128.
[4] Газ. «Абхазия». № 39, 21 сентября 1991 г.

трольной полосой, пограничными заставами и т. д.». Но тут он задавался вопросом, где должна пройти граница между двумя государствами. По мнению Карпова, разумнее было бы принять за основу тогда действовавшую границу по р. Псоу. Это предложение было передано российскому руководству и в Комитет по межнациональным отношениям ВС РСФСР[1]. При этом позиция Абхазии, естественно, никого не интересовала.

Тем временем еще 9 сентября ЦИКом Абхазии была завершена регистрация кандидатов в депутаты Верховного Совета. В результате на 65 мест было выдвинуто 133 грузина, 57 абхазов, 26 армян, 7 русских, 2 грека, 2 украинца, 1 еврей, 1 кабардинка[2]. 29 сентября в Абхазии состоялись выборы депутатов в Верховный Совет Абхазии. Согласно сообщению №1 ЦИК, в первом туре удалось избрать 38 депутатов[3]. Сообщением №2 ЦИК объявил повторное голосование в 14 округах, в которых принимали участие по два кандидата, набравших наибольшее количество голосов избирателей в первом туре. Повторное голосование было назначено на 13 октября[4]. Сообщением №3 ЦИК объявил выборы в 12 округах несостоявшимися и назначил в них повторные выборы, которые должны были состояться 1 декабря. В названном сообщении ЦИК также говорилось, что по одному округу производится дополнительная проверка, в силу чего результаты по нему неизвестны[5]. В общем, анализируя их, можно сделать вывод, что наибольшая активность избирателей была отмечена в Гудаутском районе и в Ткварчале, где в 8 округах из 9 уже после первого тура определились депутаты.

Еще 21-22 сентября в Грозном состоялась сессия Координационного Совета АГНК. В принятых на ней документах была выражена поддержка движению абхазского народа к независимости. Сессия приняла решение о проведении съезда горских народов Кавказа 1-2 ноября в Сухуме[6]. В соответствии с этим решением 1 ноября в Сухуме на фоне противостояния в Чечне открылся III съезд АГНК, в повестке дня которого значились следующие вопросы: 1. Об общественно-политической ситуации в республиках Северного Кавказа, Дагестане и Абхазии; 2. Ассам-

[1] Газ. «Абхазия», № 52, декабрь 1991 г.
[2] Газ. «Аидгылара», № 9, сентябрь 1991 г.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 11, 8 октября 1991 г.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 12, 9 октября 1991 г.
[5] Там же.
[6] Газ. «Республика Абхазия», № 7, 28 сентября 1991 г.

блея горских народов и процесс интеграции народов; 3. О Конфедерации горских народов Кавказа; 4. Подписание Договора об экономическом, социальном и культурном сообществе горских народов Кавказа; 5. Выборы депутатов Кавказского парламента и руководителей органов КГНК. В работе съезда приняли участие делегации от 14 народов: абхазы, абазины, кабардинцы, адыгейцы, лаки, даргинцы, аварцы, чеченцы, чеченцы-акинцы, осетины из Северной и Южной Осетии, шапсуги, черкесы, а также гости из Сирии, Турции и Германии. Отсутствовала ингушская делегация. Из 220 приглашенных приехали на съезд 201. Форум открыл Председатель НФА С. Шамба, который отметил: «В столь сложной общественно-политической обстановке, в которой живет сейчас наша страна, мы возлагаем большие надежды на солидарность народов, ибо жизнь показала, что перестройка обернулась новой диктатурой»[1]. На съезде выступили: Ю. Сосламбеков, Ю. Шанибов, Хеция – представитель абхазской диаспоры в Турции, М. Миллер – ученый из Германии, Р. Джандубаев – заместитель председателя Всечеркесской отечественной хасы, П. Волконский – от Эстонии, М. Амбулахов – от мусульман Адыгеи и Краснодарского края, отец Виссарион (Аплиа) – от православного духовенства Абхазии, С. Умулатова – депутат ВС СССР, К. Ачмиз – от Адыгеи, М. Магамедов – секретарь комитета по восстановлению Ауховского района, А. Саидов – от демократической партии Дагестана, Н. Мгалоблишвили – депутат ВС Грузии, Е. Аджинджал – сотрудник Абгосмузея, Р. Гвашев - председатель оргкомитета по восстановлению Шапсугского района, В. Турханов – от Чечено-Ингушетии, Л. Усманов – член парламента Чечни, С. Лакоба – депутат Верховного Совета Абхазии, Э. Каргиев – от Северной Осетии, Х. Ибргимбейли – член Президиум кавказской ассоциации, В. Хатажуков – заместитель председателя «Адыгэ-Хасэ», В. Кецба – от Народной партии Абхазии, В. Гобозов – депутат парламента Южной Осетии, А. Алиев – от лакской делегации, Мусалаев – представитель духовенства Дагестана, Г. Аламиа – вице-президент АГНК, В. Логинов – председатель «Славянского дома», Ачиравмир – от Калмыкии, Г. Гумба – от Демократической партии Абхазии и другие[2].

Съезд принял Декларацию «О Конфедерации союза горских народов Кавказа». В Декларации от имени народов-участников было заяв-

[1] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск №1, декабрь 1991 г. С. 1.
[2] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск №№1-3, декабрь 1991 г.

лено: «Республики, которые мы представляем, не могут быть частью какой-либо империи – большой или малой, и должны добиться полного государственного суверенитета; целью и смыслом объединения горских народов Кавказа в Конфедерацию является стремление их к самосохранению на основе прав человека, принципов равноправия народов и социальной справедливости». В названном документе также говорилось: «В результате распада Союза появились неоимперские силы, которые отнюдь не собираются предать анафеме политику геноцида. Они наращивают эскалацию военных действий, направленных на новое покорение Кавказа в лице его горских народов. Оградить себя от агрессии мы можем только объединенными силами самообороны народов – членов Конфедерации горских народов Кавказа»[1].

III съезд горских народов Кавказа также принял обращение к народам и парламентам мира. В этом документе, в частности, было сказано: «В настоящее время наши народы твердо встали на путь возрождения, консолидации и государственной независимости на началах Кавказской Конфедерации… Обращаемся к народам и парламентам мирового сообщества в надежде найти понимание и поддержку в нашем праве на самостоятельное государственное развитие в форме Кавказской Конфедерации»[2]. Съезд также выразил поддержку Южной Осетии, против которой выступил депутат грузинского парламента Н. Мгалоблишвили, которому на форуме было предоставлено слово.

На съезде было избрано руководство КГНК: президент – М. Шанибов, председатель Кавказского Парламента – Ю. Сосламбеков, зам. председателя Кавказского Парламента – Д. Халидов, председатель Комитета Кавказских сообществ – К. Озган, председатель Конфедеративного Третейского суда – З. Ачба, координатор по делам КГНК Г. Аламиа, управляющий делами КГНК – Ш. Хаджи; вице-президенты: от абазин – А. Меремкулов, от абхазов – Г. Аламиа, от авар – Н. Махачев, от адыгейцев – З. Бзасежев, от кабардинцев – В. Хатажуков, от лакцев – А. Алиев, от северных осетин – Э. Каргиев, от южных осетин – Т. Кулумбегов, от

[1] Республика Адыгея: Этнополитические процессы и становление государственности (1990-1995 гг.). М., 1997 // http://old.iea.ras.ru/books/Adygea 1997/090120041251_4.htm.

[2] Там же.

черкесов – Л. Джамбеков, от чеченцев – И. Арсамиков, от аухов-чеченов – И. Рашидов, от шапсугов – Р. Гвашев[1].

3 ноября в с. Лыхны был подписан Договор о конфедеративном союзе, в котором говорилось: «Договаривающиеся стороны заявляют, что они будут действовать в духе братства, дружбы и сотрудничества в целях дальнейшего развития и укрепления политических, социально-экономических и культурных связей между горскими народами Кавказа, следуя принципам уважения государственного суверенитета, сотрудничества, взаимной помощи и невмешательства во внутренние дела республик, которые они представляют. Субъекты Конфедерации равноправны в рамках ассоциации независимо от численности народов. С целью разрешения межнациональных конфликтов и обеспечения стабильности в регионе III съезд горских народов Кавказа поручает Кавказскому Парламенту разработать специальное Положение о статусе и функциях создаваемых сил региональной безопасности. Договаривающиеся стороны выбрали местом пребывания руководящих органов (штаб-квартира) Конфедерации горских народов Кавказа город Сухум – столицу Абхазской Республики»[2].

Ю. Шанибов в своем заключительном слове отметил, что «съезд может и должен сыграть решающую роль в объединении искусственно разрозненных ныне народов Кавказа»[3]. С этим была не согласна пресс-служба президента Грузии[4], которая заявила следующее: «Третий съезд ГНК, проходивший на территории Грузии, в г. Сухуми, волей враждебных нашей стране сил проявил свое неуважение к Республике Грузия. Более того, его дух и решения не служат делу истинного объединения народов Кавказа, а скорее, проникнуты той идеологией, которая позволила разделить нас, установить власть империи над свободолюбивым Кавказом, порабощенным Российской империей и закрепощенным

---

[1] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск №3, декабрь 1991 г. С. 17.

[2] Республика Адыгея…. // http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041251_4.htm.

[3] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск №2, декабрь 1991 г. С. 15.

[4] Пресс-служба Президента Грузии, в частности, была недовольна избранием в руководящие органы КГНК К. Озгана и Т. Кулумбегова. В Тбилиси считали, что «на совести первого из них – кровь невинных жертв событий июня 1989 года в Абхазии, а второй уже предстал перед судом за уголовные преступления и разжигание межнациональной розни».

большевистским тоталитаризмом»[1]. З. Гамсахурдиа заявил, что в решениях съезда прослеживаются «антирусская, антигрузинская тенденции» и «признаки возрождения исламского экстремизма»[2].

Подобные заявления были частью пропагандистской войны, которую вели власти Грузии и их приспешники в Абхазии против абхазов. В рамках этой пропаганды здесь стали распространять слухи, что деятельность Конфедерации народов Кавказа будет направлена против русскоязычного населения Абхазии. Опровергая подобные слухи, заместитель председателя НФА З. Ачба подчеркивал: «Мы в Конфедерации ищем возможность приобрести необходимый объем прав, чтобы обеспечить стабильное сосуществование многонационального народа Абхазии. Ведь не секрет, что в других республиках, ставших на путь суверенизации, идет активное выдавливание некоренного населения… Мы неоднократно обращались в правительство СССР и России, ставя уже не проблемы абхазов, а русскоязычного населения. Но гаранта на его защиту у центра и России нет. Значит, мы сами должны объединиться, но требовалось найти точку опоры для того, чтобы предотвратить любую агрессию в Абхазии, потому мы пошли на Конфедерацию»[3]. При этом некоторые наблюдатели считали, что настороженность и опасения горских народов, что возникнет «новая империя», являлись самым серьезным фактором, стимулировавшим их объединение. Газета «Московские новости» тогда писала, что «инициатором недоверия к российскому центру выступает сегодня Абхазия», которая, по мнению аналитиков газеты, «устала ощущать себя «российским крючком для Грузии» [4].

После относительной стабилизации в Тбилиси там вновь вернулись к абхазскому вопросу. 8 октября был издан указ Президента З. Гамсахурдиа[5] и постановление ВС Грузии[6] об отмене постановления Президиума ВС РА от 27 сентября 1991 г. «О создании Абхазской республиканской таможенной службы», как противоречащее Конституции РГ. 24 октября

---

[1] Газ. «Абхазия», № 51, спецвыпуск №3, декабрь 1991 г. С. 19.

[2] «Независимая газета», № 143… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-noyabrya-1991-goda?page=0,1

[3] Газ. «Абхазия», № 49, ноябрь 1991 г.

[4] Газ. «Московские новости», № 46… С. 5. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-noyabrya-1991-goda

[5] Газ. «Свободная Грузия», № 192, 10 октября 1991 г.

[6] Там же.

Гамсахурдиа издал указ о приостановлении действия постановления Президиума ВС Абхазии «Об обеспечении экономической основы суверенитета Абхазии» и постановления Совета Министров Абхазии от 22 октября «О мерах по переходу в юрисдикцию Абхазской АССР предприятий и организаций союзного и союзно-республиканского подчинения, расположенных на территории Абхазской АССР» и объявил их не имеющими юридической силы»[1].

Тем временем «чеченская революция» продолжалась, и, как следствие, ситуация там оставалась крайне напряженной. Тогда под транспарантом «Чечня, Абхазия с тобой!», с флагами КГНК и НФА у сухумского драмтеатра состоялся митинг солидарности с чеченским народом. Митинг открыл депутат ВС Абхазии В. Зантариа. Он выразил обеспокоенность за судьбу чеченского народа в связи с указом Ельцина о введении чрезвычайного положения в Чечне, осудил стремление лидеров России применить силу, чтобы помешать самоопределению чеченского народа, выразил надежду на то, что народные депутаты России не допустят кровопролития. Также выступившие на митинге депутаты ВС Абхазии С. Лакоба, А. Тополян, О. Дамения, Ю. Воронов и другие единодушно поддержали право на самоопределение чеченского народа, потребовали отменить Указ Президента России, который впоследствии Ю. Шанибов назвал «Указом о начале второй Русско-Кавказской войны»[2]. Они подчеркивали, что применение силы против Чечни равносильно применению силы против всех народов Кавказа, выразили готовность оказать всяческую помощь чеченскому народу[3].

11 ноября в Грозном состоялась объединенная сессия парламентов КГНК и Чеченской республики, приуроченная к вступлению в должность избранного накануне Президента Чечни Д. Дудаева. Сессию открыл председатель Парламента КГНК Ю. Сосламбеков. С информацией о политической ситуации на Кавказе выступил президент КГНК Ю. Шанибов. С основным докладом «О политической ситуации в Чеченской республике» выступил представитель Прламента Чечни А. Хусейнов. В работе сессии приняли участие все 14 вице-президентов КГНК. От Аб-

[1] Газ. «Свободная Грузия», № 202, 25 октября 1991 г.
[2] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 29.
[3] Газ. «Абхазия», № 47, ноябрь 1991 г.

хазии принимал участие вице-президент, координатор по делам ГНК Г. Аламиа. Заседание приняло постановление, осуждающее введение ЧП в Чечне. В целях защиты национально-освободительного движения чеченского народа заседание объявило чрезвычайную ситуацию в регионе и обратилось к народам Кавказа оказать противодействие применению силы. Парламент объявил запись в добровольческие отряды по защите Чеченской республики. Решением КГНК был создан штаб по наблюдению за ситуацией в Чечне, состоявший из представителей всех 14 народов, входивших в КГНК. Объединенная сессия приняла обращение к народам и парламентам Кавказа, в котором выражалась тревога в связи с указом Ельцина о введении ЧП и высказалось требование о незамедлительной ее отмене. В обращении также содержался призыв к мировой общественности и народам России поддержать борьбу чеченского народа за самоопределение[1]. В этот же день Верховный Совет России признал «невозможным утвердить» названный указ, а 12 ноября с таким решением согласился и Б. Ельцин. Таким образом, Указ о введении чрезвычайного положения в Чечне был отменен, что способствовало некоторой стабилизации обстановки в республике. Это событие впоследствии Ю. Шанибов назовет «первой великой мирной победой объединенных народов Кавказа и здравомыслящих российских политиков»[2].

13 ноября в 14 округах было проведено повторное голосование. Оно проводилось в Сухуме – в 3 округах, в Очамчирском районе – в 2, в Гульрипшском – в 2, в Гальском – в 6 округах. В результате второго тура было избрано еще 14 депутатов[3]. Однако противостояние не прекратилось. После второго тура З. Ачба подчеркивал, что выборы еще не завершены. Далее от отмечал: «Люди не отдают себе отчета, особенно русскоязычное население, в важности этой кампании. До сегодняшнего дня единственным гарантом того, чтобы права русскоязычного населения и любого другого не попирались, на законодательной основе был выбран ВС Абхазии. Он приостанавливал все те дискриминационные правовые акты, которые принимаются в Тбилиси. Но если сейчас мы объединенными усилиями не сформируем парламент большинства, то

[1] Газ. «Абхазия», № 47, ноябрь 1991 г.
[2] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 29.
[3] Газ. «Свободная Грузия», № 197, 17 октября 1991 г.

защитного механизма у наших народов не будет, и это может для них стать катастрофой. Защита наших прав переместится из правительственных сфер на улицы и площади. Поэтому я призываю всех граждан, которым дорога Абхазия, дорог мир на этой земле, которые хотят лучшего будущего для своих детей, внуков, 1 декабря проголосовать за В. Логинова, А. Какуева, Н. Акаба»[1]. Примечательно, что все названные З. Ачба кандидаты на повторных выборах 1 декабря были избраны в Верховный Совет Абхазии.

В целом в Верховный Совет Абхазии после всех туров голосований были избраны 64 депутата: абхазская депутация из 28 депутатов – Р. Карчаа, Д. Барганджиа, Н. Акаба, В. Бганба, Л. Лакербая, А. Гварамия, Э. Капба, В. Кварчия, Д. Г. Пилия, О. Дамения, Д. Ч. Пилия, В. Гурджуа, С. Джинджолия, К. Джинджолия, С. Таркил, С. Лакоба, В. Ардзинба, И. Лакоба, А. Анкваб, Г. Аламиа, К. Озган, С. Шамба, В. Зантариа, С. Багапш, Д. Тарба, З. Ачба, В. Ашхацава, Э. Авидзба; грузинская депутация из 25 депутатов – Э. Гвазава, Т. Лордкипанидзе, Т. Каландия, Т. Мжавия, А. Гасвиани, Т. Надарейшвили, Р. Убилава, М. Джинчарадзе[2], Д. Гвадзабия, К. Джачвилиани, В. Качарава, Н. Мгалоблишвили, Р. Карая, Т. Гогохия, М. Кварацхелия, Ш. Хецуриани, Д. Гамахария, Р. Дгебуадзе, О. Зухбая, Н. Месхия, Т. Хубуа, З. Джгубурия, Р. Цатава, В. Колбая, Р. Шамугия. В одном округе не принес результатов и второй тур; из остальных депутатов грузинскую сторону поддерживали 6 человек – Э. Астемирова, О. Нагарнина, В. Васильев, М. Джаловян, А. Гомцкян, А. Зебелян, а абхазскую сторону – пятеро: Ю. Воронов, В. Логинов, А. Тополян, М. Депелян, А. Какуев[3].

Состав Верховного Совета и время, в котором ему предстояло начать работу, были новыми, а проблемы – взаимоотношения Абхазии и Грузии, которые ему предстояло решать, были старыми. О сложности ситуации в пока еще формировавшемся Парламенте и вокруг него свидетельствует и Ю. Воронов, который сразу после своего избрания депутатом в одном из интервью, в частности, подчеркнул: «Печально, что пока этот Верховный Совет не может приступить к работе из-за активизации деструктивных, разрушительных сил, стремящихся с самого

[1] Газ. «Абхазия», № 49, ноябрь 1991 г.

[2] М. Джинчарадзе был убит в г. Гагре представителями грузинских военных формирований в конце сентября 1992 года. Его депутатские полномочия были прекращены постановлением Верховного Совета Абхазии 4 декабря 1992 года.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 389-390.

начала парализовать работу нового парламента Абхазии, не дать ему возможности стабилизировать обстановку»[1].

Между тем, события в Тбилиси не могли не отразиться на ситуации в Абхазии. 17 декабря пять политических партий и общественных организаций Абхазии, объединявших в основном грузинское население Сухума – Цхум-абхазское отделение общества Ильи Чавчавадзе, Цхум-абхазское бюро национально-демократической партии Грузии (IV группа), Цхум-абхазское воеводство монархической (консервативной) партии, абхазская региональная организация общества Руставели и Абхазское воеводство «Мхедориони» – «корпус поддержки Грузии» – создали общий Координационный центр и приняли Декларацию, резко осуждавшую режим З. Гамсахурдиа. В ней говорилось, что президент, «узурпировав власть, утвердил «неототалитарное антидемократическое правление», что в Грузии «преследуются инакомыслящие, существуют политзаключенные и узники совести, монополизированы средства массовой информации, против оппозиции ведется разнузданная клеветническая кампания и террор, нарушение прав человека возведено в ранг государственной политики». В Декларации недвусмысленно выражалось и отношение грузинской оппозиции к руководству Верховного Совета Абхазии, который был ими назван «местным институтом модернизированного, неототалитарного Советского правительства». Ставя своей целью «утверждение в стране демократических принципов, защиту прав человека», координационный Центр призывал к «мирному политическому противостоянию Верховному Совету» и «гражданскому неповиновению правительству Абхазии»[2].

Тем временем Советский Союз перестал существовать. Хотя СССР давно нельзя было рассматривать в качестве сдерживающего фактора в противостоянии Абхазии с Грузией, положение кардинально изменилось. Обстановка в Абхазии и вокруг нее резко осложнилась, и ситуация могла взорваться в любой момент. Поэтому в Сухуме вынуждены были искать пути для того, чтобы хоть как-то себя обезопасить. И с этой целью 29 декабря при Председателе Верховного Совета был создан Временный совет по координации деятельности и переподчинении

[1] Газ. «Абхазия», № 46, ноябрь 1991 г.

[2] Червонная С. М. Абхазия-1992… // http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%205.htm.

воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии. В этот Совет вошли: В. Ардзинба, А. Аршба, Л. Гогжян, Т. Чкадуа, С. Дбар, Б. Мирвелов, Б. Клитов, Г. Агрба[1]. Тогда же, 29 декабря, было принято Постановление о дислокации воинских частей, учреждений пограничных и внутренних войск, сил ВМФ и внесении изменений в порядок их функционирования на территории Абхазии. В ст. 1 данного документа, в частности, было сказано: «Их дальнейшее пребывание в Абхазии целиком и полностью относится к компетенции Верховного Совета Абхазии и будет решаться политическими соглашениями и правовыми нормами. Любые правовые акты, от кого бы они не исходили, противоречащие данному положению и направленные на подрыв обороноспособности республики, дестабилизацию военно-политической обстановки в регионе и не отвечающие действующей Конституции Республики, не имеют юридической силы»[2]. 29 декабря на основе расформированного батальона внутренних войск МВД России был создан Отдельный полк Внутренних войск Абхазии, который подчинялся лично Председателю ВС РА В. Ардзинба[3].

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 130-131.
[2] Там же. С. 129, 130.
[3] Пачулия В. Отечественная война… // Газ. «Эхо Абхазии», № 40, 1 октября 2003 г.

∾ РАЗДЕЛ 2. ∾

АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ВОЙНЕ

1. Раскол Верховного Совета Абхазии и эскалация напряженности

С наступлением первого, после прекращения существования Советского государства, нового года наметилось неуклонное перерастание политического противостояния между Абхазией и Грузией к войне. Правда, чтобы война в Абхазии, начавшаяся менее чем через 8 месяцев, стала реальностью, должно было многое совпасть. Но это уже сослагательное наклонение, которого, согласно известной формуле, у истории нет. Однако трудно не согласиться и с российским историком Я. Гординым, который называет ее пресловутой, ибо он считает: «Любители этой формулы исключают само понятие ответственности за те или иные действия. Если в истории все жестко детерминировано, то с кого спрос? Исторический процесс гораздо сложнее, чем некое однонаправленное действие, – он состоит из вариантов, из ситуаций выбора»[1]. Но вернемся, однако, к ситуации начала 1992 года.

По образному, но справедливому замечанию наблюдателей, до 1992г. отношения между Тбилиси и Сухумом носили характер «холодной войны»[2]. Действительно, «холодная война» или «война законов» продолжалась с 25 августа 1990 г. – с принятия Верховным Советом Аб-

---

[1] Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказа. Иллюзии и реальность. С-Пб., 2008. С. 114.

[2] Захаров В. А., Арешев А. Г., Семериокова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. М., 2010. С. 104.

хазии Декларации о государственном суверенитете – до 21 декабря 1991 г. – до прекращения существования СССР. Это был период противостояния Абхазии и Грузии в рамках Советского государства. Хотя Грузия уже давно отказывалась признавать себя частью СССР, но его существование продолжало оказывать существенное влияние на политические процессы в Абхазии и Грузии и их взаимоотношения, нередко при этом выступая в качестве сдерживающего фактора. В последние недели существования режима З. Гамсахурдиа в Грузии грузинское руководство даже обращалось за поддержкой к России – правопреемнице СССР и высказывало пожелание войти в СНГ. Однако тогда ему в этом отказали, тем самым оказав поддержку его военно-политическим оппонентам, которые к тому времени уже готовились к решительному штурму президентского бункера в Тбилиси.

В Абхазии к тому времени, как уже говорилось, был избран новый состав Верховного Совета, которому выпало начать работу в других политических реалиях, нежели при которых он формировался. К примеру, Т. Надарейшвили был выдвинут на должность первого заместителя Председателя ВС по рекомендации все еще остававшегося Президентом Грузии, но уже находившегося в осаде З. Гамсахурдиа[1]. При этом следует отметить, что Т. Надарейшвили сразу же после изгнания Гамсахурдиа выразил полную лояльность к новым властям Грузии и поддерживал контакты с Т. Сигуа[2], однако большинство членов грузинской депутации остались сторонниками свергнутого Президента и оказались в оппозиции к новым грузинским властям. Словом, работа Парламента Абхазии, которая еще не успела и толком начаться, была существенно осложнена государственным переворотом в Грузии.

6 января 1992 г., в день свержения З. Гамсахурдиа, состоялось первое заседание сессии Верховного Совета Абхазии нового созыва. Депутаты избрали Председателем В. Ардзинба, его первым заместителем – Т. Надарейшвили, заместителем – А. Тополяна. В Президиум ВС также вошли: К. Озган, С. Шамба, В. Колбая, Э. Гвазава, Э. Астемирова, Ю. Воронов (5 – на абхазской стороне и 4 – на грузинской). Об одном характерном эпизоде первого заседания рассказал в своих воспоминаниях депутат того Верховного Совета, влиятельный член грузинской депутации Н. Месхия.

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 49.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2009. С. 397.

В своей книге, изданной в 2011 г., он писал: «На первом заседании сессии Парламента после доклада председателя Центризбиркома В. Цугба по нерасторопности и безответственности депутата (грузина. – **А. А**.), который должен был представить кандидатуру Астемировой на должность председателя мандатной комиссии, абхазская сторона выдвинула кандидатуру депутата Логинова и членами этой комиссии в подавляющем большинстве – абхазских депутатов. Выдвижение и голосование произошло молниеносно, с такой скоростью, что не успел опомниться и понять, что произошло. Все были настолько растеряны, что многие из наших депутатов проголосовали за кандидатуру Логинова… Абхазской стороне нужна была мандатная комиссия с желаемым составом, чтобы депутатские полномочия вместе с другими предоставить А. Какуеву и В. Ашхацава, в избирательных округах которых имелись грубые нарушения, были поданы даже прокурорские протесты в Центризбирком. Вместо них от соответствующих округов на утверждение должны были поступить кандидатуры Л. Маршания и Р. Эшба»[1]. Так, в обстановке противоборства и недоверия начиналась деятельность нового Верховного Совета, которая не могла предвещать стабильности в политической жизни Абхазии. В то же время ее повседневная жизнь была парализована бесконечными митингами, шествиями и демонстрациями, участники которых требовали возвращения к власти законного Президента Грузии. Лидеры Абхазского отделения «Круглый стол – Свободная Грузия» в ультимативной форме потребовали от грузинского населения выступить против нового руководства Грузии. В авангарде этого движения встал Сухумский филиал ТГУ, где уже через два дня после свержения З. Гамсахурдиа, 8 января, состоялось собрание коллектива и студентов вуза, которое объявило неповиновение Военному Совету и Временному правительству Грузии[2].

Усугублению ситуации способствовало и то, что 13 января из СИЗО в Дранде сбежали около трехсот заключенных[3]. 13 января Президиум ВС Абхазии принял постановление «О мерах по обеспечению правопорядка и законности в Абхазии». В нем говорилось: «На территории Абхазии резко ухудшилась общественно-политическая обстановка в результате

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 50.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 396.
[3] Газ. «Абхазия», № 2, январь 1992 г.

проведения рядом общественных организаций акций неповиновения новым структурам власти Республики Грузия… Эти акции стали принимать противозаконный характер, проводятся несанкционированные митинги, шествия и забастовки, самоуправно устанавливаются пикеты, блокируются железные дороги». В связи с этим в постановлении правоохранительным органам Абхазии поручалось «активнее выявлять и привлекать к установленной законом ответственности нарушителей общественного порядка, в том числе организаторов незаконных забастовок, митингов»[1].

Тем временем, сторонники З. Гамсахурдиа в Абхазии активизировались после того, как 16 января он, покинув Грозный, прибыл в Зугдиди. В тот же день в Зугдиди прошел митинг, в котором участвовали сопровождавшие Гамсахурдиа в изгнании из столицы его ближайшие сподвижники. По одним сообщениям, на нем выступил сам З. Гамсахурдиа, который призвал собравшихся к походу на Тбилиси и объявил о начале гражданской войны[2]. По другим сообщениям, на митинге было сказано, что З. Гамсахурдиа действительно находится в Западной Грузии, ему необходимо некоторое время, чтобы прийти в себя, и тогда он выступит перед своими сторонниками в Зугдиди[3]. Этот шаг экс-президента поставил новые тбилисские власти в достаточно сложное положение. Ситуация в этих районах Грузии с прибытием его туда стала взрывоопасной, за которым не могло не последовать ответных акций со стороны новых властей Грузии. Лидер «Мхедриони» Д. Иоселиани объявил мобилизацию вверенной ему организации и организовал запись добровольцев[4]. Однако 18 января вечером особый уполномоченный З. Гамсахурдиа – Г. Бахия заявил прессе, что в то время, как люди Иоселиани и Китовани продвигаются в направлении Западной Грузии, он, в свою очередь, может неожиданно появиться в Восточной Грузии и даже в Тбилиси[5].

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 398.

[2] Газ. «Известия», № 13… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-yanvarya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 10… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-yanvarya-1992-goda?page=0,1

[4] Газ. «Известия», № 14… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-yanvarya-1992-goda

[5] «Независимая газета», № 12… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-yanvarya-1992-goda?page=0,1

В связи с создавшейся ситуацией, некоторое замешательство наблюдалось и в окружении Т. Надарейшвили. Однако пребывание З. Гамсахурдиа в Грузии оказалось кратковременным. Когда военные формирования Военного совета вошли в районы, где находились части, верные свергнутому Президенту, ему пришлось покинуть Грузию[1]. Но это привело к еще большей эскалации напряженности. Наряду с этим, тогда в Абхазии появились вооруженные люди грузинской национальности, которые не признавали власти абхазских структур, среди них было немало тех, кто называл себя военнослужащими Национальной Гвардии Грузии, функционирование которой в Абхазии ранее было признано незаконным. В связи с осложнением ситуации 20 января Президиум ВС Абхазии в своем постановлении дал указание правоохранительным органам и формированиям внутренних войск, находившимся под юрисдикцией Верховного Совета Абхазии, «незамедлительно организовать совместную работу по изъятию незаконно хранящегося оружия у населения и лиц, пребывающих на территории Абхазии»[2]. Именно в 20-х числах января 1992 г. бойцы ОП ВВ приступили к несению службы на границе по р. Ингур[3]. Штаб Отдельного полка внутренних войск дислоцировался в районе с. Ачадара в бывшем здании 8-го полка МВД СССР. Отдельный полк внутренних войск состоял из двух батальонов, разведроты и отдельных резервных рот: Пицундской, Новоафонской, Бедийской, Ткварчельской, а также Эшерской, входившей в состав второго батальона. Кроме того, при батальонах находились небольшие группы резервистов. Большая роль в создании, вооружении, укомплектовании и идеологической работе с личным составом полка принадлежит М. Хварцкия[4]. В рассматриваемое время перед ОП ВВ стояла задача

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 397.
[2] Там же. С. 399.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 31.
[4] Хварцкия М. Х. (27.III.1955 – 6.XII.1992) – археолог-палеолитчик. Один из основных организаторов отпора грузинской агрессии против Абхазии. В самом начале войны он – командир Отдельного батальона специального назначения (19. VIII.1992 – 24. VIII. 1992), затем командир Гумистинского оборонительного рубежа (24.VIII. 1992-18.X.1992), а с 19.VIII.1992 по 6.XII.1992 гг. был представителем Генерального штаба Вооруженных сил Абхазии на Восточном фронте. Погиб при отражении атаки противника в с. Лашкиндар. Ему было присвоено звание Героя Абхазии посмертно (30.XII.1992). Его слова, сказанные в самые тяжелые дни войны: «Мы возродимся в еще более новом, еще лучшем качестве» стали символом борьбы абхазского народа за свою свободу. М. Хварцкия – одна из легендарных личностей в новейшей истории Абхазии.

не допустить на территорию Абхазии вооруженные формирования, не подчиняющиеся Верховному Совету Абхазии.

В Сухуме, тем временем, продолжались митинги сторонников Гамсахурдиа, участники которых призывали продолжать мирную акцию гражданского неповиновения. 25 января участникам митинга была показана видеозапись с обращением З. Гамсахурдиа к народу, сделанная, предположительно, 22 января. В своем обращении Гамсахурдиа призвал своих сторонников продолжать акции гражданского неповиновения «хунте, которая пришла к власти»[1].

25 января Президиум Верховного Совета принял закон «О действии законов и других юридических актов на территории Республики Абхазия в связи с прекращением существования Союза ССР»[2]. В этот же день состоялась сессия Верховного Совета, на которой разгорелись дебаты по повестке дня, имели место демарши и уходы с заседания. Именно вокруг вопроса об оценке деятельности правоохранительных органов развернулась ожесточенная дискуссия. В итоге работа правоохранительных органов была признана неудовлетворительной. Об этой сессии Н. Месхия вспоминает следующим образом: «Абхазские депутаты в течение двух сессионных дней устроили ему (министру внутренних дел Г. Ломинадзе. – **А. А**.) «нюрнбергский» процесс[3], и вопрос ставился на голосование, итог которого был предрешен. Во время перерыва я и Д. Гвадзабия убедили В. Ардзинба в том, что тогда нельзя было это делать: на фоне напряженных абхазо-грузинских отношений освобож-

[1] «Независимая газета», № 17. С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-28-yanvarya-1992-goda

[2] Чирикба В. А. Советская Абхазия в 1921 – начале 1991 г… // Абхазы. М., 2007, 2012. С. 105.

[3] Нюрнбергский процесс – судебный процесс над главными фашистскими военными преступниками. Состоялся в городе Нюрнберг (Германия) 20 ноября 1945 г. - 1 октября 1946 г. К ответственности были привлечены высшие военные и государственные деятели немецко-фашистского режима. На процессе были признаны преступниками: руководящий состав Национал-социалистической партии и её охранные отряды (СС), служба безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо). 12 человек (Г. Геринг, Э. Кальтенбруннер, А. Йодль и др.) были приговорены к смертной казни, 7 – к различным срокам заключения (в том числе пожизненно). На Нюрнбергском процессе впервые агрессия была признана тягчайшим преступлением против человечества. Процесс осуществлял Международный военный трибунал, созданный союзниками.

дение, так сказать, грузинского министра, безусловно, углубило бы противостояние, повлекло бы за собой общественную дестабилизацию и политика ускользнула бы из рук на улицу. Поэтому предложил господину Ардзинба воздержаться от освобождения Г. Ломинадзе с занимаемой должности и оставить его до предстоящего формирования правительства республики, перед которым должен был уйти в отставку весь состав Совета Министров… Его оставили… Правда, в постановительной части решения Ардзинба внес формулировку, которая исключала возможность повторного выдвижения Ломинадзе на должность МВД»[1]. На этой же сессии был освобожден от должности прокурор Абхазии А. Квициния. Чуть позже, 5 февраля, Генеральным прокурором Абхазии был назначен А. Джергения[2].

Очередное заседание сессии Верховного Совета Абхазии состоялось 27 января, работа которого грузинской депутацией была проигнорирована. В повестку дня сессии вошли вопросы о сложении полномочий Совета министров Абхазии перед ВС Абхазии; о признании Всеобщей декларации прав человека; о составах постоянных комиссий ВС Абхазии; о законе Абхазии «О действиях законов и иных законодательных актов на территории Абхазии в связи с прекращением существования СССР»; о переименовании Абхазской АССР в Республику Абхазия и новом символе ее государственности[3].

Тем временем поздно ночью 28 января части Национальной гвардии и «Мхедриони» взяли город Зугдиди[4]. В тот же день в г. Очамчире на центральной площади состоялся многолюдный митинг в поддержку экс-президента Грузии З. Гамсахурдиа. В ходе митинга в результате провокации толпа захватила здание РОВД, похитила несколько пистолетов и «нанесла телесные повреждения сотрудникам»[5].

30 января очередное заседание Верховного Совета началось с информации его председателя В. Ардзинба о сложной ситуации в Гальском районе. В связи с тем, что войска Временного правительства Гру-

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 122.

[2] Газ. «Абхазия», № 6, февраль 1992 г.

[3] «Независимая газета», № 17... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-yanvarya-1992-goda

[4] Газ. «Известия», № 24… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-yanvarya-1992-goda

[5] Газ. «Абхазия», № 5, февраль 1992 г.

зии подошли к реке Ингур, гальцы (в основном мингрелы, сторонники Гамсахурдиа) обратились в ВС Абхазии с просьбой усилить охрану границ района и прислать в Гал уполномоченного представителя ВС Абхазии. Во второй половине заседания председатель ВС Абхазии проинформировал депутатов об итогах состоявшейся в перерыве встречи с представителями забастовочного комитета, созданного в поддержку Гамсахурдиа грузинской частью населения Абхазии[1].

2 февраля в Тбилиси, на площади Героев, произошло столкновение между демонстрантами, поддерживавшими свергнутого президента Грузии, и силами охраны порядка. В результате завязавшейся перестрелки погиб один и было ранено 20 человек, при этом пострадавшие были с обеих сторон[2].

В повестку дня очередного заседания сессии ВС Абхазии первым был включен вопрос о ситуации, сложившейся в республике. В. Ардзинба проинформировал депутатов ВС о положении в Гальском районе. Он отметил, что в последние дни в Сухуме представители Военного совета и нового руководства Грузии ставили перед ВС Абхазии вопрос о прекращении забастовок, разблокировании железных дорог, аэропорта и нормализации жизни в Абхазии... В. Ардзинба сказал также, что пытался мирно прекратить забастовки на территории Абхазии, но забастовочный комитет не проявил взаимопонимания[3]. Тогда руководство Абхазии во избежание обвинений новых грузинских властей в пособничестве сторонникам свергнутого президента Грузии, вынуждено было дать согласие на временный ввод на территорию Абхазии вооруженных грузинских подразделений. Перед этим воинские формирования Военного Совета Грузии, подавив сопротивление звиадистов в Мегрелии, вышли к реке Ингур, абхазо-грузинской границе. Тогда же, в ночь на 4 февраля, полк Национальной гвардии Грузии под командованием подполковника Г. Каркарашвили вошел в Абхазию и уже 6 февраля был в Сухуме. Абхазский ученый С. Лакоба обращает внимание на то, что на-

---

[1] «Независимая газета», № 20… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-31-yanvarya-1992-goda?page=0,1

[2] Газ. «Известия», № 28… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-fevralya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 23… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-6-fevralya-1992-goda

званный грузинский отряд прибыл в Сухум в то время, когда в г. Минске проходил саммит СНГ[1].

Именно в те дни в номере газеты «Свободная Грузия» была опубликована карта Грузии, в которой были обозначены 10 грузинских земель: Картли, Кахети, Имерети, Гурия, Самегрело, Рача-Лечхуми, Сванетия, Аджария, Абхазия и Тбилисский регион[2]. Это, вкупе с происходившими процессами, в особенности с введением грузинских воинских подразделений в Абхазию, не могло не настораживать. Хотя власти Грузии заявили, что подразделение введено только для того, чтобы, как и было первоначально согласовано, утихомирить звиадистов и никаких других целей не преследует, но доверять им было трудно.

Во время пресс-конференции в Сухуме и многочисленных телевыступлений Г. Каркарашвили неустанно повторял этот тезис своего руководства. Правда, за ним не наблюдалось и особого рвения в борьбе со звиадистами. Но зато грузинские гвардейцы останавливали на трассе автомашины и издевались над их владельцами и пассажирами. Депутат тогдашнего созыва ВС Абхазии С. Лакоба в связи с этим пишет: «Особенное негодование руководства и многонационального населения Абхазии вызвал факт передачи гвардейцам вооружения и нескольких единиц БМП десантно-штурмовым батальоном ВДВ России, который был размещен в Сухуме, в районе Маяка, незадолго до распада СССР. Сегодня очевидно, что все это происходило на фоне Минского саммита СНГ, и руководство России решило показать Грузии «пряник» в виде нескольких БМП»[3].

Затем Г. Каркарашвили во главе своего воинства совершил маршбросок на «Икарусах» на реку Псоу, к границе Абхазии с Россией, где было устроено «театрализованное представление»[4] с целованием «родной земли» и ритуальным питьем воды из «грузинской» реки. Э. Шеварднадзе и в 2005 г., похоже, продолжал гордиться столь «доблестным» походом и настаивал на том, что «Г. Каркарашвили со своей бригадой вошел в Сухуми, прошел всю Абхазию до Псоу, выпил воду

[1] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[2] Газ. «Абхазия», № 7, февраль 1992 г.

[3] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[4] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 17.

Псоу, и у него не возникло никаких проблем»[1]. Однако один из лидеров тогдашней грузинской депутации Верховного Совета Абхазии Н. Месхия назвал это мероприятие грузинских войск «акцией стыдного «псоупития»[2].

Кроме того, тогда было зафиксировано множество фактов мародерства, грабежей, разбоев и убийств граждан Абхазии, совершавшихся «борцами» против звиадизма. Обстановка была дестабилизирована, хрупкий мир в Абхазии был поставлен под удар. 14 февраля в обращении Верховного Совета Абхазии к Военному Совету Грузии констатировалось, что «нахождение формирований Национальной гвардии резко осложнило общественно-политическую и криминогенную обстановку в Абхазии»[3]. Пресс-служба ВС Абхазии распространила информацию о нарушениях правопорядка личным составом батальона Национальной гвардии Республики Грузия. «Среди личного состава гвардии, – говорится в заявлении пресс-службы, – фактически отсутствует какая-либо дисциплина. Значительная часть гвардейцев бесконтрольно покидает места дислокации и допускает действия, граничащие с преступлениями». Среди таких действий упоминаются угон автомобилей и грабеж магазинов[4].

Как после всего этого рассматривать сообщение С. Жидкова, который о пребывании названного грузинского подразделения пишет следующим образом: «Каркарашвили сделал все, чтобы пребывание грузинской гвардии в Абхазии не обернулось никакими эксцессами, то есть постарался предотвратить перерастание торжества победы в беспредел. Выступление спокойного, интеллигентного молодого грузинского военачальника по Сухумскому телевидению, скорее, успокоило тех, кто опасался посягательства на права абхазов»[5]. Даже Т. Китовани, бывший тогда министром обороны Грузии, позже прокомментировал пребывание подразделений Национальной гвардии Грузии в Абхазии следующим образом: «Они взяли машины, грабили – нам известно

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 400.

[2] Там же. С. 42.

[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 133.

[4] «Независимая газета», № 31… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-15-fevralya-1992-goda?page=0,1

[5] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

было это все. Поэтому мы вывели их оттуда всех»[1]. В другом месте своего интервью он дал следующую характеристику борцу против звиадизма: «Каркарашвили всегда был сержантом и им остался. Он никогда политиком не был, он и военным не был. Он не был в Афганистане. Я его сделал человеком, вытащил его из криминального общества. Он учился в артиллерийском училище и то не закончил»[2]. После многочисленных настоятельных требований Верховного Совета и общественности подразделение Национальной гвардии Грузии 17 февраля было выведено с территории Абхазии.

На уже названной сессии Верховного Совета Абхазии 14 февраля также обсуждались вопросы об изменении названия республики и государственной символике, «О земле», «О собственности», «О предпринимательской деятельности». Эти вопросы вызвали оживленную дискуссию, которая не привела к соглашению. Было решено отправить законопроекты на доработку в постоянные комиссии парламента. Было дано поручение правовой комиссии ВС, МВД, прокуратуре и службе госбезопасности до 18 февраля представить ВС положение о введении особого поведения граждан, применения которого требовала криминогенная ситуация в республике[3].

21 февраля Военный Совет Грузии принял Декларацию, в которой признавал «неизменными международно-правовые акты и верховенство Конституции Демократической Республики Грузия от 21 февраля 1921 года». Было заявлено, что выборы Парламента Грузии будут проведены не позже осени 1992 г.[4]. 24 февраля в штабе Национальной гвардии состоялось собрание представителей военизированных организаций, однако на него явились лишь командиры подразделений Национальной гвардии, подчиняющихся непосредственно Т. Китовани. На этом собрании было объявлено, что командующим Национальной гвардией назначается Г. Каркарашвили, а Т. Китовани, будучи заместителем премьер-министра, становился куратором всех вооруженных сил Грузии[5].

---

[1] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[2] Там же.

[3] Газ. «Абхазия, № 7, февраль 1992 г.

[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 65.

[5] «Независимая газета», № 39… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-27-fevralya-1992-goda

25 февраля Президиум ВС Абхазии принял постановление о переподчинении военных комиссариатов Абхазии Совету по координации деятельности и переподчинения воинских и милицейских частей при Председателе ВС Абхазии[1]. В соответствии с этим решением Совету Министров совместно с Советом по координации поручалось определить порядок дальнейшего функционирования Военных комиссариатов[2] Абхазии. 27 февраля Совет Министров во исполнение постановления Президиума ВС РА принял решение о реорганизации комиссариатов в военно-мобилизационные управления. Координация их деятельности на республиканском уровне возлагалась на Военно-мобилизационное управление Абхазии, начальником которого был назначен полковник С. Дбар[3].

Тем временем, общественно-политическая ситуация в республиках, вошедших в состав КГНК, и особенно в рассматриваемое время в Абхазии, диктовала необходимость выработки механизмов защиты республик и народов конфедерации. Этот вопрос планировалось обсудить в Сухуме, на заседании парламента КГНК[4]. Тогда же Президент КГНК Ю. Шанибов и Председатель парламента КГНК Ю. Сосламбеков обратились к Т. Сигуа с предупреждением, что в случае повторного ввода войск в Абхазию парламент и президентский совет объявят всеобщую мобилизацию и направят в Абхазию воинские формирования[5].

В связи с обострившейся общественно-политической и криминогенной обстановкой, в интересах обеспечения безопасности граждан и восстановления законности и правопорядка ВС РА ввел со 2 марта особый режим поведения граждан на всей территории Абхазии. В целях реализации особого режима было запрещено движение автотранспорта и передвижение граждан с 23. 00 до 6. 00 часов. Было также запреще-

---

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 133.

[2] Согласно директиве Командующего ЗакВО, изданной ранее, с 1 марта 1992 г. военные комиссариаты передавались в ведение бывших республик СССР. Именно поэтому Абхазия приняла решение подчинить себе военные комиссариаты, расположенные на ее территории, и не случайно, что датой вступления в силу означенного постановления Президиума ВС РА, в самом документе было обозначено именно 1 марта 1992 г.

[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. Боевые действия. Сухум, 2010. С. 31.

[4] Газ. «Абхазия», № 9, март 1992 г.

[5] Газ. «Абхазия», № 10, март 1992 г.

но проведение демонстраций, уличных шествий, забастовок[1]. 5 и 6 марта Верховный Совет утвердил новую структуру органов государственного управления Абхазии. Было создано 11 министерств: внутренних дел, здравоохранения, образования и культуры, торговли, промышленности, сельского хозяйства и продовольствия, юстиции, труда и социальной защиты, финансов, экономики, энергетики, транспорта и связи; и 13 госкомитетов и управлений: КГБ, госкомитет по управлению государственным имуществом и приватизации, госкомитет по курортам и туризму, госкомитет по окружающей среде, архивное управление, абхазская республиканская таможня, госкомитет по строительству и архитектуре, госкомитет по статистике, управление по охране памятников истории и культуры, абхазское управление по геологии и геодезии, госкомитет по внешнеэкономическим связям, госкомитет леса, Госкомспорт[2]. 6 марта временно, до принятия закона о местном самоуправлении, было введено положение «О главах администраций»[3].

Между тем, заканчивался третий месяц, как студенты и преподаватели ГИСХа и Сухумского филиала ТГУ прекратили занятия и проводили акцию неповиновения новым властям Грузии. Часть профессорско-преподавательского состава осознала бессмысленность и бесперспективность ее проведения. Однако состоявшееся тогда собрание преподавателей и студентов грузинских вузов осудило тех, кто предлагал возобновить учебный процесс, и решило не возобновлять занятия и продолжить акцию неповиновения с требованием возвращения З. Гамсахурдиа в качестве президента[4].

С приходом к власти Э. Шеварднадзе взаимоотношения между Грузией и Абхазией приобрели тенденцию к еще большему обострению. И уже 11 марта, на следующий день после создания в Грузии Госсовета, в Сухуме был создан Прогрессивно-Демократический Союз Абхазии (ПДСА). Председателем этой организации стал А. Ломинашвили[5], кото-

[1] Газ. «Абхазия», № 9, март 1992 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 10, март 1992 г.
[3] Газ. «Абхазия», № 13, 2-10 апреля 1992 г.
[4] Газ. «Абхазия», № 12, март 1992 г.
[5] Однако шовинистического запала у А. Ломинашвили, судя по всему, хватило не надолго, и он вскоре охладел к своей новой ипостаси и уехал из Абхазии. В интервью Т. Надарейшвили от 13 мая 1993 г., где он перечислял людей, которые вместе с ним начинали борьбу с абхазами, но потом отказались от этого, упомянул и имя Ломинашвили.

рый занимал должность заместителя министра внутренних дел Абхазии. По свидетельству З. Папаскири, который на съезде выступил с докладом, А. Ломинашвили было предложено оставить свою должность в МВД[1]. На съезде ПДСА также прозвучало требование самороспуска Верховного Совета и проведение досрочных выборов. Целью нового политического образования было объявлено преодоление противоречий среди грузинских организаций, существовавших в Абхазии, и их консолидация для борьбы с «абхазским сепаратизмом».

Н. Месхия, имея в виду создание названной организации, пишет: «Общественность знает, кто отличался особой активностью в этой борьбе (за должности. – **А. А**.), но тем не менее следует отметить учрежденную министром ВД Г. Ломинадзе и его первым замом А. Ломинашвили аналогичной созданной в Москве (Э. Шеварднадзе, А. Яковлевым и Г. Поповым), т. н. прогрессивно-демократическую партию, которая оказалась недолговечной, но для того времени она считалась прогрессивной, поскольку состояла в основном из бывших партократов, советских чиновников и представителей близких к ним прослоек общества. Но эта партия не оправдала надежд и вскоре распалась. Теперь ее члены объединяются с экстремистской и откровенно антиабхазски настроенной группировкой и создают т. н. Совет национального единства в Абхазии. К ним позже присоединяется небольшая группа депутатов ВС во главе с Т. Надарейшвили»[2]. Сам Г. Ломинадзе уже спустя время говорил: «Я много раз обращался в официальный Тбилиси, чтобы они нашли общий язык с Абхазией. В связи с этим я предложил конкретные схемы Совету Министров того времени, КГБ и МВД Грузии. Если кто и кричал, что в Абхазии начнется война, это был я. Но кому было дело до Абхазии, если здесь (в Тбилиси. – **А. А**.) друг друга из-за кресел грызли. Если кто-то хотел завоевать дешевые очки, то только тогда вспоминал об Абхазии»[3]. Тем не менее, именно он тогда во многом способствовал, чтобы эта самая «война» в Абхазии, о которой он «кричал», началась. Он выступил инициатором создания названного движения. При этом нужно сказать, что Г. Ломинадзе с самого начала был сторонником новых властей Грузии. И неслучайно эта его инициатива по времени совпала с

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2009. С. 400.
[2] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 45-46.
[3] Газ. «Республики Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

приходом к власти Шеварднадзе. Следовательно, это движение было призвано бороться не только с абхазами, но и со сторонниками З. Гамсахурдиа в Абхазии. Кстати, на съезде ПДСА присутствовали и сторонники З. Гамсахурдиа, и их требования осудить «тбилисскую хунту» не получили поддержки.

Уже вечером 12 марта мингрелы взяли в плен командующего Национальной гвардией Г. Каркарашвили[1]. В ночь на 17 марта в Зугдиди завершились переговоры между Комитетом гражданского неповиновения, выражавшего интересы сторонников Гамсахурдиа (руководитель В. Шургая), и прибывшей из Тбилиси делегацией представителей Госсовета во главе с председателем Народного фронта Грузии Н. Нататадзе. В результате переговоров было подписано соглашение, согласно которому всем участникам акции гражданского неповиновения гарантировалась личная неприкосновенность, за исключением тех лиц, чьи преступления выходили за рамки международных норм ведения военных действий[2]. Однако уже 20 марта Комитет односторонне расторг достигнутое соглашение. Некоторые парламентарии считали эти события в Зугдиди «реакцией мегрелов на приезд в Грузию Э. Шеварднадзе»[3].

Вместе с тем не прекращались многочисленные митинги, шествия и демонстрации по улицам городов и районов Абхазии, участники которых, чувствуя за спиной поддержку из Тбилиси, не стеснялись открытых угроз физического уничтожения абхазов. Ситуация накалялась с каждым часом, опасения абхазского народа за свое будущее получили реальные очертания, на повестку дня был поставлен вопрос о выживании абхазского этноса. Происходили эти процессы с молчаливого согласия мирового сообщества. По справедливому замечанию С. Лакоба, во всем этом нашла свое яркое воплощение политика «двойных стандартов» «со стороны ведущих западных стран и России»[4]. Проявлением подобной политики следует считать и принятие 24 марта Грузии в СБСЕ. 25 марта в Тбилиси, как бы «доказывая» свою приверженность провозглашенным ценностям, новые власти Грузии расстреляли очередной

[1] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[2] «Независимая газета», № 53… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-marta-1992-goda

[3] Газ. «Московские новости», № 12… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-marta-1992-goda

[4] Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 19.

митинг сторонников З. Гамсахурдиа, а дом свергнутого президента был сожжен. В ответ на это Мегрелия начала восстание, и к 28 марта мингрельские сторонники Гамсахурдиа в течение нескольких дней заняли города Зугдиди, Сенаки, Хоби, Абаша и Поти и восстановили в правах прежних префектов. Тогда правительство Грузии 28 марта объявило мобилизацию офицерского состава Министерства обороны, бойцов и резервистов Национальной гвардии и «Мхедриони» и двинуло двухтысячное войско на запад страны, а на следующий день выставило ультиматум восставшим: оружие сдать в 24 часа и снять блокаду автомагистрали и железной дороги. По истечении указанного срока по ТВ выступил Т. Китовани, который пригрозил вводом правительственных войск в Мегрелию и другие мятежные районы Грузии. Утром 3 апреля правительственные войска перешли реку Цхенискали и двинулись на Западную Грузию. Благодаря тому, что накануне наступления основные силы звиадистов в количестве 300 человек перешли на сторону правительства, войска уже к вечеру освободили без единой жертвы все занятые мятежниками города. При взятии Поти 70 звиадистов на захваченных катерах попытались уплыть в Турцию, но были задержаны пограничниками[1].

Между тем, 3 апреля, захватив и основательно разграбив Мегрелию, войска Госсовета Грузии подошли к границе Абхазии. В тот же день состоялось очередное заседание сессии Верховного Совета Абхазии, на котором планировалось обсудить повестку дня из 8 вопросов. Депутаты утвердили глав администраций Гальского, Сухумского районов и г. Ткуарчал – Р. Цатава, Т. Каландия и Р. Ласурия. Затем после информации В. Ардзинба о событиях в Западной Грузии и складывающейся обстановке в связи с продвижением вооруженных формирований Госсовета в сторону Абхазии заседание было прервано. Вечером того же дня абхазское ополчение встало на границе на р. Ингур, заминировало мост и преградило путь грузинским войскам. Противостояние достигло высочайшего накала, за чертой которого маячила война. Руководство Абхазии потребовало от Грузии отвести свои войска от границы.

Еще в первой половине дня на сессии перед завершением ее работы была создана депутатская группа для переговоров и выяснения

[1] http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=0d4adf56-64b6-479c-a2fd-e8b2479db258&docsid=398.

обстановки[1]. Н. Месхия в своих воспоминаниях говорит, что В. Ардзинба объявил состав делегации, которая должна была выехать в Зугдиди на переговоры с командованием армии Госсовета. В ее состав вошли: С. Багапш, А. Анкваб, Д. Пилия, З. Лабахуа, В. Колбая, К. Джачвилиани и Н. Месхия. В Гале к делегации должен бы присоединиться глава Администрации приграничного района Абхазии Р. Цатава[2]. Далее Н. Месхия рассказывает, что сначала он решил не ехать в Зугдиди и даже сказал об этом В. Ардзинба, и потом зашел в кабинет Надарейшвили, чтобы то же самое сказать и ему. Однако как только Месхия зашел к Надарейшвили тот сразу отвел его в сторону и сказал: «Шалвович, поезжайте в Зугдиди и сделайте все, чтобы танки пришли!». На это Месхия ответил: «Поеду и сделаю все, чтобы танки не пришли!»[3].

Сами переговоры, происходившие уже поздно вечером в Зугдиди, шли очень трудно. По свидетельству их участника Н. Месхия, они заходили в тупик: З. Лабахуа говорил, что без разрешения абхазов нельзя переходить Ингур, ему отвечали, что Абхазия – это Грузия и переходить ее границу можно и решение об этом не обязательно согласовывать с абхазами. Никто из абхазов – членов делегации – кроме З. Лабахуа, в разговор не вмешивался. Тогда Н. Месхия выступил в резкой форме против ввода войск. «В это время, – пишет Месхия, – в разговор включился генерал Г. Ланчава и говорит: «Не знаю, что происходит, полчаса назад убивался один грузин – быстрее в Абхазию. Теперь второй категорически против перехода в Абхазию». Одним грузином, который «убивался скорее в Абхазию», был заместитель министра ВД Абхазии А. Ломинашвили, т. к. он встретился с делегацией, когда она переходила мост через Ингур и шла на переговоры в Зугдиди, тогда он уже шел обратно[4]. Затем Ланчава, обращаясь к Датуашвили, сказал: «Доложим Тенгизу (непонятно кого – Китовани или Сигуа – он имел в виду), и пусть он решает». На следующий день абхазская делегация вылетела в Тбилиси и встретилась с руководством Госсовета Грузии[5].

4 апреля состоялся III съезд Народного форума Абхазии, в работе которого приняло участие 192 делегата. Открыл работу форума С. Шам-

[1] Газ. «Абхазия», № 14, 10-17 апреля 1992 г.
[2] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 57.
[3] Там же. С. 57.
[4] Там же. С. 59.
[5] Там же. С. 60.

ба, затем выступил председатель ревизионной комиссии В. Нартоков. Доклад по новым программе и Уставу сделал З. Ачба, которые были одобрены[1]. Съезд также принял обращение к парламентам и народам мира, в котором говорилось: «Правительства Грузии приходят и уходят, а политика в отношении Абхазии остается традиционно имперской и жесткой. Однако вступление в СБСЕ налагает на нее целый ряд обязательств в области соблюдения прав человека и народов. Мы обращаемся к мировому сообществу с призывом оказать содействие в решении проблем Абхазии мирным путем»[2].

Президент МЧА Ю. Калмыков обратился к Э. Шеварднадзе с призывом проявить мудрость и благоразумие и не допустить военного вторжения в пределы Абхазии. В этом документе было сказано: «МЧА обращается к Вам с просьбой не вводить войска Грузии на территорию Абхазии. Такая акция может серьезно осложнить отношения с тремя черкесскими республиками Северного Кавказа, которые не могут оставаться безучастными к судьбе Абхазии»[3]. Тогда же в связи с обострением ситуации на границе с Грузией в Сухум прибыла делегация КГНК во главе с Ю. Шанибовым, который заявил, что «наводить порядок в Абхазии должны силы самой Абхазии». Он также заметил, что Шеварднадзе и Сигуа «должны еще раз продумать, к чему может привести вторжение войск на территорию Абхазии»[4]. Позже Шанибов, вспоминая эти события, писал: «МЧА шлет телеграмму Э. Шеварднадзе с предупреждением воздержаться от военного нападения на Абхазию. Президент КГНК с председателем Комитета самообороны КГНК срочно выезжают в Сухум. Вслед за ними в Абхазию едут первые добровольцы. Президент КГНК по Абхазскому телевидению обращается к Грузии: «Не переходите реку Ингур. Если вы это сделаете, пройдете войной наш Рубикон, то начинаете войну против объединенного Кавказа»[5].

Конфедерация горских народов Кавказа тогда заявила о том, что в случае, если Абхазия подвергнется агрессии со стороны Грузии, то КГНК выступит на защиту абхазского народа и его государственности. Накануне во Владикавказе на шестой сессии парламента Конфедера-

[1] Газ. «Абхазия», № 14, 10-17 апреля 1992 г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 30.

ции горских народов Кавказа было принято положение о вооруженных силах Конфедерации. Вооруженные силы КГНК создавались для обеспечения государственного суверенитета Конфедерации, мирного разрешения межнациональных проблем, охраны прав и свободы граждан. Они должны были состоять из мотострелковых, танковых, артиллерийских подразделений, подразделений ВВС и ПВО, сформированных в республиках Северного Кавказа[1]. Тогда в Абхазию в подтверждение заявлений о поддержке абхазов прибыл батальон из воинских формирований КГНК, что, по всей видимости, способствовало некоторому охлаждению воинствующего пыла «борцов» за «территориальную целостность» Грузии.

На фоне усугублявшейся ситуации еще 31 марта Президиум ВС Абхазии принял постановление о призыве в апреле – июле 1992 г. на действительную военную службу в Полк внутренних войск РА граждан призывного возраста[2]. О ситуации, которая тогда сложилась на границе Абхазии с Грузией, рассказал в интервью прессе заместитель председателя Совета по координации деятельности войсковых частей Л. Гогжян. Тогда от отмечал: «Имеет место противостояние вооруженных сил. Когда войска стоят друг против друга, может сложиться непредсказуемая ситуация. О напряженности обстановки свидетельствует тот факт, что каждая из сторон активизировала создание фортификационных сооружений и укрепительных объектов. Это уже признаки готовности к началу вооруженных действий»[3].

5 апреля между грузинскими и абхазскими воинскими формированиями произошли боевые столкновения, в результате которых погиб военнослужащий ОПВВ Д. Агрба. Верховный Совет и Совет Министров Абхазии выразили соболезнование родным и близким погибшего[4]. З. Папаскири, не замечая налета кощунственности своего замечания, пишет, что «погибший абхазский парень был объявлен чуть ли не национальным героем, совершившим настоящий подвиг при охране «государственной границы своей «родины»[5]. Подчеркнем, что слово родина он

[1] «Российская газета», № 67… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-23-marta-1992-goda?page=0,1

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 134.

[3] Газ. «Абхазия», № 14, 10-17 апреля 1992 г.

[4] Там же.

[5] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 403.

берет в кавычки. Однако нужно отметить, что в отличие от З. Папаскири, для Д. Агрба Абхазия являлась и является (ибо герои не умирают) родиной без кавычек. По мнению военного историка В. Пачулия, именно «активность, проявленная бойцами и командирами ОПВВ, а также резервистов, приостановила намерение грузинского руководства оккупировать Абхазию в начале апреля 1992 г., когда грузинские войска были развернуты вдоль реки Ингур». Затем противостоящие войска от Ингура были отодвинуты на 1500 м[1]. По мнению Ю. Шанибова, Шеварднадзе отвел свои войска от границ Абхазии «только по той причине, что вести войну на два фронта – в Южной Осетии и еще в Абхазии – он не рискнул»[2].

Интересно будет проиллюстрировать мнение авторов «Системной истории…», которые, анализируя названные события, пишут: «Против сторонников З. Гамсахурдиа начались репрессии, в том числе в Мегрелии. Мегрелы, только что бывшие противниками Конфедерации и Абхазии, которую та поддерживала, оказались в ситуации, когда они были вынуждены просить у конфедератов помощи против правительственных войск, направленных в Западную Грузию из Тбилиси. Было ясно, что войска имеют приказ уничтожить и сопротивление звиадистов, и самостоятельность Абхазии. На время возникла непрочная коалиция сторонников З.Гамсахурдиа в Мегрелии, чеченских отрядов и абхазов против сил центрального грузинского правительства»[3]. Сказано, как принято говорить теперь в Грузии. Но присутствует одна существенная разница. Источник далее продолжает: «Но руководство Абхазии понимало недолговечность блока с боевиками З.Гамсахурдиа и Д.Дудаева. Не полагаясь на союз с ними, В. Ардзинба стал искать соглашения с Россией»[4]. Данное умозаключение нуждается, на мой взгляд, в некоторых комментариях.

Во-первых, Абхазия никогда не заключала блока с боевиками З. Гамсахурдиа – это неправда. Более того, здесь необходимо рассматривать Дудаева и Гамсахурдиа отдельно друг от друга, поскольку в Абхазии к этим двум политикам относились диаметрально противоположно. В

[1] Газ. «Абхазия», № 15, 16-24 апреля 1992 г.
[2] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 30.
[3] http://www.abkhaziya.org/books/system_history.html.
[4] Там же.

Абхазии не были столь наивны, чтобы не понимать того, что стояло за антишеварднадзевскими заявлениями З. Гамсахурдиа, который всего лишь за несколько месяцев до этого хотел выселить абхазов с «грузинской земли». Так что его заявления о союзничестве с абхазами, по крайней мере, были несерьезны. Во всяком случае, в Абхазии их серьезно никто не воспринимал. Что касается блока Абхазии с Дудаевым или с Чечней, то абхазы рассматривали это как часть своей общей политики, направленной на сближение с этнически родственными народами Северного Кавказа, которое осуществлялось в рамках КГНК. Поэтому говорить о блоке Абхазии отдельно с Дудаевым и рассматривать этот процесс в отрыве от общекавказских интеграционных процессов ошибочно и неверно. Здесь же оговорюсь, что все сказанное не означает, что Дудаев не мог иметь политических и иных интересов, отличных от интересов Абхазии, в том числе относительно Гамсахурдиа, а может, и Грузии, но опять-таки это не дает оснований для разговоров о стремлении Абхазии, пусть даже к недолговечному союзу с Гамсахурдиа вкупе с Дудаевым. Дудаев вел свою, отличную от всех политику и стремился к воплощению своих собственных интересов на Кавказе, и рассматривать его только как союзника Гамсахурдиа в этих процессах в корне не верно.

Во-вторых, что касается того, что Ардзинба стал искать соглашения с Россией. Тогда, при сложившихся условиях, подобная постановка вопроса казалась невозможной, во всяком случае перед официальными руководителями России. Как подчеркивается в самой «Системной истории….», «российское руководство было радо свержению режима З. Гамсахурдиа» и демонстрировало всяческую поддержку новому руководителю Грузии Э. Шеварднадзе, который к тому же рассматривался Москвой, и не без основания, «своим политиком». Другое дело, он впоследствии не оправдал или не сумел оправдать этого доверия. Но это было потом, а в рассматриваемое время, понимая безуспешность попыток сближения с Россией, на фоне осложнения своих отношений с Грузией, Абхазия занималась решением внутренних политико-экономических проблем и по мере собственных возможностей укреплением своей обороноспособности.

Э. Шеварднадзе, комментируя сложившуюся тогда ситуацию, сообщал: «У нас были контакты пока только по телефону. Условились о личной встрече, но нам надо серьезно подготовиться к ней. Я хорошо знаю

специфику этого региона, там сложнейшие проблемы, они не сегодня возникли, существуют давно. И все же мы находили пути их разрешения даже в условиях, как мы теперь говорим, тоталитаризма»[1]. Видимо, возможная личная встреча руководителей Абхазии и Грузии была одной из тем, обсуждавшихся 7 апреля в Сухуме на встрече В. Ардзинба с грузинской делегацией (Ланчава и заместитель министра госбезопасности Чхеидзе), в ходе которой был достигнут компромисс: Тбилиси не вводил войска в Абхазию, а абхазское руководство обязывалось обеспечить бесперебойную работу транспортных магистралей и прекратить продолжавшиеся в Сухуме митинги звиадистов[2].

10 апреля вступило в действие решение о запрете проведения несанкционированных митингов и демонстраций на площадях и улицах Сухума. Подступы к излюбленному месту грузинских манифестантов – площади Конституции – были перекрыты автомашинами и абхазскими гвардейцами. Грузины очень были недовольны этим, готовили петиции в Верховный Совет Абхазии и ругали абхазов, тем не менее, сидячую забастовку у театра К. Гамсахурдиа вынуждены были прекратить[3]. Однако вскоре они нашли другое место для своих акций. 19 апреля у Сухумского Кафедрального собора объявил голодовку член правления Абхазской региональной организации Хельсинкского Союза Грузии З. Кварацхелия, к которому присоединились 5 человек. Главное требование – отставка Госсовета во главе с Э. Шеварднадзе и возвращение З. Гамсахурдиа[4]. С тех пор площадь около Кафедрального Собора и здание самого Собора стали местом регулярных собраний и митингов сторонников З. Гамсахурдиа.

Между тем, 10 апреля сессия ВС Абхазии продолжила свою работу, грузинская депутация на заседание не явилась. Присутствовавшие депутаты назначили И. Гургулиа главой Администрации Очамчирского района и приняли дополнение к положению об особом режиме поведения граждан[5]. На этом заседании для разработки проекта новой Конституции Республики Абхазия постановлением ВС была создана

[1] Газ. «Известия», № 82… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-6-aprelya-1992-goda

[2] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[3] Газ. «Абхазия», № 15, 16-24 апреля 1992 г.

[4] Газ. «Абхазия», № 16, 24 апреля-1 мая1992 г.

[5] Газ. «Абхазия», № 15, 16-24 апреля 1992 г.

Конституционная комиссия. В нее вошли: Председатель – В. Ардзинба, заместитель председателя – А. Тополян, секретарь – Ю. Квициния, члены комиссии – Э. Авидзба, А. Анкваб, Э. Арзиани, А. Аршба, Ш. Аршба, З. Ачба, Д. Барганджия, О. Бенидзе, Ю. Воронов, Д. Гамахария, М. Гамзардия, Л. Горизонтова, А. Джергения, И. Зелилов, А. Какуев, В. Кецба, В. Колбая, Г. Колбая, Г. Коява, С. Лакоба. Г. Ломинадзе, Т. Лордкипанидзе, Н. Месхия, Г. Мхитария, Т. Надарейшвили, К. Озган, М. Пацация, М. Пация, Б. Сагария, А. Ткебучава, Т. Шенгелия, Г. Яремко[1]. На сессии также планировалось рассмотреть вопрос формирования правительства, но из-за отсутствия кворума этот вопрос был отложен.

13 апреля в Сухум прибыл и провел переговоры с абхазским руководством новый министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе[2]. Но его визит не был в состоянии содействовать улучшению ситуации, и она продолжала накаляться. Следующее заседание Верховного Совета Абхазии было назначено на 17 апреля, но из-за того, что грузинская депутация поехала за консультациями в Тбилиси, она и на этот раз была перенесена. Совместная работа грузинской и абхазской депутации в Верховном Совете не получалась в силу различных видений стоящих перед Парламентом задач. Несмотря на то, что сама грузинская депутация была расколота на сторонников и противников свергнутого Президента Грузии, по проблемам взаимоотношений Абхазии и Грузии она выступала, на первый взгляд, консолидированно. Однако грузинскую фракцию раздирали внутренние противоречия, обусловленные не только отношением к новым властям Грузии, но и разными подходами к решению абхазской проблемы. Один из влиятельных членов грузинской депутации того созыва Верховного Совета Абхазии Н. Месхия вспоминает: «Среди депутатов не было единства. Не сложилась целеустремленная и согласованная деятельность ни в комиссиях, ни в Президиуме Парламента, в чем в основном повинен «лидер» грузинской депутатской фракции Т. Надарейшвили. Он сделал все для того, чтобы разделить деятельность депутатской фракции с тем, чтобы потом распустить ее… Госсовет хотел этого! В Грузии к тому времени единственным легитимным органом был ВС Абхазии… Именно это не устраивало, было не на руку Госсовету и приближенным ему силам… Именно этим были обу-

[1] http://www.rrc.ge/law/dadg1_1992_04_10_R.htm?lawid=1578&lng_3=.
[2] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

словлены преследования и дискредитация депутатов «Советом национального единства» и постоянные побеги грузинских депутатов из зала заседаний Президиума и сессии Верховного Совета»[1]. Однако несмотря на то, что не все депутаты грузинской фракции были согласны с этим, средством выражения позиции названной депутации оставался демонстративный уход с заседаний Верховного Совета.

20 апреля наконец-то состоялась сессия ВС Абхазии. На этот раз грузинская депутация, хотя с опозданием на час, но все же явилась. В. Ардзинба пояснил, что это было связано с совещанием грузинской делегации по вопросу назначения главы администрации Гульрипшского района. Сессия приняла заявления Цатава и Каландия о сложении депутатских полномочий в связи с их назначением главами администраций Гальского и Сухумского районов[2].

29 апреля в Сухуме состоялся съезд сторонников З. Гамсахурдиа, на котором с докладом выступил депутат ВС Абхазии Дж. Гамахария. В ответ на это 14 грузинских общественно-политических организаций, функционировавших в Абхазии, выступили с совместным заявлением, где обвинили сторонников З. Гамсахурдиа «в альянсе с сепаратистами». В этом документе было сказано: «Сегодня уже стало ясно, кто мутит воду в Абхазии: те, кто призывает к общегрузинской консолидации, или те, кто выдвигает лозунг об организации «единого абхазо-грузинского фронта» на Энгури»[3]. Правда, о том, что кто же все-таки «мутит воду», можно было догадаться только по контексту заявления: тот, кто «в альянсе с сепаратистами», тот и мутил воду.

Между тем продолжала «мутить воду» грузинская депутация Верховного Совета Абхазии, которая опять не явилась на заседание сессии Парламента 4 мая. На сессии выступил В. Ардзинба, который напомнил депутатам, что с января текущего года не удается сформировать правительство. Оно, по его мнению, в сложный кризисный период могло взять на себя ответственность за решение экономических и социальных проблем. Председатель Парламента отметил, что со стороны определенных кругов Грузии ведется согласованная деятельность по дестабилизации обстановки, направленная против

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 48, 49.
[2] Газ. «Абхазия», № 16, 24 апреля-1 мая 1992 г.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 404.

руководства Абхазии, а грузинская депутация пытается парализовать деятельность ВС. Несмотря на это, В. Ардзинба призвал двигаться вперед и решать назревшие вопросы. Это заявление, по всей видимости, возымело действие. Грузинской депутации, действовавшей по принципу «чем хуже, тем лучше», стало ясно, что Верховный Совет и без нее может приступить к формированию правительства. Главная интрига состояла в том, что по «джентльменскому соглашению» Председателем Совета Министров Абхазии должен был быть избран представитель грузинской национальности. Проигнорировать участие в решении столь значимого вопроса грузинская депутация не могла. Она рассчитывала, что именно ее кандидат должен был быть назначен на эту одну из самых ключевых должностей в управленческой иерархии тогдашней Абхазии. Кроме того, назначение на эту должность лица грузинской национальности на сессии, в которой отсутствовала бы грузинская депутация, могло привести к усугублению внутренних противоречий в и так расколотом грузинском национальном движении Абхазии.

Думается, этими мотивами не в последнюю очередь было продиктовано участие грузинской депутации в работе сессии ВС Абхазии, состоявшейся 5 мая. Это подтверждает и депутат грузинский фракции Н. Месхия, который, вспоминая о ситуации тех дней, пишет: «С учетом того, что председателем Совета Министров должен был быть человек грузинской национальности, этот орган, тем самым, стал бы в известной мере альтернативным органом Верховному Совету, и многие вопросы могли быть, так сказать отрегулированы бескровно… Но для этого нужен был человек, который хотел и мог вести конструктивный диалог с абхазской стороной… Такие люди были в Абхазии, но они не устраивали лидеров-экстремистов из т. н. Совета национального единства в Абхазии. Такие люди не устраивали и официальный Тбилиси. Им нужен был политик-экстремист, а это не устраивало абхазскую сторону»[1]. Как видно, сама грузинская депутация не могла определиться с согласованной кандидатурой на названную должность. Л. Кикнадзе причиной этого считает то, что «желающих на эту должность появилось очень много», при этом говорит, что «их лоббировали разные группировки из окружения

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 53.

3. Гамсахурдиа»[1]. Между тем, к этому времени сторонники Гамсахурдиа не оказывали влияние на принимаемые решения в Тбилиси, а названный вопрос решался именно в грузинской столице. В результате всего этого события вокруг выдвижения кандидатуры Председателя Совета Министров Абхазии развивались подобно фильму с плохо отредактированным сценарием.

За день до сессии Т. Надарейшвили позвонил Н. Месхия и сказал, что едет в Тбилиси, чтобы утвердить кандидатуру последнего на пост Председателя Совета Министров и попросил, чтобы без его звонка из Тбилиси грузинская фракция не шла на сессию[2]. Парадоксальность ситуации состояла в том, что Н. Месхия уже отказывался от выдвижения своей кандидатуры, а Т. Надарейшвили, поехав в Тбилиси, добился того, чтобы оттуда на пост Председателя Совета Министров Абхазии предложили кандидатуру Г. Ломинадзе. Н. Месхия считает, что «выдвижение на пост председателя Ломинадзе с самого начала было обречено на провал», но это нужно было Т. Надарейшвили, так как «он знал, что она провалится, и при этом появлялась некоторая перспектива для него самого»[3].

В повестке дня того, ставшего историческим, заседания сессии значилось 7 пунктов, но главным, как уже говорилось, являлся вопрос формирования правительства. Депутаты утвердили кандидатуру Д. Гвадзабия на должность главы Администрации Гульрипшского района. Затем по просьбе грузинской депутации был объявлен перерыв, который ей понадобился для согласования кандидатуры на должность Председателя Совета Министров. О последовавших за этим событиях рассказывает Н. Месхия: «В кабинет Т. Надарейшвили, где находились все, входит помощник Председателя ВС А. Барганджия и просит меня к В. Ардзинба. Я встаю и иду к нему. В. Ардзинба перед кабинетом Т. Надарейшвили стоит один в коридоре, прислонившись к окну, без охраны и ждет меня. Я подошел к нему и спросил: «Что случилось?». «Рухнули наши планы. Госсовет предлагает другую кандидатуру. Звонил Д. Иоселиани и предложил кандидатуру Ломинадзе». Тогда же В. Ардзинба делает контрпредложение: «Может, заменим все это и проведем ту кандида-

[1] Кикнадзе Л. Абхазский сепаратизм зародился в лабиринтах КГБ // http://www.expertclub.ge/portal/cnid__6193/alias__Expertclub/lang__ru/tabid__2546/default.aspx

[2] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 91.

[3] Там же.

туру, которую мы с вами и с Озганом обсуждали?». Имелась в виду кандидатура Р. Сичинава, которая рассматривалась на конфиденциальных встречах представителей фракций. В связи с таким развитием событий, которое для него оказалось неожиданным, Н. Месхия начал разыскивать Г. Ломинадзе, но он в то время был в кабинете председателя государственной безопасности Абхазии и ждал звонка из Тбилиси. Месхия удалось добиться того, чтобы возобновление сессии задержали еще на час. Когда в Парламент пришел Ломинадзе, Месхия сначала наедине, а затем и при всей грузинской депутации спросил у него: «Представляете ли вы что может произойти в случае провала вашей кандидатуры? Готовы ли вы к этому и берете ли вы на себя ответственность за все то, что за этим может последовать?». Г. Ломинадзе и наедине, и при всей депутации дает один и тот же ответ: «Если вы станете рядом и среди абхазов найдутся люди, которые поддержат меня». В. Колбая заявляет, что «опасно выходить с одной кандидатурой, было бы правильнее, если выйдем с 2-3 кандидатурами». К. Джачвилиани предложил наряду с Ломинадзе кандидатуры Сичинава и Колбая. Ломинадзе на это среагировал тем, что сказал: «Если станет моя кандидатура, пустите одного». После этой просьбы Колбая и Сичинава сняли свои кандидатуры – так остался один Ломинадзе.

Кандидатуру Г. Ломинадзе на должность Председателя правительства на сессии выдвинул член Президиума ВС Абхазии Э. Гвазава. Началось голосование. Это было в 11 часов вечера[1]. В голосовании приняло участие 53 депутата, из которых 18 проголосовали «за», 35 – «против». Неизбрание Г. Ломинадзе на должность председателя Совета Министров Абхазии З. Папаскири назвал «кульминацией «весеннего наступления» В. Ардзинба и его команды»[2]. Н. Месхия считает, что «если бы абхазы согласились назначить главой правительства Ломинадзе или Надарейшвили, удовлетворились бы их нездоровые амбиции, этим снялись бы многие проблемы, и не понадобились бы танки, тем самым избежали бы войны в Абхазии»[3]. Но абхазы категорически были против кандидатуры Т. Надарейшвили, так как, по словам все того же Н. Месхия, он «всячески избегал диалога с абхазской стороны, был далек от

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 93-102.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 403.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 125.

компромиссных решений и никак не воспринимал слово консенсус»[1]. В. Ардзинба после провала кандидатуры Г. Ломинадзе, объявив, что «хоть и поздняя ночь, но мы не уйдем отсюда, пока не назначим председателя», предложил кандидатуру В. Зарандия[2]. В ответ на это грузинская депутация в полном составе в очередной раз покинула зал заседаний, но в отличие от подобных демаршей, предпринимавшихся ранее, больше не возвращалась. Тогда же оставшаяся часть депутатов утвердила кандидатуру В. Зарандия на пост главы Совета Министров[3]. За него проголосовали 34 из 35 присутствовавших депутатов. Позже Г. Ломинадзе назвал В. Зарандия «предателем грузин, связанным с абхазцами»[4].

Это решение не могло пройти не замеченным в Грузии. Уже на следующий день, 6 мая, в Сухуме состоялась встреча Л. Шарашенидзе и В. Ардзинба, на которой также обсуждались взаимоотношения вооруженных формирований Абхазии и Грузии. Эти переговоры не привели к ощутимым положительным результатам. Ни к чему не привели и переговоры о возвращении грузинской депутации, более того, она все настойчивее стала требовать самороспуска Парламента Абхазии. Уход части депутатов из Верховного Совета преследовал цель парализовать его работу и вызвать всеобщую дестабилизацию обстановки в республике, т. к. к тому времени он являлся единственным институтом власти, поддерживавшим хрупкий мир в Абхазии. И целью попытки лишить его возможности полноценного функционирования, безусловно, являлось обострение противоречий и конфликтных ситуаций, направленных, в конечном итоге, на нагнетание уже имевшего место вооруженного противостояния. Это, в свою очередь, привело бы к кровопролитию, что дало бы право и возможность обвинять в происшедшем Парламент. Тем временем после ухода грузинской депутации оставшееся количество депутатов Верховного Совета не составляло квалифицированного большинства, которое было необходимо для назначения министров в правительство.

7 мая экс-президент Грузии З. Гамсахурдиа обратился к председателю Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе с открытым письмом, в котором

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 51.
[2] Там же. С. 102.
[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 135.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

выдвинул 19 обвинений против руководителя Грузии. В частности, он обвинил Шеварднадзе в организации «международного заговора, криминальной революции и военного переворота, оккупации Западной Грузии силами войск СНГ, измене Родине»[1]. Сам Э. Шеварднадзе 7 мая подписал Постановление «О решении комплексных проблем по формированию и функционированию пограничной зоны Автономной Республики Абхазия»[2]. По этому документу земли, расположенные в 21-километровой пограничной зоне, переводились в государственный фонд, управление которым передавалось Министерству обороны Грузии[3]. Учитывая, что почти все города и населенные пункты Абхазии расположены на прибрежной пограничной полосе меньшей, чем 21-километровая зона, то фактически вся ее населенная часть выводилась из-под юрисдикции абхазских властей. Другими словами, воплощение этого решения означало бы превращение всей республики в «абхазскую резервацию» под военно-политической юрисдикцией Грузии. Но абхазы не желали превращения своей страны в резервацию, и по мере возможности противились этому. Грубым попранием Конституции Абхазии и территориальной целостности республики назвал постановление Госсовета Грузии о создании 21-километровой пограничной зоны председатель ВС Абхазии В. Ардзинба. Лидер Абхазии подчеркнул, что такая ситуация осложняет возможность заключить соглашение между Абхазией и Грузией[4]. На фоне этого 7 мая Грузия объявила призыв граждан республики на действительную военную службу, а 11 мая – параллельно производился призыв военнообязанных, состоящих в запасе, на 2-месячные сборы, которые проходили в Гульрипшском районе и в Сухуме[5].

---

[1] Газ. «Известия», № 108, 8 мая 1992 г.

[2] Это решение грузинского Госсовета Постановлением ВС Абхазии от 3 июня 1992 г. было объявлено «не имеющим юридической силы и не подлежащим исполнению на территории Республики Абхазия» (Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 140).

[3] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида, других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992-1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

[4] «Независимая газета», № 110… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-iyunya-1992-goda

[5] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 87, 88.

Тем временем 8 мая сессия Верховного Совета Абхазии продолжила свою работу. Открывая ее, В. Ардзинба сообщил, что на сессии присутствуют 35 депутатов, и она правомочна продолжить работу. Он также отметил, что, несмотря на предварительные встречи и неоднократные беседы с грузинской депутацией, она отказывается принимать участие в работе сессии. Параллельно с этим тогда усилилась борьба министерств и ведомств Грузии за собственность, находившуюся на территории Абхазии, которая до этого была в ведении различных структур власти СССР и Грузинской ССР. Председатель ВС сообщил, что предпринимались попытки взять под свою юрисдикцию такие крупные научные объекты бывшего союзного подчинения, как СФТИ, Акустическая научная станция, и в дальнейшем приватизировать их. КГБ Грузии противоправно, не являясь правопреемником, пытался переподчинить в свою юрисдикцию санаторий «Самшитовая роща», который был в подчинении КГБ СССР. В. Ардзинба высказал критические замечания по поводу утверждения бюджета Грузии на 1992 г., в котором без ведома и участия правительства Абхазии были расписаны детально приходно-расходные статьи Абхазии, причем с явным ущемлением прав последней. «При таких тенденциях все подчинить Тбилиси нам следует продолжить работу Парламента и отстаивать экономическую самостоятельность Абхазии, не дать возможности дальнейшего ухудшения положения населения», – подчеркнул В. Ардзинба.

Затем сессия приступила к рассмотрению вопросов, обозначенных в ее повестке дня. Депутаты приостановили полномочия депутата Д. Гвадзабия в связи с его назначением главой Администрации Гульрипшского района и назначили Н. Хашба главой Администрации г. Сухума. Перед началом обсуждения основного вопроса в зал заседания вошла небольшая группа депутатов, и от имени грузинской депутации слово было предоставлено депутату Дгебуадзе, который зачитал заявление. Основной смысл этого документа сводился к тому, что большинством Парламента взят курс на отторжение Абхазии от Грузии, с чем грузинская депутация не может согласиться и не считает возможным участвовать в работе сессии. Были выдвинуты обвинения в адрес председателя ВС Абхазии в нарушениях им договоренности по подбору кандидатуры на пост Председателя Совета Министров. Затем, сославшись на то, что ему поручено не вступать в полемику, он вместе с группой покинул зал

заседаний. Депутат С. Шамба оценил заявление грузинской стороны как попытку ультимативного давления, за которой кроется несостоятельность вести парламентскую борьбу и отстаивать свою позицию – «синдром обиженного ребенка» [1].

Тем временем страна больше не могла осуществлять свою жизнедеятельность без дееспособной исполнительной власти, и 8 мая Парламент ввел институт «исполняющих обязанности»[2], который лидеры грузинского движения в Абхазии назвали «гениальным изобретением Ардзинба» и призвали своих сторонников саботировать и это решение Верховного Совета. В тот же день, наряду с остальными, был назначен и новый руководитель МВД. Однако он не мог приступить к исполнению своих обязанностей, т. к. его предшественник отказался покинуть кабинет министра. Грузинская депутация продолжала утверждать, что Г. Ломинадзе является самой подходящей кандидатурой на пост главы правительства[3], хотя Верховный Совет освободил его от должности министра внутренних дел за «откровенное бездействие»[4]. Сам Г. Ломинадзе, позже отвечая на вопрос «Почему он как министр внутренних дел не остановил произвол?», признавался: «Это как раз тот вопрос, который я постоянно ставлю перед собой и не нахожу ответа – был ли я прав! Как раз это Ардзинба и абхазцы предъявляют мне в качестве претензий. Поясню: представьте – президент независимой Грузии Гамсахурдиа[5]. Будет гвардия, существует «Мхедриони». В этих условиях Какубава и подобные ему «кварквареве» доказывали, что и в Абхазии надо создать подобные формирования. Если бы я помешал ему, сегодня бы сказали, что Какубава – патриот, а Ломинадзе – предатель. Если бы я по закону запретил, правда, я обрадовал бы абхазцев, но и предотвратил бы многие беды от Грузии»[6]. Тогда же, по предложению Председателя правительства В. Зарандия, сессия назначила его первым заместителем С. Багапш, а заместителями – З. Лабахуа, Г. Яремко и В. Берулава[7].

---

[1] Газ. «Абхазия», № 18, 15-22 мая 1992 г.

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 136.

[3] Газ. «Абхазия», № 20, 29 мая- 5 июня1992 г.

[4] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 21.

[5] К этому времени, как известно, Гамсахурдиа уже не был президентом Грузии, но, думается, это не простая оговорка, а свидетельство того, что Г. Ломинадзе не исполнял своих должностных обязанностей и во время президентства Гамсахурдиа.

[6] Газ. «Республики Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

[7] Газ. «Абхазия», № 18, 15-22 мая1992 г.

В ответ на эти решения ВС Абхазии 9 мая в ГИСХе по инициативе ПДСА состоялся съезд представителей грузинской общественности. Обсуждался вопрос «Об ущемлении прав грузинского народа в подборе кадров на руководящие должности в Абхазии». С докладом на эту тему выступил М. Патарая. Выступления были обвинительными и оскорбительными в адрес Парламента Абхазии. На съезде также с конфронтационной речью выступил Г. Ломинадзе[1]. Собрание поставило вопрос об аннулировании всех законодательных и нормативных актов, «принятых окружением В. Ардзинба», самороспуске ВС и назначении новых выборов. Съезд принял решение о создании Совета национального единства, куда вошли все грузинские организации в Абхазии, кроме «Круглого стола – Свободная Грузия»[2]. Тогда же на пресс-конференции В. Колбая отметил, что в Парламенте дух волюнтаризма, что Президиум ВС присвоил себе исполнительно-распорядительные и хозяйственные функции, в Абхазии «установлен авторитарный режим». Д. Гамахария сказал, что под слухами о стремлении создать параллельные структуры власти оснований нет[3]. Тем не менее, был создан исполком СНЕ, который избрал своей штаб-квартирой турбазу им. XV съезда ВЛКСМ[4].

Забастовочный комитет, объединявший в основном грузинскую часть медицинской общественности Абхазии, принял заявление, в котором говорилось, что в случае невыполнения их требований с 18 мая начнется забастовка медиков Абхазии[5]. Г. Ломинадзе вспоминал, что первым практическим результатом деятельности СНЕ было формирование Сухумского механизированного батальона, который с 19 мая был дислоцирован в Сухуме. Он же сообщает о том, что в подчинение Совета вошли вновь созданные отряды «Мхедриони» в Гагре и Сухуме[6]. Н. Месхия вспоминает: «Одна часть депутатов, в том числе Т. Надарейшвили, перешли на сторону т. н. Совета национального единства в Абхазии, и теперь вместе встали на путь открытой конфронтации с абхазской сто-

---

[1] Газ. «Абхазия», № 18, 15-22 мая1992 г.

[2] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 405.

[3] Газ. «Абхазия», № 20, 29 мая-5 июня1992 г.

[4] Сейчас – гостиница «Айтар».

[5] «Независимая газета», № 87… // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-8-maya-1992-goda

[6] Захаров В. А., Арешев А. Г., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. М., 2010. С. 104.

роной – своими экстремистскими выступлениями и лозунгами стали открыто призывать к войне, угрожая, что уничтожат абхазов, а оставшуюся часть прогонят в краснодарские степи. Это слова Б. Какубава»[1]. А вот свидетельство Г. Ломинадзе: «По рекомендации Совета Тбилиси назначил военного комиссара Абхазии (полковника В. Векуа), который развернул активную работу по формированию военных городских и районных комиссариатов»[2]. А Э. Шеварднадзе тогда заявил, что процессы в Абхазии он считает управляемыми и что выход найти можно, если включить все политические средства урегулирования[3].

31 мая участники состоявшегося в Сухуме расширенного совещания депутатов Кавказского парламента и глав делегаций из республик Северного Кавказа и зарубежной диаспоры выступили с заявлением. Они отмечали, что «в последнее время наиболее яростным атакам подвергается Парламент и его глава – В. Ардзинба». Далее в заявлении говорилось: «Мы убеждены в том, что именно разумная, взвешенная и реалистичная политика Верховного Совета и его руководства позволила Абхазии избежать кровопролития и анархии, к которым ее усиленно подталкивают извне. Считаем необходимым заявить, что любые попытки добиться роспуска высшего законодательного органа республики будут расцениваться народами Северного Кавказа и их соотечественниками за рубежом как государственный переворот и агрессия против Абхазии. Требуем прекратить вмешательство Грузии во внутренние дела Абхазии, народ которой должен самостоятельно избрать путь своего развития»[4]. Тогда же, 31 мая, на сухумском стадионе уже в третий раз состоялся митинг памяти жертв Кавказской войны. Его открыл и вел первый вице-президент КГНК Г. Аламиа. К собравшимся обратился В. Ардзинба, который, в частности, сказал: «С огромной горечью и болью отдаются в сердцах воспоминания о тех трагических событиях, в результате которых большая часть нашего народа оказалась за пределами родной земли. Горечью отдается память о братьях с Северного Кавказа, которых постигла та же участь. Сотни тысяч людей погибли за

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 42.

[2] Захаров В. А., Арешев А. Г., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. М., 2010. С. 105.

[3] «Независимая газета», № 95… с. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-21-maya-1992-goda

[4] Газ. «Абхазия», № 21, 5-12 июня1992 г.

честь и независимость своей родины, но несмотря на все беды, мы выжили и выстояли. Наша цель в том, чтобы сохранить наш народ, чтобы возродить его для новой жизни. Возродить и культуру, и обычаи, восстановить нашу попранную государственность»[1].

Тем временем еще 15 мая в Ташкенте был пописан Договор о коллективной безопасности (ДКБ). Договор подписали Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Государства-участники договорились, что не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства-участника. Они будут консультироваться друг с другом по всем важным вопросам международной безопасности, затрагивающим их интересы, и согласовывать по этим вопросам позиции. Если одно из государств подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников Договора. В случае совершения акта агрессии против любого из государств все остальные государства предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимися в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН[2].

Руководители России расценили Договор о коллективной безопасности как свидетельство жизнеспособности СНГ. Президент Б. Ельцин заявил, что он верит в «плодотворность» СНГ, Г. Бурбулис считал, что Договор может стать основой будущей конфедерации. Маршал Е. Шапошников отметил возможность присоединения к нему Беларуси. Весьма позитивно отозвался о Договоре и президент Казахстана Н. Назарбаев, подчеркнувший, что его подписание другими государствами – дело времени. В подобном оптимистическом духе трактовали тогда итоги ДКБ российские средства массовой информации, ориентировавшиеся на правительство. Независимые газеты ограничились, главным образом, описанием фактической стороны дела. В их комментариях, кроме того, осторожно были обозначены тезисы о «российско-азиатской конфигурации СНГ» и об укреплении «восточного фланга» России, что

[1] Газ. «Абхазия», № 21, 5-12 июня1992 г.
[2] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt13784.shtm.

важно в ее противостоянии с Украиной. В западных откликах доминировали пессимистические оценки будущего СНГ. На Западе считали, что демонстративное отсутствие в Ташкенте первых лиц Украины, Молдовы и Киргизии являлось свидетельством приближавшегося распада СНГ[1].

Е. Юрьев, анализируя политические итоги подписания ДКБ в Ташкенте, тогда писал: «Практическая реализация этого соглашения требует, однако, четкого разделения функций и полномочий между командованием ОВС СНГ, Минобороны России и военных ведомств других государств-союзников. Если войска, находящиеся на территории Средней Азии и Казахстана, переданы в состав Вооруженных сил России, то ГК ОВС СНГ теряет политический контроль над ними и должно сосредоточиться на проблемах оперативной и боевой подготовки, планирования и т.д., т.е. стать своего рода аналогом главного командования НАТО в Европе. Остается открытым вопрос о степени и формах контроля правительств среднеазиатских государств над расположенными там частями и соединениями. Если же говорить о внешнеполитических факторах, то следует отметить, что, укрепляя военные позиции России в Средней Азии, Договор, однако, не ослабляет существенно возможности усиления влияния в данном регионе Турции, Ирана и других мусульманских стран, которые используют для этого преимущественно экономические и политические методы. В военном плане среднеазиатские государства вряд ли смогут оказать России какую-либо помощь в случае вооруженного конфликта за пределами региона. Данный союз представляет собой, таким образом, одностороннее обязательство России перед этими странами. Недавний отказ Казахстана от ядерного статуса снижает значимость ядерного компонента российско-казахстанского военного сотрудничества, а в перспективе сведет его к нулю. Кроме того, увеличивается вероятность вовлечения России в локальные конфликты, особенно в Закавказье (присоединение к Договору Армении обусловлено стремлением последней обеспечить себе политическую и военную поддержку в противоборстве с Азербайджаном). Вызывают серьезные сомнения перспективы присоединения к Договору других стран СНГ. Позиция Украины в этом отношении известна. Народный

[1] Юрьев Е. К политическим итогам встречи лидеров СНГ в Ташкенте 15 мая 1992 г. // Журн. «Духовное наследие». № 1, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N01_92/01_08.HTM

фронт Азербайджана выступает против участия Азербайджана в СНГ. Молдова рассматривает Содружество как временную структуру, позволяющую решить проблемы, возникшие после распада СССР. Грузия не ставит вопрос о вхождении в СНГ. Маловероятно подключение к Договору Беларуси. Такой шаг, во-первых, противоречил бы официальной установке Минска на сохранение нейтралитета; во-вторых, может привести к вовлечению Беларуси в российско-украинский конфликт, что никоим образом не отвечает ее интересам; и, в-третьих, усилил бы противоборство между властью с оппозицией, не согласной с укреплением политических связей с Россией. Кроме того, нарастающий в России кризис и связанная с ним неопределенность политического будущего в целом препятствуют развитию белорусско-российских отношений, по крайней мере, до тех пор, пока не прояснится более или менее отчетливо, чего, собственно, можно ждать от российской политики… Таким образом, встреча в Ташкенте не смогла переломить ясно обозначившиеся негативные процессы в развитии СНГ. Скорее, закрепила тенденцию к превращению его в региональный военный блок РОССИИ и Средней Азии. Причины этого связаны не только с политикой Украины и российско-украинским конфликтом, о чем постоянно пишет наша и мировая печать. Значительную роль в этом играет острый кризис и нарастающая нестабильность в самой России, отсутствие у руководства последовательной, ориентирующейся на национальные интересы политической линии в отношении стран СНГ»[1].

Первоначально Договор о коллективной безопасности, как уже отмечалось, подписали Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Затем к нему поэтапно присоединились: Азербайджан – 24 сентября 1993 г., Грузия – 9 октября 1993 г., Белоруссия – 31 декабря 1993 года. Договор вступил в силу 20 апреля 1994 года. Он был подписан на 5 лет и допускал продление. 2 апреля 1999 г. президенты Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана подписали протокол о продлении срока действия договора на следующий пятилетний период, Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались от дальнейшего участия в ДКБ. С 16 августа 2006 г. Узбекистан вновь стано-

[1] Юрьев Е. К политическим итогам встречи лидеров СНГ в Ташкенте 15 мая 1992 г. // Журн. «Духовное наследие». № 1, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N01_92/01_08.HTM

вится членом этой организации, а 28 июня 2012 г. – опять отказывается от дальнейшего участия в Договоре.

К Договору о коллективной безопасности Грузия тогда в Ташкенте 15 мая 1992 г. отказалась присоединиться, но зато она подписала в тот же день соглашение, по которому все государства бывшего СССР получали в наследство часть его бывших вооруженных сил и их инфраструктуры. На долю Грузия приходилось:

Боевые танки	не более 220 единиц
в том числе в регулярных частях	не более 220 единиц
Боевые бронированные машины	не более 220 единиц
в том числе в регулярных частях	не более 220 единиц
из них боевых машин пехоты и боевых машин с тяжелым вооружением	не более 135 единиц
в том числе боевых машин с тяжелым вооружением	не более 11 единиц
Артиллерия	не более 285 единиц
в том числе в регулярных частях	не более 285 единиц
Боевые самолеты	не более 100 единиц
Ударные вертолеты	не более 50 единиц
Боевые вертолеты Ми-24р и Ми-24к, не подпадающих под ограничение на ударные вертолеты	4 единицы
танковые мостоукладчики	8 единиц [2]

Еще в апреле 1992 г. грузинские руководители впервые заявили о своем требовании на часть Черноморского флота, тогда в Одессе в преддверии переговоров России и Украины по параметрам раздела ЧФ министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе заявил о претензиях Грузии на Потийскую ВМБ и на все корабли 184-й бригады ОВР. В самом Поти в апреле продолжалось разграбление бандитами воинских складов. На начало месяца, по словам начальника тыла бригады капитана 2 ранга О. Нур-Давлетова, было разворовано около 2,5 тысяч тонн топлива, угнано 20 автомобилей (7 вернули) и украдено вещевого имущества на 200 тысяч рублей[1]. 30 апреля 1992 г. началось формирование первого подразделения ВМС Грузии – Потийской смешанной морской бригады,

[1] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

в составе которой предусматривались дивизион боевых кораблей и батальон морской пехоты. Создание бригады шло тяжело из-за отсутствия боевых кораблей, квалифицированных кадров и финансовых средств. В состав ВМС Грузии в соответствии с межправительственными договорами были переданы катера бывшего Потийского РГС: «БГК-1628» проекта Г1415, «БГК-176» проекта 1896, «МГК-424» проекта 16830 и «МГК-1424» проекта 727М[1].

29 мая в Тбилиси по инициативе Закавказского военного округа состоялась встреча представителей правительств Грузии, Армении и Азербайджана, а также командования ЗакВО. Основной целью этой встречи было обсуждение вопросов военного строительства армий независимых государств Закавказья и взаимодействия в техническом обслуживании этих армий силами Закавказского военного округа. В свою очередь и. о. премьер-министра Грузии Т. Сигуа, комментируя эту встречу, заявил, что уже достигнуто соглашение с Министерством обороны России о передаче Грузии военно-морских баз в Батуми, Поти, Очамчире вместе с базирующимися там кораблями. Предусматривалось также, что Грузии будут переданы несколько десятков единиц тяжелой бронетехники, две тысячи автоматов Калашникова, столько же пистолетов Макарова и до миллиона зарядов боеприпасов. По словам Сигуа, эта встреча фактически означает начало передачи грузинской стороне материально-технических ценностей войск бывшей Советской армии, расположенных на территории Грузии[2].

Именно содержание этих соглашений и шаги по их воплощению в жизнь, по всей видимости, позволило Э. Шеварднадзе в обращении к грузинскому народу в ночь с 11 на 12 августа заявить следующее: «Грузия сейчас сильна, более сильна, чем 10–15 дней назад. Сейчас у нее довольно многочисленная вооруженная армия, у нее достаточно и оружия. Существуют все возможности обуздать зло, раз и навсегда установить порядок на грузинской земле». Отныне это обстоятельство играло главенствующую роль в формулировании и определении политики Грузии по отношению к Абхазии.

---

[1] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир., 2009. С. 265.

[2] Газ. «Известия», № 126… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-30-maya-1992-goda

2. Возвращение Э. Шеварднадзе в Грузию и позиция международного сообщества

Спустя менее одного года после своего официального прихода к власти в Грузии положение З. Гамсахурдиа стало угрожающим. 2 сентября 1991 г. события в Тбилиси фактически запустили секундомер, отсчитывавший дни его президентства. Ведь в политике, как и в азартных играх: зачастую все зависит от того, как «карта ляжет». А тогда карты легли в крайне не выгодном для него сочетании. К тому времени сложились условия для объединения внутри Грузии всех недовольных политикой президента, а таковых, как выяснилось, оказалось достаточно. От Гамсахурдиа начали отходить его ближайшие соратники. При этом необходимо учитывать и еще один немаловажный фактор: при первом президенте Грузия оставалась в международной изоляции и, несмотря на легитимное происхождение его власти, в мире у него было больше противников, чем доброжелателей. И, как уже отмечалось, мощным импульсом к движению против Гамсахурдиа стал ГКЧП, а точнее, его поведение во время августовских событий.

Однако, по мнению аналитиков, ГКЧП стал только поводом, а причинами консолидации грузинской оппозиции была попытка З. Гамсахурдиа полностью узурпировать власть, подменить собой правительство и Парламент республики, а также коррупция во всех уровнях власти. Тем временем вдохновители антигамсахурдиевского лагеря являлись не меньшими нацистами, чем сам З. Гамсахурдиа, и боролись они не против диктатуры, а за власть для себя. Но они смогли использовать его ошибки. Нацизм грузинского разлива, открыто провозглашенный З. Гамсахурдиа основным фундаментом при строительстве независимого государства, к тому времени способствовал снижению его политического рейтинга в глазах мировой общественности. А Э. Шеварднадзе, благодаря своим «большим заслугам» перед Западом и демагогической поддержке создания «общеевропейского дома», оставался в глазах мирового сообщества привлекательной личностью. 24 сентября лидер Союза свободных демократов Грузии И. Хаиндрава заявил о необходимости прекращения «абсурдной травли

Шеварднадзе в Грузии», так как он «имеет колоссальный международный авторитет, причем небезосновательно»[1].

Международный авторитет иногда играл и против Шеварднадзе, поскольку в Тбилиси рассуждали, что Грузия слишком мала для того, чтобы стать полем его политической деятельности. Так, один из лидеров оппозиции Гамсахурдиа И. Церетели в газете «Грузия-Спектр» (№22, 7-13 октября 1991 г.) писал: «Грузия не является для Шеварднадзе главной целью. Он политик крупного масштаба, а Грузия для него маленькая страна. Так что разговоры о том, что Шеварднадзе готов приехать в Грузию и стать президентом – это чепуха. Это равносильно утверждению о том, что Буш хочет стать президентом Намибии»[2]. Наверняка, Буш не хотел бы поменять президентство в США на то же самое в Намибии, но, судя по всему, он был бы не прочь, чтобы Шеварднадзе стал президентом Грузии. 12 сентября 1991 г., когда в Тбилиси только начиналась «революция» против Гамсахурдиа, в Москве Д. Бейкер встретился с Э. Шеварднадзе. Дружеская беседа продолжалась более полутора часа и проходила за закрытыми дверями. Э. Шеварднадзе тогда остался доволен встречей: «Это продолжение доброй традиции взаимопонимания между мной и господином Бейкером. Надо сказать, что у нас сложились в буквальном смысле уникальные отношения, и благодаря этому нам очень много удалось сделать в интересах наших народов и наших стран. Естественно, главной темой беседы была обстановка в стране. Сегодня это центральный вопрос мировой политики. От стабильности в нашей стране зависят, по существу, судьбы мира»[3].

Плюс к этому, Э. Шеварднадзе, прежде чем приехать в Грузию, спросил согласия сильных мира того времени. Позже он вспоминал: «Направляясь в Грузию, я зашел к Ельцину и посоветовался с ним – ехать или не ехать? Ельцин сказал, что другого выхода не видит. Потом я позвонил Геншеру. Мы с ним друзья. Он настаивал, чтобы я вернулся в Грузию. Он сказал: «Я тебя очень уважаю, люблю. Ты сыграл решающую роль в объединении Германии. И сейчас я могу приехать к тебе, но сотрудничество между государствами, до того как ты не стал легитимным,

[1] «Независимая газета», № 115... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-sentyabrya-1991-goda?page=0,1

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 405.

[3] «Независимая газета», № 109… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-14-sentyabrya-1991-goda?page=0,1

не получится». То же самое сказал Бейкер, когда я с ним советовался. Они передавали мнение своих первых лиц»[1]. В обращении Э. Шеварднадзе к соотечественникам в Грузии, опубликованном почти сразу после свержения Гамсахурдиа, также немаловажное место отводилось международному аспекту. В нем особо подчеркивалось, что «авторитарный режим, самоуправство безнравственности, попрание прав человека привели к политической, экономической, морально-духовной изоляции Грузии от Европы и мира». Далее Э. Шеварднадзе сообщал соотечественникам следующее: «Признание Грузии мировым сообществом – обязательная предпосылка ее материального и духовного возрождения. И я готов приложить все свои силы к тому, чтобы началось движение международной поддержки строительства демократической Грузии»[2].

Тогда же Э. Шеварднадзе в одном из многочисленных своих выступлений в прессе прозрачно намекнул: «Что касается моего участия в дальнейшем строительстве демократического государства, то здесь все зависит от воли народа и от тех людей, которые сейчас стоят во главе республики, во главе ее политических партий, течений, движений. Если будут такие предложения, я бы их не отклонил. Если будут»[3]. А те люди, которые тогда стояли у власти в Грузии, еще ранее успели выразить свое отношение к возможному его возвращению в Грузию. Уже на второй день после изгнания Гамсахурдиа 7 января Д. Иоселиани заявил, что Шеварднадзе «как никогда нужен Грузии» и он «очень много может сделать полезного для ее спасения и возрождения»[4]. А Т. Сигуа выразил надежду на сотрудничество нового правительства Грузии с Э. Шеварднадзе[5]. Причем такое мнение, судя по всему, разделяло большинство населения Грузии. Согласно данным опроса населения социологической службой при Кабинете министров, Шеварднадзе стал самым популярным политиком в Грузии[6].

---

[1] Шеварднадзе Э. А. «Ельцин…» // Журн. «Власть», № 50, 20 декабря 2004 г.

[2] «Независимая газета», № 4… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-yanvarya-1992-goda?page=0,1

[3] Там же. С. 1.

[4] Там же. С. 3.

[5] «Независимая газета», № 5… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-yanvarya-1992-goda

[6] Газ. «Известия», № 43… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-fevralya-1992-goda

Однако не все в Грузии считали, что Шеварднадзе должен помогать своей родине обязательно в качестве ее главы. В частности, после свержения З. Гамсахурдиа с целью восстановления монархического правления в Грузии грузинские общественные деятели Г. Чантуриа и Т. Жоржолиани полетели в Мадрид. Оказывается, грузинский трон они через несколько месяцев намерены были предложить не самому Хорхе Багратиону – наследнику грузинской царской династии, и не живущему здесь же его младшему брату Баграту или сестре Марии-Пас, а старшему сыну Хорхе – 19-летнему Ираклию, студенту одного из американских университетов. В их планы входило увезти его в Грузию, чтобы юноша познакомился со страной, которой ему придется править, с ее традициями, культурой, языком, которого он не знал, и где после соответствующих законодательных решений и, возможно, референдума, ему предстояло принять престол. Более того, было предусмотрено создание на первое время регентского совета, в который, по их утверждению, должны были войти отец будущего царя, а также патриарх Грузии Илья II, представители грузинских интеллектуалов, Чантуриа, Жоржолиани и не исключено, что и Э. Шеварднадзе. Главным условием рассмотрения вопроса о возвращении сам Хорхе Багратион назвал демократизацию общественной жизни, стабилизацию политической обстановки Грузии и последующую просьбу о возвращении семьи Багратионов со стороны законно избранного парламента и правительства страны. Узнав об этом заявлении, Г. Чантуриа назвал решение Хорхе Багратиона «аморальным, раз будущий царь отказывается быть со своим народом в самые траурные для него дни»[1].

Э. Шеварднадзе после возвращения в Грузию как-то заметил: «Просто приехал, еще не зная, чем буду заниматься»[2]. Но тут он, конечно же, лукавил. В решении вопроса о его возвращении в Грузию были задействованы очень влиятельные силы, которые, судя по всему, были заинтересованы в этом, что называется «жизненно». В связи с этим С. Лакоба сообщает следующее: «В январе и феврале министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе дважды встречался в Москве с Шеварднадзе. К этому времени в России и Грузии выбор уже был сделан в его пользу. Так, 14

[1] Газ. «Абхазия», № 7, февраль 1992 г.

[2] Шеварднадзе Э. А. «Ельцин на моих…!» // http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510.

февраля 1992 г. в Минске проходила вторая встреча глав государств и правительств стран СНГ. Возглавлял грузинскую делегацию Л. Шарашенидзе, который ночью согласовал текст выступления по телефону с Шеварднадзе. «Он его одобрил и попросил после окончания саммита заехать в Москву и встретиться с ним», - пишет тогдашний министр обороны. В своем 3-минутном выступлении в Минске Л. Шарашенидзе, в частности, заявил: «Вопрос о вступлении Грузии в СНГ решит Парламент с его избранием. Хочу доложить, что мы восстанавливаем добрые отношения с войсками ЗакВО на территории Грузии. Сняли с них статус оккупационных. Мы, естественно, оставляем за собой право на участие в обсуждении всех вопросов, касающихся Армии и Черноморского флота. Просили бы впредь приглашать на заседания СНГ соответствующих руководителей Грузии в качестве наблюдателей». По возвращении из Минска Л. Шарашенидзе встретился в Москве с Шеварднадзе, которому подробно было рассказано о саммите СНГ. Тогда же была намечена еще одна встреча, где должен был решаться вопрос о его возвращении в Грузию»[1].

Уже в 2009 г. Э. Шеварднадзе, вспоминая о событиях, предшествовавших его возвращению в Грузию, писал: «Раньше, беседуя с вами, я часто спрашивал о Грузии, о пути, по которому решила двигаться ваша страна. В ваших немногословных ответах я не мог не почувствовать скрытую боль. Сейчас наступил момент, когда ваша ответственность в отношении этой страны многократно возрастает. Если страна зовет, нельзя ответить отказом». Так сказал мне Г.-Д. Геншер 21 февраля 1992 г. в Вене, в немецком посольстве – за две недели до моего возвращения в Грузию. Геншер был не единственным, с кем я тогда обсуждал свое решение. Моими собеседниками в те дни были Б. Ельцин, Н. Назарбаев, Л. Тер-Петросян, Д. Бейкер, Я. Накасонэ, Г. Киссинджер, Ж. Ширак, Р. Страус и коллеги по движению демократических реформ»[2].

В 2004 г. Э. Шеварднадзе, говоря о том, как решался вопрос о его возвращении, сообщил: «Дважды прилетал Китовани. Просил приехать. А на какую работу? Он ничего не предлагал. «Вы просто должны быть в Грузии», – говорил он. Приехал затем Сигуа. А Иоселиани каждый день

[1] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 254.

звонил. Если кто и хотел искренне моего возвращения, так это Джаба. Вор есть вор, не вычеркнешь этот эпизод из жизни, но человек достаточно образованный, мыслящий. Он мне говорил: «Наша Родина просто погибнет. Я вам позвоню, когда надо приезжать. Вы не торопитесь». Китовани настаивал: сегодня же полетим, вместе. Я не согласился. А Джаба позвонил через 10 дней: «Вот сейчас вам надо приехать. Потом будет поздно. Раньше не надо было»[1]. Однако сам Д. Иоселиани говорит, что Китовани был против возвращения Э. Шеварднадзе. Иоселиани, по его же словам, настаивал, потому что считал: «Шеварднадзе неглупый человек, авторитет в мире завоевал, демократом стал. Я думал: вот он приедет и нам поможет, используя свои большие связи. У него в друзьях были Рейган, Буш, Тэтчер, Шульц, Бейкер. Весь мир практически»[2]. Спустя время Иоселиани скажет о Шеварднадзе: «Он приехал и первое время делал все хорошо, а потом собрал свою номенклатуру и реставрировал советскую власть»[3]. Но тогда в 1992 г. он считал неправильным «выводить на поле Нодия[4], если у нас в команде есть Пеле[5]»[6].

В своих воспоминаниях Э. Шеварднадзе пишет: «Иоселиани и Китовани имели непростые отношения с законом. Кроме этого, у них были непростые отношения со мной. Они, как и Т. Сигуа, третий член Военного Совета, поначалу были против моего возвращения. Но, оказавшись под сильным давлением со стороны интеллигенции, в конце концов, были вынуждены уступить. Для такого решения им понадобилось немало времени. Первым решился Д. Иоселиани и уговорил остальных»[7]. Тем временем И. Георгадзе утверждает: «Приглашение Шеварднадзе – это завершение сценария переворота в Грузии. Его сделали не Иоселиани и Китовани – они были исполнителями. Переворот в Грузии был спланирован самим Э. Шеварднадзе»[8].

---

[1] Шеварднадзе Э. А. «Ельцин на моих же глазах меня обманул!» // Журн. «Власть», № 50, 20 декабря 2004 г.

[2] Журн. «Власть», № 9, 10 марта 2003 г.

[3] Там же.

[4] Гиви Нодия – известный грузинский футболист.

[5] Пеле Эдсон Арантес до Нессименто – знаменитый бразильский футболист, «король футбола».

[6] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 84.

[7] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 258.

[8] http://www.compromat.ru/page_9405.htm

С. Лакоба, говоря о завершающем этапе принятия решения о возвращении экс-главы МИД СССР в Грузию, сообщает следующее: «2 марта в Москве состоялись очень важные встречи с Шеварднадзе. Переговоры вели министр обороны Л. Шарашенидзе и член Военного совета Грузии Т. Китовани, который вместе с премьер-министром Т. Сигуа, в отличие от Д. Иоселиани, не горели желанием приглашать экс-министра иностранных дел СССР в Грузию в качестве руководителя государства. Однако ситуация изменилась после пятичасового разговора Шеварднадзе и Китовани. Затем двухчасовая беседа состоялась с министром обороны РФ, Главнокомандующим Вооруженными силами стран СНГ Е. Шапошниковым и Послом РФ в США В. Лукиным. Еще одна встреча прошла с руководителем Службы внешней разведки России Е. Примаковым. Всем этим лицам Шеварднадзе твердо пообещал в ближайшее время вступить в СНГ. По сути это было главное условие, поставленное Э. Шеварднадзе руководством России»[1]. В это же время в прессе появляется информация о том, что «в ближайшее время он (Шеварднадзе. – **А. А**.) поедет в Грузию, где полагает сыграть существенную роль в создании новых органов власти». При этом Э. Шеварднадзе заявил: «Я убеждаюсь, что условия для моего участия в возрождении родины созрели»[2].

Уже в 2004 г. Э. Шеварднадзе объяснял свое возвращение следующим образом: «В Грузии после свержения Звиада власть оказалась в руках так называемого Военного совета. А возглавляют его Китовани – судимый за убийство человека, ничего общего никогда с политикой и с армией не имевший, но создавший отряды Национальной гвардии, которые фактически контролировали положение, Д. Иоселиани – человек сам по себе неплохой, но «вор в законе». В 1956 году в Ленинграде его приговорили к 25 годам тюремного заключения за соучастие в групповом убийстве с ограблением. А сейчас он создал вооруженные отряды «Мхедриони». У Сигуа не было достаточного опыта. И такое же их окружение. Никто вне Грузии с ними иметь дело не хотел. Тогда они вспомнили обо мне»[3]. Подтверждением слов Шеварднадзе является

[1] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[2] Газ. «Известия», № 54… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-marta-1992-goda

[3] Шеварднадзе Э. А. «Ельцин на моих же глазах меня обманул!» // Журн. «Власть», № 50, 20 декабря 2004 г.

следующий факт: 2 марта 1992 г. Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан стали членами ООН[1]. Таким образом, в ООН были приняты все бывшие союзные республики СССР, кроме Грузии, что не могло не являться красноречивым свидетельством позиции западных стран по отношению к Военному совету.

В воспоминаниях Шеварднадзе рассуждает о своем возвращении в Грузию следующим образом: «Мой выбор был правильным, но на этом пути ожидалось так много тупиков и ловушек, что другой на моем месте ни за что не рискнул бы сделать шаг в этом направлении. Ни один здравомыслящий человек, руководствуясь законами политики – а она есть искусство возможного – не взвалил бы на себя такую тяжкую миссию. Я понимал, что миссия – в короткие сроки и без осложнений – не выполнима. Никто лучше меня не знал, что на этот раз риск очень высок. Можно было потерять все, включая собственную жизнь. «Почему я сделал такой выбор?» – спрашивал я себя и отвечал себе: «Я возвращаюсь, потому что не могу иначе». Это был ответ не политика, а человека, который любит свою Родину»[2]. По логике этого высказывания получается, что политик не имеет права любить свою родину.

7 марта Э. Шеварднадзе прибыл в Тбилиси, в аэропорту которого к моменту его прилета собралось около 5 тысяч человек[3], встречавших его. 8 марта он встретился с Т. Китовани и Т. Сигуа, обсудил с ними вопросы экономики, а на пресс-конференции изложил свою программу. Вечером 10 марта Военный совет самораспустился, и взамен был создан Государственный совет, призванный выполнять функции президента и парламента. Госсовет составили 56 представителей 20 политических партий, его главой (председателем) был избран Шеварднадзе. Затем был сформирован Президиум Госсовета: председатель – Шеварднадзе, его заместитель – Д. Иоселиани, премьер-министр – Т. Сигуа, а его заместитель – Т. Китовани. Каждый из них получил право вето, еще одно право вето – весь остальной Госсовет[4]. В постановлении говорилось, что Госсовет создан для достижения национального согласия, скорей-

[1] http://inet-sochi.ru/history/?year=1992.

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 255.

[3] Газ. «Известия», № 58, С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-marta-1992-goda

[4] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

шей политической и экономической стабилизации в стране. Подчеркивалось, что с избранием высшего законодательного органа власти Госсовет сложит с себя все полномочия и передаст их новому парламенту[1]. Тем временем у Шеварднадзе были сомнения относительно намерений своих соправителей. В своих воспоминаниях о положении, в котором он оказался в рассматриваемое время, он пишет: «Я не состоял на официальной работе, не имел ни определенного положения, ни легальных оснований, чтобы начать действовать. Я явился с портфельчиком в руках, в то время как у одного члена Военного Совета была вооруженная армия под названием «Мхедриони» («Всадники»), а у другого – вооруженная гвардия, у третьего – в подчинении весь государственный аппарат»[2]. Однако это не опровергает, а, напротив, подтверждает справедливость слов советника Президента России по национальным вопросам Г. Старовойтовой, назвавшей Э. Шеварднадзе, уже после агрессии Грузии против Абхазии, «декоративной частью военной хунты»[3].

12 марта вечером в Тбилиси в четырехзвездочном отеле «Метехи» состоялась презентация грузинского Фонда возрождения и демократии, созданного по инициативе Э. Шеварднадзе. Между тем, в Западной Грузии в городе Зугдиди резко обострилась обстановка. Утром 12 марта сторонники Гамсахурдиа подбили вертолет Национальной гвардии, который совершил вынужденную посадку. В вертолете находились 18 гвардейцев[4]. В Грозном собрались 70 депутатов распущенного грузинского парламента, которые потребовали свержения Государственного совета и восстановления у власти З. Гамсахурдиа. В этих целях собравшиеся в Грозном экс-депутаты призвали население своей республики к гражданскому неповиновению на всей территории Грузии[5].

Между тем, возвращение к власти в Грузии Э. Шеварднадзе вызвало быструю реакцию на Западе. В частности, министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд направил Шеварднадзе поздравительную телеграмму в связи с вступлением в должность председателя Государ-

---

[1] Газ. «Известия», № 60… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-marta-1992-goda

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 257.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 21.

[4] Газ. «Известия», № 62… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-marta-1992-goda

[5] Там же.

ственного совета республики. Своей «дружбой» с мировыми лидерами продолжал «козырять» и сам вновь обретший родину Э. Шеварднадзе. В частности, министр иностранных дел Грузии того времени А. Чикваидзе сообщает о следующем факте: «После возвращения в Грузию в 1992 году Шеварднадзе с помощью своих сторонников и прессы начал активно пропагандировать свои личные контакты и связи с заграницей. Ярким примером этого стал визит в Тбилиси бывшего государственного секретаря США Д. Бейкера, который был расценен как важное событие в жизни Грузии. После переговоров кортежу Бейкера дорогу перегородила не очень лояльная к Шеварднадзе толпа. Тогда он с присущим ему риском решил остановить машину и представить толпе гостя… Что касается самого визита, практической пользы Грузии он не принес. В определенной степени это был всего лишь прием, имевший целью отвлечь внимание от тех тяжелейших проблем, перед которыми в то время оказалась Грузия»[1]. Вот как описывает это же происшествие сам Шеварднадзе: «Мы ехали по Тбилиси… Начальнику службы безопасности сообщили, что на площади собралось свыше 50 тыс. человек. В другом сообщении говорилось, что всего в нескольких кварталах от площади, перед зданием филармонии, проходит манифестация сторонников Гамсахурдиа. Число участников было небольшим, около двух тысяч, однако их манифестацию следовало принимать всерьез. При мысли, что они попытаются продвинуться на площадь Республики, я встревожился. Но когда я увидел заполненную людьми площадь Республики, все мое беспокойство исчезло… Наш автомобиль увяз в толпе. Дружелюбные лица заглядывали к нам в окна. Кто-то крикнул: «Это Шеварднадзе и Бейкер!». Я заметил, как забеспокоились телохранители госсекретаря. «Выйдем из машины?» – спросил я у нашего гостя. «Сделаем так, как Вы считаете правильным», – отвечал он спокойно. Мы прошли по плотному коридору, образовавшемуся в людской толпе, и подошли к сцене. Я слышал, как люди благословляют Бейкера…»[2].

Между тем, само возвращение Э. Шеварднадзе в Грузию и удержание его у власти стало возможно только вследствие международного признания, что, в свою очередь, было следствием торжества политики двойных стандартов в среде сильных игроков на политической арене.

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 91.
[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 292-293.

Явный националист З. Гамсахурдиа, у которого к тому же, как выяснилось, не хватило изворотливости для заигрывания с Россией с одной стороны, и с Западом – с другой, был низвергнут с грузинского престола с их согласия. Когда в декабре 1991 г. З. Гамсахурдиа обратился к западным странам за помощью, то они «предпочли никак не вмешиваться»[1]. А в ответ на заявление грузинского президента о готовности включить свою страну в СНГ, Б. Ельцин ответил, что «Грузия должна урегулировать свои внутренние проблемы, прежде чем можно будет рассматривать вопрос о ее членстве в СНГ»[2]. И Россия, и Запад, конечно же, каждый преследуя свои цели, приветствовали приход к власти в Грузии и одновременно возвращение на более или менее видимую политическую арену Э. Шеварднадзе. Это проявилось, в частности, в том, что по существу «Тбилисской революцией» руководил Э. Шеварднадзе, находясь в Москве. Уже 3 февраля в Тбилиси вопросы гуманитарной помощи Грузии обсуждались на встрече Т. Сигуа с представителями Внешнеполитической ассоциации, возглавляемой Э. Шеварднадзе. Причем кампания по оказанию помощи была организована Э. Шеварднадзе совместно с американскими общественными организациями[3]. В феврале же, во время своего визита в США, Шеварднадзе подписал с компанией «Brock group ltd» протокол о стратегической концепции экономического возрождения Грузии, включавшую реконструкцию морских портов в Поти и Батуми, увеличение мощности международного аэропорта в Батуми, расширение сети нефтяных хранилищ и т.д.

Заместитель министра иностранных дел России того времени Ф. Шелов-Коведяев свидетельствовал: «Приход к власти в Грузии в 1992 году Эдуарда Шеварднадзе, невозможный без поддержки из Москвы, был, может быть, самой большой внешнеполитической неудачей раннеельцинской России. У Бориса Николаевича была иллюзия, что с Шеварднадзе, как с соратником по обкомовской работе, ему будет проще договориться. Что это иллюзия, стало понятно быстро, и Борис Николаевич, насколько могу судить, сильно по этому поводу переживал, хотя ни в каких действиях это не выражалось, он, когда надо, умел себя сдерживать»[4].

И Запад, и Россия, в силу временного совпадения своих интересов,

[1] Коппитерс Б. Политика Запада… С. 19.
[2] Там же.
[3] Газ. «Абхазия», № 5, февраль 1992 г.
[4] Кашин О. Федор Шелов-Коведяев и тайны козыревского МИДа.

становились гарантами прихода и удержания Э. Шеварднадзе на грузинском политическом Олимпе. О том, что свержение З. Гамсахурдиа и приход к власти в Грузии Э. Шеварднадзе «были поддержаны как Россией, так и Западом», пишет и С. Лакоба[1]. Россия способствовала этому, рассчитывая на него, как на своего человека в проведении им прорусской политики в Закавказье. А это в условиях войны между Арменией и Азербайджаном из-за Карабаха и поиска обеих сторон поддержки на Западе и на Востоке для Москвы становилось стратегически важнейшим вопросом.

Со своей стороны, и у Запада, хотя к тому времени он пока и не успел четко обозначить свои интересы на Кавказе, было достаточно оснований рассчитывать на лояльность Э. Шеварднадзе. Плюс ко всему, вполне вероятно, что международное сообщество в лице ведущих западных стран было заинтересовано в усугублении нестабильности на Кавказе, что, конечно, диктовалось отнюдь не дружеским отношением к России. Аналитик Б. Коппитерс также полагает: «Западные правительства надеялись, что Шеварднадзе сможет покончить с гражданскими и этническими неурядицами в стране, возродить экономику и установить контроль над многими полувоенными и криминальными группировками. Шеварднадзе проводил активную политику баланса между Россией и Западом. В 1992 г. он говорил об укреплении связей с НАТО. Западные правительства никогда не заявляли, что такая политика баланса не была реалистичной, – напротив»[2].

Сам Э. Шеварднадзе об этом аспекте своей деятельности пишет: «Ведущие страны мира рассматривали международное признание Грузии и установление дипломатических отношений с ней как фактор политической стабильности. Я никого не просил признать независимую Грузию: подобная просьба от не вполне нелегитимного – даже от вовсе нелегитимного – главы государства (уж если называть вещи своими именами) была неслыханной бестактностью»… «В ответ на заявление о готовности провести выборы «и сейчас же, то есть в первой половине марта, сначала Д. Херд (МИД Великобритании) по поручению Д. Мейджора, затем Р. Дюма (МИД Франции) и другие министры иностранных

[1] Коппитерс Б. Заключение // Спорные границы на Кавказе. М.,1996. С. 219.

[2] Коппитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm

дел европейских государств сигнализировали мне, что они начали процесс установления дипломатических отношений с Грузией»[1]. В рамках этого процесса Европейское сообщество 23 марта дало «зеленый свет» признанию Грузии входящими в него государствами. Лиссабон, Париж, Лондон, Мадрид и Бонн уведомили Э. Шеварднадзе о том, что рассматривают Грузию в качестве суверенного государства и выразили готовность установить с ней дипломатические отношения[2].

2 апреля Э. Шеварднадзе обратился к людям мира с призывом «разрушить стену равнодушия» и не отгораживаться от Грузии[3]. Это воззвание напечатали многие газеты в разных странах, и оно вызвало отклик[4]. 12 апреля в Тбилиси прибыл Г.-Д. Геншер. Тогда одновременно с установлением дипотношений с Германией (а в состав делегации был включен и назначенный послом Г. Дальхофф) Грузия получила солидную экономическую и политическую поддержку. Геншер сообщил, что Европейское сообщество в виде экстренной помощи выделило Грузии 300000 долларов[5]. Г.-Д. Геншер заявил, что «Европа никогда не бросит Грузию на произвол судьбы». В грузинских средствах массовой информации подчеркивалась взаимная заинтересованность Германии и Грузии в освобождении страны от оккупации российскими войсками. Согласно газете «Дрони», Геншер сказал, что Германия благосклонно относится к вступлению Грузии в Европейское сообщество при условии, что в ней установится стабильная демократия, уважающая права национальных меньшинств. Такие заявления широко освещались в грузинской прессе и укрепляли иллюзии грузинского общественного мнения относительно масштабов западной поддержки. Это сделало примирение с Москвой более трудным, поскольку рассматривалось грузинским населением как ненужное и нелегитимное[6].

После своего возвращения на родину новоявленный глава Госсове-

---

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 277.

[2] Газ. «Известия», № 71… С. 5. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-24-marta-1992-goda

[3] Газ. «Известия», № 79… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-aprelya-1992-goda

[4] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 282.

[5] Там же. С. 282.

[6] Коппитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm

та, видимо, думал вести свою собственную игру, которую он намечал строить на противоречиях России и Запада. То есть Э. Шеварднадзе стремился как можно сначала незаметнее, а потом и не стесняясь, поссорить Запад с Россией и извлечь из этого свои политические и экономические выгоды. Э. Шеварднадзе, еще находясь в Москве, не мог позволить себе уйти от политической риторики о невозможности и даже гибельности для судеб Грузии отказа от сотрудничества и тесной интеграции с Россией. Но после своего возвращения в Тбилиси он все чаще стал заявлять о том, что Москва не является единственным местом, к которому может быть приковано внимание Грузии, всячески оттягивал рассмотрение вопроса о вступлении Грузии в СНГ, а затем и совсем отказался от этого шага. Однако следует отметить, что с приходом к власти в Грузии Э. Шеварднадзе на некоторое время появилась возможность «романтического союза» демократических сил Грузии и России на почве взаимных личных симпатий друг к другу их лидеров. Среди первых внешнеполитических шагов Э. Шеварднадзе было обращение к президенту России, в котором содержались основные параметры сохранения российского военного присутствия в Грузии, что не могло не встретить положительной реакции Москвы[1].

Еще в марте 1992 г. Шеварднадзе обратился к Ельцину с просьбой о не выводе войск СНГ с территории Грузии, и здесь остались практически все арсеналы и значительный воинский контингент Закавказского военного округа[2]. Однако уже в конце того же месяца министр обороны Грузии встречался в Кремле с вице-президентом России А. Руцким, а затем с командующим ВДВ генерал-полковником Е. Подколзиным, однако обещанная помощь в строительстве вооруженных сил Грузии была приостановлена. Вопрос о вступлении в СНГ оставался открытым[3]. А в начале апреля в Тбилиси прибыл министр обороны России А. Козырев. Э. Шеварднадзе вспоминает свою встречу с российским министром следующим образом: «Когда речь зашла о дипотношениях, он предложил нам всего лишь открыть представительства и начать

[1] Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве // www.abkhaziya.org.

[2] Червонная С. М. Абхазия – 1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

[3] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

представлять интересы Грузии в России. В то время Верховный Совет России готовился к обсуждению так называемого осетинского вопроса. Я попросил министра при обсуждении этого вопроса стараться избегать излишней эмоциональности. Козырев заявил: «Мы должны начать подготовку большого российско-грузинского договора»[1]. Такая позиция России была вызвана тем, что в Грузии «в ее внутриполитической жизни и внешней политике антироссийские настроения продолжали сохраняться»[2]. Да и сам Э. Шеварднадзе уже был не прочь проявлять некоторую независимость от Москвы. По мнению ученой И. Комиссиной, с его приходом к власти во внешней политике «европейское направление вышло на первый план»[3]. Действительно, к исходу второго месяца своего пребывания у власти в Грузии Э. Шеварднадзе, уже не стесняясь, начал заявлять о своей переориентации на Запад и, подобно свергнутому им же З. Гамсахурдиа, стал, правда, другими словами, провозглашать Грузию форпостом западной цивилизации на Кавказе.

Уже в апреле 1992 г. Э. Шеварднадзе заявил, что «в установлении дипломатических отношений с Грузией Россия больше нуждается, чем мы»[4]. Чуть раньше, говоря о новых векторах внешнеполитического курса грузинского государства, Э. Шеварднадзе сказал: «Умерло время, когда все решалось в Москве. Отныне решающую роль в жизни Грузии будут играть Германия и Соединенные Штаты Америки»[5]. Понятно, что это заявление было продиктовано, конечно же, позицией самих западных государств, «о решающей роли» которых провозгласил Э. Шеварднадзе. Здесь, думается, уместно напомнить об исторической подоплеке сложившейся к тому времени геополитической конъюнктуры в регионе. В отношениях ведущих государств Западной Европы со странами Закавказья сложилось своеобразное «разделение труда». У Франции установились тесные отношения с Арменией, у Великобритании – с Азербайджаном, а у Германии – с Грузией. На взаимоотношения последних в определенной степени накладывало от-

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 280.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт… С. 47.

[3] Комиссина И. Н. Грузия и Западная Европа: курс на интеграцию // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 223.

[4] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 37.

[5] Там же.

печаток не столь далекое прошлое, связанное с взаимной признательностью стран друг к другу. Грузинская сторона благодарна Германии за то, что в 1918 г. во время Трабзонской и Батумской конференций она помогла Грузии избежать аннексии своей территории Турцией, бывшей в Первой мировой войне союзницей Германии[1]. В последний день названной Батумской мирной конференции 26 мая 1918 г., после ультимативного требования Германии, Закавказская Федерация распалась, и Грузия была объявлена независимым государством. За время ее независимого существования (1918–1921 гг.) Германия, руководствуясь собственными интересами, оказывала ей военно-политическую поддержку. Эта же политика продолжилась и после возвращения в Грузию ее бывшего коммунистического руководителя, но на этот раз поддержка Германией Грузии диктовалась, судя по всему, еще и фактором самого Шеварднадзе. К примеру, в марте 2002 г. на приеме в честь Шеварднадзе в Госканцелярии г-н Геншер скажет: «Я хочу прийти к каждому грузину, приветствовать его и сказать: именно грузином был тот, кто объединил Германию, немецкий народ никогда не забудет этого».

Что касается США, то они одними из первых государств в апреле 1992 г. признали независимость грузинского государства[2]. 23 апреля США открыли в Грузии посольство. 24 апреля в Тбилиси прибыл посол Германии Г. Дальхофф. 7 апреля были установлены дипломатические отношения между Грузией и Великобританией[3], а 26 апреля было открыто посольство этой страны в Тбилиси. 5 мая Грузия вошла в систему Международного валютного фонда[4]. И в мае Комитет министров Совета Европы на своей 90-й сессии поддержал принципиальный курс на расширение контактов с Грузией[5]. Делегация Ирана, посетившая 15 мая Тбилиси, предложила новую тему для переговоров: «персидский транзит». 21 мая Турция установила дипотношения с Грузией, и Шевар-

---

[1] Комиссина И. Н. Грузия и Западная Европа… С. 254.

[2] Михайлов С. А. Отношения Грузии с США // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 201.

[3] Кикнадзе А. Грузия и Британия: двусторонние отношения // Журнал «Вопросы истории». М., 2008. № 8. С. 134.

[4] Каратаев С. В. Грузия и международные финансовые организации // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 275.

[5] Комиссина И. Н. Грузия и Западная Европа… С. 243.

днадзе получил приглашение в Стамбул (25-27 июня 1992 г.) на встречу в верхах Совета по кооперации стран Черноморского бассейна[1]. 25 мая в Тбилиси прибыл Бейкер и заявил: «Мы привезли свою политическую поддержку руководству вашей страны. Мы приехали, чтобы послать политический сигнал всем тем, кто хочет и может поддержать нашего друга Э. Шеварднадзе в возведении новой Грузии. Ваше государство получило признание США не так быстро, как другие постсоветские государства… Америка вот уже двести лет твердо стоит на защите принципов демократии и свободы, и для Америки вовсе не безразлично, как относятся к этим принципам в других странах. Тогда мы не были убеждены, что в Грузии будут следовать этим принципам. Теперь же, когда здесь находится Эдуард, мы в это верим. Мы будем оказывать Грузии широкую поддержку, если здесь будут соблюдаться нормы и правила, признанные во всем мире, и если будут проведены свободные выборы, что считается самым трудным испытанием для любой демократии»[2]. Все это дало возможность Э. Шеварднадзе заявить, что он не верит в жизнеспособность СНГ и решительно отвергает возможность вступления Грузии в эту организацию[3]. Несмотря на это, З. Гамсахурдиа в мае того же года продолжал утверждать: «Шеварднадзе не спешит официально вступать в СНГ потому, что он лжет, делает вид, что не хочет, хотя уже на самом деле Грузия подчинена СНГ и порабощена им. Грузия сейчас – самое послушное государство СНГ, а Шеварднадзе послушно выполняет приказы Москвы»[4]. Давление по вопросу его отношения к СНГ Шеварднадзе испытывал не только от свергнутого им предшественника. Он позже вспоминал: «Я немедленно столкнулся со стеной недоверия, как только заговорил о своих намерениях в отношении СНГ. Тут же посыпались утверждения, что я таким образом хочу вновь привести Грузию в лоно России. Дело дошло до того, что участие Грузии в летних Олимпийских играх в составе сборной команды СНГ стали называть государственной изменой»[5].

Посол Грузии в России В. Адвадзе 26 мая, в день независимости Грузия, сказал: «К сожалению, хочу заметить, что реальной власти внутри

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 283.
[2] Там же. С. 291.
[3] Жидков С. Бросок малой империи… 171.
4 Газ. «Кавказский дом», № 15, 7 июня 1992 г.
[5] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 273.

страны у Шеварднадзе еще нет. И мне кажется, если он не получит эту реальную власть еще до выборов, то все его достижения на мировой арене сейчас и в прошлом не помогут спасти Грузию от гибели. Он должен быть объявлен главой государства, верховным главнокомандующим и получить полномочия, и тогда, может быть, удастся добиться полной и окончательной ликвидации хаоса в республике»[1]. В подтверждение этих слов в начале июня в Тбилиси объявили забастовку сотрудники уголовной полиции. Они бастовали, потому что больше не могли выполнять свои профессиональные обязанности из-за произвола вооруженных группировок: «Мхедриони» и Национальной гвардии[2].

Исследователь В. Захаров пишет: «С появлением в Закавказье трех независимых государств – Азербайджана, Армении и Грузии – США весьма быстро и основательно обозначили цели и задачи своего политического, экономического и военного присутствия в этом регионе»[3]. Кроме того, по его мнению, «в этом регионе после 1991 г. происходит планомерное расширение НАТО», организующим и руководящим центром которого также являлись США[4]. Безусловно, уже само принятие трех закавказских стран с неблагополучной внутренней военно-политической ситуацией в ООН, где к тому времени главную скрипку играли США, свидетельствовало о наличии у них далеко идущих планов относительно стратегической ориентации этих государств. Более того, в начале 1990-х гг. в США возникает проект возрождения «Великого шелкового пути», в котором Грузии отводилась одна из ключевых ролей в т.н. «кавказском коридоре» этого пути[5]. Однако провозглашение Кавказа «зоной жизненно важных американских интересов» произошло позднее: «в январе 1997 г. американская администрация заявила о жизненно важном политическом и экономическом значении стран Закавказья для США и о намерении «повернуть свою политику» в их сторону»[6]. В

[1] «Независимая газета», № 98… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-26-maya-1992-goda?page=0,1

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 297.

[3] Захаров В. А. Грузия, НАТО, Абхазия – хроника событий и перспективы развития отношений // Независимая Абхазия: проблемы и решения. М., 2007. С. 47.

[4] Там же. С. 58.

[5] Митяев В. Г. Грузия на Великом шелковом пути // Грузия. Проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 295.

[6] Михайлов С. А. Отношения Грузии с США // Грузия: Проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 202.

интересующее же нас время США пока не предпринимали активных военно-политических шагов в указанном регионе.

Сразу после подписания соглашения в Дагомысе Б. Ельцин вместе с Э. Шеварднадзе вылетели в Стамбул. Там 25 июня главы государств и правительств Азербайджана, Албании, Армении, Болгарии, Греции, Грузии, Молдавии, России, Румынии, Турции и Украины подписали Декларацию о Черноморском экономическом сотрудничестве[1]. В качестве стран-наблюдателей в ЧЭС вступили Австрия, Словакия, Египет, Израиль, Италия, Польша и Тунис[2]. В декларации были перечислены 11 областей сотрудничества: транспорт и связь, включая соответствующую инфраструктуру; информатика; обмен экономической и коммерческой информацией, включая статистические данные; стандартизация и сертификация товаров; энергетика; добыча и переработка минерального сырья; туризм; сельское хозяйство и агропромышленный комплекс; ветеринарная и санитарная защита[3].

Несмотря на то что вывеска названной организации была экономической, ее создание было направлено на утверждение и осуществление геополитических задач. ЧЭС была создана по инициативе Турции, которая, в отличие от XIX века, когда она решала споры с Россией о сферах влияния военным путем, начала действовать посредством экономики[4]. В рассматриваемое время Турция вновь, как и в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, становится соперником России на Кавказе и в Средней Азии. При этом Турция – единственный член НАТО, имевший выход на Кавказ, с народами которого, как и с государствами Средней Азии, у нее существовали исторические, лингвистические и культурные связи.

Влияние России на Кавказе являлось сдерживающим фактором на пути «просачивания» сюда Турции, а следовательно, Запада. США поддерживали Турцию как союзника по НАТО и единственной страны в регионе, ориентированной на Запад. Этим Америка пыталась укрепить

---

[1] На основании этой декларации в 1999 г. была создана Организация черноморского экономического сотрудничества.

[2] http://inet-sochi.ru/history/?year=1992.

[3] «Независимая газета», № 120… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1992-goda

[4] Аналитический отдел Министерства информации и печати Республики Абхазия, 1995 г.

свои интересы в регионе, направленные против Ирана – второго после Турции претендента на советское наследство в Закавказье и Средней Азии. При этом нужно учитывать и следующее: союзничество Турции со странами Запада не означало отсутствия у страны красного полумесяца своих собственных, отличных от западных, интересов в регионе. Словом, в формировавшемся тогда геополитическом клубке в регионе и новой модели взаимоотношений Запада и России страна красного полумесяца, обладавшая второй по численности армией в НАТО, становилась важной составной частью геополитического треугольника США – Россия – Турция.

3. Дагомысская встреча, или южно-осетинский абзац абхазо-российско-грузинских отношений

С началом 1992 г. усилилась военно-политическая напряженность вокруг ситуации в Южной Осетии. 19 января там состоялся референдум о независимости республики и о ее присоединении к России. В ответ грузинские власти заявили, что эти решения не законны и не имеют юридической силы, что привело к ужесточению вооруженного противостояния. Президент Конфедерации горских народов Кавказа Ю. Шанибов прокомментировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Если бы человечество узнало всю правду о Южной Осетии, оно бы ужаснулось»[1]. На фоне этого из Цхинвала были выведены подразделения внутренних войск России. В связи с этим Госсовет Грузии принял обращение к грузинскому и осетинскому населению Южной Осетии с призывом приступить к переговорам[2]. Однако вооруженное противостояние не прекратилось, а, напротив, продолжило набирать обороты.

20 мая у Зарской дороги колонна осетинских беженцев, направлявшаяся в Северную Осетию, была расстреляна грузинскими военными подразделениями, в результате чего погибли 33 человека, в основном дети, женщины и старики. На следующий день чрезвычайная сессия

[1] «Независимая газета», № 84… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-aprelya-1992-goda?page=0,1

[2] Газ. «Известия», № 100… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-aprelya-1992-goda

Верховного Совета Северной Осетии приняла постановление, в котором осудила расстрел беженцев, заявила решительный протест Госсовету Грузии и объявила чрезвычайное положение на территории республики. В постановлении также предусматривалось: доукомплектовать Республиканскую гвардию, в том числе за счет казачьих подразделений, провести запись добровольцев для направления их на защиту Республики Южная Осетия; Россией обеспечить созданную в Северной Осетии Республиканскую гвардию необходимым количеством оружия, военной техники и имущества, а в случае отказа ВС республики оставляет за собой право их национализации; республиканскому комитету самообороны форсировать производство боевого оружия на предприятиях г. Владикавказа[1]. Ю. Шанибов заявил, что в связи с последними событиями начинается реализация «постановления Кавказского парламента о вводе войск КГНК в Цхинвал»[2].

Грузия отреагировала на происшедшее весьма оригинально: заместитель премьер-министра, председатель государственного комитета по правам человека А. Кавсадзе заявил, что расстрел автобуса с беженцами осуществлен «сторонниками свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа». По его словам, эта акция была направлена, прежде всего, на срыв начавшегося тогда процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта[3]. На случившееся отозвался и Госсовет Грузии, который возложил вину за названную акцию на «врагов грузинского народа», а уполномоченный Грузии в Цхинвале Р. Тушурашвили высказал мнение, что во всём виноваты сторонники Гамсахурдиа, всячески мешающие стабилизации обстановки в регионе. Бывший премьер-министр Грузии Т. Сигуа позже вспоминал: «Уже после завершения конфликта Шеварднадзе извинился перед осетинами за трагедию, которая произошла на Зарской объездной дороге. Но наши Минобороны и МВД категорически отрицали свою вину в этом инциденте. Целый месяц велось расследование. Причастность к расстрелу беженцев наших официальных формирований не подтвердилась. Но там было много парти-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 249.

[2] «Независимая газета», № 97… С. 1, 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-23-maya-1992-goda

[3] Газ. «Известия», № 118… с. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-maya-1992-goda

занских группировок, и я не исключаю, что это могли сделать они»[1]. Сам Э. Шеварднадзе, действительно, тогда неоднократно отмечал, что боевые операции в Южной Осетии проводились без ведома высшего руководства страны и министра обороны Т. Китовани, возложив тем самым ответственность на полевых командиров[2]. Однако наряду с этим тогда Прокуратура Грузии на третий день расследования этого инцидента заявила, что осетинская сторона мешает следствию, и потому сами осетины «не заинтересованы в установлении истины».

22 мая в связи с трагическими событиями в Южной Осетии Верховный Совет России выступил с заявлением, в котором высказал возмущение и протест против акта насилия, призывал к полному прекращению огня и кровопролития в Южной Осетии, безотлагательной нормализации обстановки на основе справедливого политического урегулирования конфликта[3]. В то же время Запад продолжал безоговорочно поддерживать Грузию. Именно с 5 по 22 мая в Грузии осуществлялась первая миссия докладчика СБСЕ. Тогда представители этой делегации Э. Гарримос, К. Брух, М. Гонар побывали и в Абхазии, где имели встречи и беседы с В. Ардзинба, депутатами и представителями фракций Верховного Совета[4]. Тем временем в конце мая в Махачкале на объединенной сессии парламента и президентского совета КГНК делегаты от Южной Осетии охарактеризовали ситуацию в республике как критическую и подчеркнули, что «осетинское население в отчаянии»[5].

9 июня Президент России обратился к сторонам с призывом «прекратить бессмысленное кровопролитие». Вместе с тем, он выразил готовность РФ «к любым совместным мерам по урегулированию ситуации и оказанию содействия в ликвидации напряженности в Южной Осетии»[6]. И уже 10 июня в Казбеги состоялась встреча Председателя Госсовета Грузии и Председателя Верховного Совета Северной Осетии

---

[1] Вигнанский М. «Шеварднадзе упустил время». 2 июня 2007 г. http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m95211.htm.

[2] Газ. «Известия», № 135… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-iyunya-1992-goda

[3] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt13668.shtm.

[4] Газ. «Абхазия», № 20, 29 мая-5 июня1992 г.

[5] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 33.

[6] «Российская газета», № 132… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-iyunya-1992-goda?page=0,1

А. Галазова. В ней приняли участие: с грузинской стороны – министр обороны Т. Китовани и заместитель премьер-министра А. Кавсадзе; с осетинской – Председатель Совета Министров С. Хетагуров, министры внутренних дел и безопасности Г. Кантемиров и Ю. Бзаев, председатель комитета по делам национальностей при Совете Министров Т. Кусов. Стороны договорились добиваться немедленного прекращения огня; сформировать совместную четырехстороннюю группу наблюдателей до 12 июня, приступить к формированию совместного миротворческого подразделения. Также было признано целесообразным участие в переговорном процессе по урегулированию конфликта в Южной Осетии Российской Федерации и Республики Армения[1].

Однако Премьер-министр Южной Осетии О. Тезиев назвал эти переговоры отвлекающим маневром[2]. Следовательно, эти договоренности не дали никаких результатов, и 12 июня ВС России выступил с повторным заявлением, в котором потребовал неукоснительного соблюдения обеими сторонами конфликта соглашения о прекращении боевых действий, подписанного руководством Грузии и Северной Осетии. Российские парламентарии предлагали начать работу совместной комиссии с участием представителей Российской Федерации, Грузии и Южной Осетии для выработки скоординированных действий по нормализации обстановки в Южной Осетии. ВС России также поручил Правительству РФ поставить в известность СБ ООН, правительства стран СНГ и других государств, международную общественность о мерах по защите мирного населения и обеспечению безопасности южных рубежей РФ[3]. Подобное развитие событий в Южной Осетии не могло не оказывать дестабилизирующего влияния на ситуацию в Северной Осетии. Это подтверждается тем, что тогда же, 12 июня, ВС России утвердил решение ВС Северной Осетии о введении чрезвычайного положения на территории Северной Осетии[4].

Наряду с этим, несмотря на не совсем дружественный шаг к грузинской стороне, в тот же день, 12 июня, Б. Ельцин позвонил Э. Шеварднадзе. Во время разговора по телефону обсуждался вопрос заключения

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 250.

[2] «Независимая газета», № 110… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-iyunya-1992-goda

[3] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt13345.shtm

[4] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt13347.shtm

российско-грузинского договора. И уже на следующий день, 13 июня, в Тбилиси прибыла рабочая группа российского МИД, которая должна была обсудить механизм установления дипотношений между Россией и Грузией[1]. Однако в тот же день, 13 июня, на российский учебный танковый полк в Гори было совершено нападение. Около 200 грузинских гвардейцев из Хашурского, Каспского и Горийского батальонов национальной гвардии ворвались на территорию полка, чтобы захватить оружие. Российским военным удалось отразить нападение. При этом 12 грузинских гвардейцев погибли, 20 были ранены и 28 взяты в плен. Россияне потеряли убитыми двух офицеров и восьмилетнюю М. Савостину – дочь одного из военнослужащих[2].

Тем временем, 13 июня во Владикавказ прибыл президент Конфедерации горских народов Кавказа Ю. Шанибов с взводом абхазского батальона КГНК[3]. Президент КГНК при личной встрече известил Председателя ВС Северной Осетии А. Галазова и министра внутренних дел С. Осетии Г. Кантемирова о решении Кавказского парламента и целях прибывшего первого отряда добровольцев Конфедерации. А. Галазов связался с Советом Безопасности России, а Г. Кантемиров – с министром обороны Грузии Т. Китовани. Обоим было обещано, что немедленно будут приняты меры по прекращению войны. Т. Китовани при этом настоятельно попросил, чтобы осетинский вопрос был разрешен без КГНК[4]. После двух дней переговоров отряд КГНК отступил в Нальчик[5].

Между тем, утром 15 июня Председатель ВС РФ Р. Хасбулатов позвал в свой кабинет журналистов и зачитал им Заявление в связи с ситуацией в Южной Осетии. Спикер российского парламента обвинил грузинские власти в «геноциде и массовом изгнании южноосетинского народа». Р. Хасбулатов также заявил, что ВС РФ «может быть поставлен в такие условия, когда вынужден будет рассмотреть» обращение Южной Осетии о ее присоединении к Российской Федерации[6]. Северная Осе-

---

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 297.

[2] Баранец В. Н. Генштаб без тайн. http://www.erlib.com

[3] «Независимая газета», № 112… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-iyunya-1992-goda

[4] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 34.

[5] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[6] «Независимая газета», № 112… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-iyunya-1992-goda

тия с удовлетворением восприняла это заявление спикера российского парламента[1]. Зато им остались очень недовольны в Грузии. В ответном обращении Госсовета было отмечено, что Хасбулатов грубо исказил картину происходящих в Цхинвале событий и на основе этого предпринял попытку отторжения от Грузии части ее территории. Госсовет назвал заявление Р. Хасбулатова «отголоском имперского сознания»[2].

Бывший президент Северной Осетии А. Галазов в своей книге «Пережитое» пишет следующее: «В июне ситуация в Южной Осетии стала еще больше накаляться. Шла настоящая война. В ней уже открыто принимали участие добровольцы из Северной Осетии во главе с командиром ополчения Б. Дзуцевым. На помощь южным братьям формировались новые отряды добровольцев, они требовали у нас оружие и рвались в бой… В середине июня 1992 года я связался с Борисом Николаевичем Ельциным по телефону, проинформировал его о ситуации в Южной Осетии, о положении беженцев и совершенно серьезно заявил: «Борис Николаевич, обстановка так складывается, что я буду вынужден в нарушение Конституции РСФСР по воле народа, высказанной на Первом Всеосетинском съезде, объявить единую Осетию и совместными силами бороться с Грузией. Вы понимаете, что это может стать началом войны России с Грузией. Я не хочу этого, но дальше удерживать ситуацию руководство республики не может. Я прошу Вашего совета и личного участия в разрешении юго-осетинской проблемы». «Передай народу, что я готов лично принять участие в решении проблемы Южной Осетии. Я выезжаю в Штаты и обещаю тебе, что по возвращении оттуда я немедленно займусь этим. Удержи до этого ситуацию», – был ответ Ельцина»[3].

Визит Президента России в США проходил с 15 по 19 июня, во время которого 17 июня в Вашингтоне президенты Дж. Буш и Б. Ельцин подписали совместную Декларацию о конверсии оборонного комплекса «Joint Russian-U.S. Declaration on Defence Conversion», которая затрагивала широкий круг вопросов экономических связей двух стран. Фактически этот документ вышел за рамки только конверсионных отношений и наметил более широкую модель экономического сотрудничества

[1] Газ. «Известия», № 139… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-iyunya-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 140, 17 июня 1992 г. С. 1.

[3] http://cominf.org/node/1166480315.

США и России в новую эпоху. Декларация предполагала оказание помощи российской экономике со стороны американского правительства и бизнеса. В Декларации заявлялось, что «Соединенные Штаты Америки намерены содействовать американскому бизнесу, связанному с конверсионными проектами в России, включая совместные предприятия, посредством... создания в России бизнес-центров для обучения бизнесменов США, работающих в России, создания службы деловой информации («BISNIS») в Вашингтоне с тем, чтобы помочь бизнесу России найти потенциальных инвесторов в США, и привлечь Программу по торговле и развитию (TDP), Корпорацию по зарубежному частному инвестированию (OPIC) и Экспортно-импортный банк (Exim Bank), чтобы простимулировать интерес американского частного инвестирования в конверсионные проекты»[1].

В тот же день президентами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки была подписана рамочная договоренность о дальнейших существенных сокращениях стратегических наступательных вооружений. «Вашингтонская хартия», подтвердившая окончание холодной войны, в частности, предусматривала: 1. В течение семи лет после вступления в силу Договора по СНВ они сократят свои стратегические силы до уровня, не превышающего: a) суммарный уровень боезарядов для каждой из Сторон между 3800 и 4250 единицами (как определит для себя каждая из Сторон) или такой более низкий уровень, какой определит для себя каждая из Сторон; b)1200 единиц боезарядов на МБР с РГЧ ИН; c) 650 единиц боезарядов на тяжелых МБР; d) 2160 единиц боезарядов на БРПЛ. 2. К 2003 году (или к концу 2000 года, если Соединенные Штаты смогут внести вклад в финансирование уничтожения или ликвидации стратегических наступательных вооружений в России) они: a) сократят суммарное количество боезарядов каждой из Сторон до уровня между 3000 и 3500 единиц (как определит для себя каждая из Сторон) или до такого более низкого уровня, который будет определен каждой из Сторон; b) ликвидируют все МБР с РГЧ ИН; c) сократят число боезарядов на БРПЛ до уровня, не превышающего от 1700 до 1750 боезарядов (как определит для себя каждая из Сторон). 3. Для целей подсчета вышеуказанных общих количеств: a) число боезарядов, засчитываемых за

[1] Соединенные Штаты Америки в современной системе международных отношений (1990-е гг.) // http://abc.vvsu.ru/Books/vnesh_polit_usa/page0001.asp

тяжелыми бомбардировщиками, предназначенными для выполнения ядерных задач, будет числом ядерных вооружений, для которого они реально оснащены; b) при соблюдении согласованных процедур тяжелые бомбардировщики в количестве, не превышающем 100 единиц, которые никогда не были оснащены для ядерных КРВБ большой дальности и которые переориентированы для выполнения неядерных задач, не будут засчитываться в общие уровни, предусмотренные настоящей договоренностью; i) такие тяжелые бомбардировщики будут базироваться отдельно от тяжелых бомбардировщиков, предназначенных для выполнения ядерных задач; ii) никакое ядерное оружие не будет размещаться на базах для тяжелых бомбардировщиков, предназначенных для неядерных задач; iii) такие самолеты и экипажи не будут участвовать в учениях или проходить подготовку для выполнения задач с применением ядерного оружия; iv) существующие процедуры инспекций, которые уже согласованы в Договоре по СНВ, будут использоваться для подтверждения того, что эти бомбардировщики предназначены для выполнения неядерных задач. Не будут требоваться никакие новые процедуры проверки; v) если не будет согласовано иное, эти бомбардировщики будут по-прежнему подпадать под положения Договора по СНВ, включая положения об инспекциях[1].

Т. Сигуа, вспоминая события вокруг Южной Осетии, сообщает: «Ситуация была тяжелая, и Шеварднадзе высказался за подписание соглашения, которое могло остановить кровопролитие. Позвонил Борису Ельцину, они договорились провести встречу»[2]. И действительно, судя по всему, между Ельциным и Шеварднадзе предварительно была какая-то договоренность по Дагомысской встрече и о решениях, которые должны были быть приняты там. В своем ежегодном обращении к народу 17 июня Э. Шеварднадзе заявил, что, «если разрешение этого конфликта пойдет по плану, Грузия совместно с Россией внесут значительный вклад в международную практику урегулирования этноконфликтов»[3]. Однако именно тогда в Южную Осетию вошли регулярные грузинские войска. По свидетельству полковника В. Баранца, «к пригородам Цхинвала грузины подтащили системы залпового огня, танки и артиллерию

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt13311.shtm.
[2] Вигнанский М. Шеварднадзе упустил время…
[3] Чикваидзе А. На изломе истории. М., 2006. С. 309.

и открыли огонь по жилым кварталам города»[1]. Осетины попросили Москву вмешаться.

19 июня в Цхинвали приехала российская официальная делегация, возглавляемая С. Шойгу. Она встретилась с руководством Южной Осетии, была обсуждена ситуация в республике, обговорены вопросы помощи со стороны России, проблемы, связанные с выводом саперного и вертолетного полков[2].

Видимо, продолжением антироссийского политического демарша следует считать и договор Грузии с Молдовой, которая одной из первых десятью месяцами ранее, еще при З. Гамсахурдиа, официально признала независимость Грузинского государства. 20 июня Председатель Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе и Президент Молдовы М. Снегур обратились в ООН и международные организации с жалобой на агрессию России и попросили прислать в Южную Осетию[3] и Приднестровье наблюдателей СБСЕ[4]. В тот же день Э. Шеварднадзе также обратился к СБСЕ, НАТО и ЕС и другим международным и региональным организациям «предпринять все необходимые шаги для того, чтобы не допустить агрессии против Грузии»[5].

Ответ на антироссийскую риторику не заставил себя долго ждать. В тот же день, 20 июня, Правительство Российской Федерации заявило, что оно отвергает «адресованные России обвинения в акте агрессии против Грузии» и пригрозило, что Российская Федерация «предпримет все необходимые меры по защите прав человека, жизни и достоинства населения региона, восстановлению мира и правопорядка»[6]. В полночь

[1] Баранец В. П. Генштаб без тайн //http://militera.lib.ru/research/0/chm/baranets1.zip

[2] Газ. «Известия», № 144… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-iyunya-1992-goda

[3] По этой просьбе грузинского правительства 25–30 июля СБСЕ направило в Южную Осетию миссию по сбору фактов, что можно рассматривать началом проявления реального военно-политического интереса к региону со стороны Запада. Однако это «происходило уже после подписания 24 июня Дагомысского Соглашения между Россией и Грузией, и начавшийся процесс вмешательства СБСЕ в грузино-осетинский конфликт был прерван российским руководством».

[4] Жидков С. Бросок малой империи… С. 190.

[5] Газ. «Известия», № 144… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-iyunya-1992-goda

[6] «Российская газета», № 141… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-iyunya-1992-goda?page=0,1

21 июня Вице-президент Российской Федерации А. Руцкой выступил со следующим заявлением: «Я как вице-президент России в отсутствие Президента и в связи с событиями в Молдове и Приднестровье, Грузии и Южной Осетии вынужден обратиться к вам с заявлением… Мы намерены решительно положить предел массовому убийству мирного населения. Сегодня на заседании правительства России принято решение, которое дает полномочия вооруженным силам, находящимся под юрисдикцией России, отражать всеми имеющимися средствами нападения на военнослужащих и членов их семей»[1].

Это заявление вице-президента России вызвало в Грузии и в Молдове бурю негодования. Митинг протеста у штаба Закавказского военного округа провела Партия национальной независимости и потребовала немедленного вывода войск округа с территории Грузии. В ночь с 20 на 21 июня президент М. Снегур позвонил Э. Шеварднадзе и поделился своей тревогой в связи с заявлением вице-президента России А. Руцкого. 21 июня Э. Шеварднадзе направил открытое письмо А. Руцкому. При этом М. Снегур заявил, что Россия поддерживает неокоммунистические режимы и фактически осуществляет агрессию по отношению к суверенным государствам[2]. В ответ на это Президент России поспешил прямо в аэропорту резко предупредить президента Молдовы[3].

Тем временем, 19 июня Ельцин вернулся из Вашингтона, однако А. Галазов, которому он обещал позвонить по возвращении, так и не дождался звонка от него ни в этот день, ни на второй, ни на третий. Тогда 22 июня в девять часов утра Галазов сам позвонил Ельцину, который ответил: «Успокойся. Я тебе перезвоню через тридцать минут». Он действительно позвонил через 20-30 минут А. Галазову и дал следующее указание: «Завтра мы в Дагомысе встречаемся с Л. Кравчуком и Украинской правительственной делегацией. Послезавтра в 10. 00 там же встречаются делегации России и Грузии при участии Северной и Южной Осетии. С Эдуардом Амвросиевичем я договорился. Забирай руководителей Южной Осетии и вылетайте туда. Войну в Южной Осетии мы на этот раз остановим». Видимо, одним из рычагов для того, чтобы «войну в Южной

[1] «Российская газета», № 141… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-iyunya-1992-goda?page=0,1

[2] Газ. «Известия», № 144… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-iyunya-1992-goda

[3] Там же.

Осетии на этот раз остановить», было прекращение 22 июня российским концерном «Газпром» подачи газа в Грузию.

Пока происходила заочная дуэль между грузинскими и российскими чиновниками, стал известен круг вопросов, подготовленных для обсуждения в Дагомысе на встрече российской и украинской делегаций. Последние коррективы были внесены на заседании Кабинета министров Украины. Речь шла, прежде всего, о пакете экономических вопросов, среди которых межгосударственный зачет долгов предприятий России и Украины, взаиморасчеты государств при выходе Украины из рублевой зоны, а также ценообразование при взаимных поставках продукции, их объем и номенклатура на следующий год. Была сформирована также позиция Украины относительно раздела собственности бывшего Советского Союза за границей и разблокирование валютных счетов ее граждан и организаций в бывшем Внешэкономбанке СССР[1]. Россия и Украина договорились о временном совместном использовании и финансировании Черноморского флота. На заключительной пресс-конференции Президент Украины Л. Кравчук решительно поддержал подписанные 17 июня Б. Ельциным и Дж. Бушем договоренности о кардинальном сокращении СНВ[2].

24 июня, как уже было сказано, в Дагомысе должна была состояться четырехсторонняя встреча по разрешению военно-политической ситуации в Южной Осетии. Однако накануне встречи, в ночь на 24 июня, в 3 часа, сторонники Гамсахурдиа предприняли попытку захвата власти в Тбилиси. Вооруженная группа численностью 100 человек напала на подразделение МВД и захватила одну БМП, а затем здание департамента Гостелерадио и телевизионную вышку. В 6 часов утра по радиоэфиру к населению обратился предводитель группы В. Шургая, который призвал население собраться у здания департамента Гостелерадио с тем, чтобы на многолюдном митинге выдвинуть требования о низложении тогдашней власти и возвращении З. Гамсахурдиа[3]. Однако вскоре эта группа, потеряв до 40 человек убитыми, вынуждена была отступить. Потом Э. Шеварднадзе назвал происшедшее «последним выступлением

[1] Газ. «Известия», № 144… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-22-iyunya-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 146… С. 1, 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-24-iyunya-1992-goda

[3] Газ. «Абхазия», № 23, 29 июня - 4 июля1992 г.

«звиадистов»[1]. Сам З. Гамсахурдиа не только заявил о своей непричастности, но и обвинил «в провокации с целью выявить скрытых сторонников президента»[2]. Действительно, происшедшее многими было воспринято как инсценировка, организованная самим главой Госсовета Грузии. В пользу этого может служить и его восклицание: «Игра окончена!», которое было напечатано в грузинских газетах[3]. Эти слова он произнес сразу после освобождения телевизионной башни, обращаясь к собравшемуся около здания Госсовета народу[4]. Тогда распространились слухи о том, что при захвате теледепартамента была использована техника, захваченная у 8-го полка Внутренних войск СНГ. Однако названный полк был давно выведен с территории Грузии, на которой к рассматриваемому времени не было ни одного подразделения ВВ СНГ. Об этом рассказал начальник пресс-центра ЗакВО полковник Г. Долгачев. Он заявил, что «войска российской армии, дислоцированные на территории Грузии, к вооруженному конфликту в центре Тбилиси никакого отношения не имеют»[5]. А уцелевшие участники мятежа в Тбилиси во главе с В. Шургая через полтора месяца были амнистированы.

Сначала 24 июня Шеварднадзе из-за событий в Тбилиси задержался в родной столице. Однако действительная причина его сомнения о целесообразности участия в Дагомысской встрече была в другом. За день до открытия встречи Россия в Совете Безопасности ООН предложила на неофициальном заседании отложить дипломатическое признание Грузии[6]. Э. Шеварднадзе заявив, что не может позволить себе сорвать назначенную встречу с Ельциным, всё же вылетел в Сочи. А. Галазов также пишет о том, что под вопросом был приезд грузинской делегации, но к 12. 00 все прояснилось.

О ходе встречи самой Дагомысской встречи бывший Президент Северной Осетии сообщает следующее: «Некоторое время шел торг: предлагалось нам с С. Хетагуровым занять места вместе с делегацией России, Т. Кулумбегову, О. Тезиеву и А. Чочиеву – вместе с грузинской.

---

[1] Басариа В. К. Время тяжких испытаний. Сухум, 1994. С. 78.
[2] Жидков С. Бросок малой империи… С. 192.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… С. 9.
[4] Газ. «Абхазия», № 23, 29 июня - 4 июля1992 г.
[5] Там же.
[6] «Независимая газета», № 120… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1992-goda

Последние наотрез отказались и расположились в торце длинного стола. После обмена мнениями стали обсуждать предложенный проект Соглашения. С российской стороны в центре стола сидел Б. Ельцин, справа от него – С. Филатов, рядом я и С. Хетагуров, с левой – Руцкой, Козырев, Грачев и Ерин. Как помнится, вместе с Шеварднадзе были Т. Сигуа, Т. Китовани, А. Кавсадзе и другие представители руководства Грузии. Обсуждение проекта шло активно между Э. Шеварднадзе и Б. Ельциным. Борис Николаевич согласовывал каждый пункт со мной и только после этого давал свое согласие на него»[1]. Несмотря на это утверждение, у Президента России были другие задачи. В ходе встречи Вице-президент РФ А. Руцкой пытался более детально обсудить проблему. Но Б. Ельцин, выслушав всех, подвел черту: «Мы (с Шеварднадзе. – **А. А**.) имеем все полномочия подписать этот документ»[2]. Э. Шеварднадзе после встречи, комментируя ее итоги, заявил: «Я очень доволен состоявшейся встречей и беседой с Б. Ельциным. Это была очень нужная встреча»[3]. По мнению историка-международника Б. Мурванидзе, Дагомысское соглашение стало «следствием предъявленного ранее Россией ультиматума с требованием прекратить военные действия»[4]. Но при этом весьма интересным и непонятным остается то, что А. Галазов с удивлением сообщает, что «Юго-Осетинская делегация на встрече была совершенно равнодушна к тому, что происходило»[5].

Само соглашение, в частности, предусматривало: принять все меры к прекращению военных столкновений до 28 июня; 29 июня ввести вооруженные формирования с целью создания коридора, примыкающего к линии соприкосновения сторон; вывод из г. Цхинвала российских 37-го инженерно-саперного и 292-го отдельного вертолетного полков; учреждение смешанной контрольной группы; недопустимость экономических санкций и блокады, экономическое восстановление

---

[1] http://cominf.org/node/1166480315.

[2] «Независимая газета», № 120… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1992-goda

[3] «Российская газета», № 145… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1992-goda?page=0,1

[4] Мурванидзе Б. Ю. Основные ориентиры внешней политики Грузии в период правления Эдуарда Шеварднадзе // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. М., 2008. № 18. С. 65-66.

[5] http://cominf.org/node/1166480315.

вовлеченных в конфликт районов и создание условий для возвращения беженцев[1]. По мнению С. Червонной, «позиция юго-осетинского руководства, требовавшего установления договорных отношений между Южной Осетией и Грузией, не была принята во внимание: напротив, была подтверждена территориальная целостность Грузинского государства»[2]. А. Зверев также отмечал, что «интересы осетинской стороны в расчет не принимались»[3]. Подтверждением этого являются и слова министра внешних связей Южной Осетии У. Джиоева, прокомментировавшего Соглашение следующим образом: «Нас «женили» без нас. В протоколе есть пункты, которые не устраивают нас, поскольку они нереальны, например, о введении в Цхинвал совместных с грузинами формирований по разъединению воюющих сторон. Мы опасаемся, что, в конце концов, в этих силах останутся одни грузины. Что из этого получается, мы уже знаем. Вмешательство же нейтральной силы желательно. Мы возлагали надежды на Россию, но если усилий с ее стороны не последует, такой силой может быть и Конфедерация горских народов Кавказа... Это попытка отдать нас на откуп Грузии»[4].

Кроме того, в Дагомысе «было заявлено, что РФ приветствует намерение Грузии стать членом ООН и что Россия в качестве постоянного члена СБ ООН будет способствовать вступлению Грузии в ООН»[5].

28 июня на территории вертолетного полка в Цхинвале состоялась встреча представителей грузинской и осетинской сторон для практического воплощения в жизнь Дагомысских соглашений[6]. 4 июля в г. Владикавказе был подписан Протокол № 1 заседания Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта, в котором было зафиксировано следующее: 1. Учредить Смешанную контрольную комиссию (СКК) в составе С. Шойгу, Г. Филатова, С. Хетагурова, С. Суанова, О. Тезиева, П. Газаева, Т. Китовани, П. Георгадзе, Х. Ломоури,

---

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 252-253.

[2] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

[3] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе… С. 53.

[4] «Независимая газета», № 122… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-iyunya-1992-goda

[5] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 300.

[6] Газ. «Известия», № 150… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-iyunya-1992-goda

Э. Сабанадзе, Г. Тушурашвили; 2. Возложить обязанности сопредседателей Смешанной контрольной комиссии на Т. Китовани, С. Шойгу и С. Хетагурова; 3. Возложить на Смешанную контрольную комиссию выполнение следующих функций: а) обеспечение контроля за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности в зоне конфликта; б) определение с командирами противостоящих группировок, порядка разъединения сил и прекращения огня; в) создание Смешанных сил для обеспечения мира и поддержания правопорядка, находящихся под непосредственным руководством СКК; г) разработка стратегии и тактики применения смешанных сил; д) формирование группы экспертов для выработки решений и ведения переговоров по экономическому восстановлению районов и возвращению беженцев; е) учреждение специального многостороннего пресс-центра; ж) назначение расследования обстоятельств возможных нарушений условий сочинского соглашения и принятие срочных мер по их недопущению»[1]. Документ подписали С. Шойгу, Т. Китовани, А. Галазов, Т. Кулумбегов.

Выступивший вечером 6 июля по Грузинскому телевидению Э. Шеварднадзе не преминул подчеркнуть, что «Цхинвали – город грузинский, а проживающие там осетины – граждане Грузии, нуждающиеся в помощи, как и все, кого постигла тяжелая участь в этом конфликте[2]. 8 июля в ходе 45-минутной встречи членов делегации Госсовета Грузии и председателя ВС России Р. Хасбулатова была затронута и проблема урегулирования ситуации в зоне осетинского конфликта. Грузинские парламентеры с удовлетворением отметили «очень объективную позицию» в этом вопросе спикера российского парламента[3].

9 июля в Южную Осетию был введен российский парашютно-десантный полк и были сформированы осетинский и грузинский миротворческие батальоны[4]. Само Дагомысское соглашение вступило в силу 14 июля и с тех пор оно в основном соблюдалось. Т. Сигуа, размышляя на эту тему уже в совершенно других военно-политических реалиях,

[1] http://cominf.org/node/1166483728.

[2] «Независимая газета», № 128… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-8-iyulya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 130… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-iyulya-1992-goda

[4] Широкорад А. Война и мир Закавказья… С. 260.

говорил: «Не следовало, возможно, приглашать миротворцев России – соседней страны, с которой ты в сложных отношениях. И ООН, кстати, не рекомендует этого делать. Но с участием батальонов от Грузии и Северной Осетии создавался уникальный формат миротворческой операции. На тот момент это удовлетворяло все стороны»[1]. «Всю ответственность за это решение беру на себя» – такое заявление сделал на заседании Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе, комментируя ввод миротворческих трехсторонних сил в 15-километровую зону безопасности в Южной Осетии[2].

Министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе во время своего выступления в ООН 31 июля высоко оценил названное соглашение. Он тогда отмечал: «Уже две недели назад и в этом регионе (Южная Осетия. – **А. А**.) наступил мир, и впервые за три года не льется кровь, жизнь постепенно входит в нормальное русло. Более того, выработанная нами формула урегулирования этого конфликта, по-видимому, может быть использована в будущем для преодоления этнических и национальных конфликтов»[3]. Однако у исследователя А. Соколова по этому поводу сложились совсем иные впечатления, который, рассматривая миротворческий процесс в Южной Осетии после подписания означенного соглашения, пишет: «Следует отметить, что собственно Дагомысские соглашения не были в итоге реализованы, однако они заложили основы для миротворческой деятельности в регионе. Смешанной Контрольной комиссии, в состав которой должны были войти представители грузинской, южноосетинской стороны и России (в том числе Северной Осетии), так и не удалось начать систематическую работу. На протяжении всего периода, прошедшего после соглашения, тема необходимости постоянной работы комиссии обсуждалась, однако ее работа ограничивалась проведением нескольких встреч делегаций в течение года и принятием протокольных решений. Грузинский батальон оказался в основном сформирован из представителей местного грузинского населения, принимавших до того участие в боевых действиях в регионе. Добровольцы из Северной Осетии также вскоре покинули миротвор-

[1] Вигнанский М. Шеварднадзе упустил время…

[2] Газ. «Известия», № 162… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-iyulya-1992-goda

[3] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 309.

ческие силы, и личный состав североосетинского батальона пополнили контрактники из местного осетинского населения. Предполагаемое общее превосходство осетинских сил в боевой технике было причиной постоянного беспокойства грузинского командования. Не исчезла подозрительность в отношении намерений грузинских военных и среди осетин. В сложившихся условиях командованием миротворческих сил было принято решение не устанавливать на дорогах смешанные посты и разделять, по возможности, посты миротворцев грузинского и осетинского контингента постами российских сил. В условиях паралича власти в Грузии и Южной Осетии в 1992-1993 гг. создание миротворческих контингентов из бывших боевиков позволило сковать действия противоборствующих групп в регионе... Ни в какой другой миротворческой операции на территории бывшего СССР не было столько случаев правонарушений со стороны миротворцев, в том числе торговли наркотиками. Виновные в большинстве случаев не несли никакого наказания»[1].

Авторы уже упоминавшейся «Системной истории…», размышляя о движущих силах Дагомысской встречи, сообщают следующее: «Российское руководство было радо свержению режима З. Гамсахурдиа и не хотело наносить удар по престижу нового грузинского руководства. Задачей переговоров была выработка компромисса, который позволил бы сохранить территориальную целостность Грузии и одновременно расширить права входящих в нее национально-территориальных образований. По Южной Осетии компромисса удалось достигнуть. Обсуждение абхазского вопроса было решено перенести в Москву на встречу представителей России, Грузии и Абхазии. В августе она состоялась. Было подписано соглашение, по которому Грузия получила право сохранить в Абхазии войска «в пределах согласованного лимита». Россия подтвердила признание Абхазии частью Грузии. Абхазская сторона была недовольна московским соглашением»[2]. Здесь необходимо внести следующее уточнение: во-первых, встреча представителей Абхазии, России и Грузии состоялась не в августе, а 3 сентября 1992 года. Решение о ней было принято не 24 июня, а в результате множества консультаций, заявлений и требований в адрес руководства России и

[1] Соколов А. В. Миротворческая активность… // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/chapter1.htm.

[2] http://www.abkhaziya.org/books/system_history.html.

Грузии со стороны Абхазии и Северного Кавказа уже после начала войны в Абхазии. К этому времени ситуация была в корне отличной от той, которая складывалась перед 24 июня, поэтому ее участники тогда не могли назначать дату такой встречи на сентябрь. Хотя на этих двух встречах обсуждался вопрос о прекращении боевых действий, они разные по формату. Вместе с тем, замечание авторов о том, что в Дагомысской встрече Россия «не хотела наносить удар по престижу нового грузинского руководства» имеет непосредственное отношение и к сентябрьской встрече.

На Дагомысской встрече, как считается, Россией, несмотря на антироссийские заявления и демарши, было дано согласие на вторжение Грузии в Абхазию. По итогам встречи также было принято Коммюнике, в котором было зафиксировано положение, по мнению наблюдателей, «давшее впоследствии Шеварднадзе возможность начать военную операцию в Абхазии»[1]. В одном из пунктов названного документа говорилось: «Правоохранительные органы Грузии и России будут решительно пресекать деятельность незаконных военных, полувоенных и самовольно образованных отрядов и групп на территориях под их юрисдикцией». Расплывчатость и возможность широкого толкования именно этого пункта, по мнению С. Лакоба, позволила развязать руки Госсовету Грузии[2] в своих действиях против Абхазии[3]. Такого же мнения, даже более категоричного, придерживается и грузинский историк Д. Джоджуа. Он, говоря о Дагомысских договоренностях, пишет: «Этим соглашением Э. Шеварднадзе получил от Б. Ельцина санкцию на проведение военной операции на территории Абхазии, как видно, с гарантиями нейтралитета со стороны России»[4].

Позже, уже после начала войны в Абхазии, председатель Государственного комитета по национальной политике В. Тишков писал: «Я не

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 24.

[2] Сам Б. Ельцин в своих воспоминаниях ничего не говорит не только о достигнутых договоренностях, и вовсе не упоминает о самих встречах в Дагомысе ни с представителями Украины, ни с Шеварднадзе. Он даже не пишет о поездке в Стамбул, которая состоялась на следующий день, где Ельцин протежировал и всячески демонстрировал поддержку новому старому грузинскому руководителю.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 24.

[4] Джоджуа Д. Сущность конфликта в Абхазии - российско-грузинская война // http://rus.expertclub.ge/portal/cnid__7464/alias__Expertclub/lang__ru/tabid__2546/default.aspx.

знаю точно, о чем договаривались Ельцин и Шеварднадзе в Дагомысе, но не думаю, как это иногда говорят, будто Шеварднадзе получил от России согласие на подавление абхазов. Просто была подтверждена необходимость взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности – обычная дипломатическая политика. Но каждый читает договоренность по-своему. И Шеварднадзе, видимо, интерпретировал договоренность как развязывание рук для агрессивных действий против собственного населения, которое в культурном отношении очень близко российским народам Северного Кавказа»[1]. В резолюции съезда адыгейского народа, принятой в ходе войны 20 февраля 1993 г., было сказано: «Съезд адыгейского народа считает необходимым предать гласности документы Дагомысских соглашений между правительствами России и Грузии с тем, чтобы граждане России узнали правду о том, как было положено начало грузинской агрессии против Абхазии»[2].

Вообще, эта встреча оставила после себя больше вопросов, чем ответов, как в грузино-российских взаимоотношениях, так и в российской политике в регионе в целом. Уже после агрессии Грузии Ю. Шанибов скажет: «Все, что сделано, сделано с санкции и при помощи России. Шеварднадзе, выступая по первому каналу Останкино, заявил, что в Дагомысе он договорился с Президентом России, который обещал весомую поддержку в решении за очень короткий срок абхазской проблемы»[3]. Так или иначе, видимо, Россия, действительно дала согласие на вторжение в Абхазию. Хотя, по всей видимости, она уже тогда сомневалась в верноподданнических настроениях Шеварднадзе, который всеми правдами и неправдами оттягивал свое вступление в СНГ, в сферу влияния России. И согласие, более того, создание условий для вторжения Грузии в Абхазию, могло являться частью многоходовой политической комбинации, которая, по-видимому, преследовала цель выявления настоящих намерений Грузии. Впрочем, и тогда, и затем российское руководство, отвечая на многочисленные обвинения и упреки, всегда однозначно отрицало саму возможность такой постановки вопроса. В стенограмме заседания ВС России, на которой обсуждался вопрос

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 152.
[2] http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041253.htm
[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 37.

импичмента Президенту Ельцину, вопрос начала войны в Абхазии не значился. Но, тем не менее, 24 августа 1998 г. при заслушивании специальной комиссии по импичменту Президента России на заседании Государственной Думы в одном из пунктов обвинений говорилось: «Не стало ли она (война в Абхазии. – **А. А.**) результатом благословения, данного Б. Ельциным председателю Госсовета Грузии на совещании в Дагомысе в августе 1992 года?»[1].

Главным политическим итогом Дагомысской встречи можно назвать установление дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия. 2 июля в Москве министры иностранных дел двух государств А. Козырев и А. Чикваидзе подписали соответствующий протокол[2].

4. «Дело» об МВД Абхазии и дальнейшее осложнение ситуации

В январе 1992 г. на первом заседании сессии Верховного Совета Абхазии нового созыва правительство подало в отставку, однако в связи с тем, что новое правительство не было сформировано, срок его полномочий был продлен до 5 мая. По истечении этого срока ВС начал формировать новый состав Совета Министров. В рамках этого процесса, как уже было сказано, 8 мая на должность и. о. министра внутренних дел был назначен А. Анкваб, однако он не мог приступить к исполнению своих обязанн остей, т. к. его предшественник Г. Ломинадзе отказался покинуть кабинет министра. Более того, 10 мая он выступил по телевидению и заявил, что в создавшихся условиях министром внутренних дел Абхазии должен быть грузин. При этом Г. Ломинадзе изъявил готовность оставить свой пост только после соответствующего распоряжения МВД Грузии, в позиции которого, безусловно, он был уверен. Кроме того, экс-министр, не согласовав с Верховным Советом, перевел личный состав МВД Абхазии на казарменное положение. Этот его шаг был расценен Председателем ВС Абхазии В. Ардзинба как «прямая угроза

[1] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война. Сухум, 1998. С. 203, 204.

[2] «Российская газета», № 151… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-3-iyulya-1992-goda?page=0,1

законной власти и желание любой ценой сохранить за собой кресло»[1]. Все это резко обострило и без того сложную ситуацию в Абхазии.

11 мая в МВД Абхазии состоялось совещание с участием начальников ГОВД и РОВД, служб центрального аппарата и заместителя Председателя Совета Министров З. Лабахуа. На повестке дня был один вопрос – отношение к решению Верховного Совета об освобождении Г. Ломинадзе от должности министра внутренних дел. Совещание проходило под председательством самого отстраненного экс-министра. Это собрание было похоже на поименное голосование, поскольку все присутствовавшие должны были вслух выразить свое отношение к предмету обсуждения. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, приведу прямую речь участников совещания.

Начальник УВД г. Сухума Л. Начкебия оценил сложившуюся ситуацию следующим образом: «Сотрудники крайне озабочены решением парламента в отношении Ломинадзе, и может возникнуть раскол в среде сотрудников на национальной почве в связи с отстранением его от должности министра. Обстановка в городе крайне напряженная и взрывоопасная, и во избежание непредсказуемых событий прошу вопрос назначения министра согласовать с правительством Грузии». Начальник отдела МВД Т. Рапава заявил: «От своего имени и от имени коллектива, возглавляемого мною, выражаем крайнюю озабоченность и несогласие с таким отстранением от должности министра Ломинадзе. Мы за то, чтобы был приказ министра ВД Грузии».

Начальник штаба К. Адлейба, проявив известную долю дипломатичности, сказал: «К сегодняшней ситуации надо было подойти более трезво, не дать возможности «развалить» работу милиции. Я думаю, что надо приостановить этот процесс. Мы работаем не на Ломинадзе и не на Анкваб, мы работаем на закон. И надо стабилизировать политическую ситуацию». Начальник Гальского РОВД В. Библая предупредил: «Коллектив Гальского РОВД крайне возмущен решением парламента об отстранении от должности министр Ломинадзе, и если не будет найдено компромиссное решение этого вопроса, то последствия могут быть непредсказуемыми не только среди сотрудников ВД, а в большей степени среди населения».

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 137.

Начальник Гагрского РОВД Р. Гогия сообщил: «Вы знаете, какие акции уже были предприняты населением зоны г. Гагры в ответ на решение парламента об отстранении Ломинадзе. Большая часть жителей грузинской национальности видит в этом ущемление своих прав. Большая часть сотрудников милиции также не согласна с решением парламента». Заместитель министра ВД М. Гамзардия ожидаемо придерживался следующего мнения: «Я не согласен с решением парламента об отстранении Ломинадзе от должности министра… Для отстранения Ломинадзе от должности необходимо согласие министра ВД Грузии». Начальник Сухумского РОВД Е. Ткебучава высказал опасение в том, что «решение парламента в отношении Ломинадзе может привести к расколу коллектива по национальному признаку». Заместитель начальника ОУР Р. Адлейба старался, судя по всему, выработать компромиссное предложение: «Нам надо проявить благоразумие, чтобы не произошло раскола не только среди народа, но и среди сотрудников ВД по национальному признаку. Я считаю, что надо назначить временно и. о. министра первого заместителя министра ВД, пока не будет приказа министра ВД Республики Грузия».

Начальник ЭКО Г. Алания подчеркнул: «Мы знаем и оцениваем нашего министра как личность, как профессионала высокого класса, и пока не будет приказа МВД Грузии, мы будем подчиняться ему». Начальник ОПО У. Ануашвили также считал, что «должен быть приказ МВД Грузии», и в связи с этим более чем красноречиво заявил: «До этого моим министром является Ломинадзе». Начальник ОБЭП Ю. Берулава весьма дипломатично, но, в общем-то, прозрачно, изложил свое мнение: «Я просто за то, что вопрос здесь не стоит о национальном аспекте, надо сказать, что решение должно быть законным, и мы будем подчиняться тому министру, который будет назначен». Начальник ФПО Н. Польшин придерживался того мнения, что «надо принять то решение, которое именно носит конституционный характер назначения министра», а начальник отдела связи О. Дощенко также исходил из того, что «надо принимать во внимание при назначении министра и национальные, и политические условия времени».

Заместитель министра ВД М. Агрба попросил правительство: «Чтобы избежать этих расколов, надо найти компромиссное решение», а начальник ОУР Б. Сагинадзе однозначно изложил свою точку зрения: «Я

считаю, что вопрос назначения министра должен решаться и в Грузии, так как Абхазия входит в состав Грузии». Заместитель начальника ГАИ МВД В. Хварцкия сделал следующее заявление: «Я с большим уважением отношусь к парламенту и правительству Абхазии, и хочу сказать, что министров министерств торговли и внутренних дел избрали вместе, но нельзя сравнивать эти министерства, т. к. МВД имеет свою специфику, и надо решать все это законно, принимая во внимание подчинение МВД Абхазии МВД Грузии». Начальник Очамчирского РОВД Н. Анчабадзе, сделав реверанс в сторону ВС Абхазии, все же прозрачно изложил свое отношение к обсуждавшейся проблеме: «Я обращаюсь к присутствующим здесь руководителям правительства Абхазии добиться принятия законного решения, т. е. появление вслед за решением парламента приказа министра ВД Грузии об освобождении Ломинадзе».

Начальник ОО М. Сакания изложил следующее: «Я прошу, чтобы ВС не принимал таких решений, которые сталкивали бы народ на народ, и пусть меня никто не упрекает в таком замечании Верховному Совету». Заместитель начальника ИЦ В. Смаль стал автором одного из самых конкретных выступлений: «Я считаю, что такой многонациональный коллектив, как МВД, должен возглавлять такой человек, как Ломинадзе». Заместитель начальника отдела Ю. Кобахия заявил: «Мы не готовы психологически к решению парламента, и конечно нельзя не согласиться с кадровыми вопросами, но нельзя просто относиться к смещению министра, надо решить его также совместно с приказом министра ВД Республики Грузия, как мы к этому привыкли, и надо сделать все, чтобы не было раскола».

Единственным из присутствовавших на названном совещании, который однозначно выступил в поддержку решения Верховного Совета, был первый заместитель министра ВД Абхазии А. Аршба. Он в своем выступлении подчеркнул: «Вопрос здесь упирается не в Ломинадзе или Анкваб, речь идет о полномочиях Абхазии: может ли Абхазия назначать министров или же Грузия по-прежнему будет принимать решения о назначениях. Было принято решение парламентом (большинством голосов), и для меня первично решение парламента. Я лично не могу не подчиниться решению парламента».

Сам Г. Ломинадзе на совещании сказал: «Я хочу еще раз во всеуслышание заявить, что никакого желания держаться за это кресло я не

имею, но я хочу сказать, что когда меня сюда назначили министром, вопрос решался в обкоме партии, Совете Министров Абхазии, МВД Грузии, МВД СССР. И упорное нежелание Ардзинба меня признать министром, называя меня и. о. министра, это очередной и злонамеренный шаг, который хочет вывести меня из терпения, но я был министром внутренних дел Абхазии и остаюсь им. Вопрос стоит не в том, что Ломинадзе останется в этой должности или нет, надо рассматривать этот вопрос в той плоскости, какой национальности претендент на этот пост. Я остаюсь министром ВД Абхазии до издания приказа министра ВД Грузии. Я оставляю за собой моральное право оставаться министром, т. к. не согласен с решением парламента».

3. Лабахуа на названном совещании, видимо, стараясь никого не обижать, и чтобы не усугубить сложившуюся ситуацию, произнес следующее: «Дело в том, что мы действительно пошли не совсем по правильному пути, конечно, решение парламента надо исполнить. Мы работаем уже три дня по этому вопросу, но решения пока не нашли. Не ставлю под сомнение необходимость исполнения решения парламента, но в одном я полностью поддерживаю Ломинадзе, что раскол в МВД будет непоправимой бедой для всех жителей Абхазии. Я призываю проявить воинскую дисциплину и прошу быть выше политики, мы служим не определенному лицу, а своему народу»[1]. Несмотря на такую «дипломатичность» волна насилия, против которого перестало бороться МВД, настигла и самого З. Лабахуа. На него 31 мая, около 21. 30, было совершено покушение группой преступников, поджидавших его у подъезда. Тогда с многочисленными ранениями в голову он был доставлен в больницу[2].

12 мая Верховный Совет Абхазии выступил с заявлением, в котором говорилось: «Ссылки на то, что Г. Ломинадзе не может быть освобожден без приказа МВД Республики Грузия, являются грубым попранием Конституции Абхазии. Из этого вытекает, что приказом МВД Республики Грузия министром внутренних дел Абхазии может быть назначено лицо, не входящее в правительство Абхазии. Такая позиция является противоправной»[3]. Кроме того, экс-министр МВД был вызван в ВС, и

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 19, 19-20 февраля1998 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 21, 5-12 июня 1992 г.
[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 137.

ему была разъяснена противоправность его действий. В ответ на это 15 мая Г. Ломинадзе разослал всем начальникам территориальных органов МВД Абхазии указание, которым предписывалось не подчиняться решению ВС Абхазии и подчиняться только его приказам. 16 мая Секретариатом ВС Абхазии было разъяснено, что эти действия нарушают Конституцию Абхазии и продолжение Ломинадзе исполнения обязанностей министра является попыткой путча против конституционных органов Абхазии.

Нагнетанию обстановки способствовал и тот факт, что грузинская депутация «совместно с ПДСА приступила к формированию параллельных структур власти в Абхазии, активно вооружая верное грузинское население»[1]. На 15 мая было намечено проведение в Сухуме митинга представителей грузинской общественности, организатором которого выступал именно ПДСА. Многие тогда в Абхазии рассматривали эту акцию началом массового движения неповиновения законным властям, что привело бы к непредсказуемым последствиям. Были большие опасения, что участники митинга предпримут попытку насильственного свержения Верховного Совета Абхазии, о необходимости которого говорили его организаторы. Обсуждению этого вопроса была посвящена сессия ВС РА, состоявшаяся 14 мая, однако в ее работе приняла участие только часть грузинской депутации. Во время проведения самого митинга вокруг сторонников насильственного свержения Верховного Совета собрались ничуть не уступавшие по количеству митинговавшим абхазы, готовые, в случае необходимости, защитить законную власть своей страны.

Противостояние достигло высокого накала: представители двух непримиримых лагерей находились на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга. Но лидеры грузинских радикалов так и не смогли консолидировать своих соплеменников в Абхазии. Грузинское население все еще оставалось разделенным на сторонников и противников Э. Шеварднадзе и новых властей Грузии. Митинг ПДСА, который так и не вышел таким многолюдным, как грозили его устроители, организаторы и участники которого, в очередной раз громогласно заявив о необходимости роспуска Верховного Совета и постояв немного на площади перед Домом правительства, мирно разошлись.

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 22.

Наряду с ними, сторонники свергнутого Президента Грузии З. Гамсахурдиа провели свой митинг с первичными для них лозунгами, и тем самым выяснилось, что часть (и немалая) грузинского (в основном мегрельского) населения Абхазии выступала вовсе не против законного Верховного Совета Абхазии, а против нелегитимного Госсовета Грузии. В силу последнего обстоятельства новым властям Грузии и их приспешникам в Абхазии не удалось организовать и возглавить победоносный поход на абхазский Парламент. Несмотря на это, ситуация в Абхазии все более осложнялась. Лидеры грузинского движения стали диктовать свои условия Парламенту, выдвигали неизменно требование об отзыве Председателя Совета Министров Абхазии В. Зарандия. 26 мая, в день независимости Грузии, они планировали собрать большое количество людей, что, по их замыслам, облегчило бы дальнейшие действия. В ультимативной форме было заявлено, что если эти предъявленные требования не будут выполнены, то с 27 мая повсеместно начнутся акции неповиновения властям Абхазии.

В названном митинге грузинской общественности на главной площади абхазской столицы центральной фигурой был именно Г. Ломинадзе. С тех пор как тот был отстранен от должности министра ВД, он стал заложником, вольным или невольным, ситуации. И эту ситуацию нужно было довести до критической точки, и события развивались соответственно требованиям этой установки грузинских властей. 20 мая министр внутренних дел Грузии Р. Гвенцадзе издал приказ, предписывавший продолжать исполнение обязанностей МВД Абхазии Г. Ломинадзе, а всему личному составу исполнять его приказы под угрозой привлечения к ответственности. 27 мая первый заместитель Председателя ВС Абхазии Т. Надарейшвили обратился к В. Ардзинба с открытым письмом. В нем он предложил руководителю абхазского парламента вместе подать в отставку[1].

СМИ Абхазии того времени, отражая обеспокоенность общественности населения резким обострением общественно-политической ситуации, пестрили заявлениями и обращениями. Одним из таковых было совместное заявление 42 депутатов, явившееся результатом диалога абхазской, грузинской и русскоязычной частей Верховного Совета. Депутаты потребовали контроля парламента Абхазии над всеми воору-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 138.

женными формированиями, имевшимися в республике. В обращении прозвучал призыв к диалогу и согласию. Тогда же в Абхазии побывали высокопоставленные представители Госсовета и правительства Грузии. Состоялась встреча В. Ардзинба с министром и заместителем министра обороны Т. Китовани и Л. Шарашенидзе, министром ВД Р. Гвенцадзе. На встрече, в которой приняли участие ряд членов Президиума ВС и члены Правительства, была достигнута договоренность о сдаче оружия всеми вооруженными формированиями, расположенными в Абхазии. Вместо полка ВВ Абхазии предполагалось создание Республиканской гвардии Абхазии, в которую призыв должен был осуществляться на интернациональной основе[1]. Но не прошло и трёх дней, как по Грузинскому телевидению из Тбилиси было передано новое обращение парламентской фракции, которое было основано на прежних позициях конфронтации и бойкота грузинских депутатов.

Стало ясно, что политические силы Грузии открыто встали на путь дестабилизации обстановки в Абхазии. Предпринимались попытки создания параллельных властных и исполнительных структур по национальному признаку, создавались подразделения вооруженных формирований «Мхедриони» и Национальной гвардии Грузии. Предпринимались попытки вывести из-под юрисдикции Верховного Совета Абхазии существовавшие структуры. Раздавались неприкрытые угрозы покончить с государственностью абхазов. 5 июня на собрании представителей НФА «Аидгылара», Народной партии Абхазии, армянского культурно-благотворительного общества «Крунк», Общества интернационалистов, Общества русской культуры в Абхазии «Славянский дом», осетинского культурно-благотворительного общества «Алан», Греческого культурного центра Абхазии был сформирован Комитет национального спасения. В принятой собранием резолюции содержались следующие требования: «В случае создания в Республике Абхазия неконституционных параллельных структур, а также незаконных вооруженных формирований: объявить всеобщую мобилизацию; обратиться к парламенту КГНК с просьбой объявить мобилизацию в республиках КГНК; обратиться в ООН, СБСЕ и другие международные организации, а также к парламентам стран СНГ с предупреждением о готовящейся против Республики Абхазия агрессии; призвать соотечественников за

[1] Газ. «Абхазия», № 22, 21-28 июня1992 г.

рубежом в этот трудный час оказать всестороннюю помощь своей исторической родине; в случае невозможности урегулирования проблем политическим путем потребовать от парламента Абхазии немедленно принять Акт о государственной независимости»[1].

Ситуация продолжала ухудшаться, и 8 июня в ОП ВВ Абхазии были призваны резервисты. Доведенные до отчаяния поведением «бойцов» «Мхедриони», размещавшихся на Сухумской турбазе, абхазы решили окружить турбазу и разоружить группу силой. В связи с создавшейся ситуацией, 13–14 июня в Сухуме состоялись переговоры Ардзинба и Китовани, где речь шла о «двойном подчинении» Внутреннего полка Абхазии. Китовани предлагал объединить ОП ВВ ВС Абхазии и грузинский батальон, расположенный на турбазе XV съезда ВЛКСМ, поставить во главе В. Какалия – командира Абхазской гвардии и, сохранив его подчиненность ВС Абхазии, формально ввести его в структуру министерства обороны Грузии. Однако этому варианту воспротивился категорически Совет Национального Единства. Б. Какубава даже пригрозил, что приедет в Тбилиси и в знак протеста перекроет проспект Руставели[2]. В результате переговоры были сорваны.

22 июня в адрес руководства ВС РА поступило письмо министра ВД Грузии с категорическим предписанием ВС Абхазии отменить решение об освобождении Ломинадзе и назначении Анкваб. При этом свои действия Гвенцадзе и Ломинадзе мотивировали приказом МВД Грузии от 15 ноября 1989 г., согласно которому министр внутренних дел Абхазии мог назначаться только МВД Грузии. Между тем, в пункте 17 ст. 93 действовавшей Конституции Абхазии было сказано, что все министры утверждаются ВС Абхазии. Это было расценено В. Ардзинба как проявление откровенного неуважения к абхазской государственности и к ее Конституции[3]. Позже Г. Ломинадзе утверждал, что о возможном нападении на МВД знал за 3 дня раньше, поэтому «охрану снял, потому что знал, что в противном случае начнется война»[4]. Приказ министра ВД Грузии был провокацией, направленной на осложнение и без того серьезной общественно-политической обстановки в Абхазии. Г. Ломи-

[1] Архив НФА.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История... 411.
[3] Газ. «Абхазия», № 23 29 июня-4 июля 1992 г.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

надзе не мог этого не понимать и, может быть, в глубине души он противился такому развитию событий, поскольку не мог не отдавать себе отчета в том, что подобное развитие событий не предвещало ничего хорошего не только для общей обстановки, но и лично для него. Но в Тбилиси, действуя по формуле «чем хуже, тем лучше», продолжали настаивать на своем. О том, что именно грузинские власти способствовали коллапсу вокруг МВД, свидетельствует и сам Г. Ломинадзе, который, позже вспоминая рассматриваемые события, сообщал следующее: «В день три раза звонил (в Тбилиси. – **А. А**.). Мне отвечали: подожди, сиди в кабинете, «мы их мать заставим плакать». Пусть все это будет на их совести»[1].

Однако Г. Ломинадзе это говорил задним числом, а тогда он продолжал утверждать, что его хотят освободить от должности из-за того, что абхазов не устраивает его национальность. В этом с ним солидарен и автор из Абхазии С. Жидков, который пишет: «Ардзинба не мог не воспользоваться случаем, чтобы не отнять у грузина силовое министерство»[2]. Э. Шеварднадзе в своих мемуарах, говоря о рассматриваемых событиях, сообщает: «Я связался с Ардзинба по телефону и сказал следующее: «Вы наверняка знаете, что творится в Тбилиси. Здесь многое – если не все – висит на шелковой нитке. Я обращаюсь к вам как человек к человеку и прошу не реализовывать сейчас ваше намерение. Отмените свой приказ. Мы с вами обсудим и сумеем вместе найти выход»[3].

О действительной позиции грузинского руководства свидетельствует и встреча в конце июня в Тбилиси Э. Шеварднадзе с объединенной делегацией грузинской фракции ВС Абхазии и Совета Национального Единства. На ней обсуждалась идея создания структурного подразделения Министерства обороны Грузии с постоянным размещением в Абхазии, на котором настаивало радикальное крыло СНЕ во главе с Б. Какубава[4]. Что интересно, позже Г. Ломинадзе назвал Б. Какубава провокатором, агентом, предателем. При этом многозначительно задался вопросом: «Может быть, мы Какубава устроим суд за те преступления, которые он совершил в Абхазии?». Сказав, что их «перечисление, возможно, потре-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.
[2] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php
[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 327-328.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 411.

бует 24 часа», он назвал некоторые из них: «убийства, создание вооруженных формирований и бравирование ими перед абхазцами» [1].

Тем временем, ситуация вокруг МВД Абхазии достигла своего апогея к 24 июня, в день, когда проходила Дагомысская встреча Ельцина и Шеварднадзе по грузино-осетинскому вооруженному противостоянию, где подспудно, правда, частично, решался и «абхазский вопрос». Тогда силами штурмовой группы полка Внутренних войск Абхазии Г. Ломинадзе, забаррикадировавшийся в кабинете министра ВД, был выдворен из него. Вспоминая эти события, Г. Ломинадзе позднее рассказывал: «В то утро я в присутствии замминистра ВД Абхазии М. Гамзардия разговаривал по городскому телефону. Он из окна увидел, что здание МВД окружают военные и БТР. Через несколько секунд группа военных (примерно 6-8 человек) ворвалась в кабинет. Вошедшему позже командиру так называемого полка ВВ Абхазии В. Какалия я сказал: «Что вы наделали, это же вам дорого обойдется!» Он ответил, что выполняет приказ, что все это «согласовано». Потом он позвонил по правительственному телефону. Я, естественно, не выполнил команду тех военных, которые ворвались в кабинет: а команда была – подчиниться и сдать оружие»[2]. По словам свидетелей названных событий, главным действующим лицом из сотрудников МВД был Л. Дзяпшба, а также В. Анцупов и солдаты ОП ВВ Абхазии[3]. В результате этой операции Ломинадзе, не подчинявшийся властям Абхазии 48 дней, был выдворен из занимавшегося им кабинета за 147 секунд[4].

В другом интервью Г. Ломинадзе сообщил следующее: «120 человек с техникой подъехало к министерству. В моем кабинете сидел заместитель М. Гамзардия. Его оскорбили, я не выдержал»[5]. Сам Гамзардия сообщил следующее: «В кабинет ворвались гвардейцы так называемой «Абхазской гвардии», человек 7-8, вооруженных автоматическим оружием, в касках, с ними был гражданин Анцупов. Вслед за ним вошел Дзяпшба. Приказали встать к стенке и поднять руки вверх, а министру приказали сдать пистолет. Министр не подчинился, в результате чего был нанесен удар прикладом автомата одним из гвардейцев. Дзяпшба

[1] Газ. «Республики Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.
[2] http://usahlkaro.livejournal.com/447720.html.
[3] Газ. «Республики Абхазия», № 20, 21 февраля1998 г.
[4] Газ. «Абхазия», № 23, 29 июня - 4 июля 1992 г.
[5] Газ. «Независимая газета» // Газ. «Аидгылара», № 1, июль 1992 г.

и Анцупов координировали действия гвардейцев, и они выполняли все их требования. Дзяпшба несколько раз выходил из кабинета, видимо, давал указания сотрудникам. В кабинет министра, кроме Дзяпшба, из работников МВД никто не заходил»[1].

24 июня вступил в должность и. о. МВД А. Анкваб, который чуть позже прокомментировал случившееся. «Независимая газета» опубликовала отчет о его пресс-конференции, на которой он дал оценку происшедшим событиям: «Анкваб сказал, что заранее о проведении той операции он ничего не знал, и отметил, что он и первый вице-премьер Абхазии прибыли тогда в здание МВД после захвата его военными и беседовали с Г. Ломинадзе, а также с несколькими находившимися там грузинскими депутатами»[2]. Действительно, тогда, по свидетельствам старшего инспектора секретариата МВД М. Дадиани, через «10-15 минут», после того как в кабинет зашли Дзяпшба и Анцупов вместе с военнослужащими, «зашли к министру Какалия, Анкваб, Багапш», а со слов секретаря Ломинадзе М. Берия, «через 10-15 минут пришли Какалия, а затем Анкваб и Багапш»[3].

Г. Ломинадзе позже говорил: «Тогда мне нанесли один смертельный удар, меня никто не избивал. У меня осел голос и сейчас он изменен. Через полчаса на самолете меня привезли сюда (в Тбилиси. – **А. А**.) в госпиталь»[4]. В отчете о пресс-конференции Анкваб далее говорилось: «25 июня он звонил в Тбилиси и интересовался состоянием здоровья Ломинадзе, добавив, что у многих удручающее впечатление оставил сам факт захвата здания МВД, и это не вызвало радости ни у кого, в том числе и у него, но, по его же словам, надо было выполнить решение парламента Абхазии. Анкваб подчеркнул, что это была вынужденная мера, а его личные отношения с сегодняшним руководством МВД Грузии товарищеские, человеческие, иных же он не признает вообще. Напоследок А. Анкваб сказал: если бы операция по захвату МВД Абхазии 24 июня сопровождалась кровью, то он бы не вошел в это здание министром внутренних дел»[5].

---

[1] Газ. «Республики Абхазия», № 20, 21 февраля1998 г.

[2] «Независимая газета», № 123… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-1-iyulya-1992-goda?page=0,1

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 20, 21 февраля1998 г.

[4] Газ. «Республика Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

[5] Газ. «Аидгылара», № 1, июль 1992 г.

Однако подобные заявления нового министра не могли способствовать ослаблению накала противоречий между абхазами и грузинами. Единственным результатом такого поведения можно считать появление примерно через месяц после описываемых событий слухов о том, что министр внутренних дел Грузии Р. Гвенцадзе утвердил А. Анкваб в должности министра внутренних дел Абхазии[1]. Во-первых, это не имело бы значения, поскольку министры абхазского правительства назначались Верховным Советом Абхазии, а не членами правительства Грузии. Во-вторых, этого не могло произойти потому, что Ломинадзе не оставлял свой кабинет именно при поддержке из Тбилиси, при этом подчеркивал, что не оставит свой пост, пока его не освободит с должности министр внутренних дел Грузии. В-третьих, эта информация так и не получила подтверждения.

Уже после начала войны в Абхазии, 21 сентября 1992 г., в оккупированном Сухуме была проведена «служебная проверка» по делу Ломинадзе. По результатам этой проверки капитан Л. Дзяпшба, майор А. Кортава, майор Р. Харчилава, ст. лейтенант Р. Отырба были «уволены» из органов внутренних дел. Материалы служебной проверки были переданы в прокуратуру оккупированной части Абхазии для дальнейшего реагирования[2].

С. Червонная также не могла оставить произошедшее без комментариев. Она пишет: «Человек демократических убеждений, к тому же грузин по национальности, генерал-майор Ломинадзе никак не устраивал новое руководство Верховного Совета Абхазии своей верностью закону и долгу, упрямым нежеланием политизировать органы внутренних дел и превращать отделения милиции в опорные пункты национал-сепаратизма»[3]. В. Ардзинба, который здесь подразумевается под «новым руководством» ВС Абхазии, занимал эту должность с декабря 1990 г., и, следовательно, с учетом столь быстро сменявшихся событий руководство ВС Абхазии не было новым. Как и не была новой проблема самого Г. Ломинадзе. Заступаясь за «демократа» Г. Ломинадзе, наверное, не мешало бы сперва уточнить и узнать то, что перед этим,

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 8.

[2] Газ. «Республика Абхазия», № 20, 21 февраля 1998 г.

[3] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

как уже говорилось, Парламент Абхазии неоднократно признавал его работу неудовлетворительной. Да и не совсем красиво утверждать, что Ломинадзе отличался «упрямым нежеланием политизировать органы внутренних дел», тогда как именно он способствовал политизации и повсеместной криминализации правоохранительных структур республики, их расколу по национальному признаку, безнаказанности незаконных военных формирований, творивших произвол и бесчинства в городах и населенных пунктах Абхазии. Вдобавок ко всему он сам превратился в одну из самых одиозных политических фигур – пособников грузинских экстремистов в Абхазии. Фактически Ломинадзе, наравне с Т. Надарейшвили, является одним из главных виновников ввода войск Госсовета Грузии в Абхазию, который не мог не привести к войне, и он, конечно, знал об этом. Подтверждением сказанного служит и признание самого Г. Ломинадзе в том, что он сознательно не препятствовал беспределу, творившемуся тогда в Абхазии.

Что интересно, политическое противостояние внутри грузинской общественности продолжалось, и в 24 июня вновь на площади Конституции Сухума состоялся митинг сторонников З. Гамсахурдиа. Хотя названные события в МВД способствовали определенной консолидации двух основных групп грузинской общественности. Грузинские депутаты и двое присоединившихся к ним, объявившие себя депутатской фракцией «Демократическая Абхазия», заявили, что «покидают» Верховный Совет. Была объявлена «трехдневная предупредительная забастовка». Грузинские СМИ из Ломинадзе лепили образ появившегося, наконец-то, лидера грузинского населения Абхазии. Совет национального единства и грузинская депутация Верховного Совета выступили с совместным заявлением. Б. Какубава в интервью грузинскому телевидению снова настаивал на немедленном самороспуске парламента и обвинил часть грузинских депутатов ВС Абхазии в «предательстве интересов народа». Стал брать верх более жесткий курс Совета национального единства. При этом сторонники Гамсахурдиа (видимо, сказывалось их нежелание сдавать свои позиции в парламенте) придерживались относительно умеренных взглядов, «госсоветовцы», обделенные в свое время мандатами, были куда радикальнее[1].

[1] Газ. «Абхазия», № 24, 5-12 июля1992 г.

25 июня на общем собрании личного состава УВД г. Сухума была дана оценка факту выдворения Ломинадзе, где был выдвинут ряд требований. 26 июня Т. Надарейшвили на собрании представителей грузинской общественности заявил: «Абхазская сторона всячески пытается вернуть нас на сессию. Я считаю, что не надо идти на сессию… Если мы решили создать параллельные структуры, нас профинансирует Тбилиси». Лидер грузинской фракции также сообщил, что в Абхазии будет дислоцировано 5 батальонов грузинской гвардии, которых профинансируют из бюджета министерства обороны Грузии[1]. А с 29 июня грузинское население Абхазии начало акцию неповиновения[2]. В конце июня в Тбилиси состоялись переговоры делегации Совета национального единства с Госсоветом Грузии в составе: Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, Т. Китовани, В. Гогуадзе, Р. Куправа. Н. Месхия, участник названной встречи, о ее ходе сообщает: «После очень эмоциональных антиабхазских выступлений я с не меньшей эмоциональностью изложил свое видение. Главный тезис - исключить силовой метод»[3].

30 июня состоялось очередное заседание сессии ВС Абхазии, которое, как уже стало традицией, депутаты фракции «Демократическая Абхазия» бойкотировали. В. Ардзинба проинформировал депутатов о ситуации, сложившейся в республике в связи с осуществлением акции неповиновения, которая, по его словам, направлялась из Тбилиси. Данная акция преследовала целью сделать выдворение Ломинадзе главным событием дня, чтобы сгладить впечатления от событий, произошедших в Тбилиси, приведших к многочисленным человеческим жертвам. Искусственно нагнетался образ врага в лице депутатов ВС и особенно его председателя. В. Ардзинба заявил, что попытка разговаривать с ВС с позиции силы, что пытаются сделать некоторые руководители Госсовета Грузии, не приведет к желаемому результату. Он отметил, что акция неповиновения поддерживается вооруженными формированиями, существование которых представляет прямую опасность конституционной власти и государственности Абхазии. Председатель ВС Абхазии подчеркнул, что парламент за политический путь решения проблем, однако «если нас принудят – то мы можем решить вопрос о

[1] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война... С. 201, 202.
[2] Басариа В. К. Время тяжких испытаний… С. 79.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 82.

введении чрезвычайного положения и объявлении всеобщей мобилизации, чтобы защитить Конституцию и государственность». В. Ардзинба сообщил, что правоохранительными органами, в частности прокуратурой, сделаны предупреждения руководителям крупных предприятий и организаций об их ответственности за лишение населения жизнеобеспечением и неконституционные действия. Выступивший на сессии З. Ачба предложил срочно сформулировать требования по гарантиям государственности Абхазии и добиться участия в переговорах Грузии и России. Его поддержал С. Шамба, который отметил опасность создания параллельных структур власти и размещения вооруженных формирований Грузии на территории Абхазии. Он заявил, что если не представляется возможным договориться по вопросам расширения государственности Абхазии, то парламенту следует объявить декларацию о независимости Абхазии[1].

Тем временем 2 июля было опубликовано совместное заявление Совета национального единства и фракции «Демократическая Абхазия», в котором содержалось предупреждение, что 6 июля начнутся новые забастовки и акции неповиновения властям[2]. В тот же день, 2 июля, было обнародовано Постановление Госсовета Грузии о положении в Абхазии, в котором было предусмотрено: «1. Поручить первому заместителю Председателю ВС Абхазии Т. Надарейшвили во избежание дальнейшего осложнения ситуации, вероятного противостояния и столкновений координировать осуществление неотложных мероприятий, направленных на стабилизацию положения». Т. Надарейшвили также предписывалось доводить до сведения Госсовета и Временного правительства Грузии о принятых мерах и происходящих событиях[3]. Тем самым Госсовет в очередной раз дал понять, на кого и на что он делал ставку в Абхазии. 4 июля Совет национального единства обратился в Президиум Госсовета и Минобороны с просьбой «поручить чрезвычайному уполномоченному Министерства обороны Республики Грузия Б. Какубава взять на себя руководство и координацию действий всех вооруженных формирований, сосредоточенных на территории Абхазии»[4]. 6 июля, не получив официального ответа на поставленные вопросы, часть сотруд-

[1] Газ. «Абхазия», № 24, 5-12 июля 1992 г.
[2] Газ. «Аидгылара», №1, июль 1992 г.
3 Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 66.
[4] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 75, 76.

ников УВД продолжила забастовку, избрав как форму протеста отказ от выполнения своих служебных обязанностей. А другая часть сотрудников УВД заявила о своем несогласии с этой акцией[1]. Сама попытка всегрузинской забастовки в Абхазии провалилась по причине того, что не получила поддержки населения. 7 июля в Сухуме состоялась беседа Китовани с Анкваб, в ходе которой были обсуждены вопросы борьбы с организованной преступностью. Некоторые наблюдатели расценили эту беседу как акт признания Госсоветом Грузии полномочий Анкваб[2]. Однако в Абхазии так и не наступили мир и спокойствие.

В начале июля в абхазской прессе был опубликован проект «Договора об основах взаимоотношений Республики Абхазия и Республики Грузия», подготовленный доктором юридических наук Т. Шамба. В этом документе, в частности, говорилось, что стороны признавали Грузию и Абхазию суверенными государствами и полноправными участниками международных и внешнеэкономических отношений; самостоятельно заключали с иными государствами договоры и соглашения; Республика Абхазия добровольно объединялась с Республикой Грузия и обладала на своей территории всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, кроме тех полномочий, которые были отнесены Конституциями Грузии и Абхазии к ведению Республики Грузия; территория и статус двух суверенных республик не могли быть изменены без их согласия, выраженного высшими органами государственной власти либо народным голосованием. Проект также предусматривал, что Республика Грузия признавала гражданство Республики Абхазия[3]. В целом документ состоял из 15 пунктов и призван был заложить основы законодательно закрепленных горизонтальных отношений между республиками.

Проект вызвал неоднозначные, в большинстве случаев отрицательные отклики. К примеру, М. Лолуа в статье «А нужен ли вообще договор?», писал: «Не вижу необходимости для Абхазии заключать вообще какие-либо договоры с Грузией типа конфедеративного или федеративного. Скорее всего, надо признать друг друга как независимые государства, а потом уже заключать обычный межгосударственный

[1] Газ. «Абхазия», № 25, 13-22 июля 1992 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Абхазия», № 23, 29 июня - 4 июля 1992 г.

договор. Для меня давно ясно: каждая нация, живущая на своей исконной исторической территории, должна быть свободной и независимой, иначе она пропадет»[1]. Обозреватель К. Гулиа также выступал за то, чтобы «вначале – провозглашение суверенитета, а затем заключение договора». Ученый И. Цвинария заявил: «До тех пор, пока официальной Грузией перед всем мировым сообществом не будут признаны государственный суверенитет, права и свободы Абхазии и ее народа, предлагать ей договор мне представляется бесперспективным. Предложение договора – равносильно самоуничтожению»[2]. Пресс-служба при ЦК Народной партии Абхазии заявила, что «расплывчатые и взрывоопасные пункты» проекта Договора несут опасность для абхазской государственности.

При этом проект «Договора об основах взаимоотношений Республики Абхазия и Республики Грузия» грузинской стороной также был принят в штыки. В частности, С. Червонная, выразитель интересов грузинской стороны, назвала его «благовидным камуфляжем», скрывавшим реально предлагаемый раскол Грузии на «суверенные государства»[3]. З. Папаскири и теперь считает, что проект «фактически был направлен не на воссоединение, а на «культурный развод»[4]. Как видно, названным документом не была удовлетворена ни одна из сторон, но нельзя забывать о том, что таковой зачастую бывает участь компромисса. Верховный Совет Абхазии должен был обсудить этот проект 14 августа, но так и не смог это сделать из-за того, что в этот день грузинские войска совершили агрессию против Абхазии. И в дальнейшем, как нетрудно догадаться, он потерял актуальность.

9 июля в Мегрелии был похищен вице-премьер А. Кавсадзе, что можно назвать неким водоразделом между политическим противостоянием и непосредственным началом движения к войне. Позже газета «Северный Кавказ» и ряд российских СМИ, ссылаясь на заявление Госсовета Грузии, сообщили, что похищенный якобы звиадистами вице-премьер Грузии А. Кавсадзе и его шофер могут быть переправлены в Чечню. В ответ на это официальные власти ЧР заявили, что Чечня, из-

[1] Газ. «Абхазия», № 24, 5-12 июля 1992 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 25, 13-22 июля 1992 г.
[3] Червонная С. М. Абхазия-1992… С. 124.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 415.

бравшая политику невмешательства в чужие дела и взявшая курс на построение цивилизованного государства, не намерена принимать или удерживать на своей территории похищенных лиц и требует не втягивать ее в не ненужные ей политические интриги[1]. Впрочем, тогда это событие привело к падению авторитета новых властей Грузии у спортивной общественности мира. Проявлением этого стало решение исполкома Европейской Федерации футбола об исключении футбольных команд Грузии из официальных турниров УЕФА[2]. Однако политики мира продолжали оказывать поддержку режиму Э. Шеварднадзе. Показателем этого может служить отказ властей Финляндии предоставить визу З. Гамсахурдиа, который планировал присутствовать на встрече СБСЕ в Хельсинки 9-10 июля. В заявлении МИД Финляндии указывалась, что Гамсахурдиа может посетить страну 15 июля – через несколько дней после окончания саммита, на который прибудут главы государств и правительств из 52 стран[3].

Уже после войны в Грузии было проведено небольшое исследование-анализ грузинских газет относительно публикаций, посвященных Абхазии. В ходе него исследовалось все содержание материалов, имеющих полное или частичное отношение к событиям в Абхазии и опубликованных в ежедневных и еженедельных общественно-политических газетах: на грузинском языке – «Сакартвелос Республика», «Резонанси», «Швиди дге», «Дрони», «Картули кроника»; на русском языке – «Свободная Грузия», «Новая газета». Из этих 7 газет 2 – официальные и одновременно ежедневные, 4 – независимые издания и 1 – орган политической партии НДПГ. Анализ публикаций в названных изданиях с 29 июня по 14 июля 1992 г. показал, что в среднем от общей редакционной площади публикации, посвященные Абхазии, занимали всего 3,2%. Если рассматривать каждое издание отдельно, то результаты будут таковы: СР – 8%, СГ – 4,8%, Д – 4%, ШД – 1%, НГ – 1,2%, КК – 0%. Как видно, материалы о событиях в Абхазии занимали значительно больше места в официальных газетах, нежели в независимых. Это естественно, если учесть, что официальные газеты, видимо, отождествляют свою позицию с позицией власти. Кроме того, эти газеты обязаны публиковать официальные

[1] Газ. «Кавказский дом», № 21, 21 июля 1992 г.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 412.
[3] Газ. «Абхазия», № 24, 5-12 июля 1992 г.

заявления, обращения и т. д. Подтверждение тому – абсолютное доминирование в этих газетах официальных источников информации. Независимые издания в этот период не давали информацию, предоставленную правительственными и президентскими пресс-службами, а также государственным информационным агентством[1].

Примерно за месяц до войны после длительных кулуарных встреч и бесед абхазская делегация в составе С. Багапш, Д. Пилия, А. Джергения, З. Ачба встретилась в Тбилиси с лидерами Госсовета – Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, Д. Иоселиани, Т. Китовани. От грузинской фракции были Т. Надарейшвили и Н. Месхия. Последний, вспоминая об этом, пишет: «Абхазская делегация считала необходимой встречу Ардзинба и Шеварднадзе. С этим были согласны и мы. Была достигнута договоренность, что Шеварднадзе поедет в Сухум. Он с этим согласился. Господин Шеварднадзе пообещал, но не выполнил свое обещание. Он в Сухуми, конечно же, не приехал, но вместо себя прислал... танки»[2].

Тогда Абхазская ассоциация по связям с соотечественниками «Родина» выступила с инициативой проведения с 28 сентября по 4 октября 1992 года на курорте Пицунда первого Всемирного Конгресса (абаза) абхазов[3]. А 18 июля в Сухуме открылся Всемирный фестиваль абхазо-адыгских народов, который продолжался до 23 июля. В нем приняли участие представители абхазской диаспоры из США, Германии, Албании, Сирии, Турции, Израиля и других стран, а также братские народы Северного Кавказа. Участники фестиваля возложили цветы на набережной Махаджиров. Затем состоялась их встреча с В. Ардзинба.

Фестиваль открылся в Абхазской государственной филармонии торжественным собранием, которое открыл З. Лабахуа. Перед собравшимися выступил Президент МЧА Ю. Калмыков, который в своем выступлении подчеркнул: «Мы, адыги и абхазы, собрались практически со всех уголков земного шара. Конечно, можно задаться вопросом: надо ли в столь тяжелое время проводить подобного рода мероприятия? Я нисколько не сомневаюсь в том, что это очень нужное мероприятие, потому что у абхазов и адыгов особая судьба. Это – народы-изгнанники

[1] Разоренова М., Дзиндзибадзе К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии // http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html

[2] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 28.

[3] Первый Всемирный конгресс абхазо-абазинского народа состоялся в с. Лыхны 7-8 октября 1992 года.

в прошлом, народы, которые испытали жесточайший геноцид. И поэтому каждая такая встреча – праздник. Мы решаем сегодня две задачи. Во-первых, мы просто встречаемся, а во-вторых, мы хотим выразить солидарность с народом братской Абхазии. В Абхазии трудная обстановка, и, тем не менее, мы уверены, что все проблемы будут решены в интересах народа».

Затем перед участниками фестиваля выступил Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба, который также отметил высокую значимость проведения столь масштабного форума. Далее он сказал: «Очень сложное и ответственное время переживаем мы все вместе, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что в особенно сложном положении находится сегодня наша Абхазия. С одной стороны, это обусловлено таким историческим наследием, которое нам досталось, событиями недавнего прошлого, махаджирством и событиями 30-х годов, когда на карту было поставлено само существование абхазского народа. С другой стороны, наши сложности обусловлены теми процессами, которые протекают после развала того государства, в которое мы все входили. Вдобавок ко всему Абхазия испытывает жестокое силовое давление со стороны тех, кто привык проводить политику с позиции силы. В этих условиях проведение фестиваля в Абхазии, быть может, особенно важно потому, что в трудное время надо уметь и радоваться, и общаться. И это является выражением оптимизма наших народов. Фестиваль подтверждает и то, что мы стремимся к объединению наших народов»[1].

19 июля в с. Мыку состоялся сход абжуйцев с участием гостей. 20 июля гости посетили Гагру, Пицунду, Афон, 21-го – Лыхны, 22-го – Сухум и его окрестности[2].

В день закрытия Всемирного абхазо-адыгского фестиваля произошло знаменательное событие в новейшей истории Абхазии. 23 июля Верховный Совет Абхазии принял Постановление «О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года». Г. Нодия назвал этот документ «самым провокационным решением»[3], но, тем не менее, он был принят «в целях преодоления правовой неурегулированности»

[1] Газ. «Абхазия», № 26, 23-30 июля1992 г.

[2] Басариа В. Время тяжких испытаний... С. 80.

[3] Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 45.

между Абхазией и Грузией. О. Дамениа, депутат того созыва ВС Абхазии, который принимал этот документ, считает, что «другого пути мирного решения возникших в правовом поле проблем в тех условиях просто не было»[1]. Постановление предусматривало: «1. Признать Конституцию Абхазской АССР 1978 года прекратившей свое действие. 2. До принятия новой Конституции Абхазии вернуться к Конституции ССР Абхазии 1925 года, сохранив ныне действующую систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти»[2]. В пункте 5 введенной в действие Конституции говорилось: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти»[3].

После сессии состоялась пресс-конференция В. Ардзинба с участием абхазских и грузинских журналистов. Он подчеркнул, что вопросы взаимоотношений между Абхазией и Грузией должны строиться на горизонтальных, межгосударственных взаимоотношениях, как между двумя равными государствами. Форма же государственно-правовых взаимоотношений между ними должна быть выработана в дальнейшем путем цивилизованных переговоров[4]. Затем депутаты Парламента во главе с его Председателем В. Ардзинба и Президентом МЧА Ю. Калмыковым пришли на церемонию закрытия фестиваля, на котором было объявлено об эпохальных решениях Парламента, что присутствовавшими было встречено с большим воодушевлением.

Чуть позже на одной из пресс-конференций во время своего визита в Турцию В. Ардзинба так прокомментировал произошедшее: «Возвращение Абхазии к Конституции 1925 года – это шаг к свободе. Мы хорошо знаем, что нас ждут трудности. После объявления суверенитета Абхазии мы предложили Шеварднадзе приступить к решению имеющихся проблем дипломатическим путем. Наши отношения с Грузией должны строиться на основе Хельсинкских соглашений. Если они развяжут войну, мы вынуждены будем отстаивать нашу Родину и государственность с оружием в руках»[5].

---

[1] Дамениа О. Н. Абхазия на рубеже веков. СПб., 2011. С. 93.

[2] Абхазские письма. Сухум, 1994. С. 489.

[3] Там же. С. 490.

[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… С. 12.

[5] На Кавказе – турецкий вектор // Газ. «Ортадогу», 26 июля 1992 г.

Принятие Постановления Верховным Советом Абхазии «О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года» С. Червонная связывает с образовавшимся в Тбилиси «вакуумом властных сил: «Шеварднадзе – в Мегрелии, премьер-министр Т. Сигуа утром 24 июля вылетает в Турцию»[1]. Однако данный тезис, как представляется, нуждается в небольшом пояснении. Во-первых, Э. Шеварднадзе находился в Мегрелии, а это значительно ближе к Абхазии, чем Тбилиси. Во-вторых, решение Парламента Абхазии никак не могло зависеть от присутствия или отсутствия на своих местах грузинских чиновников. Сухум к этому времени уже давно не считался и не сверял свои действия с Тбилиси. Абхазы хорошо знали о бесполезности и бесперспективности разговоров с Грузией об укреплении суверенитета Абхазии. Ибо вся история взаимоотношений этих двух государственных образований доказывала невозможность полюбовного решения возникших между ними проблем. К тому времени развитие событий уже подсказывало, что нужно поднимать планку борьбы абхазского народа за самоопределение на качественно новый уровень. Если бы тогда лидеры Абхазии не воспользовались бы этой возможностью, то вся предшествовавшая их борьба становилась бессмысленной. Таким образом, принятие Постановления и символики было продиктовано развитием событий и обусловлено протекавшими тогда процессами и в этом смысле являлось исторической необходимостью.

Другое дело – это не могло понравиться тбилисским властям и их глашатаям в Абхазии и, конечно, привело к очередному витку противостояния. Уже на второй день, 24 июля, Совет национального единства заявил, что Парламент Абхазии «своими действиями фактически поставил себя вне закона»[2]. Существовала и реальная опасность, что грузинские шовинисты предпримут попытку силового разгона абхазского Парламента.

На сессии 23 июля депутаты также приняли Постановление о внесении изменений в регламент ВС Абхазии. Теперь пункт 2 Регламента звучал следующим образом: «Изменения Конституции Абхазии производятся решением Верховного Совета, принятым большинством го-

[1] Червонная С. М. Абхазия-1992… // www.abkhazia.dot.

[2] Воронов Ю. Н. О геополитических аспектах войны в Абхазии // «Юрий Воронов – свет и боль» (Сост. – редколлегия). М., –Сухум, 1999. С. 296.

лосов от общего числа депутатов Верховного Совета Абхазии»[1]. Было также принято новое официальное название страны – Республика Абхазия. На этой сессии была принята и новая символика Республики Абхазия: Государственный Герб и Государственный Флаг и их описания[2]. Автором новой символики Абхазии стал известный абхазский художник В. Гамгиа.

После утверждения флага на сессии было решено доставить его на сухумский Республиканский стадион, где, как отмечено выше, проходила церемония закрытия абхазо-адыгского фестиваля. Выполнение этой почетной, вместе с тем ответственной миссии – доставить вновь утвержденный государственный символ на стадион – было возложено на группу из трех человек: В. Гумба – от Верховного Совета, В. Пачулия – от АбНИИЯЛИ, Б. Агрба – от Охраны высших органов власти. В. Пачулия, вспоминая о событиях, происходивших после того, как они с флагом вышли на стадион, пишет: «Весь стадион встал, начал аплодировать. Воцарилось невообразимое ликование народа. Аплодисменты и выкрики сопровождались и выстрелами, несмотря на присутствие на стадионе множества грузинских силовиков. Такого я никогда в жизни до этого не видел. Около 20-25 минут стадион не успокаивался… Каждый подходил к нам, трогал флаг, целовал его, каждый считал высокой честью хоть раз прикоснуться к государственному символу»[3].

23 июля, как уже отмечалось, Э. Шеварднадзе приехал в Мегрелию, заявив накануне по телевидению, что на месте члены Госсовета Грузии смогут принять ряд важных решений, добиться освобождения заложников, навести порядок. «Я не верю, – сказал Э. Шеварднадзе, – что в Мегрелии найдется хоть один человек, который попытается поднять руку на представителей властей, прибывших туда с мирной и важной миссией»[4]. Однако, там таковые нашлись, и Шеварднадзе пришлось в это поверить. В ходе его вояжа в Абаше, Чхороцку и Сенаки Э. Шеварднадзе удалось как-то найти общий язык с местным населением, а вот в других местах, например, в Цаленджихе, где главе Госсовета так и не дали выступить, ему пришлось услышать оскорбления в свой адрес, че-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 144-145.
[2] Абхазские письма… С. 504–506.
[3] Газ. «Новый день», № 26, 27 июля 2012 г.
[4] Абхазские письма... Сухум, 1994. С. 504–506.

редовавшиеся с полетом мелких камней в сторону гостей из Тбилиси. «Самым оскорбленным оттуда вернулся я, меня хотели и могли разорвать в клочья, – с горечью признался Э. Шеварднадзе. – И тем не менее без диалога не обойтись. Если же и он не даст желаемых результатов, то получается, что надо устанавливать государственную диктатуру, диктатуру нескольких лиц или одного человека. Я не гожусь для этой роли. И не пригожусь никогда. Так же, как не годятся и мои коллеги»[1].

Словом, «миссия» Э. Шеварднадзе не увенчалась успехом, так как в Мегрелии «его встретили с портретами своего лидера З. Гамсахурдиа»[2]. Вечером 24 июля, вернувшись в Тбилиси, Э. Шеварднадзе заявил по телевидению следующее: «Ни один серьезный политик не поехал бы в такой регион, однако я поехал в Западную Грузию с целью не допустить распада Грузии и прекратить гражданскую войну. Я никогда не мечтал о посте Председателя Госсовета несуществующего государства. Меня трудно вывести из равновесия, но я не тот, в которого можно плевать»[3]. Это свидетельствует, что спешное возвращение Э. Шеварднадзе из Мегрелии в Тбилиси было связано не только с решениями Верховного Совета Абхазии, принятыми накануне. Но первый канал российского телевидения «Останкино» настаивал на этом[4]. А 25 июля на заседании Госсовета Э. Шеварднадзе сказал: «В Абхазии может случиться такое, что по своему характеру и последствиям будет гораздо хуже всего происшедшего в Цхинвальском регионе»[5].

Исходя из общей риторики речей главы Госсовета, можно заключить, что его самолюбие было сильно задето, и он уже твердо решил наказать всех непокорных, не разбирая ни мегрельцев, ни абхазцев, ни других. А Госсовет на этом же заседании признал «не имеющим юридической силы» Постановление ВС Абхазии о прекращении действия Конституции 1978 года[6]. При этом вовсе не учитывалось то обстоятельство, что нелегитимный Госсовет Грузии предъявлял претензии к законному Верховному Совету Абхазии. 27 июля Э. Шеварднадзе заявил, что

---

[1] «Независимая газета», № 143… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-iyulya-1992-goda?page=0,1

[2] Басариа В. К. Время тяжких испытаний. Сухум, 1994. С. 80.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 26-27.

[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 12.

[5] Червонная С. М. Абхазия-1992... // www.abkhazia.dot.

[6] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 68.

он готов уйти в отставку, «если не удастся предотвратить конфликт в Абхазии»[1].

В самой Абхазии Т. Надарейшвили и Г. Ломинадзе продолжали создавать параллельные структуры власти. Причем последний заявил: «Здесь ничего не получится. Существует армия, и при надобности введем ее». При этом он имел в виду «Мхедриони» и «грузинскую гвардию». Об одном из эпизодов названного процесса сообщает Н. Месхия: «Хотели создать отдельно Совет Министров со всеми институтами… В Абхазии, где общественная дестабилизация, политическое противостояние между сторонами, общая напряженность достигли пика, и в воздухе пахло порохом, грузинская часть депутатов во главе с Надарейшвили и Советом национального единства были заняты такой невиданной и неслыханной до сих пор деструктивной деятельностью. Это вело к войне и крупномасштабному кровопролитию. Все мы стояли на краю пропасти! А официальный Тбилиси по-прежнему молчал»[2].

С 28 по 30 июля парламентская фракция «Демократическая Абхазия» провела в Сухуме расширенное заседание с участием общественности. Собрание решило «придать своей деятельности характер сессионной работы с правом принятия законодательных актов»[3]. Перед началом работы «сессии» Н. Месхия наедине спросил Г. Ломинадзе, хочет ли он, чтобы с его именем было связано начало войны в Абхазии? Экс-министр ответил: «Нет». Тогда Н. Месхия предложил ему уехать из Абхазии. Г. Ломинадзе ответил: «Не могу оставить своих сотрудников, которые бастуют. Помогите вернуть их на службу… Помогите, и я тут же исчезну»[4]. Но, судя по всему, это был просто блеф со стороны Ломинадзе – никуда он не собирался уезжать надолго, и как события показали, он действительно уехал в Тбилиси, но вернулся оттуда вместе с оккупационными войсками. Тогда саму «сессию» открыл Надарейшвили. О дальнейшем ходе этого собрания сообщает Н. Месхия: «Я взял слово и выступил против программы, доказывая ее авантюрность. В итоге затея провалилась»[5]. Действительно, на собрании не было провозглашено создание альтернативного Совета Министров Абхазии, но зато было

[1] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 203.
[2] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 61.
[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 145.
[4] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 62.
[5] Там же. С. 63-64.

принято Постановление, признавшее недействительными все акты и решения, принятые ВС Абхазии 23 июля[1].

Тем временем с 24 по 31 июля В. Ардзинба находился с визитом в Турции. В абхазскую делегацию также входили председатель комиссии по экономике и социальному обеспечению К. Озган, министр энергетики и транспорта Г. Допуа, министр культуры и образования Н. Чанба, вице-президент КГНК Г. Аламиа. Председатель Верховного Совета Абхазии на пресс-конференции отметил, что совпадение визита с принятием постановления ВС Абхазии является случайным, но при этом напомнил, что «в Турции проживает 400 тыс. абхазов»[2]. Поездка всколыхнула всех кавказцев в этой стране, которые «повсеместно устраивали митинги и шествия с флагами Горской республики и Республики Абхазия», но вместе с тем вызвала огромное недовольство в Тбилиси и раздражение в Москве[3]. Может быть, с этим связано утверждение С. Червонной о том, что этот визит В. Ардзинба «не дал никаких результатов в плане «признания» Абхазии соседней мусульманской державой»[4]. Авторы «Системной истории…» также пишут о том, что «ввиду российско-грузинского сближения В. Ардзинба безрезультатно пытался установить контакт с Турцией»[5]. Дело в том, что визит не преследовал цели установления контактов с официальной Турцией, что при складывавшейся геополитической конъюнктуре было нереальным. Однако уже после начала войны, 26 августа 1992 г., председатель демократическо-социалистической партии Б. Едживит выразил недовольство правительством Турции, заявив, что оно проявляет пассивность в абхазском вопросе. Он также отметил, что если бы президента Абхазии приняли бы на официальном уровне, то сегодня этой агрессии не было бы[6]. Главная цель визита В. Ардзинба была достигнута, и говорить о его безрезультатности может только тот, кто не владеет ситуацией или обладает неправильной информацией.

Действительно, официальная Турция не заявила о поддержке Абхазии в начавшейся вскоре войне с Грузией. Более того, до войны и уже

---

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 145.

[2] Интервью В. Ардзинба газете «Ортдагу», 28 июля 1992 г.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 27.

[4] Червонная С. М. Абхазия-1992… //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

[5] http://www.abkhaziya.org/books/system_history.html.

[6] Журн. «Абаза», № 1, С. 20. 1995 г.

в ходе войны в Абхазии руководители Грузии и Турции обменялись визитами, имели дипломатические отношения, входили в одни и те же международные организации и, что важнее всего, имели схожие проблемы. Турция чувствовала себя уязвимой из-за проблемы Курдистана. Все это говорило в пользу однозначной поддержки Турции грузинской агрессии против Абхазии, однако ее позиция была не столь однозначной, а нередко – противоречивой. По мнению аналитиков Министерства информации и печати РА, «политическая реакция руководства Турции в войне Грузии против Абхазии выразилась мягкими уговорами Шеварднадзе решить конфликт мирными способами»[1]. Главной причиной этому явилось движение, в том числе добровольческое, представителей абхазской и кавказской диаспоры, проживающей в Турции, в поддержку Абхазии. Этому движению придали мощный импульс именно визит В. Ардзинба в Турцию и его встречи с абхазской диаспорой, и это движение, особенно после начала грузинской агрессии против Абхазии, оказывало влияние на официальную позицию Турции. Анкара также под давлением диаспоры инициировала на заседании сессии Европарламента рассмотрение вопроса о грузинском вторжении в Абхазию. Таким образом, говорить о безрезультатности визита Ардзинба в Турцию не совсем, а, скорее всего, совсем не верно. Выступая на пресс-конференции в конце своего визита, Председатель ВС Абхазии подчеркнул: «Мы не хотим воевать с Грузией, но если придется воевать, несмотря на нашу малочисленность, мы сможем постоять за себя»[2].

З. Папаскири считает, что создание Сухумского механизированного батальона привело к тому, что абхазы вступили в переговоры с грузинами об отзыве В. Зарандия с должности Председателя СМ Абхазии. Эти переговоры состоялись в кабинете С. Багапш под его же председательством. В них участвовали: с абхазской стороны – З. Ачба, О. Дамения, Л. Лакербая, К. Озган, Д. Пилия; с грузинской – депутаты К. Джачвлиани и Н. Месхия и члены СНЕ Т. Киланава, Ш. Цулискири и З. Папаскири[3]. Это встреча имела место в конце июля 1992 года и была, пожалуй, последней возможностью предотвратить начало войны.

---

[1] Аналитический отдел Министерства информации и печати Республики Абхазия, 1995 г.

[2] На Кавказе – турецкий вектор // Газ. «Ортадогу», 26 июля 1992 г.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 406.

Н. Месхия излагает события, связанные с названной встречей, в иной версии, согласно которой все началось с того, что Т. Надарейшвили попросил пойти его «со своей командой» на заседание согласительной комиссии. Причинами и задачами этой встречи в изложении Н. Месхия являлись следующие: «Несмотря на все то, что происходило на сессии, уход грузинской депутатской фракции из парламента не устраивал абхазскую сторону, хотя бы потому, чтобы, как сами отмечали, политика не ушла бы на улицу – остерегались общественной и политической дестабилизации. Поэтому абхазская сторона шла на уступки, только бы мы вернулись в парламент и приняли бы участие в работе сессии. Они готовы были освободить В. Зарандия… Речь шла и о моей кандидатуре, но она не устраивала лидера грузинской депутатской фракции и Совет национального единства»[1]. О названной встрече он сообщает: «Встреча с абхазской стороной состоялась на следующий день в кабинете С. Багапш. С абхазской стороны были: К. Озган, Э. Капба, Д. Пилия, З. Ачба, В. Зантариа и др. С грузинской – Д. Гамахария, К. Джачвилиани и Н. Мгалоблишвили. Разговор шел в основном между Озганом и мной… А разговор начался с того, что абхазская депутация готова была проститься с В. Зарандия и совместно с нами обсудить новую кандидатуру, правда, из тех, которых в свое время обсуждала грузинская депутация. Условились продолжить переговоры на второй день. «Из нашей группы почему-то были выведены Гамахария и Мгалоблишвили, и Надарейшвили включил туда «неформалов» Ш. Цулеискири, З. Папаскири, Т. Киланава. Они были представителями Совета национального единства, того осиного гнезда, которое то и дело было занято только деструктивной, антиабхазской деятельностью. Абхазская сторона их не воспринимала, но после долгих споров убедили абхазскую сторону, и они были допущены в качестве наблюдателей»[2].

Н. Месхия в своих воспоминаниях об этой встрече пишет: «В недавно изданном З. Папаскири «труде» «Абхазия. История без фальсификации» читаем: «На встрече абхазской стороне были предъявлены вполне обоснованные претензии по поводу правового произвола, совершенного 5 мая при назначении председателя Совета Министров В. Зарандия». Заявляю прямо: это не соответствует действительности, это несусвет-

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 89.
[2] Там же. С. 70-71.

ная ложь! Об этом членами Совета национального единства – З. Папаскири, Ш. Цулеискири и Т. Киланавой не было сказано ни единого слова. На этой встрече они сидели и, по договоренности, не вмешивались в диалог»[1].

В ходе названной встречи опять на должность Председателя Совета Министров Абхазии была названа кандидатура Г. Ломинадзе, но против этого, по словам З. Папаскири, выступили сами члены грузинской делегации К. Джачвлиани и Н. Месхия[2]. Сам Месхия это прокомментировал следующим образом: «Это неслыханная ложь! Боже мой, до чего только не скатывается человек! Это несравненный мастер лжи и фальсификаций…. Вот это называется: здесь помню, а здесь не помню, то есть «прицельная, мозаичная амнезия»[3]. Он назвал работу З. Папаскири «галлюцинатронным бредом»[4].

З. Папаскири далее по-своему объясняет суть произошедшего: «Причиной всплеска их эмоций, в частности, Н. Месхия, известного врача-нейрохирурга, оказывается, было то, что одна группа депутатов грузинской фракции Верховного Совета на пост председателя Совета Министров выдвигала именно его кандидатуру, и в надежде понравиться абхазам Н. Месхия фактически устроил скандал, чем не дал возможность другим членам грузинской делегации добиться желаемого максимального результата… В результате переговоры были сорваны, и вопрос об отзыве В. Зарандия больше не ставился»[5]. В изложении самого Н. Месхия то же самое происходило следующим образом: Переговоры шли долго и безрезультатно. З. Ачба предложил рассмотреть кандидатуру Н. Месхия на пост председателя Правительства. Как только он это сказал, в разговор вступил З. Папаскири – «Вы второго Зарандия хотите?»[6]. Это заявление привело к потасовке между Месхия и Папаскири и, естественно, к завершению встречи.

31 июля, в последний день визита В. Ардзинба в Турцию, Грузия была официально принята в ООН и стала 179-й участницей этой организации. 88-е пленарное заседание Генеральной Ассамблеи, «полу-

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 73.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 407.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 75-76.
[4] Там же. С. 79.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 407.
[6] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 72.

чив рекомендации Совета Безопасности от 6 июля 1992 г. о приеме Республики Грузия в члены ООН; рассмотрев заявление Республики Грузия в члены ООН, постановил принять Грузию в члены ООН»[1]. Действительно, ранее, 6 июля, Совет Безопасности на 3091-м заседании без голосования принял резолюцию № 763, в которой рекомендовал «Генеральной Ассамблее принять Республику Грузию в члены Организации Объединенных Наций»[2]. Подобный успех нового «демократического» и нелегитимного руководства Грузии многие связывали с личным авторитетом Э. Шеварднадзе. Безусловно, в этом вопросе также сыграла свою роль позиция России. Президент Б. Ельцин еще во время Дагомысской встречи, 24 июня, заверил руководителя нелегитимного Госсовета, что он поможет Грузии стать членом ООН[3]. Более 30 государств мира за короткий срок признали Грузию как независимую республику. США и Канада рассматривали возможность предоставления ей крупных кредитов – «при условии соблюдения прав национальных меньшинств» (США) и «проведения в Грузии честных и свободных выборов» (Канада)[4]. На эти условия американцев Грузия уже давно устами историка и депутата грузинской фракции абхазского Парламента Д. Гамахария ответила, заявив, что «права грузинской нации шире прав человека»[5]. Но это было не то достижение, на которое претендовала Грузия, несмотря на нелегитимный характер своего руководства. В своем выступлении на сессии Генассамблеи ООН в связи со вступлением Грузии в ООН 31 июля 1992 г. министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе говорил: «Принятие Грузии в ООН венчает международное признание нашей страны. Возможно, наступит день, когда международное сообщество найдет соответствующее место и для Грузии и, подобно другим малым странам, распространит на нее ответственность за урегулирование конфликтов между народами. У Грузии есть для этого все возможности»[6].

---

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии… С. 306.

[2] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1992/res763.htm.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 24.

[4] Червонная С. М. Абхазия-1992... //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

[5] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 8.

[6] Чикваидзе А. Д. На изломе истории… С. 311.

Э. Шеварднадзе принятие Грузии в ООН прокомментировал следующим образом: «Быть членом ООН – это в первую очередь означает восстановление исторической справедливости, утверждение права и места Грузии в мировом содружестве как равноправной, наряду с другими цивилизованными странами. Это завершение процесса признания независимости и обретение права на защиту нашей страны со стороны мирового содружества… 31 июля родилась новая Грузия, но ее рост и возмужание зависят не только от использования переданных ей прав. Если хотите быть принятыми в приличном обществе, извольте соблюдать принятые в нем правила»[1].

16 августа 1992 г., уже после начала абхазо-грузинской войны, Парламент Абхазии в Обращении к Верховному Совету России отмечал, что «величайшей ошибкой российской дипломатии было способствование принятию Грузии в члены ООН до того, как правительство и народ ее докажут, что ими преодолен «синдром малой империи»[2]. Известный британский кавказовед Д. Хьюитт считает, что «Россия разделяет со всем остальным международным сообществом ответственность за ошибочное признание Грузии в 1992 году»[3]. Здесь надо отметить, что поддержка Россией вопроса международного признания Грузии, наряду с другими политическими шагами, вероятно, являлась частью многоходовой комбинации по вовлечению Тбилиси в крупномасштабный вооруженный конфликт с Абхазией. Это был глубинный, не заметный на первый взгляд, рычаг воздействия на Тбилиси. В Грузии в то время имели место многочисленные нарушения прав человека, а страну возглавлял нелегитимный орган власти. Несмотря на все это, видимо, в знак благодарности Э. Шеварднадзе за заслуги перед западным сообществом в деле развала СССР, Грузию признали «миролюбивым государством»[4]. В противном случае ее невозможно было бы признать членом ООН, поскольку в ООН, согласно его Уставу, принимают только «миролюбивые государства». А такая дружная поддержка и Запада, и России должна была помочь старому новому

[1] «Независимая газета», №147… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-4-avgusta-1992-goda

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 9.

[3] Хьюитт Д. Грузия - ошибка – 1992 // Война и мир Дмитрия Медведева. М., 2009. С. 45.

[4] Хагба В. Агрессия Грузии и международное право. Гагра, 1995. С. 37.

руководителю Грузии в повышении своего авторитета уже на вновь «обретенной» Родине.

В названном выступлении А. Чикваидзе заявил: «В Грузии нет ни пяди негрузинской земли, и мы будем решительно пресекать любое притязание на грузинскую землю»[1]. Это заявление вкупе с другим его пассажем, приведенным им со ссылкой на Генерального секретаря ООН Б. Гали: «Если каждая этническая, религиозная или языковая группа потребует себе независимости, раздроблению не будет конца, и достижение мира, безопасности экономического благосостояния сильно осложнится», уже свидетельствовали о том, какая угроза для Абхазии могла таиться во вступлении Грузии в ООН. Если учесть то, что стремление Абхазии самостоятельно решать свою судьбу в Грузии воспринималось как «претензия на грузинскую землю», то можно считать, что война Абхазии была объявлена именно с трибуны ООН, в день принятия Грузии в сообщество «избранных» государств. Начиная с того момента, как стало известно о принятии Грузии в ООН, высказывались со стороны Абхазии многочисленные обоснованные опасения, что это придаст ее нелегитимному Госсовету уверенность в своей безнаказанности и послужит дополнительным стимулом для вторжения в Абхазию. Уже после агрессии Грузии В. Ардзинба неоднократно обращался к Генеральному секретарю ООН с просьбой «незамедлительно принять меры» по прекращению войны и «рассмотреть вопрос о целесообразности пребывания Республики Грузия в составе ООН»[2]. Однако эти обращения не получили никакого реагирования со стороны международного сообщества. Уже этим подтверждается правомочность и справедливость высказывания о том, что «в одних случаях мировое сообщество поддерживает стремление народов к независимости, когда оно совпадает с интересами дирижеров мирового политического оркестра, а в аналогичных ситуациях оно, как правило, остается глухим к просьбам этносов и территорий»[3].

Выступая в ООН, А. Чикваидзе закинул, хотя и маленький, но все же камень в огород России. Он сказал: «Мы верим, что в результате всту-

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории… С. 310.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 в документах. Сухум, 2004.

[3] Авидзба А. Ф. Абхазия и Грузия. О некоторых проблемах этнополитики // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 122.

пления Грузии в ООН возможность явной агрессии, направленной против нашей страны, значительно уменьшится»[1]. К тому времени нападать на Грузию никто не собирался, а напротив, готовилась она напасть на Абхазию, а об угрозе, исходящей от России, она говорила постоянно и решила озвучить и с трибуны ООН. В. Захаров, размышляя на эту тему, писал: «С появлением в Закавказье трех независимых государств – Азербайджана, Армении и Грузии – США весьма быстро и основательно обозначили цели и задачи своего политического, экономического и военного присутствия в этом регионе»[2]. Кроме того, по его мнению, здесь «после 1991 г. происходит планомерное расширение НАТО», организующим и руководящим центром которого также являлись США. Безусловно, уже само принятие в ООН, где к тому времени главную скрипку играли США, трех закавказских стран с неблагополучной внутренней военно-политической ситуацией, свидетельствовало о наличии у них далеко идущих планов относительно стратегической ориентации этих государств. Более того, в начале 1990-х гг. в США возникает проект возрождения «Великого шелкового пути», в котором Грузии отводилась одна из ключевых ролей в т. н. «кавказском коридоре» этого пути[3]. Однако официальное провозглашение Кавказа «зоной жизненно важных американских интересов» произошло позднее: «В январе 1997 г. американская администрация заявила о жизненно важном политическом и экономическом значении стран Закавказья для США и о намерении «повернуть свою политику» в их сторону»[4]. В интересующее же нас время США пока не предпринимали активных военно-политических шагов в указанном регионе.

Видимо, здесь нужно иметь в виду и то, что 1992 год – это год выборов президента США, страны, которая к тому времени играла ключевую роль в определении стратегии глобального миропорядка. Как известно, выборы президента – серьезное мероприятие для политиков и жителей США, и им, может быть, пока, в силу очень многих причин, не было

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории… С. 310.

[2] Захаров В. А. Грузия, НАТО, Абхазия – хроника событий и перспективы развития отношений // Независимая Абхазия: проблемы и решения. М., 2007. С. 47.

[3] Митяев В. Г. Грузия на Великом шелковом пути // Грузия. Проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 295.

[4] Михайлов С. А. Отношения Грузии с США // Грузия: Проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 202.

резона особо углубляться в проблемы далекого Кавказа. Такое мнение может иметь право на существование, несмотря на то, что уже к тому времени глобализация значительно сократила время и пространство, разделявшее некогда страны и народы, способствовала сближению границ, соприкосновению и скрещиванию интересов влиятельных политических игроков. Впрочем, такая позиция могла быть продиктована сугубо прагматическими соображениями: Запад, наблюдая за весьма драматичными и неблагополучными для судеб России процессами, мог занять выжидательную позицию, чтобы затем в более подходящий момент с меньшими потерями, противоречиями и противодействием заявить о своих интересах на Кавказе в целом, в Абхазии и Грузии, в частности.

Все вышеизложенное подтверждает правильность вывода Ю. Воронова, который, размышляя о причинах войны, писал: «Глобальные предпосылки войны в Абхазии сводятся к тому, что Абхазия географически оказалась связанной с «дугой нестабильности» от Балкан до Памира, возникшей в результате распада СССР и связанного с ним европейского геополитического пространства. Человечество оказалось перед фактом неустойчивости и разрушения политических границ, сложившихся в результате Второй мировой войны, перед неизбежностью нового передела мира... При этом судьба Абхазии была решена лидерами мирового сообщества, вознамерившимися остановить распад СССР на уровне границ бывших союзных республик, оставив без внимания судьбу автономных государственных образований»[1].

При любых обстоятельствах нельзя упускать из виду следующий основополагающий момент: Грузия официально вышла из состава СССР 9 апреля 1991 г., а Абхазия оставалась в составе Союза ССР до его распада – 21 декабря 1991 г., а после его распада становится независимым государством. Таким образом, уже тогда речь должна была идти о двух государствах. А государство является таковым вне зависимости от признания или непризнания его другими субъектами. Иначе говоря, признанием государства остальные государства в отношении признаваемой страны обязуются действовать в соответствии с общепризнанными нормами Международного права, но ни в коей мере не

[1] Воронов Ю. Н. О геополитических аспектах войны в Абхазии // «Юрий Воронов – свет и боль» (Сост. – редколлегия). М., – Сухум. 1999. С. 298.

наделяют данное государство суверенными правами. Государство суверенно уже в силу самого факта своего существования. И в силу этого к моменту принятия Грузии в ООН она не имела государственно-правовых отношений с Абхазией. Следовательно, признание ООН Грузии в пределах границ бывшей Грузинской ССР было лишено правовых оснований[1]. Но это обстоятельство тогда не могло быть объектом рассмотрения мировыми игроками. Кроме всеобщей эйфории по поводу исчезновения СССР, что способствовало параду признаний бывших его республик, здесь возымел действие и «фактор Шеварднадзе». Многие политические деятели того времени поддерживали с ним дружеские отношения, что в подобных ситуациях имеет немаловажное значение. Поэтому высказывание В. Ардзинба, заметившего во время встречи с миссией ООН, уже во время войны в Абхазии 14 октября 1992 г., что, по его мнению «в ООН принята не Грузия, а Шеварднадзе»[2], справедливо. Аналитики связывали это обстоятельство с причастностью Шеварднадзе к строительству «общеевропейского дома» и «нового мирового порядка». К примеру, Германия «ценит тот вклад, который Э. Шеварднадзе, находясь на посту министра иностранных дел СССР, внес в процесс объединения двух Германий и ликвидацию Берлинской стены»[3].

Д. Хьюитт, комментируя рассматриваемый вопрос, справедливо отмечает следующее: «Поверхностная и зависимая от персоналий политика опасна не только на национальном, но и на международном уровне. В 1992 году Запад (ведомый, кстати, тогдашним правительством Великобритании, которое возглавляли премьер Д. Мейджор и министр иностранных дел Д. Херд) признал Грузию в пределах ее советских границ. Это решение выросло из опасной комбинации невежества относительно того, что происходило в Грузии, и желания Запада протянуть руку помощи тому, кого его руководители считали близким другом. Речь идет о Шеварднадзе, который получил поддержку Запада после своего внезапного возвращения в бывшую коммунистическую вотчину в марте 1992 года… Во время мирового признания Грузии война Гамсахурдиа в Южной Осетии все еще велась, и последующая же-

[1] Цушба И. О праве наций или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. Сухум, 2003. С. 51.

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 303-304.

[3] Комиссина И. Н. Грузия и Западная Европа… С. 223.

стокая битва состоялась в родном регионе Гамсахурдиа – в Мингрелии, где его сторонники столкнулись с ожесточенным сопротивлением сил хунты. Больше того, нарастало напряжение в Абхазии. Выборы были запланированы на осень. Вместо того чтобы подождать с признанием до объявления итогов выборов и выполнения ряда условий (например, окончания войны в Южной Осетии и Мингрелии; поиска мирного разрешения проблем, которые с 1989 года терзали Абхазию; получения соответствующего демократического мандата на октябрьских выборах), Шеварднадзе привез домой все «морковки» (признание, членство в МВФ, Всемирном банке и, главное, в ООН), сам не сделав ничего в обмен. Последствием этих действий был быстрый ввод войск в Абхазию, который осуществил Шеварднадзе 14 августа в отчаянной надежде, что сторонники Гамсахурдиа сплотятся вокруг грузинского флага против общего врага (т. е. абхазов)»[1].

Тем временем, режим чрезвычайного положения в Тбилиси, введенный после событий вокруг телецентра 24 июня, был отменен только 4 августа[2]. В тот же день была объявлена амнистия и выпущено из тюрем 56 звиадистов[3]. Все это было приурочено к торжествам по поводу принятия Грузии в ООН. На эти мероприятия были приглашены и абхазские власти, и лично В. Ардзинба, которому утром 4 августа позвонил Э. Шеварднадзе. В. Ардзинба «дипломатично» отказался, но зато в торжествах в Тбилиси принимала участие грузинская депутация Верховного Совета Абхазии во главе с Т. Надарейшвили[4]. Тем временем 4 августа в Сухуме состоялась пресс-конференция В. Ардзинба по результатам визита в Турцию. Он охарактеризовал общественно-политическую ситуацию в Абхазии как сложную и недостаточно стабильную. Дал весьма негативную оценку Г. Ломинадзе, который по-прежнему делал все для того, чтобы дестабилизировать обстановку в республике. Кроме того, В. Ардзинба подчеркнул, что из Грузии в Абхазию забрасывается на вертолетах оружие[5].

---

[1] Хьюитт Д. Грузия - ошибка – 1992 // Война и мир Дмитрия Медведева. М., 2009. С. 46-47.

[2] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 10.

[3] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 204.

[4] Папаскири З. В. Абхазия. История... С. 417.

[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум. 2010. С. 20.

О ситуации, сложившейся к тому времени внутри грузинской общественности Абхазии, свидетельствует Н. Месхия: «Предателем считали сторонников политического диалога. Устраивали им разборки и телевизионные черные пиар-кампании, преследовали и угрожали линчеванием тем, кто вел переговоры с абхазской стороной. «Никаких связей с абхазами. Расстреляем всех, кто им чем-нибудь поможет. С ними нельзя жить в мире и согласии» – таковы были напутствия членов Совета национального единства (Б. Какубава, З. Папаскири, Ш. Цулейскири, Д. Джаиани, Г. Мешвелиани, М. Патарая, Г. Адамия, Г. Габескерия, Д. Гулордава, М. Джгамадзе, А. Джикия, Ю. Квачихия, Т. Киланава, Д. Латария, Г. Ломинадзе, А. Ломейнашвили, А. Микадзе, Т. Надарейшвили, М. Пация, В. Пруидзе, Д. Сигуа, М. Берия, М. Сулухия, Д. Рогава, Ж. Челидзе, Т. Чилочава, Т. Шенгелия, Д. Езугбая и других). Они из абхазов старались создать образ врага»[1].

Тогда в Мегрелию был введен экспедиционный корпус в количестве 3 тысяч человек, которым командовал Т. Китовани[2]. Между тем, где-то за две недели до начала войны Т. Надарейшвили посетил в Тбилиси лидеров Госсовета вместе с небольшой группой депутатов – Г. Гвазава, Э. Астимировой и Р. Квирая, где, по мнению Н. Месхия, фактически была решена судьба войны и мира в Абхазии, а через 10 дней сюда вошли танки[3]. 9 августа А. Кубрава записывал в своем дневнике: «Ввод войск Госсовета Грузии в Абхазию, если это свершится, может повлечь худшие последствия, чем в Мегрелии. Нужен лишь один выстрел, чтобы вспыхнула война»[4]. До этого рокового выстрела тогда оставалось несколько суток, но маховик войны уже был запущен.

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 29-30.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 24.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 68.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 22.

∾ РАЗДЕЛ 3. ∾

НАЧАЛО И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

1. Агрессия Грузии против Абхазии

1.1. Вторжение

«Искра, вызвавшая абхазский пожар, попала в пороховую бочку конфликта за закрытыми дверями кабинета Шеварднадзе, где какие-то несколько человек приняли решение о развертывании военных подразделений в Абхазии… Независимо ни от чего, я счастлив, что мне не пришлось принимать участие в этом роковом решении»[1]. Так вспоминал о начале войны в Абхазии А. Чикваидзе в 2006 г.

3 ноября 1998 г. И. Георгадзе в интервью «Новой газете», вспоминая о том, как начиналась война в Абхазии, сообщал: «Все было как в кошмарном сне. В половине второго ночи раздается телефонный звонок. В трубке – голос полупьяного дежурного из аппарата Китовани: «Батя срочно собирает всех на совещание». И вот картина, которую я наблюдаю в бывшем кабинете первого секретаря ЦК компартии Грузии. Около сорока человек, каждый второй пьян, возбужденность, мат, неразбериха. Китовани: «О, Игорек пришел. Давай, Игорек, собирай своих людей – сколько у тебя человек? Завтра идем в Абхазию». Я не преувеличиваю! Так решалась эта война… За те полчаса, что я там был, он звонил два раза. Шеварднадзе был не только в курсе – он торопил Китовани»[2].

В ноябре 2003 г. во время своего последнего интервью Д. Иоселиани, говоря об интересующей нас проблеме, поведал следующее: «Я

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 165.

[2] http://www.compromat.ru/page_9405.htm

вообще был против этого… Шеварднадзе организовал человек двести гвардейцев, и они отправились. Возглавить их должен был Китовани, но он не пошел к Ардзинбе. Он отнесся к делу спустя рукава, был в Кутаиси, когда отряд этот вошел в Очамчирский район. Там их обстреляли. Они вернулись в Тбилиси и сказали, что их пятьсот человек было, а мы не виноваты, какие мы вояки. Тогда в Абхазию вошли гвардейцы Китовани. Около Сухуми произошла перестрелка – в общем, началась война»[1].

Судя по этим сообщениям, война в Абхазии начиналась как невинная детская шалость. При этом авторы вышеприведенных мнений отрекаются от ответственности за начало войны в Абхазии. Все они в один голос твердят о том, что были против вторжения в Абхазию, но их не спросили. Между тем, все они в рассматриваемое время занимали ключевые посты в грузинской руководящей иерархии: А. Чикваидзе – министр иностранных дел, И. Георгадзе – начальник управления контрразведки Министерства обороны Грузии, а Д. Иоселиани – по должности второй человек в государстве – заместитель Председателя Госсовета Грузии. Позже А. Чикваидзе утверждал, что «о дислокации военных подразделений в Абхазии с целью охраны транспортных коммуникаций я впервые узнал на заседании Госсовета как о свершившемся факте», и, судя по всему, был обижен по поводу того, что «Шеварднадзе не счел нужным заранее поставить об этом в известность министра иностранных дел»[2]. Он услышал о готовившемся вводе грузинских войск в Абхазию 11 августа и не предпринял никаких попыток изменить ситуацию, занимал пост главы внешнеполитического ведомства в течение всего хода войны и в силу своих должностных полномочий предпринимал все усилия для того, чтобы оправдать и защитить грузинскую точку зрения – позицию агрессора – относительно войны в Абхазии. Следовательно, его попытки откреститься от своей доли ответственности и задним числом занять какую-то отстраненную позицию – занятие, мягко говоря, бесполезное и бесперспективное.

Д. Иоселиани, наряду со своей должностью, оставался одним из самых влиятельных неформальных лидеров, криминальных автори-

[1] http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=370014
[2] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 166.

тетов и плюс ко всему – главой военизированной организации «Мхедриони». Если даже поверить в то, что он, по его же утверждению, был против вторжения в Абхазию, разве его поведение во время войны не свидетельствует об его ответственности? На протяжении всей войны Иоселиани принимал активное участие в боевых действиях против абхазов. Кроме того, он участвовал в принятии постановления Президиума, который затем был утвержден Госсоветом, и на основании которого были введены войска в Абхазию. Так что доля ответственности Д. Иоселиани за развязывание, продолжение и последствия войны в Абхазии достаточно велика, неоспорима и бесспорна.

А что касается И. Георгадзе, то его положение руководителя контрразведки Министерства обороны не допускает того, чтобы он не был в курсе подобных решений, даже принимая во внимание ту неразбериху, которая имела место тогда в военно-политических ведомствах Грузии и в их взаимоотношениях. В ходе войны в Абхазии И. Георгадзе неоднократно выступал с воинствующими заявлениями в отношении абхазов и в силу своей должности делал все для воплощения в жизнь тезиса главы Госсовета о «достойном завершении войны». А попытка задним числом критиковать вторжение в Абхазию является ничем иным, как выражением его неприязни к Шеварднадзе, которая возникла вследствие того, что Шеварднадзе, уже будучи Президентом, обвинил его в шпионаже и в организации покушения на себя и изгнал из Грузии.

При этом А. Чикваидзе считает войну в Абхазии «провокацией определенной части российских политических и военных кругов среднего и высокого уровней»[1]. Это утверждение опровергает другой процитированный автор – Д. Иоселиани, которого никак невозможно заподозрить в симпатиях к абхазам. Незадолго до своей смерти он опубликовал в Москве на русском языке книгу воспоминаний под названием «Три измерения» (М., 2001). О начале войны в Абхазии в названной работе Иоселиани пишет: «У нас господствует мнение, что войну провоцирует Россия, что Ардзинба был готов к этому. Исходя из первого периода войны, на этот счет у меня другое мнение. Они не были готовы и сознательно нас не провоцировали. На первых порах на

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 165.

абхазской стороне, во-первых, не замечалось русских специалистов и бойцов, во-вторых, их вооружение исчерпывалось самодельными снарядами, охотничьими ружьями и кустарными взрывчатками»[1].

Агрессия Грузии против Абхазии была направлена на недопущение восстановления ее действительной государственности, стремление удержать ее в качестве придатка «единой и неделимой» Грузии. Генерал-майор В. Серебряков полагает, что целью вторжения войск Госсовета Грузии на территорию Абхазии была «не охрана железной дороги и не освобождение грузинских заложников в Мингрелии, а ликвидация абхазской государственности»[2].

В Тбилиси, наверняка, не стали бы тянуть с вторжением в Абхазию, ведь к тому времени формирования ее Национальной гвардии не раз подходили к грузино-абхазской границе и даже один раз побывали на российско-абхазской границе. Но, видимо, там рассудили, что сначала надо вступить в ООН, с тем, чтобы Грузия была признана в рамках бывшей Грузинской ССР, а затем договориться с Россией. Когда все эти условия были выполнены, Грузия приступила к осуществлению плана по усмирению вышедшей из подчинения Абхазии. Новые тбилисские власти, как и старые, стремились сохранить унитарное государство. Помехой им в этом становилась непокорная «автономная республика», и поэтому там в качестве первостепенной задачи стали рассматривать воплощение в жизнь тезиса о ликвидации государственности Абхазии и превращение ее в лучшем случае в одну из бесправных провинций Грузии. При этом, конечно же, Грузия не желала ввязываться в большую войну. Блицкриг и молниеносное покорение Абхазии не получили бы огласки, и тогда Госсовету не пришлось бы оправдывать свою агрессию. Действительно, и Россия, и ООН, и СБСЕ косвенно «признали наличие акта агрессии в действиях Республики Грузия»[3] только 27 июля 1993 г., приняв участие в подписании Сочинского Соглашения, предусматривавшего вывод грузинских войск с территории Абхазии.

---

[1] http://www.novopol.ru/-zabyityie-uroki-djabyi-ioseliani-text6645.html

[2] Серебряков В. Г. Абхазия помнит. Майкоп, 2007. С. 5.

[3] Хагба В. Агрессия Грузии и международное право. Гагра, 1995. С. 47.

М. Хуаде – сестра Героя Абхазии А. Хуаде[1] – уже после войны в Абхазии вспоминала: «Еще за три года до начала грузино-абхазской войны он (А. Хуаде. – **А. А**.) вплотную занимался проблемами мира на Кавказе, был членом Парламента КНК и Адыгэ хасэ. Однажды, вернувшись из поездки, он в глубоком раздумье сказал родным о том, что, по имеющейся информации, где-то на территории Кавказа может быть развязана война под кодовым названием «Меч» или «Искра», но неизвестно – где именно»[2]. Действительно, с апреля по август 1992 года в Тбилиси под руководством Э. Шеварднадзе разрабатывался план оккупации Абхазии[3] под кодовым названием «Меч». Д. Джоджуа утверждает, что этот план был «подготовлен оперативным департаментом генерального штаба министерства обороны» Грузии[4]. Согласно плану планировалось продвижение войск Госсовета по железной дороге в ночное время и за одну ночь высадить десанты во всех узловых пунктах с тем, чтобы проснувшаяся Абхазия была поставлена перед свершившимся фактом оккупации.

---

[1] Хуаде Адам Ильясович (Х. 1957, аул Гатлукай, Теучежский р-н, Адыгея – 26. VIII. 1992, с. Эшера) – окончил факультет физического воспитания Адыгейского государственного университета (1978), юридический факультет Кубанского государственного университета (1985). Работал следователем, начальником уголовного розыска Теучежского РОВД (1978–1992). Мастер спорта по дзюдо и самбо. Член Парламента КГНК и Адыга Хасэ. Услышав о начале войны в Абхазии, он сразу приехал в Абхазии, и убедившись в происходивших событиях сам 17.08.1992 г. был в г. Майкопе и на митинге в тот же день произнес пламенную речь в поддержку абхазского народа. По его предложению начались сборы добровольцев. Во главе первой группы добровольцев он уже 21.08.1993 г. сражался на Гумистинском фронте. А. Хуаде принимал активное участие в разработке и реализации первой крупномасштабной диверсионной операции абхазского ополчения в тылу противника в районе Учхоза. Этой операцией руководил А. Хуаде. В результате противнику был нанесен крупный ущерб в технике и живой силе. Были уничтожены штаб и казарма с личным составом. Эта операция имела и крупное психологическое значение. Если до этого противник чувствовал свою безнаказанность, то после ночной операции стало ясно, что защитники Абхазии способны наносить чувствительные удары. В ходе осуществления операции в ночь с 25 на 26.08.1992 г. А. Хуаде погиб, прикрывая отход своих боевых товарищей. В 1993 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Абхазии.

[2] Хагба Л. Р. Их души тают над горами… Сухум, 2003. С. 175.

[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 26.

[4] Джоджуа Д. Сущность конфликта в Абхазии – российско-грузинская война // http://rus.expertclub.ge/portal/cnid__7464/alias__Expertclub/lang__ru/tabid__2546/default.aspx

7 августа 1992 г. в Тбилиси состоялось совещание, на котором обсуждался «вопрос ввода грузинских войск» в Абхазию[1]. 10 августа Президиум Госсовета Грузии, в который входили Э. Шеварднадзе, Д. Иоселиани, Т. Сигуа, Т. Китовани, В. Гогуадзе, обсудил вопрос о ситуации на железной дороге. Стенограмма этого заседания была опубликована в газете «7 дней», № 10, 18-24 марта 1995 г., отрывок из которой считаю возможным предложить вниманию читателей:

«Шеварднадзе: Чтобы ни случилось, грузы, направленные в Армению, должны беспрпятственно доходить. Безопасность грузов должна быть полностью под ответственностью министерства обороны. На отрезке Лесилидзе[2] – Самтредиа должны быть разбиты 1-2 лагеря. Подчеркивая, что в городе и в деревнях военные части не будут использованы. Общее руководство будет возложено на генеральный штаб. Все будет так, как должно быть в военном ведомстве и, насколько быстрее, как скоро начнем, тем будет лучше. Военным потребуется немного времени, но вчера попросил, чтобы ускорили этот процесс, откладывать нельзя. Другого выхода нет. Господину Тенгизу (Сигуа. – **А. А**.) не угодны разъяснения?

Сигуа: Вы отметили, что полиция не обеспечит безопасность грузов, поскольку у нее нет такой возможности. Я записал ваши слова: «Должны обязать министерство обороны». Я должен извиниться, поскольку не компетентен в военных вопросах, но думаю, что это не входит в функции министерства обороны. По закону сотрудники министерства обороны не имеют права применения оружия во время ограбления железнодорожных составов. А вот полицейский имеет такое право. Эту функцию должна выполнить полиция и военизированная железнодорожная охрана.

Шеварднадзе: Я не сторонник ужесточения мер, но сейчас послабление может дорого обойтись. Убейте, если это не пройдет сравнительно безболезненно. Заглянем и несколько дальше, это может оказаться очень оправданным мероприятием»[3].

Итогом этого заседания стало принятие постановления «О введении чрезвычайных мер на железнодорожном транспорте». Его осуществле-

---

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 26.

[2] Леселидзе (сейчас – Гечрипш) – населенный пункт на границе Абхазии с Россией. Абхазское название восстановлено постановлением ВС РА 4 декабря 1992 г.

[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 412.

ние возлагалось на вооруженные силы министерства обороны и внутренних дел и части военизированной охраны Управления железной дороги. Предусматривалось начать осуществление этого плана с 15 августа[1]. Сроки начала операции и силы, задействованные в ней, свидетельствуют о том, что уже тогда речь шла о военной агрессии Грузии против Абхазии. Наблюдатели также считают, что войска Госсовета были введены в Абхазию в соответствии с названным постановлением[2]. Позже, уже в 2009 г., Э. Шеварднадзе, вспоминая события, предшествовавшие вторжению в Абхазию, писал: «Я запретил вооруженным силам входить в города и населенные пункты на абхазской территории. Для концентрации вооруженной охраны транспорта были определены три места: а) у Самтредиа, б) под Сухуми (вне города) и в) около Лесилидзе на границе с Россией. Все члены Военного совета согласились с такой дислокацией»[3].

11 августа уже Госсовет Грузии в полном составе утвердил решение своего Президиума о введении чрезвычайного положения на железных дорогах в западных районах республики (Мегрелии). Их охрана была возложена на министерство обороны Грузии. Предполагалось задействовать 1800 человек[4]. В резолюции одного из митингов в Майкопе, принятой в первые дни войны в Абхазии, говорилось: «На протяжении нескольких месяцев средствами массовой информации усиленно формировалось искаженное представление о том, что Западная Грузия, включая и суверенную Абхазию, стала оплотом звиадистов и террористических группировок. Это не соответствует действительности. Данный предлог нужен был правящим кругам Грузии во главе с Председателем Госсовета Э. Шеварднадзе для того, чтобы наказать коренной народ Абхазии»[5]. Справедливость этого тезиса подтверждается тем, что именно 11 августа во время переговоров по вопросам стабилизации общественно-политической и оперативной обстановки, практического осуществления мероприятий примирения и взаимного

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии... С. 68-69.

[2] Там же. С. 70.

[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 337.

[4] Червонная С. М. Абхазия-1992... //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

[5] Архив Адыгейского национального музея. http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041252_1.htm

прощения, предусмотренных изданным Государственным советом Грузии манифестом, на участников совещания напал вооруженный отряд сторонников З. Гамсахурдиа из 50 человек[1].

В результате названной акции, как по заказу, были захвачены 12 представителей Госсовета Грузии. В ответ на это, еще в ночь с 11 на 12 августа, т. е. до самого факта захвата заложников, Э. Шеварднадзе заявил: «Пора принять самые решительные меры для восстановления порядка в Мегрелии и на всей территории Грузии»[2]. Э. Шеварднадзе возмущался: «Я думал, что у зла есть границы, однако последние события убедили меня: человеческое падение не знает границ» и заявил, что воспринял происшедшее как личное поражение и готов немедленно уйти в отставку[3]. Однако вместо заявления об отставке, которое, казалось бы, должно было последовать после предшествовавших слов, он сообщил следующее: «Мы приняли решение этой ночью разработать план военных операций. Выполнение всей этой большой и серьезной работы поручено господину Т. Китовани, министру обороны нашей страны… Сейчас в Главном штабе вооруженных сил проводится серьезная работа по претворению в реальность намеченного. Это не касается только одного региона, речь идет о всей территории Грузии, начиная с Леселидзе. Для этого будет использована и армия, и полиция, и военная техника»[4].

Вся эта риторика и наличие уже разработанного плана свидетельствуют о том, что захват заложников в Зугдиди был инсценировкой, разыгранной, видимо, по известному принципу: «У победителей потом не спросят, как начиналась война». Об этом же говорят и последовавшие события. 12 августа Министерство внутренних дел Грузии объявило, что похищенные находятся в Гальском районе Абхазии[5]. Это не соответствует действительности. «Заложников», захваченных в Зугдиди,

---

[1] Газ. «Известия», № 182… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-12-avgusta-1992-goda

[2] Червонная С. М. Абхазия-1992... //http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%206.htm.

[3] Газ. «Известия», № 183... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-13-avgusta-1992-goda

[4] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 29.

[5] Газ. «Известия», № 183… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-13-avgusta-1992-goda

действительно пытались перевести в Гальский район, но безуспешно. Части Отдельного полка Внутренних войск Абхазии по прямому указанию В. Ардзинба тогда не пропустили «эскорт» с заложниками через границу по р. Ингур. Все заявления грузинской стороны о содержании т. н. заложников на территории Гальского района являлись лишь дипломатической завесой военной агрессии против Абхазии. 12 августа на заседании Госсовета заместитель министра внутренних дел Д. Зеикидзе огласил ультиматум следующего содержания: если 13 августа до 12 часов дня захваченные 11 августа в плен участники переговоров в Зугдиди не будут освобождены, то силы правопорядка, общая численность которых составляла 25 тысяч человек, не только вступят на территорию Менгрелии, но и войдут в каждый дом, в каждый двор, в каждую семью, чтобы найти заложников[1]. Речь шла о Мегрелии, но с учетом того, что постоянно муссировалось, что заложники находятся в Гальском районе, т. е. на территории Абхазии, имелось в виду вторжение в Абхазию армии в 25 тысяч человек. Уже в 12.30 12 августа подразделения Национальной гвардии Грузии, оснащенные военной техникой и двумя боевыми вертолетами, в составе 3 тысяч человек отправились в Западную Грузию, где дислоцировались в Сенаки и в окрестностях Зугдиди[2]. В тот же день, 12 августа, в Тбилиси состоялся многотысячный митинг, участники которого выразили полную поддержку Э. Шеварднадзе и названному решению о военном походе.

Не отрицая наличия существенных противоречий в абхазо-грузинских взаимоотношениях, С. Червонная, тем не менее, делает вывод: «Не было здесь ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить без применения силы, без военной развязки»[3]. Может быть, действительно, войны могло бы и не быть, если цели грузинских «ультранезависимцев» удалось бы воплотить в жизнь мирным путем. Но этому мешали абхазы, которые желали оставаться самими собой, более того, заявили о праве на свою государственность. О том же, как грузинские власти собирались разрешить противоречия с абхазами «без военной развязки», свидетельствует следующий факт: «Еще до начала войны в Абхазию

[1] «Независимая газета», № 154... С. 1, 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-avgusta-1992-goda

[2] Там же.

[3] Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.

приехали работники правоохранительных органов Грузии, якобы для задержания и ареста руководителей звиадистского движения. На самом же деле они вместе с активистами грузинских националистических организаций составляли досье на членов Парламента и правительства Абхазии, руководителей и активистов общественных и политических организаций, патриотически настроенной части абхазской интеллигенции и студенчества. Согласно плану операции «Меч», все эти люди должны были быть изолированы, чтобы обезглавить народ Абхазии и не допустить организации отпора агрессии. Не зная об изменениях в плане операции, некоторые грузинские группы захвата в Сухуме утром 14 августа стали врываться в квартиры и дома вышеуказанной категории граждан Абхазии»[1]. Главным в списке неугодных абхазов, т. е. тех, кого надо было изолировать или вовсе устранить, конечно же, значился руководитель Абхазии, попытка нападения на которого была предпринята уже в первый день войны. Начальник охраны Председателя Верховного Совета В. Бганба об этом сообщает следующее: «14 августа к 9-ти часам я выехал за В. Ардзинба. Тогда я еще не знал, что началась война. Вдруг по пути следования к его дому едет машина – «УАЗик» (его я знал и раньше, он принадлежал бандитам из группы С. Ахалая) с вооруженными людьми. Догнал их, остановил машину поперек, перегородил дорогу и вышел им навстречу. Они сразу направили на меня автоматы, пулеметы. Я им пригрозил: «Как раз я вас ждал. У меня вооруженная группа на Гумистинском мосту вас ждет». У меня никакой вооруженной группы, конечно, не было… Один из них, который знал меня хорошо, сказал: «Мы все поняли. Разворачиваемся». И их машина, действительно, развернулась»[2].

В то время, когда в Грузии готовились к войне и уже решили начать ее, в Абхазии еще надеялись на мирный исход противостояния. Видимо, исходя из того, что, согласно дзэнской поговорке, «сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу»[3], 12 августа, за двое суток до начала войны, Верховный Совет Абхазии принял обращение к Госсовету Грузии, в котором говорилось о необходимости заключения Договора между Грузией и Абхазией. В конце документа выражалась надежда,

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 31, 1 июля 1993 г.
[2] Из интервью О. Дубинской с В. Бганба. Сухум. 2010 г.
[3] Каноны Бусидо. Ростов-на-Дону - Краснодар, 2000. С.172.

что «протянутая для пожатия наша рука не повиснет в воздухе»[1]. Ответное «рукопожатие» Госсовета – вооруженная агрессия и оккупация части Абхазии – не заставило себя долго ждать. Да и мог ли что-либо другое предложить нелегитимный орган, каковым являлся Госсовет. Тем более, если учесть, что это было частью многолетних усилий Грузии по аннексии Абхазии и воплощением мечты не одного поколения грузинских политиков, в ряду которых «долгожитель» Шеварднадзе занимает отнюдь не последнее место.

В октябре 2009 г. в одном из своих интервью Э. Шеварднадзе продолжал утверждать: «Когда было принято решение о вводе войск в Абхазию, я позвонил Ардзинбе и предложил, чтобы их батальон тоже принял участие в сопровождении поездов. Фактически это должно было быть грузино-абхазское мероприятие. Ардзинба согласился и сказал, что для уточнения деталей необходимо встретиться с кем-нибудь из представителей центральной власти. Тогда Китовани был в Ахалцихе, где принимал танки. Поэтому в Сухуми направили Т. Сигуа. Однако Ардзинба с ним не встретился[2]. Но это было заявление, сделанное и повторяемое Э. Шеварднадзе задним числом, целью которого является попытка сделать ответственным за развязывание войны и руководителя Абхазии. Сам В. Ардзинба свидетельствует о следующем: «Из передач московского телевидения 12 августа я узнал о том, что по решению Госсовета в Мегрелию направлены подразделения вооруженных сил Грузии под командованием Т. Китовани. Хотя речь шла о Мегрелии, у меня возникли опасения на счет того, не имеют ли эти войска приказа войти на территорию Абхазии. Примерно в 10 ч. утра 13 августа 1992 года я позвонил по «ВЧ» Э. Шеварднадзе. При моем разговоре присутствовали несколько представителей руководства Абхазии. Во время разговора я прямо спросил Шеварднадзе: «Мы слышали, что войска Госсовета направлены в Мегрелию. Нет ли у них приказа вступить в Абхазию?». Э. Шеварднадзе категорически это отрицал. Он сказал, что Т. Китовани приедет ко мне из Мегрелии, чтобы обсудить со мной вопросы взаимодействия по охране железной дороги» [3].

---

[1] Белая книга Абхазии. М., 1993. С. 88.
[2] http://abkhazeti.info/news/12550289432.php
[3] http://www.ardzinba.com/memories.php?ELEMENT_ID=301

Вот такие два взаимоисключающих друг друга свидетельства, которые у неискушенного читателя могут вызвать вопрос – кому же из них верить?! Ответ на этот вопрос дают последовавшие события. Войска Госсовета Грузии вторглись в Абхазию менее чем через сутки после телефонного разговора между руководителями двух стран, во время которого Э. Шеварднадзе отрицал саму возможность их вторжения. Однако при этом решение о вводе войск в Абхазию было принято задолго до этих разговоров, и был готов план оккупации, который разрабатывался при непосредственном участии Э. Шеварднадзе. Глава Госсовета в своем названном интервью сказал, что он отправил на встречу с абхазским лидером премьера Грузии Т. Сигуа в связи с тем, что «Китовани был в Ахалцихе, где принимал танки». А в разговоре с В. Ардзинба 13 августа, накануне начала войны, он уже сказал, что на встречу с ним приедет Т. Китовани. Но и сам Сигуа, в избегании встречи с которым Шеварднадзе обвиняет Ардзинба, приехал в Сухум уже после того, как грузинские войска вели бои в абхазской столице. На мой взгляд, сказанное не оставляет сомнений по поводу того, кому же из двух лидеров следует верить. При этом не нужно упускать из виду, что названное интервью Э. Шеварднадзе начинается словами: «Когда было принято решение о вводе войск в Абхазию…».

Грузинский историк З. Папаскири в своем рассказе о начале войны ни слова не говорит об операции «Меч». Это и понятно, она не вписывается в его утверждение, что не грузины, а абхазы готовились к войне. Д. Джоджуа открыто говорит о наличии операции «Меч», хотя приходит к выводу, что война в Абхазии была спровоцирована Россией. Но наличие операции «Меч» при отсутствии таковой или нечто похожей на таковую у Абхазии и говорит о том, кто готовился к войне и хотел с помощью военной силы решить возникшие политические противоречия между Абхазией и Грузией.

Но неожиданно для авторов операции «Меч» она сорвалась по причине того, что непосредственно перед ее началом, в 5 часов утра 14 августа, был взорван железнодорожный мост через реку Ингири, протекающую в Зугдидском районе Грузии недалеко от границы с Абхазией. Грузинские СМИ объявили, что мост был взорван абхазами «с целью воспрепятствовать возможному продвижению частей Национальной гвардии Грузии». По другой версии мост взорван звиадистами, за спи-

ной которых стояла российская разведка[1]. Так или иначе, ясно, что мост был взорван силами, имевшими доступ к точной информации о начале осуществления операции «Меч». Такой вывод можно сделать исходя из следующего соображения: мост взорвали именно перед непосредственным началом продвижения железнодорожных составов, когда все они уже были загружены необходимой техникой и должны были тронуться в путь; и был он взорван с таким расчетом, что его невозможно было восстановить без переноса и изменения плана вторжения в Абхазию.

Думается, также не стоит недооценивать и еще одно обстоятельство: поскольку эта война была необходима Э. Шеварднадзе для укрепления своих позиций в Грузии, где у него было достаточно противников, то и последние могли быть заинтересованы в данном взрыве, который, конечно же, хотя бы на некоторое время перепутал бы все карты главы Госсовета. И, действительно, глава Грузии уже спустя время скажет: «Нас опередили – взорвали железнодорожный мост через реку Ингири. Возникла реальная угроза уничтожения и автомобильного моста, а это означало бы полную катастрофу»[2]. То есть по логике признанного во всем мире «голубя мира», невозможность военного вторжения в Абхазию означала бы «полную катастрофу». И как после этого относиться к сетованиям, согласно которым «миролюбивый» Э. Шеварднадзе не хотел ввода войск в Абхазию, однако вынужден был уступить обстоятельствам?! Тогда же на эту «нештатную» ситуацию грузинское командование среагировало быстро, и план операции был оперативно изменен.

Тем же утром 14 августа воинские формирования Госсовета Грузии вошли на территорию Абхазии через приграничный шоссейный мост. По свидетельству военного историка В. Пачулия, сделали они это «без какого-либо сопротивления». Далее названный автор сообщает о том, что блок-пост абхазских пограничников на р. Ингур накануне вторжения был убран по настоянию главы администрации Гальского района Р. Цатава, а вооруженные сторонники оккупационных войск утром того же дня присоединились к формированиям Госсовета Грузии[3]. Сказанное свидетельствует о координации действий Госсовета с теми, по ут-

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 38.
[2] Белая книга Абхазии. М., 1993. С. 64.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум. 2010. С. 29.

верждению Тбилиси, «звиадистами», которые якобы захватили заложников в Западной Грузии и завезли их в Абхазию, и руководством приграничного Гальского района, население которого, в свою очередь, в этом вопросе поддержало оккупантов. 14 августа звиадисты отпустили большую часть заложников, в т. ч. Гвенцадзе; 19 августа был отпущен Кавсадзе и остальные чиновники, для освобождения которых официально и собирался экспедиционный корпус; однако выводить грузинские войска из Абхазии никто не собирался[1].

Между тем, к 12 часам 14 августа грузинские войска оказались в Сухуме в районе турбазы имени 15 съезда комсомола[2], где к ним примкнули местные грузинские формирования[3]. По пути следования танковой колонны Госсовета Грузии к абхазской столице её сопровождал командир одного из местных грузинских военизированных подразделений С. Ахалая[4]. Какое отношение ко всему этому имела железная дорога, для «охраны» которой якобы вводились войска Госсовета Грузии в Абхазию? И как это соотносится со следующим пассажем Э. Шеварднадзе: «Передовой отряд в 200 человек без помех прошел в Гальский район, но на границе с Очамчирским районом был обстрелян абхазскими гвардейцами. Погибли люди. С этого все и началось»[5]? Если «с этого все и началось», то откуда взялись местные грузинские формирования, которые ждали оккупантов из Грузии?

«Мы остерегались войти в Абхазию, – сказал Шеварднадзе на пресс-конференции 14 августа. – Но другого выбора у нас не было»[6]. В тот момент, когда он это произносил, в 12. 00 грузинский боевой вертолет Ми-24 нанес ракетно-бомбовый удар в районе Красного моста г. Сухума, в результате чего были жертвы среди мирного населения и отдыхающих[7]. В. Ардзинба уже в конце мая 1993 г. в беседе с журналистом А.Карауловым, вспоминая о начале войны, говорил: «20 тысяч отдыхаю-

---

[1] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[2] Сейчас гостиница «Айтар».

[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 36.

[4] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 35.

[5] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 64.

[6] Газ. «Московские новости», № 34… С. 9. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-23-avgusta-1992-goda

[7] http://otvaga2004.narod.ru/otvaga2004/wars1/wars_56.htm

щих в Абхазии. Спокойные и уверенные в себе люди, и вдруг в этот мир, райский уголок вторгаются около сотни танков и бронетранспортеров, появляются боевые вертолеты, которые открывают огонь по городу, по пляжам, где отдыхают люди... мечущиеся повсюду люди, отдыхающие, которые бегут, первые жертвы, потому что первые снаряды угодили в санаторий МВО и погибли военнослужащие и отдыхающие в этом санатории. Вот так началась для нас война. Версия о том, что войска пришли для защиты железной дороги, что они ведут борьбу с терроризмом, цинична. Также цинично утверждать, что руководство Абхазии дало согласие на ввод этих войск. Конечно, все это не имеет ничего общего с действительным положением дел... Действительная причина, конечно, состоит в том, что была предпринята попытка решения силовым путем проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии, попытка упразднения государственности Абхазии, откровенного геноцида против абхазского народа и всех других народов, населяющих нашу многонациональную республику… И мы приняли решение о том, чтобы подписать с Грузией договор о взаимоотношениях двух республик. 14 августа, когда к нам были введены войска, в парламенте Абхазии должен был рассматриваться вопрос о проекте договора с Республикой Грузия. Таким образом, с точки зрения взаимоотношений, суть вопроса состояла в следующем: с одной стороны, – с нашей стороны – в мирном предложении решить проблему взаимоотношений мирным путем, с другой – в ответ танки, которые пришли в Сухум»[1].

Однако С. Червонная утверждает, что «в 12 часов дня, когда начиналась запись речи В. Г. Ардзинбы для передачи по радио и телевидению, – ничего этого в Абхазии не было»[2]. Впрочем, в ее словах нет ничего нового, она повторяет мысли главы Госсовета, не раз высказывавшиеся им после начала агрессии против Абхазии, с целью оправдать ее в глазах мирового сообщества, которое к тому времени и без того не желало ничего замечать, кроме самого Э. Шеварднадзе. Здесь, думается, весьма уместно обратить внимание читателей на следующий факт: в своих мемуарах Э. Шеварднадзе, в свою очередь, в качестве доказательной базы неоднократно ссылается на названную работу С. Червонной[3]. Это

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

[2] Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.

[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009.

было позже, в 2009 г., и он писал мемуары уже в качестве «почтенного пенсионера» – обстоятельство, которое, на мой взгляд, еще более красноречивее свидетельствует о смысле такого единомыслия ученого и политика.

На 14 августа была назначена сессия ВС РА, на которой, как уже говорилось, должен был быть обсужден проект Договора между Абхазией и Грузией. Но она не состоялась по причине того, что за несколько часов до ее открытия грузинские войска вторглись в Абхазию. Может быть, намеченная сессия и определила окончательную дату начала агрессии, так как Грузия опасалась еще одного шага со стороны абхазского Парламента, который еще более приблизил бы Абхазию к свободе. А этого, по логике тбилисских стратегов, нельзя было допустить. Поэтому в первые дни войны освобожденный из «мегрельского плена» вице-премьер Грузии А. Кавсадзе убеждал российских читателей в том, что вооруженные силы его страны «не ввели, а передислоцировали на территорию автономной республики трехтысячный контингент войск»[1]. О том, что это утверждение сильно притянуто за уши, говорил чуть позже В. Ардзинба, который подчеркивал: «Формы и результаты вторжения войск Госсовета Грузии в Абхазию, варварские бомбежки мирных городов и сел со всей определенностью показали, что речь идет не о «передислокации» войск на территории одного государства, а о нападении вооруженных сил одного государства на территорию другого государства, то есть – о преступлении против международного права»[2]. Лишним свидетельством справедливости приведенных слов служит и тот факт, что в первый же день войны были взяты в заложники и отправлены в приграничный город Гал, как выяснилось впоследствии, в тюрьму, глава Администрации, заместитель начальника милиции и начальник угрозыска Очамчырского района.

Позже В. Ардзинба вспоминал: «Когда грузинские танки уже находились в Сухуме, я связался по телефону с Э. Шеварднадзе и потребовал объяснений, ссылаясь на его заверения, данные всего день тому назад. Отвечал уже совсем не тот человек, который беседовал со мной 13 августа. Шеварднадзе говорил уверенно, голосом человека, который знает, что дело сделано и теперь вряд ли следует возвращаться к тому,

[1] Белая книга Абхазии. М., 1993. С. 67.
[2] Там же. С. 92.

что было. Он не возражал, он лишь сказал: «Владислав Григорьевич, что случилось, то случилось. Вы соберите Парламент, я к Вам приеду, мы все там обсудим». Я понял, что увещевать хищника бессмысленно, и в тот же день призвал народ к сопротивлению»[1].

«На нашу территорию вторглись вооруженные формирования Госсовета Грузии, в числе которых уголовные элементы, которые сеют смерть и разрушения на нашей земле… На наши предложения решать вопросы взаимоотношений мирным, цивилизованным путем ответили танками, самолетами, пушками, убийствами и грабежами. И это как раз показывает истинную суть нынешнего руководства Грузии… Мы должны выстоять в этот трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии…»[2]. С этими словами Председатель ВС Абхазии В. Ардзинба обратился к соотечественникам 14 августа 1992 г., после того как стало известно о начале военной агрессии Грузии.

14 августа в связи с возникшей реальной угрозой суверенитету республики и жизни его граждан Президиум ВС Абхазии принял свое первое Постановление в условиях военного времени, которое состояло из двух пунктов: «1. Провести мобилизацию взрослого населения Абхазии от 18 да 40 лет включительно и направить его в Полк Внутренних войск; 2. Командиру Полка Внутренних войск сформировать на базе Полка пять батальонов по 500 человек каждый»[3].

На второй день войны, 15 августа, на заседании Госсовета Э. Шеварднадзе, видимо, ощущая себя победителем и желая набирать политические очки в самой Грузии перед предстоявшими выборами, позволил себе следующее откровение: «Мы предупреждали руководителей Абхазии о последствиях проводимой ими политики. Мы никому не позволим разрушать целостность грузинского государства»[4]. Однако позже Э. Шеварднадзе, оправдывая свои же воинственные заявления, утверждал: «Мы вошли в Абхазию не для того, чтобы воевать. Если бы у

[1] http://www.ardzinba.com/memories.php?ELEMENT_ID=301

[2] Ардзинба В. Г. // Газ. «Бзыбь», № 91, 18 августа 1992 г.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... Сухум, 2004. С. 6.

[4] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида, других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992-1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

нас были подобные замыслы, мы бы иначе подготовились, и все завершилось бы в три дня»[1]. Это он говорил уже по истечении почти четырех месяцев со дня начала войны, уже к тому времени заявлять такое было немудрено. В рассматриваемое время в Грузии готовились именно к тому, чтобы «все завершилось бы в три дня», и военный поход в Абхазию был предпринят как «суботне-воскресный» военный рейд в тыл «абхазских сепаратистов». Ведь не случайно тогда рядовые «бойцы» грузинской армии не считали нужным скрывать действительный смысл своего пребывания в Абхазии. Так, один из гвардейцев «вежливо» сообщил корреспонденту газеты «Труд»: «Запомните сами и напишите в «Труде» – мы здесь хозяева и будем бить всех, кто оспаривает это наше право»[2]. Как видно, это было далеко от мысли освобождении заложников или охраны железной дороги.

Тем не менее, председатель Госкомитета по национальной политике России В. Тишков считал, что «первая реакция главы абхазского парламента, его призыв к всеобщему сопротивлению и вооруженному отпору» «заслуживает осуждения»[3]. При этом нужно подчеркнуть, что С. Червонная цитирует высказывание В. Тишкова, опубликованное в номере газеты «Независимой газеты» от 22 августа, однако это противоречит его же статье, опубликованной в этой же газете еще 21 августа, в котором говорилось: «Подобное развитие событий не принесет желаемого результата самой Грузии. Сегодняшнее военное противостояние в Абхазии только осложнит внутреннее положение в этом государстве. Несложно предвидеть рост антигрузинских настроений в России. Решение абхазского вопроса силой оружия чревато и тем, что в этот конфликт могут быть втянуты государства дальнего зарубежья, где проживают сотни тысяч представителей абхазо-адыгских народов. Не принимать во внимание подобное развитие событий было бы ошибкой. В этой связи необходимо срочно прекратить боевые действия, вывести с территории Абхазии все вооруженные формирования и распустить незаконные группировки, усилить контроль за внутренней обстановкой в республике со стороны законных органов власти, в том числе за рас-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 13 декабря 1992 г.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 293.

[3] Червонная С. М. Абхазия-1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.

пространением оружия, отказаться от провоцирующих политических заявлений и акций, наладить срочный грузино-абхазский диалог разного уровня при участии нейтральных наблюдателей»[1].

Первая цитата была выдернута С. Червонной из общего контекста статьи В. Тишкова с целью обосновать ею собственное, далекое от объективного мнение. А материал, опубликованный в номере «Независимой газеты» от 22 августа, являлся, скорее всего, переложением первой его статьи, в которой, в частности, было сказано: «Как считает В. Тишков, абхазское руководство… имело все основания подвергнуть сомнению реальные гарантии суверенитета Абхазии, учитывая «югоосетинский вариант»... По мнению В. Тишкова, в сложившейся ситуации все же большая вина ложится на грузинское руководство. «Если «большинство», используя высшие властные структуры, в том числе армейские формирования, применяет силу и репрессии в отношении меньшинства… это ни в какие, ни в демократические, ни в международно-правовые, ни в моральные рамки не вписывается». По мнению Тишкова, у грузинской стороны не было достаточных оснований, чтобы начинать вооруженные действия»[2]. Справедливости ради надо отметить, что в заглавие этой статьи были выведены слова В. Тишкова: «Профессиональный политик обязан предвидеть». В любом случае обвинять В. Ардзинба в отсутствии дара предвидения, как представляется, лишено всякого смысла, т. к. руководитель Абхазии, будучи еще и профессиональным историком, не мог не знать, какую цену порой приходится платить за то, чтобы остаться самим собой, т. е. за право «вывесить свой национальный флаг». Более того, «вековая политика национального нигилизма и этноцида, проводимая Грузией по отношению к Абхазии, не оставляла никаких сомнений по поводу цены, которую придется заплатить за «возможность нации остаться с потомками»[3].

При этом нужно отметить, что позже Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета РФ обвинила самого В. Тишкова «в неприменении должной оперативности и политической воли в защите националь-

[1] «Независимая газета», № 160... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-21-avgusta-1992-goda?page=0,1

[2] «Независимая газета», № 161... С. 3. http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-22-avgusta-1992-goda

[3] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов. М., 2008. С. 52.

ных интересов России»[1]. Видимо, в ответ на это и подобные обвинения он в октябре 1992 г. негодующе завил о том, что в России «у каждого высшего лица – своя национальная политика»[2]. Здесь нужно особо обратить внимание и на то, что если бы не было «первой реакции главы абхазского парламента» 14 августа 1992 г., то стало бы невозможным издание Российской Академией наук в 2007 г. коллективной монографии «Абхазы», в котором В. Тишков, являясь соавтором предисловия к названной работе, пишет: «Отрадно отметить, что, несмотря на трудности и потери последних лет (в том числе гибель в результате военных действий 1992–1993 гг. фондов Абхазского государственного архива, личных архивов многих исследователей), преодолевая психологические сложности, абхазским коллегам удалось сохранить научный капитал в области истории и этнологии, свидетельством чему служит настоящая книга»[3].

Другое дело – несмотря на существовавшие серьезные противоречия с Грузией, у Абхазии не было возможности подготовиться к войне, и, действительно, «в начале грузины обладали полным военным преимуществом»[4]. Уже после войны заместитель Председателя Госсовета Грузии, командующий военным формированием «Мхедриони» Д. Иоселиани также отмечал, что «наши первые успехи в Очамчыре, Сухуми… говорят о том, что к конкретному случаю они (абхазы. – **А. А.**) не были готовы»[5]. О том, что Конфедерация горских народов Кавказа, Международная черкесская ассоциация, руководство Абхазии и «ведущие общественные, национально-демократические движения» «оказались неподготовленными перед возможными практическими действиями недругов Кавказа», говорил и Президент МЧА Ю. Калмыков[6]. Вероломное вторжение в Абхазию вызвало на некоторое время состояние «оцепенения и растерянности» и нерешительности, которое, правда, вскоре «безвозвратно ушло», и руководство Абхазии, его военные

---

[1] Абхазия: Хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 258.

[2] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 17.

[3] Тишков В. А., Чешко С. В. Предисловие // Абхазы. М., 2007. С. 5–6.

[4] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. М., 2002. Т. 2. С. 51.

[5] Грузино-абхазский конфликт (1917–1992). М., 2007. С. 85.

[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 310, 311.

структуры и органы жизнеобеспечения были переключены на режим военного времени[1]. И, действительно, Абхазия, подвергнувшись нападению военизированных формирований Грузии, «была поставлена в условия, когда единственной возможностью самосохранения стало вооруженное сопротивление агрессору»[2]. По мнению А. Бройдо, «стремительность перехода от смятения, страха и полной неопределенности к организованному сопротивлению объясняется особенностями ментальности абхазов, их регулятивной этнокультурной системой Апсуара»[3].

Утверждение Р. Филипса о том, что «доктрина оправданной войны сама по себе не дает адекватных моральных ориентиров»[4], справедливо, но также справедлива та война, «которая необходима, и то оружие священно, на которое единственная надежда». Именно оружия и недоставало тогда Абхазии. По свидетельству Ю. Калмыкова, в первые дни в Сухуме и Гудауте больше всего не хватало оружия[5]. А чуть позже перед Московской встречей 3 сентября 1992 г. председатель Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности С. Степашин отмечал, что даже с учетом добровольческого движения военное превосходство все равно на стороне Грузии – «она сегодня слишком сильна тем, что досталось ей от бывшей Советской Армии»[6].

Несмотря на то, что С. Червонная утверждает, что «не Шеварднадзе начал эту войну», а «В. Ардзинба»[7], население Абхазии узнало об агрессии Грузии в 12 часов дня 14 августа, когда по Абхазскому телевидению было передано экстренное сообщение пресс-службы ВС Абхазии о начале Грузией военных действий против Абхазии. В нем говорилось:

---

[1] Газ. «Боевой листок», б/н.

[2] Шамба С. М. Переговорный процесс: надежды и разочарования // Абхазия – Грузия. Препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С. 5.

[3] Бройдо А. И. Великая Отечественная война и этнопсихология абхазов: влияния и взаимодействия // Россия и Абхазия: современные проблемы сотрудничества и сближения. М., 2006. С. 73.

[4] Коппитерс Б. Оттенки серого. Намерения, мотивы и моральная ответственность в грузино-абхазском конфликте // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 170.

[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 311.

[6] Там же. С. 105.

[7] Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.

«Войска, подчиненные Госсовету Грузии, в количестве 1000 человек на 5 танках, вертолете, с 10 пушками пересекли границу Грузии и вошли на территорию Абхазии… Есть сведения, что войска, соединившись с батальоном из Сухумской турбазы, продвигаются к зданию Верховного Совета Абхазии»[1]. В. Пачулия сообщает о несколько других цифрах количественного состава войск Госсовета, вторгшихся в Абхазию. По его данным, «в оккупации Абхазии участвовало до 2 тысяч грузинских «гвардейцев», 58 единиц бронетехники, большое количество артиллерии», и эти войска поддерживались военно-воздушными и военно-морскими силами Грузии[2]. «Защитники железной дороги» «с первых же часов своего появления в Абхазии стали расстреливать мирных граждан, подвергали их пыткам и насилию, сжигали дома и села, чинили расправу не только над абхазским, но и над армянским, русским, греческим населением»[3].

17 ноября 1992 г., спустя три месяца после вторжения в Абхазию, Э. Шеварднадзе на закрытом заседании сессии Парламента Грузии говорил: «10 августа Президиум Госсовета принял Постановление о введении чрезвычайного положения на железнодорожном транспорте. Это мероприятие было вызвано жизненной необходимостью для нашей страны... Никакой другой задачи перед нами не ставилось, однако в ходе операции эта задача в результате провокационных нападений абхазских и северокавказских формирований и их последующего вооруженного сопротивления резко изменилась»[4]. Тем временем, обстоятельства, имевшие место в Абхазии тогда и в предшествовавшее им время, не соответствовали его словам. Подтверждением этого является и тот факт, что никаких северокавказских формирований к тому времени не было. Их тогда еще не существовало вообще, так как они начали формироваться только после начала войны в Абхазии, а первые из них стали прибывать сюда лишь через несколько дней. Так что утверждение о том, что северокавказские формирования оказали отпор войскам Госсовета Грузии 14 августа, является явным вымыслом и измышлением, преследующим цель оправдать агрессию против Абхазии.

---

[1] Абхазия: Хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 28.
[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 27.
[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 32.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.

В первый день войны войска Госсовета были остановлены на Красном мосту, у въезда в центр столицы Абхазии в сотне метрах от здания так ненавистного им Верховного Совета. И уже к тому времени война успела показать все свои «прелести» (обстрел вертолетами мирных сухумских пляжей с отдыхающими, первые потери, разрушения и грабежи), но это было только начало. Впереди ждали долгие 413 суток одной из самых жестоких войн конца XX века, принесшие народам Абхазии бездну горя, лишений и страданий.

Так, при молчаливом согласии «цивилизованного» мира в Абхазии приступили к методичному истреблению непокорного абхазского народа. Можно констатировать, что мировая общественность была готова не замечать агрессию и геноцид абхазов со стороны нелегитимного Госсовета Грузии, при этом требуя от Тбилиси взамен как можно быстрее утвердить свою власть и «новые» порядки в Абхазии. Более того, можно говорить о том, что Э. Шеварднадзе предлагалось совместить приятное с полезным. Для поддержания благоприятной информационной почвы и нужной идеологической подоплеки Грузия в качестве официального повода войны выдвигала поочередно следующие объяснения: охрана железной дороги, на которой абхазами организовывались диверсии; освобождение ответственных работников Госсовета Грузии; сохранение территориальной целостности Грузии; мусульманский фундаментализм абхазов; «апартеидный» закон о выборах в ВС Абхазии. При этом ощущалось явное стремление убедить западную общественность в том, что агрессия Грузии носит вынужденный характер.

О. Васильева и Т. Музаев считают, что «в Грузии «исламский фундаментализм» стал удобной ширмой для объяснения западному сообществу военной экспансии в Абхазию»[1]. Надо отметить, что и во многих польских изданиях («Впрост», «Жечьпосполита») война в Абхазии преподносилась как межрелигиозное противостояние грузин-христиан и абхазов-мусульман. Как дополнительный аргумент в поддержку этой «теории» рассматривался факт широкого участия в войне представителей мусульманских народов Северного Кавказа. Сначала военную акцию Госсовета польская пресса пыталась представить как операцию по охране абхазского участка железной дороги, на котором якобы про-

[1] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 26.

исходили регулярные нападения на пассажирские и товарные поезда. Затем «Жечьпосполита», «Газета Выборча» и «Политыка» практически единогласно представили тезис о необходимости проведения Грузией антитеррористической операции и освобождения министра внутренних дел Р. Гвенцадзе, захваченного в Мегрелии, но удерживаемого якобы в Абхазии. Когда же после освобождения министра звиадистами формальный повод для пребывания грузинских войск на территории республики потерял свою состоятельность, польской прессе не оставалось ничего иного, как признать тот факт, что ввод армейских частей, войск МВД и подразделений «Мхедриони» в Абхазию был направлен именно на подавление абхазского национального движения и удержание ее в составе Грузии[1]. Во время своего выступления в ООН 25 сентября 1992 г. Э. Шеварднадзе назвал «апартеидный» закон о выборах в ВС Абхазии «модернизированной формой апартеида и этнодиктатурой», «классическим примером своекорыстного манипулирования правом»[2].

Однако за этими и подобными формулировками и тезисами скрывалась цель замаскировать и приукрасить военную агрессию. На деле вторжение в Абхазию являлось, по мнению аналитика Е. Копышева, попыткой «под надуманным предлогом наказать население республики за стремление к независимости»[3]. Российский ученый А. Крылов, рассуждая о причинах войны в Абхазии, пишет: «Война 1992-1993 гг. стала высшей стадией грузино-абхазского конфликта, в основе которого с одной стороны лежит стремление абхазов обеспечить свое национальное, да и физическое выживание, а с другой – стремление грузин добиться в кратчайшие сроки национальной консолидации собственного этноса и создать мононациональное грузинское государство на территории с многонациональным населением и внутри совершенно искусственных границ»[4].

По справедливому мнению Ю. Воронова, исходя из совокупности заявлений и действий режима Шеварднадзе, задачами вторжения в

---

[1] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 173, 176.

[2] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос (1987 – начало 1992 гг.). М., 1988. С. 323.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 60.

[4] Крылов А. Б. Проблемы этногенеза и грузино-абхазский конфликт // «Кавказ: история, культура, традиции, языки». Сухум, 2004. С. 34.

Абхазию являлись: «1. Ликвидация государственности Абхазии с целью превращения ее в одну из провинций Грузии; 2. Истребление, подавление и вытеснение абхазов и низведение статуса Абхазии до культурной автономии; 3. Истребление, подавление и вытеснение русскоязычного населения с целью обеспечения грузинской «моноэтничности» в крае; 4. Ограбление с целью разрушения экономических структур и отторжение ресурсов, необходимых для выживания и развития Абхазии как автономного образования; 5. Уничтожение экономических, политических, исторических, культурных, языковых, кровных и психологических связей Абхазии с Северным Кавказом, Россией и Европой с целью полной грузинизации прошлого и настоящего этой территории»[1]. А все это вынудило Парламент Абхазии квалифицировать действия Госсовета Грузии и его войск как оккупацию и геноцид.

1. 2. Оккупация

Агрессию и оккупацию надо было облачить в благовидную форму, для чего Госсовет Грузии согласился на переговоры с абхазской стороной. Однако в Грузии от этих переговоров ожидали капитуляции застигнутой врасплох и не готовой к войне Абхазии.

Лидер Аджарии А. Абашидзе, спустя время, вспоминал: «Уже после начала боевых действий я позвонил Ардзинбе и предложил ему приехать в Батуми, чтобы стороны здесь проводили переговоры, остановили кровопролитие. Он согласился, но при условии, что из Абхазии выведут танки. Это условие выполнено не было, а переговоры повели другие люди»[2]. «Другими людьми» были Т. Сигуа и Д. Иоселиани, которые вечером 14 августа прибыли в Синоп. В тот же день состоялась встреча представителей абхазской и грузинской сторон, в которой приняли участие С. Багапш, Д. Пилия, К. Озган, З. Ачба, Э. Капба, О. Дамения, С. Шамба, Л. Лакербая, А. Анкваб, З. Лакербая, З. Лабахуа, В. Зантариа, Т. Сигуа, Д. Иоселиани, Т. Надарейшвили, В. Колбая, Н. Месхия. В 12 часов ночи 14 августа была достигнута договоренность о прекращении огня и разведении сил. На второй день переговоры продолжались. В

[1] Воронов Ю. Н. Боль моя Абхазия. Гагра, 1995. С. 55.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», №73, 30 марта - 5 апреля 1993 г. С. 12.

Сухуме из руководства Абхазии тогда остались Багапш, Пилия, Лабахуа, Анкваб. После второго дня встречи Сигуа вернулся в Тбилиси, Иоселиани покинул Абхазию несколько раньше. Спустя два дня в Сухум приехал Китовани в сопровождении большой группы высоких чиновников из Госсовета и офицерских чинов. С отъездом Т. Сигуа переговорный процесс был прерван[1].

Д. Иоселиани и Т. Сигуа по возвращении в Тбилиси, поздно вечером 15 августа, заявили, что переговоры шли трудно, так как в них не участвовал В. Ардзинба[2]. В 2009 г. в своих мемуарах Э. Шеварднадзе продолжал утверждать: «Несмотря на все старания, Сигуа так и не смог увидеться и переговорить с Ардзинбой. Он, правда, разговаривал с другими руководящими лицами, такими как С. Багапш, Т. Надарейшвили, А. Анкваб, но без Ардзинба какие-либо серьезные решения принять было невозможно»[3]. «Серьезным решением» в Тбилиси считали только отставку В. Ардзинба, чего там желали добиться с соблюдением хотя бы некоторых внешних приличий. Для этого, учитывая сложившуюся ситуацию и нелегитимное происхождение грузинской власти, ей надо было заставить В. Ардзинба заявить о своей отставке или, в крайнем случае, добиться заявления переговорщиков с абхазской стороны заявления об отстранении Ардзинба от должности. Неслучайно Д. Иоселиани во время названных переговоров заявил: «Мы уйдем, если уйдет Ардзинба»[4]. Свою позицию по этому вопросу поведал и глава Госсовета в интервью грузинскому телевидению 15 августа, где он сказал, что «с Ардзинба Грузии не по пути»[5].

В 20. 00. 15 августа российские «Вести» передали, что первый раунд переговоров уже завершился успешно, однако на предложение грузинской стороны об отставке абхазского руководства с абхазской стороны был получен отказ, и тогда «все рухнуло». Но затем начался второй раунд переговоров, и стороны пришли к соглашению о разъединении[6]. Это соглашение предусматривало отвод войск с линии противостояния, которой к тому моменту был Красный мост. Абхазские

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб. , 2011. С. 103,104.
[2] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 91.
[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 338.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 33.
[5] Там же. С. 35.
[6] Там же. С. 32.

подразделения должны были быть отведены за р. Гумиста (Н. Месхия ошибочно сообщает, что «абхазская сторона должна была подать назад до Афона»), а грузинские – к с. Багмаран.

При попытке анализа причин подписания этого Соглашения грузинской стороной возникают противоречия. Руководители Госсовета, безусловно, не собирались выполнять его, т. к. они вводили свои войска, большое количество которых составляли уголовные элементы, не для того, чтобы их выводить. А может быть, Грузии понадобилась передышка для того, чтобы придать своим вооруженным формированиям видимость, хотя бы внешне, управляемой структуры. Впрочем, вероломное нарушение Соглашения и захват Сухума мог быть заранее запланирован, и ставка делалась на то, что Абхазия будет не в состоянии организовать какого-либо серьезного сопротивления после того, как она потеряет свою столицу. При этом необходимо учитывать и то, что грузинская «пятая колонна», проживавшая в Сухуме и находившаяся в полной боевой готовности, превратилась в весьма существенный фактор при складывавшихся тогда обстоятельствах. Наверное, до конца нельзя исключить и того, что в начале войны грузинская власть стремилась избежать большого количества смертей, в особенности среди своего воинства. Во-первых, эти «бойцы» до этого привыкли лишь к легким победам, участвуя в многочисленных грабительских набегах, и при получении серьезного отпора, при котором были бы неизбежны немалые жертвы, эта «армия» могла бы вовсе отказаться от выполнения поставленных задач. Во-вторых, эйфорию в Грузии, царившую по поводу скорого восстановления «территориальной целостности», в первые дни войны могли омрачить известия о потерях грузинской армии. Надо было, чтобы грузины привыкли к тому, что они будут погибать в Абхазии. То есть грузинские власти стремились к преодолению психологического барьера, признание наличия которого может свидетельствовать об осознании тбилисскими стратегами захватнического характера затеянной ими войны. И, наконец, следует учитывать и то, что в Тбилиси какое-то время могли рассчитывать на то, что военное вторжение приведет к быстрому и бескровному покорению Абхазии. Для этого сначала предусматривались арест и нейтрализация В. Ардзинба, а затем – его «приглашение» в Тбилиси, куда он должен был прибыть, по расчетам тбилисских стратегов, на поклон

и предоставить свою судьбу и судьбу Абхазии на суд нелегитимного руководства Грузии.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Войска Госсовета, введенные в Абхазию, должны были сделать абхазов сговорчивыми в разговоре с грузинами, который последним было бы легче вести с позиции силы при наличии за спиной воинских формирований и в условиях оккупации ими значительной части территории Абхазии. Соглашение о перемирии было достигнуто уже в полночь 14 августа. Дальнейшие переговоры велись уже только вокруг личности В. Ардзинба. Однако в дальнейшем стало ясно, что В. Ардзинба не будет участвовать в навязанных таким путем переговорах и не собирается подавать в отставку, а абхазская делегация на переговорах не будет объявлять лидера Абхазии «вне закона», что могло бы стать хоть каким-нибудь формальным поводом для объявления агрессии законной. Названная договоренность о перемирии не была в состоянии удовлетворить грузинскую сторону, и, как следствие, Т. Сигуа и Д. Иоселиани уже 15 августа уехали из Абхазии и обвинили В. Ардзинба, точнее, его отсутствие, в безрезультативности переговоров.

При дальнейшем рассмотрении обнаруживается справедливость оценки В. Пачулия, назвавшего рассматриваемое Соглашение «дипломатическим трюком»[1]. Свидетельством этого служит и телеобращение Э. Шеварднадзе к народу 17 августа, во время которого он заявил, что на всей территории Грузии восстановлена юрисдикция Республики Грузия и что власти намерены продолжать решительные действия по восстановлению порядка. Вместе с тем председатель Госсовета Грузии подчеркнул, что любые обвинения Грузии в оккупации выглядят абсурдными, поскольку Абхазия – «неотъемлемая часть Грузии, и грузинское правительство имеет право ввести войска в любую часть Грузии, исходя из национальных интересов». По словам Э. Шеварднадзе, вооруженные силы Грузии останутся на территории Абхазии до тех пор, пока этого требуют государственные интересы[2].

Впрочем, министр обороны Грузии Т. Китовани с момента заключения Соглашения не проявлял особых стремлений скрывать истинные

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 39.

[2] Газ. «Известия», № 185… С. 1, 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-17-avgusta-1992-goda

намерения Госсовета, который, несмотря на договоренность о перемирии и разъединении противоборствующих сторон, потребовал отставки В. Ардзинба, а в противном случае пригрозил ввести войска в Сухум. Видимо, под впечатлением этого некоторые информационные агентства уже 15 августа передали ложное сообщение об отставке Председателя ВС Абхазии. Уже в первой половине 16 августа грузинские войска захватили радиовещательную вышку[1], тем самым лишив абхазское телевидение возможности выхода в эфир. В тот же день Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба, об «отставке» которого уже поспешили объявить, еще раз подтвердил свою готовность к встрече с главой Госсовета Грузии в любом месте РФ[2]. Э. Шеварднадзе, как и следовало ожидать, не ответил на это предложение. Впрочем его ответом можно считать заявление Т. Китовани, сделанное им 17 августа, о том, что его «орлы должны насытиться»[3].

В 2009 г. Шеварднадзе, вспоминая о вторжении в Сухум, говорил: «Сегодня мне ясно: Китовани тогда хотел выждать день или два – в надежде, что я разрешу ему ввести армию в Сухуми. Но, убедившись, что моего согласия он не получит, сам отдал приказ и вошел с армией в Сухуми… Грузинская армия, оставленная без контроля, вошла в город и принялась мародерствовать»[4]. Впрочем, не исключено, что сам Китовани также действовал под напором других сил. Послушаем версию на этот счет С. Маргиашвили – начальника информационной службы Вооруженных сил Грузии в Абхазии в годы войны: «Китовани явно колебался, а Д. Иоселиани был категорически против вступления в Сухуми. Помню, как 16, не то 17 августа, у него из-за этого произошел большой конфликт с местными лидерами грузинского движения. По-моему, вопрос о вхождении в Сухуми Китовани решил единолично. Как видно, его терпение лопнуло после твердого отказа Ардзинба от поездки в Тбилиси…»[5].

18 августа, нарушив договоренность, «грузинские военные формирования полностью установили свой контроль над столицей Абхазии»[6].

---

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 40.
[2] Те суровые дни. Отечественная война… Сухум, 2004. С. 11.
[3] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 41.
[4] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 340.
[5] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 94.
[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 121.

Некоторые информационные агентства сообщили, что «в здание Совета Министров войска не входили, там в последние дни постоянно проходят переговоры между членами абхазского правительства, местной грузинской депутацией и представителями тбилисского руководства»[1]. Но зато «грузинские военные ворвались в здание парламента, сорвали абхазский флаг и сбили с фасада Дома правительства символы абхазской государственности»[2]. Вместо низвергнутого абхазского флага был водружен грузинский флаг, «украшенный» автографом Т. Китовани[3]. Тогда же были угнаны все машины из гаража Верховного Совета Абхазии. «Позднее лично Китовани обвинили в вывозе машин из Абхазии»[4]. Вот и получается, что «орлы Китовани», введенные в Сухум под благовидным поводом «борьбы с мародерством», смогли преуспеть и тогда, и в дальнейшем разве что в грабежах и насилии.

Впоследствии в интервью американскому журналисту Э. Шеварднадзе признал, что атака на абхазский Парламент «была не нужна», а его ближайший соратник С. Торасенко назвал действия Т. Китовани «глупыми и контрпродуктивными»[5]. И в дальнейшем Э. Шеварднадзе обвинял министра обороны Грузии во вторжении в Сухум. В частности, в 2005 г. в интервью «ИнтерпрессНьюс» экс-глава Грузии сказал: «Китовани на полученных в Ахалцихе от русских танках двинулся в Сухуми. Когда он подошел к городу, я позвонил и категорически запретил вступать в Сухуми. Несмотря на это предупреждение, Китовани вошел в город и не отвечал на мои телефонные звонки. В чем моя вина? Когда Китовани не повиновался и вошел в Сухуми, наверное, я должен был вылететь туда, встретиться с руководством Абхазии и не допускать вступления Китовани в Сухуми, но что я мог поделать в одиночку? Это сложная проблема. Ответственность за начало войны в Абхазии лежит на том человеке, который ввел войска в Сухуми»[6]. В октябре 2009 г. в интервью грузинской газете «Мтели квира» Э. Шеварднадзе утверждал: «Китовани и его гвардия, как и другие военные, не подчинялись

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 57.

[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 33.

[3] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 40.

[4] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 215.

[5] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 56.

[6] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 399.

председателю Государственного совета… Я позвонил Китовани и категорически предупредил его (знал, что он склонен обманывать, любил действовать самовольно) не входить в Сухуми. Но он не послушался. А через неделю приехал в Тбилиси и привез флаг, который снял с дворца правительства в Сухуми»[1].

Об одном из эпизодов, непосредственно предшествовавших оккупации Сухума, рассказывает Н. Месхия. Он сообщает: «18 августа на Госдаче, в том зале, где собирались обычно высокопоставленные лица и находились средства коммуникации, я обратил внимание на большой флаг Грузии, стоявший в углу. Спросил: «Что происходит?» Объяснили, что к вечеру собираются штурмовать Сухум. «Со здания Правительства снимем абхазский флаг и водрузим грузинский»… Вечером (18 августа) снова собрались в этом зале. Было многолюдно. Из местных, кроме меня, были Надарейшвили и Ломинадзе. Из Тбилиси – Китовани, генерал Г. Ланчава и другие военачальники. В это время звонит телефон, «ВЧ». Случилось так, что я оказался ближе всех к телефонам. В зале стало тихо, все приумолкли. В середине зала стояли Китовани, Надарейшвили, Ломинадзе и о чем-то беседовали[2]. Я кивнул им, думал, что кто-нибудь подойдет, но нет. Снять трубку пришлось мне. У телефона была секретарша Шеварднадзе. Все по очереди отказались подойти к телефону… Шеварднадзе спросил: «Как дела, что у вас там происходит? Я ответил: «Батоно Эдуард, и я не знаю, что происходит. Вы знаете, что 14 августа ночью приняли решение о прекращении огня, разводе противоборствующих сил и о начале диалога между сторонами. Абхазская сторона отвела свои формирования и каждый день просит встречи, мы же этой ночью штурмом собираемся брать Сухуми и, что самое интересное, сбрасываем абхазский флаг и на его место над зданием Правительства водружаем грузинский. Что, Абхазия другая страна, значит, другую страну оккупируем? Что происходит, может, вы скажете нам?». Он выслушал все это и ни разу не прервал, а потом без эмоций и без всякого возмущения говорит: «Для чего, не надо, скажите, пусть не делают. Китовани пусть позвонит, как появится». Я положил трубку и оки-

[1] http://abkhazeti.info/news/12550289432.php

[2] Судя по всему, тот «большой конфликт» Т. Китовани «с местными лидерами грузинского движения», о котором сообщал С. Маргиашвили, к тому времени был уже исчерпан.

нул взором этих троих – Китовани, Ломинадзе и Надарейшвили, все еще стоявших вместе в середине зала и усердно слушающих мой разговор с Шеварднадзе… Китовани сказал: «Как приеду в Тбилиси, вытащу его за уши, как притащил из Москвы». Вот что происходило. Как говорится, пес и хозяин перестали жаловать друг друга. Решалась судьба Абхазии, стало быть, страны и всего народа, а горе-политики к телефону не подходили. Вот с такими людьми имели дело, и такие люди решали судьбу Абхазии!.. И решили!»[1].

Это же подтверждает и один из членов т. н. абхазо-грузинской комиссии Т. Ломая, который позднее писал: «14 июня (ошибочно или опечатка, имеется в виду 14 августа. – **А. А**.) мы были на правительственной даче в Сухуми. Позвонил Шеварднадзе. Китовани сказал, что не хочет с ним разговаривать. Г. Хаиндрава, государственный министр, подошел к аппарату. Закончив телефонный разговор, он сказал нам, что Шеварднадзе приказал остановить продвижение армии. Китовани ответил: «Я все равно пойду дальше». Другие, и я в том числе, считали, что Шеварднадзе прав»[2]. Скорее всего, этот рассказ Г. Ломая является его версией, произошедшего случая 18 августа, поскольку 14 августа Т. Китовани в Сухуме еще не было.

Как бы там ни было, видно, что у Э. Шеварднадзе были достаточные основания для того, чтобы быть недовольным Т. Китовани, что, безусловно, недостаточно для оправдания главы Госсовета. Более того, И. Георгадзе, владевший реальной информацией, в интервью «Новой газете» в номере от 3 ноября 1998 г. заявил: « Абхазская война – целиком и полностью сценарий Шеварднадзе. Роль Китовани – скорее, роль исполнителя. А мозгом и первопричиной абхазской войны был Шеварднадзе»[3]. Сам Т. Китовани в день «взятия» Сухума в интервью «Независимой газете» заявил, что «абхазская кампания подходит к концу»[4]. Т. Сигуа объявил о готовности абхазов сформировать новое правительство и другой парламент[5].

В конце мая 1993 г. бывший заместитель Командующего ЗакВО С. Беппаев во время его визита в Исполком ККН заявил: «Я проявил заботу

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 104,106.
[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 340.
[3] http://www.compromat.ru/page_9405.htm
[4] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.
[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 110.

об абхазском народе – запретил грузинским войскам переходить реку Гумиста»[1]. Вряд ли он мог что-то запретить или разрешить грузинским войскам, это заявление, скорее всего, было направлено на самооправдание перед кабардинцами, чьи родственники погибли в Абхазии. С. Беппаев – балкарец, судя по всему, готовился занять одну из ответственных должностей в КБР, что без лояльности хотя бы какой-то части кабардинцев, было бы немыслимо. В означенное время уже вошло в моду возвращение бывших генералов и офицеров Российской армии в политику в качестве лидеров национальных движений своих народов или вовсе руководителей республик[2].

Российский автор В. Чертинов считает, что ни чем иным, как существованием некоего секретного плана продвижения и размещения грузинских войск в Абхазии, нельзя объяснить их более чем странные маневры в первые дни конфликта[3]. Под «странными маневрами» названный автор имеет в виду то, что грузинская армия не смогла пройти победным маршем до Гудауты. Причина этого заключалась в том, что после того как грузинские войска заняли Сухум, формирования абхазского народного ополчения закрепились на правом берегу реки Гумиста, в селах Нижняя и Верхняя Эшера, где уже к 17 часам 18 августа приняли первые оборонительные бои[4]. В Обращении Парламента Абхазии к соотечественникам, принятом 19 августа, говорилось: «Руководство Абхазии, обманутое военными властями Грузии, отвело их (ополченцев. – **А. А.**) с выгодных позиций… Теперь они насмерть встали на рубежах, куда были отведены. Несмотря на свои отчаянные попытки, бесчестное воинство бесчестного Госсовета не смогло продвинуться ни на шаг в глубь Абхазии»[5].

---

[1] Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 35.

[2] Подтверждением сказанному является следующее сообщение: «По сообщению прессы, будучи председателем Национального совета балкарского народа, в апреле-мае 1994 г. заявил, что для достижения его целей по созданию Республики Балкария, если понадобится, Россия даст ему 90 бронетранспортеров… 3 августа 1994 г., прорываясь на заседание Международного конгресса горцев, С. Беппаев заявил, что у него 12-тысячная вооруженная армия». (Шанибов Ю. М. Победа Единства. Сухум-Нальчик, 1994. С. 53).

[3] Чертинов В. Наказанная Грузия // http://abkhazeti.info/war/ 200601264446-893119905.php

[4] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 41.

[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 24.

Накануне, еще в день захвата Сухума войсками Госсовета Грузии, 18 августа Президиум Верховного Совета Абхазии образовал Государственный комитет обороны под председательством В. Ардзинба. В руках ГКО была сосредоточена вся власть. Командующим Вооруженными силами Абхазии был назначен полковник В. Какалия, начальником штаба – полковник С. Сосналиев[1]. Постановлением предусматривалось: «Приказы штаба ГК обороны по вопросам ведения боевых действий и их материально-технического обеспечения подлежат немедленному исполнению всеми должностными лицами на территории Абхазии»[2]. Начинается процесс формирования боевых позиций и строительство оборонительных сооружений, которым руководил легендарный абхазский командир М. Хварцкия, который чуть позже приказом Председателя ГКО был назначен командующим Гумистинского оборонительного рубежа[3]. То есть уже для всех стало очевидно: с одной стороны – агрессор стремился к успешному и по возможности эффективному воплощению своего плана по аннексии Абхазии, а с другой стороны – Абхазия предпринимала усилия для противодействия этим планам. Тем самым спираль войны раскручивалась. На фоне всего этого грузинские СМИ распространяли слухи о переговорах воюющих сторон. 20 августа В. Ардзинба опроверг эти сообщения и заявил, что «непременным условием начала переговоров является вывод войск Госсовета Грузии с территории Абхазии»[4].

Тем временем, в ночь с 14 на 15 августа из Поти в Гагру вышел грузинский отряд кораблей в составе двух десантных кораблей, двух судов на подводных крыльях «Комета» и одной баржи. Они несли на своем борту до 200 солдат и четыре единицы бронетехники – БМП. По информации А. Розина, грузинские корабли шли под российским флагом[5]. О предполагаемой высадке десанта еще к двум часам ночи 15 августа предупредил Председатель Верховного Совета РА В. Ардзинба, кото-

---

[1] Пачулия В. Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг. // Газ. «Эхо Абхазии», №40, 1 октября 2003 г.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 15.

[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 45.

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 30.

[5] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

рый позвонил и сообщил о том, что из Поти следуют баржи[1]. По сведениям В. Пачулия, около 13 часов 15 августа к берегу в районе Цандрипша приблизились два десантных корабля, две «Кометы» и баржа, в которых находилось до 250 грузинских солдат, 4 БМП и 4 БТРа[2]. В. Николаев также сообщает, что эти перечисленные плавсредства, посредством которых осуществлялась высадка грузинских войск и техники под Гагрой, принадлежали Черноморскому флоту России[3]. Действительно, после того, как абхазские ополченцы с берега предприняли попытку воспрепятствовать высадке, «вражеский десант приблизился вплотную к российской погранзаставе, зная, что тут абхазцы не откроют огонь»[4]. Таким образом, грузинский десант, высадившийся под прикрытием российской погранзаставы, пустил в ход бронетехнику, что в условиях отсутствия у защитников Гагры даже достаточного количества стрелкового оружия, стало решающим фактором. Здесь «200–250 хорошо обученным, вооруженным, что называется до зубов, нацгвардейцам, у которых были БТРы, БМП, противостояло абхазское ополчение: некоторые с автоматами, большинство же с охотничьими ружьями, многие вообще безоружные»[5]. Тем не менее, грузинскому десанту было оказано весьма чувствительное сопротивление. Вот как описал названную операцию начальник разведки подразделения грузинской гвардии, участвовавший в десанте: «Мы шли на судах под Андреевским флагом. Еще в море на нас обрушился шквал огня – били с берега из пулеметов и автоматов. Батальон потерял пять человек убитыми и двенадцать ранеными. Но задачу свою десант выполнил – перекрыл границу с Россией»[6]. Грузинские войска были высажены и «при активной военной поддержке местных грузинских анклавов в Гантиади[7] и Леселидзе они взяли под свой контроль город Гагра»[8]. А в селе Колхида «засевшие бойцы «Мхедриони» и присоединившиеся к ним сотрудники Гагрского

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 77.
[2] Там же. С. 77.
[3] Николаев В. Грузия: утраченные иллюзии // Газ. «Республика Абхазия». № 80, 20-21 июля 2010 г.
[4] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 78.
[5] Газ. «Республика Абхазия», 14–21 августа 1992 г.
[6] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm
[7] Гантиади – Цандрипш. Абхазское название было восстановлено 4 декабря 1992 г.
[8] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 34.

ГОВД грузинской национальности с целью не допустить подхода абхазских подкреплений вели огонь по всем проезжавшим машинам»[1].

Вечером 16 августа в Гагре представители сторон договорились о том, что с 16 августа к 23 часам из зоны города будут выведены все местные абхазские и грузинские вооруженные формирования и будут сняты все пикеты на автотрассах, как абхазские, так и грузинские[2]. Это соглашение было достигнуто в результате переговоров между главой Администрации г. Гагра Р. Язычба – с абхазской стороны, и командиром Гагрского отделения «Мхедриони» Б. Пирцхелиани, который получил полномочия на это от Д. Иоселиани – с грузинской стороны[3]. Однако эта договоренность, как и в Сухуме, была нарушена, и 18 августа войска Госсовета Грузии и тяжелая техника были введены в Гагру. Абхазские силы вынуждены были отступить и в пос. Бзыбь образовали Гагрский штаб обороны. Затем при содействии и помощи ГКО Абхазии был создан Гагрский оборонительный рубеж, который уже в сентябре удалось достаточно укрепить, что позволило выровнять линию фронта[4].

Тем временем, 20 августа в Сухум вновь прилетел Т. Китовани. Цель приезда, как отмечали тогда наблюдатели, скорее всего, заключалась в том, чтобы получить от российских военных частей, расположенных тогда в Абхазии, гарантии невмешательства, в случае если грузинская армия продолжит наступление на Гудауту[5]. Но, судя по всему, этим его полномочия, а следовательно, задачи не ограничивались. Было похоже, что, несмотря на некоторые разногласия в среде военно-политического бомонда в Тбилиси, там на тот момент именно Китовани рассматривался как «куратор» Абхазии. На следующий день после его приезда в Сухум, 21 августа, Госсовет Грузии принял Постановление, которое было направлено на «скорейшее выправление положения» в Абхазии. В документе подразделениям Вооруженных сил Грузии, расположенным в Абхазии, предписывалось «приступить к выполнению непосредственно задач по введению чрезвычайного положения на

[1] Газ. «Республика Абхазия», 14–21 августа 1992 г.

[2] «Независимая газета», № 157... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-avgusta-1992-goda?page=0,1

[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 79.

[4] Там же. С. 81.

[5] Газ. «Московские новости», № 35. С... 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-avgusta-1992-goda

железной дороге»; вся ответственность за восстановление полного порядка возлагалась на «правительство Абхазской автономной республики» и министра обороны Республики Грузия Т. Китовани, находившегося в Абхазии «с чрезвычайными поручениями и полномочиями»; создание правительственной комиссии по упорядочению социально-экономических проблем; безотлагательный созыв сессии Верховного Совета Абхазии; разработку в месячный срок временного «положения по разграничению компетенции между верховными государственными органами Республики Грузия и автономной республики, которое в последующем найдет свое отражение в будущих конституциях Республики Грузия и Абхазской автономной республики», в основу которого «должны быть заложены суверенитет и неукоснительность территориальной целостности единой Грузии»[1].

В то же время пропагандистская машина продолжала свое дело, и российское телевидение со ссылкой на грузинские источники сообщило, что в результате переговоров между абхазской и грузинской сторонами достигнуто соглашение о выводе войск, и грузинские войска уже отводятся. В. Ардзинба вынужден был опровергнуть и это сообщение[2]. Как видно, СМИ Грузии, работавшие на внешний мир, весьма успешно навязывали информацию для отвлечения внимания от настоящего состояния дел. В то же время на самой оккупированной территории шло формирование параллельных структур власти, что, по мнению публициста В. Емельяненко, при наличии законно избранного Парламента, являлось распространением «опыта государственного переворота в Тбилиси на Сухум»[3].

21 августа Президент и Парламент КГНК приняли Указ о начале переброски добровольческих отрядов в Абхазию для противостояния грузинской агрессии. В ответ на это 22 августа Э. Шеварднадзе заявил, что объявит всеобщую мобилизацию, и выразил уверенность в том, что «из пятимиллионного населения найдется один миллион человек, кто станет на границе и живым не уступит ни одной пяди земли»[4]. Однако на расширенном заседании Госсовета Грузии, состоявшемся в тот же

[1] Газ. «Демократическая Абхазия». № 3, 3 сентября 1992 г.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны…Сухум, 2004. С. 36.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 110.

[4] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 94, 95.

день, 22 августа, объявили лишь частичную мобилизацию. Э. Шеварднадзе в выступлении воскликнул: «Если понадобится, я первым пойду добровольцем»[1]. На заседании Госсовета 23 августа, которое специально собралось для обсуждения заявления КГНК об отправлении добровольцев в Абхазию, Э. Шеварднадзе заявил, что «никому не будет позволено вмешиваться во внутренние дела Грузии, и мы в случае необходимости можем дать ответ любой агрессии»[2].

Указ руководителей Конфедерации горских народов Кавказа о начале военных действий против Грузии обсуждался и во время телефонного разговора между Э. Шеварднадзе и Б. Ельциным, в ходе которого была достигнута договоренность о закрытии границы России с Абхазией, что делалось для недопущения проникновения добровольцев с Северного Кавказа[3]. Судя по всему, ободренный содержанием этого разговора, 24 августа грузинский лидер заявил о возможном штурме Гудауты с целью разгона ВС РА. Сам Верховный Совет Абхазии, который, по всей видимости, разбегаться не собирался, тогда же, 24 августа, обратился к грузинам, проживавшим в республике с призывом «соблюдать нейтралитет и не поддаваться авантюристической пропаганде Госсовета и его сухумских марионеток». В обращении подчеркивалось, что «лишь в таком случае снимается моральная ответственность с грузинского народа за трагедию в Абхазии»[4]. На второй день, 25 августа, В. Ардзинба призвал Госсовет Грузии «проявить благоразумие и политическую мудрость – прекратить кровопролитие и вывести войска из Абхазии»[5]. Ответом на эти обращения можно считать решение о мобилизации резервистов населения оккупированной территории Абхазии, принятое еще 24 августа на собрании депутатской фракции «Демократическая Абхазия», состоявшегося в оккупированном Сухуме[6].

25 августа командующий войсками Госсовета Грузии в Абхазии, видимо, под впечатлением «решения» оккупационных властей о моби-

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 43.

[2] Газ. «Известия», /№ 190... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-24-avgusta-1992-goda

[3] Газ. «Известия», № 180... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-26-avgusta-1992-goda

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 40.

[5] Там же. С. 44.

[6] Там же. С. 45.

лизации, выступил по телевидению с ультимативным требованием к абхазской стороне. Надо же было ему чем-то прославиться: не зря же его только что назначили на эту должность. Поскольку это выступление раскрывало истинные мотивы и намерения Госсовета Грузии в Абхазии, считаю уместным привести довольно обширную часть из него (извините за слишком длинную цитату, впрочем, кому не интересно, может ее спокойно пропустить). Итак, Г. Каркарашвили тогда говорил: «...Могу сразу заверить, особенно сторонников господина Ардзинба, тех сепаратистов, которые под именем какого-то «Горного союза» хотят побеспокоить мирных жителей и запугать их: мы не из пугливых, и все приезжие, которые летом хотели отдохнуть на море в Грузии, найдут здесь братскую могилу. Все, кто зашел сюда с автоматом. А в ответ на выступление председателя этого так называемого «Горного союза» господина Шанибова, в котором он объявляет Тбилиси зоной бедствия, где будут задействованы террористические группы, я хочу сразу заверить тех, кто попался на удочку этих сепаратистов, что мы в состоянии разобраться здесь, у нас дома. Мы в состоянии наказать еще кое-кого, кто слишком много говорит и ничего не может делать, как господин Шанибов. Предупреждаю: с сегодняшнего дня грузинской стороне будет запрещено взятие военнопленных. Чтобы не было такого подхода, как будто грузины убивают всех абхазов. Это у нас принято первое решение, чтобы пленных не брать. Те, кто встретит правительственные войска Республики Грузия с оружием, независимо от национальности – русский, армянин, грузин, абхаз или еще кто-то из жителей, проживающих в Грузии, кто встретит правительственные войска с оружием, попадут под действие приказа о том, чтобы пленных не брать. А всем мирным жителям, заинтересованным в единстве и целостности Грузии, мы ручаемся и обещаем неприкосновенность. Как вы знаете, были маленькие инциденты, факты, когда грузинское население в первые дни расправлялось с этими экстремистами и сепаратистами. С сегодняшнего дня это прекратится, потому что мы не хотим никакому мирному жителю сделать вреда и чтобы кто-то пожертвовал собой в борьбе за единство Грузии, но это не относится к сепаратистам и экстремистам, которые надеются на какую-то помощь от «Горного союза». А если какие-то были и сказки, как будто здесь, в рядах гвардии, существует беспорядок, разлагается личный состав, я могу обещать, что этого не будет... Еще более я могу

кого-то обрадовать, что сегодня я лично вызову все вооруженные формирования, которые действуют в Грузии. Независимо от политического мировоззрения или подхода к Госсовету или бывшему президенту Грузии, лично я с сегодняшнего дня по телевидению Грузии попрошу все вооруженные формирования, чтобы они вошли в общий штаб, который будет действовать сначала в Сухуми, а дальше может быть перенесен в Гудауту, если они не успокоятся. Я лично через Госсовет потребую, чтобы была объявлена всеобщая мобилизация всех вооруженных формирований. Одновременно мы будем вести мирные переговоры, так как не хотим, чтобы после победы Грузии остались сожженные деревни, разграбленные дома. Мы заинтересованы в том, чтобы Грузия была единой, красивой и расцветала в будущем. В том случае, если переговоры не достигнут успеха, я могу заверить этих сепаратистов, что если из общей численности погибнет сто тысяч грузин, то из ваших погибнут все девяносто семь тысяч, которые будут поддерживать решения Ардзинба. Хочу обратиться ко всем жителям, которые проживают в этом регионе, чтобы они знали, что мы не боремся ни против абхазов, ни против армян, грузин или русских, мы боремся за единство Грузии. Хочу дать совет лично господину Ардзинба: пускай он не сделает так, чтобы абхазская нация осталась без потомков, потому что все жертвы и всю ответственность он возьмет на себя. Пускай он воспримет как ультиматум, что если через двадцать четыре часа эти бандитские, так называемые «военные действия» с абхазской стороны не прекратятся, то грузинская национальная гвардия и все части формирований, которые уже прибывают из Тбилиси, Кутаиси и из разных городов, сходят в гости к господину Ардзинба уже после истечения этого срока»[1].

Тогда от столь явного цинизма Каркарашвили постарался откреститься и сам Э. Шеварднадзе, который заявил, что данное выступление не было санкционировано Госсоветом[2] – это он сообщил утром 26 августа в ответ на протест главы абхазского Парламента. Однако, по мнению самого В. Ардзинба, озвученного в 16 часов[3] 26 августа, ультиматум Г. Каркарашвили, «не мог быть не санкционирован Госсоветом Грузии,

[1] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[2] Газ. «Республика Абхазия», 22-27 августа 1992 г.

[3] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 44.

и то, что по истечении срока этого ультиматума, в 13 часов 26 августа, войска Госсовета не двинулись на позиции абхазского ополчения, отнюдь не означает, что в ближайшие дни эти угрозы не будут претворены в жизнь». Председатель ВС РА сказал, что целью вторжения войск Госсовета является «оккупация Абхазии, создание неконституционных структур власти и… ликвидация абхазского народа», но «мы будем защищать родину до конца, в случае необходимости уйдем в горы и будем вести партизанскую войну»[1]. О том, что Э. Шеварднадзе не мог не быть непричастным к ультиматуму Каркарашвили, говорит, хотя бы уже тот факт, что именно 25 августа глава Госсовета в очередном радиообращении к нации заявил, что «правительственные войска предпримут соответствующие меры» по отношению к ополченцам КГНК, находящимся в Гудауте[2]. А чуть позже в одном из интервью Э. Шеварднадзе уже открыто оправдывал своего генерала следующим образом: «Немногие знают, что этому предшествовало. Каркарашвили в сопровождении трех своих друзей-соратников отправился на переговоры по поводу обмена военнопленными и заложниками. И вдруг – выстрелы, и два его друга гибнут у него на глазах. К несчастью, когда льется кровь – слов не выбирают, и эта «война слов» порождает новое кровопролитие»[3].

Позже, в 2002 г., Т. Китовани, вспоминая этот эпизод, настаивал на том, что Г. Каркарашвили ультимативно угрожал абхазам в 1993 г., будучи уже министром обороны Грузии. Может, Т. Китовани запамятовал, ведь речь шла о событиях десятилетней давности, а может, ему трудно признаться, в том числе самому себе, в том, что в бытность его самого министром обороны кто-то другой осмелился на несанкционированное им столь воинственное выступление. При всем при этом Китовани назвал приведенную «речь» Каркарашвили «безответственным заявлением»[4]. Н. Месхия и вовсе путает и утверждает: «Каркарашвили выступил в прямом эфире в сентябре и сказал: «Новый год будем встречать в Пицунде с шампанским в руках, если даже придется пожертвовать для этого жизнью 100 тысяч грузин для уничтожения 90 тысяч абхазов». После этих слов Н. Месхия иронично восклицает: «Вот каков

[1] Газ. «Республика Абхазия», 22-27 августа 1992 г.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 86-87.
[3] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 64.
[4] Китовани Т. К. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

был наш полководец! Вслушайтесь в его слова! Каково?! Не ждите здесь моих комментариев!»[1].

Впрочем, и сам Каркарашвили не смог тогда, 26 августа, ответить на вопрос, что собираются предпринять грузинские войска по истечении срока ультиматума[2]. Единственным последствием его ультимативного заявления стали сообщения СМИ, которые, согласно информации из Тбилиси, передали, что 26 августа в 20 часов 30 минут грузинская Национальная гвардия вплотную приблизилась к жилым кварталам города Гудауты[3]. Однако на самом деле 26 августа в силу множества причин наступление на Гудауту не началось. Одной из них, видимо, нужно считать Обращение Президента России к Абхазии и Грузии с призывом прекратить кровопролитие и сесть за стол переговоров, распространенное как раз 26 августа. Кроме того, в тот день состоялась встреча министров обороны России и Грузии. В этих условиях предпринять наступление по истечении срока ультиматума было бы слишком явным пренебрежением по отношению к предложению Президента России, на что в Грузии, видимо, не могли, а, скорее всего, и не желали идти, т. к. на тот временной отрезок в войне против Абхазии и Грузия, и Россия были официальными союзниками. Это одна причина – политическая – глобального, если подходить с точки зрения региональной геополитики, значения. Другая причина – военная – более локальная, но не менее существенная. Таковой стала разведывательно-диверсионная операция на Гумистинском фронте, проведенная абхазским спецподразделением с целью срыва крупномасштабного наступления грузинских войск на Гудауту. В результате названной операции, проведенной в ночь с 25 на 26 августа, было уничтожено более 100 грузинских военнослужащих и 5 единиц бронетехники, таким образом, была разгромлена основная ударная сила противника, дислоцированная в Учхозе – пригороде Сухума[4].

Тем временем, образно выражаясь, «горячая война» в Абхазии стала малой «холодной войной» между Грузией и Россией. При этом можно

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 111.

[2] «Независимая газета», № 164... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-27-avgusta-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 165... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-28-avgusta-1992-goda

[4] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 46-47.

провести, конечно, с учетом масштабов и времени, некую параллель с «великим противостоянием» между США и СССР времен большой «холодной войны». Также были налицо заочное противостояние и столкновение интересов двух стран, сопровождавшихся поэтапным потеплением и охлаждением отношений. Показательным эпизодом малой «холодной войны» между Россией и Грузией стал обстрел российской кометы грузинским вертолетом и последовавшие за ним события.

Все началось с того, что 27 августа грузинским вертолетом без опознавательных знаков был обстрелян в районе Гагры гражданский теплоход «Комета-44» Сочинского морского порта, следовавший из Батуми в Адлер с 70 пассажирами на борту. Механик «Кометы-44» А. Нижельский так описал атаку: «Неожиданно мы заметили вертолет. Он пошел прямо навстречу, пронесшись на низкой высоте вдоль судна (российский флаг хорошо был виден), стал сопровождать. Вертолет выпустил несколько пулеметных очередей по судну, а потом зашел с берега и дал три залпа НУРСами. С третьего попал». Российская сторона сразу после инцидента потребовала объяснения от грузинских военных. Но Грузия заявила, что это провокация русских и начала обвинять Россию в попытке вооруженного вмешательства в конфликт. Пресс-служба ВМФ России заявила, что это провокационное заявление направлено на втягивание Москвы в абхазский конфликт[1]. Затем было назначено специальное расследование.

15 сентября 1992 г. в Сочинском аэропорту во время переговоров трехсторонней российско-грузино-абхазской комиссии по контролю и инспекции за выполнением московских соглашений от 3 сентября 1992 г., отвечая на вопрос журналистов об инциденте с кометой, Т. Надарейшвили сказал: «Насколько мне известно, пока не установлено, кто обстрелял эту комету. И там погиб, к сожалению, всего один человек». «К счастью», – поправил его В. Ардзинба. «Да, к счастью. Говорить о том, что нападение на комету совершила грузинская сторона, нельзя», – продолжал утверждать Т. Надарейшвили. Но у В. Ардзинба была на этот счет прямо противоположная точка зрения: «Совершенно точно известно, что это вертолет грузинский, и он базируется в Сухумском аэропорту. Фамилия летчика также известна». По этому поводу высказался

[1] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

и руководитель российской части комиссии Ю. Воробьев, который отметил: «Данный случай должен немедленно стать предметом расследования со стороны Грузии, и мы готовы представить все материалы, доказывающие, что это сделал грузинский вертолет»[1].

С. Червонная считает, что этот обстрел носил «провокационный характер» и был произведен из Гудауты, полностью контролируемой «абхазской стороной» (там этот вертолет и базировался), что не помешало абхазской пропаганде возложить вину за эту трагедию (на борту «кометы» были ранены и погибли люди) на «грузинских стервятников», было даже названо имя грузинского летчика Д. Майсурадзе, который якобы вел вертолет и отдал приказ расстрелять «комету». Вскоре выяснилось, что в тот день и час Майсурадзе выполнял другое задание и никак не мог действовать в районе Гудауты»[2]. Однако 17 сентября Министерство обороны России по результатам специального расследования выступило с заявлением. В нем говорилось, что оно располагает неопровержимыми доказательствами, свидетельствующими, что вертолет, обстрелявший 27 августа пассажирскую «Комету», «действовал по распоряжению грузинской стороны». В заявлении Министерства обороны России подчеркивалось, что известна и фамилия летчика – Майсурадзе. Он «не мог не видеть и не знать, что применяет боевое оружие против мирных граждан»[3]. И далее в документе было сказано: «Провокационные обстрелы воинских частей, военных санаториев, городков и объектов, вооруженные налеты, захват заложников - все это тревожная реальность последнего времени. Грузинские вертолеты все чаще появляются над местами компактного проживания русскоязычного населения, ведут их обстрел. Стало известно, что грузинской стороной на аэродроме Сухума сосредоточено большое количество авиабомб различного калибра, в том числе и 250-килограммовых. Министерство обороны РФ заявляет: российские войска, находящиеся в зоне конфликта, держали и будут держать нейтралитет. Однако если бандитские акции против русскоязычного населения с использованием вертолетов не прекратятся, Минобороны России оставляет за собой

[1] Серебряков В. Г. Абхазия помнит. Майкоп, 2007. С. 65-68.

[2] Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.

[3] «Российская газета», № 207. Вып.2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-18-sentyabrya-1992-goda

право принимать меры по пресечению воздушного пиратства»[1]. Причем министр обороны Грузии Т. Китовани категорически возражал против этого. В ответ на заявление Министерства обороны России он отметил, что его ведомство располагает «неопровержимыми доказательствами и свидетельствами очевидцев о том, что вертолет, совершивший обстрел, улетел после этого в сторону Сочи, а значит, России»[2].

Тем временем, «в Гудауте многие, несмотря на то что были «вооружены чем попало – охотничьи ружья, палки», были настроены «воевать до последней капли крови»[3]. Госсовет Грузии, в свою очередь, также был настроен решительно, и его члены поддерживали позицию Китовани, которая состояла в том, что поскорее покончить с Гудаутой. Этого же мнения придерживалась и марионеточная власть Сухума. О своей готовности защищать каждую пядь земли тогда заявили 10 тысяч сванов – грузинских горцев. Началась также регистрация резервистов и запись добровольцев[4].

В Грузии уже после войны было проведено небольшое исследование-анализ грузинских газет относительно публикаций по Абхазии. Изучалось все содержание материалов, имевших полное или частичное отношение к событиям в Абхазии, опубликованных в ежедневных и еженедельных общественно-политических газетах: на грузинском языке – «Сакартвелос Республика», «Резонанси», «Швиди дге», «Дрони», «Картули кроника»; на русском языке – «Свободная Грузия», «Новая газета» – всего 7 газет. Из них 2 – официальные и одновременно ежедневные, 4 – независимые издания и 1 – орган политической партии НДПГ. Анализ публикаций в названных изданиях с 14 по 28 августа 1992 г. показал, что от общей редакционной площади публикации, посвященные Абхазии, занимали в среднем 11,8%. При этом в СР – 27%, СГ – 21,6%, а информация в основном размещалась на первой полосе[5].

---

[1] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002 г. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html

[2] «Независимая газета», № 180… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-sentyabrya-1992-goda

[3] Газ. «Московские новости», № 35... С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-avgusta-1992-goda

[4] Там же.

[5] Разоренова М., Дзиндзибадзе К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии // http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html

Абхазский историк Ю. Анчабадзе, рассуждая над вопросом «Какой период войны был самым трудным?», совершенно справедливо приходит к выводу: «Грозный вал первых дней, первых недель войны останется в ее летописи трагическим провалом, в котором внезапность агрессии и вероломство противника сыграли свою роковую роль. В то трудное время многим уже начинало казаться, что Абхазия брошена к последней черте своего исторического бытия»[1]. Но Абхазия выстояла.

2. Начало агрессии Грузии против Абхазии и мир

2.1. Добровольческое движение

Ю. Воронов, размышляя о причинах, обусловивших начало войны в Абхазии, отводил немаловажную роль региональным предпосылкам, которые, по его мнению, были «заложены в географических особенностях Кавказа в целом, издавна носящего красноречивые названия «Гора языков» и «Дорога народов»[2]. Определения «Гора языков» и «Дорога народов», в свою очередь, обусловили наличие, наряду с собственно географическим, существенных факторов – региональной геополитики и этнической политики (или, если угодно, борьба за сохранение самоидентификации народов Кавказа, что в сложившихся тогда условиях было востребовано). С. Жемухов назвал абхазо-грузинскую войну «одним из главных вызовов черкесскому миру», «во время которой проявились его духовные и материальные ресурсы и обозначился главный вектор геополитического развития черкесской нации»[3]. В сложившихся тогда условиях правильнее говорить о вызове всех народов Кавказа, ибо они оказались перед дилеммой: с одной стороны они не могли не поддержать подвергшийся агрессии братский абхазский народ, с другой – руководство России не могло на это смотреть благосклонно. Позиция руководства России не могла не оказывать решающего влияния на поведение властей в республиках

[1] Анчабадзе Ю. Д. Абхазия 1992-1993 годы. Фотоальбом. М., 1995. С. 12.

[2] Воронов Ю. Н. О геополитических аспектах войны в Абхазии // «Юрий Воронов – свет и боль» (Сост. – редколлегия). М. – Сухум, 1999. С. 297.

[3] Жемухов С. Черкесский мир: вызовы нового времени // http://www.rtkorr.com/news/2010/11/09/188373.new

Северного Кавказа, что часто приводило к столкновению интересов народа и властей в республиках.

Следует помнить о том, что в политике, когда речь идет об интересах (а в политике всегда речь идет об интересах), как известно, нет места для сентиментальных рассуждений о моральной стороне принимаемых решений и предпринимаемых действий. Однако если бы все и вся в этом мире были бы лишены представления об этих понятиях, то, наверное, существование человечества уже можно было бы объявлять бессмысленным. Ибо уже само наличие души у человека лишает его права превратить себя в механического хранителя и защитника интересов, вовсе исключив из природы взаимоотношений с себе подобными представления о нравственности, справедливости и чести. Вообще, в некоторой степени войну в Абхазии в рамках очерченных временных и пространственных параметров можно назвать столкновением двух проявлений современного миропорядка – реалполитики и идеалполитики.

Вторжение войск Госсовета Грузии в Абхазию вызвало возмущение и протест среди людей во многих регионах бывшего Советского Союза и за его пределами. Особенно больно весть о начале войны была воспринята, как уже отмечалось, братскими народами Северного Кавказа. Президент МЧА Ю. Калмыков позже писал: «Памятуя об этнических и исторических связях кавказских народов, можно ли было не предусмотреть, что избиение абхазов возмутит российских и зарубежных кабардинцев, адыгейцев, шапсугов, черкесов, связанных своей принадлежностью к единому абхазо-адыгскому этносу»[1].

В Майкопе уже в первые часы после вторжения Грузии был образован Комитет солидарности с Абхазией[2]. Вечером 14 августа были проведены экстренные заседания кабардинской организации «Адыгэ Хасэ» и Конгресса кабардинского народа (ККН), участники которых обратились к руководству КБР с просьбой о незамедлительном принятии комплекса мер по урегулированию ситуации в Абхазии[3]. 15 августа КГНК и МЧА призвали народы Северного Кавказа встать на защиту Абхазии. И уже в первые дни войны группы кабардинских добровольцев

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 175.

[2] Отчет исполкома съезда адыгейского народа (1991-1993гг.)// http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041253.htm

[3] Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // http://www.zihia.net/index.php?newsid=1204

во главе с председателем комитета самообороны КГНК С. Сосналиевым[1] и добровольцев из Карачаево-Черкесии под командой М. Килба прибыли в Гудауту[2]. Известный абхазский писатель Ф. Искандер, имея в виду позицию горских народов Кавказа в начавшейся войне в Абхазии, говорил: «Я вполне понимаю эмоциональную и психологическую сторону дела. Когда на маленькую республику, где живут всего сто тысяч абхазов, двинулись танки, вертолеты, огромная армия, у всякого честного человека, тем более живущего по соседству, сердце не могло оставаться спокойным»[3].

Развернувшееся добровольческое движение в поддержку Абхазии было многонациональным: в нем участвовали абазины, аварцы, адыгейцы, армяне (из-за пределов Абхазии), балкарцы, белорусы, греки, даргинцы, евреи, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, казаки, киргизы, кумыки, лакцы, лезгины, латыши, мордвины, немцы, осетины, поляки, русские, табассаранцы, татары, туркмены, украинцы, черкесы, чеченцы, шапсуги, эстонцы. Несмотря на противодействия, чинимые российскими властями, в первые дни войны по всему Северному Кавказу шли акции протеста против вторжения войск Госсовета Грузии в Абхазию. Многие общественные и политические организации и движения объявили о сборе добровольцев для отправки их в Абхазию. В резолюции одного из митингов в Майкопе, проходивших в первые дни войны, говорилось: «Мы полностью поддерживаем справедливую борьбу абхазского народа за свой суверенитет, свое национальное возрождение. Эта поддержка будет выражена всеми доступными средствами, принятыми в цивилизованном мире. Мы обращаемся к руководству Российской Федерации, лично к Президенту РФ Б. Ельцину, руководителям всех северокавказских республик, краев и областей незамедлительно предпринять все имеющиеся политические средства, включая экономические санкции против Грузии и создание различных миротворческих сил, для стабилизации обстановки в Абхазии. Мы обращаемся к Госсовету Грузии проявить в отношении к Абхазии политический реализм, отбросить свои амбиции. В случае, если не будет найдено политическое решение и эскалация конфликта

[1] Позже С. Сосналиев скажет: «В Абхазию позвала меня совесть».
[2] Хагба Л. Р. Их души тают над горами. Сухум, 2003. С. 4.
[3] Белая книга Абхазии. 1992 – 1993. М., 1993. С. 136.

будет продолжаться, мы просим руководство Республики Адыгея поставить вопрос перед Верховным Советом Российской Федерации о пересмотре Федеративного договора. Мы обращаемся ко всем народам Северного Кавказа, русским, казачеству Юга России решительно осудить противоправные действия официальных властей Грузии по отношению к Абхазии»[1].

Обращения в защиту народа Абхазии также приняли партия «Адыгский национальный конгресс», «Демократическая партия КБР», «Комитет женщин КБР», группа интеллигенции КБР, группа кабардинских писателей, группа журналистов КБР[2] и другие. По справедливому замечанию И. Цушба, «организующим центром добровольческого движения, организатором и полководцем народов Кавказа в начавшейся войне в Абхазии стала Конфедерация горских народов Кавказа»[3]. Председатель парламента КГНК Ю. Сосланбеков заявил, что, если вооруженные силы Грузии не будут выведены с территории Абхазии, боевые формирования КГНК будут вынуждены согласно договору о взаимной обороне решить вопрос о безопасности Абхазии военным путем[4]. 17 августа президент КГНК Ю. Шанибов обратился ко всему миру, предупреждая «об опасности гибели всего Кавказа и уничтожения Кавказской цивилизации»[5]. Президент Адыгеи А. Джаримов, говоря позже об этих процессах, отметил, что «КНК заполнила политический вакуум», возникший «в экстремальной обстановке», вследствие того, что «Российское правительство молчало несколько дней», а инициативы руководителей республик Северного Кавказа «отклика также не находили»[6]. Президент МЧА Ю. Калмыков по этому поводу писал: «Россия должна была немедленно после оккупации Абхазии принять все возможные меры, чтобы предотвратить избиение людей, сразу же выразив свое отношение к ситуации. Промедление же при-

---

[1] Архив Адыгейского национального музея. http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041252_1.htm

[2] Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // http://www.zihia.net/index.php?newsid=1204

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 87, 7–8 августа 2003 г.

[4] Газ. «Известия», № 186… 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-avgusta-1992-goda

[5] Газ. «Под небом Грузии», № 38, 28 августа 1992 г.

[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 16-17.

вело к тому, что сейчас даже ярые приверженцы России на Кавказе подвергают сомнению суть Федеративного договора, подписанного бывшими автономиями России»[1].

Однако 18 августа Российское правительство выступило с заявлением, в котором призвало народы Северного Кавказа «проявить выдержку и благоразумие, воздержаться от действий, ведущих к дестабилизации ситуации в регионе»[2]. Это укрепило горские народы в уверенности в существовании сговора Грузии и России против Абхазии, что вдвойне возмутило братские северокавказские народы. Поэтому X чрезвычайная расширенная сессия КГНК, состоявшаяся 18 августа в Грозном, осудила «политику насилия Госсовета Грузии и Российских властей, покровительствующих агрессорам из Грузии»[3]. Сессия обратилась к мировому сообществу с призывом предпринять усилия по предотвращению агрессии Грузии и защите прав Абхазии; оказать ей реальную политическую и экономическую помощь; объявить политический бойкот и приостановить финансово-экономическую помощь Грузии[4].

3. Налоев, почетный тхамада «Адыгэ Хасэ», призывал к единству с абхазским народом в его борьбе за свободу. «Защищая Абхазию, мы защищаем себя», – заявил он[5]. Р. Исаков суммировал опасения кавказских горцев следующим образом: «В случае успешного подавления абхазцев – а это произойдет, если мировое сообщество и особенно кавказские народы будут безучастно наблюдать за «съедением» абхазской государственности – неминуемо наступит конец надеждам на свободу всего Северного Кавказа»[6]. Видимо, этим, а не только братскими чувствами к абхазскому народу, была продиктована бескомпромиссная позиция названной сессии КГНК относительно дальнейшего развития событий. В решении сессии было заявлено: в случае невывода грузинских войск с территории Абхазии до 21 августа, «объявить о начале военных действий КГНК в отношении Грузии», о формировании добровольческих

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 175.

[2] «Российская газета», № 185… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-19-avgusta-1992-goda.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 56.

[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 256.

[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 312.

[6] Там же. С. 322–324.

частей «для защиты справедливого дела абхазского народа» и их направлении в Абхазию[1].

Не остались в стороне от происходивших событий и потомки абхазских махаджиров. Уже практически в первые дни после агрессии Грузии против Абхазии последовала резкая реакция со стороны представителей абхазской и кавказской зарубежной диаспоры. Представители около 40 кавказских культурных обществ образовали инициативную группу, и уже 23 августа состоялось первое официальное заседание Кавказского Комитета Солидарности с Абхазией под председательством А. Цушба. Штаб-квартира этой организации находилась в Стамбуле, а в европейских странах были созданы ее филиалы. В комитет также вошли: Е. Аргун, Д. Гогуа, С. Папба, Е. Шаахин, Р. Туна, Д. Ардзинба, Е. Абганба, Ю. Маршан, Г. Гечба[2]. И уже 23 августа первая группа абхазских воинов из Турции в составе 35 человек прибыла в Гудауту[3].

Как уже отмечалось, российское правительство предупредило народы Северного Кавказа о необходимости воздержаться от действий, «ведущих к дестабилизации в регионе». И многие руководители и представители властей северокавказских республик не были готовы или просто не могли открыто поддержать национальное и добровольческое движение своих стран. Официальные структуры некоторых республик Северного Кавказа посчитали лучшим идти в канве официальной России. Под влиянием движения в поддержку Абхазии 17 августа Кабинет министров КБР осудил ввод войск Госсовета Грузии в Абхазию и принял постановление «О политической поддержке и оказании гуманитарной помощи Республике Абхазия». Но вместе с тем официальные структуры Кабардино-Балкарии заняли «резко отрицательную позицию по поводу оказания военной помощи Абхазии»[4]. С подобным заявлениями выступили и руководители Карачево-Черкессии и Северной Осетии. 18 августа глава администрации Карачаево-Черкесской ССР В. Хубиев заявил о том, что «о посылке добровольцев или каких-то иных формах вооруженного участия Карачево-Черкесии в происходящих на территории

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 257.

[2] Журн. «Абаза», № 1, С. 20. 1995 г.

[3] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. I. Аҟәа, 2005. Ад. 75.

[4] Газ. «Независимая газета», № 157… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-avgusta-1992-goda.

соседней Грузии событиях не может быть и речи». Он подчеркнул, что в распространяемых некоторыми средствами массовой информации слухах о том, будто «Карачаево-Черкесия готова поддержать известные на Северном Кавказе экстремистские силы, грозящие Грузии даже объявлением войны, нет ничего, кроме лжи и преднамеренного стремления еще более обострить общественно-политическую обстановку в регионе»[1]. Руководство Северной Осетии, в свою очередь, заявило, что оно не приветствует отправку 600 добровольцев из Южной Осетии в район конфликта[2]. Замечу, что названная группа, основная часть которой состояла из жителей Северной Осетии, действительно, прибыла в Гудауту, но через некоторое время из-за возникших разногласий с абхазским командованием, обусловленных разным пониманием целей и задач ее пребывания здесь, она, за небольшим исключением добровольцев из Южной Осетии, была выпровожена из Абхазии.

Научный консультант РАУ-ПРЕСС В. Березовский и ведущий научный сотрудник РАУ-Корпорации В. Червяков тогда отмечали: «Конец 20-х чисел августа 1992 г. был посвящен попыткам российских властей нейтрализовать действия российских горцев, целыми отрядами отправляющихся воевать в Абхазию. Вице-президент Александр Руцкой встретился с руководителями республик Северного Кавказа и обсудил с ними положение в Абхазии. Как сказал потом Руцкой, «лидеры большинства республик не намерены поддерживать экстремистские настроения некоторых деятелей». При этом под экстремистами в первую очередь подразумевались лидеры Конфедерации горских народов Кавказа и Конгресса кабардинского народа, фактически объявивших Грузии войну»[3]. Однако, почти все движения и организации, представлявшие подавляющее большинство народов северокавказских республик, придерживались иной позиции. В Кабарде и Адыгее проходили забастовки и митинги с требованием раздать оружие добровольцам, в ином случае – отставки президентов этих республик[4]. Недовольство

[1] Газ. «Российская газета», № 185… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-19-avgusta-1992-goda.

[2] Газ. «Известия», № 191… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-avgusta-1992-goda

[3] Березовский В., Червяков В. Конфедерация горских народов Кавказа // Журн. «Духовное наследие» № 3, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N03_92/3_06.HTM

[4] Газ. «Республика Абхазия», 14-21 августа 1992 г.

руководителями северокавказских республик высказывал и Президент МЧА Ю. Калмыков. Сопоставляя их деятельность с руководителями Абхазии и Чечни, он тогда писал: «В. Ардзинба – очень целенаправленный, честный, порядочный, высокоорганизованный сам по себе человек. Это настоящий, поистине достойный лидер своего народа. А что же с лидерами других братских республик получилось?.. Надо, чтобы народное правительство было не только в Чечне, но и в других республиках»[1]. Позиция руководителей Северокавказских республик была расценена «предательской» и в Обращении X сессии КГНК к мировому сообществу[2]. А в тексте клятвы добровольца, составленном и принятом в Черкесске 19 августа, заявлялось о возмущении «непринятием своевременных мер местными правителями» и об отказе от гражданства «предавших нас правителей»[3]. Здесь уместно отметить, что подобные заявления не были лишены некоторой эмоциональной окраски, тем не менее, эти и подобные выступления имели под собой достаточно оснований. Правда, в разных республиках дела обстояли по-разному. Кое-где заявлялось то, что нужно было для «дела», а на самом деле делалось все, чтобы поддержать Абхазию. А где-то руководители республик были бы не прочь занять позицию стороннего наблюдателя, что, правда, под воздействием народов этих стран, им не всегда удавалось. Они вели себя так, стремясь соответствовать интересам Москвы, которая, по мнению кавказских народов, не оправдала роль единственного арбитра в развязанной войне в Абхазии.

Стремление руководителей названных республик соответствовать духу официальных заявлений Москвы нередко приводило к противостоянию внутри республик, что еще более осложняло общественно-политическую обстановку на Северном Кавказе. Но движение в поддержку абхазов, в частности в Кабарде, не могло не оказывать влияния на позиции руководителей республики. В частности, пресс-служба президента Кабардино-Балкарии сообщила о телефонном разговоре президента России с президентом КБР В. Коковым. При этом сообщалось, что Б. Ельцин в своем телефонном разговоре с президентом Кабардино-Балкарии поддержал идею о встрече лидеров России, Северного

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 310, 311.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 16.
[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 58-59.

Кавказа, Грузии и Абхазии[1]. При этом руководители республик, конечно же, не желали остаться в истории предателями своих народов. Позже, в начале сентября 1992 г., исполняющий обязанности главы администрации Карачаево-Черкесии А. Озов с нотками недовольства говорил: «В средствах массовой информации прозвучало, будто события в Абхазии неоднозначно восприняты в Карачаево-Черкесии… Мы однозначно осудили военные действия, террор, кровопролитие. Не совпала наша позиция лишь с действиями некоторых общественных организаций по вопросу о добровольцах»[2].

19 августа Президент МЧА Ю. Калмыков обратился с призывом к адыгскому и абазинскому народам, «ко всем народам Северного Кавказа, казачеству России, всем, кому дорога свобода, честь и независимость народов, объявить сбор добровольцев для оказания помощи братскому абхазскому народу»[3]. Это и другие выступления Ю. Калмыкова председатель Госкомитета по национальной политике России В. Тишков тогда назвал «неожиданно истеричными воинственными призывами» и «явно непредвиденной реакцией, не соответствующей степени угрозы»[4]. Видимо, из Москвы сложно было определить «степень угрозы» абхазскому народу. А вот те, кто ощущал сопричастность к судьбе братской страны и ее народа, вели себя по-другому. В Нальчике продолжался бессрочный митинг в поддержку Абхазии, а 25 человек объявили голодовку[5]. А в Черкесске 19 августа добровольцами-абазинами был составлен и принят уже называвшийся текст клятвы, в котором заявлялось, что «на Кавказе нет не абхазов с этой минуты»[6]. Уже 20 августа эта клятва была зачитана в Нальчике перед участниками бессрочного митинга в поддержку Абхазии. В этот же день Председатель Исполкома съезда адыгейского народа А. Схаляхо, Председатель Совета Республиканской организации «Адыгэ Хасэ» А. Абрегов и член Парламента КГНК К. Ачмиз в Обращении к Президенту Адыгеи А. Джаримову заявили, что

---

[1] Газ. «Известия», № 191… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-avgusta-1992-goda

[2] «Независимая газета», № 173… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-sentyabrya-1992-goda

[3] Газ. «Согласие», № 93, 20 августа 1992 г.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 152.

[5] Газ. «Республика Абхазия», 14-21 августа 1992 г.

[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 58–59.

«адыги и все честные люди нашей республики не останутся безучастными к судьбе братского абхазского народа»[1].

20 августа Президент Чечни Д. Дудаев, Президент МЧА Ю. Калмыков и Президент КГНК М. Шанибов обратились к руководству и народам стран Ближнего Востока с просьбой воздействовать на руководство России с целью, чтобы «оно заявило принципиальную позицию в оценке агрессии Грузии против Республики Абхазия»[2]. 20 августа внеочередная сессия Верховного Совета Адыгеи осудила вооруженную агрессию Грузии и потребовала вывода грузинских войск с территории Абхазии[3]. Словом, стало ясно, что Россия с учетом развивающейся ситуации, больше не могла ограничиваться заявлениями из Москвы и предупреждениями в адрес народов Кавказа. 20 августа в Армавире, с санкции официальной Москвы, состоялось чрезвычайное совещание руководителей республик, краёв и областей Северного Кавказа, на котором обсуждалась ситуация на Северном Кавказе, сложившаяся в связи с военными действиями в Абхазии. На совещании была сформирована делегация для переговоров с Президентом РФ по урегулированию чрезвычайной ситуации на Северном Кавказе. Участники совещания приняли Обращение к Президенту РФ Б. Ельцину и Председателю Верховного Совета РФ Р. Хасбулатову, в котором отмечалось, что «события в Абхазии могут распространиться на Северо-Кавказский регион и вызвать гражданскую войну на юге России». В обращении также сказано «о необходимости незамедлительного политического решения военного конфликта в Абхазии, вывода войск с её территории. Руководство России в решении этой гуманной проблемы должно взять на себя миротворческую миссию, использовать для этого весь свой международный авторитет»[4].

Тем временем 21 августа в связи с тем, что были исчерпаны все меры для мирного решения вопроса о выводе оккупационных сил Грузии с территории Абхазии, и во исполнение Постановления сессии КГНК Президент и Председатель Парламента КГНК Ю. Шанибов и Ю. Сосламбеков издали Указ, в котором предусматривалось: «1. Всем

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 33.
[2] Газ. «Республика Абхазия», 14-21 августа 1992 г.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 49.
[4] Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // http://www.zihia.net/index.php?newsid=1204

штабам Конфедерации обеспечить переброску добровольцев на территорию Абхазии для вооруженного отпора агрессорам; 2. Всем вооруженным формированиям Конфедерации при противодействии им каких-либо сил вступать в бой и пробиваться на территорию Абхазии любыми методами; 3. Объявить город Тбилиси зоной бедствия, при этом использовать все методы, включая теракты; 4. Объявить все лица грузинской национальности на территории Конфедерации заложниками; 5. Задержать все грузы, предназначенные Грузии, и все виды их переброски»[1].

О. Васильева и Т. Музаев считают, что мотивация названных решений КГНК была различной для входивших в Конфедерацию национальных лидеров. По их мнению, «для лидеров «абхазо-адыгского блока» столь резкие декларации являлись попыткой привлечь внимание российского руководства к абхазо-грузинской войне; чеченские же лидеры рассматривали заключительные документы как региональную поддержку сепаратистских устремлений»[2]. А Председатель Парламента КГНК Ю. Сосламбеков причины появления Указа о начале переброски добровольческих отрядов в Абхазию тогда объяснял следующим образом: «Беспредел (грабежи и насилие в Абхазии. – **А. А**.) поощрялся, в сущности, мировым сообществом. Секретарь ООН Б. Гали направил Шеварднадзе поздравительную телеграмму в связи с тем, что тот прилагает максимум усилий для сохранения целостности Грузии. Это обстоятельство вынудило нас выдвинуть ультиматум Грузии, потребовать вывода грузинских войск с территории Абхазии в течение трех суток. Шеварднадзе небрежно откинул наше заявление и заявил, что Конфедерация не имеет сегодня никакой политической силы, а он, Шеварднадзе, вообще не намерен заводить об этом речь. И войска Грузии остались в Абхазии. Мы не могли не противостоять агрессии, чтобы предотвратить геноцид по отношению к абхазскому народу»[3].

А. Зверев называет этот документ «декретом о начале военных действий» на территории Абхазии и в Тбилиси, которые по утверждению названного автора, «в первом случае действительно начались, а во

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 37.

[2] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 16

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 103-104.

втором – оказались блефом»[1]. Об авантюристическом характере означенного Указа говорил и Председатель Госкомитета по национальной политике России В. Тишков. Он тогда писал: «У них нет оружия, регулярных войск, они явно преувеличивают свои возможности. Есть некоторый элемент блефа со стороны руководителей Конфедерации, блефа очень опасного. Когда грузины их будут бить, когда прольется большая кровь, тогда будет страшно»[2]. Как видно, российский чиновник «страшился» того, что грузины «будут бить» конфедератов. Его, и не только его, мало интересовало, почему кавказские народы готовы «биться» с Грузией. Впрочем, другой российский чиновник, Председатель Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности С. Степашин чуть позже отмечал, что именно политическое невмешательство России «подтолкнуло КГНК к отправке своих добровольцев в Абхазию». Причем, по его мнению, хотя их шаг «юридически не вписывается ни в какие рамки законности», но «эмоционально оправдан»[3]. Толкование, как видим, половинчатое, однако нельзя забывать о том, что, как справедливо подчеркивал Ю. Калмыков, «во все времена мораль и право допускали отправку добровольцев в страны, где попираются свобода и независимость народов»[4].

Несмотря на первоначальное несерьезное восприятие некоторыми политиками и чиновниками, Указ Президента и Председателя Парламента КГНК в России вызвал озабоченность[5]. Можно говорить о том, что именно этот Указ и первые шаги по его воплощению в жизнь стали тем водоразделом, который привел к осознанию российскими политиками ущербности, прежде всего, для стабильности в самой России, политики однозначной поддержки грузинских оккупантов. Позже во вступительной речи Московской встречи 3 сентября Президент России Б. Ельцин вынужден был признать: «Если мы сегодня о чем-то не договоримся, то может возникнуть большой пожар у нас, на Юге России»[6]. А в пункте 4

---

[1] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 57.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 152.

[3] Там же. С. 105.

[4] Там же. С. 175.

[5] Цушба И. Ш. Газ. «Республика Абхазия», № 87, 7-8 августа 2003 г.

[6] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 86.

Постановления Комиссии Совета национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям ВС РФ от 4 сентября 1992 г. говорилось: «Признать, что российское руководство не проявило должной оперативности и политической воли в защите национальных интересов России, что в значительной мере содействовало дестабилизации ситуации в республиках Северного Кавказа». При этом было подчеркнуто, что «особо отрицательную роль в этом сыграли» Министерство иностранных дел, Министерство обороны и Государственный комитет по национальной политике[1].

22 августа глава Госсовета заявил, что в случае вмешательства в войну представителей Северного Кавказа Грузия объявит всеобщую мобилизацию. Но вместе с тем, наряду с воинственными заявлениями, Э. Шеварднадзе признался, что он «еще не видел ничего подобного» и распорядился принять необходимые меры предосторожности[2]. В частности, в тбилисской полиции было создано специальное подразделение численностью 200 человек по борьбе с диверсиями[3]. С заявлениями КГНК связали и взрыв, произошедший 24 августа в Тбилиси неподалеку от дома, где жил Т. Китовани. С 24 августа в здании Госсовета Грузии были ужесточены меры безопасности и пропускной режим. Это было сделано с целью «предотвращения возможных террористических актов со стороны боевиков Конфедерации горских народов Кавказа». А телохранители Э. Шеварднадзе тогда прошли курс тренировок у профессионалов американских спецслужб, специально прибывших в Тбилиси[4]. Сам Э. Шеварднадзе чуть позже, 25 сентября, выступая в ООН, жаловался на то, что КГНК «посягнула на суверенитет, территориальную целостность и границы Республики Грузия». Далее он обвинил Конфедерацию в том, что она, «действуя против воли северокавказских народов и их законноизбранных руководителей, эта незаконная негосударственная, открыто террористическая, по сути военизированная организация объявила нашу страну, ее столицу зоной бедствия, призвав применять любые средства, включая массовый террор»[5].

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 257, 258.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 78-79.

[3] Газ. «Независимая газета», № 163… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-avgusta-1992-goda

[4] Газ. «Российская газета», № 189. С... 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-avgusta-1992-goda?page=0,1

[5] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос (1987 – начало 1992 гг.). М., 1988. С.320.

Рост добровольческого движения не мог остаться незамеченным западной прессой и, в частности, польской печатью. После Указа руководителей КГНК от 21 августа газеты «Жечьпосполита» и «Газета Выборча» опубликовали ряд статей, в которых отмечалось, что данное обстоятельство серьезно пошатнет позиции Шеварднадзе как на внутригрузинской, так и на международной арене. При этом к собственно конфедератам польская печать относилась с далеко идущей неоднозначностью. Когда речь заходила о стремлении некоторых кавказских народов выйти из состава РФ и создать собственное государство, звучали нотки сочувствия и осторожного одобрения; когда же дело касалось реакции КГНК на военную акцию Грузии в Абхазии, тон менялся, а добровольцев называли не иначе, как «наемниками, подливающими масла в огонь»[1].

Требование о выводе грузинских войск из Абхазии содержалось в Постановлении Парламента Адыгеи от 27 августа. Сессия также обратилась к руководству России с просьбой оказать воздействие на Госсовет Грузии с целью вывода грузинских воинских формирований из Абхазии без каких-либо предварительных условий. Адыгейские депутаты предложили руководителям республик, краев и областей Северного Кавказа создать постоянно действующий Координационный Совет по политическому урегулированию ситуации в Абхазии. На этой сессии также было принято обращение к народу Адыгеи с призывом не создавать военных формирований и вернуть всех добровольцев, выехавших в Абхазию[2]. Депутаты Верховного Совета Адыгеи предложили созвать внеочередную сессию ВС России, чтобы рассмотреть вопрос о ситуации в Абхазии. С аналогичной просьбой тогда выступил и Краснодарский краевой Совет народных депутатов. Позже это требование было поддержано Комиссией Совета национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям ВС РФ, в Постановлении которой от 4 сентября 1992 г. было сказано о необходимости «незамедлительного обсуждения сессией Верховного Совета Российской Федерации вопроса о положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии»[3].

[1] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, С. 175-176.

[2] Газ. «Кубанские ведомости», № 159, 22 августа 1992 г.

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 258.

27 августа чрезвычайная сессия Верховного Совета КБР выразила крайнее неудовлетворение в отношении политики российского руководства, «направленной по существу на поощрение действий правящих кругов Грузии против абхазского народа». Также в постановлении были намечены конкретные меры: обратиться с требованием к Председателю Верховного Совета Российской Федерации Р. Хасбулатову и Президенту РФ Б. Ельцину немедленно, а не 3 сентября, как было намечено, предпринять действенные и решительные шаги по мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта, использованию в этих целях всего имеющегося арсенала политических, экономических, дипломатических и иных средств; совместно с республиками, краями и областями Северного Кавказа продолжить активную миротворческую деятельность по скорейшему политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта, организации всесторонней политической помощи абхазскому народу; сформировать депутатскую комиссию для решения проблем, связанных с урегулированием ситуации в Абхазии[1]. Также в постановлении в адрес общественно-политических организаций и национальных движений содержалось требование – «прекратить неправомерные действия по приобретению оружия, по агитации и формированию добровольческих отрядов». О добровольцах говорил и Э. Шеварднадзе 25 августа в своем радиообращении к нации, во время которого он сообщил, что, по некоторым данным, в Гудауте находятся до 500 ополченцев Конфедерации. «И если они подтвердятся, – пригрозил он, – правительственные войска предпримут соответствующие меры»[2].

В тот же день, 25 августа, когда глава Госсовета пригрозил предпринять по отношению к конфедератам «соответствующие меры», а Г. Каркарашвили пообещал уничтожить всех абхазов, министр юстиции России заявил об уголовном преследовании руководства КГНК. Тогда как, по мнению Президента МЧА Ю. Калмыкова, ставить вопрос в столь жестком плане означало «идти на новую конфронтацию, вызвать недовольство народов»[3]. В Обращении к руководству Абхазии и Грузии Президента России 26 августа говорилось, что в республиках Северно-

[1] Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // http://www.zihia.net/index.php?newsid=1204

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 86, 87.

[3] Там же. С. 175.

го Кавказа «сепаратистские силы, экстремисты разного толка пытаются воспользоваться моментом в своих корыстных целях». Там же было заявлено, что «будут предприняты все необходимые меры для пресечения попыток проникновения на территорию Грузии вооруженных добровольческих отрядов»[1]. Э. Шеварднадзе тогда, видимо, стремясь содействовать развитию событий в нужном ему направлении, заявил, что «действия лидеров (КГНК. – **А. А**.) нельзя квалифицировать иначе, как международный терроризм, отдающий фашизмом»[2]. Грузинский писатель Ч. Амирэджиби пошел еще дальше, назвав всех, «кто пришел с Северного Кавказа», т. е. добровольцев, «всякой швалью, полудикими племенами»[3]. На эти и другие нападки на добровольческое движение Президент МЧА Ю. Калмыков отреагировал следующим образом: «Чем скорее будут выведены войска Госсовета Грузии из Абхазии, тем меньше добровольческих отрядов будет сформировано на Северном Кавказе»[4]. Парламент Абхазии в своем Обращении от 28 августа отмечал, что противодействие добровольцам «вооруженным путем или посредством репрессий грозит перерастанием благородного движения по оказанию помощи Абхазии в отражении агрессии в общекавказскую войну, в которую могут быть втянуты сопредельные регионы и страны»[5]. 29 августа свое возмущение в связи с угрозами в адрес Конфедерации горских народов Кавказа и его руководства выразили представители Кавказской диаспоры г. Москвы[6].

Многие аналитики полагают, что гонения на КГНК были направлены одновременно и против Чечни, которая к тому времени не контролировалась российскими властями. Президент МЧА Ю. Калмыков писал: «Если внимательно проанализировать содержание средств массовой информации РФ, то совершенно очевидно, что речь идет о том, чтобы найти предлог для нанесения сокрушительного удара по Чеченской Республике»[7]. Действительно, Президент Чечни вел себя «непозволительно» вольно. Тогда, комментируя исчезновение бензина на Север-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 46.
[2] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 66.
[3] Там же. С. 76.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 175.
[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 56.
[6] Там же. С. 67.
[7] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 310, 311.

ном Кавказе, Д. Дудаев заявил: «Ни одна республика Северного Кавказа не получит бензина из Чечни до тех пор, пока российские войска, направленные на Кавказ в спешном порядке с начала событий в Абхазии для дестабилизации в регионе, не покинут республики»[1].

Это, конечно же, не могло не вызвать беспокойство и раздражение в Москве. Р. Исаков, касаясь этой проблемы, тогда писал: «Российское руководство и в дальнейшем (если не произойдет чудо) будет продолжать курс на ужесточение политической и экономической блокады Чеченской Республики с тем, чтобы сломить правительство Д. Дудаева»[2]. Продолжением той же политики является сообщение СМИ об интервью Президента Чечни одному из западных информационных агентств, где он якобы заявил, что конфликт с Абхазией – внутреннее дело Грузии, и Чеченская сторона в него вмешиваться не собирается[3]. Эта было попыткой внести раскол в ряды КГНК с тем, чтобы ослабить, в частности, добровольческое движение в защиту Абхазии. Но тогда же в Грозном, столице Чечни, состоялась сессия Парламента КГНК, в которой приняли участие Президент МЧА Ю. Калмыков и представители Абхазии, что и было демонстрацией позиции Чечни.

Причем, говоря об этих событиях, необходимо еще учитывать и время, когда они происходили. Август 1992 года – прошло всего восемь с небольшим месяцев после официального прекращения существования СССР, процесс которого продолжался по инерции. Тогда противодействовать этому в России мало кто мог, поскольку на руководителей страны огромное влияние оказывали силы, фактически способствовавшие развалу СССР. Везде и всюду все разворовывалось и продавалось: мало кто думал о национальных интересах стран и народов еще недавно единого, но теперь развалленного Советского государства. В этих условиях не исключено, что война на Северном Кавказе кому-то и в самой России, и за ее пределами могла быть выгодна. В этом отношении представляется небезосновательным утверждение депутата ВС России С. Бабурина, согласно которому кровопролитие в Абхазии должно было спровоцировать «антироссийские выступления в республиках Северного Кавказа, а затем под предлогом их подавления (мы, дескать,

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 142.
[2] Там же. С. 322–324.
[3] Там же. С. 71.

боремся за целостность государства) ввести в России чрезвычайное положение и установить диктаторский и антинациональный режим»[1].

Также не стоит забывать и о том, что политику в мире тогда «делали» не только христианский Запад, но и мусульманский Восток, а подавляющее большинство населения Северного Кавказа исповедывало магометанство. И этот фактор нельзя упускать из виду, ведь не зря же обращения КГНК и МЧА тогда адресовывались часто в Лигу мусульманских государств и лидерам мусульманских держав. Грузинские агрессоры пытались разыграть антагонизм христиан и мусульман, преподнося миру войну в Абхазии, в особенности на ее начальном этапе, как противостояние христиан-грузин и мусульман-абхазов. По их стопам пошли и российские власти, которые желали разыграть тот же религиозный антагонизм христиан-казаков и мусульманских народов Северного Кавказа. Р. Исаков по этому поводу тогда писал: «В кавказской политике Кремля отведена значительная роль и «казачьей» карте. Потомки бывших казаков и приграничное с Кавказом русское население исподволь настраивается против кавказцев, поощряется воинственная, нацеленная на противостояние с кавказскими народами пропаганда»[2].

В связи с этим считаю не лишним привести следующее высказывание Ю. Шанибова: «Вооружив Грузию новейшим оружием, руководство России отвело ей роль жандарма на Кавказе. Аналогичная роль была уготована милитаризованным формированиям казачества. Однако казаки, за исключением, пожалуй, верхнего яруса руководства, особенно ставропольского, я думаю, образумятся. Кавказские народы найдут с ними общий язык: они нам во многом родственны… Все это понадобилось фашистским кругам России, чтобы преподать урок народам, входящим в состав Российской Федерации: «Смотрите, какое вам уготовано будущее, если не будете послушны». В этой ситуации у нас был выбор: или наблюдать, сложа руки, как Россия руками Грузии поголовно уничтожает абхазов, или оказывать Абхазии вооруженную помощь»[3]. Ю. Калмыков тогда также свидетельствовал: «Пресса и политики в последние дни пугают нас изначальным антагонизмом казачества и горских народов,

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 178.

[2] Там же. С. 322–324.

[3] Газ. «Независимая газета», № 169... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-sentyabrya-1992-goda

предсказывают массовые выселения русскоязычного населения из республик Северного Кавказа. Однако и казачество, и русскоязычное население Кавказа поддерживают требование о выводе войск Госсовета из Абхазии. Русские записываются в добровольческие отряды вместе с жителями Дагестана, Чечни, Северной Осетии»[1].

Политика противопоставления казачества и горцев была обречена на провал, т. к. его создатели строили свою конструкцию без учета наличия существенного северокавказского фактора в начавшейся войне между Абхазией и Грузией. О. Васильева и Т. Музаев по этому поводу писали: «Условен антагонизм казаков и народов Северного Кавказа… И часть казаков, и большинство лидеров национальных движений КНК придерживаются тезиса о казаках и горцах как о «двух коренных народах Северного Кавказа», а в славянских областях региона поговаривают о формировании особого субэтноса Юга России»[2]. Более того, представители этих народов бок о бок сражались за свободу Абхазии. В частности, атаман Кропоткинского казачьего круга В. Никитченко в первые дни войны заявил о начале формирования добровольческих групп для оказания помощи Абхазии. Позже, 24 августа, в послании Большого Объединенного круга казаков к руководству России и Грузии говорилось, что в случае продолжения варварского отношения к славянскому населению Абхазии со стороны грузинских войск «казачество не останется сторонним наблюдателем и примет самые решительные меры по его защите»[3].

Надо также иметь в виду и то, что тот же религиозный антагонизм и вообще всякую возможность для отставания и продвижения своих интересов на Кавказе стремились использовать и западные страны. В этом отношении большой интерес представляет мысль аналитика Р. Исакова, который допускал, что Грузию и Армению западные и российские стратеги усиленно подталкивали к созданию военно-политического союза, направленного против мусульманских соседей, который, по замыслам христианских геополитиков, играл бы на Кавказе роль стратегического союзника Запада, подобно роли Израиля на Ближнем Востоке[4]. Словом,

[1] Геноцид абхазов. М.,1997. С. 175.

[2] Васильева О., Музаев. Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 21.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 41.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 322–324.

на Кавказе тогда завязался очень тугой узел геополитических противоречий, от путей разрешения которых зависела судьба самих кавказских народов.

Что же касается официальных властей северокавказских республик, то они, как уже говорилось, боясь потерять расположение Москвы, делали все возможное в тех условиях для того, чтобы сохранить спокойствие в своих республиках и вести политику в рамках официально озвучивавшейся российскими властями политики. Такое мощное выступление братских народов, а равно их стран, в поддержку борьбы Абхазии не входило в планы России, у которой, в свою очередь, могла быть какая-то стратегическая линия, предусматривавшая некое подобие такого движения. Но она, безусловно, желала манипулировать ситуацией, что, в свою очередь, в ее положении было нормальным стремлением. Об этом может свидетельствовать и то, что еще осенью 1991 г. по инициативе Председателя Палаты национальностей Верховного Совета РФ Р. Абдулатипова в Москве была создана Ассоциация народов Кавказа (АНК). Она рассматривалась в определенной степени как противовес Конфедерации горских народов Кавказа. Но Ассамблея просуществовала недолго. Тогда уже, 17 января 1993 г., в Пятигорске состоялась учредительная конференция Северокавказского демократического конгресса, который также был призван играть роль противовеса КНК.

К происходившим событиям на Северном Кавказе в августе 1992 г. российские власти, ни тем более руководство самих северокавказских республик оказались неподготовленными. Даже тогда, когда руководители на местах, видя размах добровольческого движения и поняв, что с этим совладать невозможно, стали сигнализировать об этом в Москву, там в первое время не смогли или не посчитали нужным разобраться в ситуации. Более того, объявили об уголовном преследовании лидеров КГНК, что в складывавшихся тогда условиях не могло не послужить дополнительным источником конфронтации, которая поставила по существу Россию и народы Кавказа не грань войны. Неслучайно Президент России Б. Ельцин на Московской встрече 3 сентября заявил: «Мы не удержим, я извиняюсь, добровольцев, как угодно их, называя: в скобках или без скобок. Ни один руководитель Северокавказских республик и краев и областей не удержит этих добровольцев. Это будут десятки ты-

сяч. И с ними воевать? Бесполезно. Неужели мы не видим, куда мы идем. Это катастрофа, страшная катастрофа, человеческая. Это десять Нагорных Карабахов»[1]. Однако война на Северном Кавказе тогда не началась не только и, видимо, не столько в силу трансформации российской политики от односторонней поддержки Грузии к эшелонированной, а, по всей вероятности, в силу отсутствия заинтересованности тогда стран Запада в развале самой России. Им нужно было сначала свыкнуться с мыслью о том, что «империи зла» больше не существует, да и сама тогдашняя Россия, хотя и была провозглашена правопреемницей СССР, но могла еще рассматриваться, и небезосновательно, Западом в качестве своей союзницы в борьбе сначала с Советским государством, а затем и его наследием.

Для сражавшейся же Абхазии трудно переоценить значимость Конфедерации горских народов Кавказа. КГНК играла немаловажную роль в грузино-абхазском противостоянии и до начала войны. Здесь, прежде всего, наверное, нужно напомнить об общности судеб Абхазии и абхазов, в частности, и Кавказа и кавказских народов в целом. Само создание АГНК было ускорено кровавым конфликтом в Сухуме в июле 1989 г., и она была призвана играть роль защитного механизма для народов, стремившихся к сохранению своей этнической самобытности. С августа 1989 г. по август 1992 г. АГНК – КГНК, выступая в роли одной из военно-политических структур, позволявшей поддерживать некий баланс сил в регионе, являлась одним из факторов, способствовавших сохранению хрупкого мира в Абхазии. 22 августа, уже после эскалации военных действий, Верховный Совет Абхазии, обращаясь к народам Северного Кавказа и Ростовской области, заявил: «Ваша решительная поддержка вселила в нас уверенность и убедила в том, что мы не одиноки. Именно наше единство стало главным оружием в борьбе против геноцида»[2]. В. Ардзинба 16 сентября в интервью «Литературной газете» сказал: «Именно позиция КГНК не позволила уничтожить абхазский народ»[3]. В свою очередь, начало абхазо-грузинской войны в августе 1992 г. и бескомпромиссная позиция КГНК – КНК в ней способствовали

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 108.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 38.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 89.

возрастанию ее военно-политической значимости в регионе. Неслучайно именно время абхазо-грузинской войны стало пиком ее популярности.

Решимость погибать за Абхазию проявили не только братья из Северного Кавказа, но и потомки абхазских изгнанников XIX в., проживавшие в различных странах Ближнего Востока. 12 ноября в газете «Республика Абхазия» была опубликована клятва представителей зарубежной абхазской диаспоры, в которой они выразили решимость сражаться до полного освобождения Абхазии. Клятва была произнесена ими над телом своего погибшего боевого товарища Э. Цыба (Чглы)[1]. Еще до этого, в октябре, ими было составлено завещание, в которой говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся добровольцы, в случае нашей гибели желаем быть похоронены в Абхазии по мусульманскому обычаю в братской могиле. Этот документ, подписанный нами, является действительным, и никакие обстоятельства не должны помешать нашему пожеланию быть похороненными в Абхазии». Завещание подписали: М. Каитуко (Джанкурт), М. Еижое (Инарыр), О. Чокуа (Чокон), З. Аргун (Алыш), А. Аргун (Улашь), Э. Циба, Р. Агрба (Ичоз), Х. Агрба (Озджан), С. Думаа (Думан), З. Цызба (Акалын), М. Е. Габлиа (Токаджан), Е. Лазарипа (Аидиш), Б. Килба (Килбахри), О. Акуджба (Оуз), Б. Ачуа (Шаахин), Т. Адзинба (Челик), Т. Авидзба (Озджан), Ш. Азванба (Каит), В. Куадзба (Акар), Э. Ацлахуа (Чолак), Э. Ашуба (Элдыз), Б. Абагба (Озбаа), Р. М. Ханефи-оглы, Н. Куджба (Чатым), А. Аксу, Е. Чкууа (Озель). Четверо из подписавших – абхазы З. Аргун, В. Куадзба, Б. Абагба и татарин Р. Ханефиоглы – погибли за свободу и честь Абхазии и похоронены, согласно их завещанию, на земле Апсны[2].

7 июля 1993 г. в ходе судьбоносного Июльского наступления Постановлением Президиума Верховного совета Республики Абхазия было утверждено Положение «О статусе добровольцев в Республике Абхазия»[3]. Абхазский историк Ю. Анчабадзе назвал добровольческое движение в защиту Абхазии свидетельством того, что «одно из самых достойных и благородных качеств землян еще живо»[4]. Лидер Абхазии

[1] Газ. «Республика Абхазия», 12 ноября 1992 г.
[2] Журн. «Абаза», № 1, С. 23. 1995 г.
[3] Газ. «Конфедерация», № 6, 6 августа 1993 г.
[4] Анчабадзе Ю. Д. Абхазия 1992-1993 годы. Фотоальбом. М., 1995. С. 68.

В. Ардзинба уже после войны дал следующую характеристику добровольческому движению: «Сколько бы десятилетий, столетий ни прошло, помощь наших братьев с Северного Кавказа, казаков, которые здесь очень мужественно воевали, не должна уйти из памяти народа. Я много думал о том, с чем связана мужественная и всеобщая поддержка абхазского народа со стороны адыгов, всех народов, живущих в КБР и Северном Кавказе. С одной стороны, видимо, все это объясняется тем, что мы народы-братья. А, как известно, беда не может оставить равнодушным близкого человека. С другой стороны, все это связано с тем, что мы в своей истории уже видели нечто очень похожее. В результате чего понесли жестокие утраты, от которых не можем оправиться по сей день. И то, что происходит сегодня, – это напоминает об очень жестоких событиях прошлого, поэтому так решительны наши братья. То, что наше дело справедливое, доказывается и тем обстоятельством, что на помощь к нам пришли и русские из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани. Это доказывает, что здесь идет борьба за общечеловеческие ценности. Люди выступают против геноцида народа, против истребления народа, потому что это противно самой человечности»[1].

2. 2. О российском факторе

Взаимосвязанность и взаимозависимость многополярного мира диктуют внутренние и внешние условия, из совокупности которых складывается российский фактор, который является соотношением геополитических (как глобальных, так и региональных) интересов значительных акторов международной политической игры. По мнению Г. Нодия, российский фактор, «возможно, самый противоречивый аспект грузино-абхазского конфликта»[2]. Действительно, судя по всему, у названного автора для подобного умозаключения были достаточно веские основания. В пользу этого может служить и заявление Генерального секретаря ОНН М. В. Праага о существовании «настоятельной необходимости ясной и открытой политики России в отношении данного региона»[3],

[1] Эпоха Ардзинба (автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 180.

[2] Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998. С. 53.

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 199-201.

сделанное им 7 ноября 1992 г. на пресс-конференции в Москве. Однако при рассмотрении данной проблемы необходимо иметь в виду и то, что наличие российского, равно как и любого другого внешнего фактора в абхазо-грузинском противостоянии было обусловлено, в первую очередь, именно непримиримостью противоборствующих сторон[1]. После начала войны и Грузия, и Абхазия, с одной стороны, апеллировали к России и просили у нее помощи, а с другой – осуждали политику Москвы, обвиняя ее в поддержке противной стороны. Впрочем, от такой участи трудно, если вообще возможно, уйти всякому посреднику в военно-политическом противостоянии, тем более войне. Однако в то же время противоборствующие стороны, как было отмечено выше, будучи не в состоянии договориться между собой, обращались за помощью и поддержкой к России. В силу этого она являлась участницей всех значимых политических мероприятий по прекращению войны и неизменно выступала гарантом соблюдения всех договоренностей, достигавшихся воюющими сторонами. Поэтому все крупные соглашения, призванные прекратить войну, были подписаны на территории России при ее непосредственном участии.

Уже названный грузинский исследователь Г. Нодия считает, что «истина должна оказаться где-то посередине между крайними точками зрения, одна из которых состоит в сведении всех проблем Южного Кавказа к злым козням России, а другая – в видении российского влияния на южно-кавказские дела как полезного или даже стабилизирующего фактора»[2]. Как известно, никакое явление не может происходить вне исторического процесса, у которого всегда есть свои причинно-следственные связи, движущей силой которых является политический или национально-государственный интерес. Именно исходя из своих интересов Россия сначала, делая ставку на традиционную лояльность Шеварднадзе к Москве, приветствовала свержение Гамсахурдиа. Но сам он, взошедший на грузинский трон благодаря российской поддержке, судя по всему, не торопился расплачиваться с ней. «Синдром Шеварднадзе», завладевший к тому времени умами политических элит мира,

[1] Авидзба А. Ф. Из истории войны в Абхазии (1992-1993) // Абхазоведение. Вып. 2. Сухум, 2003. С. 89.

[2] Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998. С. 53.

способствовал принятию Грузии во главе с нелегитимным Госсоветом в СБСЕ и ООН, что, в свою очередь, позволило Шеварднадзе отказаться от вступления в СНГ, т. е. в фарватер российской геополитики, что, безусловно, шло вразрез с интересами России. Не углубляясь в дебри «подводных камней» вокруг войны в Абхазии, лишь отмечу, что она начиналась, мягко говоря, не без ведома Москвы. У нее к тому времени сохранялись значительные рычаги для предотвращения, а затем и прекращения войны, однако она предпочла их не задействовать. Польский публицист С. Поповский также считал, что «несмотря на то, что с помощью целого ряда имеющихся средств Россия могла предотвратить войну в Абхазии, она все же не сделала этого»[1].

Более того, Россия при помощи многоходовых военно-политических действий способствовала созданию благоприятных предпосылок для развязывания Грузией войны против Абхазии. При этом необходимо иметь в виду и то, что в рассматриваемое время об определенной четко обозначенной однозначной позиции России по отношению к интересующей нас проблеме можно говорить лишь с большой натяжкой. Тогда в силу противостояния внутри самой России нередко «левая рука не знала, что делает правая», а иногда Москве просто было не до Абхазии с Грузией. Однако уже наличие стратегических интересов Москвы в этом регионе было предопределено региональной и глобальной геополитикой, отказаться от которых означало бы добровольную капитуляцию на политическом поле сражений за влияние на территории бывшего СССР, на что Россия, несмотря ни на что, не могла согласиться.

Российский автор В. Чертинов считает, что Россия сама попросила Грузию ввести войска на территорию Абхазии для того, чтобы обеспечить бесперебойность доставки грузов в Армению[2]. Отдавая отчет в том, что этот вывод является тенденциозным и не может претендовать на непредвзятость, тем не менее, полагаю, что названный довод должен быть объектом изучения при рассмотрении вопросов, связанных с началом войны в Абхазии, хотя бы для его сравнения и сопоставления с другими источниками и мнениями. Одним из таковых является

[1] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 177.

[2] Чертинов В. Наказанная Грузия //http://abkhazeti.info/war/2006012-64446893119905.php

свидетельство тогдашнего депутата ВС Абхазии С. Лакоба. Он пишет: «Четырнадцатого августа, когда бои шли в Сухуме недалеко от здания Парламента, В. Ардзинба несколько раз… пытался переговорить с Ельциным по телефону. Однако начальник охраны Президента А. Коржаков стальным голосом повторял только одну фразу: «Борис Николаевич в море». Никто из российского руководства на связь не выходил. Абхазия в полной изоляции. Российские военные открыто заявляли нам: «Неужели вы не понимаете, что Абхазию сдали»[1].

Сам В. Ардзинба о первом дне войны в Абхазии вспоминает так: «Я поехал к российским пограничникам на «Маяк», там был независимый аппарат связи. В это время в Сочи, на даче «Бочаров ручей», отдыхал Президент России Б. Ельцин. Я звонил ему неоднократно, но он, к сожалению, стал недоступен. Грузинские войска были введены в Абхазию по согласованию с Б. Ельциным»[2]. Справедливость последнего утверждения подтверждается тем, что Ельцин не был недоступен, а именно «стал» недоступен. Да и потом Ельцин стал «недоступен» для Ардзинба, а вот для Шеварднадзе доступ к нему был открыт. Более того, тогда сам Ельцин позвонил Председателю Госсовета Грузии. В октябре 2009 г. Э. Шеварднадзе в интервью грузинской газете «Мтели квира», вспоминая первый день войны в Абхазии, говорил: «Тогда Ельцин отдыхал в Сочи, он позвонил мне и сказал, что вступать в Сухуми нельзя, поскольку, мол, там находятся два наших батальона. Если ваша гвардия вступит в город, это будет означать, что началась российско-грузинская война»[3]. Можно и, видимо, нужно, подвергать сомнению, что означенные слова, произносившиеся с учетом и под влиянием изменившихся обстоятельств, в точности воспроизводят смысл сказанного Ельциным 14 августа 1992 г. Но сам факт телефонного разговора, состоявшегося по инициативе Ельцина на фоне игнорирования обращений Ардзинба, уже говорит о многом. Справедливости ради надо отметить, что Э. Шеварднадзе об этом эпизоде с незначительными вариациями рассказывал много раз, как до названного интервью, так и после него.

Б. Ельцин, министр обороны России и российские чиновники всех рангов и уровней оставались «недоступными» и после того, как

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 37.
[2] Ардзинба В. Г. «Новый День», №, 26, 12 августа 2005 г.
[3] http://abkhazeti.info/news/12550289432.php

В. Ардзинба переехал в Гудауту. Абхазия в те дни была полностью изолирована, никто не хотел разговаривать с подвергшейся агрессии республикой. По свидетельству начальника охраны Председателя ВС Абхазии В. Бганба, первым, кто ответил на звонки абхазского руководства из Гудауты, был Президент Казахстана Н. Назарбаев[1]. Это было через несколько дней после грузинской агрессии против Абхазии.

Президент МЧА Ю. Калмыков также утверждал, что «Э. Шеварднадзе договорился с руководителем России, который до сих пор рекламировал себя демократом»[2]. В связи с этим представляется небезынтересным привести следующее свидетельство депутата Верховного Совета России С. Бабурина, который тогда отмечал: «На встрече с нами, с группой российских депутатов, председатель Госсовета Грузии Шеварднадзе всячески подчеркивал, что он согласовывает все свои действия с Кремлем. Перед нашим приходом он разговаривал с Руцким. Похоже, между Госсоветом и российским руководством царит полное взаимопонимание»[3]. Российский исследователь А. Крылов полагает, что «скорее всего, Шеварднадзе получил согласие на проведение военной операции в Абхазии со стороны тогдашнего президента РФ Б. Ельцина (вряд ли было случайным совпадением, что накануне ее начала российские войска передали грузинской армии большое количество вооружения (танки, вертолеты, артиллерию и т.п.), принадлежавшего прежде Закавказскому военному округу»[4]. А. Зверев также считает, что «непосредственно перед августом 1992 г. Россия обеспечила грузинским войскам подавляющее военное превосходство над абхазскими, что и побудило первых перейти в наступление в Абхазии»[5]. В пользу этого может служить и следующее признание Д. Иоселиани, сделанное им в личной беседе весной 1994 г. Тогда он утверждал, что перед началом агрессии выступал «против этой войны, но кое-кто в Госсовете решил – раз русские дали им танки, то на них,

[1] Интервью О. Дубинской с В. Бганба. Сухум, 2010.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 310–311.

[3] Там же. С. 178.

[4] Крылов А. Б. Уроки грузино-абхазской войны // http://www.apsnyteka.org/k/uroki_gruzino-abhazskoi_voini/index.html

[5] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 56.

абхазов, можно «переехать»[1]. Кого же он мог иметь в виду под «кое-кто в Госсовете»? Полагаю, нетрудно догадаться. Но и попытки самого Д. Иоселиани представить себя «невинной овечкой», как уже говорилось, выглядят беспомощными.

В. Ардзинба в беседе с известным российским журналистом А. Карауловым, рассуждая о роли России в начале войны, говорил: «Во-первых, тот факт, что было передано большое количество оружия незадолго до вторжения войск. Можно выразить абсолютную уверенность в том, что российская разведка прекрасно знала о том, что эти войска войдут на территорию Абхазии. Мы не исключаем того, что было известно и некоторым другим официальным кругам о том, что эти войска войдут в Абхазию» [2]. Подтверждением этого может служить и следующее сообщение С. Лакоба о том, что в первые дни агрессии против Абхазии Президент России Б. Ельцин отдыхал в Сочи (вблизи от Абхазии) и «на 16 августа в воскресенье (война началась 14 августа, в пятницу. – **А. А**.) недалеко от российско-абхазской границы, в военном санатории горного курорта Красная Поляна готовилась встреча Ельцина и Шеварднадзе»[3]. То есть, судя по всему, военный блицкриг в Абхазии первоначально представлялся как загородный уикенд двух старых знакомых.

Об этом свидетельствует и первоначальная реакция официальной Москвы на вторжение Грузии в Абхазию. 17 августа МИД РФ выступил со следующим заявлением: «Правительство РФ по согласованию с руководством Грузии приняло срочные меры… для обеспечения безопасности и эвакуации российских граждан, а также для усиления охраны дислоцированных в этом районе российских воинских частей в Абхазию направлен парашютно-десантный полк. Предпринимаемые меры отражают линию российской стороны, которая, не вмешиваясь во внутренние дела Грузии, не будет в то же время оставаться безучастной, когда жизнь российских граждан подвергается угрозе, будет защищать их безопасность и достоинство»[4]. При этом 345-й Гвардейский парашютно-десантный полк под командованием подполковника Е. Демина высадился на аэродроме Гудауты уже 16 августа, накануне названного

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 43.
[2] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106
[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 36.
[4] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

заявления[1], 17 августа он взял под охрану все военные объекты на территории Абхазии, находившиеся под юрисдикцией России[2].

На момент начала войны у Грузии было достаточно оснований считать Россию своей союзницей. О сговоре России и Грузии с целью «задушить островки свободы и национальной государственности на Кавказе»[3], как отмечалось выше, говорилось и в Обращении чрезвычайной X расширенной сессии Парламента КГНК к мировой общественности, принятом 18 августа в Грозном. Публицист Р. Исаков, рассматривая происходившие тогда в Абхазии процессы в общекавказском контексте, писал, что при «нейтральной» поддержке России на Кавказе был открыт новый фронт против кавказского дома»[4]. С ним солидарен и И. Цушба, который считает, что война в Абхазии нужна была Москве для того, чтобы «абхазский фактор, в случае подавления Абхазии, воздействовал на республики, входящие в состав Российской Федерации, в первую очередь на Чеченскую республику»[5]. Чечня, как известно, тогда не подчинялась Москве.

Несмотря на все это, Россия не воспрепятствовала созданию 14 августа в Москве абхазского штаба для координации деятельности по различным направлениям и оперативного решения возникающих вопросов, связанных с войной. Вообще у Москвы, как уже говорилось, не было однозначной политики. Россия, в лице ее исполнительной власти, неизменно выступала в «поддержку территориальной целостности» Грузии. В то же время другая, законодательная ветвь власти России, выступала в поддержку интересов Абхазии. Делегация Верховного Совета России, прибывшая 20 августа в Гудауту, высказалась за немедленный вывод грузинских войск из Абхазии, на пресс-конференции российские парламентарии подвергли резкой критике позицию руководства России, официально поддерживавшего Грузию[6].

---

[1] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 271.

[2] Газ. «Независимая газета», № 157... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-avgusta-1992-goda

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 16.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 322–324.

[5] Цушба И. Ш. О праве наций или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. Сухум, 2003. С. 53.

[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 80.

18 августа в Грозном, как уже говорилось, состоялась X чрезвычайная расширенная сессия КГНК, которая заявила решительный протест политике как Госсовета Грузии, так и Российского руководства. Было выдвинуто требование к руководству северокавказских республик решительно отмежеваться от политики российского руководства в Абхазии и потребовать вывода десантных частей из Абхазии; денонсировать Федеративный договор с Россией и принять совместную Декларацию о Конфедеративном Союзе республик Северного Кавказа[1]. В ответ на это правительство России выступило с Заявлением, в котором призвало народы Северного Кавказа «проявить выдержку и благоразумие, воздержаться от действий, ведущих к дестабилизации ситуации в регионе». При этом были усилены блокпосты на границе России с Абхазией, чтобы предотвратить проникновение северокавказцев для оказания помощи абхазам. Комментируя подобные решения и методы, Президент МЧА Ю. Калмыков отмечал: «Мне непонятна позиция России. Ее руководство не осудило действия Госсовета Грузии, но предостерегло народы Северного Кавказа от вмешательства в дела соседнего государства. Ошибка российского руководства, по-моему, и в том, что оно не приняло во внимание элементарное неприятие людьми несправедливости, совершаемой по отношению к малому, беззащитному народу»[2].

Но тогда политика беззастенчивого потакания агрессору со стороны России продолжалась. 19 августа на военный аэродром в Гудауте прибыл командующий ЗакВО генерал Патрикеев, который предложил передать этот объект Министерству обороны Грузии, что не могло не вызвать решительный протест со стороны руководства Абхазии. В ноябре 2005 г. уже сам свергнутый с поста Президента Грузии Э. Шеварднадзе в интервью газете «Время новостей» в очередной раз заявил: «Давайте, наконец, правду скажем: война в Абхазии была русско-грузинской»[3]. Этот тезис, родившийся еще в ходе войны, продолжает быть востребованным среди грузинского истеблишмента, который подобной спекуляцией зарабатывает перед Западом политические дивиденды, преподнося Грузию жертвой имперских устремлений Рос-

[1] Газ. «Гъуаз» («Вестник»), № 14, 26 августа 1992 г.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 175.
[3] Шеварднадзе Э. А // www.vremya.ru.

сии. Да и потом здесь, наверняка, присутствует элемент самоутешения: стыдно проиграть маленькой и беззащитной Абхазии, но не так стыдно проиграть большой и сильной России. Но тогда, на фоне начала войны в Абхазии, шли переговоры о подготовке к подписанию большого рамочного договора между Грузией и Россией, что являлось очередным политическим демаршем, призванным продемонстрировать заинтересованность России в достижении целей грузинской агрессии. А уверенность Грузии в этом способствовала все большему ее втягиванию в вооруженное противостояние с Абхазией, что неминуемо вело к эскалации военных действий. Этими переговорами не могли быть довольны в Абхазии. 18 августа ВС Абхазии в Обращении к ВС РФ констатировал, что «установление границы между Россией и Грузией по границам России и Абхазии означает нарушение норм международного права и идет вразрез с жизненными интересами многонационального населения Республики Абхазия»[1].

Своеобразным ответом на это Обращение можно считать Заявление правительства России о «недопустимости вмешательства во внутренние дела Грузии»[2], с которым оно выступило 18 августа, т. е. в день оккупации Сухума. Песней из той же оперы можно назвать и официальное послание МИДа России МИДу Грузии от 19 августа, в котором первый «всячески поддержал действия Госсовета Грузии в борьбе с «терроризмом»[3]. При этом «терроризмом» называлось стремление абхазского народа к самосохранению и самоопределению. Это подтверждает справедливость утверждения С. Лакоба о том, что «совершенно очевидно, что Грузия на первом этапе войны пользовалась военно-политической поддержкой России и лично Б. Ельцина»[4]. Причем тогда Э. Шеварднадзе публично заявлял о том, что в борьбе с Абхазией и теми, кто ее поддерживает, ему самую большую помощь оказывает командующий ЗакВО генерал В. Патрикеев. Провокационность ситуации подчеркивалась и тем, что разъезжающие по Сухуму грузинские погромщики нередко действовали под русским флагом[5].

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны…. Сухум, 2004. С. 20.

[2] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 57.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 36.

[4] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 43.

[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С.10.

21 августа Президент и Председатель Парламента КГНК издали Указ о начале переброски добровольцев в Абхазию. А Президент России в тот же день заявил, что Россию не удастся втянуть в противостояние Грузии и Абхазии, и с этой целью укрепляется граница между Абхазией и Россией[1]. Но добавил, что он уже уговаривал Э. Шеварднадзе вывести войска из Абхазии. Видимо, отчасти ответом на последнюю часть заявления Президента России стали довольно резкие и прозрачные слова Э. Шеварднадзе, который 22 августа в ответ на решение КГНК направить добровольцев в Абхазию, заявил: «Мы ни с кем не воюем, но и никого не спрашиваем, например, российскую власть: зачем она ввела войска в Северную Осетию, в Приднестровье или другие регионы? Это внутреннее дело этих стран…»[2].

Это заявление можно назвать первым открытым вызовом против неприемлемых шагов со стороны Москвы, стремлением предупредить какие-то нежелательные для Грузии действия, напугать Россию, напомнив о неблагоприятной ситуации в ней самой, спекулируя тезисами «территориальной целостности» и недопустимости вмешательства во «внутренние» дела суверенного государства. Но сама Россия, которая до сих пор ход событий воспринимала или декларировала об этом как внутреннее дело Грузии, после того, как пришли в довольно опасное движение сопредельные с Абхазией российские территории Северного Кавказа, больше не могла играть роль пассивного наблюдателя. Это было чревато непредсказуемыми последствиями, прежде всего, для самой российской политики в регионе. И российское руководство с целью «заблокировать угрозу общественной и государственной безопасности» создало комиссию Совета Безопасности РФ по Северному Кавказу, которая оказалась первой комиссией, сформированной в соответствии с Законом о Безопасности РФ[3]. А Б. Ельцин, созвавший 25 августа внеочередное заседание этого Совета специально по «абхазскому вопросу», заявил, что предпринимает необходимые шаги для скорейшего политического урегулирования конфликта[4]. Накануне, 24

[1] «Российская газета», № 192, Вып. 2… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-avgusta-1992-goda?page=0,1

[2] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 94, 95.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 108.

[4] Там же. С. 86.

августа, свою позиция о ситуации в Абхазии выразил и Политический Совет российского оппозиционного движения «Гражданский Союз». В заявлении подчеркивалось, что «характер событий в Абхазии не позволяет России занимать нейтральную позицию и относить разрастающийся конфликт к внутреннему делу Грузии». Для разрешения сложившейся ситуации, по мнению Политического Совета «Гражданского Союза», было необходимо: «немедленно прекратить боевые действия в Абхазии; вывести войска с территории республики; восстановить законные органы власти Республики Абхазия; незамедлительно сесть за стол переговоров для мирного разрешения конфликта»[1].

В это же время состоялась встреча группы первых руководителей республик, краев и областей Северного Кавказа с вице-президентом Российской Федерации А. Руцким, где также обсуждалось положение в Абхазии. Эта группа руководителей предложила идею переговоров, в которых бы приняли участие лидеры России, Северного Кавказа, Грузии и Абхазии[2]. Президент Адыгеи А. Джаримов позже, комментируя ситуацию вокруг Абхазии накануне Московской встречи 3 сентября 1992 г., сказал: «Активность, которую проявили с начала абхазского кризиса наша и другие республики Северного Кавказа, во многом достигли цели, удалось привлечь более пристальное внимание российского руководства к этому конфликту, побудить его к более решительным действиям»[3]. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета России Р. Абдулатипов направил «опытному и уважаемому» Председателю Госсовета Грузии телеграмму с просьбой «использовать свойственную грузинам народную мудрость и предпринять политические шаги для срочного урегулирования событий в Абхазии»[4]. Лидер русского национального собора А. Стерлигов в письме Б. Ельцину и Р. Хасбулатову предлагал взглянуть на другую ипостась «опытного, здравомыслящего и мудрого» Э. Шеварднадзе. В его послании напоми-

---

[1] Заявление Политического Совета «Гражданского Союза» в связи с событиями в Абхазии // Журн. «Духовное наследие», № 4, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N04_92/4_06.HTM

[2] Газ. «Известия», № 191... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-avgusta-1992-goda

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 171.

[4] «Российская газета», № 190… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-avgusta-1992-goda?page=0,1

налось, что глава Госсовета Грузии «имеет российское гражданство и московскую прописку, и Россия в лице гражданина Шеварднадзе Э. А. ведет необъявленную войну против народа Абхазии»[1]. Но в большой политике не до таких мелочей.

25 августа в Тбилиси на фоне воинственных заявлений грузинских политиков и военных в адрес абхазов между министерствами обороны России и Грузии было подписано соглашение о координации деятельности по обеспечению безопасности воинских формирований РФ на территории Грузии, которое вступило в силу в тот же день. По этому документу, места дислокации воинских формирований Российской Федерации, существовавшие на дату подписания Соглашения, сохранялись за этими формированиями до их вывода на территорию Российской Федерации или расформирования, если не будет согласовано иное. Республика Грузия не препятствовала осуществлению полетов самолетов, вертолетов и других летательных аппаратов воинских формирований Российской Федерации в воздушном пространстве Республики Грузия. Плавание военных кораблей воинских формирований Российской Федерации и Черноморского флота в территориальных и внутренних водах Грузии осуществлялось беспрепятственно в той мере, в какой это было необходимо для проведения плановых мероприятий по поддержанию боевой готовности и обеспечению повседневной жизнедеятельности, согласованных с компетентными органами Республики Грузия, и решения задач, связанных с чрезвычайными обстоятельствами. Содержание военных городков, отдельно стоящих зданий и сооружений воинских формирований Российской Федерации и обеспечение их всеми видами квартирного и коммунально-бытового обеспечения осуществлялось, согласно договору, Российской Федерацией. Республика Грузия обеспечивала бесперебойное снабжение электроэнергией, водой, топливом и другими видами коммунально-бытового обслуживания воинские формирования Российской Федерации. Расходы на эти цели компенсировались Россией. Предусматривалось, что Соглашение является временным и действует на период до вступления в силу договора между Российской Федерацией и Республикой Грузия, в котором Российская Федерация и Республика Грузия должны были определить

[1] Газ. «Известия», № 180… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-avgusta-1992-goda

свои взаимоотношения в военной области, правовой статус воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Грузия, согласовать вопросы их размещения и функционирования[1]. На второй день, 26 августа, в Москве прошли переговоры министров обороны Грузии и России Т. Китовани и П. Грачева[2], в которых, видимо, обсуждались и вопросы, связанные с этим Соглашением. Более того, после этой встречи в Грузии объявили, что эти переговоры подтвердили союзнические отношения России и Грузии.

Здесь нужно подчеркнуть, что Россия тогда заключала договоры в военной сфере не только с Грузией. Названное соглашение было звеном в цепи подобных документов, подписанных между Россией и республиками-государствами ближнего зарубежья. Еще 21 августа в Москве был подписан договор между Россией и Арменией о правовом статусе Вооруженных сил России, находившихся на территории Республики Армения. Этот договор предусматривал: Вооруженные силы в период их пребывания на территории Республики Армения, кроме функций защиты Российской Федерации, обеспечивали совместно с Вооруженными силами Армении безопасность Республики Армения по внешней границе бывшего Союза ССР. Республика Армения в связи с этим обязывалась создавать необходимые условия для выполнения Вооруженными силами Российской Федерации своих функций и нести часть расходов на их содержание. В случае освобождения использовавшихся Вооруженными силами сооружений, зданий, казарменных и жилых городков, аэродромов, учебных центров, учебных полей и полигонов со стационарным оборудованием и установками и другого недвижимого имущества Договаривающиеся Стороны в отношении их исходят из следующих принципов: недвижимое имущество, арендованное войсками у юридических лиц и граждан Республики Армения, возвращалось Республике Армения; недвижимое имущество, приобретенное за плату войсками либо в интересах Вооруженных сил другими организациями, учреждениями и предприятиями бывшего Союза ССР у юридических лиц и граждан, а также построенное войсками, либо в интересах Вооруженных сил другими организациями, учреждениями и предпри-

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12205.shtm

[2] «Независимая газета», № 164… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-avgusta-1992-goda

ятиями бывшего Союза ССР на территории Республики Армения, оставалось собственностью Российской Федерации. Предусматривалось, что названный Договор оставался в силе на период нахождения войск на территории Республики Армения и мог быть изменен с согласия Договаривающихся Сторон[1]. 24 августа Президент России подписал Указ о переходе пограничных войск, находившихся на территории Республики Таджикистан, под юрисдикцию РФ[2]. 25 августа Б. Ельцин издал распоряжение о подписании соглашения между Россией и Азербайджаном о временном статусе и механизме деятельности пограничных войск РФ, находящихся на территории Азербайджана[3].

Президент Б. Ельцин 26 августа, как уже говорилось, обратился к руководству Грузии и Абхазии. В нем выражалась уверенность в необходимости незамедлительного прекращения боевых действий и использования военной силы с обеих сторон и подчеркивалось, что позиция России в отношении единства и территориальной целостности Грузии неизменна. Однако несмотря на это уже факт самого обращения к руководству обеих конфликтующих сторон мог свидетельствовать о некотором отходе российского руководства от своей первоначальной безоговорочной и однозначной поддержки действий Госсовета Грузии. Скорее всего, это было вызвано, в первую очередь, конечно же, позицией братских народов Северного Кавказа. Однако наряду с этим в документе говорилось: «Россия не поддерживает сепаратистские и воинственные призывы, от кого бы они ни исходили. Будут предприняты все необходимые меры для пресечения попыток проникновения в Грузию вооруженных добровольческих отрядов». Здесь нужно отметить, что у Ельцина слова не расходились с делами. Перевал Карачаево-Черкесии был взят под контроль российскими внутренними войсками, использовались БТРы и тяжелые автомобили[4]. Выступивший тогда по телевидению начальник разведки штаба противовоздушной обороны полковник В. Симонов предупредил, что «не исключена возможность, что со стороны Северного Кавказа (конкретно он назвал Чечню) с местных аэродромов могут взять старт боевые самолеты и направиться в сторо-

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12252.shtm
[2] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12234.shtm
[3] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12211.shtm
[4] «Независимая газета», № 169... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-3-sentyabrya-1992-goda

ну Абхазии. Руководство ПВО в этом случае, по словам Симонова, будет действовать по распоряжениям из Москвы[1]. Генеральная прокуратура Российской Федерации возбудила уголовное дело по факту призывов Конфедерации горских народов Кавказа к войне с Грузией[2]. В Тбилиси с удовлетворением восприняли заявление министра юстиции России Федорова о том, что Конфедерация горских народов Кавказа является юридически незаконной организацией[3].

Однако далее в названном обращении Ельцина было сказано: «В то же время мы убеждены в необходимости незамедлительного вывода войск и прекращения боевых действий, а также обеспечения прав человека и законных интересов абхазского и других народов Грузии»[4]. Данная позиция была, судя по всему, ответом на поведение и заявления самого Э. Шеварднадзе, решившего «запугать» Москву угрозами о недопустимости вмешательства во «внутренние дела» Грузии. Данное заявление Б. Ельцина, по мнению публициста В. Кузнецовой, «перечеркнуло его нейтралитет»[5] в абхазо-грузинской войне. Хотя здесь необходимо оговориться, что в данном регионе позиция России не могла и не может быть нейтральной априори.

Несмотря на то, что в Обращении Президента России к руководству Грузии и Абхазии провозглашалась незыблемость территориальной целостности Грузии, тем не менее, это послание «было серьезным предупреждением Шеварднадзе»[6], который поспешил направить Б. Ельцину ответное послание. В нем глава Грузии заверял российского Президента в том, что им предпринимаются «энергичные меры» по урегулированию конфликта политическими средствами. В этом письме Э. Шеварднадзе также жаловался на В. Ардзинба, который «продолжает уклоняться от встречи» и не едет в Тбилиси, а также на вооруженные формирования КГНК. Председатель Госсовета выразил уверенность

---

[1] «Независимая газета», № 164… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-avgusta-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 193… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-avgusta-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 164… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-avgusta-1992-goda

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 3, 3 сентября 1992 г.

[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 95.

[6] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 36.

в том, что «встреча 3 сентября с. г. послужит восстановлению мира в Абхазии и районах Юга России», но вместе с тем отметил, что «перед лицом вооруженного вмешательства во внутренние дела суверенного и независимого государства крайне затруднительно прекращать военные действия»[1]. В последнем тезисе просматривается явный и недвусмысленный намек на невозможность вывода войск Госсовета из Абхазии. Лидер Абхазии, который привык, что на него беспрестанно жалуются, спустя двадцать дней после этого Обращения заявил, что позиция Россия вызывает «самую серьезную критику». В. Ардзинба в интервью газете «Литературная газета» тогда отмечал: «Мы не можем уйти от того факта, что все оружие, которым уничтожается народ Абхазии, было передано Грузии Россией. Уже одно это обстоятельство должно было заставить Россию принять меры для того, чтобы оружие это не использовалось»[2]. Позиция России подверглась критике и со стороны ее субъектов. К примеру, официальный Башкортостан отреагировал на события в Абхазии резче, чем даже руководители Северокавказских республик. Председатель Верховного Совета Башкортостана М. Рахимов тогда заявил: «Разве можно оставаться равнодушным к судьбе малого народа? Это же настоящий геноцид. Россия должна вмешаться более решительно. Сам Шеварднадзе является главой нелигитимной власти, свергает законно избранный парламент Абхазии. Потом, разве можно заявлять о готовности отдать 100 тысяч жизней Грузии за то, чтобы уничтожить всех абхазцев! А руководство России смотрит на это спокойно. Если Госсовет оставит наше обращение без ответа, то мы вынуждены будем принять экономические санкции – прекратить все поставки в Грузию. И обратимся к другим республикам, чтобы они предприняли аналогичные действия в защиту абхазского народа»[3].

Практически с первых дней войны многие авторы обвиняли руководство РФ в отсутствии открытой и ясной политики по отношению к Грузии, Абхазии и Кавказу в целом, указывая на наличие ряда противоречий и расхождений между исполнительной и законодательной ветвями власти. Публицист С. Поповский в польской газете «Жечьпоспо-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 3, 3 сентября 1992 г.

[2] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 89.

[3] Виноградская Т., Бирюкова Р. «Но мы им воли не дадим» // Журн. «Духовное наследие», № 4, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N04_92/4_16.HTM

лита» писал: «Пока исполнительная власть РФ выступала в поддержку территориальной целостности Грузии, законодательная ветвь в лице Верховного Совета России поддержала Абхазию». Польский аналитик пытался объяснить данный факт наличием широких разногласий между Б. Ельциным, с одной стороны, и проабхазски настроенными Р. Хасбулатовым и А. Руцким – с другой[1]. Причиной рассматриваемого дуализма в позиции Москвы, по мнению Мурванадзе, также являлось существование разногласий между Б. Ельциным, «который видел в Шеварднадзе своего политического союзника и полностью ориентировался на него, и Р. Хасбулатовым, занимавшим проабхазские позиции»[2]. Однако противостояние Ельцина и Хасбулатова было обусловлено борьбой за власть внутри России. Справедливости ради надо отметить, что утверждение названного автора о союзничестве Ельцина и Шеварднадзе, скорее всего, соответствует действительности. Однако при этом не стоить забывать, что речь идет о руководителях двух государств, во взаимоотношениях которых на передний план выходят интересы, которые, в свою очередь, не во всем совпадали. Что касается Верховного Совета, то причины его заявлений в поддержку Абхазии вряд ли правильно объяснять исключительно «проабхазскими позициями» Хасбулатова. Здесь надо иметь в виду и фактор противостояния: Верховный Совет – Президент, когда исполнительная власть занимала противоположную позицию относительно решений власти исполнительной и наоборот.

Другой польский автор М. Меллер в номере газеты «Политыка» от 21 октября 1992 г., напротив, писал, что, «несмотря на ряд серьезных разночтений между ветвями российской власти по внутриполитическим вопросам, общекавказская стратегия Кремля осуществлялась этими ветвями вполне согласованно и скоординированно»[3]. Автор этих строк, А. Авидзба, ранее также придерживался аналогичного мнения: «Политика России, скорее всего, может объясняться скоор-

[1] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 177.

[2] Мурванадзе Б. Ю. Основные ориентиры внешней политики Грузии в период правления Эдуарда Шеварднадзе // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. М., 2008. № 18. С. 66.

[3] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 177.

динированностью действий всех ветвей власти, несмотря на наличие существенных разногласий между ними, обусловленных внутренней борьбой за власть, и могла быть направлена на создание ложного представления о существовании влиятельных лоббистских структур в России у каждой из противоборствующих сторон»[1]. Однако при более близком рассмотрении становится очевидным отсутствие координации действий разных ветвей власти России, и даже отдельных подразделений одной и той же ветви российской власти в отношении войны в Абхазии.

Суммируя все вышеизложенное, думается, возможным сделать следующий вывод: исходя из складывавшихся тогда обстоятельств, роль Москвы в Отечественной войне в Абхазии можно сформулировать следующим образом: традиционные исторические, политические, экономические и культурные связи, геополитика, присутствие российских войск в регионе, в связи с этим невозможность разрешения абхазо-грузинских противоречий без участия России делают российский фактор в абхазо-грузинской войне определяющим. При этом, судя по всему, Россия на начальном этапе войны предоставила карт-бланш Грузии относительно Абхазии при условии соблюдения интересов Москвы. Чуть забегая вперед, отмечу, что несоблюдение баланса этих интересов сыграло злую шутку над западноориентриванной, искусственно модернизированной грузинской элитой. Вообще, нужно иметь в виду, что в силу многих причин принятие решений в Москве относительно событий в Абхазии зависело от определенных политических и военных чинов, их личных симпатий и антипатий, а нередко и моральных принципов. При этом сказанное имеет отношение как к конкретному этапу, так и ко всей Отечественной войне в Абхазии.

Позже В. Ардзинба в беседе с российским журналистом А. Карауловым, отвечая на вопрос, на чьей стороне Россия, сказал: «Я бы сказал, что позиция довольно двойственная. Я думаю, что ставить однозначно и отвечать однозначно вряд ли возможно» [2]. В силу множества причин позиция России от начала до конца войны в Абхазии по отношению к ней оставалась двойственной.

---

[1] Авидзба А. Ф. Отечественная война (1992-1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008. С. 133.

[2] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

2. 3. Международное сообщество

Великий теоретик войны К. фон Клаузевиц, проанализировав большинство войн XIX в., пришел к неутешительному выводу о том, что введение в философию самой войны «принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд»[1]. Однако в течение следующего XX столетия сложилась отрасль Международного права в области войны – военное право, которое также называют международным гуманитарным правом (МГП), т. е. существует и действует ряд договоров, запрещающих применение некоторых видов оружия и методов ведения войны. К ним относятся: Гаагская конвенция 1907 г.; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.; Гаагская конвенция о защите культурных ценностей во время вооруженного конфликта (1954); Конвенция о запрещении военного или любого враждебного использования средств воздействия на природную среду (1976); Конвенция о запрещении или ограничении некоторых видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерное повреждение или имеющими неизбирательное действие (1980); Конвенция о запрещении производства, хранения и накопления запасов химического оружия и его уничтожении (1993) и другие[2]. При этом, по мнению Дж. Беста, современные нормы, регулирующие ведение войны, имеют «глубокие культурно-исторические корни»[3]. А Нюрнбергский и Токийский уставы международных трибуналов предусматривают три вида тягчайших международных преступлений, угрожающих основам существования наций и государств, их прогрессивному международному общению: преступления против мира, преступления военные, преступления против человечности. И все эти виды тягчайших преступлений были совершены Грузией и ее Госсоветом[4] после вторжения в Абхазию. И эти преступления должны были вызвать международные санкции в рамках международной ответственности, предусмотренной Международным правом.

[1] Клаузевиц К. фон. О войне. М-СПб., 2003. С. 22.

[2] Баранов Н. П. Всемирная энциклопедия. Философия. М.- Минск., 2001. С. 177, 178.

[3] Бест Дж. Историческая эволюция морально-этических норм, касающихся войны и окружающей среды // Морально-этические нормы, войны, окружающая среда. М., 1989. С. 37.

[4] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 13.

Согласно ст. 1 Определения агрессии Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., «агрессией является применение вооруженных сил государства против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства». И там же после определения агрессии дано «пояснительное примечание» о том, что в определении «термин «государство» употребляется не предрешая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство членом Организации Объединенных Наций». Данное примечание является доказательством того, что международное право констатирует и признает тем самым факт существования непризнанных и не являющихся членом ООН государств, что не лишает их международной правосубъектности и самого статуса государства[1]. В Обращении В. Ардзинба к Генсеку ООН Б. Гали от 27 августа 1992 г. констатировалось: «Вторжение войск Госсовета Грузии на территорию Абхазии, согласно определению ООН, является актом агрессии, ибо: 1) совершено нападение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства; 2) в результате этого совершена оккупация территории другого государства; 4) совершается бомбардировка вооруженными силами одного государства территории другого государства; 5) вооруженные силы одного государства блокировали порты и берег другого государства»[2].

Другими словами, целью вторжения в Абхазию было насильственное сохранение ее колониального статуса, что «является тяжким международным преступлением, влекущим международную ответственность государства-колонизатора»[3]. Как известно, право народов на самоопределение закреплено в Пактах о правах человека 1966 г. – в Международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном Пакте о гражданских и политических правах. Но тогда никто (кроме самих абхазов и их братьев из Северного Кавказа) и не вспоминал о правах человека, о праве нации на самоопределение, о других неотъемлемых правах и свободах, предусмотренных в многочисленных международно-правовых документах. До них не было дела и автору многих работ о праве народов на самоопределение

[1] Там же. С. 27.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 153.
[3] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 11.

С. Червонной, которая и вовсе утверждала, что «не Шеварднадзе начал эту войну», а В. Ардзинба[1].

После агрессии Грузии против Абхазии мировое сообщество долгое время, а по большому счету до конца войны, оставалось безмолвным, несмотря на то, что уже 18 августа В. Ардзинба обратился «ко всем международным гуманитарным организациям, ко всем государственным и общественным деятелям, ко всем людям доброй воли» с призывом услышать зов о помощи и направить в Абхазию объективных наблюдателей[2]. Анализируя отношение ООН к ситуации в Абхазии, сложившейся в результате вооруженной интервенции Грузии, В. Хагба тогда писал, что, «не сумев или, точнее, не захотев применить Устав, придав забвению его положения, ООН выступает в качестве орудия подавления национально-освободительного движения абхазского народа и нарушения суверенитета Республики Абхазия, используя при этом Устав в интересах грузинского народа в ущерб интересам абхазского народа»[3]. Дж. Бест прав, когда он говорит, что «в, казалось бы, альтруистических законах, призванных регулировать войну, обнаруживается доля эгоистических, своекорыстных интересов»[4]. Здесь остается, вслед за Р. Исаковым, задаться вопросом: где же тогда была «хваленая нетерпимость Запада по отношению к нарушениям прав человека?»[5].

Но не все люди нарушение элементарных международно-правовых норм и фактически геноцид абхазского народа восприняли как должное. Несмотря на информационную блокаду, уже в первые дни войны, 17, 18 и 19 августа, в Голландии, Америке, Турции прошли митинги протеста против агрессии Грузии, и многие страны обратились в ВС Абхазии с предложением об оказании гуманитарной помощи. А уже 29 августа в г. Мангейм состоялась встреча представителей ряда объединений и общественных организаций Западной Европы. На ней был образован Европейский чрезвычайный комитет поддержки Абхазии с центром

---

[1] Червонная С. М. Абхазия-1992… // http://conflicts.rem33.com/images/abkhazia/Czerwonna%207.htm.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 23.

[3] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 36.

[4] Бест Дж. Историческая эволюция морально-этических норм, касающихся войны и окружающей среды // Морально-этические нормы, войны, окружающая среда. М., 1989. С. 43.

[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 322–324.

в Гааге (Голландия), который ставил перед собой следующие задачи: организация и координация действий по оказанию необходимой материальной, продовольственной и медицинской помощи народу Абхазии; информирование западноевропейских правительств, средств массовой информации и широких кругов общественности о развитии событий в Абхазии. Комитет принял обращения к правительствам и парламентам мира, ко всей мировой общественности с просьбой решительно осудить вооруженную агрессию Грузии против народов Абхазии, призвал потребовать немедленного и безусловного вывода оккупационных войск с территории Абхазии. Комитет подчеркнул, что продолжение военных действий Грузии против Абхазии приведет к вовлечению в конфликт соседних народов и государств, что несет угрозу европейской безопасности и стабильности[1].

20 августа В. Ардзинба в Обращении к ЮНЕСКО вынужденно констатировал, что «абхазский народ с древней государственной традицией и самобытной культурой оказался на грани этнической катастрофы»[2]. 21 августа Г. Гумба от имени Абхазии и КГНК обратился к участникам сессии ООН по правам человека в Женеве с просьбой «предпринять конкретные шаги по прекращению убийства гражданского населения Абхазии и выводу с ее территории грузинских оккупационных войск, осудить политику насилия Госсовета Грузии»[3]. Однако эти обращения не получали реагирования – мировое сообщество желало слышать только грузинскую сторону, которая с выгодой для себя пользовалась этим обстоятельством. 27 августа министр иностранных дел Грузии направил послание Председателю Совета министров СБСЕ, в котором говорилось, что Правительство его страны «заинтересовано и готово принять миссию СБСЕ, которой была бы предоставлена полная и всеобъемлющая информация по событиям в Абхазии»[4]. В послании В. Ардзинба в СБСЕ от 27 августа говорилось, что в сложившихся условиях «направление представителей СБСЕ в Грузию для выяснения обстоятельств конфликта неоправданно, так как им будет предоставлена односторонняя информация». Поэтому он просил, чтобы комиссия СБСЕ

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 70.
[2] Там же. С. 35.
[3] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т 1. Сухум, 2003. С. 212.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 108.

была направлена к законному руководству Абхазии в г. Гудаута»[1]. В обращениях Председателя Верховного Совета Абхазии к Генеральному секретарю ООН от 27 и 28 августа излагалась просьба «поставить перед Советом Безопасности вопрос о применении в отношении Грузии как государства, совершившего агрессию, осуществляющего геноцид абхазского народа и массовое нарушение прав человека, международно-правовых санкций»[2]. 29 августа Комиссия по правам человека и межнациональным отношениям Парламента Абхазии заявила: «Все творимое гвардейцами Госсовета в Абхазии направлено на истребление абхазского народа, создание для абхазского народа таких жизненных условий, которые рассчитаны на его физическое уничтожение, и не может быть квалифицировано иначе, как геноцид»[3].

Но выражавшаяся в этих документах тревога за судьбу абхазского народа и его государственность не доходила до Международного сообщества, и мир, от которого зависела дальнейшая эскалация военных действий, молчал. Рассуждая о причинах такой позиции, немецкая газета «Зюддойче цайтунг» тогда писала, что Россия, которую она рассматривала как «потенциального союзника Грузии», «не желает быть втянутой в кавказские распри»[4]. Однако Москва, если она желала сохранить за собой какую-то значимость, пусть даже в региональном масштабе, никак не могла самоотстраниться от кавказских событий. Другое дело, что она, может, не желала, а может, и делала вид, что не желала противодействовать «политике умиротворения агрессора», проводившейся Западом по отношению к Грузии. Публицист В. Иванов, анализируя позицию России на начальном этапе абхазо-грузинской войны и сопоставляя ее с поведением Москвы по отношению к Югославии, отмечал, что в последней она стремилась следовать в форматоре «цивилизованной» Европы, а в Абхазии, по его мнению, «Европа пока еще не определилась»[5]. С последним тезисом автора трудно согласиться: на мой взгляд, Европа, напротив, четко обозначила свою позицию, уже официально признав Грузию с нелегитимным руководством во главе.

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 52.
[2] Там же. С. 54.
[3] Там же. С. 62.
[4] Газ. «Правда», № 109, 1992 г.
[5] Там же.

Как бы там ни было, безнравственность политики и России, и Запада в рассматриваемых процессах усугублялась еще и тем, что оба субъекта Международного сообщества являлись одними из самых, если не самыми значимыми игроками на геополитическом «поле», главным арбитром на котором должно выступать Международное право. Согласно же Международному праву, «создание суверенного и независимого государства, свободно определенного абхазским народом, является формой осуществления этим народом права на самоопределение». Более того, «каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, и в оказании им сопротивления абхазский народ в порядке осуществления своего права на самоопределение вправе добиваться поддержки и получать ее» от международного сообщества[1]. Однако, несмотря на это, позиция ООН, организации, призванной следить за соблюдением Международного права в отношении противоборствовавших сторон в абхазо-грузинской войне, и предпринимавшиеся ею действия по восстановлению мира в Абхазии не соответствовали общепризнанным нормам и принципам Международного права, поскольку они не преследовали цели подавления акта агрессии[2]. И все это происходило под прикрытием ложного тезиса о необходимости соблюдения «территориальной целостности» Грузии, тогда как «в резолюциях Генеральной Ассамблеи ОНН и многих других международно-правовых документах говорится о территориальной целостности любых государств, а не государств-членов ООН, государств-участниц СБСЕ или же государств, признанных мировым сообществом»[3].

Здесь, видимо, нужно также иметь в виду то, что 1992 год – время безраздельного диктата США в ООН, и поэтому позиции ООН и единственной супердержавы к тому времени были фактически идентичны. Вот почему ООН тогда заняла одностороннюю позицию полного неприятия интересов абхазской стороны. Сам Э. Шеварднадзе, объясняя такую позицию Запада, не исключал, что она вызвана в какой-то степени и доверием к нему[4]. Однако не все в Европе были согласны с таким поведением. Позже Председатель Генеральной Ассамблеи ОНН Л. Мялль

[1] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 19.
[2] Там же. С. 36.
[3] Там же. С. 26.
[4] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 66.

констатировал, что «Запад, когда бывшие коммунисты отрекаются от своего прошлого, готов так бесконечно умиляться, что не замечает, что зачастую перед ним просто жулик»[1]. Польский публицист Л. Бойко на страницах «Газета Выборча» уже 28 августа 1992 г. призывал Э. Шеварднадзе прекратить боевые действия в Абхазии, вывести войска с ее территории и начать переговоры о политическом урегулировании конфликта. Из-за этого он был фактически лишен возможности публиковать материалы по абхазской проблематике. Его заменили на В. Ягельского, занимавшего прогрузинскую позицию и освещавшего события в Абхазии исключительно с точки зрения официального Тбилиси[2]. Этот момент является очень показательным для определения позиции СМИ и общественности европейских стран. С ними были солидарны, что, с учетом уже сказанного, естественно, и в США. 29 августа обозреватель газеты «Вашингтон пост» М. Доббс высказал мнение о том, что Запад никак не отреагирует даже на расширение конфликта в Абхазии. И в доказательство данного утверждения привел следующие аргументы: «На Западе Э. Шеварднадзе имеет хорошую репутацию, поэтому вряд ли можно ожидать каких-либо мер воздействия на Грузию. Кроме того, для западных политиков аргументы Грузии о необходимости защитить свой территориальный суверенитет звучат достаточно убедительно. У нас считают, что Абхазия – это часть Грузии»[3].

Сам Э. Шеварднадзе был убежден, что Запад способен проводить активную военную политику на Кавказе. Он в августе 1992 г. озвучил почти риторический вопрос: «Если российские войска могут быть в Грузии, то почему здесь не может быть войск НАТО?»[4]. Главным инструментом такого сближения (с НАТО) Шеварднадзе, судя по всему, считал альянс государств Черноморского бассейна. Параллельно с этим он поддерживал идею Дж. Буша, чтобы СБСЕ провозгласило себя региональной организацией. Причем делал это по просьбе самого президента США. Реализация самой идеи должна была привести к тому, чтобы, выражаясь бильярдным языком, два шара оказались в одной лузе: Стамбуль-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 207.

[2] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 175.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 45.

[4] Коппитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm

ский альянс в СБСЕ, а СБСЕ – в ООН. И все, включая и Грузию, получали право использовать вооруженные силы НАТО как гаранта внутренней и внешней безопасности[1].

Но при этом надо учитывать то, что является небезосновательным и мнение о том, что «осложнение в Абхазии» могло оказаться для Шеварднадзе «большим злом», ибо, по мнению наблюдателей, «оно способно при дальнейшем обострении затруднить осуществление его планов по сближению Грузии с Европой и НАТО»[2]. Тем не менее, первые контакты Грузии с НАТО состоялись в середине сентября 1992 г., когда официальная делегация Североатлантического союза во главе с К. Даниэлом посетила Тбилиси. Тогда на переговорах с Э. Шеварднадзе стороны условились о сотрудничестве и договорились поддерживать связь при посредничестве германских военных и дипломатических миссий в Брюсселе и Тбилиси[3].

Позже в Заявлении Генерального секретаря ОНН, сделанном им 7 ноября в Москве, отмечалось: «В данном регионе побывали группы из ООН и СБСЕ. Как оказывается, они не уделяли достаточного внимания абхазской стороне»[4]. И действительно, немного забегая вперед, скажем, что за время войны в Абхазии побывало несколько миссий ООН. Решения об их направлении являлись откликом ООН на соответствующие просьбы-приглашения исключительно грузинской стороны, в то время как неоднократные обращения Абхазии оставались без какого-либо реагирования. Тем временем Абхазия обращалась в ООН на основании п. 2 ст. 35. Устава, в соответствии с которым «государство, которое не является Членом Организации, может довести до сведения Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи о любом споре, в котором оно является стороной, и была вправе рассчитывать на соответствующую реакцию. Более того, она была лишена возможности принять участие в обсуждении положения в самой Абхазии в Совете Безопасности, на что она, бесспорно, имела право в соответствии со ст. 3 Устава ООН, в которой зафиксировано, что «любой Член Организации или любое государство, не состоящее Членом Организации, если они являются сторонами

[1] Газ. «Московские новости», № 33… С. 12. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-16-avgusta-1992-goda

[2] Там же.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 4, 9 октября 1992 г.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 201.

в споре, рассматриваемом Советом Безопасности, приглашаются принять участие, без права голоса в обсуждении, относящемуся к этому спору». Конечно же, такое положение дел, при котором грузинская сторона имела возможность высказать свою точку зрения, а абхазская сторона была лишена этого, – наносило ущерб правам и положению абхазской стороны. И происходило это, несмотря на то, что «Устав в этом вопросе предоставлял одинаковые возможности обеим сторонам»[1].

В одном из пунктов Итогового документа Московской встречи от 3 сентября 1992 г. содержалась просьба к ООН предпринять миротворческие усилия в зоне вооруженного противостояния. В связи с этим Генсек ООН принял решение направить миссию доброй воли, которое было поддержано Советом Безопасности ООН на консультациях 10 сентября[2]. 11 сентября В. Ардзинба направил очередное послание Генеральному секретарю ООН с просьбой «обратить внимание мирового сообщества на трагические события в Абхазии, направить в Абхазию Комиссию по установлению фактов геноцида абхазского народа»[3]. А названная миссия ООН во главе с Г. Фейсалом прибыла в так называемую зону конфликта 12 сентября, которая находилась здесь до 20 сентября. Уже в ходе ее деятельности 15 сентября Президиум Верховного Совета Республики Абхазия принял постановления «О вооруженной агрессии войск Госсовета Грузии против Абхазии» и «О геноциде абхазского народа». А миссия ООН по итогам проведенной инспекции представила Генеральному секретарю доклад, в котором война в Абхазии была названа «кризисом», ставшим результатом широкомасштабного саботажа и грабежей в Абхазии и Западной Грузии. Другой же причиной возникновения «кризиса» были объявлены «действия этнического абхазского руководства, которое объявило бывшую Абхазскую Автономную Советскую Социалистическую Республику независимой Республикой». Далее в докладе говорилось: «На ситуацию в Абхазии сильно влияют попытки экс-президента Гамсахурдиа дестабилизировать правительство Грузии, присутствие в Абхазии значительного числа северокавказских бойцов и обеспечение снабжения из этого региона в поддержку абхазской стороны, а также легкость получения оружия, очевидно, полученного

[1] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 37, 38.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 306.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 152

в значительной части от частей вооруженных сил СНГ, расположенных в регионе. Наличие грузинских полумилитаризованных частей и отсутствие дисциплины в грузинских вооруженных силах усугубляют проблему».

Миссия также констатировала, что «Соглашение от 3 сентября остается в большей степени невыполненным», но не уточняла, кто его не выполнял. Далее в докладе было засвидетельствовано, что «в очень большой степени нарушены законность и порядок в Абхазии», но опять-таки без указания виновников этих деяний. Главным выводом миссии, наверное, нужно считать ее замечание: «Если проблеме будет позволено развиваться, она может соединить этническую и религиозную сторону и ввергнуть соседние страны в конфликт»[1]. Как известно, согласно Международному праву в функции миссий ООН входит выяснение вопросов фактических обстоятельств споров и конфликтов посредством беспристрастного и добросовестного их расследования и представления в связи с этим выводов и рекомендаций. Однако вышеозначенный доклад миссии ООН под руководством Г. Фейсала никак не может являться объективным изложением ситуации. Позже, 2 ноября, первый заместитель МИД Грузии Т. Джапаридзе заявил, что этот документ был составлен при его участии. При этом он заметил, что «вопросы лучше всего решать не на официальных встречах, а в частных беседах за завтраком и так далее»[2]. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Ожидать «соответствующей оценки» от международных структур, присвоивших себе функции адвоката агрессора, было делом безнадежным, но Абхазия продолжала предпринимать попытки обратить внимание западного сообщества на геноцид своего народа. 28 сентября в Европейский Парламент и Генеральному секретарю ООН были направлены постановления абхазского Парламента «О вооруженной агрессии войск Госсовета Грузии против Абхазии» и «О геноциде абхазского народа». В сопроводительном письме к этим документам констатировалось: «Несмотря на наши неоднократные обращения в различные международные организации, они пока еще не получили соответствующей оценки»[3].

---

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 33.
[2] Там же. С. 36.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 196.

К. фон Клаузевиц не без отпечатка своего времени, но, в общем, вполне современно, писал: «Незаметные, едва достойные упоминания, ограничения, которые она (война. - **А. А**.) сама на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в сущности его эффекта»[1]. Кроме того, по мнению американского исследователя К. Стоуна, «история показывает, что договоры по вопросам ведения боевых действий, заключенные в мирное время с лучшими намерениями, встречались с энтузиазмом, но соблюдались лишь в ограниченных пределах во время войны»[2]. А нередко не соблюдались вообще. Между тем, Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм еще в 1978 г. говорил: «ООН была создана для того, чтобы служить для всех народов и, главным образом, для беззащитных или небольших стран, которые в противном случае не будут иметь никакого другого средства защиты в мире, где господствует исключительно политика силы»[3]. Несмотря на такую гуманность продекларированных задач, в ходе Отечественной войны в Абхазии «Совет Безопасности не только осудил одни события, но не осуждал другие..., действия лишь абхазской стороны подвергались четкому осуждению»[4]. Не касаясь нравственной стороны вышеотмеченного «метода» решения столь важных для судеб народов вопросов, отметим, что утверждение В. Хагба о том, что миссии ООН в Абхазии занимали «прогрузинскую позицию и ни о какой беспристрастности и добросовестности не может быть и речи»[5], является абсолютно справедливым.

Следует отметить особую роль Турции, которую, возможно, даже против своего желания, она была вынуждена играть в абхазо-грузинской войне. Многомиллионная кавказская диаспора в Турции не могла оставаться безучастной к судьбе абхазского народа. Как уже говорилось, с первых дней войны в Анкаре стал функционировать Кавказский Комитет солидарности с Абхазией, началось добровольческое

---

[1] Клаузевиц К. фон. О войне. М-СПб., 2003. С. 20-21.

[2] Стоун К. Д. Закон как средство формирования морально-этических норм, связанных с войной и окружающей средой // Морально-этические нормы, война, окружающая среда. М., 1989. С. 108.

[3] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 35.

[4] Пэ О., Ремакль Э. Политика ООН и СБСЕ в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 124.

[5] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 38.

движение в поддержку абхазского народа. 18 августа состоялся десятитысячный митинг в поддержку Абхазии в г. Адапазыр. 19 и 21 августа состоялись встречи представителей абхазских культурных центров с Премьер-министром С. Демирелем, который обещал переговорить с Э. Шеварднадзе о прекращении агрессии против Абхазии. 22 августа состоялось собрание представителей 40 кавказских клубов в Турции. Их цель – организация митингов протеста во всех регионах, передача правдивой информации о событиях в Абхазии во все страны мира. 23 августа в городах Анкара, Адапазар прошли манифестации Кавказской диаспоры, участники которых требовали вывода оккупационных войск Госсовета Грузии с территории Абхазии. 24 августа состоялась встреча представителей абхазских культурных центров с Президентом Турции Т. Озалом, который выразил обеспокоенность происходившими событиями в Абхазии и их возможными последствиями для Турции. 24-26 августа состоялись пресс-конференции для турецких и иностранных журналистов. Шел сбор средств в поддержку Абхазии[1].

Тем временем, именно 26 августа на фоне названных процессов в Анкаре был подписан протокол о российско-турецких консультациях. Предусматривалось, что стороны создадут механизм регулярных консультаций в целях практической реализации достигнутых между ними договоренностей, углубления поступательного, всестороннего взаимного сотрудничества. Для понимания рассматриваемой нами проблемы особый интерес представляет статья названного документа, где говорилось о том, что Россия и Турция будут рассматривать на консультациях любые международные и региональные вопросы и вопросы двусторонних отношений[2]. В продолжение названного процесса 13 сентября 1992 г. Правительство РФ приняло постановление «О подписании соглашения правительствами России и Турции о культурном и научном сотрудничестве[3]. 2 сентября состоялась встреча кавказской делегации с прибывшим в Турцию Государственным секретарем РФ Г. Бурбулисом и послом России в Анкаре Чернышевым.

Ярким свидетельством решимости потомков махаджиров, изгнанных со своей земли в XIX в., быть сопричастными к судьбе историче-

[1] Журн. «Абаза», № 1. С. 20. 1995 г.
[2] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12193.shtm
[3] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch01/akt11928.shtm

ской родины является завещание абхазских добровольцев из Турции, которое датируется 17 сентября 1992 г.[1]. В этом документе они в случае своей гибели просили похоронить их в Абхазии. Такая позиция, безусловно, оказывала влияние на официальную Анкару, но вместе с тем Турция, будучи стратегическим форпостом НАТО на Востоке, не могла не вести себя соответственно этому своему положению. В результате она вынуждена была лавировать и старалась быть «хорошей перед всеми» – кавказцами, гражданами своей страны, ради внутренней стабильности и Западом ради всего остального. В силу всего этого политика Турции по отношению к абхазо-грузинской войне носила некий отпечаток контрастности и непоследовательности. 1 сентября Президент Турции Т. Озал, выступая перед турецким Парламентом, выразил озабоченность фактом военной агрессии Грузии против Абхазии. При этом он назвал правительство Грузии «преступной военной бандой» и обратился к странам Черноморского бассейна с призывом осудить действия Грузии. А турецкий Парламент, в свою очередь, обвинил Премьер-министра С. Демиреля в сговоре с Э. Шеварднадзе[2]. Министр культуры Ф. Сагалар осудил действия грузинского правительства[3].

Однако Временный поверенный в делах Турции в России Х. Акынджа назвал дезинформацией сообщение о высказывании президента Турции Т. Озала по поводу событий в Абхазии. Посол заявил: «Политическое руководство Турции выступает сторонником безусловной нерушимости сложившихся в этом регионе границ. Высказывание президента Турции в поддержку действий Абхазии не может иметь места, потому что турецкое правительство не может поддерживать нарушение целостности Грузии»[4]. В грузинской прессе также было опубликовано опровержение, сделанное Генеральным консульством Турции в Грузии. В Заявлении турецкого представительства говорилось: «Генеральное консульство Турции в Тбилиси уполномочено заявить, что эта информация является вымыслом и направлена на то, чтобы бросить тень на добрые взаимоотношения между Турцией и Грузией, ввести в заблуждение общественное мнение. Считаем необходимым заявить,

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 177.

[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 39.

[3] Журн. «Абаза», № 1, С. 20. 1995 г.

[4] «Независимая газета», № 170... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-4-sentyabrya-1992-goda

что 1 сентября Т. Озал вообще не выступал на заседании меджлиса»[1]. Причиной такой несогласованности могли явиться телефонные разговоры турецкого премьера С. Демиреля с лидерами Запада, которые могли порекомендовать Анкаре никак себя не проявлять по ту сторону Черного моря[2]. С учетом этого можно предположить, что Заявление Э. Шеварднадзе, сделанное им уже 4 сентября, о том, что он получил от Премьер-министра Турции С. Демиреля письмо, в котором выражается «озабоченность ситуацией в Грузии и подчеркивается, что единство и целостность Грузии – главное»[3], – является правдой. Также 4 сентября С. Демирель имел встречу с группой молодых людей, потомков кавказских махаджиров. С учетом всего этого не лишено оснований и замечание С. Лакоба, который допускает, что «Демирель, как и Ельцин, почувствовал, что Шеварднадзе его сильно «подставил», осложнив ситуацию внутри страны»[4]. Такое мнение имеет под собой достаточно оснований, если учесть, что в вышеуказанном письме премьера Турции акцентировалось внимание на том, «что нельзя допустить развития тех событий, которые задержат или отодвинут слияние Грузии с мировым сообществом»[5]. Причем представляется небезынтересным и тот факт, что именно 4 сентября Посол США в Грузии К. Браун вручил Э. Шеварднадзе верительные грамоты[6].

2 сентября состоялась встреча кавказских представителей с прибывшим в Турцию Государственным секретарем России Г. Бурбулисом и послом России в Анкаре А. Чернышевым. Представители кавказской диаспоры осудили действия оккупационных войск Грузии и попросили, чтобы Россия потребовала вывода этих войск из Абхазии[7].

Согласно сообщению турецкого радио, 11 сентября состоялась встреча С. Демиреля с делегацией из г. Адапазар, в ходе которой турецкий премьер сообщил, что «вчера министр иностранных дел передал мне письмо от уважаемого Шеварднадзе, где он заверяет, что нет

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 4, 19 сентября 1992 г.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 256

[3] Шеварднадзе Э. Интервью грузинскому телевидению. 4.09.1992 г. (Перевод с грузинского.)

[4] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 40.

[5] Там же. С. 41.

[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 273.

[7] Журн. «Абаза», № 1. С. 21. 1995 г.

ничего антигуманного и античеловеческого с грузинской стороны по отношению к Абхазии». 13 сентября в парламенте Турции обсуждали деятельность турецкого правительства по отношению к Кавказу. От имени правительства выступил первый заместитель премьер-министра Е. Иноню, который заявил, что Турция не должна отталкивать и обижать Грузию, но и проблемы Абхазии тоже нужно решить мирным путем. Парламент высказал пожелание отправить парламентскую комиссию в Абхазию[1]. Подтверждением взаимосвязанности названных политических заявлений и мероприятий может служить и то, что позже, 15 сентября, выступая по национальному радио[2], а 28 сентября – на встрече с кавказской диаспорой[3], Премьер-министр Турции подверг критике политику Грузии. 28 сентября после встречи с 400 представителями кавказской диаспоры Демирель сделал заявление дли СМИ. Он, в частности, сказал: «Мы неоднократно Грузию предостерегали от кровопролития в Абхазии, но не удалось предотвратить. К кровопролитию в Абхазии мы отнесемся с возмущением и осуждаем ее»[4].

17 сентября в Обращении Президиума ВС РА к руководству страны красного полумесяца выражались признательность за озабоченность ситуацией в Абхазии и надежда на то, что Турция «поддержит наши требования и окажет содействие в их реализации»[5]. И, действительно, турецкие депутаты перед поездкой в Страсбург на сессию Европарламента приняли в Стамбуле абхазскую делегацию, члены которой передали материалы о происходящих в Абхазии событиях[6]. 2 октября в Европарламенте по требованию представителей турецкой и российской делегаций состоялось слушание по вопросу о ситуации в Абхазии[7]. В ноябре 1992 г. «Уолл-стрит-джорнэл», суммируя новое восприятие Турции в правящих кругах Запада, писал: «Она выступает как мост между Западом, Балканами и Ближним Востоком. Она продолжает играть роль жизненно важного рычага безопасности Запада… В регионе, в котором имеются очаги застарелой вражды, где оружие имеет всякий, а этниче-

[1] Журн. «Абаза», № 1, С. 21. 1995 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 164.
[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 353.
[4] Журн. «Абаза», № 1, С. 22. 1995 г.
[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 31.
[6] Там же. С. 133.
[7] Там же. С. 138.

ские недовольства являются обычным делом, дружба Турции жизненно важна для Запада, как никогда»[1]. Серьезную озабоченность в связи с началом абхазо-грузинской войны выразило и греческое правительство[2].

События в Абхазия нашли отражения в польской прессе, публикации в которой свидетельствуют об отношении польской общественности к грузинской агрессии против Абхазии. Первые сообщения о введении на территорию Абхазии грузинских войск и начале боевых действий появились на страницах газеты «Жечьпосполита» и «Газеты Выборчей» 17 августа 1992 г., т.е. спустя четыре дня после вторжения. Уже сам факт того, что два наиболее уважаемых общественно-политических издания Польши в течение нескольких дней кровопролития хранили полное молчание о событиях в Абхазии, делая вид, будто там ничего и не происходит, крайне многозначителен. Скорее всего, по мнению Н. Медвенского, редакции вышеуказанных газет пришли к выводу, что грузинской стороне удастся реализовать основные военно-политические цели операции «Меч» за 3-4 дня, после чего международное сообщество будет поставлено перед свершившимся фактом, а значит, «преждевременное нагнетание» обстановки не имело бы смысла. Когда стало ясно, что план операции потерпел провал, польская печать буквально взорвалась чередой публикаций об Абхазии, пытаясь доказать читателям целесообразность военной акции Госсовета. Характерно и то, что в первые дни и недели войны практически все участники дискуссии заняли прогрузинскую позицию, неоднократно напоминая читателям о признании властями Польской Республики «территориальной целостности Грузии в границах бывшей Грузинской ССР». Польские журналисты – в особенности В. Ягельский и С. Поповский – исключали возможность изменения статуса Абхазии путем переговоров, ссылаясь на тот факт, что официальная Варшава считает республику составной и неотъемлемой частью Грузии. Подобная позиция объяснялась, главным образом, тем, что общественно-политические круги Польской Республики с большой симпатией относились к Грузии и лично к Э. Шеварднадзе[3].

[1] Пау Ф. Д. Политика Турции в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 199.

[2] Геноцид абхазов. М. ,1997. С. 109.

[3] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 172-173.

Действия Госсовета Грузии были направлены против Международного права, согласно которому Абхазия, оказавшись объектом агрессии со стороны другого государства, вынуждена была использовать свое законное право на самооборону. Можно ли было избежать войны? При складывавшихся тогда обстоятельствах это было труднодостижимой задачей. В условиях, когда возникла реальная угроза существованию абхазского этноса, когда не стеснялись открытых призывов к физическому уничтожению или изгнанию абхазов с родной земли, необходимость самосохранения народа выдвинула на первый план вопрос о возрождении действительной государственности Абхазии. А это никак не могло входить в планы Грузии, которая провозгласила себя унитарным государством, а «абхазских сепаратистов» объявила «паразитом» на теле страны. Да и возможно ли, чтобы империя согласилась на свободу колонии мирным путем?! Войны могло бы не быть только при условии, если бы абхазский народ не был самим собой, не обладал бы давними и глубокими традициями свободолюбия. А как показывает и учит история, цена свободы очень велика. Как говорил Монтескье, «свобода – это плод, созревающий не под всеми небесами, поэтому она недоступна и не всем народам»[1]. Бывают народы, которые не в состоянии заплатить столь высокую цену за свободу, и она остается для них недостижимым идеалом. Кроме того, начало войны продемонстрировало всем, конечно, кто мог и хотел увидеть это, что Абхазия – это не Грузия, и сделать ее таковой может только вооруженная агрессия. Хотя мировое сообщество и отказывалось признать свершившийся факт, тем не менее, став объектом государственного терроризма, Абхазия была вытолкнута в субъекты Международного права.

Резюмируя изложенное в параграфе, сошлюсь на Ю. Воронова, который 23 апреля 1993 г., выступая на конференции в Лондоне, говорил следующее: «Сегодня широко известно, что вооруженное вторжение в Абхазию, выброшенную из правового пространства Грузии, было согласовано Шеварднадзе с рядом лидеров мирового сообщества, в том числе и России, признавшими за Грузией право ставить принцип «территориальной целостности» выше принципов Всеобщей декларации прав человека и других международных хартий, защищающих права государств, народов, людей. На этом фоне ни Абхазия, ни Кавказ вооб-

[1] Руссо Ж-Ж. Об Общественном договоре // «Трактаты». М., 1969. С. 209.

ще уже не в состоянии были предотвратить войну в Абхазии, как санкционированную мировым сообществом. Таким образом, главную ответственность за кровопролитие в Абхазии несет глобальный фактор»[1].

3. Московская встреча от 3 сентября 1992 года

3. 1. Стороны перед встречей. Мотивации и комментарии

Одним из событий, оставивших заметный след в истории абхазо-грузинской войны, призвана была стать Московская встреча 3 сентября 1992 г., в которой участвовали первые лица России, Грузии, Абхазии, республик Северного Кавказа, краев и областей Юга России. Уже сама возможность проведения подобной встречи могла свидетельствовать о качественно новом уровне восприятия Абхазии в регионе, что стало возможным благодаря поддержке братских северокавказских народов и, конечно же, героизму самого абхазского народа, проявленного им в первые дни и недели войны. Когда речь идет о переговорах во время войны, то их нельзя рассматривать в отрыве от боевых действий. Баталии на полях сражений и на дипломатическом фронте происходят синхронно, и их результаты взаимосвязаны и взаимозависимы. Непосредственно перед переговорами военные стараются максимально развить свой успех для того, чтобы дипломаты, представляющие их сторону, могли чувствовать себя увереннее, и чтобы у них была возможность торговаться, а иногда диктовать свои условия. Дипломаты же, в свою очередь, во время переговоров всегда стремятся максимально и с наименьшими затратами приблизиться к достижению общей задачи – победы над противной стороной. Военные успехи, достигнутые на поле брани, должны закрепляться на дипломатическом уровне, а дипломатические победы, не подкрепленные военными гарантиями, могут быть перечеркнуты исходом лишь одного сражения. Военные успехи также могут низводиться к нулю неудачами на дипломатическом фронте, что служит еще одним дополнительным подтверждением того, что война есть продолжение политики средствами насилия. Справедливость это-

[1] Воронов Ю. Н. О геополитических аспектах войны в Абхазии // «Юрий Воронов – свет и боль». М., 1999. С. 298.

го изречения К. фон Клаузевица можно проследить на примере как самого хода Московской встречи от 3 сентября, так и предшествовавших ей и последовавших за ней событий.

После начала войны в Абхазии Россия воспринимала ход событий как внутреннее дело Грузии. Добровольческое движение в поддержку абхазов привело к осложнению ситуации на Северном Кавказе. Ситуация осложнялась тем, что лидеры национальных движений, выступавших за всевозможную помощь Абхазии, оказались в оппозиции к руководителям своих республик. В этих условиях Москва больше не могла занимать роль пассивного наблюдателя. К исходу первой недели войны в Абхазии стало ясно, что «дела» у войск Госсовета Грузии не так хороши, как на то рассчитывали, и они, в общем-то, не в состоянии самостоятельно преодолеть сопротивление абхазов. Россия не могла открыто оказать военную помощь Грузии и тем самым подавить абхазов, т. к. это могло бы привести к взрыву негодования кавказских народов и к неконтролируемым процессам в вооруженном Кавказе. Фактически запахло затяжной войной, при которой России оставаться не у дел было опасно. В этих условиях Москве было необходимо запустить «миротворческий процесс», тем самым придать себе функции официального посредника. В Тбилиси недвусмысленно заявляли, что никаких переговоров с Абхазией не может быть, пока там действуют «внешние силы»[1], под которыми подразумевались именно добровольцы из Северного Кавказа. Поэтому Россия заявила о закрытии границ с Абхазией и преследовании организаторов добровольческого движения. В это же время в ходе неоднократных телефонных консультаций была достигнута договоренность о том, что Б. Ельцин и Э. Шеварднадзе «в ближайшее время должны встретиться для обсуждения ситуации в Абхазии и вокруг нее»[2]. По версии грузинского историка З. Папаскири, «осознавая, что без нейтрализации российского фактора трудно будет достичь мира, Тбилиси стал активно призывать Кремлевское руководство выступить в роли инициаторов мирных переговоров». При этом он говорит, что «Президент России Б. Н. Ельцин, который в то время был настроен конструктивно, принял это предложение»[3].

[1] Газ. «Известия», № 191… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-25-avgusta-1992-goda

[2] Там же.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 426.

Узнав об этом из СМИ, Председатель ВС РА В. Ардзинба 25 августа сделал заявление о том, что «учитывая складывающуюся к настоящему времени ситуацию, вовлечение в происходящие здесь события значительного числа добровольцев из Северного Кавказа, считаем совершенно необходимым участие во встрече руководителей Абхазии и Северного Кавказа»[1]. Утром 26 августа по российским «Новостям» было передано сообщение о том, что на 28 августа намечена встреча Ельцина, Шеварднадзе и Ардзинба в Москве. Но уже днем 26 августа объявили, что эта встреча состоится 3 сентября, и в ней примут участие и представители горских народов Кавказа[2].

26 августа Э. Шеварднадзе во время телефонного разговора с В. Ардзинба сообщил, что «на 28 августа намечена его встреча с Б. Ельциным, и только после этого, ориентировочно 3 сентября, состоится их встреча с участием руководителей Абхазии и северокавказских республик»[3]. 26 августа Б. Ельцин обратился к руководству Абхазии и Грузии, в котором содержался призыв «проявить государственную мудрость и чувство ответственности» за судьбу своих народов и выражалась готовность России поддержать миротворческие усилия сторон[4]. Тогда же участникам предстоявшей этой встречи были разосланы соответствующие телеграммы-приглашения[5]. 27 августа в Сухум прибыла группа российских парламентариев под руководством председателя подкомитета по вопросам международной безопасности и разведки парламента России Е. Кожокина. В задачу делегации входила подготовка Московской встречи 3 сентября[6]. 27 августа на заседании Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе сообщил: «Встреча высших руководителей России и Грузии назначена на 3 сентября, хотя кому-то может показаться, что мы теряем несколько важных дней», пояснив, что такая встреча требует тщательной подготовки[7]. Эта подготовка предусматривала в том числе и облегчение своей задачи на переговорах, чего можно было добиться победами на фронтах. Перенос переговоров с первоначальной даты В. Ард-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 42.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 46.
[3] Газ. «Республика Абхазия», 22-27 августа 1992 г.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 46.
[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 106.
[6] «Независимая газета», № 166, 29 августа 1992 г. С. 3.
[7] Там же. С. 1.

зинба расценил как возможную попытку Грузии решить за это время проблему военным путем[1]. Это подтвердил и прибывший тогда в Сухум Д. Иоселиани, который высказался не очень определенно, но красноречиво: «Будем ли мы воздерживаться от боевых действий до 3 сентября или нет, зависит от действий абхазской стороны»[2]. Так и случилось, наступление началось через четыре дня, 30 августа, а слова В. Ардзинба о том, что в ближайшие дни угрозы Каркарашвили будут претворены в жизнь, оказались пророческими.

28 августа В. Ардзинба выразил благодарность Президенту России за инициативу проведения встречи, вместе с тем обратил внимание «на необходимость ускорения процесса политического урегулирования проблемы»[3]. Абхазский Парламент в тот же день «в целях создания лучших условий для предстоящих в Москве многосторонних переговоров» выступил со следующими инициативами: «Объявить мораторий на ведение огня с 00 часов 30 августа с. г. вплоть до завершения встречи руководителей Абхазии, Грузии, России и республик Северного Кавказа 3 сентября 1992 г. в Москве; отвести боевую технику от линии противостояния; без всяких предварительных условий возвратить всех пленных и заложников, выдать тела убитых»[4]. На следующий день, 29 августа, в Сочи на трехсторонних консультациях представителей России, Абхазии и Грузии С. Шойгу, В. Ардзинба и Т. Китовани подписали протокол, в котором говорилось, что стороны достигли договоренностей: о безусловном стремлении остановить кровопролитие, обеспечить политическими средствами урегулирование конфликта; о полном, начиная с 31 августа 1992 г., прекращении всех боевых действий и передвижения вооруженных формирований; об организации постоянно действующей связи между сторонами в целях обмена информацией и реагирования на изменения в обстановке; об обеспечении бесперебойного и безопасного функционирования воздушных и морских транспортных путей; о выполнении согласованного графика перевозок гражданского населения в зоне конфликта и примыкающих районах. Стороны также договорились, что в срочном порядке передадут друг другу раненых,

[1] Газ. «Республика Абхазия», 22-27 августа 1992 г.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 165.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 53.
[4] Там же. С. 56.

захваченных ими заложников, пленных, без всяких предварительных условий тела погибших. Участники консультации заявили, что предстоявшая 3 сентября 1992 года встреча в Москве имела исключительно важное значение. Незамедлительное прекращение огня, нормализация обстановки в зоне конфликта, безусловное соблюдение прав и свобод человека создадут необходимые предпосылки для успешного проведения данной встречи[1].

Руководитель российской делегации на этих консультациях С. Шойгу причину проведения встречи накануне переговоров на высшем уровне в Москве объяснил следующим образом: «До 3 сентября в зоне конфликта могло произойти все, что угодно, и мы поняли – надо срочно начинать диалог»[2]. А 3 сентября, уже во время самой Московской встречи, Б. Ельцин, видимо желая упредить какую-то нежелательную реакцию грузинской стороны, заявил, что «Шойгу не был для этого (подписания протокола. – **А. А.**) делегирован, и полномочия ему не были даны»[3]. Министр обороны Грузии Т. Китовани после сочинских переговоров сообщил, что на них обсуждался и вопрос о создании в будущем миротворческих российско-грузинских сил. Он не исключил также участие в будущем в охране и контроле за коммуникациями в Абхазии и «еще одной заинтересованной стороны – Армении»[4]. В. Ардзинба считал, что на территории Абхазии должны находиться миротворческие силы, которые будут представлять нейтральную и не задействованную в конфликте сторону. Он подчеркнул бессмысленность разговора «о трехсторонних разъединительных силах»[5].

Несмотря на такие разночтения, тогда, после подписания протокола 29 августа в Сочи, В. Ардзинба и Т. Китовани по телефону договорились практически прекратить огонь еще 30 августа[6]. Однако тогда же, 30 августа, в интервью грузинскому телевидению Т. Китовани заявил: «Я отказал Ардзинбе во встречах и переговорах, так как не признаю его как главу правительства и не признаю его Верховный Совет». Китовани

---

[1] http://www.rrc.ge/law/dadg_1992_08_29_R.htm?lawid=387&lng_3=ru

[2] Геноцид абхазов. М. 1997. С. 129–130.

[3] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 107.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 134.

[5] Там же. С. 122.

[6] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 76.

подтвердил, что одним из условий решения конфликта является разоружение абхазских и северокавказских формирований[1]. 30 августа в радиовыступлении Э. Шеварднадзе подчеркнул, что прекратить огонь в течение одного дня в такого рода конфликте невероятно трудно, практически невозможно. Но вместе с тем выразил надежду, что после Московской встречи кровопролитие прекратится. Шеварднадзе обвинил в нарушении перемирия абхазскую сторону. Тем не менее, он подчеркнул, что будет ошибкой пойти маршем на Гудауту, поскольку это повлечет за собой многочисленные жертвы[2]. Однако именно 30 августа ВС Абхазии вынужден был констатировать: «В настоящее время гагрская и сухумская группировки войск Госсовета с двух сторон атакуют позиции сил самообороны Абхазии в направлении Гудауты»[3]. 30 августа грузинское посольство в Москве сделало официальное заявление о факте обстрела грузинских позиций в Гагре российским военным кораблем[4]. Это, по всей видимости, был упреждающий удар, направленный на недопущение нежелательной для Грузии реакции со стороны России по поводу несоблюдения Тбилиси достигнутых в Сочи соглашений. Более того, руководитель пресс-службы Госсовета Грузии заявил, что о подобных переговорах Э. Шеварднадзе ничего неизвестно. Отвечая на вопросы российской прессы, В. Ардзинба по этому поводу сказал, что целью такого поведения грузинского лидера может быть только его стремление «до 3 сентября полностью решить вопрос силой, чтобы потом диктовать свои условия»[5].

31 августа в ответ на протест руководителя абхазского парламента по поводу несоблюдения грузинской стороной договоренностей Г. Каркарашвили заявил: «Я не собираюсь соблюдать эти договоренности. Я должен захватить мельзавод и нефтебазу»[6], расположенные в с. Эшера. Позже, 3 сентября, во время Московской встречи Т. Китовани оправдывал такое поведение грузинских формирований их неподконтрольно-

---

[1] «Независимая газета», № 167... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-sentyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 195… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-31-avgusta-1992-goda

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 73.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 125.

[5] Там же. С. 123.

[6] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 44.

стью. Он говорил: «Там около 200 человек, которые не контролируются нигде… и провоцируют эту систему»[1]. Но как это объяснение Китовани можно соотнести с тем, что заявление о несоблюдении соглашений было сделано официальным лицом – Г. Каркарашвили – командующим войсками Госсовета Грузии в Абхазии? Но, похоже, это никого не смущало.

По всей вероятности, Э. Шеварднадзе желал выйти из предстоявшей встречи безоговорочным победителем и это он надеялся достичь с помощью Б. Ельцина. Однако позже об этой встрече он говорил с обидой, утверждая, что Президент России его обманул. Шеварднадзе вспоминал: «В 1992-м он (Ельцин. – **А. А**.) мне позвонил и сказал, что надо заканчивать войну в Абхазии. «Если Россия захочет, это можно сделать очень легко, – продолжал Ельцин. – Я предлагаю так: приезжайте вы сами, я позвоню Ардзинбе и соберем всех руководителей республик Северного Кавказа»[2]. Чуть опередив события, скажем, что, в общем, так и случилось – Шеварднадзе с помощью Ельцина добился безоговорочного признания «территориальной целостности» Грузии. Но, судя по всему, с позиции 2004 г., к которому относятся приведенные слова Шеварднадзе, этого было недостаточно.

Но в 1992 г. он, видимо, считал себя вправе от этой встречи ожидать большего. Незадолго до 3 сентября Э. Шеварднадзе заявил, что он едет в Москву с конкретным планом урегулирования конфликта и многозначительно добавил: «Но позвольте мне пока не раскрывать его. Мы хотим остановить эту войну и знаем, как это сделать»[3]. Очевидно, этот план предусматривал переломить ход событий до 3 сентября и склонить Абхазию к покорности. Об этом говорил и депутат абхазского Парламента З. Ачба на общественных слушаниях по абхазской проблеме, организованных по инициативе Федерации мира и согласия и российского Комитета защиты мира[4]. Об этом также свидетельствовало поведение подразделений военных формирований Госсовета Грузии. С 30 августа по 2 сентября грузинской стороной предпринимались попытки про-

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 77.

[2] http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510 // Журн. «Власть», № 50, 20 декабря 2004 г.

[3] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 66.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 169.

рвать оборону Абхазского ополчения на Гумистинском фронте. В связи с этим Российское правительство выступило с Заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Все это заслуживает самого сурового осуждения, тем более что происходит вопреки достигнутой договоренности о прекращении огня с 31 августа. Мы решительно предупреждаем инициаторов подобных акций относительно их последствий»[1]. Однако, несмотря на это довольно жесткое заявление, 1 сентября в ходе боев на Гумистинском фронте военные корабли СНГ обеспечивали коридор для продвижения грузинских барж морем, на которых была переброшена тяжелая техника: танки, БТР, БМП, установки «Град» и «Алазань». Видимо, эту согласованность и ее возможные последствия имел в виду А. Кавсадзе, который, тогда заявив, что Э. Шеварднадзе «сейчас решает трудные проблемы», добавил: «Он их решит, будьте уверены»[2].

В ходе попытки прорвать линию обороны Абхазского ополчения, которую С. Лакоба назвал «последним шансом Шеварднадзе овладеть Абхазией»[3], грузинским формированиям удалось создать на некоторое время на левом берегу Гумисты небольшой плацдарм – «танковый прорыв». Абхазский поэт Т. Аджба, находившийся в оккупированном Сухуме, 31 августа записал в своем дневнике следующее: «Я слышал, что 4 танка перешли на тот берег. Боюсь, что прорвали фронт… Я страшно подавлен. Сердце разрывается от того, что нет у нас достаточных сил… Одной правды мало, если она не подкрепляется силой, оружием»[4]. В этих боях 31 августа и 1 сентября грузинские войска применили вертолетную авиацию[5]. Но в ночь с 1 на 2 сентября, благодаря героическим усилиям и беспримерной самоотверженности защитников Абхазии, группировка противника, осуществившая «танковый прорыв», была локализована, а затем ликвидирована. В 9 часов утра 2 сентября «Новости» передали, что грузинская сторона потеряла 11 единиц бронетехники, а в 2 часа дня «Вести» сообщили, что Шеварднадзе может отказаться от Московской встречи[6]. Тогда же, 2 сентября, военным командованием обеих сторон было достигнуто Соглашение о прекращении

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 170.
[2] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 218.
[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 48.
[4] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 63.
[5] http://otvaga2004.narod.ru/otvaga2004/wars1/wars_56.htm
[6] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 65.

огня и перемещении воинских частей на период с 20. 00 2 сентября до 4. 00 утра 4 сентября 1992 г., т. е. на время переговоров в Москве.

Одновременно с началом «танкового прорыва» на Гумистинском фронте 30 августа войсками Госсовета была предпринята попытка крупномасштабного наступления и на Гагрском фронте. Грузинский танк прорвался по берегу моря и вклинился в позиции абхазских ополченцев. В это же время началось наступление по трассе Гагра – Сухум. Однако в ходе ожесточенных боев позиции были восстановлены. Говоря об этой операции, В. Пачулия пишет, что если бы она «завершилась для грузин успешно, Шеварднадзе имел бы возможность диктовать свои условия на Московской трехсторонней встрече»[1]. Тем самым дополнительный военно-политический козырь, к овладению которым стремилась Грузия, был выбит из ее рук, статус-кво на Гумистинском и Гагрском фронтах был восстановлен. На первый взгляд, это могло бы послужить дополнительным стимулом абхазской стороне для ужесточения своей позиции на переговорах в Москве. Но как показали последовавшие события, героические усилия народного ополчения на фронтах фактически не могли иметь существенного эффекта в условиях массированного наступления на позиции абхазской делегации. Однако мужество и самопожертвование, проявленные абхазскими ополченцами при отражении и ликвидации «танкового прорыва» противника, останутся героической страницей в летописи войны.

31 августа в связи с непрекращающимися военными действиями в Абхазии состоялось второе чрезвычайное совещание руководителей Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области. Его участники должны были выработать пакет документов, которые решено представить на встрече 3 сентября в Москве[2]. Тогда же в Армавире под председательством вице-премьера России Г. Хижа состоялось заседание специальной межрегиональной комиссии при Совете Безопасности. Комментируя эту встречу, он сказал, что Северный Кавказ является «зоной особых интересов» России, поэтому она не может проявлять какой-

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 83.

[2] «Российская газета», № 194... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-sentyabrya-1992-goda

то пассивности или незаинтересованности в событиях этого района[1]. Президент Адыгеи накануне Московской встречи сказал, что встреча в Армавире показала, что Россия готова вплотную заняться урегулированием ситуации в Абхазии[2].

Тем временем, еще в ходе крупномасштабных боевых действий на Гумистинском фронте 1 сентября Абхазия заявила о необходимости участия на переговорах в Москве представителей Чечни и КГНК[3], которые не были приглашены их организаторами. Но зато туда позвали правительство т. н. Автономной республики Абхазия, т. е. оккупационные сухумские власти. Уже по одному подбору участников становились очевидными направленность, цели и задачи предстоящих переговоров. Несмотря на это, в Грузии не все были уверены в том, что эта встреча пройдет по сценарию тбилисских стратегов и предлагали более радикальные пути решения проблемы. Так, член Госсовета Грузии Т. Пааташвили накануне встречи 2 сентября в интервью грузинскому радио заявил: «Я думаю, что здесь, в Абхазии, без применения силы ничего не получится. С кем бы ни пришлось воевать, даже если половина населения Грузии погибнет, то мы все равно не должны уступить такую территорию, как Абхазия»[4]. На фоне таких воинственных заявлений еще 1 сентября В. Ардзинба в беседе с журналистами, говоря о своих ожиданиях от предстоявшей встречи, сказал: «В первую очередь, я жду решения о прекращении кровопролития. Мы боремся сейчас не против грузинского народа, а против руководства, которое проводит милитаристскую политику и направляет сюда свои вооруженные формирования»[5].

Возможные итоги предстоящей встречи прогнозировались и комментировались и в Москве. По мнению председателя Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности С. Степашина, эта встреча могла бы иметь успех только в том случае, если Б. Ельцин занял бы «предельно жесткую позицию»[6]. Публицист Д. Кацюбинский на страницах

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 165.

[2] Там же. С. 171.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 80.

[4] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 95.

[5] «Независимая газета», № 168... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-2-sentyabrya-1992-goda

[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 105.

журнала «Смена», анализируя позицию России, писал, что, несмотря на определенный крен в сторону Тбилиси, сказать, что «Москва сделала свой окончательный выбор или хотя бы определила свои приоритеты, пока что нельзя». Далее автор, рассматривая возможные варианты развития ситуации на переговорах, писал о трех возможных сценариях: «1. Россия берет сторону Госсовета. В этом случае первое, что ей придется сделать, – это объявить войну собственным гражданам – представителям КГНК. 2. Россия примет сторону Ардзинба и на своих штыках и танках учреждает абхазскую независимость. Если даже сбросить со счетов опасность большой российско-грузинской войны, нельзя не увидеть изначальную безнадежность данного сценария: грузин больше, и они будут против своего отторжения от соплеменников из Западной Грузии. 3. Судя по всему, наиболее вероятный. Россия делает вид, что сочувствует государственническим потугам грузинского руководства и формально осуждает экстремизм горцев. Одновременно она взирает сквозь пальцы на то, как эти самые горцы используют российскую территорию в качестве недосягаемого для Грузии плацдарма, с которого ведутся активные военные действия. Нетрудно понять, что этот третий вариант явится прелюдией к одному из первых двух»[1].

По мнению российского ученого Н. Волковой, необходимо было «прекратить огонь, вывести войска Госсовета из Абхазии и ввести миротворческие силы». Размышляя о возможных же путях урегулирования возникших серьезных противоречий, она предполагала, что «может быть, после выборов (в Грузии. – **А. А.**) правительство Грузии найдет возможным сесть за стол переговоров и на равных разговаривать с Абхазией»[2]. Президент Адыгеи А. Джаримов, высказавший свое отношение к предстоявшим переговорам, считал, что в результате их должны быть удалены с территории Абхазии все военные формирования – «и грузинские, и горские, а также распущены и абхазские формирования»[3]. С выводом грузинских и даже «горских» формирований из Абхазии, казалось бы, все ясно, но за что должны быть «распущены и абхазские формирования» и кто должен был занять их место?! В этом случае образовался бы недопустимый вакуум, при котором было

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 132.
[2] Там же. С. 166.
[3] Там же. С. 172.

бы немыслимо гарантировать государственность и восстановить правопорядок в Абхазии, обеспечить безопасность ее граждан.

«Санкт-Петербургские ведомости», рассуждая об этих же переговорах, писали, что накануне встречи в Москве чрезвычайно важно, чтобы «все стороны воздержались от действий, заявлений или комментариев, которые могли бы нанести ущерб инициативе Президента России по урегулированию конфликта»[1]. Как грузинская сторона воздерживалась от «действий, которые могли бы нанести ущерб» и избегала их, мы уже не раз видели. Наряду с этим в Грузии предпринимались немалые усилия для того, чтобы представить перед международным сообществом Абхазию политической марионеткой России. Накануне встречи в Москве Э. Шеварднадзе сделал категоричное, хотя и ничем не подкрепленное заявление о том, что Россия принимает участие в боевых действиях на стороне абхазов. Член Госсовета Грузии Г. Чантурия в ходе поездки в Брюссель убеждал своих собеседников в том, что за действиями Абхазии стоит Россия, а в интервью грузинскому радио он же заявил, что убежден, что за действиями «абхазских сепаратистов» стоят исключительно «происки имперской политики России, которая вновь покушается на независимость Грузии». 2 сентября Сухумское телевидение, находившееся под контролем грузинских войск, сообщило об участии российских военнослужащих в боевых действиях на стороне Абхазии. При этом преследовалась цель оказать давление на Россию накануне переговоров, превратить ее из арбитра в оправдывающуюся сторону и, угрожая «разоблачением ее имперских претензий» перед мировым сообществом, склонить к прогрузинской позиции. Однако тогда же совместная российско-грузинская комиссия во главе с заместителем Командующего ЗакВО А. Мурылевым и советником Председателя Госсовета Грузии по вопросам обороны Л. Шарашенидзе установила недостоверность фактов, изложенных в названном заявлении грузинской стороны[2].

«Российская газета», вышедшая уже в день переговоров, писала: «Самое опасное заключается в том, что безответственные элементы из числа грузинских военных формирований своими действиями пытаются втянуть в военные действия дислоцированные в Абхазии рос-

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 106.
[2] Там же. С. 177.

сийские войска. По сообщениям западных СМИ, 1 сентября российская воинская часть отразила нападение грузинского отряда. Погибло 13 нападавших. Э. Шеварднадзе выступил с заявлением, где попытался переложить ответственность за инцидент на обороняющуюся сторону и «предупредил российское руководство о возможности срыва встречи в верхах в случае продолжения таких происшествий»[1]. По данным того же источника, вскоре состоялся «личный телефонный разговор Ельцина и Шеварднадзе», во время которого, видимо, инцидент был улажен. В действительности, во взаимоотношениях Москвы и Тбилиси, судя по всему, к «синдрому 9 апреля» добавился и «синдром Э. Шеварднадзе». Только этим можно было объяснить позицию России. Грузия не входила в СНГ и постепенно шла на сближение с Западом. Не входя в СНГ, Грузия уже входила в ООН и СБСЕ и ставила вопрос о вхождении в НАТО, что при сохранении «территориальной целостности» означало расквартирование военных баз Североатлантического альянса непосредственно у границ России. И это происходило на фоне выступлений России против расширения НАТО за счет вступления в него стран Восточной Европы.

Но это на первый взгляд, а на самом деле подобная политика, вероятно, была продиктована не бессилием России оказать воздействие на происходившие процессы, а отсутствием внутренней стабильности в стране. Внешняя политика при отсутствии внутренней стабильности, как известно, направлена, прежде всего, на сохранение политического имиджа государства. А для того, чтобы соответствовать тогдашней моде, нужно было благосклонно относиться к признанным «миротворцам», внесшим весомый вклад в окончание «холодной войны», каковым считался Э. Шеварднадзе. Значимость «фактора Шеварднадзе» в контексте рассматриваемого аспекта российско-грузинских отношений отмечал и аналитик Б. Юнонов. В начале сентября 1992 г. он писал: «Логика Лондона, Парижа и Бонна строится следующим образом: давайте оставим в покое Шеварднадзе, он знает, что делает… Грузино-абхазский конфликт не беспокоит ни ЕС, ни СБСЕ, ни ООН, ни даже страны, ассоциированные в региональный черноморский союз, провозглашенный нынешним летом на «саммите» в Стамбуле»[2]. По всей видимости, регион Кавказа пока по негласной геополитической договоренности

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 178-179.
[2] Там же. С. 256.

относился к зоне российской ответственности. А заявления Шеварднадзе о стремлении Грузии вступить в НАТО, по всей вероятности, в Москве воспринимали как безобидную шутку. «Поиграет, поговорит и забудет», – возможно, думали в Москве, наблюдая за его попытками сделаться поборником западных интересов, там, где они еще четко не были обозначены. Главное, скорее всего, заключалось в том, что в рассматриваемое время отношения Москвы и Запада пока не подвергались серьезным испытаниям. Их интересы пересеклись чуть позже. И было это связано с тем, что администрация Б. Клинтона поддержала провозглашенное лидерами стран «вышеградской группы» (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) стремление вступить в НАТО. По мнению Д. Тренина, именно тогда, в 1993 г., произошел «надлом в российско-западных отношениях», и названный шаг США «привел к первому серьезному кризису доверия между Москвой и западными столицами»[1].

Накануне встречи в Москве, 2 сентября, в Сухуме состоялись переговоры представителей командования грузинских войск в Абхазии и абхазских сил самообороны. Было достигнуто устное соглашение о прекращении на территории Абхазии боевых действий до 4 сентября, когда в соответствии с договоренностью должны были быть возобновлены переговоры между абхазскими и грузинскими военными. Кроме того, было решено до 6 сентября не проводить передислокации как абхазских, так и грузинских военных формирований на территории Абхазии. Стороны также условились оказывать содействие российским войскам в эвакуации с территории Абхазии[2].

Позже, в 2009 г., Э. Шеварднадзе писал: «2 сентября 1992 года мне позвонил из Москвы Ельцин. «Мы хотим встретиться и положить конец этой войне. Пожалуйста, приезжайте в Москву. Я приглашу кавказских лидеров, и мы сможем все вместе обсудить, как взять ситуацию под контроль», – сказал он. Я приехал в Москву. Ардзинба тоже прибыл»[3]. Однако утверждение Э. Шеварднадзе о том, что ему сообщили о встрече в Москве 2 сентября и попросили приехать – «пожалуйста, приезжайте» – является ни чем иным, как попыткой задним числом возвысить свою

[1] Тренин Д.В. Российская внешняя политика в 1992–2009 годах // http://www.ru-90.ru/node/1284/

[2] «Независимая газета», № 170... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-4-sentyabrya-1992-goda

[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 343.

значимость. Может, в этом просматривается желание откреститься от событий, которые предшествовали той встрече. На самом же деле о ней он знал значительно раньше, о чем говорилось выше. Дополнительным свидетельством этому служит встреча министров иностранных дел России и Грузии А. Козырева и А. Чикваидзе, состоявшаяся именно 2 сентября в Москве, на которой обсуждался проект соглашения по урегулированию положения в Абхазии, который должен был быть подписан на встрече 3 сентября. А встречи с такой повесткой дня не могут состояться без санкции первого лица государства[1]. Да и потом, не кто иной, как сам Э. Шеварднадзе во время телефонного разговора с В. Ардзинба 26 августа 1992 г. сообщил о том, что 3 сентября в Москве состоятся трехсторонние переговоры.

Также 2 сентября в Москве прошло рабочее совещание Председателя Парламента Абхазии В. Ардзинба, вице-премьера Грузии А. Кавсадзе и министра иностранных дел России А. Козырева. Перед этим А. Кавсадзе категорически отверг возможность установления федеративных отношений между Грузией и Абхазией[2]. Трудно сказать, что это заявление было направлено на создание благоприятного фона открывавшихся переговоров. Зато оно недвусмысленно свидетельствовало о настрое грузинской стороны, которая, к тому же, несмотря на некоторое осложнение отношений с Москвой, все же рассчитывала, и, как выяснилось, небезосновательно, на понимание и поддержку со стороны России. Вечером того же дня в ходе неоднократных встреч экспертных групп был согласован проект текста Итогового Соглашения. Утром 3 сентября А. Козырев доложил Б. Ельцину, который высказал свои пожелания, в результате чего был выработан окончательный текст документа, в котором предложения абхазской стороны были проигнорированы. Об этом свидетельствуют слова В. Ардзинба, который в начале Московской встречи с негодованием констатировал: «Вчера группа наша работала вечером, предложения свои внесла. Сегодня утром мы опять эти предложения повторили. С тех пор мы никакого контакта не имели, получили текст, в котором наших предложений, к сожалению, нет»[3].

---

[1] «Независимая газета», № 169… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-sentyabrya-1992-goda

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 202.

[3] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 91.

3. 2. Переговоры в «Президент-отеле» и их Итоговый документ

Накануне начала переговоров в Москве «Российская газета», прогнозируя развитие событий, писала: «Видимо, участники Московской встречи и прежде всего российский Президент сделают все возможное для укрепления позиций Э. Шеварднадзе в глазах международной общественности, в Грузии в первую голову»[1]. Прогноз, в общем, оказался верным: «Эдуард Амвросиевич, мы с Вами наиболее опытные люди из всех, может быть, сидящих»[2], – так Президент России успокаивал Э. Шеварднадзе на первых порах после начала встречи, когда глава Госсовета Грузии начал нервничать. Грузинский историк З. Папаскири настаивает, что «это была именно встреча руководителей двух государств»[3] – России и Грузии.

Московская встреча руководителей России, Грузии и Абхазии, в которой участвовали руководители республик Северного Кавказа и областей Юга России, открылась 3 сентября в 10. 00. За час до этого, в 9.00, у здания Верховного Совета России начался пикет представителей абхазской общины в Москве, беженцев из Абхазии и выходцев из Северного Кавказа. Его участники требовали: осудить кровавую агрессию; остановить кровопролитие; вывести все военизированные формирования Госсовета Грузии с территории Абхазии; создать международную комиссию по расследованию преступлений, совершенных Госсоветом Грузии и его военизированными формированиями на территории Абхазии[4]. Также ставился вопрос о незыблемости права на самоопределение Абхазии. Акцию планировалось продолжать до получения «обнадеживающих вестей» из «Президент-отеля», где начинались переговоры. Немного забегая вперед, скажу, что «обнадеживающих вестей» участники названной акции так и не дождались. Один из них – абхазский поэт М. Ласуриа – позже, вспоминая о ней, писал: «В холодный ветреный день 3 сентября я был около отеля вместе с земляками из абхазской диаспоры и теми, кто специально приехал в Москву. В гостинице шли тяжелые и длительные переговоры. В них участвовали Президент России Ельцин,

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 178. 179.

[2] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 93.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 426.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 250.

Президент Грузии Шеварднадзе, наш Владислав Ардзинба и руководители Северного Кавказа. Речь шла о главном – быть или не быть войне. Владислав Григорьевич требовал немедленного вывода грузинских войск с территории Абхазии. Вдруг из дверей вышел Жириновский, он подошел к нам и спросил: «Вы абхазы?». «Да». «Запомните и передавайте из поколения в поколение: сегодня на этих переговорах вас предал Ельцин. У вас есть один-единственный человек, который может спасти Абхазию. Это – Владислав Ардзинба. Верьте ему и помогайте ему»[1].

Саму Московскую встречу открыл Б. Ельцин приветственным словом, в котором он подчеркнул принципиальную позицию России по вопросу территориальной целостности Грузии. Российский Президент решил, образно выражаясь, взять быка за рога и предложил «дискуссии общие не вести» по подготовленному документу[2]. При этом Б. Ельцин сослался на опыт «Дагомысского соглашения» по грузино-осетинскому конфликту, который, по его словам, «принес свои плоды»[3]. А какими стали эти «плоды» для Абхазии, было известно: здесь, да и на всем Кавказе, это Соглашение иначе как «дагомысским сговором» России и Грузии не называли. Так что ссылка на этот документ в начале Московской встречи ничего хорошего, в смысле ее результатов, абхазской стороне уже не предвещала. В ответной речи Э. Шеварднадзе выразил благодарность России и отметил большое значение встречи в интересах установления мира не только в Грузии, но и в масштабе всего Кавказа, «поскольку без учета русско-грузинского сотрудничества трудно говорить о мирном и стабильном контакте»[4]. По истечении времени Э. Шеварднадзе так описывал эпизод начала переговоров: «Ельцин открыл это заседание и объявил: «Закончить надо абхазскую войну!». Я поблагодарил за такую заботу»[5]. Тогда Глава Госсовета, как «опытный» дипломат, сразу определил приоритет «российско-грузинского сотрудничества», которое, как он предупреждал, могло пострадать в случае, на его взгляд, неправильной позиции России на переговорах.

---

[1] Газ. «Ҽцәаҷьаа», № 11-12, ноябрь-декабрь 2010 г.

[2] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 87.

[3] Там же. С. 86.

[4] Там же. С. 89.

[5] http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510 // Журн. «Власть», № 50, 20 декабря 2004 г.

И эти усилия были ненапрасными, и слова грузинского лидера, можно сказать, быстро дошли до адресата и возымели действие. Эстафетную палочку подхватил Б. Ельцин, который отреагировал следующим образом: «Я сожалею, что наш министр иностранных дел не организовал до сих пор посольство в Тбилиси российское, хотя установлены дипломатические отношения. Я его не критикую, я просто сожалею об этом. И думаю, что после выражения этого сожаления Андрей Владимирович немедленно среагирует»[1]. Казалось бы, собирались совсем по другому поводу, но, видимо, нужно было подсластить пилюлю и не обидеть Э. Шеварднадзе.

Переговоры начинались в целом неудачно, никто не желал уступать своих позиций. Спустя всего полчаса после начала переговоров они были прерваны, был объявлен незапланированный перерыв. Затем начались двух-трехсторонние контакты с целью выработать взаимоприемлемые условия мирного соглашения между Грузией и Абхазией[2]. Нервозности добавил и тот факт, что за стол переговоров не были приглашены члены делегации Абхазии, и В. Ардзинба пришлось попросить, чтоб и им также выделили места[3]. Споры возникли уже при обсуждении преамбулы: по варианту Итогового документа, представленного для подписания, Абхазия была названа «Абхазская АССР», на котором настаивала грузинская сторона, а абхазская сторона была против этого, ссылаясь на то, что по действовавшему законодательству она называлась «Республика Абхазия». И после долгих споров Президент России поддержал В. Ардзинба, предложившего принять нейтральную формулировку «Абхазия», хотя в ходе дискуссий отметил: «Мы не можем и не должны участвовать в том, как именовать республику, то или иное национальное образование вне пределов Российской Федерации»[4]. А глава Госсовета с нотками обиды в голосе отреагировал следующей репликой: «Я пришел с таким намерением, что все это согласовано», но все же уступил[5].

---

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 87.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 187.

[3] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 90.

[4] Там же. С. 93.

[5] Там же. С. 93.

Основная часть дискуссий проходила по тексту первой статьи Итогового документа. Т. Надарейшвили и Э. Шеварднадзе говорили о недопустимости вывода войск Госсовета, «передислоцированных» на территорию Абхазии. При этом первый говорил о том, что эти «войска» призваны защищать население оккупированной ими же территории Абхазии от «противозаконной» и «антиконституционной» абхазской Национальной гвардии. А второй считал, что они должны «обеспечивать строгий контроль по всему периметру зоны конфликта» и выполнять функции «охраны железной дороги, мостов и автомагистралей»[1]. В. Ардзинба же резонно доказывал, что именно нахождение войск Госсовета и является «источником всей конфронтации, всего военного конфликта», следовательно, для урегулирования ситуации необходим их вывод[2].

Вопрос о выводе грузинских войск из Абхазии стал камнем преткновения также и для России. Б. Ельцин, старясь, видимо, не особо обижать «опытного» Э. Шеварднадзе, но, ставя во главу угла защиту интересов своей страны, говорил: «Я бы просил все-таки, Эдуард Амвросиевич, найти формулу вывода поступивших в последнее время войск для каких-то целей, или еще что-то... Давайте мы защитим железную дорогу, давайте мы защитим границу, давайте мы полностью перекроем границу на севере, чтоб не проникали никакие военные формирования… Давайте мы на территории Абхазии разместим российские войска, чтобы в зонах конфликта, будучи нейтральными, тем не менее, все-таки они обеспечивали какой-то порядок (стилистика оригинала. – **А. А**.)»[3]. То есть, другими словами, Президент России предложил наряду с расформированием добровольческих отрядов вывести и войска Госсовета и заменить их российскими, которые в этом случае оставались бы единственной военной силой на территории Абхазии. Но прежде Б. Ельцин успокоил возможные опасения Э. Шеварднадзе, что «нет ни у кого подпольных мыслей разрушать целостность Грузии»[4], а затем предложил подписать «большой договор» и «экономическое соглашение» с Грузией[5].

---

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 95.

[2] Там же. С. 95.

[3] Там же. С. 96.

[4] Там же. С. 95.

[5] Там же. С. 96.

Действительно, в первой половине встречи Э. Шеварднадзе даже был слегка обескуражен и не мог скрыть этого: и если чуть раньше он заявил, что «если мы подпишем сей документ, может быть, в какой-то степени это отвечает интересам одной стороны, а другой – нет, но это не самое главное»[1], то теперь он признавался: «Я не ожидал, что дискуссия примет такой оборот»[2]. А в ответ на предложение российской стороны о фактическом выводе войск Грузии из Абхазии и вводе туда российских миротворческих сил, Э. Шеварднадзе сказал: «Если сейчас мы согласимся с этим предложением, я не уверен, что сумеем остановить этот конфликт, погасить этот конфликт»[3]. На это Б. Ельцин ответил, что если записать в документе «формулировку, на которой настаивает грузинская сторона, ничего не изменится, и конфликт будет продолжаться»[4]. Эти слова, как увидим дальше, в какой-то степени оказались пророческими, хотя для того, чтобы предсказать неспособность Итогового документа принести мир, не надо было быть провидцем.

Как видно, Московская встреча начиналась совсем не по сценарию Грузии, и «в первой половине дня практически все высказались за вывод грузинских войск из Абхазии и возвращение в Сухум законных парламента и правительства»[5]. Грузинская сторона резко возражала против этого, и тогда Б. Ельцин в качестве компромиссного варианта предложил, чтобы Вооруженные силы Грузии в зоне конфликта не превышали уровня, бывшего на 1 августа 1992 г., кроме того контингента, который будет необходим для обеспечения функционирования железной дороги[6].

В ходе дискуссий министр обороны Грузии Т. Китовани предложил узаконить уже произведенную подчиненными ему войсками этническую чистку и призывал Россию также принять участие в этом: «Надо сперва участие войск ваших и наших. Словом, должны придерживать-

---

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 89.

[2] Там же. С. 98.

[3] Там же. С. 100.

[4] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004.

[5] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 48.

[6] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 99.

ся того, что разделить их функции потерриториально, и при разделении тех функций, которые будут участвовать там, можно обойтись без конфликта теми вооруженными силами, разделить те участки и можно утихомирить все на местах. Раздел абхазского населения, раздел грузинского населения. Там в двух местах можно определиться, где более густонаселенное абхазское население и грузинское население. Это было бы реально и решило бы все вопросы»[1].

Это было фактически предложением разделить Абхазию между Россией и Грузией, чему категорически воспротивился В. Ардзинба. Наверное, и сам Э. Шеварднадзе также был далеко не в эйфории от предложения своего министра обороны, но эта тема как-то сама по себе была исчерпана, и на встрече больше к ней не возвращались. В конце первой половины встречи вице-премьер российского правительства, председатель Комиссии по ситуации в Абхазии Г. Хижа предложил записать в Итоговом документе, что уровень грузинских войск в Абхазии не должен превышать необходимого для достижения целей этого соглашения[2], т. е. тем самым закреплялось их присутствие на территории Абхазии. В. Ардзинба в ответ заявил, что грузинские войска находятся в состоянии войны с населением, и такое решение вызовет продолжение конфронтации, поэтому они должны быть выведены[3].

Первый заместитель министра иностранных дел России Ф. Шелов-Коведяев по завершении встречи сказал, что такой подход Абхазии не мог устроить грузинскую делегацию, поэтому переговоры начали заходить в тупик[4]. Наверное, по этой причине на московских переговорах был объявлен перерыв. Во время него Б. Ельцин и Э. Шеварднадзе встретились с глазу на глаз, и после этого переговоры пошли «совершенно по другому руслу»[5]. Абхазский журналист Г. Гулиа, отвечая на вопрос о позиции России на этих переговорах, говорил: «Насколько я знаю, в начале переговоров Президент России поддерживал требование о выводе грузинских войск из Абхазии, а охрану железных дорог предлагал осуществлять с помощью российских войск. Почему потом

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 102.
[2] Там же. С. 108.
[3] Там же. С. 108.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 187.
[5] Там же. С. 181.

эта позиция изменилась, мне неизвестно. На мой взгляд, в этих переговорах на позиции Ельцина негативно сказалась позиция МИДа России, позиция Козырева»[1].

Действительно, заседание встречи после перерыва началось со следующего красноречивого заявления Президента России: «Мы с председателем Госсовета Грузии Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе подписываем этот итоговый документ. Все, кто за круглым столом, есть фамилии и написано «согласились». Дело совести и политической интуиции каждого из вас – как поступить». После этих слов Б. Ельцин спросил у Шеварднадзе, согласен ли он подписать документ, на что последовал утвердительный ответ. Далее события, согласно стенограмме Московской встречи, развивались следующим образом:

«**Б. Ельцин**: Я подписываю.

В. Ардзинба: Насколько я понимаю, конфликт происходит в Абхазии. Коль скоро решается судьба Абхазии, наверно, хотя бы элементарно выслушать и наше мнение тоже.

Б. Ельцин: Вы его высказывали. И не один раз.

В. Ардзинба: Борис Николаевич, в Вашем обращении к руководству Грузии и Абхазии сказано о незамедлительном выводе войск…

Б. Ельцин: Это имеется в виду и в этом документе.

В. Ардзинба: В данном документе этот вопрос не решается.

Б. Ельцин: Каждый интерпретирует, как хочет. Я, как Президент России, интерпретирую именно так и гарантирую позицию России: ни в коем случае, чтоб интересы Абхазии не были ущемлены после нашего сегодняшнего подписания документа… И я думаю, кто не подпишет, очень серьезно будет долгие годы со своей совестью бороться, как же все-таки он поступил: «за» свой народ или «против» своего народа. Больше дискуссий сегодня не будет. Кто не хочет подписывать, это дело лично каждого…

В. Ардзинба: Я думаю, что это политика силового давления, которая ни в коем случае не учитывает интересы Абхазии. Насколько я понимаю, тогда надо было просто направить нам документ, который вы подписали, не учитывая наши интересы.

Б. Ельцин: Не может Президент Российской Федерации позволить себе каждую строчку выискивать, где, что и как, мы решаем общие

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 235.

принципиальные вопросы… Мы все отразили в этом документе, это не с позиции силы. Мы также решали по Осетии, по Приднестровью, и это принесло положительные итоги, если в это не встревают некоторые лидеры, которые имеют определенные свои интересы и которые не соответствуют интересам своего народа. Я прекращаю на этом дискуссию, прошу больше не высказываться»[1].

После этого многозначительного заявления Президента России Э. Шеварднадзе, торжествующе заявив об этом, подписал документ. В. Ардзинба тщетно пытался обратить внимание на то, что «в этом документе даже не ставится вопрос о конституционных органах власти, которые упразднены в результате введения войск». Он с нотками отчаяния в голосе говорил: «Я понимаю, что мы маленькие и с нами как-то можно не считаться. Я думаю, политику, конечно, мы не делаем. Это я понимаю. Но все же там осуществляется геноцид против народа. Это самый настоящий геноцид. И, понимаете, в этих условиях вот так с нами, нас даже не выслушать и заставить нас подписать документ, ей Богу, это несправедливо. Я перед Богом это говорю, что несправедливо». А Б. Ельцин отвечал: «Я считаю, что Вы не правы… И, я думаю, что Вы должны быть благодарны, что мы выполнили такую миссию и все равно защитим. Это мы с Вами особый будем иметь договор. Но эта дискуссия по словам, она будет бесконечна и она проста не солидна для Президента».

Между тем, все это время подписание документа продолжалось, как будто Абхазия не имела отношения к войне на ее территории – подписывали все, но с ее мнением не считались. В. Ардзинба справедливо высказал обиду по поводу того, «что такой важный документ, от которого зависит судьба народа, который я здесь представляю, все же подписывается путем такого жесткого давления на представителя маленькой Абхазии». На это Б. Ельцин ответил: «Судьба народа будет определяться нашей реальной потом позицией. А вы реальную позицию увидите, России в том числе, а может быть, и в первую очередь». А руководитель Абхазии резюмировал: «Главная цель этого документа – не столько вывести те войска, которые введены на территорию Абхазии, а расформировать тех добровольцев, которые пришли в Абхазию

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны Ч. 1. М., 1992. С. 208–243.

помогать от геноцида»[1]. Позже В. Ардзинба вспоминал: «Когда обсуждался Итоговый документ Московской встречи, у многих оппонентов возник вопрос, мол, в какой степени вы контролируете деятельность добровольческих отрядов, подчиняются ли они Вам»[2].

Если В. Ардзинба выступал открыто против подписания Итогового документа в таком виде, в котором предлагалось, то А. Чикваидзе, бывшего тогда министром иностранных дел Грузии, также «терзали смутные сомнения», с которыми, однако, он поделился только в 1996 г. в своих мемуарах. Вспоминая о московских переговорах, он пишет: «И сегодня остро ощущаю тогдашнее напряжение, хлипкую надежду, растущую неуверенность, что что-то не так, как должно было быть. Сильные сомнения вызвали гарантии выполнения подготовленного для подписания договора. В тексте договора, к составлению которого МИД не было прямо привлечено, ничего не говорилось о том, кто является гарантом, кто несет ответственность за реализацию договора. Я все-таки поделился с президентом своими сомнениями, однако крайне напряженная ситуация, цейтнот и общий настрой, к сожалению, исключили возможность сколько-нибудь обстоятельного разговора»[3].

Тогда, несмотря на протесты абхазской стороны, продолжалась процедура подписания Итогового документа. В ходе нее, после того как документ был подписан представителем оккупационных властей Сухума Т. Надарейшвили, Президент России многозначительно заявил: «95 % подписали» и попросил техническую службу, «несмотря на некоторые сомнения Владислава Григорьевича», «внести подносы с шампанским»[4]. При этом ни для кого не было важно то, что эти 95% составляли люди, которые развязали войну или способствовали этому, некоторые из них (руководители северокавказских республик, краев и областей Юга России) просто поддерживали свое руководство, а 5%, не желавших подписывать, были люди, представлявшие народ, подвергавшийся геноциду. И вместо того, чтобы осудить агрессора, эти 95%, о которых говорил Б. Ельцин, начали оказывать сильное давление на законную власть Аб-

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 113.

[2] Эпоха Ардзинба (автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 180.

[3] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 177.

[4] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 114.

хазии. Позже Ю. Воронов, участник Московской встречи, скажет: «Мы возражали против такого подхода, и был момент, когда наша абхазская делегация отказалась подписывать документ в таком виде. Потом нас… уговорили»[1].

Причем процесс «уговаривания» абхазской стороны происходил следующим образом: сначала Б. Ельцин, потребовав подносы с шампанским, одновременно попросил и В. Ардзинба подписать этот документ. Затем выступил Председатель Совета Министров Дагестана А. Мирзобеков, который, обращаясь к абхазскому лидеру, сказал: «Вы просто не имеете права не подписывать этот документ. Мы просим Вас, подпишите. И Борис Николаевич, все мы, здесь сидящие, гарантируем, мы будем вам помогать, поддерживать вас в ваших справедливых требованиях. А сегодня, если вы не подпишите, это уже новый конфликт. Вы берете на себя очень серьезную ответственность»[2]. Президент Северной Осетии А. Галазов сказал о том, что заявление Б. Ельцина очень серьезное, и к этому абхазам надо прислушаться. «Мы все Вас просим, чтобы Вы вместе с нами этот документ подписали. Мы вместе с Вами проконтролируем эту ситуацию»[3]. Эстафету перенял Председатель Парламента Карачаево-Черкесии В. Савельев: «Владислав Григорьевич, если Вы не подпишите этот документ, нам трудно будет в дальнейшем вам помогать. Вы на себя громадную ответственность берете и отсекаете от себя всех нас»[4]. Ему вторил глава правительства Карачаево-Черкесии В. Хубиев: «Вы поймите, нам очень трудно объяснить матерям, женам тех ребят, которые погибают на Северном Кавказе. Очень трудно. И кто в этом виноват, тоже трудно объяснить… Первый шаг сделан, сделан по инициативе России, ее Президента – Бориса Николаевича Ельцина, который всегда сдерживал данное слово, и я думаю, что он и в дальнейшем сдержит это слово. Иначе последствия будут очень тяжелые. Весь Северный Кавказ может загореться. А чем это кончится и для Грузии, и для Абхазии, Вам должно быть известно. Не надо... Мы сидим буквально на краю пропасти. Небольшой взрыв, спичка одна маленькая – и боль-

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 198.
[2] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 114.
[3] Там же. С. 114.
[4] Там же. С. 115.

шой пожар на Северном Кавказе. Нельзя этого допускать»[1]. Следующим был Президент Адыгеи А. Джаримов: «Я был в большом сомнении – подписывать или не подписывать этот документ. Если вы заметили, дважды его мне приносили. Но я решился подписать его... Мы все делаем, чтобы не было и добровольцев уже, чтобы уменьшить напряжение, людям оказывать помощь, чтоб сделать крупный шаг к тому, чтобы мирным путем, цивилизованным путем, политическими методами урегулировать этот конфликт. Шаг этот сделан здесь, в Москве, благодаря доброй воле Президента России, Российской Федерации и всех нас. Я прошу подписать документ»[2].

Российский исследователь О. Васильева, анализируя итоги Московской встречи, писала: «В. Ардзинба, не имеющий политического опыта, был сломан – он подписал документ, узаконивший пребывание грузинских войск на территории Абхазии и ни словом не оговаривающий федеративное устройство Грузии»[3]. Позволю себе не согласиться с данной точкой зрения, ибо полагаю, что причина подписания этого документа абхазской стороной кроется отнюдь не в отсутствии или нехватки политического опыта у В. Ардзинба, а совсем в другом, а именно: в том, что участники встречи «всем миром» «выкручивали руки» абхазской делегации и ее руководителю. Аналитик Г. Урусов, анализируя ход Московской встречи, писал о том, что «в столице России Президент КБР и иже с ними испугались имперского гнева и «потребовали» от руководителя Абхазии В. Ардзинба подписать итоговый документ». Развивая свою мысль, он назвал итоговый документ «ужасным документом об избиении Владислава Ардзинба»[4].

О том, что на Председателя Верховного Совета Абхазии было оказано серьезное давление, говорил и Э. Шеварднадзе в своем выступлении на Госсовете 5 сентября: «Мы бы не смогли подписать этот документ без участия руководителей Северного Кавказа. Когда Ардзинба отказался подписывать, то все лидеры ему сказали, что он должен подписать, иначе они не смогут помочь. Озган и Багапш также его уговари-

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 115.

[2] Там же. С. 116.

[3] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 37.

[4] Газ. «Кавказский дом». № 28, сентябрь 1992 г.

вали, чтобы он подписал»[1]. Обо всем этом глава Госсовета говорил и за день до этого в интервью грузинскому телевидению[2]. При этом нужно отметить, что в стенограмме встречи, опубликованной после нее, нет названных высказываний В. Кокова, К. Озган и С. Багапш. Спустя три дня после встречи в Москве, 6 сентября, на пресс-конференции в Гудауте К. Озган, один из тех, на кого ссылался Э. Шеварднадзе, говоря о переговорах и их итогах, сказал: «Я видел, как готовилась и проходила эта встреча. Тот, кто там не был, может подумать, что можно было добиться большего. Но уверяю вас: сам Бог, если бы он поехал в Москву, не сделал бы этого – такая там была обстановка, в такие мы были поставлены условия». Чуть позже, комментируя позицию северокавказских лидеров во время Московской встречи, В. Ардзинба сказал: «Я бы на их месте постарался не отступить. Но мы понимаем политическую обстановку, в которой они работают, поэтому не в претензии к ним, тем более, если учитывать давление такого человека, как Б. Ельцин. Мы благодарны им также за гуманитарную помощь»[3].

Позже Э. Шеварднадзе так описывал ход московских переговоров: «Выступил один, другой, третий. Все поддержали. Единственный против был Ардзинба. Я, говорит, не соглашусь. Ельцин взял его под руку, отвел и что-то сказал ему. «Ну ладно, я соглашусь», – Ардзинба сказал. Ельцин позвал меня, мы подали друг другу руки. Ельцин скрепил наши рукопожатия своей рукой и объявил: «Война в Абхазии закончена!»[4]. Это говорил Э. Шеварднадзе в 2004 г., а спустя 5 лет, в 2009 г., в своих мемуарах, изданных в Германии, этот же эпизод описывал следующим образом: «Обсуждение длилось долго. Ардзинба со многим был не согласен. По одному вопросу он заартачился, и Ельцин пригласил его в соседнюю комнату. Я не знаю, что он сказал Ардзинбе с глазу на глаз, но тот уступил»[5]. Другой представитель грузинской делегации на московских переговорах, министр иностранных дел А. Чикваидзе об этих же событиях говорил следующим образом: «Переговоры 3 сентября

[1] Шеварднадзе Э. Выступление на Госсовете Грузии. 5.09.1992 г. (Перевод с грузинского).

[2] Шеварднадзе Э. Интервью грузинскому телевидению. 4.09.1992 г. (Перевод с грузинского).

[3] Абхазия: события 1992-1993 гг. в газете «Северный Кавказ». Нальчик, 2008. С. 50.

[4] http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510

[5] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 343.

происходили крайне остро… Президент Ельцин был настроен очень решительно и оказывал на Ардзинбу открытое давление. Потом он обратился к Шеварднадзе: «Вы готовы подписать договор?». «Готов», – ответил Шеварднадзе, и тут вскочил Ардзинба. «Что вы делаете? – обратился он к Ельцину. – Прошу Вас, не принимайте такого решения. Мы – маленький народ, а Вы притесняете нас, так нельзя!». Но Ельцин, как всегда, остался верен себе. Не обратив на слова Ардзинба никакого внимания, он в присутствии всех членов российской делегации первым подписал договор»[1]. Сколько людей, столько и мнений. Каждый видит в одном и том же событии разное и слышит в одних и тех же словах совсем непохожие подтексты и делает противоположные другому выводы.

Но вернемся к ходу Московской встречи. Б. Ельцин, как бы подводя дипломатический итог этим уговорам-угрозам, предложил считать этот документ на месяц, по истечении которого им следует вновь собраться в таком же составе и обсудить итоги его реализации. Затем поставленный по существу в безвыходную ситуацию В. Ардзинба все же сумел выторговать «в порядке любезности особой» еще 15 минут, чтобы еще раз «посоветоваться с делегацией». И пока «разливали шампанское» (Б. Ельцин), руководитель абхазской делегации вернулся в зал заседания и объявил, что готов подписать документ при условии соблюдения двух моментов. Первый момент касался определения согласованного уровня войск. Второй – статьи 11, которую предложил либо снять, либо записать свое особое мнение, «потому что я не могу с точки зрения ни нравственной, ни правовой осуждать людей, которые пришли в Абхазию жертвовать своей жизнью ради абхазского народа, ради всех народов Абхазии»[2]. На это предложение о снятии обозначенного в документе момента осуждения добровольцев Б. Ельцин, отметив, что «главная наша ведь цель – не репрессии», спросил «согласия» Э. Шеварднадзе, который также, как ни странно, не воспротивился этому[3].

Так завершилась церемония подписания, которая первоначально была запланирована на 15. 00, но была отложена почти на три часа[4].

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 177-178.
[2] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 117.
[3] Там же. С. 118.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 202.

Сам Итоговый документ Московской встречи 3 сентября 1992 г. состоял из 12 пунктов и предусматривал следующее:

«Статья 1. Обеспечивается территориальная целостность Республики Грузия.

Все участвующие в конфликте вооруженные формирования с 12.00 5 сентября 1992 года прекращают огонь и любое применение силы друг против друга. При этом участники конфликта обязуются до вступления в силу прекращения огня воздерживаться от каких-либо наступательных действий. Одновременно создается Комиссия по контролю и инспекции из представителей, назначаемых органами власти Грузии, в том числе Абхазии и России. Комиссия обеспечивает соблюдение прекращения огня, выполнение других положений данного соглашения в соответствии с разработанными ею процедурами. Для выполнения возложенных на нее задач участники Комиссии придают ей соответствующие подразделения, осуществляющие разоружение, расформирование и удаление из Абхазии, а также недопущение в Абхазию незаконных вооруженных формирований и групп, с тем, чтобы обеспечить строгий контроль по всему периметру зоны конфликта. Комиссия осуществляет наблюдение за тем, чтобы после прекращения огня и передислокации войск Вооруженные силы Республики Грузия в зоне конфликта не превышали согласованного уровня, необходимого для достижения целей настоящего соглашения (охраны железной дороги и других определенных объектов). Рекомендации Комиссии незамедлительно рассматриваются властями всех уровней.

Статья 2. До 10 сентября 1992 года производится обмен задержанных лиц, заложников, пленных и других, по принципу «всех на всех».

Статья 3. Стороны запрещают и не допускают любые террористические акты и захват заложников и принимают эффективные меры по привлечению к ответственности виновных.

Статья 4. Принимаются незамедлительные меры к устранению помех на путях движения товаров, услуг и лиц, занимающихся законной деятельностью. Будет обеспечиваться бесперебойное и безопасное функционирование соответствующих наземных, воздушных и морских путей сообщения, охрана границы. Особое внимание будет уделяться обеспечению безопасности соответствующих участков Закавказской железной дороги, в том числе путем создания совместного механизма.

Комиссия по контролю и инспекции представит необходимые рекомендации по этому вопросу.

Статья 5. Обеспечиваются условия для возвращения беженцев в места их постоянного жительства. Им оказываются необходимое содействие и помощь. Принимаются меры по розыску лиц, пропавших без вести, и по эвакуации желающих выехать из Абхазии.

Статья 6. В зоне конфликта принимаются эффективные меры по прекращению и недопущению насилия и грабежей, привлечению к ответственности виновных.

Статья 7. Стороны примут меры по восстановлению пострадавших районов и оказанию гуманитарной помощи, в том числе на международной основе, населению, пострадавшему в ходе конфликта. Определение порядка доставки и распределения такой помощи возьмут на себя организации Красного Креста в координации с Комиссией по контролю и инспекции.

Статья 8. Стороны подтверждают необходимость соблюдения международных норм в области прав человека и национальных меньшинств, недопущения дискриминации прав граждан по признаку национальности, языка и религии, обеспечения проведения свободных демократических выборов.

Статья 9. Вооруженные силы Российской Федерации, временно находящиеся на территории Республики Грузия, в том числе и в Абхазии, соблюдают строгий нейтралитет и не участвуют во внутренних конфликтах. Все органы государственной власти и управления в Республике Грузия, в том числе и в Абхазии, обязуются уважать нейтралитет дислоцированных там Российских Вооруженных сил и пресекать противоправные действия в отношении военнослужащих, членов их семей и военного имущества.

Статья 10. Стороны будут содействовать возобновлению к 15 сентября 1992 года нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии.

Статья 11. Органы власти и управления республик, краев и областей Северного Кавказа в составе Российской Федерации примут эффективные меры по пресечению и недопущению любых действий с их территории, расходящихся с положениями настоящего соглашения. Они будут содействовать его выполнению и установлению мира в регионе.

Они предпримут усилия по разъяснению положений настоящего соглашения среди населения.

Статья 12. Стороны обращаются к ООН и СБСЕ с просьбой поддержать изложенные выше принципы урегулирования и оказать содействие в их реализации, включая направление миссий по установлению фактов и наблюдателей»[1].

Абхазский поэт Т. Аджба, находившийся в оккупированном Сухуме, 3 сентября записал в свой дневник: «Согласно принятому в Москве протоколу, с 5 сентября 12 часов прекращается огонь, и не более. Грузинская армия так и останется в Абхазии? Как будут дальше развиваться события? Здесь будут наводить порядок только лишь силы Шеварднадзе? Почему перенесли аж на послезавтра прекращение огня? Для того, чтобы за это время грузины прибрали всю Абхазию? Пока что ни в чем не разобрался… Понятно, что вопрос Абхазии одной встречей невозможно было решить. Допустим, что если и был бы принят протокол о необходимости вывода грузинских войск, Шеварднадзе сорвал бы встречу. И неукротимого зверя можно хитростью поймать, точно также, мне думается, что этому лису нужно потихонечку связывать руки, быть может, на этом этапе не могло быть другого выхода. Невозможно перед лицом мирового сообщества уничтожить малочисленный этнос, лишив его всех прав, целиком удовлетворяя желание лишь одной грузинской стороны. Противостояние и впредь будет продолжаться»[2].

В этот день Ельцин и Шеварднадзе выступили с совместной Декларацией, в которой, в частности, говорилось: «Вновь подчеркнув свою неизменную приверженность принципам неприкосновенности границ и территориальной целостности, Президент Российской Федерации и Председатель Государственного Совета Республики Грузия однозначно высказались против любых проявлений политического экстремизма, будь то стремление навязать кому-либо решения силой или действовать в угоду губительному для безопасности сепаратизму. В этом контексте Грузинская Сторона предпримет шаги по укреплению границы с Россией, которая, в свою очередь, осуществит аналогичные меры. Президент Российской Федерации и Председатель Государственного

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12083.shtm

[2] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 68-69.

Совета Республики Грузия, будучи твердо уверены в том, что придание нового, отвечающего требованиям современности содержания историческим взаимосвязям двух соседних стран послужит утверждению демократии в России и Грузии, полны решимости действовать в интересах развития стабильных, равноправных, дружественных российско-грузинских отношений. Они подтверждают стремление ускорить подготовку всеобъемлющего межгосударственного договора между Российской Федерацией и Республикой Грузия, в рамках которого будут решены и вопросы пограничного и таможенного режимов[1].

В 2009 г. Э. Шеварднадзе писал: «Это произошло 3 сентября 1992 года. Грузия ликовала. Но, к сожалению, именно 3 сентября начался трагический поворот в войне»[2]. Но тогда, после встречи, он, предварительно объявив, что этот документ является «результатом совпадений интересов демократической России и демократической Грузии», тем не менее, отметил, что «предмобилизационное состояние в Грузии должно сохраниться»[3]. Действительно, некоторые наблюдатели, в частности Р. Зарипов, назвали Итоговое соглашение сразу после его появления «домашней заготовкой» Ельцина и Шеварднадзе[4]. Позже грузинский исследователь З. Папаскири также писал: «Со всей ответственностью можно утверждать, что Итоговый документ Московской встречи – это соглашение, подписанное руководителями двух равноправных государств – России и Грузии, в котором фактически нет ничего, ущемляющего суверенитет Грузии»[5]. Такого мнения, по сути, придерживались и в Абхазии. Депутат Верховного Совета Абхазии З. Ачба прокомментировал произошедшее следующим образом: «Абхазская сторона вынуждена была подписать итоговый документ. Отношение населения и ополченцев Абхазии к этому документу негативное, поскольку в нем не предусмотрен вывод оккупационных войск из Абхазии и не дана оценка агрессии Грузии по отношению к Абхазии. Существует мнение, что подписанный документ является юридически оформленным договором между правительствами Грузии и России»[6].

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12081.shtm
[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 344.
[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 254-255.
[4] Там же. С. 185.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 427.
[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 192.

В 2009 г. Э. Шеварднадзе писал: «В Москве мы объявили войну законченной. Соглашение скрепили подписями Ельцина, Ардзинба и моей, а также торжественным публичным рукопожатием»[1]. Однако многие тогда, в частности В. Портников, заметили, что «торжественной демонстрации примирения не получилось: Э. Шеварднадзе и В. Ардзинба отворачивались друг от друга, прячась за широкую спину российского Президента»[2]. Но Б. Ельцину надо было отдать должное, ибо, по мнению аналитика В. Кузнечевского, «в сложившихся условиях он, по-видимому, добился максимума возможного»[3]. Другой российский аналитик М. Спиридонова, анализируя Московскую встречу и позицию Президента России, отмечала: «Текст соглашения и общая атмосфера встречи заставляют думать, что Россия и лично Ельцин поставили на карту свой авторитет лишь для того, чтобы дать еще один шанс нынешнему грузинскому руководству проявить свое миролюбие. Очевидно, у российского Президента имеются веские основания не сомневаться в этом миролюбии или – что одно и то же – в своих возможностях таковое обеспечить»[4].

Президент России, говоря о соглашении, сказал, что он «не просто политический недоносок – он серьезный документ, и мы в него верим»[5]. Трудно судить о том, насколько Б. Ельцин действительно верил в жизнеспособность подписанного документа, но, по всей видимости, цель России была достигнута. В результате переговоров и подписанного документа перед мировым сообществом была создана видимость стремления и участия в урегулировании военного конфликта без ущемления прав какой-либо из сторон. И если в тех условиях абхазская сторона не подписала бы этот документ, то всю ответственность за дальнейшее развитие событий возложили бы на нее и ее обвинили бы в нежелании достижения мира. Именно это обстоятельство, а «не отсутствие политического опыта» явилось причиной подписания В. Ардзинба Итогового документа Московской встречи.

Депутат ВС РА Ю. Воронов, назвав его «документом с дефектом», свидетельствует: «Разговор для абхазской делегации был трудным, а порой

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 344.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 193.
[3] Там же. С. 190.
[4] Там же. С. 257.
[5] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 117.

и унизительным. В ход шли и грубое давление, и уговоры. Руководствуясь главным – остановить кровопролитие, В. Ардзинба поставил свою подпись под Итоговым документом»[1]. Об этом же свидетельствует и выступление самого В. Ардзинба перед журналистами сразу после подписания документа: «Я тоже подписал этот документ, подписал в силу того обстоятельства, что на территории Абхазии осуществляется геноцид абхазского народа. Изгоняются оттуда десятки тысяч людей: русских, армян, греков. Произведены огромные разрушения на территории республики. Это колоссальный ущерб. И мы стоим перед лицом того, что наш народ будет, может быть, полностью истреблен в силу того соотношения сил и тех средств, которые используются по отношению к этому народу. И сейчас, коль есть возможность в какой-то мере не допустить дальнейшего кровопролития, и появилась такая возможность, я тоже подписал этот документ, хотя отдаю себе отчет в том, какие значительные подводные камни есть под всем этим документом, что, в принципе, может привести к серьезным последствиям, но я здесь надеюсь и на позицию Бориса Николаевича Ельцина, и на позицию руководителей республик, которые твердо заявили, что в этой очень сложной ситуации и в материальной, и в другой, они окажут всяческую поддержку и не допустят ни истребления абхазского народа, ни дальнейшего попрания прав человека в Абхазии»[2]. Абхазский ученый С. Лакоба считает, что В. Ардзинба «дезавуировал эти переговоры» только что процитированной речью[3].

Позже, 6 сентября, на пресс-конференции в Гудауте В. Ардзинба, комментируя итоги Московской встречи, сказал: «На встрече проталкивался тот вариант, который устраивал Грузию. Руководству Абхазии попросту выкручивали руки. Почему же мы все-таки пошли на подписание договора? Если мы не сделали бы этого, нас перед всей мировой общественностью представили бы как виновников срыва переговоров, обвинили бы в том, что мы не стремимся к миру и хотим продолжения кровопролития. В этом случае были бы также перекрыты те пути получения помощи, в том числе и продовольственной, которые сейчас действуют. При принятии решения мы взвесили все существующие сейчас

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 301.
[2] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=70
[3] Интервью О. Дубинской с С. Лакоба. Сухум. 2010 г.

«за» и «против», и ответственность за принятие этого решения лежит, безусловно, на Председателе Верховного Совета Республики Абхазия»[1].

Позже депутат ВС РФ У. Темиров, говоря об Итоговом документе, сказал, что в нем «нет принципиального положения, как полный вывод всех грузинских войск с территории Абхазии, не определен государственный статус Абхазии, что позволяет военную оккупацию считать только перемещением войск по территории Грузии, нет политических гарантий неповторения кровавого конфликта, не указана необходимость возмещения Грузией ущерба, нанесенного ее войсками курортной зоне и городам Абхазии, не сказано о судьбе русских и других россиян, попавших в экстремальную ситуацию, не осуждается и сама интервенция»[2]. Один из руководителей движения абазин в поддержку Абхазии О. Этлухов, напротив, считает Итоговый документ «первой большой победой сил, боровшихся за свободу и независимость Абхазии»[3], хотя и охарактеризовал его «по Троцкому» – «ни мира, ни войны»[4].

Сразу по окончании переговоров Ю. Воронов в интервью газете «Час пик», выразив неуверенность в том, что «достигнутые договоренности будут вполне соблюдаться», напомнил, что «могут быть различные провокации, направленные на их срыв»[5]. Позже публицист А. Шаззо писал, что «складывается убеждение, что ни Москва, ни Тбилиси не заинтересованы в разрешении конфликта, а ставится цель разоружить северокавказцев, а заодно и абхазов, чтобы продолжить убийства в Гудаутском районе, завершить грабеж там, где этого пока не удалось сделать»[6]. Об этом свидетельствует и то, что тогда же, 3 сентября, после окончания переговоров в «Президент-отеле», министр обороны Грузии Т. Китовани заявил журналистам, что «Грузия выведет свои войска только тогда, когда будет восстановлен порядок на транспортных магистралях в Абхазии»[7]. А уже само упоминание о железнодорожных магистра-

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 266-267.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 247–248.
[3] Этлухов О. А. Зов крови. М., 2003. С. 72.
[4] Там же. С. 74.
[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 198.
[6] Там же. С. 186-187.
[7] «Независимая газета», № 170... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-4-sentyabrya-1992-goda

лях на фоне событий в Абхазии грузинскими деятелями означало или начало войны, или ее продолжение. И действительно, несмотря на достигнутое соглашение о прекращении огня, 4 сентября грузинские войска продолжали обстрел абхазских позиций в районе Гагры и с. Эшера.

В заявлении от 4 сентября В. Ардзинба, отметив, что «документ дает определенную надежду на прекращение жестокого кровопролития в Республике Абхазия», подчеркнул: «Присутствие грузинских войск в Абхазии остается главным дестабилизирующим фактором, который, в конце концов, может взорвать хрупкий мир». Лидер Абхазии настаивал: «Вывод грузинских войск продолжает быть основным условием восстановления мира и спокойствия в Абхазии»[1]. В тот же день, 4 сентября, Комиссия Совета национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям ВС РФ решительно осудила политику руководства Грузии и потребовала от нее немедленного прекращения вооруженных действий и вывода воинских формирований с территории Абхазии. Далее в своем Постановлении Комиссия рекомендовала Президенту и правительству Российской Федерации: «прекратить передачу Грузии вооружения, боевой техники, боеприпасов, частей и соединений Вооруженных сил Российской Федерации, дислоцированных на ее территории, впредь до урегулирования конфликта; в случае невыполнения договоренностей о прекращении военных действий, достигнутых на Московской встрече 3 сентября 1992 г., совместно с заинтересованными сторонами разработать предложения по введению миротворческих сил и механизм применения различного рода санкций к Республике Грузия, вплоть до экономических»[2]. 7 сентября Президиум Верховного Совета России также выступил с Заявлением по итогам Московской встречи, где она была расценена как начало «процесса мирного урегулирования конфликта». Далее в документе было сказано: «Дальнейшей стабилизации обстановки в зоне конфликта должен послужить вывод из Абхазии Вооруженных сил Республики Грузия, а также разоружение, расформирование и вывод с ее территории вооруженных добровольческих формирований и отдельных вооруженных лиц, прибывших из иных регионов»[3]. Это последнее ут-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 256.
[2] Там же. С. 258.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 138.

верждение Президиума российского Парламента было названо «очень важным и верным» в Заявлении Президиума ВС РА от 10 сентября[1].

Возвращаясь к самой Московской встрече, надо заметить, что Э. Шеварднадзе сумел использовать и стремление руководителей северокавказских республик подавить национальные движения в своих республиках. Накануне многосторонних переговоров руководители Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Адыгеи, Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области встречались с Президентом России. Эта встреча носила консультативный характер, поэтому ее результаты не объявлялись. Однако стало известно, что в результате дискуссии было достигнуто общее согласие о необходимости ввести на Северном Кавказе чрезвычайное положение, для чего нужно было перебросить внутренние войска России из других регионов[2]. При этом руководители северокавказских республик предлагали ввести чрезвычайное положение в регионе, видимо, предвидя возможную реакцию влиятельных политических сил в своих республиках, которым могла не понравиться их позиция на переговорах в Москве. В итоге они совместно с руководством краев и областей Юга России стали уговаривать абхазскую сторону подписать заведомо неприемлемый для нее документ, заявив в противном случае о невозможности оказания гуманитарной и другой помощи воюющей Абхазии. Это они делали в рамках соответствующей позиции Москвы, которая, в свою очередь, по мнению В. Портникова, могла иметь «далеко идущие последствия: любая из российских республик способна увидеть в договоренности Центров – московского и тбилисского – опасный прецедент»[3]. Из этого стройного ряда выделился исполняющий обязанности Главы администрации Карачаево-Черкессии А. Озов, который, комментируя итоги Московской встречи, отмечал: «Половинчатость, неясность позиции российского руководства на переговорах 3 сентября касательно вывода войск из Абхазии – главный недостаток состоявшихся переговоров. Ведь под предлогом контроля железной дороги Грузия может иметь на территории Абхазии и тысячу, и десять тысяч человек»[4].

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 150.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 181.

[3] Там же. С. 194.

[4] «Независимая газета», № 173... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-9-sentyabrya-1992-goda

Некоторые комментаторы в своих предположениях шли еще дальше, высказывая сомнение в том, что вынужденное согласие абхазского лидера на подписание документа вряд ли могло найти понимание со стороны КГНК[1]. Правда, нужно отдавать отчет и в том, что возникновение и озвучивание этой гипотезы могло преследовать цель вбить клин между лидером Абхазии и деятелями Конфедерации и стоящими за ними силами. Во всяком случае, это могло быть неплохо продуманным и подготовленным Россией политическим шагом. На переговоры, как уже отмечалось, несмотря на просьбу Абхазии, представителей КГНК не пригласили, а на них был подписан документ, не соответствовавший целям и задачам добровольческого движения в поддержку Абхазии. А его подписание могло преподноситься как отказ от стремления отстаивать свободу, за которую погибали и уже погибли немало добровольцев, что действительно могло бы привести к непониманию позиции абхазского руководства. Руководители же республик Северного Кавказа, уговаривавшие Абхазию подписать документ, видимо, были заинтересованы в разочаровании КГНК, МЧА, КНК и других организаций в позиции Абхазии, что привело бы к ослаблению добровольческого движения. И тогда же появились сообщения о том, что в ночь с 3 на 4 сентября на границе Абхазии с Россией были зарегистрированы первые случаи возвращения добровольцев из Адыгеи и Кабардино-Балкарии[2]. В этом кто-то, может, уже и усматривал торжество своих замыслов, однако данный расчет не оправдался. Добровольческое движение в поддержку Абхазии впоследствии стало набирать обороты.

5 сентября, в день вступления в силу Итогового документа, Генеральный секретарь ООН во время разговора по телефону поздравил Э. Шеварднадзе с достигнутыми в Москве договоренностями об Абхазии[3]. Сам глава Госсовета Грузии в этот же день заявил, что ст. 10 Итогового документа, которая предусматривала восстановление законных органов власти Абхазии, носит рекомендательный характер[4]. Тем самым он дал понять, что его страна не собирается соблюдать даже выгодный для нее в целом документ. А 6 сентября В. Ардзинба обра-

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 196.

[2] Там же. С. 182.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 32.

[4] Шеварднадзе Э. Выступление на Госсовете Грузии. 5.09.1992 г. (Перевод с грузинского). С. 5.

тился к Генсеку с просьбой «направить в Абхазию комиссию ООН для проверки обоснованности притязаний Грузии на территорию Абхазии, а также комиссию по установлению фактов геноцида и массового нарушения прав человека». В письме главы абхазского Парламента также содержалась просьба поставить перед Советом Безопасности вопрос о применении международно-правовых санкций в отношении Грузии как государства, совершившего агрессию, осуществляющего геноцид абхазского народа»[1]. Конечно же, о принятии каких-то санкций против Грузии не было и речи. Более того, 7 сентября на пресс-конференции в Москве Генсек ООН Б. Гали сказал, что он уже поздравил Э. Шеварднадзе с результатами встречи на высшем уровне в связи с конфликтом в Абхазии. Гали сообщил, что направит миссию доброй воли в Грузию в ближайшие дни, которая действительно прибыла в Тбилиси 10 сентября. Тогда, 7 сентября, заканчивая выступление перед собравшимися, Генсек отверг обвинения в том, что ООН подходит ко многим конфликтам по принципу двойного стандарта[2]. Следовательно, Э. Шеварднадзе, почувствовав свою безнаказанность, разоткровенничался. Позже, 17 сентября, находясь в оккупированном Сухуме, он говорил: «Я хочу отметить: соглашение, которое было подписано в Москве, учитывает интересы грузин и абхазов. Потому я, как и Ельцин, поставили свои подписи с чистой совестью»[3].

Наряду с этим, как уже говорилось, сам факт участия представителей Абхазии в Московской встрече 3 сентября 1992 г. свидетельствовал о качественно новом уровне восприятия Абхазии руководством России. Анализируя рассматриваемые события, польский аналитик М. Меллер писал: «Если в первый период войны Москва колебалась в выборе приоритетов и не делала окончательного выбора, то в дальнейшем, по мере усиления властями Грузии антироссийской риторики и предприятия ее военно-политическими кругами ряда «противоречивых и не совсем дружественных действий по отношению к Кремлю», чаша весов все больше склонялась на сторону Абхазии»[4]. Тезис о том, что «чаша весов все больше склонялась на сторону Абхазии», безуслов-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 135.
[2] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=67
[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 298–300.
[4] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 178.

но, неверный, однако в Москве стало ясно, что нельзя потакать Грузии во всех ее желаниях, в противном случае аппетиты ее могли бы стать неумеренными, что не входило в интересы России. Понятное дело: это обстоятельство не нравилось тбилисским политикам. Один из них – Д. Иоселиани – тогда заявил, что «абхазская проблема спровоцирована империей с ее старым принципом «разделяй и властвуй», и пока абхазы осознают обман, пройдет время». Далее он немного пофилософствовал: «В глобальном смысле война, конечно, кончится быстро – мы можем взять города, контролируемые сепаратистами. Но это же не решит проблемы. Вспышки терроризма могут быть спровоцированы в любую минуту». В итоге Иоселиани пришел к выводу, что «этот конфликт будет длиться долго»[1]. А его соратник по Госсовету, министр обороны Грузии Т. Китовани издал приказ о продлении особого режима поведения граждан в г. Сухум с 20 сентября по 20 октября 1992 г.[2]. Это и было показателем готовности Грузии к соблюдению Итогового документа Московской встречи, предусматривавшего, как известно, в частности, и возвращение в Сухум законных органов власти Республики Абхазия. В ответ на это В. Ардзинба заявил, что пока в Сухуме остаются войска Госсовета, «Парламент работать под дулами автоматов не будет»[3]. Все это говорило в пользу неспособности Итогового документа Московской встречи осуществить или хотя бы приблизить полномасштабное урегулирование грузино-абхазского вооруженного противостояния. Хотя к тому времени уже работала созданная, согласно Итоговому документу, Комиссия по контролю и инспекции, военные действия так и не прекратились. Несмотря на то, что А. Зверев утверждает, что «соглашение было нарушено с взятием абхазами Гагры в октябре 1992 года»[4], уже с момента вступления его в силу «ни один пункт соглашения выполнен не был, и, в частности, грузинские войска продолжали оставаться на прежних позициях, а боевые действия возобновились с прежней интенсивностью»[5].

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 239.

[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 35.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 305.

[4] Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 60.

[5] Грузино-абхазский конфликт: прошлое, настоящее, перспективы урегулирования. Институт диаспоры и интеграции (институт стран СНГ). www.archipelag.ru.

3. 3. Деятельность Комиссии по контролю и инспекции

Как уже отмечалось, Итоговый документ Московской встречи от 3 сентября 1992 г. предусматривал создание Комиссии по контролю и инспекции за соблюдением и выполнением сторонами договоренностей. Комиссия была трехсторонней, в нее входили представители Абхазии, Грузии и России. 5 сентября председатель ее грузинской части, и. о. Премьер-министра Грузии Т. Сигуа прибыл в Сухум. На эту должность он был утвержден на заседании Госсовета по предложению Э. Шеварднадзе, но уже после его отъезда в оккупированную столицу Абхазии. 6 сентября в Сухуме состоялась встреча представителей грузинского и абхазского руководства, посвященная выработке конкретных мер по реализации Итогового документа. Вечером, в 17.00 того же дня, командующие войсками Госсовета Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили и народным ополчением Абхазии В. Какалия подписали протокол о прекращении огня и разводе войск по р. Гумиста. Но прекращения огня на фронтах фактически не было. В письме В. Ардзинба от 6 сентября к участникам Московской встречи обращалось внимание на то, что «условия соглашения о прекращении военных действий не соблюдаются грузинской стороной, ведущей обстрел позиций народного ополчения и предпринимающей попытки прорыва обороны»[1]. Видимо, с этим было связано и то, что намеченный на 8 сентября очередной раунд переговоров не состоялся, который, по сообщениям СМИ, был сорван «по причине неявки абхазской делегации»[2]. Действительно, политический фон для начала деятельности этой комиссии был далеко не благоприятствовавшим достижению согласия. Так, В. Ардзинба признал, что после коварства грузинского руководства на Красном мосту (когда войска Госсовета, несмотря на договоренность, все же вошли в Сухум. – **А. А.**) больше не верит ни в какие соглашения, а грузинская делегация утверждала, что «не отведет войска ни на метр, пока не будут расформированы все незаконные (т. е. абхазские. – **А. А**.) формирования»[3].

9 сентября в Сухуме состоялась встреча участников Комиссии по контролю и инспекции, в ходе которой был подписан протокол, пред-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 265.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 251.
[3] Там же. С. 295.

усматривавший прекращение огня и всех боевых действий с 00 часов 10 сентября, а с 10. 00 утра – разведение противоборствующих сторон и возвращение их к базам дислокации. Причем эти переговоры чуть не сорвались из-за разногласий сторон по «военному протоколу», который после долгих споров все же был подписан к 22 часам. Стороны также договорились об освобождении всех военнопленных и заложников[1]. Переговоры продолжились 10 сентября в Сухуме. На них «Грузия в основном требовала, чтобы к 25 сентября отряды Конфедерации покинули Абхазию, а абхазская сторона – чтобы грузинские войска были выведены из Сухума»[2]. В тот же день Президиум ВС РА вынужден был констатировать, что «ход трехсторонних переговоров показывает», что установление прочного мира и возобновление нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии к 15 сентября «устраивают далеко не всех грузинских политиков»[3]. Несмотря на такую полярность взглядов сторон, ими все же была достигнута договоренность об отводе войск от линии противостояния. В ночь на 12 сентября заместитель командующего ВДВ РФ генерал-майор А. Сигуткин доложил председателю Комиссии по контролю и инспекции Ю. Воробьеву о начале развода враждующих сторон по рубежу реки Гумисты и выставлении между ними постов российских войск[4].

На второй день, 13 сентября, абхазская и грузинская депутатские группы Верховного Совета подписали протокол соглашения, предусматривавший «создание самостоятельных депутатских рабочих комиссий по содействию выполнению решений Комиссии по контролю и инспекции в части прекращения огня, развода войск, вывода их из г. Сухума и всех зон конфликта и других решений Комиссии; содействие созданию условий для возобновления деятельности законных органов власти Абхазии»[5]. Тем не менее, уже 14 сентября В. Ардзинба вынужден был заявить, что ситуация «свидетельствует, что Госсовет Грузии ищет повода для возобновления боевых действий»[6]. 15 сентября, т. е. в день, когда согласно Итоговому документу, должна была возобновиться работа

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 272.
[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 49.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 150.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 295.
[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 310–311.
[6] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 158.

законных органов власти, Президиум Верховного Совета Республики Абхазия принял постановления «О вооруженной агрессии Госсовета Грузии против Абхазии» и «О геноциде абхазского народа». В этот же день, словно желая засвидетельствовать справедливость решения абхазского Парламента, войска Госсовета Грузии в 8. 15. утра применили вертолетную авиацию против мирного населения осажденного города Ткуарчал, в результате которого имелись жертвы и разрушения. В 19. 00 того же дня два грузинских военных вертолета бомбили село Кутол. Удары были нанесены по средней школе, чайной фабрике и жилым домам. Было выпущено 14 ракет, в результате чего было ранено 4 жителя села[1].

Однако тогда же, поздно вечером 15 сентября, в аэропорту г. Сочи завершился очередной раунд переговоров о реализации условий Итогового документа Московской встречи. В нем от Абхазии участвовали – Председатель ВС В. Ардзинба и ряд депутатов, а также заместитель Предсовмина З. Лабахуа, от Грузии – министр обороны Т. Китовани, вице-премьер А. Кавсадзе, от России – генерал Г. Кондратьев и первый заместитель председателя Госкомитета по чрезвычайным ситуациям Ю. Воробьев[2]. Переговоры продолжались около 10 часов. Наконец, в 9 часов вечера делегации вышли в холл. Глава российской делегации зачитал текст заявления трехсторонней комиссии, в котором, в частности, было сказано: «Комиссия с удовлетворением констатировала прекращение огня и отвод войск в районе р. Гумиста. Была достигнута договоренность о полном прекращении огня на рубеже реки Бзыпь. Назначенные комиссией представители сторон будут рассматривать заявления о случаях нарушения прав человека и договоренностей о прекращении огня…»[3]. Следует отметить, что соглашение о прекращении огня на р. Бзыпь с 00 часов 16 сентября было единственным пунктом, который удалось согласовать во время этой встречи. Все остальные пункты: о введении Миротворческих сил РФ в зону противостояния и в столицу Абхазии Сухум были отвергнуты грузинской стороной. Более того, во время переговоров Т. Китовани «пригрозил собравшимся, что если в течение 10 дней добровольцы с Северного Кавказа не будут выведены, то он начнет наращивать военную мощь»[4]. По завершении

[1] http://otvaga2004.narod.ru/otvaga2004/wars1/wars_56.htm
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 15.
[3] Серебряков В. Г. Абхазия помнит. Майкоп, 2007. С. 65-68.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 15.

переговоров Ю. Воробьев, комментируя их ход, сказал: «Очень долго обсуждался вопрос о взаимном выводе с территории Абхазии войск Конфедерации горских народов Кавказа и войск Госсовета Грузии. Был даже подготовлен протокол, но, к сожалению, он не был подписан из-за отказа грузинской стороны»[1].

Между тем, на самом Северном Кавказе высказывали тревогу по поводу неблагополучного хода переговоров, проходивших в рамках работы Комиссии. 16 сентября сессия Верховного Совета Адыгеи обратилась к руководству России, Грузии и Абхазии «с просьбой принять эффективные меры по безусловному выполнению всех статей Итогового документа Московской встречи сторонами, особенно грузинской, действия которой пока не способствуют установлению мира и согласия в регионе»[2]. Ходом переговоров об урегулировании в Абхазии были недовольны и в Москве. 16 сентября заместитель председателя правительства России Г. Хижа заявил о том, что «достичь серьезных сдвигов в урегулировании абхазского конфликта после Московской встречи не удалось». Об этом он сказал во время встречи в Махачкале с Председателем Верховного Совета Дагестана М. Магамедовым и Председателем Совета Министров республики А. Мирзабековым. Тогда вице-премьер заметил, что, несмотря на то, что конфликт является внутренним делом Грузии, Россия не потерпит нарушения прав человека и «не намерена мириться с попранием своих законов из-за того, что законы попираются у соседей»[3]. В те же дни Межпарламентская ассамблея СНГ обратилась «с призывом к народам, парламентам и правительствам государств Содружества предпринять все от них зависящее, чтобы побудить противоборствующие стороны в Абхазии немедленно прекратить огонь и вывести из городов и других населенных пунктов воинские части в места их постоянной дислокации». В документе было сказано: «Абхазия должна вернуться к миру и благополучию. Способствовать этому – долг всех стран Содружества независимых государств»[4].

---

[1] Серебряков В. Г. Абхазия помнит. Майкоп, 2007. С. 65-68.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 169.

[3] «Российская газета», № 206. Вып. 2… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-sentyabrya-1992-goda

[4] «Российская газета», № 207. Вып. 2… С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-sentyabrya-1992-goda?page=0,1

17 сентября Э. Шеварднадзе прибыл в Сухум, и его пребывание в абхазской столице, по мнению многих аналитиков, носило скорее пропагандистский характер и вряд ли было рассчитано на достижение практических результатов. В то время, когда грузинский лидер был в Сухуме, В. Ардзинба принимал в Гудауте представителей миссии доброй воли ООН, которые прибыли в Грузию по личной просьбе Э. Шеварднадзе[1]. Однако в этот приезд стало известно, что у главы Госсовета были претензии, и «очень серьезные», как он выразился, к Комиссии по контролю и инспекции. Э. Шеварднадзе считал, что «Контрольная комиссия не занимается тем, чем она должна заниматься». По его мнению, ККИ должна была заниматься следующим: «Фиксировать даже элементарные нарушения. Скажем, какая сторона первой произвела выстрел, какая сторона не выполняет требования о немедленном выводе добровольцев или наемников»[2]. Показательно, что в тот же день, 17 сентября, во время переговоров в Адлере в ответ на обвинения В. Ардзинба в адрес грузинской стороны в срыве Московских договоренностей, Т. Китовани покинул встречу[3]. В тот же день, 17 сентября, министр обороны Грузии в очередной раз заявил, что в течение 10 дней добровольцы из Северного Кавказа должны уйти из Абхазии, в противном случае пригрозил расправой над ними[4]. 20 сентября в с. Н. Эшера войсками Госсовета Грузии были задержаны члены трехсторонней комиссии по соблюдению условий Итогового документа Московской встречи[5]. И в тот же день Т. Китовани полетел на переговоры с П. Грачевым[6].

Несмотря на продолжавшиеся боевые действия и невозможность достижения компромисса воюющими сторонами, Комиссия по контролю и инспекции продолжала функционировать, и на переговорах и встречах в ее рамках составлялись и подписывались протоколы и соглашения, которые зачастую никто не соблюдал. 23 сентября был подписан очередной протокол, предусматривавший «прекращение огня с 00 часов 24 сентября; развод противоборствующих сил на расстояние

---

[1] Газ. «Известия», № 209… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-sentyabrya-1992-goda?page=0,4

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 300.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 49.

[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 65.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 54.

[6] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 49.

до 1 км от линии существующего соприкосновения конфликтующих сторон; выставление с 10. 00 часов 25 сентября в демилитаризованной зоне 4 смешанных наблюдательных постов (по направлению Гагра – Бзыпь)»[1]. Была также достигнута договоренность о том, что стороны будут способствовать созданию условий для возобновления работы Верховного Совета Абхазии с 3 октября 1992 года[2]. Однако все эти договоренности и протоколы остались на бумаге.

Позже, 4 декабря, руководитель абхазской группы ККИ по Итоговому документу Московской встречи писал: «Комиссия к началу октября подошла вплотную к возобновлению нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии. Однако в первых числах октября положение дел в Абхазии резко изменилось. Театр военных действий расширился (Гагра, Сухум, Очамчыра, Ткуарчал). Договоренности, достигнутые в Москве в ходе встречи на высшем уровне, и протокольные решения ККИ в необходимой мере перестали срабатывать. Усилия ККИ без решающего влияния руководителей сторон обстановку не улучшили. ККИ констатировала, что грузинская сторона не выполнила на тот период взятые на себя обязательства как в Итоговом документе, так и в вопросах о поэтапном выводе из Абхазии войск Госсовета и создания нормальных условий для возобновления функционирования законных органов властей Республики Абхазия. Эти обстоятельства не дали возможности и абхазской стороне выполнить в необходимой мере свои обязательства по Итоговому документу Московской встречи. В этих условиях российская и абхазская стороны (да и грузинская, в принципе, соглашалась) посчитали необходимой организацию экстренной встречи Ельцина, Шеварднадзе и Ардзинба, без которой дальнейшая деятельность ККИ становилась не просто неэффективной, но и бесполезной»[3]. Примерно аналогичного мнения придерживался и С. Кавсадзе, который еще 5 ноября сказал: «Комиссия не смогла создать механизма, способного воплотить принимаемые решения. Практически все решения комиссии, кроме развода войск под Сухуми, не были выполнены»[4].

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 186.

[2] «Российская газета», № 213… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-26-sentyabrya-1992-goda

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4 . М., 1993. С. 144–148.

[4] «Российская газета», № 241… С. 7 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-5-noyabrya-1992-goda

Последнее заседание Комиссии состоялось 1 октября. Оно проходило в Сухуме, но после того как переговоры зашли в тупик, они были продолжены в Гудауте. Там, в аэропорту, ближе к ночи были подписаны договоренности. Но после того как в 4. 30 утра поступило сообщение о массированных обстрелах абхазских позиций на Гумистинском фронте и таком же огне по грузинским позициям под Гагрой, и более того, наступлении абхазских подразделений, стало ясно: смысл дальнейших переговоров на тот момент времени был потерян. Руководитель российской делегации Ю. Воробьев доложил об обстановке в Москву, которая дала добро на возвращение. Правда, по пути в Москву самолет, по настоянию Вице-президента А. Руцкого, развернули в воздухе, и делегация опять вернулась в зону боевых действий[1]. И Россия продолжила посреднические усилия уже на фоне начала Гагрского наступления, однако, по мнению В. Пряхина, остановить кровопролитие «Москва уже была не в состоянии». Названный автор, анализируя сложившуюся к рассматриваемому времени ситуацию, писал: «Заметим, что в это самое время Кремль напрягал усилия для того, чтобы избежать опасной вовлеченности сразу в несколько непредсказуемых по своим масштабам конфликтов, в том числе и катастрофических балканских войн. Параллельно в самой России шли бурные политические процессы, в ходе которых деятели, еще вчера (в августе 1991 г.) вместе защищавшие Белый дом, вскоре схлестнулись в схватке за тот же самый Белый дом… В этих условиях миротворческих усилий Москвы оказалось явно недостаточно»[2].

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 393–396.

[2] Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве // http://www.abkhaziya.org/books/region_confl.html

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбНИЯЛИ – Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
АГНК – Ассамблея горских народов Кавказа
АГУ – Абхазский государственный университет
АКМ – автомат Калашникова модернизированный
АН – Академия наук
АНК – Ассоциация народов Кавказа
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АСЕАН – Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
БГК – большой гидрографический катер
БМП – боевая машина пехоты
БРПЛ – баллистические ракеты подводных лодок
БТР – бронетранспортер
ВВС – Военно-воздушные силы
ВДВ – Военно-воздушные войска
ВКСА – Временный комитет стабилизации Абхазии
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМБ – Военно-морская база
ВМС – Военно-морские силы
ВМФ – Военно-морской флот
ВС – Верховный Совет
ВУЗ – высшее учебное заведение
ВЧ-связь – правительственная и военная связь
ГАИ – Государственная автомобильная инспекция
ГИСХ – Грузинский институт субтропического хозяйства
ГКО – Государственный комитет обороны
ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению
ГОВД – Городской отдел внутренних дел
ГПИ – Грузинский политехнический институт

ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
ДАСи – Демократический выбор для Грузии
ДАХ – Международная адыгская хасэ
ДКБ – Договор коллективной безопасности
ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ДП – Демократическая партия
ЕС – Европейское Сообщество
ЕЭС – Европейское Экономическое Сотрудничество
ЗакВО – Закавказский военный округ
ЗИЛ – завод имени Лихачева
ИПАП – Индивидуальный план действий партнерства
ИСАФ – Международные силы содействия безопасности
ИЦ – Информационный центр
КамАЗ – Камский автомобильный завод
КБР – Кабардино-Балкарская Республика
КГБ – Комитет государственной безопасности
КГНК – Конфедерация горских народов Кавказа
ККИ – Комиссия по контролю и инспекции
ККН – Конгресс кабардинского народа
КНК – Конфедерация народов Кавказа
Компартия – Коммунистическая партия
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРВБ – крылатые ракеты воздушного базирования
ЛКСМ – Ленинский коммунистический союз молодежи
МАДО – Межрегиональная ассоциация демократических организаций
МБР – межконтинентальные баллистические ракеты
МВД – Министерство внутренних дел
МВО – Московский военный округ
МВФ – Международный валютный фонд
МГК – малый гидрографический катер
МГП – Международное гуманитарное право
МИД – Министерство иностранных дел
МЧА – Международная Черкесская Ассоциация
НАТО – Североатлантический альянс
НДПГ – Народно-Демократическая партия Грузии
НКЦА – Национальный Комитет Цхум-Абхазети
НПО – Научно-производственное объединение

НУРС – неуправляемый реактивный снаряд
НФА – Народный форум Абхазии
обком – областной комитет
ОБЭП – Отдел борьбы с экономическими преступлениями
ОВД – Отдел внутренних дел
ОКЧН – Общенациональный Комитет чеченского народа
ОМОН – Отряд милиции особого назначения
ОНН – Организация непредставленых народов
ОО – Оперативный отдел
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПВВ – Отдельный полк внутренних войск
ОУР – Отдел уголовного розыска
ПВС – Паспортно-визовая служба
ПВО – Противовоздушная оборона
ПДСА – Прогрессивно-демократический союз Абхазии
Политбюро – политическое бюро
постпред – постоянный представитель
ПРМ – «Партнерство ради мира»
РА – Республика Абхазия
РГ – Республика Грузия
РГС – ручной гранатомет специальный
РГЧ ИН – разделяющаяся головная часть с блоками индивидуального наведения
ревком – революционный комитет
реском – республиканский комитет
РКП – Российская коммунистическая партия
РОВД – районный отдел внутренних дел
РСД – ракеты средней дальности
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
СА – Советская Армия
СБ – Совет безопасности
СБГ – Совет Балтийских государств
СБСЕ – Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе
СДК – Силы для Косово
СИЗО – следственный изолятор

СЕАГ – Содружество Европейских и Азиатских государств
СМИ – средства массовой информации
СНВ – стратегическое наступательное вооружение
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНЕ – Совет национального единства
СКК – Смешанная контрольная комиссия
СОГК – Союз объединенных горцев Кавказа
СОИ – стратегическая оборонная инициатива
СП – Союз писателей
ССГ – Союз суверенных государств
ССР – Советская Социалистическая Республика
СФТИ – Сухумский физико-технический институт
SOFA – Соглашение ПРМ о статусе сил
ТГУ – Тбилисский государственный университет
УАЗ – Ульяновский автомобильный завод
УЕФА – Европейская Федерация футбола
ЦИК – Центральная избирательная комиссия
ЦК – Центральный Комитет
ЦРУ – Центральное разведывательное управление
ЦТ – Центральное телевидение
ФПО – Финансово-плановый отдел
ЧИР – Чечено-Ингушская Республика
ЧП – Чрезвычайное положение
ЧФ – Черноморский флот
ЧЭС – Черноморское экономическое сотрудничество
ЭКО – Экспертно-криминальный отдел
ЮНЕСКО – Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А
Абагба (Озбаа) Б. – 533.
Абашидзе А. И – 491.
Абашидзе И. – 109.
Абганба Е. – 517.
Абдулатипов Р. Г. – 531, 544.
Абесадзе Г. – 317.
Абрегов А. А. – 260, 520.
Абсандзе Г. – 282.
Авидзба А. Ф. – 62, 461, 535, 550, 551.
Авидзба В. Д. – 126, 129, 139, 141, 142, 176.
Авидзба В. Ш. – 117.
Авидзба (Озджан) Т. – 533.
Авидзба Э. О. – 350, 375.
Агрба Б. – 452.
Агрба В. – 78.
Агрба Г. К. – 28, 82, 352.
Агрба Д. – 371, 372.
Агрба И. Ш. – 23.
Агрба М. К. – 431.
Агрба (Ичоз) Р. – 533.
Агрба (Озджан) Х. – 533.
Адамия Г. – 466.
Адвадзе В. С. - 280, 407.
Аджба Т. Ш. – 16, 576, 599.
Аджинджал Е. К. – 5, 15, 16, 18, 56, 119, 219, 344.
Адзинба П. Х. – 131.
Адзинба (Челик) Т. – 533.
Адлейба Б. В. - 75, 76, 78, 82-84, 87, 194, 216.
Адлейба К. М. – 430.
Адлейба Р. А. – 431.
Аергь – 5.
Ажвейпш – 5.
Азванба (Каит) Ш. – 533.
Акаба Н. Н. – 135, 332, 334, 350.
Акаев А. А. – 249, 251, 290, 292, 302.
Акоп – 19, 62, 79.
Аксу А. – 533.
Акуджба (Оуз) О. – 533.
Акынджа Х. – 564.
Аламиа Г. Ш. - 17, 20, 114,115, 116, 134, 153, 166, 196, 232, 260, 261, 305, 344, 345, 349, 350, 385, 455, 534, 592.
Алания Г. Н. – 431.
Александр II – 38.
Алексидзе Л. А. – 216, 265.
Алиев А. М. – 344, 345.
Амаглобели Н. С. – 111.
Амбулахов М. – 344.
Амирэджиби Ч. И. – 62, 527.
Амичба В. А. – 131.
Амкуаб Г. А. – 25.
Анат – 4.
Анкваб А. З. – 350, 369, 375, 429, 430, 432, 437, 440, 441, 445, 491, 492.

Антелава Ю. – 274.
Ануашвили У. И. – 431.
Анцупов В. В. – 439, 440.
Анчабадзе Г. Г. – 127, 129, 141, 142, 256.
Анчабадзе Г. – 256.
Анчабадзе Л. Н. – 256.
Анчабадзе Н. А. – 432.
Анчабадзе Ю. Д. – 512, 533.
Апсынба Р. Х. – 26.
Апхазоу В. В. – 23.
Аргун А. Х. – 608.
Аргун (Улашь) А. – 533.
Аргун Г. – 257, 258.
Аргун (Алыш) З. – 533.
Аргун Е. – 517.
Аргун Ю. Г. – 112, 152, 261.
Ардзинба В. Г. – 17, 24, 32, 39, 64, 65, 70, 74, 76-79, 82, 97, 106, 114-117, 120, 142, 143, 159, 161, 171, 172, 176, 186, 187, 192-197, 211, 214-218, 221, 224-226, 234, 236, 240, 242, 244, 250, 253, 257, 262-266, 269-271, 305, 329, 333, 334, 336, 338, 339, 350, 352, 354, 358-360, 368, 369, 372-385, 412, 429, 433, 435-438, 441, 443, 444, 448-450, 455, 456, 458, 461, 464, 465, 468, 469, 475-478, 480-483, 485, 487, 491-495, 499, 500, 503-506, 509, 519, 532, 534, 537, 539, 548, 549, 551, 553-555, 560, 571-575, 578, 579, 583, 585-587, 589-596, 601, 602, 604, 606, 608-611, 613, 614.
Ардзинба Д. – 517.
Ареиааи – 5.
Арей – 4.
Арес – 4, 5.
Арешев А. Г. – 76, 353, 384, 385.
Арзиани Э. Д. – 375.
Аристотель – 8.
Арлан – 82.
Арсамиков И. – 346,
Арсанов А. – 300, 301.
Арчвадзе М. – 149, 324.
Аршба А. – 216, 226.
Аршба А. И. – 265, 352, 375, 432.
Аршба Р. А. – 78, 143, 159.
Аршба Ш. К. – 375.
Арыс – 5.
Асатиани А. Т. – 192, 222, 270, 276, 277, 295, 315, 329, 332, 334, 335, 342.
Аслаханов А. А. – 298.
Астемирова Э. – 21, 350, 354, 355, 466.
Ассур – 4.
Афина – 4.
Афы – 5.
Ахалая Г. –186.
Ахалая С. – 476, 480.
Ахба И. М. – 187.
Ахмедов Х. – 251, 296.
Ахромеев С. Ф. – 45, 47, 51.
Ацлахуа (Чолак) Э. – 533.
Ачба З. К. – 66, 153, 219, 220, 242, 263, 269, 270, 330, 338, 345, 347, 349, 350, 370, 375, 444, 448, 456-458, 491, 575, 600.
Ачиравмир – 344.
Ачмиз К. – 344, 520.
Ачугба Т. А. – 19, 25, 125.
Ачуа (Шаахин) Б. – 533.
Ашока – 6.
Ашуба (Элдыз) Э. – 533.
Ашхацава В. А. – 217, 350, 355.
Ашшур – 4.

Б

Бабурин С. Н. – 528, 538.
Багапш С. В. – 139, 350, 369, 383, 440, 448, 456, 457, 491, 492, 594, 595.
Багателия Б. – 131.
Багратион Баграт – 394.
Багратион Ираклий – 394.
Багратион Марии-Пас – 394.
Багратион Хорхе – 394.
Бадб – 4.
Бакатин В. В. – 322, 324.
Бакланов О. Д. – 287.
Бакрадзе А. – 68,103, 109.
Барамия А. Г. – 262.
Баранец В. Н. – 414, 417, 418.
Баранов Н. П. – 6-8, 13, 552.
Барганджия А. – 378.
Барганджия Д. А. – 131, 350, 375.
Барганджия М. – 23.
Барцыц Б.– 23.
Барцыц З. С. – 269.
Басанов В. – 240.
Басариа В. К. – 16, 25, 64, 71, 143, 144, 192, 421, 443, 449, 453.
Батинская Л. И. – 120.
Бахрам – 4.
Бахия Г. –356.
Бганба В. М. – 67, 350.
Бганба В. Р. – 350.
Бганба В. - 476, 538.
Бебиа Е. Г. – 23.
Бебиа П. Х. – 20.
Бегуаа О. – 5.
Бейкер Дж. Р. – 51, 52, 223, 284, 392, 393, 395, 396, 400, 407.
Беллона – 4.
Бенидзе О. Г. – 375.
Беппаев С. У. – 498, 499.
Бердяев Н. – 36.
Березовский В. – 518.
Беридзе – 170.
Берия – 109.
Берия Л. П. – 86.
Берия М. – 440.
Берия М. – 466.
Берулава В. – 383.
Берулава Ю. М. – 431.
Бест Дж. – 7, 12, 552, 554.
Бжезинский З. К. – 223, 283.
Бзаев Ю. – 413.
Бзасежев З. – 345.
Библая В. С. – 430.
Бикбулатов И. – 200.
Бирюков Н. – 240.
Бирюкова Р. – 549.
Бисмарк О. фон – 38.
Блок М. – 16, 17, 28, 35, 36.
Бобков Ф. Д. – 20, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 147, 148.
Бойко Л. – 558.
Бокучава З. – 265.
Болдин В. И. – 244, 246, 247, 253.
Бонапарт Наполеон – 34.
Боффа Дж. – 92, 162, 179, 235, 236, 240, 297.
Браун К. – 565.
Брейтвет М. – 208.
Бройдо А. И. – 14, 18, 19, 485, 487.
Брок-Утне Б. – 3.
Брух К. – 412.
Булдаев С. – 240.
Бурбулис Г. Э. – 294, 296, 297, 386, 563, 565.

Бурденко Н. Н. – 99.
Бурджанадзе Г. – 318.
Бурчуладзе Н. – 192, 263-265, 325.
Бутба Д. И. – 18, 39, 40, 517.
Буш Дж. ст. – 46, 51, 54, 250, 272, 273, 283, 284, 288, 292, 294, 303, 305, 322, 323, 392, 396, 415, 420, 558.

В

Ваагн – 4.
Вальдхайм К. – 562.
Васильев В. – 350.
Васильева О. – 17, 132, 177, 328, 465, 486, 489, 522, 530, 594.
Варахрам – 4.
Варенников – 208.
Векуа В. – 76, 385.
Веретрагна – 4.
Вернер М. – 289.
Вигнанский М. – 412, 417, 425.
Вильгельм II – 7.
Вильгельм Завоеватель – 67.
Виноградская Т. – 549.
Виссарион (Аплиа) – 344.
Владимир – 21, 54, 390.
Возба А. Б. – 219.
Воицицкий Э. – 90.
Волкова Н. Г. – 25, 107, 579.
Волконский П. – 344.
Волхонский М. А. - 25, 107.
Воробьев Ю. – 510, 610, 611, 612, 615.
Воронов – 205.
Воронов Ю. Н. – 26, 219, 257, 348, 350, 354, 375, 451, 463, 490, 491, 512, 568, 569, 593, 601, 603.
Воронцов Ю. – 309.
Вотан – 4.
Вощанов П. И. – 293, 294.
Вяткин А. Р. – 117.

Г

Габескерия Г. – 446.
Габлиа (Токаджан) М. Е. – 533.
Гавва Ю. В. – 339, 340.
Газаев П. – 423.
Гайдар Е. Т. – 46, 52, 200, 208, 236, 248, 253.
Галазов А. Х. – 210, 240, 413-415, 419, 421, 422, 424, 593.
Гали Б. Б. – 461, 522, 553, 607.
Гамахария Д. О. – 350, 375, 376, 384, 457, 459.
Гамгия В. – 452.
Гамзардия М. В. – 375, 431, 439.
Гамкрелидзе Т. – 100.
Гамсахурдиа З. К. – 17, 21, 23, 61, 62, 68, 73, 82, 83, 85, 88, 94, 110, 113, 139, 146-150, 163, 185, 186, 188-196, 201, 203, 206, 207, 209-214, 216, 218-227, 229-234, 242, 244, 246, 250, 256, 261, 264, 266, 268, 272-274, 276, 277, 280-285, 310-316, 318-324, 329, 331-336, 338, 341, 342, 347, 348, 351, 354-356, 358-360, 365, 367, 372, 373, 376, 378, 380, 391-394, 399, 401, 402, 405, 407, 411, 418, 420, 421, 426, 435, 442, 447, 464, 465, 474, 535, 560.
Гамсахурдиа К. С. – 110, 146-148, 324, 342, 374.
Гарримос Э. – 412.
Гасвиани А. – 350.
Гачев Г. – 12.

Гвадзабия Д. – 350, 358, 378, 382.
Гвазава Э. А. – 350, 354, 379, 466.
Гварамия А. А. – 105-108, 112, 350.
Гвашев Р. – 261, 344, 346.
Гвенцадзе Р. – 435-437, 441, 480, 490.
Гвенцеладзе Т. – 261.
Гвинджия В. – 125.
Геббельс Й. – 39.
Геншер Г.-Д. – 392, 395, 403, 406.
Георгадзе И. – 467-469, 498.
Георгадзе П. – 423.
Георгий – 163.
Георгобиани Б. – 265.
Гераклит – 8.
Геринг Г. – 358.
Геровит – 4.
Гечба Г. – 517.
Гиоргадзе Н. – 316.
Гицба Т. Ш. – 56.
Гиренко А. Н. – 153.
Гобозов В. – 344.
Гогебашвили Я. С. – 32.
Гогжян Л. Р. – 352, 371.
Гогия Р. А. – 431.
Гогохия Т. – 350.
Гогуа А. Н. – 72, 78, 81, 120, 153.
Гогуа Д. – 517.
Гогуадзе В. – 111, 443, 472.
Годманис И. – 296.
Голь Ш. де – 223.
Гомцкян А. – 350.
Гонар М. – 412.
Гонсалес Ф. – 289.
Горбачев М. С. – 30, 46-54, 61, 89, 98, 100, 102, 120, 148, 157, 161, 162, 166, 171, 193, 200, 202, 207, 208, 210, 231, 234-240, 242, 243, 248, 251-253, 264, 271-273, 276, 281, 282, 284, 286, 287, 291, 292, 295, 302-305, 307-310, 321-323.
Горбунов А. В. – 274.
Горгадзе Ш. – 106, 123, 127, 131, 184.
Гордин Я. А. – 37, 353.
Горизонтова Л.Б. – 375.
Горшков Р. – 181.
Грачев П. С. – 422, 546, 613.
Гребешев И. – 298.
Громыко А. А. – 45, 46.
Громыко Ю. – 28, 38.
Гулиа Г. – 589.
Гулиа К. – 446.
Гулуа Г. – 324.
Гулордава Д. – 466.
Гумба Г. Д. – 269, 344, 555.
Гумба В. – 452.
Гумбаридзе Г. Г. – 90, 92, 96, 109, 110, 115, 120, 123, 126, 128, 129, 169, 171.
Гунба И. М. – 263.
Гургулиа И. А. – 374.
Гургулиа Б. А. – 118, 131.
Гургулия М. М. – 131.
Гурджуа В. Т. – 124, 125, 350.
Гурушвили В. – 313.

Д

Дадиани М. – 440.
Дадиани Р. – 256.
Дальхофф Г. – 403, 406.
Дамения О. Н. – 134, 260, 348, 350, 450, 456, 491.
Даниэл К. – 559.
Датуашвили П. – 369.

Дбар С. П. – 20, 164, 263, 352, 364.
Дгебуадзе Р. – 350, 382.
Девдериани Л. – 256.
Дементей Н. И. – 251, 292.
Деметрешвили А. – 256.
Демин Е. – 539.
Демирель С. – 563, 565, 566.
Демокрит – 8.
Демуриа-Костава О. – 148.
Денцер М. Э. – 250.
Депелян М. – 350.
Джавахишвили И. – 119.
Джаиани Д. – 76, 81, 466.
Джакели – 181.
Джакели Д. – 181.
Джаловян М. – 350.
Джамбеков Л. – 346.
Джандубаев Р. – 344.
Джанелидзе Д. – 82.
Джапаридзе Т. – 561.
Джапуа Б. Р. – 18.
Джапуа З. Д. – 23.
Джапуа Т. Ш. – 17.
Джаримов А. А. – 515, 520, 544, 579, 594.
Джачвилиани К. – 350, 369, 379, 356, 358, 457.
Джгамадзе М. – 466.
Джгамадзе Ш. – 86.
Джгубурия З. – 350.
Джергения А. М. – 18, 265, 359, 375, 448.
Джикирба А. В. – 217.
Джикирба Г. Ш. – 20.
Джикия А. – 466.
Джинджолия К. К. – 350.
Джинджолия С. Р. – 350.
Джинджулия Э. – 213-215.
Джинчарадзе М. А. – 350.
Джиоев У. – 423.
Джоджуа Д. – 21, 22, 427, 471, 478.
Джонуа Н. Т. – 153, 269.
Джорджадзе И. – 100.
Дзидзария Г. А. – 66.
Дзиндзибадзе К. - 20, 38, 39, 448, 511.
Дзодзуашвили М. – 336.
Дзуцев Б. – 415.
Дзяпшба Л. Ю. – 439-441.
Дихаминджиа Т. – 102.
Доббс М. – 558.
Долгачев Г. – 421.
Домая К. – 232.
Допуа Г. Х. – 455.
Дощенко А. О. – 431.
Дробижева Л. М. – 19, 136.
Дронов – 182.
Дубинская О. Д. – 476, 538, 604.
Дудаев Д. М. - 223, 299, 300, 301, 348, 372, 373, 521, 528.
Думаа К. Н. – 170, 405, 429, 443.
Думаа (Думан) С. – 533.
Дюма Р. – 403.

Е

Едживит Б. – 455.
Еижое (Инарыр) М. – 533.
Ельцин Б. Н. – 17, 53, 147, 167, 184, 199, 200-202, 208, 227, 229-231, 234, 235, 237-240, 242-244, 250, 251, 253, 279-281, 287-292, 294-297, 300-306, 307, 309-311, 316, 317, 325, 327, 348, 349, 386, 392, 394-397, 401, 404, 409, 413, 415, 417, 419-422, 427-429, 439,

459, 504, 514, 519, 521, 523, 526, 531, 537, 539, 542-544, 547, 548, 550, 570, 571, 573, 578, 581-593, 595, 596, 599-602, 607, 614.
Емельяненко В. – 503.
Емельянов – 109.
Еник – 141.
Енукидзе Г.Н. – 110, 119.
Ерин В. Ф. – 422.

Ж

Жемухов С. – 512.
Жидков С. – 19, 163, 276, 285, 362, 367, 374, 375, 398, 407, 414, 418, 421, 438, 454,465, 480, 506, 576.
Жириновский В. В. – 585.
Жордания О. – 132.
Жоржолиани Г. – 21.
Жоржолиани Т. – 215, 394.
Жукова Л. В. – 158.
Журавлев – 311.

З

Заболотный В. – 7.
Завгаев Д. У. – 240, 298, 299.
Зантариа В. К. – 17, 116, 142, 143, 348, 350, 457, 491.
Зарандия В. И. – 380, 383, 436, 456-458.
Зарипов Р. – 600.
Захаров В. А. – 25, 76, 107, 353, 384, 385, 408, 462.
Званба С. Т. – 105.
Зверев А. – 19, 92, 98, 99, 183, 191, 204, 206, 210, 226, 332, 422, 496, 522, 523, 538, 542, 608.
Зебелян А. – 350.
Зеикидзе Д. – 475.
Зелилов И. – 375.
Зотов В. – 240.
Зульцман Р. – 38.
Зухба В. – 125.
Зухба С. Л. – 5.
Зухбая О. Г. – 75, 108, 111, 127,
Зухбая О. – 350.

И

Ибргимбейли Х. М. – 344.
Иванов В. В. – 120, 131.
Иванов В. – 556.
Илларионова Т. – 25.
Илья II – 91, 189, 232, 394.
Илья Праведный – 55, 163, 173.
Инал-ипа И. – 256.
Инал-ипа Ш. Д. – 103.
Ингороква П. И. – 170.
Иноню Е. – 566.
Иоаниди Н. Н. – 219.
Иоселиани А. Ш. – 324, 337.
Иоселиани Д. К. – 163, 182, 189, 203, 204, 281, 326-328, 337, 356, 378, 393, 395-398, 448, 466-469, 472, 486, 491, 492, 494, 495, 502, 538, 539, 572, 608.
Исаков Р. – 516, 528-530, 540, 554.
Искандаров А. – 302.
Искандер Ф. А. – 78, 514.
Иштар – 4.

Й

Йодль А. – 358.

К

Кавсадзе А. (С.) – 411, 413, 422, 446, 480, 482, 576, 583, 611, 614.
Кавтарадзе Г. – 110, 216.
Каддафи М. – 288.
Казенин К. И. – 25.
Каитуко (Джанкурт) М. – 533.
Кайфу Т. – 289.
Какалия В. Ш. – 437, 439, 440, 500, 609.
Какубава Б. – 76, 81, 383, 385, 437, 438, 442, 444, 466.
Какуев А. Л. – 350, 355, 375.
Каландия Т. – 350, 368, 376.
Калашников М. Т. – 390.
Калмыков Ю. Х. – 187, 260, 370, 448, 450, 486, 487, 513, 515, 519, 520, 521, 523, 526-529, 538, 541.
Калмыкова Е. В. – 8.
Кальтенбруннер Э. – 358.
Камул – 4.
Кантемиров Г. – 413, 414.
Капба Р. – 23.
Капба Э. Э. – 225, 226, 262, 265, 267, 350, 457, 491.
Капица С. – 6, 10, 28.
Кара-Мурза С. Г. – 65-67.
Караманов У. – 251.
Каратаев С. В. – 406.
Караулов А. – 39, 480, 539, 551.
Карая Р. – 350, 466.
Каргиев Э. – 344, 345.
Кардан С. – 260.
Кардумян В. – 54.
Каримов И. – 251, 291, 292, 302
Каркарашвили Г. – 360, 361, 363, 367, 505-508, 526, 572, 574, 575, 609.
Карпов Н. – 342, 343.
Картикея – 4.
Карчаа Р. И. – 350.
Катусев А. Ф. – 201.
Кафарова Э. – 251.
Кахиани И. – 188.
Кацва Л. А. – 158.
Кация Р. Н. – 131.
Кацюбинский Д. – 578.
Качарава В. – 350.
Кашин О. – 306, 401.
Кашников Б. – 10, 11.
Кванчилашвили М. – 282.
Кварацхелия З. – 374.
Кварацхелия М. – 350.
Кварандзия Д. – 20.
Кварчиа В. Е. – 119, 131, 153, 180, 187, 219, 350.
Квачантирадзе Т. К. – 109.
Квачихия Ю. – 466.
Квилитая О. В. – 188.
Квирин – 4.
Квирквелия Т. – 181.
Квициния А. К. – 258, 269, 337.
Квициния Ю. Т. – 265, 375.
Квициния-Кацба М. – 23.
Кебич В. Ф. – 296.
Кейян С. – 269.
Кемулария Р. – 336
Кехир-ипа Б. Г. – 81.
Кецба В. В. – 219, 241, 242, 330, 344, 375.
Кецба В. И. – 23,
Кешелава Ю. – 103.
Кикнадзе А. – 406.
Кикнадзе Л. – 377, 378.

Киланава Т. – 456-458, 466,
Килба (Килбахри) Б. – 533.
Килба М. – 514.
Кипиани Т. – 256.
Киров С. М. – 77, 271.
Кисс Э. – 67.
Киссинджер Г. А. – 14, 43,44, 45, 49, 51, 223, 224, 240, 271, 272, 310, 395.
Китовани Т. К. – 21, 53, 88, 90, 96, 125, 148, 149, 163, 179, 191, 203, 204, 229, 281, 283, 310, 311-319, 323, 324, 326-328, 356, 362, 363, 368, 369, 395-398, 412-414, 422-424, 436, 437, 443, 445, 448, 466, 467, 468, 472, 474, 477, 478, 492, 494,-498, 502, 503, 507, 511, 524, 546, 572-575, 588, 603, 608, 611, 613.
Киут Н. – 23.
Клаузевиц К. фон. –10, 26, 552, 562, 570.
Клинтон У. – 582.
Клитов Б. – 352.
Клумбис Э. Л. – 100.
Кобахия В. О. – 63, 79, 81, 118, 120, 121, 127, 128, 132, 137, 141, 175, 177, 183.
Кобахия Ю. М. – 432.
Коган-Ясный В. В. – 200, 201, 298-300.
Ковальчук Г. – 112.
Кожокин Е. – 571.
Козырев А. В. – 289, 306, 404, 405, 422, 429, 583, 586, 590.
Коков В. В. – 240, 255, 519, 595.
Колбая В. Г. – 178, 193, 217, 265, 267, 269, 270, 339, 350, 354, 369, 375, 379, 384, 491.
Колбин Г. Н. – 53, 375.
Коль Г. И. М. – 288, 289.
Комиссина И. Н. – 405, 406, 464.
Конджария А. – 141, 152.
Кондратьев Г. Г. – 611.
Коппитерс Б. – 9-11, 13, 19, 132-135, 283, 332, 333, 401-403, 487, 558.
Копышев Е. – 490.
Коржаков А. В. – 537.
Коридзе Т. – 335, 336.
Корниенко Г. М. – 45, 47, 51.
Корнилов О. А. – 12.
Кортава А. – 441.
Костава М. И. – 62, 68, 70, 76, 82-85, 91,94, 97, 113, 121, 146, 148-150, 156, 163, 173.
Коттоев М. – 134.
Кощбай Н. – 261.
Коява Г. Д. – 375.
Кравцов В. – 143.
Кравченко Л. П. – 287.
Кравчук Л. М. – 243, 249, 292, 302, 304, 305, 419, 420.
Кривошеев Г. Ф. – 93, 127, 128.
Крылов А. Б. – 490, 538.
Крючков В. А. – 89, 96, 287.
Куадзба (Акар) В. – 533.
Кубрава А. М. – 17, 189, 392, 421, 441, 450, 453, 465, 466, 492, 504, 571, 613.
Куджба (Чатым) Н. – 533.
Кузнецов А. А. – 66.
Кузнецов В. – 548.
Кузнечевский В. – 601.
Кулумбегов Т. Г. – 204, 206, 209, 230, 320, 345, 346, 421, 424.
Кунаев Д. А. – 53.
Куправа Р. – 443.
Куправа Т. А. – 131.

Кусов Т. – 413.
Кушхабиев А. В. – 513, 515, 521, 526.

Л

Лабахуа З. А. – 166, 267, 279, 369, 383, 430, 433, 448, 491, 492, 611.
Лазар-ипа (Аидиш) Е. – 533.
Лакербай Ю. – 19.
Лакербая З. – 491.
Лакербая Л. И. – 350, 456, 491.
Лакоба Г. З. – 167.
Лакоба И. Д. – 139, 350.
Лакоба С. З. – 14, 32,61, 73, 133, 332, 335, 344, 348, 350, 360, 361, 367, 375, 383, 395, 397, 399, 402, 404, 427, 428 434, 453, 455, 459, 474, 479, 488, 496, 501, 537, 539, 542, 549, 564, 565, 576, 588, 602, 610, 613.
Лакоба Ш. Н. – 217, 269.
Ландсбергис В. В. – 274, 283.
Ланчава Г. – 369, 374, 497.
Ласуриа М. Т. – 584.
Ласурия Р. – 368.
Латария Д. – 466.
Лебедь А. И. – 85, 90-93, 101, 102.
Лежава Г. П. – 55, 59, 61, 63, 65, 69, 70, 77, 81-85, 93, 94, 97, 113, 120, 122, 123, 130, 133, 139, 157, 173, 185, 201, 245, 312, 331, 334.
Ленин В. И. – 77, 152, 268.
Леон – 19.
Леонов Н.С. – 297.
Леонтьев А. – 240.
Леселидзе К. Н. – 81, 105, 106, 472, 473, 474, 501.
Лигачев Е. К. – 91, 97.
Лилиуашвили Т. – 102.
Логинов В. А. – 219, 344, 350, 355.
Лолуа М. – 331, 445.
Ломая Т. – 498.
Ломоури Х. – 425.
Ломинадзе Г. Н. – 130, 131, 194, 258, 267-269, 271, 337, 358, 359, 366, 375, 378-380, 383-385, 429-435, 436-442, 454, 458, 465, 466, 497, 498.
Ломинашвили В. (А). Д. – 261, 262, 365, 366, 369, 466.
Лордкипанидзе М. Д. – 130.
Лордкипанидзе Т. – 90, 184,
Лордкипанидзе Т. – 350, 375.
Лосев А. Ф. – 3.
Лукин В. – 397.
Лукьянов А. И. – 171, 238, 247, 264.
Лукьянова Е. А. – 160, 168,
Лушников Ю. – 301.

М

Маан О. В. – 256.
Магамедов М. – 344, 612.
Майсурадзе Д. – 510.
Макаров Н. Ф. – 203, 390.
Мамаладзе З. – 181.
Мамардашвили М. К. – 62, 63, 183, 185, 190.
Мамулия Г. – 181.
Мангала – 4.
Манго М. И. – 120.
Мандевиль Л. – 238.
Манукян В. – 223.
Маргания Д. – 256.
Маргания Е. В. – 256.
Маргиашвили С. – 495, 497.

Маркс К. – 103.
Марр Н. Я. – 114
Марс – 4.
Маршан Ю. – 517.
Маршания З. – 105.
Маршания Л. В. – 21, 69, 75, 76, 84, 87, 95, 123, 216, 355.
Маршания М. – 256.
Маршания Т. – 256.
Марыхуба (Мархолия) И. Р. – 19, 25, 29, 112, 119.
Маслюков Ю. Д. – 200.
Маслюшкин – 205.
Махачев Н. – 345.
Махкамов К. М. – 251, 291, 292.
Мгалоблишвили Н. – 76, 77, 105, 106, 110, 194, 195, 216, 263, 334, 336, 344, 345, 350, 457.
Мгеладзе Д. – 188.
Медведев Д. А. – 460, 465.
Медведев Р. А. – 241.
Медвенский Н. В. – 20, 490, 525, 536, 550, 558, 567, 607.
Медушевская О. М. – 16.
Мейджор Дж. – 288, 289, 402, 464.
Меллер М. – 550, 607.
Меремкулов А. – 345.
Месхия Н. Ш. – 22, 23, 31, 104, 132, 177, 178, 194, 195, 350, 354, 355, 358, 359, 362, 366, 369, 375-380, 384, 385, 443, 448, 454, 456-458, 466, 472, 491-493, 496-498, 507, 508.
Мечитов Ю. – 21.
Мешвелиани Г. – 466.
Мжавия Т. – 350.
Микадзе А. – 274, 466.
Миканба В. Т. – 141, 175, 269.
Миканба З. – 256.
Микеладзе А. – 105-107.
Микитаев А. – 260.
Миллер М. – 344.
Миминошвили Р. – 60 83, 101, 116, 137.
Минзаев А. – 166.
Мирвелов Б. Г. – 352.
Мирзобеков А. М. – 593, 612.
Мирошниченко В. – 269.
Мирсаидов Ш. – 296.
Миттеран Ф. М. – 238, 289.
Митяев В. Г. – 19, 334, 405, 408, 462, 486.
Михайлов В. – 83, 84.
Михайлов С. А. – 406, 408, 462.
Мнацаканян Г. – 21.
Монтескье – 568.
Моро А. – 146.
Морриган – 4.
Музаев Т. – 177, 486, 489, 522, 530.
Мурадов С. – 296.
Мурванидзе Б. Ю. – 422, 550.
Мурылев А. – 580.
Мусалаев – 344.
Муталибов А. Н. – 246, 292, 296, 302.
Мучаидзе Г. – 214.
Мхитария Г. А. – 375.
Мэтлок Д. Ф. – 223, 250.
Мялль Л. Э. – 557.
Мяло К. Г. – 20, 88, 93, 102, 205, 207, 498, 511.

Н

Набиев Р. – 291.
Нагарнина О. – 350.

Надарейшвили Т. В. – 165, 256, 264, 350, 354, 357, 365, 366, 369, 375, 378, 379, 384, 435, 442-444, 448, 454, 457, 465, 466, 491, 492, 497, 498, 509, 587, 592.
Назарбаев Н. А. – 239, 250, 251, 253 287, 290, 292, 296, 302, 305, 386, 395, 538.
Накасонэ Я. – 395.
Налоев З. – 260
Нанба Т. – 112.
Нанэ – 4.
Нартоков В. – 370.
Натадзе Н. – 100, 145.
Науменко Л. И. – 12, 13.
Начкебия Л. Ш. – 430.
Нейт – 4.
Немаин – 4.
Непрошин А. Ю. – 18, 121, 226, 328.
Нессементо Э. А. – 396.
Нижельский А. – 509.
Никитченко В. – 530.
Николаев В. – 501.
Николаев М. – 240.
Никсон Р. М. – 232, 272, 273.
Нино – 222.
Нинурта – 4.
Нишанов Р. А. – 119, 187, 209.
Ниязов С. А. – 292, 302.
Нодия Г. Г. –19, 55, 62, 68, 96, 147, 148, 280, 332, 333, 449, 534, 535.
Нодия Г. – 396,
Нур-Давлетов О. – 389.

О

Один – 4.
Одиссей – 35.
Озал Т. – 563-565.
Озган К. К. – 81, 137, 345, 346, 350, 354, 375, 455-457, 491, 594, 595.
Озов А. – 520, 605.
Оманидзе М. – 195, 216, 226, 262, 315, 317, 324.
Ондар Ч. – 240.
Орахелашвили М. Д. – 77.
Орджоникидзе Г. К – 154.
Орлов В. – 227.
Отырба Р. Ш. – 441.
Очерцов В. – 291.
Очилов В. – 262.

П

Пааташвили Т. – 578.
Павел VI – 146.
Павлов В. С. – 236, 251, 287.
Павшенцев А. Ю. – 123.
Палаха Я. – 57.
Панджикидзе Г. И.–60, 83, 101, 116, 137.
Панкин Б. Д. – 317.
Папаскири З. В. – 21, 61, 63, 70, 71, 75-77, 81-83, 99, 103, 107-114, 125, 131, 132, 143-145, 156-158, 163, 164, 166, 189, 193-195, 214, 215, 329, 333, 334, 336, 350, 354-357, 366, 371, 372, 376, 379, 384, 437, 438, 446, 447, 456-458, 465, 466, 478, 570, 584, 600.
Папба С. – 517.
Папцава З. – 23.
Патарая М. – 384, 466.
Патиашвили Д. И. - 63, 79, 82-85, 89, 95, 96, 100, 101, 105.
Патрикеев В. А. – 268, 311, 541, 542.

Пау Ф. Д. – 567.
Пацация М. Ш. – 131, 375.
Пация М. Г. – 375, 466.
Пачалия – 141.
Пачулия В. М. – 18, 39, 40, 352, 357, 364, 372,452, 471, 472, 479, 480, 488, 494, 500-502, 508, 577.
Пеле – 396.
Перегудов Ф. И. – 119, 120, 122.
Перелыгина Л. Ф. – 120.
Перес де Куэлер Х. – 166.
Пилия Б. – 165.
Пилия Д. Г. – 350.
Пилия Д. Ч. – 350, 369, 448, 456, 457, 491, 492.
Пилия Д. (Далила) Ч. – 131.
Пирцхелиани Б. – 502.
Платон – 8.
Плотникова Т. В. – 10, 12, 13.
Подколзин Е. – 404.
Поздняков Э. А. – 7, 9, 10, 13, 26.
Польшин Н. С. – 431.
Попов Г. – 366.
Поповский С. - 536, 549, 567.
Попхадзе Г. – 274.
Портников В. – 601, 605.
Потехин В. – 10.
Прааг М. В. – 534.
Пречан В. – 57.
Примаков Е. М. – 397.
Пруидзе В. – 466.
Прунскине К. – 283.
Пуго Б. К. – 287, 292.
Путкаридзе Д. – 59.
Пчелов Е. В. – 161, 178.
Пряхин В.Ф. – 404, 615.
Пэ О. – 19, 562.

Р

Раджаб Ф. – 259, 260.
Размадзе В. А. – 129, 138, 139, 143, 144, 184, 225, 227, 341.
Разоренова М. – 20, 38, 39, 448, 511.
Разумовский Г. П. – 89.
Рапава Т. А. – 430.
Рахимов М. Г. – 240, 248, 549.
Рашидов И. – 346.
Ревенко Г. – 247.
Рейган Р. У. – 43-46, 47, 49-51, 223, 224, 396.
Ремакль Э. – 19, 562.
Рогава Д. – 466.
Родионов И. Н. – 94 100-102.
Розин А. – 389, 500, 501, 509, 539.
Рубин Д. И. – 34.
Ругевит – 4.
Руссо Ж-Ж. – 568.
Руставели Ш. – 54, 63, 86, 103, 109, 155, 163, 315, 319, 351, 437.
Руцкой А. В. – 294, 299, 300, 301, 404, 419, 422, 518, 544, 550, 615.
Рюйтель А. – 275.
Рябов В. П. – 59.

С

Сабанадзе Э. – 424.
Савельев В. Н. – 593.
Сагалар Ф. – 564.
Сагариа Б. Е. – 23, 25, 63, 174, 217, 375.
Сагинадзе Б. – 431.
Саидов А. – 344.
Сакания М. А. – 432.
Салакая Ш. Х. – 6.

Салуквадзе – 106.
Саманба Л. Х. – 23.
Сахаров А. Д. – 62, 241.
Сенявская Е. С. – 9, 10.
Семерикова Е. Г. – 76, 353, 384, 385.
Серебренников В. В. – 9, 10.
Серебряков В. Г. – 470, 510, 611, 612.
Сет – 4.
Сигуа Д. – 466.
Сигуа Т. И. – 192, 313, 314, 323, 325, 327, 328, 354, 364, 369, 390, 393, 395, 398, 401, 411, 417, 422, 424, 443, 448, 451, 472, 477, 478, 491, 492, 494, 498, 609.
Сигуткин А. А. – 610.
Силаев Н. Ю. – 25, 107.
Силаев И. С. – 288, 293, 295, 296.
Силвадзе – 170.
Силков С. В. – 34.
Симонов В. – 547, 548.
Симонян Р. Х. – 158, 208.
Сиуакоатль – 4.
Сичинава Р. Б. – 379.
Сканда – 4.
Слипченко В. – 7, 8.
Смаль В. Д. – 432.
Смит Д. – 10-13.
Смыр Л. Г. – 105, 106, 111, 131.
Снегур М. И. – 254, 296, 418, 419.
Собчак А. А. – 85, 94, 101, 102, 201, 274.
Согрин В. – 253, 287, 290.
Соколов А. В. – 205, 206, 209, 425, 426.
Солженицын А. И. – 241.
Сосламбеков Ю. Э. – 344, 345, 348, 364, 515, 521, 522.
Сосналиев С. А. – 20, 500, 514.
Спиридонов Ю. – 240.
Спиридонова М. – 601.
Сталин И. В. – 32, 33, 62, 66, 74, 86.
Станкевич С. – 297.
Старовойтова Г. В. – 399.
Стародубцев В. А. – 287.
Степанов В. – 240.
Степашин С. В. – 487, 523.
Стерлигов А. – 544.
Стоун К. Д. – 562.
Студиникин А. – 18.
Суанов С. – 423.
Сулухия М. – 466.
Сунь-цзы – 8.
Сухарев А. Я. – 140, 142,
Схаляхо А. – 520.

Т

Тавхелидзе М. – 274.
Тактакишвили Г. – 215.
Таразевич С. – 187.
Тарба А. – 104.
Тарба Д. Н. – 350.
Тария А. М. – 17.
Таркил С. Р. – 120, 126, 127, 137.
Тарнава Л. М. – 16, 17.
Татуайлер М. – 279.
Тахо-Годи А. А. – 4.
Тезиев О. – 413, 421, 423.
Тейшеба – 4.
Темиров У. Е. – 603.
Тер-Петросян Л. А. - 54, 221, 222, 246, 296, 395.
Тескатлипока – 4.
Тизяков А. И. – 287.

Тишков В. А. – 427, 484-486, 520, 523.
Ткебучава А. – 375, 413.
Ткебучава Е. – 431.
Ткебучава Ф. – 11, 113.
Толпежников В. Ф. – 99.
Тополян А. Г. – 340, 348, 350, 354, 375.
Топурия П. – 74.
Торасенко С. – 496.
Тохошвили Л. – 170.
Тренин Д. В. – 582.
Троцкий Л. Д. – 603.
Трубин Н. С. – 228.
Тубылов В. К. – 240.
Туна Р. – 517.
Турханов В. – 344.
Тушурашвили Р. – 411, 424.
Тэтчер М. Х. – 44, 49, 50, 288, 292, 396.

У

Убилава Р. – 350.
Узнадзе Д. – 96.
Уицилопочтли – 4.
Улисс – 35.
Умулатова С. У. – 344.
Уридиа М. – 273, 283.
Урусов Г. – 594.
Усманов Л. – 344.
Уэбстер У. Х. – 292.
Уяма Т. – 14.

Ф

Федоров Н. В. – 548.
Федоровский – 274.
Фейсал Г. – 560, 561.
Филатов Г. – 423.
Филатов С. – 422.
Филиппов А. – 51, 54, 157, 168, 179, 199, 234, 254, 284, 285, 293, 310.
Филипс Р. – 487.
Флоренский П. Ф. – 26, 257.
Фокин В. – 251, 296.
Фоменко О. – 177.
Фоушин Н. – 9.
Фукидид – 8.

Х

Хабурзания – 141, 142.
Хагба В. – 18, 460, 470, 552-554, 557, 560, 560, 562.
Хагба К. З. –17.
Хагба Л. Р. – 471, 514.
Хаджи Ш. – 345.
Хадур – 4.
Хаиндрава Г. Л. – 326, 498.
Хаиндрава И. – 391.
Халваш А. Н. – 23
Халидов Д. – 345.
Ханефи-оглы Р. М. – 533.
Ханкаров Х. Ж. – 219.
Харебава Р. – 110.
Харчилава Р. Ш. – 441.
Хасбулатов Р. И. – 243, 248, 288, 298, 299, 306, 307, 320, 414, 415, 424, 521, 526, 544, 550.
Хасез И. – 296.
Хатажуков В. – 344, 345.
Хатам Н. – 260.
Хатиашвили О. – 262.
Хашба А. М. – 131.
Хашба Н. В. – 382.
Хварцкия В. Д. – 432.
Хварцкия М. Х. – 357, 500.

Хварцкия М. Ш. – 72.
Хетагуров С. – 413, 421-424.
Хеция – 344.
Хецуриани Ш. – 350.
Хижа Г. С. – 577, 589, 612.
Хишба В. Ф. – 63, 79, 81, 84, 86, 87, 112, 118, 120, 121, 130, 132, 142, 151, 152, 216, 266.
Хомяков А. С. – 67.
Ходер – 4.
Ходжаа Р. – 20.
Хоштария Г. – 229, 275, 322.
Хуаде А. И. – 471.
Хуаде М. И. – 471.
Хубиев В. И. – 517, 593.
Хубуа Т.– 350
Хубулиани Д. – 270, 336.
Хуньяди Я. – 67.
Хусейн С. А. – 288, 348.
Хусейнов А. – 348.
Хуштов А. – 166.
Хьюитт Д. Б. – 460, 464, 465.
Хэрд Д. – 399, 402, 464.

Ц

Царгуш Ш. К. – 23.
Царенко П. П. – 6.
Цатава Р. – 350, 368, 369, 376, 479.
Цвинария Г. И. – 23.
Цвинария И. И. – 446.
Церетели А. – 105.
Церетели И. С. – 82, 83, 85, 88, 94, 121, 322, 392.
Церетели З. – 91.
Циба А. – 225.
Циба Э. – 533.
Цобехия Г. С. – 174, 175.
Цугба В. М. – 355.
Цуладзе – 75.
Цулискири Ш. – 456-458, 466.
Цушба И. Ш. – 18, 464, 515, 517, 523, 540.
Цушба А. – 517.
Цушба С. – 153.
Цыба (Чглы) Э. – 533.
Цызба (Акалын) З. – 533.

Ч

Чавчавадзе И. Г. – 55, 61, 63, 68, 71, 80, 83, 105, 109, 113, 148, 155, 181, 351.
Чавчавадзе З. – 70, 76, 82, 83, 146, 148, 149.
Чайковский П. И. – 310.
Чалидзе В. – 190.
Чамагуа В. З. – 340.
Чанакья – 8, 9.
Чанба Н. В. – 151-153, 455.
Чанба Р. К. – 119.
Чантурия Г. О. – 68, 82, 83, 85, 94, 184, 314, 326, 327, 394, 580.
Чаушеску Н. – 315.
Чейни Р. Б. – 303.
Челидзе Ж. – 466.
Червонная С. М. – 20, 59, 60, 61, 64, 68-70, 73-75, 77, 84, 91, 97, 101, 102, 134, 135, 137, 138, 143, 145, 190, 191, 193, 333, 334, 351, 404, 423, 441, 446, 451, 453, 455, 459, 473-475, 481, 484, 487, 510, 554.
Червяков В. – 518.
Черкезия Л. – 19.
Черкезия О. Е. – 123, 126, 129.

Черненко К. У. – 46.
Чернышев А. – 563, 565.
Черняев А. – 208.
Чертинов В. – 147, 499, 536.
Черчилль У. – 34.
Чешко С. В. – 486.
Чикваидзе А. Д. - 400, 417, 425, 429, 459, 461, 462, 467-469, 583, 592, 595, 596.
Чилочава Т. – 466.
Чиракадзе А. – 227, 232, 233.
Чирикба В. А. – 19, 124, 145, 358.
Читанава Ш – 108, 127.
Читанава Ш. – 188.
Чкадуа Т. – 352.
Чкадуа Ю. В. – 153.
Чкванава З. – 64.
Чкууа (Озель) Е. – 533.
Чоларија В. – 23.
Чокуа (Чокон) О. – 533.
Чочиев А. Р. – 166, 421.
Чукбар С. – 23.
Чулков М. А. – 81, 86, 126, 128, 129, 130.
Чумаков В. Т. – 161, 178.
Чумалов М. – 334.
Чургулия О. – 63.
Чуркин В. И. – 231.
Чхеидзе В. – 374.
Чхеидзе И. – 296.
Чхеидзе Т. – 76, 149.

Ш

Шаахин Е. – 517.
Шавгулидзе Т. – 99, 101.
Шадури В. И. – 80, 81.
Шаймиев М. Ш. – 240, 244, 249.
Шаззо А. – 603.
Шакрыл Е. П. – 66.
Шакрыл К. С. – 66.
Шакрыл Т. П. – 66, 153, 192, 212, 242.
Шалашава З. – 131.
Шамба О. Б. – 19,135, 152, 261.
Шамба С. М. – 32, 61, 73, 135, 152, 153, 165, 173, 174, 187, 195, 219, 242, 344, 350, 354, 369, 383, 444, 487, 491.
Шамба Т. М. – 18, 78, 119, 120, 121, 226, 328, 445.
Шамугия Р. – 350.
Шанибов Ю. М. – 134, 145, 184, 187, 338, 344, 345, 346, 348, 349, 364, 370, 372, 410, 411, 412, 414, 428, 499, 505, 515, 521, 529.
Шапошников Е. – 386, 397.
Шарашенидзе Л. Л. – 375, 380, 389, 394, 395, 397, 436, 580.
Шария В. – 19, 495, 496, 499, 506, 574.
Шаталин Ю. В. – 138.
Шахназаров Г. Х. – 254.
Шеварднадзе Э. А. – 17, 21, 23, 39, 45, 46, 50, 52, 53, 63, 76, 88-96, 148-150, 182, 191, 201-203, 274, 281, 283, 304, 314, 315, 319-324, 326, 327, 334, 336, 361, 365-367, 370, 372-374, 380, 381, 385, 390-409, 411-414, 417-425, 427, 428, 434, 438, 439, 443, 447, 448, 450, 452, 453, 456, 459, 460, 464, 465, 467-469, 471-475, 477-483, 487-490, 492, 494-498, 503, 504, 506, 507, 522, 524-527, 535-539, 541-545, 548-550, 554, 557-559, 563-568, 570, 571, 574-577, 580-591, 594-596, 599-601, 605-607, 609, 613, 614.

Шевченко Т. Г. – 54.
Шелов-Коведяев Ф. В. - 306, 401, 589.
Шенгелая Э. Н. – 100, 182.
Шенгелия Т. Х. – 375, 466.
Шервашидзе – 256, 257.
Шервашидзе В. – 256.
Шервашидзе Г. – 256.
Шервашидзе Л. – 256.
Шервашидзе М. – 256.
Шервашидзе О. – 256.
Шеримкулов М. – 296.
Шинкуба Б. В. – 66, 78, 86, 120.
Ширак Ж. Р. – 395.
Широкорад А. Б. – 21, 38, 54, 62, 83-85, 91, 92, 96, 202, 281, 311, 326, 390, 424, 540.
Шларба В. – 125.
Шнирельман В. А. – 55.
Шойгу С. К. – 418, 423, 424, 572, 573.
Шокуев М. – 260.
Шоу Б. – 13.
Шоуа – 141.
Шульц Дж. П. – 45, 396.
Шургая В. – 420, 421.
Шутова Т. А. – 19, 26, 62, 64, 79, 88, 96, 163, 257.
Шушкевич С. С. – 302, 304, 305.

Э

Эзугбая Д. – 466.
Эмухвари Д. – 256.
Эмухвари Л. – 256.
Элугуашвили М. – 274.
Энгельс Ф. – 114.
Энио – 4.
Этлухов О. А. – 16, 603.
Эрквания – 75, 106.
Эрра – 4.
Эфендиев К. – 260.
Эшба М. – 152.
Эшба Р. – 356.

Ю

Юнонов Б. – 581.
Юрьев Е. – 387, 388.

Я

Явлинский Г. Я. – 296.
Ягельский В. – 558, 567.
Язов Д. Т. – 287, 311.
Язычба Р. Г. – 502.
Яковлев А. Н. – 274, 286, 366.
Янаев Г. И. – 181, 287.
Яремко Г. А. – 375, 383.
Яровит – 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

РАЗДЕЛ 1. АБХАЗО-ГРУЗИНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В РАМКАХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 43

*ЧАСТЬ 1. АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ: ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ
ДО РЕФЕРЕНДУМА* 43
***1. Перестройка и очередной виток конфронтации между
Грузией и Абхазией 43***
1. 1. «Новое политическое мышление» 43
1. 2. Новый этап абхазо-грузинского противостояния 57
2. «Абхазский вопрос» и события 9 апреля 1989 г. в Тбилиси 74
***3. Проблема филиала ТГУ и события 15-16 июля 1989 г.
в Сухуме 104***
4. Абхазо-грузинские отношения и «парад суверенитетов» 136
***5. От Декларации о суверенитете до избрания В. Ардзинба
Председателем ВС Абхазии 171***

*ЧАСТЬ 2. АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ НА ФОНЕ
ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СССР 197*
1. Советский референдум и абхазо-грузинские отношения 197
2. Союзный договор и абхазо-грузинские отношения 234
2. 1. Ново-Огаревский политический процесс 234
2. 2. Союзный договор и политическая ситуация в Абхазии 255
*2. 3. Независимость Грузии и советско-американские
отношения 271*
3. Распад СССР и переворот в Грузии 286
3.1. Агония и гибель Советского государства 286
3. 2. Государственный переворот в Грузии 310

4. Закон о выборах в ВС. Абхазия на фоне стремительного распада СССР 328

РАЗДЕЛ 2. АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ВОЙНЕ....353
1. Раскол Верховного Совета Абхазии и эскалация напряженности 353
2. Возвращение Э. Шеварднадзе в Грузию и позиция международного сообщества....391
3. Дагомысская встреча, или южно-осетинский абзац абхазо-российско-грузинских отношений....410
4. «Дело» об МВД Абхазии и дальнейшее осложнение 429
ситуации....429

РАЗДЕЛ 3. НАЧАЛО И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ 467
1. Агрессия Грузии против Абхазии....467
1.1. Вторжение 467
1. 2. Оккупация....491
2. Начало агрессии Грузии против Абхазии и мир....512
2.1. Добровольческое движение....512
2. 2. О российском факторе....534
2. 3. Международное сообщество....552
3. Московская встреча от 3 сентября 1992 года 569
3. 1. Стороны перед встречей. Мотивации и комментарии 569
3. 2. Переговоры в «Президент-отеле» и их Итоговый документ 584
3. 3. Деятельность Комиссии по контролю и инспекции 609

Список сокращений 616
Именной указатель 620

Аслан Фазлыбеевич Авидзба

Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.)

Книга I

Редактор *Т. Ю. Алексеева*
Корректор *Т. Ю. Алексеева*
Художник *Б. Р. Джапуа*
Компьютерная верстка *Н. Г. Гунба*

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тираж 1000. Физ. печ. л. 39,25.
Усл. печ. л. 38,32. Заказ № 46.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

2. Книга I

3. Книга I

4. Книга I

5. Книга I

6. Книга I

7. Книга I

8. Книга I

9. Книга I

10. Книга I

11. Книга I

12. Книга I

13. Книга I

14. Книга I

15. Книга I

16. Книга I

17. Книга I

18. Книга I

19. Книга I

20. Книга I

21. Книга I

22. Книга I

23. Книга I

24. Книга I

25. Книга I

26. Книга I

27. Книга I

28. Книга I

29. Книга I

30. Книга I

31. Книга I

32. Книга I

33. Книга I

34. Книга I

35. Книга I

36. Книга I

37. Книга I

38. Книга I

39. Книга I

40. Книга I

41. Книга I

42. Книга I

43. Книга I

44. Книга I

45. Книга I

46. Книга I

2*

3*

4*

5*

6*

7*

8*

9*

10*

11*

12*

13*

14*

15*

16*

17*

18*

19*

19*

20*

21*

22*

23*

24*

25*

26*

27*

28*

29*

30*

31*

32*

33*

34*

35*

36*

37*

38*

39*

40*

41*

42*

43*

44*

45*

46*

47*